ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Марина Юрлова

КАЗАЧКА

РОССИЯ, ПРОЩАЙ

МОСКВА
2023

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
(Институт Наследия)

ЮРЛОВА М. М.

КАЗАЧКА

РОССИЯ, ПРОЩАЙ

Москва
2023

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Ю76

Редактор
Владимир Владимирович Аристархов

Перевод с английского языка
Ольга Юрьевна Фадина

Ю76 **Юрлова М. М.**
Казачка ; Россия, прощай / редактор Аристархов В. В., перевод с английского Фадиной О. Ю. — М., 2023. — 494 с. — DOI 10.34685/HI.2023.31.51.005. — ISBN 978-5-86443-445-1.

Первое издание на русском языке беллетризованных воспоминаний Марины Максимовны Юрловой (1900?–1984): Кавказский фронт Первой мировой войны, Гражданская война на востоке России, русская эмиграция в Японии. Уникальная судьба автора прослеживается в культурно-историческом контексте эпохи, напоминая читателю о героических и трагических страницах нашей истории.

На первой странице обложки — фото Марины Юрловой из книги «Cossack Girl» (London — Toronto — Melbourne — Sydney, 1934 год): «Марина Юрлова сегодня».

ISBN 978-5-86443-445-1

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Аристархов
КТО ТЫ, МАРИНА ЮРЛОВА? Предисловие 6

М. М. Юрлова
КАЗАЧКА

Глава 1. Интерлюдия: 1915 год 25
Глава 2. Приключения начинаются 27
Глава 3. «Мария Колесникова» 38
Глава 4. Смотр 48
Глава 5. Барак 52
Глава 6. В дозоре 57
Глава 7. Фуражировка 64
Глава 8. Смерть Козла 71
Глава 9. Ампутация 77
Глава 10. Врач и полковник 84
Глава 11. Шехерезада 92
Глава 12. Стычка 97
Глава 13. Смерть в снегах 102
Глава 14. Великий князь наносит удар 116
Глава 15. Великий князь 130
Глава 16. Голод и жажда 142
Глава 17. Интерлюдия: 1917 год 151
Глава 18. Убийство в горах 154
Глава 19. Михаил Верещенко 159
Глава 20. Революция: 1918 год 167
Глава 21. Тюрьма в Казани 172
Глава 22. Бегство 181
Глава 23. Сумасшедший дом в Омске 196
Глава 24. Прощай, любовь 202
Глава 25. Поезд останавливается 206
Глава 26. Через Сибирь 212
Глава 27. Спекулянт 221
Глава 28. Смолянки. 1919 год 231
Глава 29. Отъезд 240

М. М. Юрлова
РОССИЯ, ПРОЩАЙ

Глава 1 245
Глава 2 256
Глава 3 268
Глава 4 279
Глава 5 285
Глава 6 296
Глава 7 310
Глава 8 319
Глава 9 326
Глава 10 330
Глава 11 349
Глава 12 359
Глава 13 366
Глава 14 375
Глава 15 385
Глава 16 395
Глава 17 400
Глава 18 409
Глава 19 423
Глава 20 429
Глава 21 440
Глава 22 461

М. Керр
ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ М. ЮРЛОВОЙ
«ЕДИНСТВЕННАЯ ЖЕНЩИНА» 467

В. В. Аристархов
ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ 470
«Казачка» («Cossack Girl») 470
«Россия, прощай» («Russia, Farewell») 479

В. В. Аристархов
И ЖИЛИ ОНИ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО?.. Послесловие 485

СПАСИБО

всем тем, кто помог отыскать и приобрести оригинальные издания книг Марины Юрловой. Без вас это издание не состоялось бы:

Наталья Николаевна Козлова (Мехико, Мексика)

Александр Михайлович и Ирина Владимировна Кундины (Биарриц, Франция)

Аветис Саркисович Назарян (Москва, Россия)

Рубен Арменакович Назарян (Ереван, Армения)

Саркис Арменакович Назарян (Ереван, Армения)

СПАСИБО

тем, кто предоставил вновь выявленные архивные документы, отражающие жизненный путь Марины Юрловой:

Александр Викторович Ефимов (Москва, Россия)

Андрей Валентинович Горбоносов (Краснодар, Россия)

В. В. Аристархов

КТО ТЫ, МАРИНА ЮРЛОВА?

Предисловие

Воспоминания Марины Юрловой никогда раньше не издавались на русском языке.

Первая её книга, «Казачка» — это уникальное автобиографическое повествование девушки, сбежавшей из дома на войну в 1914 году. Три года на Кавказском фронте; смертельно опасные ситуации, гибель товарищей и лечение в госпиталях; множество лиц самых разных сословий и разных национальностей, с которыми жизнь сводила автора в годы Первой мировой и Гражданской войны. Оставаясь патриотом, после революции 1917 года Юрлова оказывается на стороне белых — и в конце концов покидает Россию.

Вторая книга, «Россия, прощай», описывает переломный период в жизни автора — её возвращение к мирной жизни. И если первый текст интересен прежде всего как свидетельство о событиях 1914–1919 годов, то во второй книге упор сделан на внутренние переживания героини, её становление как самостоятельной личности.

Воспоминания Юрловой были опубликованы на английском языке. Книга «Казачка» («Cossack Girl») вышла в Лондоне в 1934 году[1]. Книга «Россия, прощай» («Russia, Farewell») — там же в 1936-м[2]. Третья книга, «The Only Woman» («Единственная женщина»), была издана в Нью-Йорке в 1937 году[3]. Тексты второй и третьей книг полностью совпадают. Возможно, причиной смены заглавия для амери-

---

[1] Yurlova Marina «Cossack Girl»: издательство «Cassell & Co., Ltd». (London — Melbourne — Toronto — Sydney), 1934. В газете «The New York Times» от 21 января 1934 года и от 4 марта 1934 года сообщается о выходе американского издания (издательство «The Macaulay Company»). Известно также французское издание данной книги.

[2] Yurlova Marina «Farewell, Russia»: издательство «Michael Joseph Ltd». (14, Henrietta Street, W. C. 2), 1936. («W. C. 2» в выходных данных — это почтовый индекс района Covent Garden в Лондоне.)

[3] Yurlova Marina «The Only Woman»: издательство «The Macaulay Company» (New York), 1937.

канского издания были какие-то проблемы, связанные с авторскими правами.

Вообще говоря, читать настоящее издание можно тремя способами. Первый: пропустить всё, что сказано ниже в предисловии, сразу перейти к авторскому тексту и не обращать внимания на комментарии в сносках. Перед вами — женский авантюрный роман, отчасти «про войну» (книга «Казачка»), отчасти «про переживания» (книга «Россия, прощай»). Эдакая «Анжелика» с элементами русской экзотики.

Для читателя, не заботящегося об исторической достоверности и не желающего отвлекаться на чтение комментариев — воспоминания Юрловой всё равно будут интересны как минимум в двух аспектах. Первый из них — это достаточно распространённый в литературе сюжет, который можно условно назвать «мечты и реальность». Автор живописует, как её романтические представления сталкиваются с весьма неприглядной «окопной правдой». Вторая тема, которая, как представляется, также имеет самостоятельное значение — это «женщина на войне». Причём, в отличие от Великой Отечественной войны, для Первой мировой войны участие женщин в боевых действиях пока ещё было из ряда вон выходящим событием[4].

Второй способ чтения будет интересен тем, кому приключения автора ценны не сами по себе, а в историко-культурном контексте эпохи. Для вас — настоящее предисловие, а также многочисленные сноски по тексту книги.

И, наконец, в-третьих: специалистов может заинтересовать проблематика обратного перевода на русский язык тех выражений, при помощи которых Юрлова описывала российские реалии для иностранного читателя. В таких случаях невозможен буквальный перевод; речь идёт о переводе смыслов, причём зачастую для таких явлений, которым нет аналогов в другой культуре. Проблема перевода превращается здесь в проблему межкультурного диалога. Некоторые решения для такого рода ситуаций изложены в настоящем издании в разделе «Примечания к переводу».

Итак, вернёмся к вопросу, вынесенному в заголовок: кто такая Марина Юрлова? Насколько достоверна информация, содержащаяся в её воспоминаниях? Где быль, а где авторский вымысел?

---

[4] См., например, одно из немногих мемуарных изданий по теме: *Бочкарёва М. Л.* Яшка. Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. — М., 2001. Автор, Мария Леонтьевна Бочкарёва (1889–1920) — организатор первого женского «батальона смерти».

Проанализировать текст в предисловии, не пересказывая его содержание, было бы затруднительно. По данной причине здесь уместно изложить лишь общие соображения и выводы — и пусть читатель вынесет собственное суждение, опираясь на комментарии в сносках. Назначение этих комментариев — погрузить читателя в исторический и культурный контекст того времени и места, в котором происходит действие. А также помочь отделить свидетельства реальных событий от авторских фантазий, вольных или невольных.

При составлении комментариев, связанных с событиями Первой мировой войны, использовались прежде всего воспоминания очевидцев, а также военно-исторические труды. Основные из них можно рекомендовать читателю, который захочет самостоятельно ознакомиться с темой[5].

Что касается Гражданской войны на востоке России, то её описанию посвящено огромное количество изданий и сайтов.

Критическое прочтение текста позволяет сделать следующие выводы.

1. Автор, несмотря на некоторое гимназическое образование (явно неоконченное), слабо знакома как с географией, так и с историей.

---

[5] *Шамбаров В. Е.* За веру, царя и Отечество! — М., 2003. Подробное и системное изложение событий Первой мировой войны на всех фронтах. Книга снабжена обширнейшей библиографией.

Масловский Е. В. Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917 г. — Париж, 1933. Фундаментальный военно-исторический труд, составленный на основе документов штаба Кавказской армии и воспоминаний очевидцев. Автор, Евгений Васильевич Масловский (1876–1971) — генерал-майор русской армии, генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта.

Корсун Н. Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. — М., 1946. Более краткое военно-историческое издание.

Елисеев Ф. И. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. — М., 2001. Современное переиздание 12-ти брошюр, изданных малым тиражом в Нью-Йорке в 1956–1958 годах. Автор, Фёдор Иванович Елисеев (1892–1987) — кубанский казак, участник Первой мировой войны в рядах 1-го Кавказского полка.

Сёмина Х. Д. Трагедия Русской Армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. : в 2-х книгах. — Нью-Мексико, 1963—1964. Полезный первоисточник о постановке военно-санитарного дела в русской армии. Автор, Христина Дмитриевна Сёмина (1895 — после 1964) — сестра милосердия, работавшая в госпиталях и санитарных отрядах на Кавказском фронте.

2. Кругозор автора вполне характерен для нижнего чина, с типичным непониманием общей картины происходящего на фронте и вытекающими отсюда не всегда объективными умозаключениями.

3. Готовя воспоминания к изданию в Великобритании и США, автор сознательно приукрасила их разного рода «развесистой клюквой», стремясь сделать текст более захватывающим для иностранного читателя.

Что же остаётся, если убрать из книг Юрловой все фактические ошибки, неверные выводы и просто фантазии?

Остаются личные впечатления автора о том, с чем ей пришлось столкнуться в жизни. Быт казачьей станицы начала XX века. Повседневная жизнь казаков на Кавказском фронте и их участие в боевых действиях — так, как они воспринимались с точки зрения рядового бойца. Лечение в госпиталях. Революционная смута и всеобщее ожесточение. А также описания Кавказа и Сибири, Эривани и Тифлиса и других мест. То, как всё перечисленное изложено в книгах Юрловой, даёт основание предполагать, что она действительно была на войне, мёрзла в горах Кавказа и в сибирских степях, была ранена и контужена и так далее.

Значительная часть событий, описанных в книге «Казачка», происходит на территории исторической Западной Армении. Как известно, в 1915 году Османская империя организовала геноцид армян и других христианских народов, издревле проживавших на этих землях. На момент написания книги автор не могла знать о масштабах этой трагедии. Более того, не будучи лично знакомой с представителями армянского народа, она явно отзывается об армянах с чужих слов, в пренебрежительно-снисходительном тоне. Однако Юрлова сталкивается с жертвами геноцида и голода, с армянскими беженцами, спасающимся в России, — и это тоже свидетельства очевидца о трагедии армянского народа.

Вторая книга, «Россия, прощай», запечатлела для нас ценные впечатления о жизни русской эмиграции в Японии.

Что же мы знаем о личности автора? Как следует из хронологии событий, описанных в книгах Юрловой, она убежала на фронт летом 1914 года в возрасте 14 лет. Эвакуировалась из России в Японию весной 1919 года. И, наконец, уехала из Японии в США весной 1922 года.

В книге «Казачка» приводится фотокопия «Свидетельства о болезни», выписанного на имя «добровольца-шоффёра Команды особого

назначения генерала Каппеля Марины Максимилиановны Юрловой»[6]. Указывается, что Марина Юрлова, 19 лет от роду, состоит на службе с 1914 года. Происходит из города Екатеринодара Кубанской области. Находится на излечении в госпитале с 5 апреля 1919 года. Согласно заключению комиссии врачей «Владивостокского кр. вр. госпиталя»[7], Юрлова признана «одержимой травматическим неврозом, выражающимся в истерических припадках, подёргивании мышц лица и правой руки, повышении сухожильных рефлексов, резко выраженной [*неразборчиво*]. Болезнь развилась после ранения и контузии в августе 1917 года на Кавказском фронте». Заключение комиссии: «подлежит увольнению в отпуск на два месяца», «нуждается в курортном [*лечении?*]».

А в книге «Россия, прощай» Юрлова в красках описывает, как она получала этот документ[8]. И если верить этому описанию, то в апреле 1919 года ей ещё не исполнилось 19-ти лет! Сотрудники госпиталя пошли на подлог, сделав Юрлову старше, чем на самом деле, поскольку в противном случае её нельзя было бы отправить на лечение в Японию. Согласно японским законам, несовершеннолетняя девушка без сопровождающих не могла въехать в страну. Правда, в этом месте не указывается, сколько же лет было героине в действительности.

Этот эпизод противоречит книге «Казачка», из которой однозначно следует, что Марина Юрлова родилась в 1900 году. Но есть и ещё один текст, который ещё больше запутывает ситуацию. Как уже говорилось, книга «Россия, прощай» была переиздана в США под заглавием «Единственная женщина» («The Only Woman»). Тексты воспоминаний Юрловой в обеих книгах полностью идентичны, однако американское издание снабжено предисловием британского адмирала Марка Керра[9]. С его слов мы узнаём, что он был лично знаком с Мариной Юрловой. Которая, как сообщает адмирал, убежала на фронт в возрасте… девяти с половиной лет! То есть была 1904-го или 1905-го года рождения?

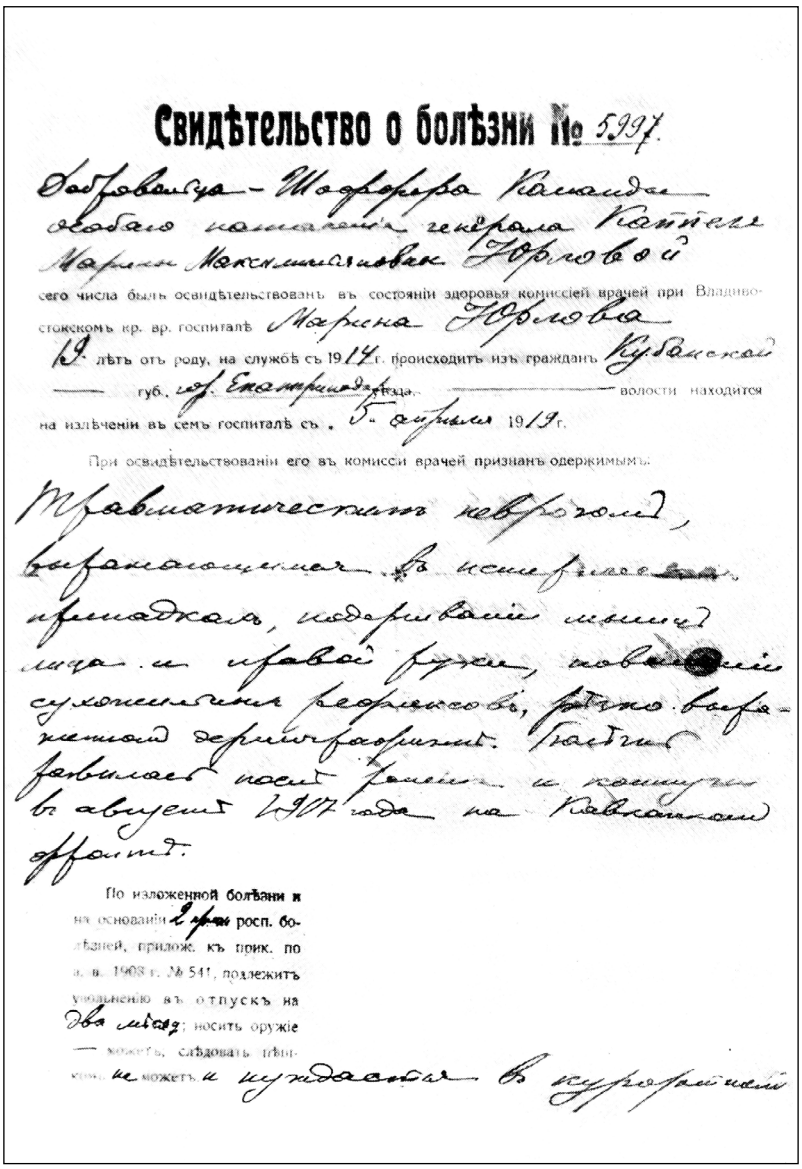
---

[6] В настоящем издании воспроизводятся все 9 фотографий, опубликованных в книге «Казачка» («Cossack Girl»). В том числе фото Марины Юрловой 1934 года — на первой странице обложки. Фотографии снабжены переводом подписей из оригинального издания.

[7] 1-й Владивостокский крепостной временный госпиталь, который располагался в так называемом «Гнилом углу» в бывших казармах 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. («Гнилым углом» в XIX — начале XX века называли окрестности современной Луговой улицы во Владивостоке, представлявшие собой болотистую низину.)

[8] Глава 14-я книги «Россия, прощай».

[9] См. русский перевод в настоящем издании.

Свидѣтельство о болѣзни № 5997.

Добровольца-Шофера Команды
особаго назначенія генерала Капгера
Марии Максимиліановн Юрловой

сего числа былъ освидѣтельствованъ въ состояніи здоровья комиссіей врачей при Владивостокскомъ кр. вр. госпиталѣ Марина Юрлова

19 лѣтъ отъ роду, на службѣ съ 1914 г. происходитъ изъ гражданъ Кубанской губ. г. Екатеринодара отд. волости находится на излѣченіи въ семъ госпиталѣ съ 5 апреля 1919 г.

При освидѣтельствованіи его въ комиссіи врачей признанъ одержимымъ:

Травматическимъ невритомъ,
выраженнымъ въ ноге правой
принадлежащей, подвижной мышцы
лица и правой руки, повлекшей
сухожилія рефлексовъ, ритмо выра-
женной дерматографизмъ. Раненъ
февраля носитъ ранѣ и контузіи
въ августѣ 1917 года на Кавказскомъ
фронтѣ.

По изложенной болѣзни и на основаніи 2 прим. росп. болѣзней, прилож. къ прик. по в. в. 1908 г. № 541, подлежитъ увольненію въ отпускъ на два мѣсяца; носить оружіе — можетъ, слѣдовать пѣшкомъ — не можетъ и нуждается въ курортномъ

Оригинальное «Свидетельство о болезни», выданное Марине Юрловой.
Из книги «Cossack Girl»

Само по себе такое вовсе не является чем-то невероятным. Считается, что самому молодому солдату Первой мировой войны, сербу Момчило Гавричу, было 8 лет. А что касается Российской империи, то общее число детей, бежавших на войну, исчислялось сотнями[10].

[10] См., например, обширный обзор с большим количеством фотографий в статье «Дети — герои Первой мировой войны» на сайте smolbattle.ru.

Основную массу их, конечно, вернули родителям, однако известны десятки подростков, которым удалось добраться до фронта и остаться при воинских частях. Юные «талисманы», как их часто называли, участвовали в боевых действиях наравне со старшими товарищами, совершали подвиги, получали награды… И погибали.

Коммунисты, правившие Россией на протяжении 70 лет, старательно искореняли память о героях «империалистической» войны. Сегодня мы очень мало знаем об этих детях-героях, детях-патриотах.

Самым молодым «сыном полка», о котором удалось найти сведения, был десятилетний Степан Кравченко, награждённый Георгиевским крестом 4-й степени[11].

Были и девочки-добровольцы[12]. В числе наиболее известных из них — например, Кира Башкирова, убежавшая на Великую войну в мужской одежде в возрасте 16 лет[13]. В кавалерийских частях на Кавказском фронте воевала 17-летняя Антонина Пальшина[14].

Так что теоретически Марина Юрлова вполне могла стать «дочерью полка» в возрасте девяти лет. Но… Во-первых, возраст совершеннолетия в Японии с 1876-го по 2018-й годы был не 19, а 20 лет. И эта деталь уже ставит под сомнение версию британского адмирала.

Во-вторых, адмирал сам вызывает определённые сомнения в своей компетенции, когда заявляет, что лично выяснил, «насколько прав-

---

[11] См. журнал «Огонёк», № 20 за 1915 год.

[12] См. также статью «Кавалеры-женщины на Первой мировой войне» на сайте smolbattle.ru.

[13] Башкирова Кира Александровна (1898–1987), из дворян города Санкт-Петербурга, убежала из дома в 1914 году и, переодевшись в мужскую одежду, поступила в команду охотников (разведчиков) 88-го Петровского пехотного полка. Награждена Георгиевским крестом 4-й степени. Вернулась домой в октябре 1917 года. В годы Великой Отечественной войны работала медсестрой в городе Мурманске. Трижды была замужем, родила двоих детей.

[14] Пальшина Антонина Тихоновна (1897–1992), уроженка Сарапульского уезда Вятской губернии, поступила добровольцем в армию в сентябре 1914 года, выдав себя за мужчину. Служила в кавалерии, участвовала в конных атаках, была ранена. После того как в госпитале выяснилось, что она женщина, — окончила курсы сестёр милосердия и была направлена на Юго-Западный фронт. В дальнейшем снова взяла в руки оружие, воевала в пехотном 75-м Севастопольском полку, была награждена Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени и получила звание ефрейтора. После революции участвовала в Гражданской войне на стороне красных, в 1920–1923 годах работала в ЧК в городе Новороссийске. В дальнейшем жила и работала в городе Сарапуле. Дважды была замужем, родила троих детей.

диво изложены события в данной книге», — и убедился, что «там всё совершенно точно». Следя за комментариями в настоящем издании, читатель увидит, что в текстах Юрловой точно далеко не всё.

Книга, к которой адмирал написал предисловие, вышла в 1937 году. Могло у Юрловой, чей возраст приближался к 40 годам, возникнуть желание выглядеть в глазах адмирала немного моложе? Могло. Адмирал поверил?..

Сделаем вывод: ни бумагам из госпиталя, ни мнению адмирала, ни воспоминаниям Марины Юрловой безоговорочно доверять нельзя. Нужно искать другие подтверждения.

Что же удалось выяснить об авторе помимо того, что она сама сообщает в своих книгах?

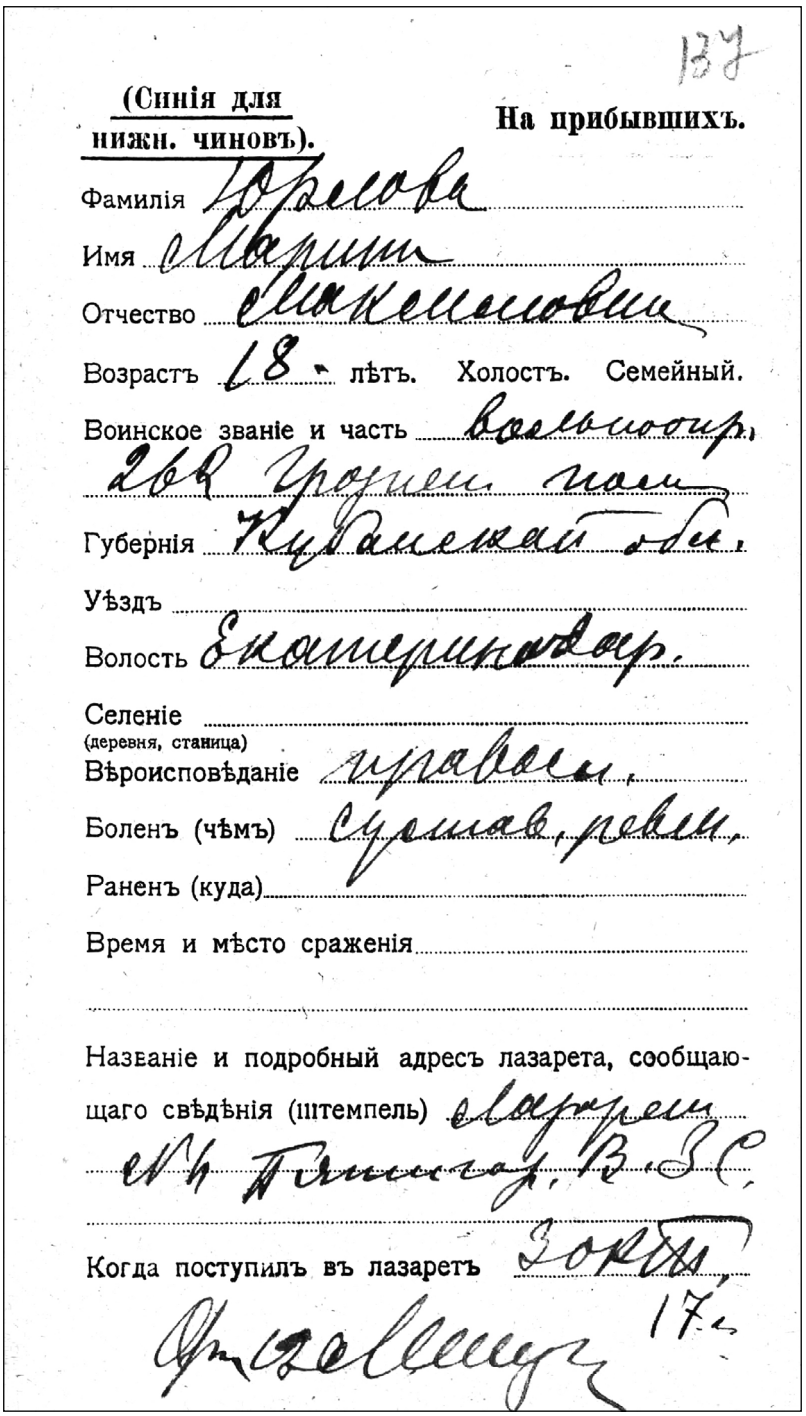
Поиск в общедоступных архивных базах дал весьма скромные результаты. Он проводился по двум именам: «Марина Юрлова» (настоящее имя автора) и «Мария Колесникова» (как пишет Юрлова, этим именем она назвалась, чтобы её не нашли родственники и не отправили из армии обратно домой[15]). Никаких упоминаний о Марии Колесниковой найти не удалось. Что касается Марины Юрловой, то она дважды фигурирует в картотеке бюро учёта потерь в Первой мировой войне, хранящейся в Российском государственном военно-историческом архиве и доступной на портале «Памяти героев Великой Войны 1914–1918 годов» (gwar.mil.ru).

В карточке от 3 октября 1917 года сообщается, что в лазарет № 4 Всероссийского Земского Союза в городе Пятигорске поступила Юрлова Марина Максимовна, 18-ти лет, родившаяся в городе Екатеринодаре Кубанской области, православного вероисповедания. Диагноз: «суставный ревматизм». В графе «Воинское звание и часть» указано: «вольноопределяющаяся 262 Грозненского полка».

В карточке от 13 октября 1917 года сообщается, что в пятигорский лазарет № 20 Всероссийского Земского Союза поступила Юрлова Марина Максимовна, доброволец 262-го Грозненского полка, уроженка города Екатеринодара Кубанской области. Диагноз: «заболела на турецком фронте».

Но в книге «Казачка» Юрлова пишет, что числилась в составе 3-го Екатеринодарского полка — то есть казачьего конного полка, относившегося к Кубанскому казачьему войску. В то время как 262-й Грозненский пехотный полк казачьим не был (хотя тоже действовал на про-

[15] Глава 2-я книги «Казачка».

137

(Синія для нижн. чиновъ). **На прибывшихъ.**

Фамилія Юрлова

Имя Марина

Отчество Викентьевна

Возрастъ 18 лѣтъ. Холостъ. Семейный.

Воинское званіе и часть волонтер. 269 Уральск. полк.

Губернія Кубанская обл.

Уѣздъ

Волость Екатеринодар.

Селеніе (деревня, станица)

Вѣроисповѣданіе православ.

Боленъ (чѣмъ) сыпной тиф.

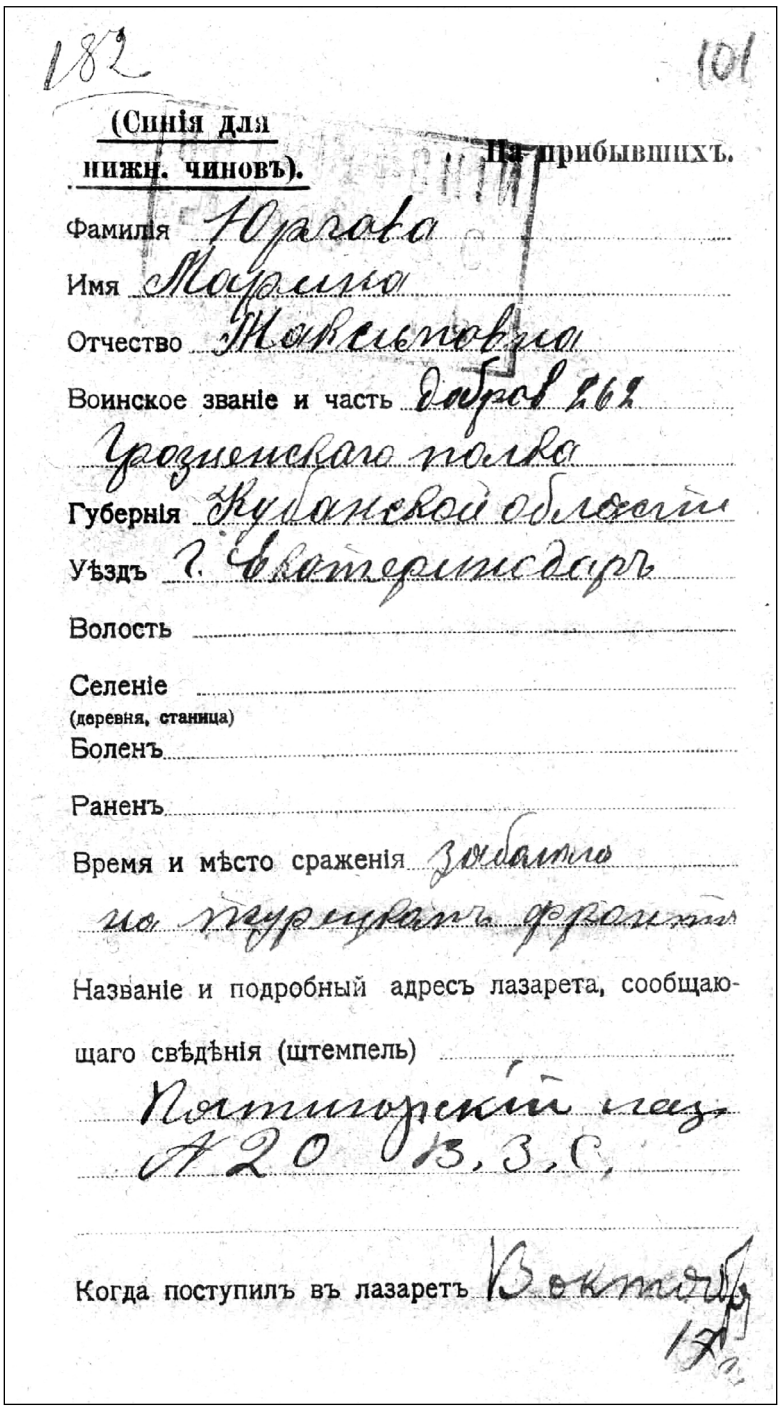
Раненъ (куда)

Время и мѣсто сраженія

Названіе и подробный адресъ лазарета, сообщающаго свѣдѣнія (штемпель) лазаретъ № 1 Петрогр. В. Б. С.

Когда поступилъ въ лазаретъ 3 окт. 17 г.

Учётная карточка от 3 октября 1917 года из картотеки бюро учёта потерь в Первой мировой войне. *Российский государственный военно-исторический архив (с портала «Памяти героев Великой Войны 1914–1918 годов» — gwar.mil.ru)*

182 101

(Синія для нижн. чиновъ). По прибывшихъ.

Фамилія Ургала

Имя Марина

Отчество Тимофеевна

Воинское званіе и часть доброволец 262 Грозненскаго полка

Губернія Кубанской области

Уѣздъ г. Екатеринодаръ

Волость

Селеніе (деревня, станица)

Боленъ

Раненъ

Время и мѣсто сраженія заболѣла на турецкомъ фронтѣ

Названіе и подробный адресъ лазарета, сообщающаго свѣдѣнія (штемпель) Пятигорскій госп. № 20 В. З. С.

Когда поступилъ въ лазаретъ 8 октября 17 г.

Учётная карточка от 13 октября 1917 года из картотеки бюро учёта потерь в Первой мировой войне. *Российский государственный военно-исторический архив (с портала «Памяти героев Великой Войны 1914–1918 годов» — gwar.mil.ru)*

тяжении Первой мировой войны на Кавказском фронте). Более того: в своих воспоминаниях Юрлова описывает, как 3-й Екатеринодарский полк участвовал в штурме турецкой крепости Эрзерум — и это участие подтверждается историками. А вот 262-й Грозненский полк на тот момент находился в армейском резерве и рядом с Эрзерумом не был[16].

Может быть, запись о принадлежности Марины Юрловой к 262-му Грозненскому пехотному полку была сделана по ошибке?[17] В уцелевших журналах боевых действий этого полка за 1915–1917 годы упоминания о ней отсутствуют. Журналы боевых действий 3-го Екатеринодарского полка, к сожалению, вообще не сохранились[18].

Далее, не были найдены записи, подтверждающие троекратное награждение автора Георгиевским крестом, — ни на фамилию Юрлова, ни на фамилию Колесникова. Впрочем, учитывая неполноту архивов и неупорядоченность многих фондов, — это не доказывает, что таких награждений не было. Полной картотеки георгиевских кавалеров на сегодня просто не существует.

Юрлова упоминает, что её отец был полковником. Однако найти сведения об офицере по фамилии Юрлов (подходящем по возрасту и месту жительства) в российских архивах не удалось (в том числе в персональной картотеке Российского государственного военно-исторического архива). Не обнаружился такой офицер и в базе данных участников Белого движения, составленной С. В. Волковым.

---

[16] См.: *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. — Париж, 1933. — С. 470, 473.

[17] Ошибки при оформлении документов на поступающих раненых, видимо, были нередким явлением. Вот, например, отрывок из воспоминаний русского философа Сергея Евгеньевича Трубецкого (1890–1949), который в 1915 году был помощником «уполномоченного» (то есть начальника) санитарного поезда:

«Однажды я обходил вагоны, спрашивая, нет ли каких-либо жалоб или просьб. Ко мне обратился один тяжелораненый.

«Вчерась сестрица тут, как всех переписывала, боюсь, меня рядовым записала», — с трудом произнёс он.

«А ты унтер-офицер?» — спросил я. — «Никак нет, — гусар я! — отвечал раненый, — а сестрица просто рядовым записала, вроде как пехота…»

(*Трубецкой С. Е.* Минувшее. — Париж, 1989.)

[18] Массовое уничтожение архивов Русской императорской армии осуществлялось в первые годы советской власти. Подробнее см.: *Щербина Т. А.* Макулатурные кампании в военных архивах России (1919–1931 гг.) // Отечественные архивы. — № 2. — 1993. — С. 24–28.

Марине Юрловой посвящена статья в «Википедии», но всё её содержание сводится к неаккуратному пересказу книги «Cossack Girl». Ровно та же отрывочная информация повторяется в ряде изданий, на которые ссылается «Википедия».

Не увенчались успехом поиски сведений о Марине Юрловой в Государственном архиве Краснодарского края — как в метрических книгах церквей города Екатеринодара, так и в сохранившихся фондах женских учебных заведений[19].

---

[19] Вот перечень просмотренных фондов Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), где не были обнаружены сведения о Марине Юрловой.

Метрические книги записей о рождении, браке и смерти (ф. 801, оп. 1):

— д. 26 и д. 27: метрические книги Александро-Невского собора за 1899 и 1900 годы;

— д. 126–132: метрические книги Дмитриевской церкви за 1899–1905 годы;

— д. 160: метрические книги Екатерининской церкви за 1897–1900 годы;

— д. 181 и д. 182: метрические книги Кладбищенской церкви за 1899 и 1900 годы;

— д. 213: метрическая книга Николаевской церкви за 1899 год (метрическая книга этой церкви за 1900 год отсутствует);

— д. 242 и д. 243: метрические книги Покровской церкви за 1899 и 1900 годы;

— д. 278: метрическая книга Скорбященской церкви за 1898–1900 годы;

— д. 309: метрическая книга Успенской церкви за 1899 год.

Архивы Управления Таманского отдела Кубанского казачьего войска (ф. 418, оп. 1):

— д. 3867: «Дело о разборе жалоб жителей отдела на должностных лиц Раевского станичного правления по долговым и земельным вопросам. 1901–1902 гг.»;

— д. 4450 «Жалобы жителей на должностных лиц Раевского станичного правления по вопросам быта и не розыск скота. 1902–1903 гг.»;

— д. 4944 «Жалобы жителей на должностных лиц Раевского станичного правления по вопросам землепользования, опеки и неправильное взыскание долгов. 1903–1904 гг.»

Фонды женских учебных заведений:

— Кубанское Мариинское женское училище — ф. 469, оп. 1, д. 243: «Свидетельства, аттестаты, экзаменационные листы учащихся и прошения лиц о зачислении их детей в училище и послужные списки просящих. Буквы Ш, Щ, Ю», без даты;

— 2-я Екатеринодарская городская женская гимназия — ф. 485, оп. 1, д. 49: «Четвертные ведомости об успеваемости учащихся за 1913–14 учебный год»;

— 3-я женская гимназия Министерства народного просвещения — ф. 560, оп. 1, д. 10: «Адреса учениц гимназии на 1913–14 гг.»;

Зато следы Марины Юрловой удалось найти за океаном, в Америке, куда она переехала в 1922 году! Увы, по степени открытости архивных фондов США пока сильно опережают Россию. Равно как и по удобству поиска в архивах. За океаном оцифрован огромный массив документов, с которым легко работать.

О жизни нашей героини в Соединённых Штатах Америки мы поговорим в послесловии. Здесь же пока перечислим те сведения о происхождении Марины Юрловой, которые удалось выявить в американских документах.

Прежде всего, из базы данных о захоронениях «Find a Grave» (www.findagrave.com) мы узнаём, что Марина Максимилиановна Юрлова родилась в городе Екатеринодаре 25 февраля 1900 года[20].

Далее, удалось обнаружить свидетельство о браке (Certificate of Marriage) Марины Юрловой, датированное 15 декабря 1925 года[21]. (Любопытно, что в графе «возраст» у Юрловой здесь стоит цифра 24, а не 25.) Об её американском муже мы расскажем в послесловии к настоящему изданию. Пока же нас интересуют имена родителей невесты, указанные на обороте свидетельства о браке. Это Максимилиан Юрлов (Maximilian Yurloff) и Полина Волкова (Pauline Volkoff).

Юрловы — не самая редкая фамилия. Но зная имена отца и матери Марины Юрловой, можно поискать упоминания этих Юрловых в метрических книгах церквей города Екатеринодара.

В метрической книге записей о рождении, браке и смерти Дмитриевской церкви города Екатеринодара за 1904 год была обнаружена запись о рождении 2 марта девочки, крещёной 7 марта под редким

— 5-я Екатеринодарская городская женская гимназия — ф. 486, оп. 1, д. 2: «Личные дела учащихся, 1912–1920 гг.»; д. 4: «Личные дела учащихся, 1914–19 гг.»;

— 4-е Екатеринодарское одноклассное училище Дирекции народных училищ Кубанской области — ф. 726, оп. 1, д. 3: «Списки окончивших училище за 1897–1920 гг.»; д. 4 «Списки окончивших училище за 1900–1919 гг.»

Существовала также 4-я Екатеринодарская городская женская гимназия, но её фонд отсутствует. Кроме того, в 1914 году в Екатеринодаре было 14 женских двуклассных училищ, 11 женских одноклассных училищ и ещё около десятка одноклассных смешанных училищ — однако их фондов тоже нет, за исключением фонда 4-го Екатеринодарского одноклассного училища (смешанного).

[20] В базе данных в качестве места рождения указано «Краснодар». См. стр. 492 настоящего издания.

[21] См. стр. 486–487 настоящего издания.

именем Пиама[22]. Её родители: Пензенской губернии, Саранского уезда, Салминской волости крестьянин Максим Евфимов Юрлов и законная жена его Пелагия Иванова, оба православные.

Другая запись — в метрической книге той же церкви за 1905 год: о рождении 15 сентября мальчика, крещёного в тот же день под именем Стефан[23]. Сведения о родителях те же, но добавлено, что отец родом из деревни Александровки.

Можно ли предположить, что Максим Евфимов Юрлов и Пелагия Иванова — это и есть родители Марины Юрловой? А Пиама и Стефан[24] — это её младшие брат и сестра.

Выше упоминалось, что в карточках о ранении, заполненных в 1917 году, у Марины Юрловой отчество Максимовна. А в документе, выданном во владивостокском госпитале в 1919 году, как и в американском свидетельстве о браке, отчество меняется на Максимилиановну. Видимо, последнее показалось ей более благозвучным… Надо полагать, по тем же соображениям имя матери было записано в американском свидетельстве о браке как Полина, а не Пелагия. (Остаётся открытым вопрос: почему в американском свидетельстве о браке фамилия матери указана как Волкова, а не Юрлова? Возможно, Волкова — это её девичья фамилия.)

Отсутствие записей о рождении Марины Юрловой в метрических книгах церквей города Екатеринодара заставляет сделать ещё одно предположение: может быть, она родилась до переезда родителей в Екатеринодар? Упомянутый выше Максим Евфимов Юрлов происходит из Саранского уезда Пензенской губернии — то есть из

---

[22] ГАКК, ф. 801, оп. 1, д. 131, л. 30 об. — 31, запись 74. Напомним, что в дореволюционных метрических книгах даты указываются по старому стилю.

Согласно православному месяцеслову, день памяти преподобной девы Пиамы Александрийской отмечается 16 марта.

[23] ГАКК, ф. 801, оп. 1, д. 132, л. 99 об. — 100, запись 273.

[24] Биография младшего брата Марины Юрловой не имеет прямого отношения к теме нашего исследования. Тем не менее отметим, что сведения о нём обнаружились на сайтах «Память народа 1941–1945» (pamyat-naroda.ru) и «Подвиг народа 1941–1945» (podvignaroda.ru). Стефан Максимович Юрлов, русский, 28 сентября 1905 года рождения (по новому стилю), прошёл всю Великую Отечественную войну от начала и до конца. Был неоднократно ранен. Награждён орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Сталинграда». Уволен в запас 6 марта 1946 года в звании капитана.

современной Мордовии. Деревня Александровка Салминского уезда относилась к приходу села Трофимовщина.

Обращение в Центральный государственный архив Республики Мордовия, к сожалению, не дало результатов. В метрических книгах церкви села Трофимовщина за 1898, 1899, 1901, 1902 и 1903 годы не удалось обнаружить записей ни о ком из упомянутых Юрловых. А метрическая книга церкви села Трофимовщина за 1900 год — это наиболее вероятная дата рождения Марины Юрловой — в архиве вообще не числится![25]

В воспоминаниях Юрлова объявляет себя потомственной казачкой и сообщает, что её отец был полковником[26]. Если в найденных документах действительно идёт речь о родителях нашей героини, то, значит, на самом деле она относилась не к казакам, а к иногородним жителям Кубани. Отчасти это может объяснить её не очень хорошее знакомство с историей казачества, а также желание указать более «благородные» имена для отца и матери.

Здесь уместно ещё вспомнить утверждение британского адмирала, что будто бы Марине Юрловой летом 1914 года было девять с половиной лет. Вправе ли мы предположить, что Пиама Юрлова, родившаяся в 1904 году, — это и есть Марина? Которой, допустим, не нравилось странное имя «Пиама», и, убежав из дома, она решила заодно сменить имя на Марину…

Представляется, что такое предположение было бы ошибочно. Оно противоречит слишком многим эпизодам, изложенным в книгах Юрловой. Например, о том, что Юрлова умела водить автомобиль, мы знаем как из её воспоминаний[27], так и из документа, выписанного в госпитале. Обучение шестнадцатилетней девушки в автошколе — необычно (для 1916 года), но возможно. Обучение 12-летней девочки — абсолютно неправдоподобно.

Версия о том, что наша героиня родилась в 1904-м году, противоречит также и всем известным нам документам, с ней связанным.

Наконец, необходимо упомянуть ещё об одной доброволице, чья судьба может быть связана с нашей героиней. В публикациях,

---

[25] Центральный государственный архив Республики Мордовия, ф. 57, оп. 4, дела 402 (1898), 430 (1899), 510 (1901), 561 (1902), 615 (1903). Архивный поиск проводил Илья Андреевич Лягущенко.

[26] См., например, главу 2-ю книги «Казачка».

[27] Глава 15-я книги «Казачка».

посвящённых женщинам, воевавшим на фронтах Первой мировой войны, упоминается Варвара Порфирьевна Кушнир, казачка станицы Дербентской Кубанской области[28]. А в Государственном архиве Краснодарского края хранится приказ № 909 от 15 декабря 1915 года по Кубанскому казачьему войску, в котором сообщается: «казак ст. Дербентской Василий Кушнир, она же Варвара Кушнир зачислена охотником в 3-й Екатеринодарский полк»[29]. Тот самый полк, в котором якобы служила Марина Юрлова!

На сайте «Кубанская генеалогия» (http://kubangenealogy.ucoz.ru/) опубликовано фото Варвары Кушнир, предположительно (насколько можно судить по данному снимку) с Георгиевской медалью на груди[30].

Детали биографии Варвары известны нам из статьи кубанского краеведа Алексея Михайловича Кистерева «Расстрел у горы Лысой», опубликованной в газете Северского района Краснодарского края «Зори Октября»[31].

Описывая пребывание Варвары Кушнир на Кавказском фронте, Кистерев упоминает, что после ранения она лечилась «в грузинском госпитале». В конце Гражданской войны вышла замуж за Григория Останченко, бывшего офицера-инвалида. 12 августа 1920 года родился их сын. А спустя короткое время Григорий был убит красными карателями. Кровавое «расказачивание» не пощадило и родителей Варвары: её отец, мать и дядя вместе с другими станичниками были взяты в заложники и расстреляны. Самой Варваре какое-то время удавалось скрываться, но в конце концов она попала в руки «чоновцев» (коммунистические «части особого назначения») и, по слухам, была вскоре расстреляна в Ростове-на-Дону.

Сын Варвары Кушнир, Анатолий, рос у родственников мужа под чужой фамилией. Прошёл Великую Отечественную войну, рабо-

---

[28] См.: *Стрелянов (Калабухов) П. Н.* Казаки Кубанского Войска в Великой, гражданской войнах и эмиграции. Чины конных полков, пластунских батальонов, артиллерийских батарей, особых сотен, военно-учебных заведений и войсковых структур. — Том I (А–Л). — М., 2017.

[29] Информацию предоставил Павел Николаевич Стрелянов (Калабухов).

[30] Георгиевская медаль с надписью «За храбрость» учреждена 10 (23) августа 1913 года. Относилась к Военному ордену Святого Георгия, имела 4 степени. Считалась по достоинству ниже Георгиевского креста, однако выше иных медалей.

[31] «Зори Октября», № 57 (4716), 17 июня 1992 года. Информацию об А. М. Кистереве и текст статьи предоставил Денис Владимирович Дьяконов.

тал в школе и умер в 1991 году. К сожалению, в 2021 году скончался и Алексей Михайлович Кистерев…

Могла ли Варвара Кушнир стать прообразом «Марии Колесниковой»? Представляется совершенно невероятным, чтобы две женщины, Юрлова («Колесникова») и Кушнир, одновременно оказались в одном и том же казачьем полку. И уж во всяком случае, если бы это было действительно так — то Юрлова не могла бы не упомянуть Кушнир в своих воспоминаниях. Поневоле возникает предположение: могла ли Юрлова повстречаться с Кушнир, допустим, «в грузинском госпитале», услышать рассказы последней о пребывании на Кавказском фронте — и затем включить их в свою книгу? Но как тогда попала на войну сама Юрлова, и что привело её затем в ряды Белого движения? Обо всём этом мы можем только гадать.

Чем больше мы пытаемся отыскать сведений о нашей героине, тем больше возникает вопросов, на которые нет ответов… Пожалуй, на этом месте пора прервать наши поиски — и предоставить слово самой Марине Юрловой.

Марина Юрлова

КАЗАЧКА

Глава 1
ИНТЕРЛЮДИЯ: 1915 год

Полдень на Южном Кавказе. Вот уже вторую неделю стоит невыносимая жара. Солнце превратило равнину в отливающее жёлтым металлическим блеском пространство, по которому до самого горизонта клубились клочья чёрной золы, словно это грешники стройными рядами брели в ад. На востоке в знойной дымке кружили в нескончаемом танце очертания горной гряды, и неясным звуковым фоном для этого танца служили редкие глухие отзвуки грома.

В лагере над кошарой висело чёрное облако мух, как живое воплощение этой жары.

Утренние учения были закончены. Мужчины улеглись там, где смогли найти или обустроить себе кусочек тени. Обед — а проще говоря, похлёбку — уже съели. Делать было нечего.

Я отошла чуть подальше по знакомой тропинке, чтобы не слышать разговоры моих товарищей, которые уже успели мне надоесть, как, впрочем, кажется, и им самим. Новостей для обсуждения не было. Говорили опять про слухи о предстоящем сражении, сплетни из дома, о том, как убирать урожай. Все новости были истасканы, как наши нервы. Не было сил ни петь, ни даже ссориться; никто не смеялся, все только ворчали.

Рана болела, но идти было всё же легче, чем просто сидеть и дать ей ещё больше разныться. Я шла вперёд, глядя в землю. Смотреть вокруг было не на что: кругом были всё те же группки людей, лежавших всё в тех же позах и ведших всё тот же вялый разговор. Я прошла уже почти до края лагеря, когда гул возбуждённых голосов прямо передо мной заставил поднять глаза.

Это было что-то необычное. Я пошла быстрее.

Вокруг чего-то, что я не могла разглядеть, столпились человек пятьдесят. Это «что-то» было вроде похоже на лошадь. Когда я подошла, меня заметил человек, который был ближе всего.

— Эй, сынок, — позвал он. — Может, ты нам поможешь. Похоже, это Степан из вашей сотни. Эй вы, там, — крикнул он, — пропустите. Здесь кое-кто, кто может его знать.

Толпа расступилась, и я увидела, что это действительно была лошадь. Она дрожала, а по крупу стекали капли пота. На боках засохла кровь; к спине было что-то примотано верёвкой.

— Смотри хорошенько, сынок. Может это быть Степан?

Я хорошо смотрела. Не потому, что хотела смотреть, но потому, что от ужаса не могла отвести глаз.

Он был голый. Тело на жаре уже начало разлагаться. Одна рука свисала почти до земли, потому что тело по пути сползло вниз; кисть была отрублена выше запястья.

Его голова была привязана к голове лошади, а ноги болтались вдоль крупа. В середине тела, чуть ниже живота была мокрая красная дыра, которая казалась чёрной от жирных мух, сидящих на ней. С большого пальца ноги были содраны ногти.

— Ну, — раздался голос над моим ухом, — это Степан или нет?

Я тупо кивнула.

Степан… Он всегда, даже в самых тяжёлых условиях, мог найти дорогу домой… Теперь ты уже не нашёл бы дороги, даже если бы был жив, ведь они вырезали тебе глаза. Причём вырезали ещё у живого, потому что рот застыл в мучительной агонии, а нижняя губа была прокушена почти насквозь. На губах запеклась корка крови.

Кто-то грубо дёрнул меня за локоть.

— Эти курды сильно порезали мужика. Ты уверена, что узнала его?

— Да, — сказала я. На губах у меня застыла идиотская улыбка, глаза всё ещё были прикованы к телу. Смотреть было так больно, словно глаза сейчас лопнут, но я не могла их отвести.

— Да, это он. Видите, у него б-бородавка на носу. — И я захохотала, и хохотала всё громче и громче. Я всё ещё смотрела на него; казалось, Степан занял собой весь мир.

— Уведите ребёнка, — сказал кто-то презрительно, — с него довольно. Хороший был казак!

Когда меня уводили, я ещё хохотала.

Вот уже год я была добровольцем в казачьем войске. Я была девушкой, и мне было всего пятнадцать лет.

Глава 2
ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЧИНАЮТСЯ

Мне кажется, что всё это — все мои приключения — начались с красивой девушки в поле подсолнухов.

Однажды вечером в последнюю неделю июля 1914 года, когда мне было ещё четырнадцать лет, мы всей семьёй ужинали в нашем летнем доме в Раевской[32]. Мой отец — он был полковником — рассказывал, как хорошо идёт работа у него на полях. И всё благодаря его денщику[33], красивому пройдохе, который привлёк к работе первую красавицу станицы, а за той пошли и другие. Его зазноба была не только первой красавицей, но ещё и прирождённым организатором, лучшей в округе певуньей и танцовщицей, и ни у кого во всей округе не было столько лент в косах, как у неё. (По казачьей традиции — по крайней мере, такая традиция была у наших кубанских казаков — парни дарили понравившимся девушкам ленты, чтобы те заплетали их в косы. Число лент в косе девушки говорило о её популярности.)

Рассказ отца произвёл на меня такое сильное впечатление, что я начала уговаривать его позволить мне поехать в поля с работниками, посмотреть на всё это. Я долго упрашивала и клялась, что не буду мешать, а просто возьму мотыгу и буду работать вместе со всеми. Наконец он сказал, что я могу поехать, но встать нужно будет в три часа утра.

Полная ярких ожиданий, я побежала рано лечь спать, но мама остановила меня и сказала: «Возьми с собой Василия на случай, если захочешь рано вернуться. Одна не ходи…» Это были её последние слова, обращённые ко мне.

Василий, когда я нашла его, отнёсся к моей просьбе весьма скептически. Он явно не поверил, что я смогу встать так рано, а если и проснусь, то вряд ли смогу работать в поле. Он согласился позвать меня, но с таким недоверчивым видом, что я твёрдо решила показать ему, из какого я теста.

На самом деле, придя в спальню, я решила вообще не спать. Я надела ночную сорочку и легла на постель. В голове у меня всё время

---

[32] Станица Раевская основана в 1862 году. На 1914 год — в составе Таманского отдела Кубанской области Российской империи. Ныне административный центр Раевского сельского округа, входящего в состав Новороссийского района города Новороссийска. (Здесь и далее примечания редактора.)

[33] Денщик — нижний чин, находящийся в услужении у офицера.

крутились мысли об этой красавице и о том, смогу ли я когда-нибудь быть такой, как она.

Но время шло очень, очень медленно. Вскоре весь дом погрузился в сон; к десяти часам всё вокруг затихло. Я чувствовала себя ужасно сонной, но держалась. Наступила полночь, я поняла это по звону церковных колоколов. Все, кроме меня, спали! Осталось потерпеть ещё только три часа!

Сейчас память об этом самом невероятном дне в моей жизни становится для меня чем-то вроде сна. Я словно вижу всё очень ясно, но совсем издалека и со стороны, как будто Время над этим не властно.

Я почувствовала, что начинаю засыпать, и встала из постели. В комнате было светло, почти как днём, так как луна поднялась уже совсем высоко. Я подошла к окну и выглянула наружу. В кавказской луне есть что-то необычное: она не лишает окружающие предметы красок, как это бывает в других местах, которые я повидала. В ту ночь, выглянув из окна, я видела каждую клумбу в её истинном цвете. Сегодня я ясно помню только две вещи: тёмно-синие и белые ирисы прямо под моим окном и чуть дальше — горделивые красные и жёлтые тюльпаны.

Я смотрела в окно, из сада доносился густой запах сирени, где-то запели соловьи[34]. Мне правда кажется, что они пели друг другу по очереди, потому что я никогда не слышала двух соловьёв одновременно. Я совсем не хочу похвастаться, когда говорю, что наши кавказские соловьи поют слаще всех в мире, потому что я слышала, как поют эти птицы и в других местах, но нигде больше я не слышала таких долгих соловьиных трелей, такого насыщенного звука, и нигде больше это пение не идёт из самой глубины сердца.

Я не была романтичным ребёнком, но я хотела и искала приключений, и всё же той ночью я долго стояла у окна, не двигаясь, как зачарованная. Я думаю, я стояла так не меньше двух часов, потому что помню, как затем на востоке наметилась светлая полоса и стало прохладнее. Я вернулась в постель, чтобы несколько минут немного погреться, а затем встать и одеться...

Что-то толкало меня в бок; это была длинная палка. За окном раздался хриплый голос: «Барышня, а барышня! Вы там часом не померли? Уже давно три часа, парни с девками уже у колодца. Они сейчас уйдут». Это был Василий.

---

[34] Неточность в воспоминаниях автора: сирень на Кубани цветёт обычно в мае. Соловьи также начинают петь в мае и поют примерно до середины июня.

В ужасе я вскочила. Пока я соберусь, они могут уйти! Я быстро оделась и вылезла через окно. Вылезая, я видела, что моя ночная сорочка валяется на полу; помню, что подумала о том, как рассердится моя няня, когда найдёт её там утром. На минуту я даже заколебалась и была готова вернутся, но голос Василия позвал меня ещё настойчивей.

А потом случилось вот что.

Все знают, что если покопаться в памяти, то обнаруживаешь, что самые нелогичные поступки ты совершаешь, словно во сне; и люди даже не пытаются найти им объяснение. Так вот, когда я побежала за Василием, что-то заставило меня оглянуться, и я буквально застыла в ужасе. Я увидела фотографию матери, которая стояла на комоде; сегодня я могу поклясться, что её губы двигались, и она звала меня по имени. В этом было что-то сверхъестественное; я застыла, не в силах двинуться, но тут раздался голос уже за калиткой сада: «Скорей! Скорей! Говорю же, они уходят…»

Вздрогнув, я пришла в себя и почти полетела через огород вниз к колодцу. Работники уже ушли. Василий взял меня за руку, и мы побежали. Я ещё никогда не бегала так быстро, но наконец мы всё же догнали их на самой окраине станицы. Возможно, если бы я ещё на пять минут задержалась у окна спальни, то не писала бы сейчас эту историю…

Никогда прежде я не видела столько красавиц и столько великолепных нарядов: красивые пышные юбки разных цветов и снежно-белые богато вышитые блузы; на голове у каждой были венки из цветов, в косы у всех были вплетены яркие цветные ленты. Я очень удивилась тому, как они одеты, потому что таких потрясающих нарядов я не видела ни на ком даже в воскресенье. И ещё мне было стыдно. Если бы я знала, что они будут такими красивыми, то надела бы своё нарядное казачье платье, а теперь стою здесь среди общего праздника в синем платье в горошек, которое никто не заметит.

Парни шли отдельно группами, но потом разделились и один за другим стали подходить к девушкам; вскоре все шли по парам. Я поняла, что девушки принарядились для своих любимых, и почти успокоилась. Любовь меня интересовала меньше всего.

Кто-то спросил десятника, можно ли уже петь, но тот ответил, что пока не спустятся с горы — нельзя. Так наша странная процессия и шла по длинному склону, а вокруг светало. Наконец мы спустились, и раздался девичий голос: «Первые голоса — направо, вторые голоса — налево, а парни за вторыми голосами».

Я перешла на правую сторону. Кто-то просил Ганну спеть «Йихав козак на войноньку»[35].

Я затаила дыхание: Ганна была той самой девушкой, на которую я пришла посмотреть. Когда она подняла голову и рассмеялась, то я подумала, что никогда в жизни не видела такого красивого лица. Мне хотелось смеяться от радости, просто глядя на неё. Однако Ганна не поддавалась на уговоры. Она сказала, что петь военные песни до восхода — плохая примета, и что лучше она споёт «Выйды, Грыцю, на й улыцю»[36].

Но все остальные не хотели даже слушать и требовали казачью песню, заявляя, будто бы солнце уже встало.

Я помню дословно, как она сказала: «Нет, нет, нет. Солнце не встанет раньше, чем мы дойдём до поля. А небо такое красное… это значит, что случится что-то плохое».

Но в конце концов её уговорили, и она запела:

— В кинци гребли шумлять вербы,
Шо я насадыла...
Нема ж мого козаченька,
Шо я полюбыла…[37]

Все хором подхватили грустную песню и под неё шли через поле навстречу рассвету. Распевая, они подошли к полю моего отца, где росли подсолнухи, и начали работать по рядам, сами похожие на эти подсолнухи. Я стояла недалеко от Ганны и чувствовала себя совер-

---

[35] Кубанские казаки говорили на одном из южнорусских диалектов русского языка, иногда называемом «балачка». Осознавая себя частью русского народа — включающего в себя великороссов, малороссов и белорусов — казаки считали свой говор самостоятельным наречием, отличающимся как от русского, так и от украинского языков.

Песня «Йихав козак на войноньку» (по-русски «Ехал казак на войну») включена в сборник В. Г. Захарченко «Народные песни Кубани» (Краснодар, 1987).

[36] Песня «Выйды, Грыцю, на й улыцю» (по-русски «Выйди, Гриша, на улицу») включена в сборник В. Г. Захарченко «Народные песни Кубани» (Краснодар, 1987).

[37] Песня «В кинци гребли шумлять вербы» (по-русски «В конце насыпи шумят вербы») включена в сборник Ф. И. Елисеева «Песни Кубанских Казаков» (брошюра № 2, Нью-Йорк, 1960):

«В конце насыпи шумят вербы,
Которые я посадила…
Нет моего казачка,
Которого я полюбила…»

шенно беспомощной, ведь у меня не было мотыги, а попросить её я не решалась.

Но когда Василий обнаружил меня и дал мотыгу, назвав «барышней», то я оттолкнула его, не желая быть узнанной остальными. Солнце уже стояло высоко. Было, кажется, около половины четвёртого или чуть позже, и мы успели обработать с полдюжины рядов подсолнухов и картофеля[38].

Примерно в половине шестого десятник позвал нас завтракать. У реки стояли корзины с варёной картошкой, три кадушки с селёдкой и много чёрного хлеба, нарезанного крупными кусками и сложенного на земле.

Завтрак длился всего пятнадцать минут. Мы были отчаянно голодны и съели всё очень быстро. Да и нельзя было терять время. Всей толпой мы спустились на берег помыться. Все девушки подали парням уголки своих нижних юбок, чтобы вытереть руки. Но у меня не было нижней юбки, и Василий предложил мне воспользоваться поясом от его рубахи. Потом мы вернулись к подсолнухам и мотыгам.

Но теперь мотыга показалась мне невероятно тяжёлой. Спина онемела и очень болела; руки казались сплошь покрыты мозолями. Ганна, которая всё это время за мной наблюдала, наконец велела мне пойти и принести с реки флягу свежей воды, а она тем временем обработает мою полосу. Она меня очень выручила, потому что в противном случае мне пришлось бы бросить работу и с позором покинуть поле. Впрочем, если бы это случилось, то я сейчас была бы в России, а не здесь.

У реки Василий наполнял фляги, и мы вместе таскали их наверх. Немного позже я вернулась к работе.

Примерно в половине двенадцатого позвали на обед — опять варёный картофель, но на этот раз со свежей рыбой, которую десятник, денщик моего отца, успел поймать в реке. Ганна и другие девушки окружили его и стали целовать, со смехом уверяя, что это награда за такой отличный обед, но я помнила, что говорил мой отец. Кто-то запел плясовую, Ганна поднялась и пошла танцевать, лёгкая как бабочка — туда и обратно, туда и обратно...

А потом… потом зазвонили церковные колокола.

---

[38] Автор ошибочно указывает время. Описываемые события происходят не ранее 18 июля 1914 года (31 июля по новому стилю), когда в России началась мобилизация. На следующий день Германия объявила войну России. В этот период солнце встаёт в начале шестого утра.

Пение затихло, танцовщица замерла. Помню, как все девушки одним и тем же движением испуганно перекрестились. Потому что церковные колокола звонили так, только если случался пожар или что-то похуже.

Звонили не в одной нашей станице, но и в соседнем городе. Вы знаете, как звонят церковные колокола, если это не воскресенье и не святой праздник; они звучат тяжело и зловеще, словно кто-то зовёт на помощь. Мы стояли, ошеломлённо и испуганно глядя друг на друга, а потом услышали, как с другой стороны холма галопом скачут лошади.

Всё приближаясь и приближаясь, они показались на вершине. Теперь уже было видно, как по полю неслись казаки, что-то выкрикивая на скаку.

А кричали они: «Война! Война!»

Потом на всю округу раздались чистые и мягкие звуки горна, трубившего «Сбор» на станичной площади. Толпы людей побежали с полей в станицу, все в одном направлении; парни бежали впереди всех.

Когда мы прибежали на площадь, там уже было полно мужчин в широких синих и чёрных штанах и цветных рубахах. Все слушали атамана, старого казака. Он был не из нашей станицы Раевской, а из небольшого городка рядом с ней, сразу за полем[39].

Мы стояли с краю, когда толпа начала реветь: «К оружию! К оружию! За царя и отечество!» Мужчины седлали лошадей, застёгивали обмундирование, готовили винтовки и шашки[40]. Потом они двинулись к станции…[41]

---

[39] Вероятно, имеется в виду город Анапа, ближайший к станице Раевской — около 30 километров по дороге или около 20 километров по прямой. Численность населения Анапы на 1897 год — 6944 жителя. Основана в 1781 году. Ныне город краевого подчинения в Краснодарском крае.

[40] Шашка — разновидность холодного оружия, отличающаяся от сабли некоторыми внешними особенностями (например, отсутствием гарды), а также приёмами применения в бою. Считается, что обучение владению шашкой проще, чем саблей. На вооружении у казаков в Русской императорской армии были именно шашки, а не сабли.

[41] Вот описание проводов казаков на Великую войну в станице Дербентской Кубанской области:

«В тот день жители станицы Дербентской трудились в поле, в лесу, а в опустевшей станице остались только старушки да малые дети.

Знойную тишину августовского дня нарушил тревожный звон колоколов станичной церкви. Кто мог, выбежал на улицу, думая, что где-то вспыхнул

Из всех народов, вовлечённых в Великую войну 1914-ого года, казаки, пожалуй, были лучше всех подготовлены и легче всех собрались по мобилизации[42]. Веками мой народ был известен как народ воинов. Он представлял собой военное сословие в составе великой Российской империи: покорители Сибири, защитники дальних рубежей, свободный народ в эпоху крепостничества. Даже не будучи на военной службе, они постоянно тренировались[43] и были готовы к любым неожиданностям. Вот почему, как только в станице зазвонили колокола, они смогли быстро оседлать своих лошадей, взять оружие и отправиться на фронт.

Дети, домашние дела, поля, которые нужно засеять, и урожай, который нужно убрать — всё это сразу забылось. Казаки, и мужчины, и женщины, с молоком матери впитали веру в то, что война — это начало и конец их жизни, что они созданы только ради этой цели и ради неё живут. Парадокс заключается в том, что ни один народ не любит свой дом так, как казаки; казаки — самый мирный народ. И только когда объявляется война, главным для них безоговорочно становится долг перед страной, верой и государем. А женщины вспоминают древ-

---

пожар, но ни зарева, ни дыма нигде не было, только на куполах церкви развевались четыре красных флага. По улицам в разных направлениях на поля и в лес помчались всадники с красными флагами, выкрикивая:

— Война, война! Бросайте работу! Все к станичному правлению.

На станичной площади толпился народ. С выходом атамана из правления прекратился звон колоколов.

— Господа казаки и казачки, граждане станицы, — обратился к собравшимся атаман. — На нашу православную Россию идут турки, германцы и австрийцы. Они несут нам огонь и смерть. Они идут против нашей веры, царя и отечества. Не допустим супостатов на нашу священную землю, не осрамим казачью честь и славу! За веру, царя и отечество. Ура!

Ура казаков покрыл плач матерей и жён.

Началась великая война 1914 года».

(*Кистерев А. М.* Расстрел у горы Лысой // Зори Октября. — № 57 (4716). — 17 июня. — 1992.)

[42] Казаки, подлежащие первоочередной мобилизации, выходили на службу на собственных конях, с собственным оружием и в военной форме, которая также хранилась у них дома. Это обеспечивало крайне сжатые сроки сбора мобилизованных. Всё же маловероятно, что казаки успели собраться на войну за то время, пока автор вместе с остальной молодёжью бежали в станицу с поля — это скорее авторское преувеличение.

[43] После обязательной военной службы казаки оставались до пожилого возраста в запасе, периодически проходя лагерные сборы.

ний обычай следовать за мужчинами на войну и становиться лагерем как можно ближе к действующей армии[44].

До станции было чуть меньше пяти вёрст[45]. Из-за усталости, отчаяния и густой, вызывающей кашель пыли многие женщины цеплялись за сидящих на лошадях мужчин. Но казаки грубо отталкивали их и затянули свою военную песню:

— Ура! Ура! Ура!
Ура, пойдём мы на границу
Бить Отечества врагов,
За Царя и за Царицу
И за родину отцов.
Все дружнее собирайтесь,
Попроворней снаряжайтесь!
Живо седлай коней
И собирайся скорей!
Всадники-други, в поход собирайтесь —
Радостный клич вас ко славе зовёт;
С бодрым духом бодро сражайтесь:
За Царя и за Русь сладко и смерть принять.

---

[44] Сомнительное утверждение, которое надо оставить на совести автора. Возможно, она на самом деле так думала — хотя в реальности истории, подобные той, что случилась с Мариной Юрловой, в Российской империи были крайне редки. (По крайней мере, до создания женских «батальонов смерти» в 1917 году.) Что же касается женщин, «стремившихся становиться лагерем как можно ближе к действующей армии» в соответствии с «древним обычаем» — то это и вовсе другая тема, скорее относящаяся к «древнейшей профессии».

Вместе с тем сам факт путешествия казачьих жён к своим мужьям в действующую армию не является чем-то неправдоподобным — хотя это и не было обыденным явлением. Вот отрывок из воспоминаний известного казачьего писателя Ф. И. Елисеева о переброске 1-го Кавказского полка из Тифлиса в Персию в начале сентября 1914 года:

«Железная дорога как змея извивается по ущельям. Много мостов и туннелей. Их охраняют пластуны 1-й Кубанской бригады. Они братски приветливо машут нам своими папахами, и мы отвечаем им тем же. На некоторых постах, к нашему удивлению, видны их жёны — прибыли ненаглядные подруженьки, чтобы перед войной повидаться с мужьями и, может быть, распроститься навеки...» (*Елисеев Ф. И.* Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. — М., 2001. — С. 15–16.)

[45] Верста — мера длины, используемая в Российской империи. Одна верста равняется 1066,8 километра.

Всех побьём, в плен возьмём
И с победой в дом войдём[46].

Мужчин и их лошадей ждали на станции товарные вагоны. Перед вагонами стояли офицеры, а впереди шипел и храпел паровоз. Внутри вагонов люди и лошади помещались вместе — такое, пожалуй, бывало только в России[47]. Казаков уже и раньше возили так по железной дороге. Им нравилось быть всегда рядом со своими восхитительно обученными конями. Убедившись, что кони хорошо устроены, казаки один за другим выходили попрощаться с жёнами, по традиции рисуясь и демонстрируя свою храбрость и презрение к смерти. Даже обнимая любимых, казаки не смели показывать своих истинных чувств, опасаясь, что другие поднимут их на смех.

Женские голоса зазвучали теперь по-другому. Вид паровоза, увозящего их мужей на фронт, привёл их в ярость. Вырывавшиеся у них из груди звуки напоминали вой волчиц.

Перекрывая шум, прозвучала команда. Мужчины потянулись к поезду.

И тут женщина с двумя младенцами на руках и ещё тремя или четырьмя малышами, цепляющимися за её юбку, протолкнулась сквозь толпу к паровозу. «Эй, бабы, — закричала она, — остановите паровоз! Не дайте этому чёрному дьяволу увезти наших мужей от нас на смерть!» С этими словами она положила младенцев на рельсы перед колёсами паровоза, а затем собрала детишек постарше и заставила их тоже лечь на рельсы. «Они не посмеют нас переехать!» — закричала она торжествующе.

Я шла за ней сквозь толпу и теперь стояла рядом, широко раскрыв от изумления глаза. Она схватила меня за руку и швырнула под

---

[46] Старинная кавалерийская песня «Сигнальный марш». Текст приводится по изданию: Песенник Российского Воина. 1683–1983. Сборник военных, солдатских, казачьих, военно-морских, юнкерских и кадетских песен, а также церковных песнопений и гимнов, наиболее употребительных в Российских Императорских Армии и Флоте с английскими переводами для четырёхголосого мужского хора «а капелла», составил и аранжировал Валентин Н. Мантулин. — Том II. — Нью-Йорк, 1985.

[47] Ещё одно недостоверное утверждение автора. Безусловно, в случае необходимости людей и лошадей могли перевозить вместе, в одних и тех же вагонах. Однако русские железнодорожные вагоны отнюдь не были изначально рассчитаны на совместное размещение людей и животных. Стандартный двухосный товарный вагон вмещал сорок человек ИЛИ восемь лошадей. Слово «или» в соответствующей трафаретной надписи на стенке вагона отсутствовало, что и могло ввести в заблуждение автора книги.

паровоз, прямо в горячую струю вырвавшегося пара. Я поползла по шлаку между рельсами, пытаясь выбраться.

Сейчас я вспоминаю эти события как какой-то страшный сон — страшный сон, который никак не кончался. Проползая между колёсами паровоза, я увидела бегущего к нам начальника станции. Он отчаянно размахивал руками и кричал: «Слушайте, слушайте все! У меня на запасных путях стоит ещё вагон. Вы можете проехать часть пути с вашими мужьями».

Обезумевшая толпа бросилась к вагону. Я выбралась из-под колёс; меня сбили с ног; я встала и, задыхаясь, подбежала к вагону, как раз когда он пришёл в движение, заползла вовнутрь и упала на пол в изнеможении. Вокруг меня все пели и смеялись; кто-то затянул: «Так за Царя, за Родину, за Веру…»[48] Я забыла про свои синяки и ссадины и во всё горло подхватила песню.

Потом вагон начал замедлять ход.

Раздался дикий вопль: «Уехали! Оставили нас!» …Отчаянная попытка вырваться из вагона… меня кто-то пихает в спину…

Я поднялась на ноги, плохо понимая происходящее. Меня тошнило, в глазах стояли слёзы. Сначала я вообще ничего не видела, кроме толпы, в которой меня всё время кто-то толкал то здесь, то там. Потом слёзы высохли, и я увидела товарный поезд, поворачивавший где-то вдали и увозящий от нас мужчин и лошадей. Несколько женщин в отчаянии бежали по путям, словно надеясь его догнать. Кто-то отцепил наш вагон, когда поезд тронулся.

«Это была ловушка! Это всё начальник станции подстроил!», — кричала женщина, которая положила своих детей на рельсы и потом бежала за поездом, а теперь вернулась и побежала к станции, ругаясь, как настоящий казак. Спотыкаясь, я опять смешалась с толпой; плечо и колено ужасно болели, и только слепой отчаянный восторг удерживал меня на ногах.

Начальник станции укрылся от нас за закрытыми дверьми, но он мог с таким же успехом пытаться остановить ураган. Двери разнесли, как будто это был спичечный коробок, окна были разбиты, и трусливо вжавшегося в угол начальника станции окружили женщины, ревущие от ярости и от сознания собственной силы. Я влезла в одно из разбитых окон. Больше ничего не помню.

Помню только, что через какое-то время я вместе с толпой опять шла по перрону. Кто-то кричал: «Другой поезд! Другой поезд! Это

---

[48] «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина (1822). К тексту стихотворения неизвестным автором добавлен припев, из которого и взяты эти слова.

наша последняя надежда!» Ещё кто-то — по сей день не знаю, кто именно это был — окликнул меня по имени. Я изо всех сил старалась удержаться на ногах, чтобы меня не затоптали.

Другой поезд очень медленно приближался к нам. Женщины опять начали бросаться на пути, требуя, чтобы поезд остановился. Когда он окончательно встал, из первого вагона спрыгнул офицер и подошёл к нам. Он спокойно выслушал весь поток жалоб и, видя, что люди действительно в полном отчаянии, разрешил им занять вагоны третьего и четвёртого классов.

Кошмар закончился.

Помню, как я сказала себе, усаживаясь на скамью в вагоне четвёртого класса, что если они и на этот раз отцепят вагон, то я сдамся и пойду домой. Но поезд всё шёл вперёд, и мы не останавливались.

Я уснула.

Кто-то тряс меня за больное плечо, и это было ужасно больно. Болело колено, болела от мотыги спина, руки были в волдырях. Просыпаться не хотелось, хотелось спать дальше. Я заплакала.

Передо мной стоял солдат с карандашом и бумагой в руках.

— Ты кто, девочка?

Я сдержала слёзы и с трудом сглотнула.

— Где твой отец?

— Он впереди. Впереди, в поезде с войском.

— Как тебя зовут?

Я не знала, что ему сказать, и опять заплакала. Но он только ласково спросил, хочу ли я ехать дальше, пока мы не догоним поезд с моим отцом на границе.

Это вернуло меня к реальности.

— Они едут на войну?

— Да.

— Могу я тоже поехать?

— Да, до границы. Как тебя зовут?

— Мария Колесникова, — сказала я быстро. Я назвала первое пришедшее мне в голову имя, столь же распространённое в России, как Смит или Джонс в англо-саксонских странах. Если бы я назвала имя моего отца, полковника Юрлова, известного в станице Раевской и в Екатеринодаре[49], то меня немедленно отправили бы домой, ведь узнать, где я живу, было бы не сложно.

---

[49] Екатеринодар — административный центр Кубанской области Российской империи. Основан в 1793 году. С 1920 года — город Краснодар, ныне административный центр Краснодарского края.

— Где ты живёшь? — был следующий вопрос.

Моё сердце ушло в пятки, но я назвала станицу, недалеко от которой мы работали в то утро. Его это, кажется, удовлетворило; солдат записал название и пошёл дальше.

Над полями, через которые мы ехали, опускалась ночь. Позади оставалась Раевская, знакомые холмы и принадлежавшие моей семье виноградники. Я не знала и не хотела знать, что впереди. Главное — я ехала туда, где война.

«Война, — монотонно и удовлетворённо стучали колеса поезда. — Война, война».

Я свернулась в своём углу и, совершенно счастливая, заснула.

Глава 3
«МАРИЯ КОЛЕСНИКОВА»

Я думаю, вам сложно понять чувства четырнадцатилетней девочки-казачки, прекрасным летним утром проснувшейся где-то на Кавказе в поезде, увозящем её по незнакомым местам куда-то к таинственной «границе».

Сочтёте ли вы меня бессердечной, если я скажу, что почти совсем не думала о доме и родителях? Я знала, что мой отец уже куда-то ехал; я могла представить себе, что перед отъездом он должен был приехать попрощаться с моим дедом. Но мысль об этом растаяла, едва успев зародиться, потому что я уже была переполнена моими собственными яркими ощущениями. Женщины вокруг болтали между собой, пытаясь понять, куда нас везут. Мы ехали на юг, и многие, кажется, думали, что нашей конечной целью была Турция[50]. Многие говорили о лежащих перед нами безлюдных армянских землях, об ужасных зимних холодах и жестоком летнем зное.

Я нисколько не преувеличиваю, когда говорю, что мне не было ни стыдно, ни страшно. Я была казачкой. И мои соседки, и я сама были движимы слепым инстинктом, который требовал следовать за мужчинами на войну. Кроме того, лично для меня — а меня просто подхватил и понёс общий яростный поток — для меня это было приключением, тем самым приключением, о котором я мечтала среди зелёных холмов

[50] В описываемый период Турция являлась центром Османской империи, в состав которой входили территории собственно Турции (Малой Азии), Западной Армении, Северной Африки, Ближнего Востока, Аравии и т. д.

Раевской летом и долгими скучными днями в Екатеринодаре зимой. Я помню, что в то время меня волновало только одно: боль в колене и плече, которая никак не проходила.

В вагон вошли солдаты с чаем и хлебом, и я жадно съела свою порцию, глядя в окно на зелёные поля и на холмы, уже обожжённые солнцем. Мы ехали через земли, засаженные виноградниками, и эти земли улыбались нам. Из передних вагонов доносился хор мужских голосов, а женщины пели казачьи песни о любви, и война казалась чем-то очень далёким. Вскоре после завтрака мы подъехали к маленькой станции, где наш состав долго гоняли туда-сюда, и наконец наши вагоны прицепили к другому поезду, который вёз ещё солдат к границе.

Так проходили день за днём. Иногда на пустынных полустанках мы часами ждали поезда, который должен был везти нас дальше. Женщины всех возрастов, сбившись в кучу, сидели на деревянных скамьях вагона четвёртого класса. Мы ехали так медленно и таким странным маршрутом, что я потеряла счёт времени. Я знала только, что мы едем строго на юг, так как пейзаж за окном менялся, превращаясь в неприглядную «жёлтую землю», выжженную солнцем землю Южного Кавказа. Все детали этого путешествия сейчас смешались в моей памяти. Помню только, что в эти дни в самом воздухе было разлито напряжение. Помню маленькие городки, в которых мы останавливались, и странные лица — грузинские, армянские, турецкие — смотрящие на нас из-за окон. Мальчишки предлагали нам виноград в корзинах, сплетённых из листьев, огромный белый виноград, каждая ягода размером с абрикос… Мужчины, продающие козий сыр… Белая кожа и огромные карие глаза женщин, высоких грациозных женщин в национальных костюмах с длинными узкими юбками, расшитыми передниками и головными уборами… Армянские девушки с ожерельями из монет и с монетами на головных уборах — совсем юные, но уже замужние.

Дни проходили в бесконечных сплетнях и смятении, в песнях и смехе. Снова и снова меня вносили во всевозможные составлявшиеся списки как Марию Колесникову, маленькую девочку в разорванном, грязном синем платье в горошек. Девочку, чей отец был где-то в «солдатском поезде», который ехал впереди.

И были ночи, часто бессонные ночи от волнения и ожидания чего-то, что сулил грядущий день. Внезапно мелькающие, слабые и таинственные огни полустанков, которые тут же глотала тьма.

Огромный паровоз, идущий впереди и выбрасывающий гневную россыпь красных искр. Чья-то тяжёлая голова, храпящая на моем плече. Хриплые голоса усталых людей на перронах…

Помню, однажды утром я вышла пройтись и обнаружила, что жёлтые земли вокруг нас сменились на одну из прекраснейших долин, которые я когда-либо видела. Всю ночь до этого мы петляли по извилистым горным дорогам и ехали через тоннели. Над дорогой нависали тёмные холмы, в которых эхом отдавался каждый звук нашего поезда. Мой сон был рваным и беспокойным. Когда я увидела эту мирную долину, то впервые вспомнила свою последнюю ночь в Раевской, вспомнила соловьёв, певших в саду, где пахло сиренью, и голос Василия, звавшего меня за открытым окном.

Но я ни о чём не жалела. Я была ещё очень молода, но я так или иначе собиралась найти своё место в жизни и что-то сделать. Возвращаться было уже слишком поздно, и даже если бы такая возможность ещё была, я бы ни за что не вернулась. Впереди было путешествие. И огромный мир. И война.

Наконец мы прибыли на какую-то станцию неподалёку от турецкой границы. По вагону прошёл урядник[51], велевший всем выходить, чтобы нас могли отвезти в лагерь, где уже находились другие женщины, приехавшие раньше нас, чтобы быть со своими мужьями. Моё имя записали ещё раз, и ещё раз я стала «Марией Колесниковой», но на этот раз молодой урядник посмотрел на меня с явным недоверием. Я уверена, что не будь он тогда так занят, я бы никуда не попала дальше этой станции. Но он пожал наконец плечами и пошёл дальше, а я с облегчением выпрыгнула из вагона и поспешила за остальными казачками.

Мы устало тащились по пыльной знойной дороге к одному из лагерей Красного Креста[52], совсем простому посёлку, где жили примерно

---

[51] Младший урядник, старший урядник — чины в казачьих войсках, соответствующие младшему и старшему унтер-офицерам. Примерно соответствуют младшему сержанту и сержанту в современных Вооружённых Силах Российской Федерации.

[52] 3 (15) мая 1867 года император Александр II утвердил устав благотворительной общественной организации «Российское общество попечения о раненых и больных воинах», которое в 1879 году было переименовано в «Российское общество Красного Креста». В годы Первой мировой войны Красный Крест развернул широкую деятельность по обеспечению медицинской помощи для больных и раненых. Российское общество Красного Креста продолжает свою деятельность и в настоящее время.

двести солдатских жён. Их мужья уже охраняли границу до того, как началась война. Казалось, они там очень удобно устроились. Их дети выглядели весёлыми и довольными. Сёстры милосердия в своих серых форменных платьях, чёрных фартуках и косынках с нашитым на них красным крестом встретили нас очень приветливо. У них даже нашёлся для нас обед, отличный обед, состоявший из ячменного супа с плававшими там кусочками мяса, свежего чёрного хлеба и чая. Потом они показали нам несколько свободных палаток, в которых мы смогли поспать той ночью.

Помню, как я заползла в палатку вместе с какими-то странными женщинами и завернулась в выданное мне одеяло. В лагере пели; слышны были военные песни и песни о любви. А потом из соседнего лагеря пришли чьи-то мужья; последнее, что я слышала перед тем, как заснуть, был ровный гул бесконечных разговоров.

На следующий день мы медленно двинулись в сторону границы к Сарыкамышу[53]. К полудню мы приехали в армейский лагерь и попросили покормить нас обедом. Нам принесли несколько буханок чёрствого чёрного хлеба и ведро воды с таким видом, с каким бросают еду свиньям. В этой части служили солдаты из других областей России, и им было плевать на казаков. Они были хозяевами положения и пользовались этим; издевались над женщинами и дразнили детей, пока те не заплакали. Нам пришлось уехать.

Везде было одно и то же. Ни один лагерь не получил приказов относительно нас, и везде, куда мы приходили и просили нас принять, нам говорили, что идёт война, и что здесь военный лагерь, а не место для пикника, и здесь не ждут ни казачек, ни других женщин. Кое-как к вечеру мы добрались до места расположения кавалерийского отряда, бойцы которого были не против нас приютить, но не просто так. Мы, конечно, были усталыми и оборванными, но среди нас были и весьма привлекательные казачки.

В то время я ещё не понимала того, что потом произошло, но видела, что это что-то гнусное и страшное. Эти странные люди выбрали себе самых красивых девушек и начали приглашать их провести ночь в солдатском лагере. Чем больше девушки цепенели от страха, тем больше они смеялись над ними и тем настойчивее становились.

---

[53] Сарыкамыш — древний армянский город в Карсской области, входившей в состав Российской империи с 1877 по 1918 год. Ныне в северной Турции. В декабре 1914 года под Сарыкамышем русские войска отразили наступление турецкой армии, нанеся ей крупное поражение.

Одна девушка была особенно красива — почти так же красива, как моя Ганна с поля подсолнухов — и им особенно хотелось её заполучить, так хотелось, что двое или трое из них попытались утащить её с собой.

Оборачиваясь, девушка бросала умоляющие взгляды на своих спутниц, но женщины жались друг к другу и боялись заступиться. Когда они немного отошли, один из тех, кто уводил её, невысокий, коренастый краснолицый солдат, неожиданно ухватился за ворот её блузы и дёрнул вниз. Эта сцена навсегда запечатлелась в моей памяти и никогда не забудется: отчаянно кричащая полногрудая девушка, обнажённая по пояс. Потом всё смешалось; мужчины тесно сомкнулись вокруг неё, споря так яростно, что, думаю, они могли бы разорвать свою жертву на части, не появись там офицер, перетянувший их своей нагайкой. Потом он повернулся и с руганью велел нам всем убираться и не беспокоить его солдат, иначе мы тоже отведаем нагайки.

В ту ночь мы спали у дороги под холодными звёздами без одеял. Никогда в жизни до этого я не была в столь отчаянном положении.

На рассвете мы поднялись и с трудом пошли дальше. Солнце над нашими головами пекло всё жарче, вдоль дороги не было деревьев, в тени которых можно было бы укрыться, а острые камни впивались в ноги. Это была суровая, пустынная и негостеприимная страна; она казалась бесконечной. За одним крутым холмом на нашем пути следовал другой; маленькие дети, которые шли босиком, захныкали, и их пришлось брать на руки. Все выглядели настолько растерянными и подавленными, что я не решалась спросить, будет ли у нас здесь какой-то завтрак.

Наконец, к нашей радости, мы встретили всадников, кубанских казаков, которые сказали, что лагерь находится сразу за холмом. Вместе с несколькими бабами из других краёв Кубани я поспешила вперёд; скорее всего, эти бабы не должны были меня узнать. Задыхаясь, мы взошли на холм и радостно остановились на его вершине.

Внизу открывался восхитительный вид: широкая жёлтая равнина, на которой, насколько хватало глаз, тянулся лагерь кубанских казаков. Почти сразу под холмом полк проводил учения по рубке, солнечные блики играли на лезвиях шашек. Я испытала прилив гордости. Хорошо быть кубанской казачкой.

Но потом я поняла, что гораздо лучше было бы иметь здесь каких-то родственников. Женщины шли группками, кто-то спрашивал про один полк, кто-то про другой. Казалось, каждая из них знала,

куда именно она идёт и что собирается делать. Я переходила от одной группы к другой, и меня, казалось, никто не замечал, никому не было до меня дела. Наконец примерно через час не осталось никого, кроме меня и ещё одной женщины.

Я шла за ней, стараясь сдержать слёзы. Вскоре женщина подошла к высокому казаку и спросила, где находится полк её мужа; они говорили между собой, а я одиноко стояла в стороне. Никто меня не замечал, и из глаз у меня катились по щекам крупные слёзы. Я хотела повернуться и убежать; я надеялась, что земля разверзнется и поглотит меня; но я ничего не могла сделать, и когда эта женщина пошла в направлении полка своего мужа, я смогла только громко заплакать.

Высокий казак впервые заметил меня.

— Ну, дивчина, в чём дело? — спросил он. У него была добрая улыбка, он лукаво прищурился, глядя на меня сверху вниз и запустив пальцы в треугольную бороду.

Должно быть, я выглядела очень нелепо, когда стояла, глядя ему в лицо, со следами слёз на грязных щеках. Я пробормотала, что очень многое пережила, пока искала своего отца, и только сейчас узнала, что его нет в этом лагере. Потом я закрыла лицо руками и зарыдала ещё громче.

Высокий казак потрепал меня по плечу.

— Не горюй, — сказал он, — кажется, я знаю, где твой отец. Многих наших задержали по пути; кого-то оставили с больными лошадьми, а кого-то с обозом продовольствия. Возможно, он подъедет позже.

В отличие от казака, я-то знала, что мой отец не подъедет позже, но я была благодарна ему за доброту и пошла за ним в лагерь. Он подвёл меня к небольшой группе мужчин, которые отдыхали после занятий, сидя прямо на земле.

— Позаботьтесь о ребёнке, пока я не вернусь, — сказал он коротко и ушёл.

После коротких беззлобных шуток эти люди, к счастью, обо мне забыли. Я села на землю чуть в стороне от них и начала разглядывать свою обувь, вернее, то, что от неё осталось. Примерно через час они ушли на дневные учения. Когда они вернулись, я крепко спала.

Меня разбудил гул голосов людей, садившихся обедать, что было очень кстати, ведь я не ела весь день. Широко открыв голодные глаза, я смотрела, как мужчины доставали из-за голенищ большие деревянные ложки. Мой взгляд был так пронзителен, что один из них добыл

где-то ложку и для меня и пригласил поесть с ними. Долго звать меня не пришлось; если бы этот обед был соревнованием по скорости поедания, я в свои четырнадцать лет показала бы не худший результат. Это был хороший горячий обед, какая-то каша с маслом; за кашей последовал чай, заваренный в том же ведре, который всем очень нравился. Самый молодой из казаков дал мне свою оловянную кружку с чаем, кусок сахара и ломоть чёрного хлеба. Было вкусно, хотя это был не чай и не суп, а что-то непонятное. Когда обед закончился, я почувствовала себя гораздо более счастливой и гораздо более похожей на ту искательницу приключений, которой мечтала быть.

Немного позже появился мой высокий друг, и все начали спрашивать, зачем он, чёрт побери, притащил меня сюда. Он нахмурился, и все замолчали.

— У этого ребёнка нет матери, нет никаких родственников, кроме отца, — сказал он резко, — а отец её где-то отстал с больными лошадьми. Я собираюсь оставить её здесь с нами. Пока я его не найду, я за ней присмотрю. И вас всех это тоже касается.

Я узнала, что его фамилия была Козлов, и все звали его Козёл. Не знаю, откуда пошло это прозвище; возможно, дело было в его узкой острой бороде, которую зовут «козлиной», или в его фамилии, или и в том, и в другом. Он явно пользовался здесь авторитетом, потому что больше никто уже не задавал вопросов. А когда он приказал не разжигать в ту ночь костров, а сворачиваться и идти спать, то они сразу послушались и не слишком ворчали.

— Вот тебе одеяло, — сказал он, отдавая мне своё, — завернись в него и ни о чём не беспокойся.

На следующее утро я проснулась очень рано в предрассветных сумерках. Никогда ещё я не просыпалась в такой странной обстановке; это было необычнее, чем вагон с другими женщинами или обочина каменистой дороги. Я лежала на земле, а рядом раздавалась отборная ругань: один из казаков страшно храпел, а другой пытался его утихомирить. Я села в своём одеяле и огляделась вокруг, и ругань сразу прекратилась. Я могла бы поклясться, что даже в предрассветных сумерках увидела, как мужчина покраснел. Он пробормотал что-то похожее на извинения и снова лёг.

После этого я не смогла заснуть. Ощущение, что вокруг меня спали мужчины, что впереди была неизвестность, не давало мне уснуть.

В сумерках я увидела силуэт человека. Это был Козёл. То ли он вообще не ложился, то ли встал совсем рано, но сейчас он зевал и потягивался, а зевая, крестил рот. Крестить рот — это старая крестьянская традиция, чтобы дьявол не влетел вам в горло, когда рот широко открыт.

Козёл! Именно его доброта к потерявшемуся ребёнку стал причиной всего, что случилось потом. И только его доброта поддерживала меня в последующие два дня, когда всё вокруг было враждебно и непривычно, когда я изо всех сил старалась спрятаться ото всех и выходила тайком только поесть, а спать старалась как можно дальше от остальных. Никогда с тех пор я не встречала человека, который чувствовал бы всё так же тонко, как этот практически неграмотный казак, урядник в нашей Кавказской армии. Он требовал строгой дисциплины и часто из-за этого вступал в жаркие споры со своими людьми. И каждый раз в таких случаях, если мне, испуганной оборванной маленькой девочке, доводилось оказаться рядом, он обязательно поворачивался ко мне и говорил: «Всё в порядке, Мария?» Я его почти боготворила.

Но каждый раз при виде меня он не мог скрыть беспокойства, и это не прибавляло мне уверенности. На третий день он сказал, что мне нужно пойти с ним в штаб дивизии, и сердце у меня ушло в пятки. Я была уверена, что меня отошлют домой. Хотя мне было очень страшно, я сейчас хотела одного: остаться с Козлом, пока мы не попадём на фронт.

«Штаб» представлял собой большое, грязное и ветхое здание, где царила такая неразбериха, что Козёл долго не мог найти нужного ему офицера. А когда он нашёл его, толку было мало. Он указал офицеру на меня, стоявшую рядом и чувствовавшую себя очень маленькой и глупой, и начал что-то говорить. Но не успел он сказать и трёх фраз, как офицер махнул пачкой бумаг, которую нёс, и сердито закричал: «Пошёл вон! У нас тут не сиротский приют!»

Козёл отдал честь, взял меня за руку и увёл. Выйдя на улицу, он в полном замешательстве начал ковырять в ухе. От стыда и страха я не смела сказать ни слова. Но я ухватилась за его крепкие пальцы, чувствуя, что это последнее, за что я могла держаться в этом мире. Наконец он, кажется, что-то придумал и направился со мной к другому зданию, поменьше первого, перед которым выстроилась длинная вереница повозок.

— Подожди снаружи, — сказал он мне, — я скоро вернусь.

Я села на одну из телег и начала рассматривать свою жалкую обувь. Большие пальцы почти совсем вылезли наружу, ноги опухли и болели. Наконец горькие непролитые слёзы окончательно застили мне глаза, и я уже ничего не видела. Я была уверена, что Козёл ничего не сможет для меня сделать. Весь мир исподволь издевался надо мной и поворачивался ко мне своей уродливой стороной. Кажется, никто в мире не бывает так несчастлив, как несчастный ребёнок…

Но тут в дверях появился Козёл и позвал меня. Я вытерла слёзы и вошла за ним. Этот дом занимала интендантская служба. Огромный толстяк с круглой лысой головой и маленькими яркими глазами стоял передо мной и, прищурившись, смотрел как-то очень неприятно.

— Вот этот ребёнок, брат, — сказал Козёл. — Как видишь, она совсем обносилась. Окажи мне услугу, выдай ей одёжу.

Вахмистр[54]-интендант усмехнулся.

— Братец Козёл, — сказал он, — ты дурак и говоришь чушь. У меня тут форма для мужчин, а не для детей, и уж тем более никак не для девочек. Но вот что мы сделаем. Я дам тебе для неё пару штанов. А потом советую тебе затянуть их у неё над головой и швырнуть её в реку, чтобы дальше с ней не мучиться. — Он опять усмехнулся, показав ряд ярко-жёлтых неровных зубов.

— Не шути так, вахмистр, — умоляюще сказал Козел, — послушайся своего доброго сердца и выдай мне для неё одежду, а уж всё остальное я устрою сам. Клянусь, я больше тебя не побеспокою.

Ворча себе под нос, что нигде нет покоя от этих баб, даже на войне от них никуда не денешься, вахмистр неуклюже потащился в соседнюю комнату и вернулся с парой штанов, рубашкой защитного цвета, парой нижнего белья, парой башмаков и армейской шапкой (в данном случае сшитой из каракуля). Он швырнул весь комплект Козлу.

— Вот, — сказал вахмистр презрительно, — надеюсь, пригодится. Но пока не поздно, послушай моего совета. Держись подальше от женщин.

— Всегда уповай на Господа, Мария, — сказал Козёл, когда мы вышли от интенданта. — Господь поможет тебе в любой беде.

Мы радостно улыбнулись друг другу и пошли обратно в лагерь.

---

[54] Вахмистр — унтер-офицерский чин в казачьих войсках, соответствующий фельдфебелю. Примерно соответствует старшему сержанту в современных Вооружённых Силах Российской Федерации.

Оказавшись там, Козёл подозвал человека, у которого был мотоцикл с коляской[55], передал ему мою одежду и подробно проинструктировал.

— Полезай, дивчина, — сказал он мне, — этот человек отвезёт тебя к моему брату. А потом привезёт обратно.

Я первый раз ехала в коляске мотоцикла и не могу сказать, что мне это понравилось, потому что дорога была очень неровная, а мой водитель, как многие русские, пытался выжать максимальную скорость. К тому же он был фаталистом; перспектива внезапной смерти, похоже, его не пугала. Когда мы наконец остановились в какой-то деревне, мне казалось, что внутри у меня всё отбито.

Мы подъехали к маленькой хате, и мой спутник громко позвал Козлова. Человек, вышедший на его зов, был так невероятно похож на моего Козла, что я невольно вытаращила глаза. Единственным отличием, которое я обнаружила, было то, что у этого человека борода была квадратная. Он сказал, что ужасно занят, но для брата сделает всё, даже если ему придётся ночь не спать, чтобы подогнать эту форму.

Он позвал сапожника и спросил, как можно ушить сапоги, которые мы привезли. Сапожник посмотрел на меня тяжёлым взглядом и сказал, что эти сапоги можно только распороть и сшить новые из голенищ. А ещё он добавил, что не понимает, зачем девушке мужская форма, что это противоестественно, и что это принесёт беду. Но Козлов, у которого, видимо, было такое же, как у брата, чувство дисциплины, прервал его и распорядился снять с меня мерки.

— Приходи завтра утром, — сказал он мне, — твоя форма будет готова.

На следующий день рано утром мы опять приехали в тот дом, и я с радостью увидела, как моему водителю передали аккуратно сшитую форму моего размера и два маленьких комплекта белья. Козёл велел мне немедленно пойти переодеться.

— Так тебе будет гораздо удобнее, пока не найдёшь отца, — сказал он, когда я вернулась. И добавил себе под нос:

---

[55] Мотоциклы (в том числе с коляской) широко использовались в русской армии в Первую мировую войну. Российские модели производились на фабрике А. А. Лейтнера «Россия» в Риге и на фабрике Ю. А. Меллера «Дукс» в Москве. Кроме того, мотоциклы импортировались из Великобритании и США. О масштабах их применения говорит тот факт, что только до ноября 1915 года для нужд армии было заказано 6418 мотоциклов. (См.: *Козлов Н.* Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в мировую войну. — Часть 1. — М., 1926. — С. 42.)

— Да и мне будет полегче.

Я заколола наверх косички и надела шапку. Эта последняя деталь так восхитила Козла, что он пустился в пляс; со стороны он был очень похож на большого медведя.

— Ну, хорошо, сынок, — сказал он со смехом, — пока я жив, я сделаю из тебя казака.

И он сделал.

Глава 4
СМОТР

До этого я три дня пряталась ото всех, потому что стыдилась своего оборванного синего платья в горошек и боялась, что первый встретившийся офицер отошлёт меня домой. С новой формой всё стало иначе. Как только Козёл одобрил мой внешний вид, я расправила плечи и зашагала в сторону конюшни.

Я всегда любила лошадей, и ничто в эти дни не повергало меня в такую печаль, как то, что к ним нельзя было приближаться. Среди казачьих лошадей было несколько низкорослых лошадок, очень дружелюбных. Я стояла и разговаривала с ними, когда мимо прошёл Грицко, который отвечал у нас за лошадей. Это был огромный добродушный детина.

— Я умею ухаживать за лошадьми, могу чистить их, — предложила я робко.

Он посмотрел на меня и расхохотался.

— Вот это да! Ты, пожалуй, и до спины лошади-то не дотянешься.

— А вот и дотянусь!

Решив показать ему, на что способна, я пошла в стойло и взяла там скребок и щётки. Он пожал своими могучими плечами, но не стал меня останавливать.

— Лучше займись, пожалуй, их ногами, — сказал он и ушёл.

Я работала два часа, пока не поняла, что всё получилось отлично. Душа у меня пела, я видела, что Грицко вот уже час или больше наблюдает за мной, и на его лице удивление сменяется восхищением. Когда он повёл лошадей поить, то пригласил меня с собой, выразив мне тем самым свою благодарность. А когда я не упала с невысокой лошадки, на которую он меня посадил, то он удивился ещё больше. Казаки уважают тех, кто умеет управляться с лошадьми, и в то утро Грицко надо мной больше не подшучивал.

Но когда наступило время обеда, и я вместе со всеми встала в очередь за кашей, солдаты от души потешались над моей униформой. Они спрашивали, из какого я отряда, а когда я ответила «из отряда Козла», то они чуть не умерли от смеха.

Моё самолюбие было задето. Позднее, когда я, чуть не плача, рассказала об этом Козлу, то он велел, когда меня ещё раз об этом спросят, отвечать: «Третьего Екатеринодарского полка»[56]. Он пообещал, что позже достанет мне погоны с указанием названия и номера нашей части.

С погонами на гимнастёрке я почувствовала себя частью великой армии. Я, как и все дети, легко могла адаптироваться к внешним условиям. Я мало общалась со взрослыми мужчинами и по возможности старалась держаться от них подальше. Я не понимала, чем они отличаются от меня; вопросы пола для меня не стояли — пока. Просто они были старше и больше, чем я, и жили в другом мире. Время от времени они поручали мне какую-то работу и позволяли спать, завернувшись в одеяло, неподалёку от себя. Я знала теперь все важные места: знала, где искать Грицко и лошадей; знала, как пройти к водопою, к ветеринару, в Красный Крест, к полевой кухне. А ещё я знала, как можно уединиться, когда мне это было нужно, в полуразрушенной хижине на жёсткой соломе.

Мне предстояло выучить ещё один важный урок.

Однажды в полдень я вела восемь лошадей на водопой. На одной из них я ехала верхом, а других вела за собой. С казачьей амуницией это возможно, потому что уздечка — во всём остальном такая же, как у всех — соединена с длинным ремнём, который казаки, идя в бой, обматывают вокруг пояса. Они умеют сражаться, стоя на седле; для этого они перекидывают правое стремя через седло на левую сторону,

---

[56] Третий Екатеринодарский полк Кубанского казачьего войска сформирован в июле 1914 года из казаков старших возрастов Екатеринодарского отдела Кубанской области. Командир — войсковой старшина Миргородский Павел Григорьевич (1868–1920). С ноября 1914 года — в составе Закаспийской казачьей бригады Эриваньского отряда, позже преобразованного в 4-й Кавказский корпус. В конце 1915 года Закаспийская казачья бригада переименована в 5-ю Кавказскую казачью дивизию и передана в состав 1-го Кавказского корпуса. Вместе с корпусом полк участвовал в штурме Эрзерума в декабре 1915 — январе 1916 года. В марте 1917 года полк в составе дивизии переведён в Финляндию и включён в состав XLII-го армейского корпуса. В декабре 1917 года. вместе со всей дивизией вернулся на Кубань. В июне 1918 года Третий Екатеринодарский полк был восстановлен в составе Добровольческой армии.

а правое стремя — на левую. Тогда они могут стоять в седле, а уздечка пристёгивается к поясу длинным ремнём. Многих раненых кони приносили домой благодаря этому приспособлению.

В тот раз я держала в руках восемь таких ремней, но не успела отъехать от лагеря, как меня остановил какой-то офицер.

— Эй, малый, ты что, в упор не видишь перед собой офицера?

— Вижу, ваше благородие, — ответила я робко.

— Так почему честь не отдаёшь, болван?!

— Я, ваше благородие, держу восемь лошадей.

— Осёл! Причём здесь восемь лошадей, когда перед тобой офицер? Из какой ты части?

— Третий Екатеринодарский полк, ваше благородие.

— Какая сотня?

— Я... я, ваше благородие, с Козлом.

— С каким козлом? — Он посмотрел на меня внимательнее. — Ты похожа на девочку, дитя…

— Я и есть девочка, ваше благородие.

— Неужели? Пусть этот Козёл явится ко мне с докладом.

И он произнёс такое длинное имя, что я сразу поняла, что не запомню его. Очень волнуясь, я рассказала об этом случае Козлу. Но он, казалось, совсем не был обеспокоен. Он сказал, что на будущее мне нужно запомнить, что я из разведывательной сотни Третьего Екатеринодарского полка.

Я начала тогда жаловаться, что офицер требовал, чтобы я отдала ему честь, когда у меня были заняты руки. К этому Козёл отнёсся намного серьёзней.

— Иногда офицеры бывают странными, но помни, что они всегда правы. Они — всегда — правы, — произнёс он раздельно. — А сейчас мне стоит научить тебя отдавать честь.

Урок не занял много времени, и я всё усвоила. Что же до офицера и его угроз, то всё это скоро было забыто.

Вскоре забота о лошадях полностью легла на меня. И ещё у меня была куча мелких обязанностей, таких как разжечь костёр и нагреть воды для чая. А однажды Козёл спросил у меня, не хочу ли я пойти с их разведывательной сотней на учения.

Хочу ли я! Да я была на седьмом небе от гордости, когда ехала верхом рядом с ним во главе колонны нашей сотни. Раньше я почему-то не смела даже близко подойти к плацу; с тех пор как я оказалась здесь, я ни разу не видела наш плац даже издалека. Это было потрясающее

зрелище. На учения собрались тысячи казаков, каждый полк в своей особой казачьей форме, различавшейся только цветом. Чёрные или серые меховые шапки, красно-белые или голубые черкески с яркими разноцветными башлыками. Сияющее солнце, отрывистые приказы, чистые звуки горна, невероятный калейдоскоп цветов… У меня вдруг перехватило дыхание, и Козёл сразу же повернулся ко мне, как всегда невероятным образом что-то почувствовав: «Всё в порядке, Мария?» Он всё понимал.

Когда сотня построилась в круг, в середине которого были Козёл и горнист, он поманил меня к себе, поскольку наш офицер ещё не прибыл. «Посмотрим, какой из тебя солдат, Мария», — сказал он, и учения начались. Я ничего из этого не помню; помню только, что это напоминало игру «Делай как я». Мы делали то же, что и все остальные; я говорю «мы», потому что мой конь, кажется, разбирался во всём этом гораздо лучше меня и более-менее понимал приказы; в конце концов я положилась на него.

Так продолжалось примерно час, пока не прибыл офицер, и мне пришлось уйти. Казаки приветствовали его хором: «Доброе утро, ваше благородие». Я постаралась проехать как можно ближе, чтобы разглядеть офицера как следует, ведь я никогда раньше его не видела, хотя много слышала о нём от Козла и остальных.

Офицер блестяще выглядел, был хорош собой и шикарно одет. На нём была чёрная черкеска, а бешмет — казачий кафтан — был тёмно-красным, почти бордовым. Того же цвета были и шаровары, а красный башлык элегантно свисал ему на спину. На голове была чёрная каракулевая шапка с красным верхом, украшенная золотой тесьмой. Шашка, кинжал и газыри на груди — всё было отделано чистым серебром и украшено одинаковым сложным узором.

Офицер отдал приказ, и казаки выхватили шашки. После этого он просто стоял и наблюдал, рассматривая всех со скучающим и величественным видом, а команды выкрикивал Козёл. Когда всё закончилось, Козел немного поговорил с ним. А потом подозвал меня.

И я знала, что здесь и сейчас будет определена моя судьба.

Казаки уже приняли меня в качестве некоего талисмана, весьма полезного, который не путается под ногами, но всегда под рукой, когда нужно выполнить какую-то работу. Но я знала, что Козла волновало, что подумает обо мне командир.

Боюсь, я была бледна, и когда я к ним подъехала, у меня дрожали губы. А когда я сошла с лошади и отдала честь, то мои коленки тряслись самым недостойным образом.

— Не бойся, дивчина, — сказал Козёл, — тебя здесь никто не укусит.

Потом он повернулся к офицеру:

— Она славное дитя, ваше благородие, — продолжил он серьёзно, — и уже успела стать полезной в лагере.

Офицер улыбнулся мне, а я замерла в ожидании.

— Как тебя зовут, дитя?

— Колесникова, ваше благородие, — ответила я, по привычке называя только фамилию. Я чувствовала себя маленькой и испуганной, я ужасно боялась, что расплачусь и этим опозорю Козла.

— Ну же, не бойся. Может быть, я смогу помочь Козлу найти твоего отца. Посмотрим.

Я приняла это за разрешение удалиться и поскакала прочь. Козёл сиял от радости. Как ни странно, мы с Козлом потом больше никогда не говорили о моём отце. Действительно ли он пытался его найти?

Глава 5
БАРАК

Прошло два месяца. Я выполняла всякую мелкую работу. Время от времени в награду за это мне позволяли участвовать в учениях. Дни за днями бежали невероятно быстро. Я была ещё слишком молода, а этот мир взрослых был для меня слишком чужим, чтобы чувствовать, как однообразно тянутся дни.

Не помню, чтобы я думала о доме. Днём я обычно была слишком занята или слишком взволнована, а к вечеру слишком уставала. Возможно, так бывает со всеми детьми, которым ничего наконец не мешает заняться любимым делом; дом перестаёт быть для них чем-то важным.

В детстве всё воспринимается гораздо ярче. Возможно, окажись я сейчас в тех местах, горы не показались бы мне столь высокими и крутыми, а дорога от нашего лагеря до деревни не была бы столь длинной. Но что-то остаётся неизменным. Лес, в котором лето плавно перетекало в осень; ясные октябрьские дни; запах костра по вечерам и многое другое. Там я была счастлива и здорова, потому что воздух пьянил, как вино, а к тяжёлой работе я уже привыкла.

Однажды утром пришёл Козёл; он что-то прятал за спиной.

— Хочу сделать подарок хорошей девочке. Он будет твоим, если угадаешь, что это.

Кажется, я успела вспомнить всё, что входило в снаряжение казака, пока меня не осенило:

— Шашка, — сказала я, затаив дыхание.

— Верно!

В тот же день он повёл меня на учения. Я так часто наблюдала за ними, что знала уже большинство команд, и поэтому почти не делала ошибок. Правда, на следующий день мышцы так одеревенели, что я еле смогла встать утром, но это быстро прошло. Вскоре я уже каждое утро упражнялась вместе со всей сотней.

Плохо было только одно: после каждого занятия шашку нужно было чистить, а раньше я всегда умудрялась порезаться обо что-то острое. Если уж для меня проблемой был кусочек стекла или перочинный нож, то что говорить о большой, блестящей шашке. А как будут смеяться мои «братья», если я порежусь! Выход был только один: спрятаться ото всех и чистить шашку очень-очень осторожно.

Именно этим я однажды и занималась, когда два казака сели недалеко от моего убежища и начали по-ребячески громко спорить о достоинствах своих шашек.

Первый сказал:

— Лучше моей шашки ещё не делали в турецких землях. Эта шашка принадлежала ещё моему деду, а уж он-то был знаменитый рубака! Головы сёк всегда одним ударом!

Второй рассмеялся.

— Турецкая шашка! — сказал он презрительно. — Да чем же они так хороши, хотел бы я знать? Вот у меня шашка так шашка. Она раньше принадлежала персидскому паше. Моему прапрадеду она так приглянулась, что он из этого басурманина дух выпустил, догнал, голову отрубил и забрал себе. Вот это шашка! А что до твоей, то ей и кровь-то пустить нельзя.

— Отлично! — сказал первый сердито. — Всегда есть способ проверить. Давай ударим каждый своей о камень и посмотрим, какая запоёт слаще.

Чуть позже раздался голос владельца шашки персидского паши:

— Ну, слушай! Приложи своё толстое ухо и скажи: разве она не поёт как соловей?!

После короткой паузы раздался звук удара второго клинка о камень.

— Соловей! — с презрением сказал хозяин турецкой шашки, — моя-то поёт, как ангелы в раю.

Тут спор разгорелся с такой силой, что казалось, он неизбежно закончится кровопролитием. Но в конце концов они всё же ушли, не переставая яростно браниться. Я выползла из своего укрытия.

Они подали мне идею. Нужно проверить, какая у меня шашка: турецкая или персидская, соловей или ангел? Я резко ударила ей по камню и приложила к уху, чтобы послушать. Шашка вообще не пела. Я ударила ещё раз. Боже мой, она погнулась! Я била и била шашкой по камню, пока она не стала похожа на штопор. И тут наконец до меня дошло, в чём дело. Моя шашка была оловянной!

Оловянной! А я-то так гордилась, так верила, что я настоящий солдат! Я осторожно оглянулась вокруг. Если бы кто-то из сотни увидел эту сцену, я умерла бы от стыда.

Я пошла к Козлу, чуть не плача.

— Почему ты выставил меня такой дурой? — спросила я его, всхлипывая, и протянула жалкие остатки моей шашки. Он постарался меня успокоить:

— Слушай, это был хороший клинок, если им не рубиться. Эта шашка нашего ветеринара[57], и, думаю, он ей очень гордился. Ну, теперь уж ты её испортила.

Я обиженно смотрела на него.

— Не горюй, Мария, — сказал он. — Я достану тебе настоящую шашку, и ты больше не будешь оловянным солдатиком. Понимаешь, я и впрямь боялся, что ты можешь пораниться, но, конечно, теперь, когда ты научилась управляться с шашкой, я должен найти тебе настоящую… ну, как только кого-нибудь убьют.

На следующий день он пришёл с новой ненастоящей шашкой.

— Придётся пока удовлетвориться этим, — сказал он довольно мрачно, — пока у нас не дойдёт до дела.

Так он впервые заговорил со мной о предстоящих сражениях, и мой детский ум впервые увидел связь между учениями и битвой. Это и волновало, и пугало.

---

[57] В описываемый период многие чиновники Российской империи имели право на ношение шпаги как элемента парадной формы одежды. Возможно, что в казачьем полку ветеринар (военный чиновник) заменил такую шпагу на шашку. При этом, поскольку боевое применение такого парадного оружия не предусматривалось, то оно нередко изготавливалось не из оружейной стали, а из менее качественных, но более лёгких материалов. Надо полагать, такого рода «ненастоящую» шашку и подарили автору воспоминаний.

К концу октября армия была поделена на две части: одна осталась на границе, готовая в любой момент вступить в бой[58], а вторая была отведена дальше в тыл и расквартирована неподалёку от деревни.

Моя сотня оставалась в тылу. К привычным повседневным заботам прибавилось ещё строительство бараков, поскольку дни уже стали серыми и холодными, и зима была близко. У русских крестьян есть странная черта. Они живут в огромной стране, покрытой густыми лесами, где можно найти сколько угодно древесины; но при этом им почему-то нужно ютиться в крошечной избе вместе со всей домашней скотиной, которая может там уместиться.

Вот и наши солдаты строили себе жильё так, как было принято в их краях. Это были маленькие грубые хижины, в каждой из которых жили по десять человек. А они вполне могли бы сделать их в пять раз больше, ведь строительством была занята вся армия[59].

Теперь возникла новая проблема. Одно дело было спать рядом с моими «братьями» под открытым небом, завернувшись в одеяло; другое дело — делить с ними эти тесные помещения.

Вот, например, моя первая ночь в этом месте — она ничуть не отличалась от всех тех, что последовали за ней. Весь день лил дождь, но мы всё равно провели все учения, а потом вернулись в домик Козла и повесили обмундирование сушиться.

---

[58] Военные действия на Кавказском фронте начались позже, чем на Западе, после внезапного нападения Османской империи. 16 (29) октября 1914 года турецкие миноносцы потопили русскую канонерскую лодку «Донец» в порту Одессы; немецкие крейсеры «Гебен» и «Бреслау», действовавшие под турецким флагом, бомбардировали Севастополь, Феодосию и Новороссийск. 20 октября (2 ноября) 1914 года Россия объявила войну Османской империи. К тому времени как Россия, так и Османская империя заблаговременно провели мобилизацию и сосредоточили войска.

[59] Автор книги явно не имеет представления о том, сколько в среднерусском климате требуется дров для отопления даже «крошечной избы», и насколько трудно эти дрова заготавливать в потребном количестве. Конечно, на Кубани, где она провела детство и юность, климат существенно более мягкий, но в то же время добывать дрова в кубанской степи куда как сложнее. О чём дочь полковника, владельца полей и виноградников, могла и не задумываться.

Что касается бараков, о строительстве которых идёт речь в данном эпизоде — то в армейских реалиях размер сооружений определяется не столько пожеланиями военнослужащих, сколько наличием строительного материала. Которого никогда не бывает много. Вспомним, что казачий лагерь находится «на широкой жёлтой равнине» (глава 3), а не в «густых лесах».

Ужин закончился. Окна плотно закрыты. Воздух пропитан запахом махорки — крестьянского табака — и немытых тел. Я лежала, свернувшись калачиком на своей койке, и наблюдала за мужчинами с незнакомым мне ранее чувством. Мне было неловко. Вот что могут сделать с человеком четыре стены.

Горели масляные лампы, жарко грела печь. Козёл раздобыл где-то колоду карт, таких засаленных, что на них трудно было что-то разглядеть, и мужчины играли на спички, поскольку денег у них не было. Нелегко отложить что-то, получая гроши, но игра шла так же азартно, а споры были такими громкими, как если бы на кону были миллионы.

Потом они стали петь песни и рассказывать разные истории. Эти люди были очень добры ко мне; и хотя — после того, как Козёл и командир согласились с моим присутствием — они со мной просто смирились, они старались не рассказывать громко истории, не подходящие для моих ушей. Самыми шумными были огромный Грицко и рыжий Федька, абсолютно никчёмный тип, который Грицко и до плеча не доставал. Спорили они о том, кто сколько может выпить, не пьянея.

Но одну сцену я до сих пор не могу вспомнить без ужаса. Девять моих соседей по комнате решили наконец начать охоту на вшей. Все столпились у раскалённой печки в центре хижины. Сначала они сняли форменные рубашки и прожарили швы, а затем стянули и нательные рубахи…

Масляные лампы отбрасывали на стены огромные бесформенные тени, свет падал на белые, покрытые волосами тела. До того я никогда не видела полуголых мужчин и сейчас смотрела на них с ужасом и любопытством. Они почти не говорили, только обменивались короткими односложными репликами, и были так сосредоточены на своём занятии, что совсем забыли обо мне. За дверью жалобно выла собака, а по крыше бил мелкий дождь.

Красный отблеск от печи падал на волосатую грудь Козла.

Ничто так не заставит тебя почувствовать себя одинокой, как стыд. Лёжа там, я вдруг ясно осознала всю неловкость своего положения. Я представила себе своё девичье тело; кажется, я впервые в жизни подумала о себе как о девушке. Я подумала о том, в каком странном положении я нахожусь — я, дочь полковника. Почему я здесь, в месте, где такой спёртый воздух и так ужасно пахнет табаком, палёными рубахами, сырыми портянками, развешанными на просушку, немытыми телами и ногами.

Вдруг кто-то — кажется, это был огромный Грицко — встал во весь рост, что-то бормоча себе под нос и почёсываясь. Он был абсолютно голым.

Я засунула в рот кулак и укусила себя до крови. Затем я выползла со своей койки и пробралась к двери, чтобы уйти в ночь, в дождь и слякоть.

Когда я наконец вернулась, промёрзшая и жалкая, все уже спали. Печь была ещё горячей. Я подумала, что теперь, пожалуй, и я могу снять и просушить мокрую одежду, а заодно и прожарить её от вшей, как это делали мужчины. Но не успела я и наполовину стянуть с себя рубашку, как кто-то громко захрапел и заворочался во сне. Я быстро натянула рубашку обратно, вернулась на свою койку и, дрожа, свернулась под одеялом.

Когда я наконец заснула, мне снился Козёл. У него было тело козла, четыре ноги и густая лохматая шерсть.

А голый Грицко все гонял и гонял его вокруг нашего барака…

Глава 6
В ДОЗОРЕ

Та же сцена повторялась потом каждый вечер в течение двух недель. Мне казалось, что я к этому никогда не привыкну, и я была бесконечно счастлива, когда пришёл приказ всем выдвигаться к границе. Но в армии лёгких путей не бывает. Я поняла, что попала из огня да в полымя: наш барак был испытанием для нервов молодой девушки, однако по сравнению с землянкой это была ещё присказка.

Темнота, сырая земля, махорка, немытые тела. Вот с чем ассоциируется у меня теперь слово «землянка». Первые дни казалось, что меня вот-вот стошнит, но потом я начала понимать, что у меня нет никаких оснований жаловаться на зловоние: ведь я и сама не мылась. И по мере того, как у меня начало складываться некое детское видение мира, исчезло отчуждение и с ним моё чувство стыда. Я становилась солдатом.

Козёл, я думаю, с самого начала знал, что я чувствую, но у него хватило мудрости ничего мне не говорить. Никто из этих людей не хотел меня оскорбить. А то, что они делали… Мне следовало научиться понимать, что в этом нет ничего плохого.

В детстве легко ко всему привыкаешь, и за месяц я вполне привыкла видеть их в землянке со всеми интимными подробностями.

Но инстинктивно, в силу чего-то большего, чем просто скромность, себя я от них старательно прятала. Я никогда не снимала при них одежду; я уходила далеко-далеко в поисках места, где никто не мог бы меня видеть, и никто, даже Козёл, так этого и не понял.

Теперь у нас уже не было никаких ни учений, ни занятий. Мы по большей части спали целыми днями и выходили в дозор ночью. У меня было много свободного времени, потому что мне не разрешали ехать с мужчинами. Но однажды, когда они готовились к дежурству, Козел спросил:

— Хочешь поехать сегодня с нами, Мария?

Я вскочила, вспыхнув от гордости.

— Сегодня не будет опасно, — добавил он.

Он всё испортил.

— Как тебе не стыдно, Козёл, — сказала я сердито. — Ты думаешь, я трус? Ты сделал из меня солдата, так и относись ко мне как к солдату.

Услышав это, рыжий Федька заржал, а Козёл повернулся к нему и сердито велел замолкнуть. А мне сказал самым убедительным тоном:

— Извини, Мария, но ведь, в конце концов, ты просто баба, а вылазки такого рода поначалу всегда пугают.

С этими словами он дал мне бурку — огромный шерстяной плащ, который накрывает и всадника, и лошадь. Бурка соткана так плотно, что практически не пропускает влагу; бурки носят только кавказцы.

Мы отправились примерно в десять часов вечера. Сначала ехали вдоль границ нашего лагеря, потом выстроились в колонну и двинулись в сторону реки. Я знала, что где-то за рекой была «граница», а там — турки и немцы…

— Ни звука! Передай команду дальше, — эти слова мне прошептал, обернувшись, тот, кто ехал впереди меня. Мы подъехали к берегу реки.

Кажется, даже лошади прониклись необходимостью тишины. Они осторожно ставили ноги в воду и почти бесшумно перешли реку вброд. Я уверена, что могла слышать, как бьётся моё сердце. Мы вышли на противоположный берег, и тут внезапно пошёл проливной дождь. С моей шапки стекала вода, и звук тяжёлых капель, падающих на землю, которой не было видно, громом отдавался в моих ушах. Я не слышала приказов, но моя лошадь сама остановилась. Вглядываясь в темноту, я разглядела впереди прямо перед собой какие-то неясные очертания. Всадники впереди меня тоже остановились.

Кто-то, спешившись, прошёл рядом. Это был Козёл. За ним шли ещё трое. Они беззвучно растаяли в темноте.

Казалось, прошла вечность, прежде чем они вернулись. Последовал тихий гортанный приказ, которого я не расслышала, но мы все повернули налево и начали подниматься в гору. Проехав примерно двести метров, мы остановились, и Козёл со своими тремя спутниками опять исчез.

Дождь прекратился, и уже ничего не было слышно, кроме журчания воды, уходящей в глинистую почву. Случайные звуки… вот впереди меня задвигалась какая-то лошадь. Сдавленный кашель… Казалось, тишина никогда не прервётся, и моё волнение нарастало, словно в предчувствии чего-то ужасного. Не потерялся ли Козёл? Не захватили ли его турки? А вдруг здесь начнётся бой, прямо здесь, ночью, а мне совершенно нечем защищаться, кроме оловянной шашки. Козёл обещал достать мне револьвер, но пока так и не достал; я начала ругать его за то, что он привёл меня сюда, в такое опасное место, совершенно беззащитной. Впереди послышались какие-то звуки, и теперь, когда глаза уже немного привыкли к темноте, я смогла разглядеть четырёх мужчин, слезающих с коней и крадущихся куда-то. Боже мой, что это? Они что, решили все пропасть? А потом будет моя очередь? Трясущимися руками я ухватилась за свою оловянную шашку и уже готова была уйти в темноту, одна, по грязи…

Тут где-то совсем рядом раздался невнятный голос… Поводья выскользнули из моих пальцев, и я была готова завизжать, когда этот голос раздался снова. Это был Козёл. Он незаметно пробрался обратно и сейчас отдавал всем приказ вернуться в сёдла. Все вскочили на коней, и мы двинулись обратно.

Я совсем перестала ориентироваться и доверилась своей лошади, которая, казалось, интуитивно понимала, когда остановиться, а когда снова идти, и когда обходить небольшие заросли низкорослых колючих кустов вдоль дороги. Потом мы опять остановились. Мне показалось, что это было у реки, потому что я слышала звук текущей воды. Четверо мужчин впереди спешились и велели мне держать их лошадей. Я обернулась и хотела уже что-то спросить одного из них, но он так внимательно вслушивался во что-то, что я промолчала. Потом он слез с лошади, передал мне уздечку и двинулся в сторону реки.

Я осталась совсем одна.

Я спрашивала себя, за что они так поступили со мной, почему не могли позволить мне пойти с ними. Шум воды ничего не давал услышать, но я уже могла кое-что видеть вокруг. Я смотрела по сто-

ронам, и мне было очень страшно. В памяти всплывали все страшные истории, все рассказы о турках и о том, что они делали со своими пленными, которые мне довелось слышать в лагере.

Где-то позади от меня были казаки, но я не знала, как далеко они отъехали, ведь я не могла ни видеть, ни слышать их. Турок мог подкрасться и перерезать мне горло, а они об этом даже не узнали бы. Лёгкое дуновение ветерка коснулось щеки, и я от страха чуть не выскочила из седла. А потом слева от меня появилась чёрная тень, и я могла поклясться, что она — медленно-медленно, низко прижавшись к земле — крадётся прямо ко мне. Я застыла в седле от ужаса; мои руки были заняты уздечками, и я была абсолютно беспомощна. Я смотрела туда, заворожённая ужасом, но тут снова подул ветерок и тень чуть-чуть качнулась.

Этого мне хватило, чтобы понять, что это был просто куст.

Не помню, сколько всё это длилось, и что ещё мне мерещилось от страха. Я вся дрожала, и мой страх передался лошадям. Они начали бить по земле копытами и тянуть уздечки, хотя прежде себе никогда такого не позволяли, так как были хорошо вымуштрованы.

Потом из ночного мрака показались неясные очертания. Шум воды заглушал шаги, и я смогла увидеть людей, только когда они были уже совсем рядом. Тут я всё же взвизгнула, но ужас мой был столь велик, что этот визг напоминал сдавленный кашель.

Но теперь это был уже возвращающийся дозор. Наша миссия в тот день была завершена.

Переправившись через реку, мы поскакали к лагерю лёгким галопом. У меня пересохло горло. Я всё время дрожала. Вернувшись в землянку, мы зажгли свет, и вскоре воздух наполнился дымом махорки. К счастью, пары махорки висели в воздухе так густо, что в комнате было почти темно. Я говорю «к счастью», потому что когда Козёл вернулся с доклада начальству, он подошёл ко мне и спросил:

— Ну что, Мария, как тебе дозорная служба?

Он не видел моего лица, когда я сказала:

— Ну, неплохо. Но кажется скучновато.

Было, наверно, около двух часов ночи, когда я проснулась оттого, что чья-то тяжёлая рука трясла меня за плечо.

— Козёл сказал, что, если ты хочешь, то можешь пойти на дежурство.

Я моментально вылезла из постели.

— Какое дежурство?

Он показал на выход из землянки.

Итак, я буду часовым! Значит, они действительно признали меня своей, ведь иначе не доверили бы мне столь ответственную задачу. Теперь, когда я немного поспала, страхи, терзавшие меня всего несколько часов назад, ушли в прошлое, и я была просто счастлива при мысли о новом задании.

Козёл спустился с лестницы с винтовкой в руках, которую протянул мне.

— Надень бурку, — сказал он, — похоже, опять будет дождь. Твоё дело — смотреть в оба и не заснуть. Если почувствуешь, что тебя клонит в сон, упрись подбородком в винтовку. Через два часа тебя сменят.

Я поднялась по ступенькам.

Вскоре до меня стало доходить, что быть часовым не столько почётно, сколько неприятно. Опять пошёл дождь, и я стояла под дождём, пока в землянке все крепко спали. Козёл со всей решительностью делал из меня солдата.

Время тянулось еле-еле. Я попыталась разглядеть других часовых, увидеть, сидят они или стоят, но вокруг было слишком темно, и я ничего не видела. Мои веки тяжелели. Если я усну на посту, это будет страшным позором! Я упёрлась подбородком в винтовку. Но потом мне стало страшно: а вдруг она выстрелит? Становилось ужасно холодно, я переминалась с ноги на ногу. От холода ноги совсем онемели, и я их почти не чувствовала. Я подумала, что Козёл, пожалуй, сыграл со мной злую шутку, заставив пройти через всё это.

Мимо меня прошёл офицер и что-то тихо сказал. Я не разобрала ни слова, но он прошёл быстро, не дожидаясь ответа и теперь уже говорил с другим часовым. Я заметила, что тот часовой тоже ничего не ответил... Значит, всё в порядке.

Следующий час тянулся бесконечно. Я до боли кусала язык и кончики пальцев, изо всех сил давила подбородком на дуло винтовки, но дремота охватывала меня всё сильнее и сильнее, а холод становился всё более и более пронизывающим. В дозоре ощущалось хотя бы возбуждение от страха, а здесь всё было бесцветно и отвратительно. И уже когда я понимала, что не выдержу больше ни минуты, кто-то сзади меня поднялся по ступенькам. Слава Богу — я свободна!

Я кубарем скатилась по лестнице в землянку и заснула самым крепким сном.

Утром меня разбудил чей-то громкий разговор и смех. Козёл склонился надо мной с кружкой горячего чая и куском тёплого чёр-

ного хлеба. Это было невероятно вкусно. Пока я пила и ела, он поздравил меня и сказал, что я была хорошим солдатом. Это был самый подходящий момент, чтобы спросить его про оружие.

— Ты когда-нибудь уже дашь мне настоящую шашку и пистолет, Козёл?

— Как только смогу, — пообещал он, — нас здесь скоро сменит другой полк. Через несколько дней мы вернёмся назад. Вот тогда и посмотрим.

И опять потянулись учения и уход за лошадьми; там, на фронте, мы совсем забросили всё это. Мы снова вернулись в свой барак, который теперь, после землянки, казался райским местом.

До сих пор у меня не было возможности помыться, и теперь я с ужасом обнаружила кучу насекомых во швах моих штанов. Я нашла пустое помещение, развела там костёр, сняла с себя всю одежду и начала её прожаривать. Но нижнее бельё было настолько завшивлено, что я просто бросила его в огонь. Однако через несколько дней и вторая смена белья оказалась не лучше. Мне пришлось идти к Козлу и объяснять ему ситуацию.

На следующее утро он пошёл со мной в маленький белый домик на окраине посёлка, немного поболтал там с дежурным солдатом, которого, кажется, знал, а через пару минут вышел из дома с хорошенькой сестрой милосердия из Красного Креста. Она сказала, что сможет устроить для меня баню, если Козёл разожжёт костёр, чтобы вскипятить воду. Он сделал это с неменьшим энтузиазмом, чем проявил бы, готовь он эту баню для себя самого.

Сестра помогла мне помыться; с меня стекло море грязи. Она намазала мне голову и тело дезинфицирующим средством и пошла искать для меня новое бельё. Сестра вернулась с комплектом, в котором я просто утонула; особенно нелепо смотрелись кальсоны, рассчитанные на кого-то вдвое выше меня. Мы посмотрели друг на друга и удручённо рассмеялись.

— Может, урядник сможет что-то сделать с этим, — сказала она наконец и пошла искать Козла. Вернувшись, она смерила длину от талии до пола и опять ушла.

— Он что-то сделал с ними своей шашкой, — сказала она, вернувшись. — Он действительно очень умный человек. А теперь скорее одевайся, и я угощу тебя горячим шоколадом.

Мысль о шоколаде была очень соблазнительной, особенно после нашей армейской кухни. Однако надеть на себя это странное

бельё, да ещё и побыстрее, было задачей не из лёгких. Козёл сделал всё, что мог, но невозможно подогнать армейские кальсоны самого большого размера под фигуру четырнадцатилетней девочки, как ни старайся. Их верхняя часть болталась где-то ниже моих колен, зато от штанин сохранилось совсем немного, поэтому мои ноги ниже бёдер остались неприкрытыми, а вокруг талии эти кальсоны можно было обернуть трижды. Нижняя рубаха была не лучше, она собралась на спине уродливым горбом. Когда я наконец оделась, то можно было подумать, что я засунула себе одну подушку в штаны, а другую — за шиворот.

Сестра и Козёл деликатно ничего не сказали, когда увидели меня в таком виде. Сестра также не стала задавать никаких вопросов, когда Козёл сказал, что я его племянница. Она просто предложила мне приходить к ней мыться, когда будет такая возможность.

После Козёл заставил меня коротко остричь волосы. Думаю, что с тех пор любой, кто не знал меня раньше, принял бы меня за мальчика.

— Иди сюда, Мария, познакомься с моим другом. Он привёз тебе лошадь.

Это произошло несколько дней спустя. Козёл стоял у барака и разговаривал с каким-то азиатом, смуглым человеком с ужасным шрамом с одной стороны лица. Мне правда кажется, что ни у кого в нашей армии не было столько друзей, как у Козла.

Лошадь была красавицей. Ей не хватало только хорошего ухода, и это было очень заметно.

— А где вы её… — я запнулась, недоговорив. Я помнила, что у азиата нельзя спрашивать, где он взял лошадь. Поэтому я просто вежливо поблагодарила его и повернулась к Козлу.

— Теперь осталась только шашка.

И — к нашему невероятному удивлению — азиат снял свою шашку и предложил её мне. Козел спросил его, что же он сам будет делать без шашки, но тот рассмеялся, прищурившись, отчего лицо его приобрело какое-то страшное выражение.

— Я недолго пробуду без неё!

Итак, теперь у меня были лошадь и шашка. Я побежала испытать её, как только смогла. Я ударила шашкой о камень, а потом, волнуясь, приложила к уху, чтобы послушать, как она звучит.

Она пела, как хор небесных ангелов!

Глава 7
ФУРАЖИРОВКА

На голые плоскогорья Армении пришёл морозный ноябрь. Холод, как известно, обостряет чувство голода; у нас же он обострил ещё и общее недовольство происходящим.

Мы хотели войны, а здесь, в бараках и землянках, мы занимались то тем, то другим, и всё это было бессмысленно. Мы всё время медленно отступали, так и не увидев врага, которого ненавидели всеми фибрами своей души. Солдаты, переброшенные к нам с Западного фронта, рассказывали невероятные истории о великих битвах и славных подвигах; у многих на груди был высший знак воинской славы, Георгиевский крест[60]. Не удивительно, что у наших казаков сердце было не на месте — ведь они, храбрейшие из храбрых, были обречены на безделье и праздность. Почему?[61]

Запасы продовольствия подходили к концу, и страдать от этого приходилось армянам из соседних городков и деревень. Их земли были разорены и обокрадены, наши солдаты забирали их овец. Некоторые пытались прятать отары в горах, но если их ловили, то обращались безжалостно. Более того, угрюмая и подавленная армия просто искала повода сорвать на ком-то зло, и недоедание было далеко не худшим, что грозило тогда армянам.

Я тогда многого не знала, потому что, как уже было сказано, мужчины тщательно оберегали меня от самых ужасных новостей. Но четырнадцатилетний ребёнок, у которого ушки на макушке, не может не понимать, что происходит вокруг. Один разговор я помню до сих пор.

---

[60] Георгиевский крест — высшая награда для нижних чинов, вручаемая за боевые заслуги солдатам и унтер-офицерам. Учреждена в 1807 году как Знак отличия Военного ордена для нижних воинских чинов; название «Георгиевский крест» официально использовалось с 1913 года. Георгиевские кресты 3-й и 4-й степени изготавливались из серебра, 1-й и 2-й степени — из золота.

[61] Ответ на вопрос, задаваемый автором: потому что конкретно данная часть, надо полагать, находилась в резерве. В октябре-ноябре 1914 года на всём протяжении Кавказского фронта велись активные боевые действия. Обе стороны — Россия и Османская империя — стремились перейти в наступление, действуя с переменным успехом. К концу ноября турки добились некоторого продвижения в северной части фронта, в Батумской области. На всех остальных участках русские войска вели бои на территории Османской империи.

Это случилось в нашем бараке. Козёл куда-то ушёл, а Федька и Грицко успели в очередной раз крепко выпить. Я уже привыкла видеть их в таком состоянии, а им шестое чувство обычно подсказывало, что Козёл близко, и что нельзя заходить чересчур далеко и говорить что-то, что может ранить ребёнка. К тому же им была присуща какая-то удивительная врождённая деликатность.

Но той ночью холод и общее недовольство, видимо, оказались совсем невыносимыми. Они громко ругались, все безуспешно пытались их утихомирить, однако в конце концов махнули рукой. Ругали они главным образом армян, которых большинство казаков презирали, потому что это совсем не воинственный народ[62]. Федька и Грицко, кажется, узнали о них что-то новое. Я лежала, с головой накрывшись одеялом; мне действительно не хотелось их слушать. Естественно, я тоже относилась к армянам с пренебрежением, но Федька и Грицко выражались как-то уж совсем гадко, хотя я и не понимала и десятой доли того, о чём они говорили. Я, кажется, почти заснула, когда меня разбудил особенно громкий взрыв хохота. Я села на нарах, сна уже не было.

Кажется, они совсем забыли о моем присутствии.

— Стой, стой, — говорил Федька, — Это ещё не всё. Тот тип сказал, что на краю деревни был ещё маленький домик. Туда они пошли под самый конец. И что вы думаете, они там нашли? — он икнул. — Хотите верьте, хотите нет, но там были шесть женщин, две совсем старые, но ещё по крайней мере две совсем молодые. Ну, что скажете?

Кто-то сказал, что нет ничего удивительного в том, чтобы найти шесть женщин в маленьком домике.

---

[62] Автор крайне предвзято настроена по отношению к армянам. Наравне с другими народами Российской империи армяне служили в армии и составляли достойную часть офицерского корпуса. В годы Первой мировой войны в ответ на геноцид, устроенный турками, армянское население Османской империи подняло целый ряд восстаний в городах Ван, Сасун и т. д. Дружины армянских добровольцев сражались бок о бок с русскими войсками; впоследствии шесть таких дружин были развёрнуты в отдельные полки.

Казак Ф. И. Елисеев характеризует армянских добровольцев как «опасных и непримиримых врагов турецкой армии». «Они были очень ценными помощниками казачьему отряду... К тому же они дрались фанатично, и ни турки, ни курды армян, как и армяне их, в плен не брали. Они уничтожали друг друга в бою безжалостно». (*Елисеев Ф. И.* Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. — М., 2001. — С. 86, 101.)

— Да ты главного не знаешь, — ответил Федька. — Это были не простые шесть женщин, брат…

Кто-то толкнул его в ребро и хрипло прошептал: «Тут ребёнок, Федька!» Все повернулись ко мне, и я опять поспешно залезла под одеяло. Я не могла объяснить, почему мне было так скверно, и почему, хотя я мало что поняла, у меня горели щёки.

Вскоре после этого мне самой пришлось отправиться на фуражировку. Я решила присоединиться к группе из примерно двенадцати человек, которые собрались в какое-то приграничное село. Козла поблизости не было, однако в этой группе были Грицко и ещё один казак по имени Степан из нашего барака, и я решила, что вполне могу поехать с ними. Никто и не возражал.

Мы двинулись в путь вечером, примерно в девять часов, укрывшись бурками, поскольку с гор пришла гроза, и сверху хлестал противный дождь.

Мы ехали по дороге, оставляя линию фронта слева и проезжая один лагерь за другим, пока не приблизились к границе. Ориентироваться можно было только по этим лагерям. Ночь была беспросветно тёмной, и я с трудом различала кого-то даже в метре от себя. Когда все лагеря остались позади, и света было уже не видно, я начала понимать, что никто не подумал о том, чтобы разузнать дорогу.

Кажется, мы ехали вдоль какого-то склона, и я всё время соскальзывала правее. Что бы это значило? Означало ли это, что горная гряда была слева или справа? Я скользила по мокрому склону горы, ощущала полную беспомощность и уже начинала мечтать, чтобы чёрные небеса прояснились и показались звёзды, по которым можно было бы определить дорогу. По бурке стучал холодный дождь, выбивая мелодии, которые менялись в зависимости от того, откуда дул ветер. С шапки на шею и спину мне лилась вода. Я с удовольствием предоставила лошади возможность самой выбирать дорогу…

Наконец мы остановились, и кто-то сказал:

— Когда мы выехали, граница была впереди. Потом мы повернули налево, вот сюда. Значит, теперь граница должна быть справа.

— Может, да, а может, и нет, — тупо сказал кто-то густым басом. — Разве мы поворачивали?

— Я всё время ехал прямо, — сказал первый. — Ну и где мы теперь?

— Вот ты и скажи нам, умник. — Это был Грицко. — Ты же об этом речь завёл.

Если бы с нами был Козёл! Я уверена, он никогда не заблудился бы. Ну ладно, в другой раз я буду умнее. Всадники тем временем спешились и что-то тихо обсуждали. Вдруг один из них испуганно вскрикнул:

— Вот дурак! Смотри, что ты наделал! Лошади! Они сбились в кучу! И как теперь, скажи на милость, мы узнаем, в какую сторону мы вообще ехали! Вот теперь мы уж точно потерялись!

Я решила вмешаться:

— Моя лошадь не двигалась с места с тех пор, как мы остановились.

После чего они, поворчав, снова сели верхом и выстроились за мной, но никто, кажется, не имел ни малейшего представления, что делать дальше. Я начала думать, что все мужчины, кроме Козла, потрясающе глупы. Мы были Бог знает где, затерялись в предгорьях, возможно, на вражеской стороне, и никто не знал, как быть. Они явно не позаботились узнать, где именно находится то село, куда мы направлялись. Они просто выехали из лагеря самой подходящей на их взгляд дорогой, и их поглотили холодные отроги гор. Их всех, и меня вместе с ними.

Горы вообще выглядят зловеще, особенно в приграничных районах Кавказа, где по ночам гуляет смерть. Мы были беззащитны перед невидимой опасностью. Вопрос был только в том, кто доберётся до нас раньше: турки или разбойники. У меня не было сомнений, что в темноте притаились те или другие.

Наконец было решено, хотя никто не был до конца уверен, что решение правильное, что *если* граница действительно справа от нас, и *если* мы действительно никуда не сворачивали, то до рассвета следует ехать в левую сторону, а там определить своё местоположение по солнцу или по каким-то другим ориентирам.

Мы резко повернули налево… и сразу же нарвались на проблему. Мы умудрились оказаться на крутом горном склоне. Наши лошади скользили и вязли в грязи, а густые мокрые кусты им только мешали. Теперь дождь бил нам в лицо и заливался даже под бурку. Моя одежда и седло промокли насквозь; руки онемели так, что я еле держала уздечку; глаза болели.

Мои спутники ругали друг друга, поминали мать и Бога. Я очень надеялась, что Бог не разгневается на нас и не пошлёт молнии испепелить богохульников; я очень боялась молний. Я хорошо представляла себе, как молния озаряет темноту…

— Это вершина! Мы на вершине!

Хриплый голос, в котором звучало ликование, раздался метрах в тридцати над моей головой.

— Ты что-нибудь видишь?

— Дурак, от езды в темноте я ещё не стал совой. Езжайте все сюда.

— Ясное дело, сюда, через все эти балки, не доберётся никакая армия. Возблагодарим Бога за то, что Он привёл нас в безопасное место, за милость Его.

— Милость! — закричал кто-то сердито. — О какой милости ты говоришь? Посмотри на нашу промокшую одежду!

Поднявшись на вершину хребта, мы оказались ничуть не в лучшем положении. Погода здесь была ещё хуже, ветер мрачно завывал и бросал нам в лицо струи ледяного дождя. Мы попытались ещё немного продвинуться, доверив свои жизни нашим лошадям. С каждой минутой становилось всё холоднее, и мы представляли собой абсолютно жалкое зрелище. Наконец кто-то отыскал сарай.

Мы ввалились внутрь, никого там не обнаружив. Но сарай был добротный и полный сена, и поскольку рядом не было других строений, как не было их, кажется, на много вёрст вокруг, то нам пришлось ждать рассвета в этом сарае. Оставался только один вопрос: кто останется на дежурстве? Ну уж точно не я; я еле держалась на ногах от усталости. Другие тоже явно не были к этому готовы. Степан хрипло сказал:

— Да здесь на выстрел никого нет. Давайте спать.

Никто не возражал.

Мы привязали лошадей и пошли на сено спать.

Дверь сарая открылась. На пороге стоял огромный турок, размахивая обнажённой кривой саблей. Он медленно оглядел сарай и пошёл к тому месту, где лежала я, слишком перепуганная, чтобы пошевелиться или закричать. Турок шёл по сараю шаркающей походкой; странно, что все остальные не слышали звука его шагов. Он остановился надо мной, улыбаясь во весь рот, наклонился низко-низко и очень легко провёл саблей по моей щеке…

Я рывком поднялась. Моя лошадь сорвалась с привязи в углу и нежно касалась губами моей щеки, пожёвывая сено. Темнота рассеивалась, и я уже могла разобрать очертания человека, лежавшего рядом со мной. Видимо, за стеной уже приближался рассвет.

Я встала, нашла Грицко и потрясла его за плечо.

— Светает, — сказала я.

Тем же утром в сарай вошёл один из наших казаков. Он тащил за собой армянина, насмерть перепуганное существо, с мольбой смотревшее на нас своими яркими тёмными глазами, глубоко посаженными на морщинистом, как сушёное яблоко, лице.

Казак швырнул его на пол. Старик плакал и что-то жалобно бормотал на непонятном языке. Я еле удержалась от слёз. Вот скоты! Разве можно так обращаться со стариками! Но они так ужасно ругались, что я не рискнула вмешаться.

Потом Степан, который немного умел говорить по-армянски, вынул шашку и наклонился вперёд. Я затаила дыхание. Святой Боже, неужели он собирается его убить?

Степан стоял над стариком, размахивая своим клинком; потом он схватил старика за спутанные седые волосы и начал что-то быстро говорить, видимо, угрожая отрубить эту седую голову, если старик не…

Старик, всхлипывая, поднялся на ноги и вышел из сарая; все казаки последовали за ним. Я осталась одна. Я боялась, что они сделают что-то ужасное, и не хотела этого видеть.

Вскоре многие вернулись, хохоча во все горло. «Собаки, — подумала я, — подлые кровожадные собаки, смеющиеся над убийством безобидного старика, который, наверно, не имел никакого отношения к этой войне». Мне хотелось сказать это вслух, но я боялась. Они хохотали как сумасшедшие и выглядели дико и необычно.

Наконец вернулись и остальные. Все, кроме Степана. Неужели Степан убийца? Один из вернувшихся сказал:

— Теперь у нас столько овец, что можно прокормить целую армию. Но я ему не доверяю. Нужен другой проводник. Старый ублюдок может и предать.

То есть, может быть, они его не…

— Всё нормально, — сказал другой. — Пусть он укажет дорогу, мы пошлём одного вперёд убедиться, что всё спокойно, и можно гнать овец.

Слава Богу, они его не убили.

Старик был за дверью, он напоминал рыдающую груду лохмотьев. Степан смотрел на него брезгливо, но глаз не спускал. Чуть поодаль паслась отара овец, их было не меньше тысячи. Овцы мирно щипали свежую влажную траву.

Гнать овец вниз по склону было бы весело, но старику приходилось идти пешком, пока он окончательно не выбился из сил. Я не выдержала. Я предложила подвезти его. Кто-то грубо рассмеялся.

— Баба всегда баба, добренькая такая. Баба тебе поможет, старик.

Он назвал меня бабой! Худшего оскорбления нельзя было придумать! Разве я не была солдатом? Грязные черти!

— Да, я баба, и я добренькая, — с вызовом сказала я в ответ. — Но я не так глупа, как вы. Вчера ночью вы сбились с дороги, и сегодня снова заблудились бы, если бы не этот старик. Он ведёт вас, как малых детей. Вы тупые, как ослы. Вы даже не понимаете, что у нас есть единственный шанс вернуться самой короткой дорогой: старик должен нас провести, а он уже так измучен, что далеко идти не сможет.

Как ни странно, они сразу со мной согласились. Казаки становятся очень покладистыми, когда их женщины их ругают. А когда я попыталась подсадить старика к себе в седло, то молодой казак немедленно взял на себя все заботы.

К полудню мы вернулись в лагерь ко всеобщей радости. Целую неделю все питались бараниной. Её готовили любыми возможными способами, но больше всего всем нравился шашлык — баранина, зажаренная на углях, национальное кавказское блюдо. Я стала почти знаменитостью, потому что была с теми, кто добыл еду.

Каждый раз, когда появлялось новое блюдо, я спрашивала себя, что же случилось со стариком. Сначала я боялась спросить, чтобы не выглядеть глупой мягкосердечной бабой. Но в конце концов я не выдержала и остановила Грицко.

— Что стало со стариком? — спросила я его.

— С каким стариком?

— Со старым армянином, который довёл нас сюда с гор.

— А, он… — Грицко выглядел очень глупо, он покраснел, и ему было явно неловко.

— Сейчас ему уже хорошо, — только и смог он сказать.

Больше я никогда не ездила на фуражировку.

Глава 8
СМЕРТЬ КОЗЛА

К середине зимы мы были далеко от границы в горах; мы медленно отступали[63] к Эривани[64] и реке Аракс. Наш путь лежал через холодные пустые пастбища и голые склоны, через земли, чьи исконные обитатели, как звери, уползали при нашем появлении глубоко в норы, потому что армянские посёлки буквально врыты в склоны гор.

И, наконец, у глинистых вод Аракса турки нас догнали.

Однажды, когда я поехала в разведку с Козлом и другими казаками из нашей сотни, мы подъехали к туркам так близко, что можно было различить их голоса. Мы увидели широкую равнину, а на ней на вёрсты вокруг — целое море людей в чёрном. Так, по крайней мере, мне помнится это сейчас. Между ними и нами лежала широкая река — но солдат охватывает необъяснимый ужас, когда они впервые видят своего противника. Мои товарищи застыли у своих лошадей, ожидая приказов от Козла.

Во время наших рейдов мы часто натыкались на гнёзда ядовитых змей. Тогда Козёл без колебаний кричал: «Стреляй-коли», — и все исполняли приказ с яростью, помноженной на любопытство. Они смеялись и ликовали, а потом в лагере хвастались тем, сколько рептилий обезглавили как раз в тот момент, когда те уже готовы были броситься.

---

[63] Не вполне понятно, почему в памяти автора сохранились воспоминания об отступлении «в середине зимы». В декабре 1914 года русская армия разгромила турок в Сарыкамышском сражении. Противостоявшая русским войскам 3-я турецкая армия потеряла большую часть личного состава: на начало января в рядах её насчитывалось всего 12 400 человек из 150 000, имевшихся в начале операции. Русские потери составили около 20 000 человек убитыми, ранеными и больными, а также более 6000 обмороженными. (См.: *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917 г. — Париж, 1933. — С. 126, 133.)

Затем русские войска продолжили наступление вглубь Малой Азии. Вплоть до 1917 года война шла на территории противника. На начало 1915 года турки удерживали лишь небольшой участок российской территории в Батумской области.

Возможно, автор вспоминает эпизоды, относящиеся к октябрю-декабрю 1914 года, когда русские войска вынуждены были отступать на отдельных участках фронта. Во всяком случае, до Эривани туркам было очень далеко.

[64] Эривань — центр Эриванской губернии Российской империи. Основан в 782 году до н. э. С 1936 года Ереван. Ныне столица Республики Армения.

Теперь они притихли. Я думаю, дело было не столько в страхе, сколько в самом факте присутствия рядом с нами вражеской армии, о которой до недавнего времени только ходили слухи. Даже лошади не шевелились без особой нужды.

Нам не грозила никакая опасность, пока какие-нибудь передовые отряды турок не перешли реку. Но я помню, как смотрела на своих товарищей и говорила себе, что мне будет жаль, если они погибнут; что я прощаю им все обиды, вольные и невольные. Я не сомневалась, что в любую минуту мы можем оказаться в самой гуще сражения, и была полна раскаяния за все свои невольные грехи. Но тут Козёл скомандовал: «На юго-восток». Мы пустили лошадей шагом, вскоре спустились вниз и были уже не видны неприятелю. Как ни странно, несмотря на явное облегчение, я чувствовала себя немного обманутой.

Козёл немедленно отправился к сотнику[65]. Я была достаточно близко, чтобы услышать его доклад о том, что противник сильно превосходит нас числом, и слабое утешение сотника: «К сожалению, войска нужнее на Западном фронте. Поэтому придётся отступать».

После этого я заметила, что все офицеры хотя и исполняли свои обычные обязанности, но были чем-то обеспокоены. Генерал, прибывший к нам из Эривани, тоже выглядел весьма озабоченным. В тот день в штабе шли бесконечные совещания, и Козёл, который присутствовал на них с нашим сотником, сказал, что мы не сможем задержать противника, что они просто сомнут наши части и пройдут вглубь России, если высокое начальство в Петербурге не обратит внимания на наше положение. Он добавил, что у нас совсем мало боеприпасов, хотя ещё два месяца назад их было предостаточно, и даже намекнул, что всё это было частью неких махинаций, о которых шептались все вокруг.

Я никогда не слышала, чтобы он говорил так прямо и был настолько удручён.

Когда следующим утром я совсем рано выходила на дежурство при штабе, то офицеры всё ещё что-то ожесточённо обсуждали, склонившись над картами. Было ясно, что они не ложились. Спустя примерно час один из них вышел и сказал, что, когда меня сменят, то я должна пойти и сообщить нашему старшему, чтобы тот пришёл к ним с докладом. Старшим у нас был Козёл.

---

[65] Сотник — офицерский чин в казачьих войсках и кавалерии, соответствующий поручику. Примерно соответствует старшему лейтенанту в современных Вооружённых Силах Российской Федерации.

Я едва дождалась конца своего дежурства; я чувствовала, что вот-вот случится что-то невероятно важное. Под ложечкой сосало; это был азарт пополам со страхом.

Когда Козёл пришёл с новым дежурным, его поведение только подтвердило мои ощущения. Он вошёл в комнату, где происходило совещание, и уже через десять минут вышел оттуда, отчаянно потирая своё правое ухо. Он терзал ухо так сильно, что оно покраснело и сморщилось; он всегда так делал, когда был на самом деле сильно чем-то обеспокоен. Одного из наших бойцов он послал за офицером, командовавшим сапёрами.

Они коротко поговорили о чём-то, и офицер, в свою очередь, созвал своих людей. За ними подошли другие наши казаки, а сразу за ними пришёл унтер-офицер с ещё одной группой сапёров.

Последовал короткий приказ слушать внимательно…

Вышел наш сотник, а с ним генерал, который был его родственником. При свете факелов — ведь было ещё темно — они оба выглядели крайне усталыми, растрёпанными и очень мрачными. Первым заговорил генерал.

— Братцы!

«Братцы»? Офицеры обычно обращались к солдатам «ребята».

— Братцы, нам нечем сдерживать наступление неприятеля. Мы не можем идти в бой, потому что у нас не хватает ни людей, ни оружия. Но если мы их не задержим, то они скоро выйдут к главным железнодорожным путям и пройдут прямо в сердце матушки России. Россия ждёт от вас жертвы. Нужны охотники[66] для опасной вылазки. Эта вылазка, возможно, будет стоить вам жизни. Кто готов умереть за матушку Россию и батюшку царя?

И он подробно объяснил, что нужно было сделать. Неподалёку от нас был большой мост через реку Аракс, а по бокам от него два маленьких деревянных моста. Нужно было взорвать большой мост и сжечь два малых. Только так мы могли надеяться сдержать наступление неприятеля. Он взывал к тому, что было у каждого глубоко в душе, на глазах у него были слёзы. Слёзы были и у большинства из тех, кто его слушал.

Я с волнением смотрела на казаков. Я была уверена, что сейчас все они сразу шагнут вперёд. Но никто не шелохнулся. Не думаю, что дело здесь было в отсутствии храбрости, ведь они все были рождены

[66] До переворота 1917 года слово «охотник» использовалось в современном значении слова «доброволец».

и воспитаны солдатами, и смерть в бою была для них высшей славой, о которой можно только мечтать…

Дальше всё произошло помимо моей воли. Прежде чем я поняла, что делаю, я уже стояла перед генералом и отдавала честь.

— Я пойду, ваше превосходительство.

Кажется, генерал был изумлён не меньше меня.

— Ты? Но ты же ещё дитя…

— Я казак!

В следующую минуту рядом со мной оказался Козёл. «Мария, дитя моё, ты не понимаешь, что делаешь. Воевать — это дело мужчин». Я ничего не говорила, но стояла по стойке смирно и не сводила глаз с генерала. За моей спиной из строя выходили и другие казаки.

Козёл насчитал тринадцать добровольцев.

— Я возьму двенадцать, ваше превосходительство? Этого хватит. — Он опять потянул себя за ухо.

— Возьми двенадцать и ещё этого… — он как бы в шутку отдал мне честь, — этого казака.

Я видела, что Козёл не одобрял такое решение. Я чувствовала устремлённые мне в спину взгляды из строя. Я понимала, что они при этом думали: «Ух ты! Баба! Придётся о ней печься вместо того, чтобы дело делать». Я умирала от унижения, но отступать было уже поздно.

Мы должны были выступить немедленно, пока было ещё темно. Но за то время, что мы вышли из города и двинулись в сторону Аракса, прошли мимо спящих войск, миновали последнюю заставу и вышли на голую равнину, уже потянуло предутренним холодком. До мостов было где-то примерно верста или две. За рекой на фоне бледнеющего звёздного неба возвышались тёмные безмолвные горы. Вдоль их отрогов лагерем встала вся турецкая армия.

— Всем лечь! — хрипло скомандовал унтер-офицер, командовавший сапёрами. Он вызвался идти одним из первых, и теперь как-то само собой вышло, что он взял на себя командование. Распластавшись на земле, я думала про своего деда, который воевал в Порт-Артуре[67].

[67] Порт-Артур — город и военно-морская база в Китае на Жёлтом море, арендованный Российской империей у Китая в 1898 году. Во время Русско-японской войны Порт-Артур был осаждён японцами и после 329 дней героической обороны капитулировал 20 декабря 1904 года (2 января 1905 года по новому стилю).

Дрожал ли он так же перед боем? Расскажут ли ему обо мне, если меня убьют? Расскажут ли, что я умерла смело?

Унтер-офицер приказал одному из своих людей и двум нашим подползти к ближайшему мосту, плеснуть керосина и поджечь; потом другие трое должны будут поджечь другой мост. Козёл, державший меня за руку, вдруг крепко её сжал. Нам же предстояло взорвать главный мост!

Каждого, кто уползал на задание, унтер-офицер называл братом и пожимал ему руку; потом он повернулся к Козлу. «Сейчас я пойду, — сказал он шёпотом. — После этого досчитай медленно до десяти и следуй за мной». Я закрыла глаза и начала считать. Десять, двадцать, тридцать… Козёл не двигался. Потом на моё плечо легла тяжёлая рука: «*Сынок*, давай прямо за мной. И не теряй меня из виду. Смотри, не отрывай голову от земли. Если услышишь стрельбу, ложись и не двигайся, пока всё не закончится. И вот что, Мария… ты маленькая дурочка, но ты — хороший казак».

Моё сердце бешено стучало. Я ужасно, безнадёжно боялась. Я бы всё на свете отдала, лишь бы можно было уползти немедленно назад, не дожидаясь стрельбы. Колени ослабли и дрожали. Мне пришлось сжать зубы, чтобы они не стучали. Но рядом был Козёл, а я была уверена, что пока он рядом, ничего плохого со мной случиться не может.

Небо над нами постепенно светлело.

Козёл полз вперёд очень осторожно, зигзагами, и я изо всех сил старалась делать, как он.

Из-за реки донёсся прерывистый звук; над нашими головами что-то свистело. Я попыталась подняться и посмотреть, что это такое, но Козел дёрнул меня за ногу.

«Лежи! Это пулемёты. Наверно, они нас засекли». Он пополз быстрее, я начала отставать. Пули летали над нашими головами; они жужжали, как огромные осы в Раевской. «Это уже винтовки. Они, должно быть, где-то совсем близко», — пробормотал Козёл. И опять вперёд и ещё быстрее. Я так устала и так стёрла себе колени, что была уже готова вскочить на ноги и бежать, чтобы догнать его.

Вдруг мы чуть не столкнулись с унтер-офицером.

Он беззвучно приказал нам оставаться на месте, а сам подполз к какому-то человеку впереди себя. Воздух казался живым от пуль, с жалобным свистом летавших вокруг. Уже почти рассвело.

— Эй, вы там, двое, — прорычал унтер-офицер. — Один ползёт к мосту. Козёл, отдай мальчику запал, а сам давай сюда.

Я только теперь поняла, что Козёл прикрывал меня своим телом, а теперь, когда он отодвинулся, я впервые увидела всю картину. Прямо перед нами был огромный бетонный мост, а за ним со всех сторон бесконечное море людей; они спускались с гор, стреляя на ходу. Козёл, несмотря на приказ, не передал мне запал, а велел лежать и не двигаться. Потом он необычайно нежно улыбнулся мне и пополз к унтер-офицеру.

Вдруг справа от меня поднялась стена огня: это казаки подожгли один из деревянных мостов. Быстро сработали! Почти сразу такая же огненная стена возникла слева, вспыхнул керосин, и загорелся и второй мост тоже.

Я распласталась на земле, ухватившись пальцами за траву. Под ногтями у меня была земля, мне казалось, что это последнее безопасное место на моём пути… В нескольких сантиметрах от головы в землю ударила пуля, оставив за собой глубокую борозду. Мне казалось, что все куда-то делись и оставили меня одну умирать. Гул голосов с другого берега, звучавших, как из преисподней, говорил мне, что неприятель уже двигался по большому бетонному мосту, потому что теперь это был их единственный шанс перейти реку.

Я заставила себя посмотреть вверх. Примерно в пятнадцати шагах от меня Козёл и унтер-офицер ждали сигнала о том, что взрывчатка заложена. Счёт шёл на секунды: один-два-три. Козёл услышал сигнал и чуть приподнялся, чтобы запалить фитиль. Это было смертельно опасно, и в тот же момент я увидела, как пуля сбила шапку с его головы. Я никогда не забуду тот звук; я не смогла бы его описать, даже если бы постаралась. Козёл качнулся вперёд, кровь фонтаном била из его лба и растекалась по траве.

Я вскочила на ноги и, спотыкаясь, побежала вперёд.

— Козёл! — Он перекатился на бок и затих. Его борода была красной от крови. Мои крики заглушил страшный взрыв; всем телом я ощутила волну невыносимого жара; в ногу словно молотком ударило. Небо над головой у меня закружилось, а земля двинулась ему навстречу. Я упала ничком рядом с Козлом.

Я попыталась подползти к нему поближе, но обнаружила, что у меня нет сил двинуться. Мои пальцы тянулись к его руке, но обессиленно зарывались в землю; я хотела взять его за руку и сжать её.

— Козёл! Козёл! — рыдала я. Из лба у него сочилась кровь, широко открытые глаза смотрели на меня, но в них уже не было жизни.

— Козёл! — мой голос звучал у меня в ушах, как гром. — Козёл!

Потом наступила тьма, и не было ответа.

Глава 9
АМПУТАЦИЯ

Бум! Бум! Бум!

Моя голова жила какой-то своей жизнью. Она была бесконечно огромной. Где-то под ней существовала боль, она была не в самой голове, а как будто плескалась вокруг, как хаос, в котором тонул окружающий мир.

Голова была абсолютно пуста. Казалось, в ней не осталось ни одной мысли, кроме возникавших время от времени ярких оранжевых вспышек. Они повторялись тупо и монотонно, ни разу не выбившись из ритма, как если бы мир только что обрёл форму в пустоте, и в нём пока ещё не было ни света, ни обитателей.

Потом постепенно пустота начала давить на него, словно она стала слишком большой и её уже нужно было как-то сдерживать. Со всех сторон, снизу и сверху, я ощущала что-то жёсткое, и это что-то давило всё сильнее и сильнее; а боль снизу обрела форму и поползла наверх, пронзительная, как удар копья. Голова становилась всё меньше и меньше, она сжималась так стремительно, что всё вокруг начинало кружиться. Голова кружилась. Глаза открылись сами собой.

Я лежала на койке Красного Креста, глядя в небо. Небо было таким синим, что глаза невыносимо болели.

Вот, насколько я помню, что именно произошло со мной. Я запомнила всё так хорошо, потому что тогда я впервые была серьёзно ранена, впервые пришла в себя из забытья. Небо словно входило в мои глаза и обретало форму, и ещё бесконечно медленно начало обретать форму какое-то слово. Это слово было таким трудным — и таким важным — что родиться оно могло только в муках.

Козёл.

Это значило что-то ужасное. Мне потребовалось сделать невероятное усилие, чтобы уловить его значение; но на меня опять волной накатила дурнота, закрывая небо тёмной тучей, и все мои мысли разметало.

У меня болит нога, и подо мной невыносимо жёсткие доски. Хоть бы подушку под голову… Нужно позвать кого-нибудь и попросить подушку…

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я снова смогла о чём-то думать. Может быть, минута, а может, всего секунда или две. Потому что за всем этим стояло всё то же слово, страшное слово, пробивавшееся сквозь мою память.

Козёл.

А потом я всё вспомнила. Он был мёртв, его козлиная бородка была в крови, его большая голова пробита пулями, широко раскрытые пустые глаза смотрели в небо.

Он был мёртв, мёртв, мёртв. Уже никогда не будет со мной его доброты и понимания. Я осталось одна со своей болью во всём теле; я проклинала судьбу за то, что оказалась здесь, а не умерла с ним на том мосту.

Но в смерти нет славы. Смерть — это величайшая ошибка, которую может совершить солдат. Козёл был слишком хорошим солдатом, чтобы допустить такое. Козёл — Козёл не мог умереть.

Я попыталась подняться, потому что не могла думать ни о чём, кроме него. Мне было необходимо его найти; наверняка он был среди раненых, где-то здесь, рядом; наверняка случилось чудо, и он смог избежать смерти. При первом же движении я почувствовала, что ногу как будто пронзило копьём, а затем в ней поселилась тупая ноющая боль. И тогда я поняла, что надежды нет. Я наконец поняла, что он умер, что я никогда не увижу даже его мёртвое тело.

Я никогда больше не увижу тебя, Козёл; никогда больше не увижу; никогда больше.

Я с трудом приподнялась на одном локте и в отчаянии огляделась вокруг. Здесь не было ничего, кроме бесконечных подвод с ранеными. Они лежали в самых немыслимых позах; кто-то смиренно терпел, кто-то отчаянно мучился. Я только тут осознала, что вокруг меня что-то происходит, и начала различать звуки. До этого стоны и проклятия были лишь фоном для моих мыслей, частью моей невероятной утраты, которую я только что осознала.

Нас всех привезли с фронта и оставили тут. Нас были сотни, но никому не было до нас дела. В воздухе стоял запах крови.

Между неровными рядами подвод бродила одинокая фигура. Человек вглядывался в лица раненых. Мне показалось, что я его узнаю...

На соседней со мной подводе кто-то глубоко закашлялся. Тут же фонтаном брызнула алая кровь, которая ручьём потекла на землю.

Я смотрела на это без удивления и без ужаса; ничто в мире уже не имело для меня значения. Потом меня мучительно вырвало.

Я заплакала.

Мир был полон разорванных и изломанных людей. Мужские голоса сквернословили и просили воды. Рядом не было ни одной женщины, не было даже сестёр милосердия. Я заплакала, вспомнив свою няню, которая бинтовала мои маленькие ссадины и порезы в Раевской, а когда я однажды заболела, сидела всю ночь у моей постели. Я вспомнила руки матери, самые прекрасные руки на свете; я хотела услышать чей-нибудь ласковый голос…

— *Сынок!*

Передо мной стоял какой-то человек.

— Я тебя везде искал! — это был Курный, друг Козла, с которым до этого мы и трёх слов друг другу не сказали. Раньше между нами была какая-то невысказанная ревность, но сейчас он смотрел на меня очень печально и добро.

— Ты один остался в живых из тех тринадцати.

Я показала на раненых вокруг нас.

— Кто эти люди? — спросила я ровным голосом. У меня не было сил спросить его о Козле.

— Как только мост взлетел на воздух, мы пошли в атаку, — объяснил он. — Те все стояли на склоне, и по ним было легко стрелять. Мы там сотни их положили. А по другую сторону их ещё и артиллерия неплохо накрыла. Ну, и наших, конечно, многих достали — вот они, бедняги, здесь тоже лежат. Но с теми всё, они все бежали в горы. — Он порылся в кармане. — *Сынок*, пожалуйста, опусти это, когда доедете до ближайшей станции.

Это было письмо родным Козла.

В его глазах были слёзы. Мы понимающе посмотрели друг на друга, потому что погибший был нам обоим лучшим другом, и теперь, когда он был мёртв, мы уже не ревновали друг друга. Курный и не пытался скрыть от меня свои слёзы.

— Меня увезут отсюда? — спросила я.

— У тебя пуля в ноге, Мария, и тебя везут в госпиталь, чтобы всё уладить. Я… я займу место Козла. — Он с трудом сглотнул. — Я буду рад принять тебя в отряд, когда ты вернёшься. И сотник тоже так сказал.

Он старательно вывел на обратной стороне конверта номер сотни, полка и дивизии и протянул конверт мне.

— До свиданья, Мария, — сказал он, потом взял мою руку, неловко пожал её и быстро ушёл.

Моя повозка оставалась на месте всю ночь. Днём кто-то перевязал мне ногу, как мог; остальных раненых тоже кое-как устроили. Я мало что помню об этом времени. Вскоре после ухода Курного я, кажется, впала в забытьё. Мне виделся Козёл, стоящий рядом со мной, с глазами, глядящими в пустоту и кровью на бороде; потом я опять видела, как он лежит там, у моста; а потом ещё то, прежнее видение, где у него четыре ноги и тело, поросшее шерстью; а однажды я увидела, как мы с ним идём по зелёному склону горы, и он держит меня за руку. Ненадолго приходя в себя, я оплакивала его. Я знала тогда, что потеряла своего лучшего друга (и это до сих пор верно). В моей жизни уже не будет никого такого, как Козёл.

Рядом со мной положили ещё двух пациентов. Их обоих давно уже нужно было отправить в тыл. Один поступил из-за болезни, подхваченной той зимой в горах; у него были обморожены ладони и ступни. Он ни на что не реагировал. У другого была какая-то ужасная болезнь. Он был невероятно худым, трудно было поверить, что он ещё жив. Он был совсем жёлтый, только синие глаза и губы, и каждый вздох давался ему с такой болью, что, казалась, он вот-вот умрёт. Я лежала слишком близко, и иногда он в конвульсиях хватал меня за руку, а жуткая пена, срывавшаяся с его губ, попадала мне на лицо.

Я молилась, чтобы он поскорее умер, но он всё никак не умирал. Я была в ярости от того, что у меня такие соседи — не те, кто был ранен в том же деле, что и я, или хотя бы во время каких-то других военных действий. Они выглядели слишком отталкивающе, чтобы вызывать жалость, и были слишком тяжело больны, чтобы с ними разговаривать.

Наш санитарный поезд состоял из множества подвод, которые немилосердно трясло на каменистых тропах, служивших здесь дорогами. Железные дороги были забиты эшелонами с войсками и боеприпасами. Для защиты от дождя над подводами натянули тенты; они всё время падали, и я изо всех сил старалась отбросить с лица складки ткани. Я не могла находиться под одним полотном с моими двумя ужасными соседями.

Шёл уже десятый день. Нам давали только горячий чай и хлеб. Нога отчаянно болела. На шею мне повесили табличку с моим именем и описанием моей раны. Я была ранена в левую голень.

Рана не считалась слишком серьёзной, но каждый раз, когда санитар подходил делать перевязку, у меня не хватало храбрости взглянуть на неё. Дни шли за днями, и мне становилось всё страшнее. Я забыла почти всю эту поездку, но помню свой страх; помню тряску; помню

жёлтое лицо умирающего человека; неловкие руки санитара и его ещё более неловкие шутки; помню боль.

Наконец мы прибыли в Шушу[68] — первый город на пути в Баку[69]. Двух моих соседей забрали в больницу, а меня врач спросил, смогу ли я дотерпеть до Баку. Он сказал, что нас ждёт поезд. Я могла подождать. Я была уверена, что многие вокруг были в гораздо более тяжёлом состоянии, чем я, а мысль о поезде после повозки грела душу.

Мы прибыли в Баку ранним утром. На станции нас встретила группа сестёр милосердия в аккуратно накрахмаленных форменных платьях. Они усадили нас в кресла на колёсах и покатили в госпиталь. Там нас раздели, и молодой доктор снял бинты с наших ран, чтобы понять, насколько они серьёзны. Когда он снял бинт с моей ноги, я твёрдо решила, что на этот раз не струшу. Я собрала волю в кулак и взглянула на рану.

Нога раздулась и была втрое больше, чем обычно. Она вся почернела.

Молодой доктор изумлённо посмотрел на неё, а потом присвистнул.

— Немедленно в операционную, — сказал он.

Но почему? Почему бы просто не подлечить её прямо здесь? Два санитара подняли меня и положили на носилки. Тут я услышала, как молодой доктор сказал:

— Плохи дела. Её ждёт ампутация.

— Её?! — удивилась сестра, которая была рядом с ним.

— Да, её. Это девушка. Гангрена по всей ноге. Придётся немедленно ампутировать, если мы хотим спасти ей жизнь.

Ампутировать? Что он имеет в виду? Моё сердце перевернулось и рухнуло куда-то вглубь желудка. Он что, хочет сказать, что они собираются отрезать мне ногу? Если бы я могла, я немедленно убежала бы из госпиталя. Отрезать ногу! Это значит, что я никогда больше не поеду верхом, никогда не буду снова в армии, никогда не смогу бегать. Я никогда не вернусь домой, никогда не смогу лазить по горам, никогда

---

[68] Шуша — уездный город в составе Елизаветпольской губернии Российской империи. Основана в 1752 году. С 1923 по 1991 годы — в составе Нагорно-Карабахской области Азербайджанской ССР. В 1991–2020 годах в составе непризнанной Нагорно-Карабахской республики. В 2020 году возвращена в состав Азербайджанской Республики.

[69] Баку — административный центр Бакинской губернии Российской империи. Упоминается с V века н. э. Ныне столица Азербайджанской Республики.

не смогу танцевать, никогда не буду играть. Я яростно сказала себе, что лучше умру с двумя ногами, чем останусь жить с одной.

Два санитара подняли меня и понесли по длинному коридору, потом по лестницам. Когда мы уже практически поднялись наверх, запах эфира, которым был пропитан весь госпиталь, накрыл меня тошнотворной сладкой волной. Оставалось всего несколько шагов до чего-то ужасного. Что я могу сделать? Только бы не потерять сознание и голову. Любым способом я должна не дать им отрезать мою левую ногу, что бы ни говорили все доктора мира.

Большая белая комната. Прямо в дверь встроен огромный стеклянный шкаф, полный инструментов. Пока меня несли мимо, мои глаза отметили ряд длинных блестящих ножей убийственного вида. Мои носилки поставили у стены, я села и огляделась.

На соседних со мной носилках лежал человек в разорванной грязной форме, судя по виду, с Западного фронта[70]. Ну а он-то что здесь делает? Сквозь бинты у него на животе сочилась кровь, он жалобно стонал. По другую сторону, обхватив руками перевязанную голову, человек раскачивался из стороны в сторону и повторял: «О Господи!» — а потом опять и опять: «О Господи! О Господи!» В какой-то момент он глянул на меня налитым кровью глазом, но взгляд его ничего не выражал.

В центре комнаты было несколько столов, на которых лежали люди. На том столе, который был ближе всех ко мне, врач кого-то оперировал. Он работал молча и ловко — раз, раз; время от времени он останавливался, чтобы вложить тампон в рану, а потом вынуть его и выбросить; на резиновых перчатках у врача алела кровь. Я старалась не смотреть в ту сторону, но мои глаза всё время невольно обращались туда. Солдат лежал абсолютно недвижимо, его рот был открыт. Он храпел, хотя на том месте, где должна была быть его рука, зияла кровавая рана. Ведро, простое жестяное ведро стояло у операционного стола, и из него чуть выглядывала кисть…

У меня потемнело в глазах. Не сходи с ума, не смотри туда больше; не сходи с ума; запах эфира, сладкий и беспощадный, смешивал все

---

[70] Вряд ли автор могла всерьёз подумать, что раненого привезли лечить в город Баку именно с Западного фронта, за несколько тысяч километров. Вероятно, имеется в виду, что этот человек был из какой-то воинской части, незадолго до того переброшенной на Кавказ с Западного или Юго-Западного фронта. Как отмечается в воспоминаниях очевидцев, казаки в этих частях, присланных на усиление Кавказской армии, носили защитное обмундирование, а не традиционную казачью форму. (См., например: *Елисеев Ф. И.* Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. — М., 2001. — С. 115.)

мои мысли; я знала, что мне не вырваться отсюда, не избежать ножа, не избежать кровавой культи вместо ноги, в которую они собираются её превратить, как только что сделали с рукой этого человека.

Мимо меня, хромая, прошёл раненый. Потом он обернулся и приблизился к моим носилкам.

— Спокойно, *сынок*. Что с тобой случилось? Нога, да? — Он наклонился и потянулся грязной рукой к моим бинтам.

— Нет! — прошептала я с яростью. — Нет! Не трогай меня! — Он выпрямился и захромал прочь…

Мимо меня на каталке провезли человека без руки. Он молча лежал под одеялом, лицо было серым, рот открыт; он всё ещё храпел...

Наконец вошёл молодой врач в сопровождении трёх сестёр милосердия.

Он огляделся и сказал:

— Сначала эту девушку. Это самый простой случай.

— Козёл, — сказала я вполголоса, — Козёл!

Он не позволил бы им отрезать мне ногу. Сестра что-то сказала санитарам, они подняли и перенесли меня на стол. Там уже стояли две другие сестры, у одной в руках была миска с водой, в которой молодой врач мыл руки. Другая держала ящик с инструментами.

Старшая сестра зажала руками мою голову и крепко прижала её к столу. Но они не могут этого сделать, *не могут!* Я вырвалась.

— Что вы хотите сделать с моей ногой, доктор?

Я сидела на операционном столе. В горле у меня пересохло настолько, что я еле могла говорить.

— Вон там лежит человек со страшной раной в живот, он страдает больше, чем я. Пожалуйста, возьмите его первым.

Врач сушил руки.

— Всё в порядке, — сказал он, не глядя на меня. — Я сначала займусь твоей ногой, пока она не поднялась выше колена.

— Кто — она?

— Гангрена, — он передал сестре полотенце и взял мою горячую руку своей холодной. — Это заражение крови, дитя моё, и если мы не остановим его прямо сейчас, то это будет стоить тебе жизни.

Он дотронулся до моей ноги под коленом.

— Но как вы это остановите? Вы хотите сказать… хотите сказать, что *отрежете* её?

Он кивнул.

— Мы должны это сделать, если мы хотим спасти тебе жизнь.

Одна из сестёр уже вынула и разложила инструменты на краю стола. При виде их, а особенно при виде маленькой, злобно выглядевшей блестящей пилы, я лишилась последней надежды.

Глава 10
ВРАЧ И ПОЛКОВНИК

— Не делайте этого, доктор, — отчаянно умоляла я его. — Не надо. Мне моя жизнь не дорога. Лучше пусть я умру, чем буду с одной ногой.

— Спокойно, — у сестры был жёсткий голос. Она попыталась силой уложить меня обратно на стол. — Успокойся, глупое дитя. Доктор знает, что для тебя лучше. Он не может терять столько времени из-за тебя.

Я боролась с ней прямо на операционном столе.

— Доктор, — умоляла я, — я пошла в армию добровольцем… добровольцем, понимаете? Вы не можете ничего этого сделать без моего согласия!

Он стоял рядом, холодный и безразличный, но тут его лицо вспыхнуло от гнева. Он положил обе руки мне на плечи и резко толкнул меня обратно на стол.

— Слушай, не мешай мне работать. Меня ждут другие, которым куда хуже, чем тебе. Не будь трусом. Если другие могут это пережить, то и ты сможешь.

Сестра так крепко вцепилась мне в голову, что, казалось, её пальцы проткнут мне виски. Сестра-ассистент чем-то прыснула мне в лицо, и сладкий тяжёлый горячий запах ударил мне в ноздри, а в горло попала горячая волна чего-то, что не было воздухом...

На минуту я затихла; сестра подумала, что я образумилась, и слегка разжала пальцы на моей голове. Собрав все силы, которые даёт отчаяние, я вырвалась. Я села и завопила:

— Этот врач сошёл с ума!

Я дико озиралась вокруг. Другие раненые поглядывали на нас с ужасом, словно эта сцена вернула их к реальности и напомнила о том, что им самим предстоит испытать. Впрочем, многие смотрели на меня с сочувствием, потому что бедные люди и крестьяне инстинктивно не доверяют врачам.

— Врач сошёл с ума! Он хочет отрезать мою ногу, а с ней всё в порядке! Я даже ходить могу! Я — Марина Юрлова, и вы не смеете меня трогать!

Я даже не понимала, как нелепо прозвучали мои последние слова.

Пожилой и очень добрый на вид человек на костылях, хромая, подошёл к нам:

— Я полковник Бабич[71]. Что с вами случилось?

Я вцепилась ему в руку, умоляя:

— Не позволяйте им отрезать мне ногу, ваше высокоблагородие. Я могу ходить, если мне позволят, могу даже показать. Нога совсем не болит.

Он нежно взял меня за руку.

— Тебе не отрежут ногу, дитя. Успокойся.

Потом он повернулся к врачу:

— Я слышал, как эта девочка сказала, что была добровольцем. Наверняка это так и есть, иначе её не было бы здесь. — Он старался быть очень любезным. — Не кажется ли вам, что её стоит показать главному врачу? Ну просто на всякий случай…

Молодой врач сухо поклонился и сделал знак одной из сестёр, которая поспешно вышла.

Я зарыдала. Полковник обнял меня за плечи.

— Ну же, ну, — сказал он тихо, — всё, всё.

Он посмотрел на старшую сестру, которая невольно заулыбалась.

— У меня у самого дочь осталась дома, — сказал он, — немногим старше этого юного солдата.

К нам подошёл милый пожилой доктор.

— Что это я слышу? Ребёнок плачет? — спросил он. У доктора были абсолютно седые волосы, подстриженные очень коротко, и лучистые голубые глаза. Он наклонился и осмотрел мою ногу, пока молодой врач излагал свой диагноз.

Полковник взволнованно ждал.

— Вы уверены, что ногу нельзя спасти? — спросил он.

— Уверен? Нет, полковник, я не уверен, что не могу спасти её. Я уверен, что *могу* её спасти. Гангрены здесь ещё нет. Но опухоль нужно вскрыть, чтобы окончательно убедиться.

---

[71] Трудно сказать, насколько достоверны фамилии действующих лиц, приводимые автором. Тем не менее отметим, что в базе данных С. В. Волкова «Участники Белого движения в России» упоминается Бабич Иван Васильевич, родившийся в 1865 году, полковник Кубанского казачьего войска. Участник Белого движения; с 1 августа 1918 года — в резерве чинов при штабе Кубанского казачьего войска.

— Не смейте резать мою ногу! — заорала я. — Она не болит. Не болит! Я могу ходить! Отпустите меня! Отпустите!

Старый врач засмеялся и прижал к груди мою голову.

— Мы не отрежем её, дитя! Мы только немножко вскроем, чтобы посмотреть, что там у маленьких казачков внутри ножек. Не бойся, я сделаю только то, что сказал.

Я ему не верила. Он был очень милый, но он тоже был врачом. Я посмотрела на полковника.

— Ваше высокоблагородие, пожалуйста, позвольте мне встать, тогда я позволю им вскрыть мою ногу. Но я не хочу, чтобы меня усыпляли. У меня ничего не болит, и я уверена, что смогу всё выдержать.

— Почему бы не попробовать? — спросил полковник. Я встала на правую ногу и положила левую на стул; с одной стороны меня поддерживал полковник, с другой — сестра. Молодой врач наложил мне на ногу поверх колена жгут, и они оба приступили к работе.

Пока ещё не было больно.

— Вот пуля, — сказал старый врач, — вот, видите, в кости.

Он отправил сестру за дополнительными инструментами и попросил меня лечь, сказав, что сейчас он вынет пулю, и что это будет больно.

— Не лягу, — покачала я головой. — Делайте, что надо, и доставайте её так. Его высокоблагородие меня крепко держит.

— Хорошо, — коротко сказал полковник, — продолжайте. — У него слегка искривился рот, словно он страдал больше, чем я. Я стала смотреть в сторону. Боль была резкой и пронизывающей.

— Вот она, — сказал врач. — Держи, малый! Сестра, теперь йод.

Полковник неловко подвинулся. Меня охватило какое-то ужасное обжигающее чувство, настолько сильное, что я почти потеряла сознание. Я вцепилась пальцами в руки тех, кто меня держал. «Ну вот и всё», — сказал врач. Он взял меня на руки и положил на стол, а потом вытер руками мои щёки, потому что я закусила губу, и рот был полон крови. Когда он понял, что дело только в губе, он улыбнулся и сказал: «Сестра, теперь перевяжите её. До свиданья, малышка». Врач потрепал меня по щеке и быстро ушёл.

Полковник вышел за мной в коридор. Казалось, он забыл, что он — полковник, а я всего лишь рядовой, хотя и не такой, как все.

— Тебе повезло, — сказал он. Он шёл рядом с моими носилками и говорил со мной так, как если бы я была его собственным ребёнком. — Этот старик, он Врач, врач с большой буквы. Один из самых знаменитых хирургов России. Говорят, до войны он брал за свои услуги столько, сколько хотел.

Уже засыпая у себя в палате, я мысленно посылала самые изощрённые солдатские проклятия тому молодому врачу, который хотел отрезать мне ногу.

Позже вечером меня разбудила сестра и сказала, что отведёт меня искупаться. В палату вошли санитары с носилками и отнесли меня в ванную. Вскоре вошла другая сестра, та самая, которую я держала за руку, пока у меня доставали пулю.

— Давай я возьму эту пациентку, — сказала она.

Когда мы остались одни, она показала мне четыре чёрно-синие отметины на своей руке там, где я вцепилась в неё.

— Ты очень сильная, Марина Юрлова, но это хорошо. Если бы ты не подняла такой шум, тебе в этой безумной суете точно отрезали бы ногу.

Марина Юрлова!

— Это не моё имя, сестра, — пролепетала я. Я чувствовала, как горячая волна приливает к моим щекам, когда я говорила это. — Меня зовут Мария Колесникова.

Она как-то странно на меня посмотрела, но потом сказала:

— Хорошо. Мне следовало бы проверить, но я не буду этого делать.

Пока я купалась, она с моих слов записала мою историю. Я сказала, что у меня нет матери, что мой отец служит где-то на кавказской границе, что я поехала за ним, когда он ушёл на войну. Я сослалась на Курного и сказала, что хочу вернуться в свою часть, когда мою рану залечат. Когда я закончила, сестра покачала головой. Она была совсем молодая и очень хорошенькая; у неё были удивительные мечтательные глаза.

— Не верю ни единому слову, — медленно сказала она, — но когда ты говоришь, что хочешь вернуться в часть, я тебе верю. И, кажется, я тебе завидую. Я не буду тебе мешать.

Она протянула мне руку.

На следующий день ко мне зашли оба врача. Я с удовольствием говорила со старым доктором, но у меня не было сил даже посмотреть на молодого, хотя он старался быть любезным. Именно там, в госпитале, я научилась ненавидеть. Я ненавидела того молодого врача.

Весть о том, что девушка была ранена в бою и сейчас находится в госпитале, разлетелась по всему Баку, и вскоре меня пришли навестить несколько женщин; возможно, ими двигало любопытство. Они буквально закидали меня вопросами, пока я не почувствовала себя как зверь в клетке, в которого люди тычут зонтиками и тросточками. Но, честно говоря, я не показывала своего неудовольствия, потому что

мне нравились те вкусности, которые они мне принесли. Я полагала, что корзина фруктов или коробка конфет были вполне достойной платой за двадцать минут глупых вопросов. Но они никак не унимались. Они спрашивали обо всём, что приходило в голову, и в душе радовались, когда видели, что я смущаюсь. Они самым подробным образом расспрашивали меня про армейский быт. Многие из этих женщин подозревали, что я «плохая девочка», и были разочарованы, разузнав все подробности моей жизни в армии, но не обнаружив никаких признаков утраты мною добродетели.

Одна из них хотела меня удочерить. Видимо, она полагала, что оказывает мне огромную услугу, и когда я сказала, что у меня есть отец, то она ответила, что напишет ему, и что, возможно, он будет счастлив, что за мной будет кому приглядывать. Я совсем её не помню, в памяти остались только огромное лиловое перо и нелепая шляпа. Мне эта женщина показалась абсолютно вульгарной и очень не понравилась. Я не пыталась это скрывать, но она, кажется, ничего не замечала.

Я уже могла ходить на костылях, и нога больше не причиняла боли. Я подумала, что пора возвращаться в свой полк, и пошла искать старого доктора.

— Я хочу обратно на фронт, доктор, — сказала я ему.

Казалось, он был удивлён и даже немного шокирован.

— Неужели тебе ещё мало всего этого, дитя? — спросил он. — Ну посмотрим, посмотрим.

Я не готова была сказать ему, что это всё же лучше, чем быть удочерённой в Баку. Доктор был слишком слабой и ненадёжной защитой, и я пошла искать полковника Бабича, которому всё рассказала.

Кажется, он всё отлично понял.

— Если ты хочешь вернуться, то вернёшься, как только окончательно поправишься. Я лично за этим прослежу.

Дни тянулись за днями. Мне стало уже намного легче ходить, и я даже могла обходиться без костылей. Полковник повторял, что не забыл своего обещания — и он его не забыл. Однажды утром мне сказали, чтобы я готовилась вернуться в часть. Это была прекрасная новость, потому что всего час назад меня навестило лиловое перо и с необузданной радостью сообщило, что скоро я войду в её семью.

С увольнительной из госпиталя я поехала к военному коменданту, который пообещал выписать мне билет в день отбытия моего поезда на фронт. До того дня я должна была пребывать в казарме. Но на обратном пути меня поймал тот молодой врач, которого я всё ещё всячески избегала, и сказал, что я могу оставаться в госпитале вплоть

до самого отъезда. Я едва поблагодарила. Как же я его ненавидела! Конечно, теперь-то я понимаю, что он был хорошим молодым врачом, который просто поставил ошибочный диагноз.

Если он когда-нибудь это прочтёт — пусть знает, что я прошу у него извинения.

Каждое утро я приходила в казарму на перекличку.

В тот день, когда я пришла на перекличку в третий раз, в казармах всё мыли и чистили. Я уже собралась уходить, но меня окликнул урядник.

— Эй, ты, сегодня нам нужны здесь все рабочие руки. Ты хоть и живёшь в госпитале, но подчиняешься мне, не забывай. Принеси-ка сюда банку керосина и займись углами этих коек.

Всё утро я воевала с клопами.

Это было тошнотворное занятие. Я сказала себе, что легче воевать с турками; мне казалось диким, что солдат превратили в горничных. Когда наступил обед — если обедом можно назвать то, что нам бросили, когда мы уселись за длинными столами на улице — я совсем не могла есть. После утренней битвы с клопами мне всюду чувствовался их запах, от всего тошнило.

После обеда всё было ещё хуже: урядник отправил нас мыть уборные. Если бы все остальные хоть как-то проявили своё нежелание заниматься такой работой, то я тоже попросила бы для себя у урядника что-нибудь другое. Но никто не возражал, и я не рискнула. И вот я стою с большой жёсткой щёткой; я думала, что так будет легче с моей раненой ногой, и мне не придётся много ходить, но это оказался самый неудачный выбор. Солдатам, которые смывали там всё водой, казалось забавным случайно или не совсем случайно поливать меня, чем придётся. К четырём часам я уже больше не могла этого выносить.

На этом я распрощалась с бакинскими казармами.

Вернувшись в госпиталь, я упросила сестру позволить мне помыться и дать мне какую-нибудь чистую одежду. Она сказала, что молодой врач заказал мне новое обмундирование; про себя я решила, что это была награда за тяжкий труд в тот день. Я надеялась, что мне удастся избежать необходимости благодарить молодого врача.

Но мне не удалось; вернее удалось, но не совсем.

На следующее утро мне было велено немедленно явиться в штаб за билетом. Я поспешно попрощалась со всеми друзьями в госпитале.

Помню, что когда я нашла полковника Бабича и сказала, что еду на фронт, он достал большой красный шёлковый носовой платок и начал сморкаться с излишней яростью.

— До свиданья, девочка, — сказал он наконец. — Не ищи себе лишних неприятностей. И не забывай полковника Бабича.

И прежде чем я успела отдать ему честь, он отдал честь мне.

В толпе, снующей у вагонов эшелона, я увидела молодого врача, который взволнованно пытался кого-то отыскать. Я умудрялась не попадаться ему на глаза почти до самого последнего момента. Раздался приказ: «По вагонам!» — и я уже готова была войти в свой товарный вагон, когда он наконец меня увидел.

— Малыш, ты даже со мной не попрощалась. Пожалуйста, перестань меня ненавидеть. Я не желал тебе зла. Я мог бы быть твоим лучшим другом. Вот моё имя и адрес. Если когда-нибудь ты устанешь от армии, дай мне знать, и я позабочусь о тебе.

Он вложил мне в руку, которая совсем не хотела ничего от него брать, армейский конверт и белый розовый бутон.

И прежде чем я поняла, что он собирается делать, он наклонился и поцеловал меня в лоб.

Я была так зла на него за это, что наверняка ударила бы, если бы в тот самый момент мимо не проходил офицер, и если бы поезд не тронулся медленно с места. Поэтому я только посмотрела на него с таким презрением, что бедняга смертельно побледнел, а потом мучительно покраснел. Он сделал два шага назад, как если бы я его действительно ударила. Я поспешила в свой товарный вагон.

Поезд уже почти проехал станцию, когда я поняла, что всё ещё сжимаю что-то в руке; это были конверт и бутон розы. Я с отвращением смяла их в ладонях и выбросила из вагона.

В моей жизни было много трагических моментов и много печальных. Но всякий раз, чтобы заплакать, мне достаточно вспомнить смятый бутон белой розы у железной дороги.

И за это тоже простите меня, доктор.

Лето 1915 года. Жаркими кавказскими днями, прохладными кавказскими ночами военный эшелон медленно движется вперёд. Любой полустанок предполагал длительную стоянку, любая крупная железнодорожная станция означала, что здесь мы задержимся на два-три дня. Первые несколько дней мы так радовались свободе, что с утра до ночи пели казачьи песни и пили вино, которое покупали на остановках на последние деньги. Но у нас почти одновременно закончилось вино и осипли голоса. Мы как-то сникли, и стало видно, что мы всего лишь переполненный людьми поезд, где пахнет потом, а люди нянчатся со своими старыми ранами.

Мимо нас проходили поезда Красного Креста, которые направлялись в Баку — это говорило как минимум о том, что на фронте идут бои, и кто-то объяснял, что именно из-за них мы и движемся так невыносимо медленно. День шёл за днём, и казалось, что мы так и будем еле-еле тащиться всю жизнь от одной остановки до другой, запертые в своём товарном вагоне. Нам не разрешалось выходить, даже когда совсем рядом с неподвижным составом была прохладная река, а мы стояли возле неё четыре часа.

Я всегда старалась забыть ту поездку и переход от станции назначения до места. Это было абсолютно пустое время, там не было ничего, кроме неудобств и скуки. Долгие пешие переходы, после которых к ночи мы были совершенно измотаны; тишина, которую нарушал только монотонный топот ног по песчаным дорогам; знойный, зыбкий недружелюбный пейзаж; возникающие время от времени миражи тенистых горных отрогов или знакомого берега реки; солнце, яростно бьющее в прикрытые глаза своими красными и зелёными залпами; ноющая боль в не до конца зажившей ране, которая требовала постоянного внимания — всё это совершенно неважно, важно только всё это забыть.

Наконец мы на месте…

Моя дивизия, ряды нашей сотни, мой сотник, лениво стоящий на солнцепёке… Я чуть не бегом кинулась к нему, но вовремя вспомнила, что я — простой солдат и сбавила темп. Казалось, он был рад меня видеть и позвал Курного.

— Вот вернулся наш герой, — сказал он.

Курный отдал мне честь!

— Я горжусь, что ты вернулась, Мария, — сказал он, — и ты тоже должна гордиться, что вернулась, потому что среди нас ты первый рядовой, ставший кавалером Георгиевского креста.

— Что это значит? — я смотрела то на Курного, то на сотника.

Сотник объяснил:

— Генерал представил тебя к Георгиевскому кресту, сынок. Крест уже у него, осталось заполнить кое-какие бумаги, и он твой. Узнай, Курный, смогут ли они привезти его уже сегодня вечером.

По сотнику было видно, что он считал всё абсолютно ясным.

Но почему-то не все в нашей сотне были рады меня видеть. Многие вели себя так язвительно, словно я сделала что-то, чего они не одобряли. Но они не проявляли явно своего неодобрения, а я была слишком усталой, чтобы до конца во всём разобраться.

Курный появился только к ужину. Он принёс с собой серебряный крест и вручил его мне.

— Высшая воинская награда за доблесть, Мария, — сказал он. Я смотрела на него, не мигая.

— Он твой, — продолжал он, — и мне поручено передать, что ты можешь пришить себе на погоны лычку приказного[72].

Стояла гробовая тишина. Молчала не только я, но и все остальные.

Курный резко повернулся к ним.

— Что вас там всех заело? — спросил он сердито.

— Ведь это не она взорвала мост, — пробормотал кто-то. Послышался согласный гул голосов.

— Заткнитесь, — рявкнул Курный. — Мост она не взрывала, но это она первой вызвалась идти туда, и только она одна из всех осталась в живых.

Но я была, пожалуй, согласна с ними. Я считала, что не сделала ничего такого, что заслуживало бы столь высокую честь. Я и до сих пор так думаю.

Глава 11
ШЕХЕРЕЗАДА[73]

Оказалось, что наша армия всё ещё медленно отступает. Иногда мы на несколько дней подряд задерживались в одном и том же месте; при этом мы никогда не знали, куда и зачем идём. Пару раз

---

[72] Из Статута Ордена Святого Георгия, утверждённого Императором Николаем Вторым 10 августа 1913 года (часть II, п. 96): «Нижние чины, не имеющие ефрейторского или унтер-офицерского звания, при пожаловании Георгиевским крестом 4-й степени производятся в ефрейторы, а при пожаловании того креста 3-й степени – в унтер-офицеры или соответствующие звания».

Приказный — чин в казачьих войсках, соответствующий ефрейтору.

[73] Шехерезада — главная героиня цикла арабских сказок «Тысяча и одна ночь». Согласно сюжету, некий царь Шахрияр пережил измену жены. Убив её, в дальнейшем он каждую ночь брал себе девственницу, овладевал ею, а наутро убивал. Дочь царского визиря Шехерезада сама вызвалась стать очередной жертвой Шахрияра. Чтобы тот не казнил её наутро, Шехерезада каждую ночь начинала рассказывать сказку, но затягивала историю до рассвета. Царь, желавший узнать концовку, оставлял Шехерезаде жизнь до следующей ночи. Но назавтра Шехерезада, закончив одну сказку, начинала следующую, всё повторялось… и так в течение тысячи и одной ночи. По прошествии этого времени царь Шахрияр понял, что полюбил Шехерезаду, и женился на ней, прекратив истребление женщин.

случались незначительные стычки; это были не более чем небольшие перестрелки, которые немного оживляли монотонный ход событий. Лето 1915 года не принесло нам воинской славы[74]. Наши восполнимые потери, а их было немало, по большей части вызывались не ранами, а болезнями. Те же, кто гибли, гибли от руки курдов.

Примерно через три недели после того, как убили Степана (я об этом уже писала[75]), наш полк был размещён на гребне небольшой горной гряды, а мою сотню направили на маленькое плато по соседству. Мы были здесь последним форпостом Российской империи и с высоты смотрели на бесконечную территорию, принадлежащую врагам. Это было царство безмолвия. Вокруг простирались только гряды безжизненных рыжих холмов, постепенно уходящих за пустой горизонт. Ничто не оживляло эту картину; не было видно ни отар овец, ни горных козлов, и даже ни одной птицы в застывшем небе.

Ничего, кроме… Под нами была река, с трудом пробивавшаяся в узком распадке. Приглушённый шум бегущей по камням прохладной воды дразнил нас, распластавшихся за раскалёнными на солнце валунами, которые давали лишь жалкое подобие тени. Ходить к реке было нельзя. Курный сказал, что начальство заранее предупредило: за рекой постоянно следит враг. Он сказал, что сразу после захода солнца десять из нас смогут сходить за водой, а до тех пор нужно ждать.

Как только наступили сумерки, десять наших, и я в том числе, очень осторожно поползли вниз по склону к реке. Каждый нёс по два ведра; из оружия были только кинжалы. Следом за нами почти до самой реки должно было двигаться подкрепление на тот случай, если нам потребуется поддержка.

Но прямо под нашим плато берег был слишком скалистым, и мы никак не могли наполнить там вёдра. Мы свернули чуть в сторону за выступ. Теперь наши товарищи уже не могли нас видеть, а мы всё никак не могли найти подходящего места и прошли, пожалуй, с полверсты, прежде чем нашли его.

---

[74] Автор ошибается. Хотя весной и летом 1915 года на Кавказском фронте ни одна из сторон не смогла осуществить крупного наступления, однако вместе с тем преимущество постепенно склонялось на сторону России. Так, весной 1915 года турки были вытеснены из Батумской области (за исключением небольшого труднодоступного участка). В июне турки потерпели поражение в западном Азербайджане. А в ходе Алашкертской операции (июль 1915 года) русские войска сорвали план турецкого наступления в районе озера Ван.

[75] См. главу 1 настоящей книги.

Было ещё достаточно светло. Ущелье было тихим и мирным; прохладные голубые тени веяли дыханием лёгкого вечернего ветерка. Кругом не было ни звука, кроме всплесков брезентовых вёдер при погружении в воду.

Я посмотрела вверх. На большом утёсе чуть в стороне от нас происходило что-то необычное. Я посмотрела ещё раз внимательнее; нет, ничего. Я стала наполнять второе ведро.

И тут утёс ожил… но совершенно безмолвно. Из-за утёса поднялась группа смуглых людей, одетых в лохмотья, с горбатыми носами и злыми глубоко посаженными круглыми чёрными глазами. Они направили на нас ружья и знаками показали, чтобы мы сдавались. Это было и страшно, и невероятно — просто сдаться без единого слова, таким прекрасным вечером в маленьком, абсолютно мирном ущелье.

Делать было нечего. Стоило только позвать на помощь, и нас всех убили бы на месте.

Мы стояли, как заворожённые, а один из них спустился, вынул из ножен наши кинжалы и забрал их. У меня не было кинжала, и кто-то из этих людей что-то сказал мне по-турецки. Я смотрела на него, зубы стучали от страха, а на лбу выступили капли холодного пота.

Когда нас повели, я шёпотом спросила у своего соседа:

— Кто это?

— *Курды!*

Курды! Я вспомнила тело Степана, привязанное к потному лошадиному крупу; вспомнила неописуемые истории о том, как они пытали других пленных. От этих людей — цыганского отродья, полу-турок, полу-персов, полу-дьяволов — нельзя было ждать ничего, кроме зла и мучительной смерти[76].

Была ли у нас какая-то надежда? Мы свернули ещё раз, их предводитель велел остановиться и оглядел нас. Когда его глаза остановились на мне, то он посмотрел повнимательнее, а потом улыбнулся. Потом он громко заговорил о чём-то с курдом, который конвоировал нас.

---

[76] «Курды — народ примитивный, дикий, на очень низкой степени культуры; они кочевники, хищники и не обладают рыцарскими чертами, что так часто отличает кочевников. Упорного боя они не принимают, действуют в конном строю и спешенно и ведут бой только на дальних дистанциях; но если они в очень большом превосходстве, то делаются смелыми; пленных не берут и раненых добивают, предварительно изуродовав». (*Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917 г. — Париж, 1933. — С. 27.)

— Слушай, Иван, ты же говоришь по-турецки, — сказал один из казаков другому. — Скажи, ради Бога, о чём они там галдят? Пойди, поговори с ними.

— А что я им скажу?

— Дурак, просто скажи, что умеешь говорить по-турецки.

Иван вышел вперёд и заговорил с их главным. Наконец он сказал, не оборачиваясь:

— Он хочет знать, действительно ли она девушка. Он хочет, чтобы она сняла китель.

Я колебалась. Кто-то сзади прошептал: «Делай, что велят, *малый*, а то они нам всем перережут горло просто для развлечения».

Я сняла китель, и вожак курдов склонился надо мной. Он был похож на ходячую кучу тряпья, в которой было совершенно невозможно понять, где кончается один кусок рванья и начинается другой. Сквозь грязные лохмотья виднелось его ещё более грязное тело. Он смотрел на меня, и его карие глаза выглядели как глаза какого-то зверя. Он всё время облизывал губы. Курд мерзко улыбнулся, обнажив почти беззубый рот и засмеялся странным горловым смехом. Потом он дотронулся до моего лица. Я содрогнулась и закрыла глаза, но не сделала и попытки сопротивляться. От него чем-то жутко воняло; я надеюсь, что в жизни больше никогда не столкнусь с таким запахом. Он запустил пальцы мне в волосы, потрогал мою шею и прошёлся по подбородку. И он так странно смеялся, что я больше не могла терпеть. Я отскочила назад, схватила китель и натянула его.

Курд что-то сказал Ивану.

— Он хочет знать, что ты здесь делаешь?

— Скажи старому ****[77], что она кавалер ордена Святого Георгия и что она была ранена, — сказал Грицко, и в его голосе звучало отчаяние. — Наплети ему что-нибудь, Иван, постарайся.

Иван старался, как мог. Он уже почти выдохся, когда ко мне вернулся голос.

— Спроси у него, могу ли я пойти к реке и намочить повязку? — спросила я и, получив согласие, села, стянула сапог и начала разматывать бинты. Командир курдов внимательно оглядел мою рану и не стал мешать, когда я пошла к реке. Склонившись к воде, я вдруг поняла, что всё это время мы шли вниз по течению, потому что где-то там, подо мной, зажатое между скалистыми выступами, болталось брезентовое

[77] Так в оригинальном издании: здесь и далее автор заменила нецензурные слова «звёздочками».

ведро, которое я с перепугу оставила примерно в полуверсте отсюда. В самом начале ущелья, то есть примерно за версту вверх по течению, нас всё ещё ждал небольшой отряд, отправленный охранять нас.

Иван окликнул меня.

— Он хочет видеть твой крест. Я сказал, что ты взорвала мост через Аракс, и он хочет знать, как ты это сделала.

Пока предводитель курдов вертел в руке мой крест, Иван сказал:

— Рассказывай им, что хочешь, *малый*, я переведу. Давай побольше подробностей. Курд всё отдаст за хорошую историю. Если им понравится, то они отведут нас к своему офицеру. А если нет, то нам всем тут конец.

И я начала рассказывать.

Никогда в жизни мне больше не приходилось быть рассказчиком в таких необычных условиях, перед такими жуткими слушателями. Почти совсем стемнело, и хотя небо всё ещё было голубым, тут и там уже были видны звезды. Река что-то шептала и бормотала. Ветер становился холоднее, и эхо разносило его стоны по ущелью.

Не буду подробно пересказывать то, что я тогда говорила. От страха я добавляла в свой рассказ самые невероятные подробности. Иван дрожащим от волнения голосом переводил мой рассказ курдам. Тут я заметила, что они были искренне поражены тем, что я им говорила.

Я медленно пошла вверх по течению…

Страх и только страх давал мне силы. Я не смогла бы прервать свой рассказ, даже если бы кто-то приказал мне. Я не смогла бы не идти вверх по течению, даже если бы они поняли, куда я их веду. Но они не понимали. Прихрамывая — отчасти от волнения, а отчасти из-за боли в ноге — я опёрлась на руку Ивана с одной стороны… и на руку предводителя курдов с другой. Я рассказывала, как два человека в одиночку подожгли два соседних деревянных моста… Мы обогнули первый утёс в ущелье и были на полпути к следующему. Я посмотрела на Ивана; белки его глаз блестели в темноте.

Теперь я рассказывала о том, как в клубах огня и дыма мы заложили запал под бетонный мост. От страха я смогла придумывать невероятные романтические подробности, хотя до сих пор не могу понять, как мне это удавалось. Чем более волнующим становился мой рассказ, тем драматичнее звучал перевод Ивана, и тем больше он захватывал курда, на руку которого я опиралась, и тех курдов, которые шли за нами. Мы почти подошли ко второму повороту.

Мы уже огибали его.

— И тут, — рассказывала я, — раздался такой взрыв, как будто наступил конец света…

— Стой! Бросай оружие! — Это был голос Курного.

Курд бросил мою руку. Его спутники настолько увлеклись моим рассказом, что потеряли всякое чувство опасности или направления; они были слишком потрясены, чтобы сопротивляться. Они просто стояли на месте с открытыми ртами.

Я, прихрамывая, подошла к нашим.

— Вот, привела вам несколько курдов, — попыталась я сказать, но получилось только какое-то хриплое карканье.

Я села на землю, поглаживая ногу, которая действительно очень болела, и услышала, как кто-то из нашей сотни сказал:

— Эта девочка в одиночку захватила сорок курдов!

«Вот дурак, — подумала я. — Знал бы ты, как я испугалась». Но я была слишком усталой и растерянной, чтобы с ним спорить. Или с сотником, который потрепал меня по плечу и сказал:

— Я рад, что ты в нашей сотне. Ты, *сынок*, головой работал. Ты заслужил крест.

Или с Курным, который назвал меня «настоящим героем».

На следующий день мы ушли с плато, и меня привезли в штаб, где наш сотник опять привёл меня к генералу. Тот сказал, что с радостью представит меня ко второму солдатскому Георгиевскому кресту. С генералом спорить нельзя; я отдала честь и поскорее вышла из комнаты.

Вскоре я услышала, как о моём подвиге рассказывали друг другу, с каждым разом всё больше приукрашивая эту историю. Я якобы нарочно пробралась в ущелье и одна, вооружённая только кинжалом, захватила в плен сотню курдов.

И насколько я знаю, именно так эту историю рассказывают до сих пор.

Глава 12
СТЫЧКА

Несколько дней спустя мы вернулись к той же реке, но на этот раз встали чуть выше по течению, там, где река выходила на тихую равнину, а рядом извилистый узкий проход вёл оттуда в горы. Однажды, когда все мы сидели в нашем лагере над долиной, пришёл Курный и сказал, чтобы перед сном мы проверили свои шашки. Сотник

с особой командой готовил вылазку на курдов, множество которых, говорят, собиралось вдоль нашего прохода.

— Им нужно задать урок, — сказал он, — и мы им его дадим. Мы выступаем в час. Ты, Мария, сегодня остаёшься на часах. Разбуди меня незадолго до часа ночи.

Ночи в горах были холодными. Завернувшись в свою бурку, новый кавалер ордена Святого Георгия гордо стояла на посту, пока мужчины храпели. Так продолжалось примерно до полуночи, пока её не начало клонить ко сну. Она не понимала, почему, чёрт возьми, ей не дали поспать хотя бы часок перед вылазкой.

Я была настолько раздражена, что когда наступил час ночи, я выместила всё своё раздражение на Курном, со злостью пихнув его изо всех сил под рёбра.

Ответа не было, раздалось лишь некое подобие хрюканья.

Я сжала зубы и пнула его ещё раз.

— Господи, спаси нас и защити Государя, — пробормотал Курный сквозь сон. — Какого чёрта, Мария, что тебе надо?

— Вставай, уже больше часа.

— Зачем вставать?

— Ты что, забыл, что мы сегодня утром выступаем?

— Господи помилуй! Я совсем забыл. Беги, буди сотника и не отходи от него, пока он не встанет. Возвращайся вместе с ним.

Я побежала. Я очень волновалась, ведь это был шанс, которого я так ждала с тех пор, как вернулась — шанс заслужить крест в настоящем деле, скача в бой во главе с сотником. Я отлично понимала, что пока ещё не сделала ничего, чтобы заслужить такие награды.

Прибежав к месту расположения сотника, я от души пнула в рёбра его денщика. Однако с ним было сложнее, чем с Курным. Он просто приоткрыл один глаз и опять заснул, поэтому мне пришлось самой войти и аккуратно потрясти сотника за плечо. Тот немедленно проснулся, сел и посмотрел на свои ручные часы.

— Хм. Десять минут второго. Что же ты опоздал, *сынок*?.. Ну ладно, не будем тратить время на объяснения, беги к сотнику Давыдову, посмотри, готов ли он, и быстро возвращайся сюда доложить мне. Одна нога здесь, другая — там.

Нельзя было не удивляться тому, как по-разному они вели себя. Курный вообще забыл про вылазку, а сотник немедленно проснулся с ясной головой и в полной готовности. Дело было не в подготовке. Козёл никогда не повёл бы себя так, как Курный, а ведь у него не было офицерской подготовки.

Я без труда нашла Горско-Моздокский полк[78]. Сотник Давыдов уже собрал своих людей и что-то серьёзно говорил им. Когда мы с ним вместе вернулись, то наша сотня уже сидела в сёдлах, готовая к выходу.

И тут я испытала самый страшный удар.

— Если хочешь, *сынок*, — сказал наш сотник, — можешь пойти поспать в моей постели. Для разнообразия хорошо поспать не на земле, а?

Идти в его палатку? Спать? Я была невероятно оскорблена, ведь я считала, что у меня есть право сражаться рядом со всеми. Разве я не получила крест Святого Георгия, и разве я не была представлена ко второму? Я смотрела им вслед, а голова моя отчаянно работала.

Потом я сорвалась и побежала искать свою лошадь.

Было несложно ехать за ними следом на достаточном расстоянии, оставаясь никем не замеченной. А когда две сотни разделились, то несложно было и присоединиться к последним рядам людей Давыдова. Ведь никто из них не знал, что мне было велено идти спать, и они не обращали на меня ни малейшего внимания.

Мы осторожно ехали вниз по склону. Вокруг было тихо, слышался только цокот копыт и редкие команды Давыдова: «Дистанция — одна лошадь. Дистанция — две лошади», — и, наконец: «Стой!» Мы остановились в сотне метров от долины в овраге, под покровом темноты. Давыдов принялся объяснять нам нашу задачу.

Непроглядная темень безлунной летней ночи начала постепенно отступать. Тёмно-серый мрак сменился на грязно-серые сумерки, словно что-то просыпалось после долгого сна. В небе над нашим оврагом вдали показался какой-то отблеск нежно-розового цвета. Это всходило солнце над далёкой вершиной Арарата[79].

— Наши товарищи поднялись выше в долину. Сейчас курды между ними и нами. Наши их атакуют, и если всё пойдёт успешно, погонят курдов вниз, на нас. Если им удастся это сделать, мы тут приготовим курдам хороший сюрприз.

---

[78] 1-й, 2-й и 3-й Горско-Моздокские полки относились к Терскому казачьему войску. В описываемый период на Кавказском фронте действовали 1-й и 3-й Горско-Моздокские полки. (2-й Горско-Моздокский полк в годы Первой мировой войны сражался на Западном фронте.)

[79] Горы Большой Арарат (5165 метров над уровнем моря) и Малый Арарат (3896 метров) в настоящее время находятся на территории Турции. Территория Карсской области, где они расположены, была передана советским правительством Турции в 1921 году.

Двое казаков спешились и поползли вперёд наблюдать за долиной. Все остальные неподвижно сидели в сёдлах, как статуи, в ожидании.

Отдалённый гром копыт из долины, нестройный залп, крики… и вот уже:

— Они бегут, ваше благородие. Будут здесь через пять минут.

— Внимание! — сотник Давыдов подскакал туда, откуда была хорошо видна вся долина и остановился на фоне горизонта, безмолвный и собранный.

Вдруг в воздухе мелькнула его шашка, которой он теперь указывал вперёд и вниз.

— Быстро вниз, ударьте им во фланг!

Мы выскочили из оврага и спустились вниз по склону ещё на пятьдесят метров; с каждым метром мы набирали скорость и внизу уже летели, как молнии. Моим конём не нужно было управлять. Я пробовала натянуть поводья, но конь дёрнулся, и я предоставила ему решать самому. Я подумала, что он разбирается в этом гораздо лучше меня.

Мы неслись наискосок через долину правее, на курдов с их развевавшимися по ветру пёстрыми платками, которых нагоняла моя сотня. Погоня была настолько стремительной, что у них не было времени даже переправиться через реку и уйти в горы на том берегу.

Тут я почувствовала, что вообще больше не испытываю чувства страха.

Мы застали курдов врасплох. При нашем появлении они сразу попытались удержать лошадей, а когда мы ударили с фланга, то моя сотня во главе с нашим сотником и Курным с гиканьем ударила им в тыл.

Вся долина была кроваво-красной в лучах восходящего солнца.

Кто-то из наших людей пронзительно кричал что-то по-турецки. Рядом со мной казак напевал себе под нос: «Бейте, режьте, не жалея…»[80] — орудуя шашкой направо и налево. Моя шашка как будто сама по себе рассекала воздух; я была слишком возбуждена, чтобы ясно различать происходящее, а когда над моей головой, подобно чёрной птице, просвистел чужой клинок, то я лишь расхохоталась.

Мы скакали туда-сюда зигзагами, стараясь не наступать на упавших людей и лошадей. Я с трудом отличала своих от врагов и по сей

---

[80] Строки из песни «Вдоль по линии Кавказа», включённой в сборник Ф. И. Елисеева «Песни Кубанских Казаков» (брошюра № 1, Нью-Йорк, 1960).

день не могу понять, как мне удалось выйти из этой первой передряги без единой царапины.

Люди Давыдова и я с ними прошли через строй противника без потерь и теперь натягивали поводья. За нами над головами кричащих и стонущих казаков и курдов мелькали красные от крови шашки; где-то в этой толпе рубились наш сотник и Курный. Я повернула свою лошадь вместе с остальными и пустила её галопом.

Когда мы снова сблизились с противником, ко мне на всём скаку подлетел черноглазый курд, и я покрепче ухватила шашку, безуспешно пытаясь принять «первую позицию», которой нас учили; за секунду до стычки я уже поняла, что нахожусь полностью в его власти, и что меня это нисколько не волнует. Я и сейчас вижу эту картину: его выкаченные чёрные глаза, взмах его кривой сабли; потом серебряный всполох в воздухе — и вот уже одного из этих выкаченных глаз нет. Глаз исчез, словно кто-то попал в него бутылкой с красной краской, бутылка разбилась, и краска растеклась. Проскакивая мимо меня, он уже еле держался в седле, а краем глаза я увидела, что потом он упал.

Я повернулась, посмотреть, кто это сделал; пока я поворачивалась, передо мной появился ещё один курд с саблей наготове. Дзинг! Рука, которая держала саблю, оказалась отрубленной по локоть; он жалобно завыл и упал на шею своей лошади. Я подняла свою шашку в слабой надежде добить его, но кто-то поймал меня за руку.

— Уходи отсюда, сынок! — Это был Курный, который двумя мощными ударами дважды спас мне жизнь.

И тут все кончилось. Крики и стоны перешли в одно русское слово: «Победа!» Мою лошадь затянуло вместе с остальными. Казаки ездили кругами вокруг курдов, окончательно окружив их. Один за другим курды поднимали руки вверх и сдавались.

Я ощущала что-то вроде покалывания в пальце и посмотрела на него. С пальца капала кровь. Последний курд, целившийся мне в живот, успел задеть меня, прежде чем Курный достал его. Я с облегчением улыбнулась: есть хоть что-то предъявить за мой крест.

Два сотника созвали своих людей; те ехали позади курдов, подгоняя их. Долина, по которой мы двигались, вся была в золотом тумане.

— Какого чёрта ты решилась нарушить приказ?

Мы вернулись к своим, я стояла перед сотником и дрожала.

— Ты знаешь, что это значит?

— Да, ваше благородие, — сказала я слабым голосом.

— Это значит, что я тебя накажу. Чтоб другим было неповадно, — его голос дрожал от гнева. — Так накажу, что вся сотня надолго запомнит. Ты солдат, и тебе предстоит понять, что быть солдатом — это не в игрушки играть.

Как сказать ему, что мне стыдно носить свой орден, пока я не заслужу права на это?

— Вот что я… — он недоговорил. Он смотрел на руку, которой я отдавала честь. По запястью текла кровь из маленькой ранки на пальце.

Его взгляд смягчился.

— Боже, дитя, что с твоей рукой?

— Ничего, ваше благородие. Извините, что ослушалась. Я подумала, что меня не взяли просто потому, что я дежурила всю ночь и не выспалась. Я…

Он прервал меня:

— Немедленно доложи Курному. Пусть кто-нибудь перевяжет тебе руку. — С этими словами он развернулся и ушёл.

Я нашла Курного и сказала, что мне велели доложить ему.

— Видеть тебя не хочу, — сказал он сердито. — Иди и ложись спать, и благодари Бога, что ты ещё жива и можешь спать.

Тут он тоже увидел кровь и скорее потащил меня в Красный Крест, а сам стоял и взволнованно ждал, пока санитар промывал мне ранку. Когда наконец обнаружилось, что это лишь маленький порез, совсем незначительный, он рассмеялся.

— Курд лишился руки за эту царапину, — сказал он. — Ты мелкая кровожадная баба, скажи спасибо, что я тебя вовремя увидел, а то его шашка сделала бы из тебя славное месиво.

Я видела, что хотя Курный всё ещё очень злился на меня за глупое решение, он был рад, что я жива.

А я никак не могла поблагодарить его, потому что слова застревали в горле, и я глотала слёзы.

Глава 13
СМЕРТЬ В СНЕГАХ

Осенью 1915 года поползли странные недобрые слухи. Вместо продовольствия к нам стали приходить составы с боеприпасами. При этом, в то время как на Западном фронте происходило одно сраже-

ние за другим, у нас здесь не было даже серьёзных стычек[81]. Зачем нам боеприпасы? Порох нельзя есть на обед. В лагере зазвучало слово «измена», хотя никто не мог сказать, в чём эта измена состояла, кроме того, что правительство явно не торопилось с военными действиями на Кавказе. Мы не знали, что на Западном фронте ситуация была обратной: много еды и нехватка боеприпасов[82]. Мы не знали, что наши транспортные службы обнаружили целые составы с продовольствием, которое постепенно портилось на запасных путях вдали от наших частей.

Офицерам было легче, чем рядовым. Некоторые из них уезжали в отпуск и больше не возвращались. До нас доходили слухи, что их перевели на Западный фронт. Наши казаки, в чьих жилах текла горячая кровь, слышать не могли подобные истории. Они чувствовали себя обманутыми и оскорблёнными и ворчали, что их сделали простыми пограничниками. Наконец несколько сотен послали своих лучших бойцов с петицией, в которой просили и их перевести туда, где идёт настоящая война. Офицеры согласились на это, чтобы избавиться от главных смутьянов. Потом они очень об этом пожалели, потому что туда захотела идти вся армия, и какое-то время я боялась, что у нас разгорится маленькая междоусобная война за это право.

Ещё одной проблемой стала цинга, потому что теперь мы постоянно ели только жидкий суп. Больше ничего не было. Всё, что можно было награбить в округе, было уже награблено, и большинство жителей уехали из этих мест.

Некоторые из местных армян пытались перейти к врагу[83].

Помню, как я впервые увидела одного из них, когда он вернулся. Я с сотней была где-то за пределами лагеря, когда мы на него наткнулись. С этим армянином обошлись не слишком любезно; без сомне-

---

[81] Автор ошибается. Как уже отмечалось выше, крупнейшим событием лета 1915 года на Кавказском фронте явилась Алашкертская операция, в которой было задействовано около половины сил русской Кавказской армии.

[82] Довоенные оценки потребности русской армии в боеприпасах оказались ошибочными. В результате в течение всего 1915 года русская армия на Западном фронте вынуждена была медленно отступать, в том числе из-за крайнего недостатка в снарядах. Принятые меры по развитию военной промышленности позволили разрешить «снарядный кризис» в 1916 году.

[83] Совершенно невероятное утверждение автора — учитывая то, что как раз в 1915 году в Османской империи начался геноцид армянского населения. Надо полагать, речь шла о попытке пробраться на контролируемую турками территорию по каким-либо личным причинам.

ния, у наших врагов тоже были проблемы с едой. У него был выжжен левый глаз, на правой руке была отрублена кисть. Ему отрезали язык. Мы не знали, насколько издалека он шёл. Когда мы встретили его, он полз по земле, весь в крови и грязи, и мало походил на человека.

Кто-то спешился и толкнул его носком сапога, как если бы это был какой-то неизвестный ранее червяк. Он повернул к нам своё ужасное изуродованное лицо и пробормотал что-то, что должно было быть словами. Кто-то ещё рассмеялся и отпустил злую шутку. В конце концов, это был всего лишь армянин, поворачивавший к солнцу своё залитое кровью лицо. А я — я наклонилась над седлом, и меня стошнило.

Они засмеялись и надо мной тоже — все, кроме Курного.

Всю эту осень к нам возвращались бездомные армяне с отрубленными руками, ушами, ногами, с отрезанными языками. Россия встречала их холодно, хотя Красный Крест делал всё возможное. Но госпиталя были переполнены больными цингой, медикаментов не хватало, и они мало на что могли здесь надеяться. Что касается ограбленных нами деревень, то лучше бы оттуда все уехали. Те немногие жители, кто остался там, измождённые и полуголые, мало походили на когда-то красивых людей. Их губы стали зелёными от травы, их единственной пищи. Банды голодных детей рыскали по всей округе, врываясь в дома и нападая на одиноких путников в надежде найти хотя бы кусок чёрного хлеба. Эти несчастные маленькие создания настолько одичали, что могли разорвать человека на куски, как волки, и кое-где в укромных местах находили тела, с которых местами были срезаны куски плоти. Дела стали настолько плохи, что для отлова этих детей пришлось выслать армейские патрули. Пойманных собрали вместе и куда-то вывезли — надеюсь, в лучшее для них место.

Ждала ли нас здесь ещё одна зима? Я думаю, мы давно уже взбунтовались бы, если бы не слухи, исходившие из штаба, о том, что на Кавказском фронте в предстоящую зиму ожидаются серьёзные события. Говорилось, что Великий князь Николай Николаевич[84] должен

---

[84] Великий князь Николай Николаевич (1856–1929) — внук императора Николая I, генерал от кавалерии. В годы Первой мировой войны — Верховный Главнокомандующий с августа 1914 по август 1915 года. Главнокомандующий Кавказской армией с 10 (23) августа 1915 года по март 1917 года. Прибыл в Тифлис 29 августа (11 сентября) 1915 года. Умер в эмиграции.

Согласно «Учреждению об императорской фамилии», изданному императором Александром III в 1886 году, титулом Великого князя (Великой княгини) обладали сыновья, дочери, братья и сёстры российских императоров, а также их внуки по мужской линии.

вот-вот прибыть на Кавказский фронт в качестве главнокомандующего. От этих новостей армия быстро воспрянула духом, потому что Великий князь был любимцем солдат. Вокруг ходили самые разные слухи; говорили, что этот великий человек попал к нам в результате интриг, и что для него это понижение. Но тем не менее все были рады новости. В течение двух дней после официального подтверждения этой информации всё было подготовлено к походу[85] — склады, кухни, госпитали, а также и боеприпасы. Хорошо, по крайней мере, что хоть боеприпасов у нас было много.

Нашим направлением был юго-восток. Наконец-то турки, наши вечные многовековые враги, узнают, что такое казачья ярость, так долго сдерживаемая рутинными обязанностями пограничной службы. Начало было волнующим. В походе мужчины пели свои бравые военные песни о том, как они будут рубить врагам головы и пересчитывать эти кровавые трофеи после боя, а тела оставят на съедение диким зверям[86]. Эти песни так меня возбуждали, что я не удержалась и присоединилась к хору, дрожа при этом от ужаса. Я часто лежала ночью без сна и думала об этих песнях, думала, как мы будем резать головы, и где их потом хранить. Отступать было поздно, хотя чем больше я об этом думала, тем страшнее всё выглядело. Я надеялась только, что меня не сочтут мягкосердечной *бабой*, и поклялась себе, что никогда не дам им повода так думать — если только они не заставят меня пересчитывать головы.

Мы обнаружили, что направляемся к горе Малый Арарат.

Всё чаще случались грозы. Местность становилась более гористой. Впрочем, как ни странно, я не помню ни одной грозы на рассвете. И я никогда не забуду, какими тихими и кроткими становились в рассветные часы самые грубые солдаты, как они приглушали голоса, словно боялись кого-то разбудить.

---

[85] Как правило, от момента официального назначения до объявления этой новости войскам проходило относительно короткое время. Однако далее по тексту автор описывает трудности, с которыми армия столкнулась зимой в горах. Видимо, либо официальные известия о назначении великого князя Николая Николаевича Главнокомандующим Кавказской армией дошли до этого участка фронта с очень большим опозданием — либо поход всё же начался сильно позже, чем через несколько дней после назначения.

[86] О какой именно песне идёт речь, определить не удалось. Более того, по мнению специалистов, такого рода кровожадные обороты абсолютно нетипичны для казачьих и вообще для русских песен. Возможно, здесь имеет место «поэтическое преувеличение», допущенное автором ради пущей экзотики.

Когда я занималась хозяйственными делами в лагере, то обычно всегда бросала работу, чтобы посмотреть на восход солнца. Чтобы понять, как это выглядит, нужно пожить в горах. Вы видите, как как на зимнем небе появляются великолепные красные и белые проблески, которые в конце концов сливаются в общий багровый фон; как на фоне неба светятся величественные снежные вершины; как можно почти услышать вечную тишину, охватывающую всё вокруг.

Но чем больше мы углублялись в горную страну, тем труднее становился наш путь. Кавалерия и пехота ещё могли продвигаться без особых сложностей, но для тяжёлых грузовиков и артиллерии задача становилась всё тяжелее. И чем выше мы поднимались в горы, тем меньше у нас было еды, потому что наши неповоротливые кухни всё больше и больше отставали от войска. На пути у нас было мало селений, а те, которые встречались, были слишком бедны, чтобы обеспечить нас едой. Иногда удавалось подстрелить из винтовки горного козла; но обычно мы питались только тем, что несли с собой. Табак тоже кончился, и мужчины были вынуждены курить сушёный конский навоз.

Горные отроги становились настолько крутыми, что пришлось использовать мулов в качестве вьючных животных. Мулы очень умные и старательные. Мы обвязывали их верёвкой и посылали вперёд на самых сложных подъёмах. Они спокойно поднимались на вершину, а люди лезли вверх, держась за эту верёвку. А вслед за людьми затаскивали лошадей.

Нас позвали помочь переправить артиллерию через сложный перевал. Орудие застряло на полпути к вершине. Мужчины и мулы, обвязавшись верёвками, пошли вверх по тропе, чтобы тащить пушку за собой, пока другие будут толкать её снизу. Хотя небо было затянуто дождевыми облаками, было пронизывающе холодно. Пока я стояла и наблюдала за ними, мне казалось, что вместе с воздухом я вдыхаю густой тяжёлый туман.

Я хотела тоже идти помогать, но Курный сказал, что ему приказано оставить меня внизу с лошадьми. Я знала, что он лжёт, потому что наш офицер не появлялся уже два дня. Но я знала также, что от меня там будет мало толку, так как там нужна сила, а даже несколько сотен мужчин, ругаясь последними словами, не могли затащить пушку вверх. Как только им удавалось чуть-чуть подтолкнуть её вверх по склону, она немедленно скатывалась вниз, а порой даже вдвое ниже того расстояния, на которое её получалось поднять. Привели ещё му-

лов и ещё солдат; казалось, они уже почти несут пушку на руках, но она опять и опять соскальзывала вниз.

И тут снизу раздался крик офицера: «Держите её! Держите!»

На минуту все застыли в едином, огромном, отчаянном усилии.

Потом какая-то сила подбросила в воздух мулов и людей, стоявших наверху; на долю секунды они зависли в воздухе. Как в кошмарном сне, мелькнули руки и ноги, а потом всё стремительно полетело вниз и вниз. Пушка сорвалась!

С таким же успехом можно было попытаться удержать рвущийся вниз локомотив. Она летела вниз по склону, неся за собой камни и комья земли, прямо навстречу людям, лошадям и мулам, поднимавшимся вверх. Пушка валилась со странным звуком, словно кто-то давил больших чёрных жуков; не знаю, как ещё можно это описать. Этот звук стоит у меня в ушах до сих пор так же ясно, как тогда, заглушая проклятия людей и ржание лошадей.

Многих на этом перевале задавило насмерть. Но им ещё повезло. Другие, которых беда тоже не обошла, лежали, корчась в грязи, с перебитыми ногами или раздробленными руками. А про лошадей я даже говорить не могу…

Я побежала вниз посмотреть, чем я могу помочь. Не буду уверять, что шла туда с охотой, или что от меня могла быть какая-то польза. Голова первого несчастного, на которого я наткнулась, больше всего напоминала раздавленный апельсин. Второй был ещё жив, но истекал кровью, медленно сочившейся из-под куска белой тряпки, которой я смогла его перевязать.

Из-за перевала доносился далёкий голос; в морозном воздухе звучало «Бейте, режьте, не жалея…»[87]

Умирающий снова и снова стонал «Ой, мамочка дорогая, как больно…» Я стояла над ним, отвернув голову, и плакала. Там меня и нашёл Курный…

Санитары и их помощники с носилками бежали вниз по склону. Мы передали раненых их заботам, а сами двинулись вверх. Становилось всё холоднее и холоднее, дождь перешёл в снег, снег превращался в лёд. Порывы ветра бросали нам в лицо ледяную крупу; вокруг не было деревьев, за которыми можно укрыться, а у нас не было времени рыть себе убежища в снегу. Нашей единственной пищей были сухари, безвкусный сухой хлеб, больше похожий на застывший клейстер,

[87] Строки из песни «Вдоль по линии Кавказа», включённой в сборник Ф. И. Елисеева «Песни Кубанских Казаков» (брошюра № 1, Нью-Йорк, 1960).

который используют для расклейки объявлений. Они были такими твёрдыми, что однажды я сломала зуб об такой сухарь. Я умерла бы в этих горах, если бы не Курный, который никогда меня не оставлял. В ту ночь я подползла поближе к нему, чтобы согреться, хотя не могла заснуть. Я смотрела в темноту, но видела только медленно истекающего кровью человека, зовущего смерть, которая всё никак не приходила.

На следующее утро мы добрались до плато, где должны были расположиться[88]. Но большая часть нашей армии ещё сражалась с безжалостными склонами. Спустя несколько дней на перевале задул ледяной ветер; день за днём после этого измученным обмороженным людям пришлось пробиваться сквозь ледяную пургу[89]. Но я не понимала, насколько всё плохо, пока однажды Курный не сказал мне, что нужно поехать в Нахичевань[90], ближайший от нас город, где располагался наш штаб.

---

[88] Судя по контексту, скорее всего речь идёт о занятии русскими войсками плато Каргабазар, что имело ключевое значение для последующего обхода и взятия Эрзерума.

«Сосредоточение целой дивизии с артиллерией на высоком, суровом, покрытом глубоким снегом плато Каргабазара само по себе представляет такое проявление героизма, совершение которого только и могло быть при сочетании непреклонной воли командующего армией, умевшего требовать от войск подъёма, с незнающей в истории сравнения доблести и беззаветного мужества русского офицера, солдата и казака. Трудно представить, какие нечеловеческие усилия нужно было приложить, чтобы поднять на эту, считавшуюся недоступной, высоту Каргабазара, выше 10 тыс. фут над уровнем моря, возвышавшуюся над долиной на 4½ тыс. фут, двадцать орудий, из них 12 лёгких, без дорог, по протоптанной узкой тропе, с высеченными во льду ступеньками». (*Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917 г. — Париж, 1933. — С. 272.)

[89] «Суровая зима, частые метели, 20-градусные морозы, очень гористая и пересечённая местность, вся покрытая чрезвычайно глубоким снегом, до невероятия затрудняли действия наступающих русских войск.

Подвиги, совершённые войсками, поистине не уступали суворовским в Альпах». (*Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917 г. — Париж, 1933. — С. 298–299.)

[90] Нахичевань — один из древнейших городов Закавказья, существующий более трёх тысяч лет. На момент описываемых событий — административный центр Нахичеванского уезда Эриванской губернии. Ныне столица Нахичеванской автономной республики в составе Азербайджанской Республики.

В конце 1915 года Нахичевань находилась в глубоком тылу русских войск. Либо описываемые события происходят достаточно далеко от линии фронта, либо автор что-то путает.

Нахичевань была за перевалом. К ней вели совсем неплохие дороги, некоторые из них даже можно было назвать шоссе. На всём пути нам встречались полевые госпитали, до предела переполненные жертвами холода, и я только теперь поняла, как мне повезло прорваться. Для чего нам навязали этот зверски тяжёлый подъём, если вполне можно было пройти этим путём?[91]

В Нахичевани я с удивлением обнаружила, что всё идёт своим чередом, все улыбались и были довольны жизнью. Они, видимо, не представляли, с какими сложностями мы сталкиваемся там, высоко в горах, а если и понимали, то их это явно не волновало. Там был и наш сотник. У него была та же фамилия, что и у штабного генерала, и трое казаков, которых вместе со мной послали сюда, ворчали по этому поводу. Они говорили, что теперь понятно, почему он остался внизу и не стал делить с нами все тяготы. Без сомнения, он был племянником генерала, или его сыном, или, как им казалось, его незаконнорождённым отпрыском.

Я встретила сотника вскоре после того, как мы прибыли. Я просто стояла на улице, когда над моим ухом раздался голос:

— Как, малыш, это опять ты? И всё ещё носишь форму?

Я отдала ему честь.

— Я всё ещё ищу моего отца, ваше благородие.

— Хочешь домой?

— У меня нет дома, ваше благородие.

— Ну, в известном смысле мы все сейчас далеко от дома.

Он молча смотрел на меня. Потом наконец сказал:

— На сегодня ты будешь моим вестовым. Явишься к двум часам.

В два часа я была в комнате сотника.

Комната была грязной. На полу валялись окурки; грязные стаканы стояли на подоконнике; на неубранной постели горой были свалены мундиры и ремни. На столе между книгами и бумагами лежал кусок вонючей колбасы. Вся комната пропахла махоркой, воздух был спёртым.

Но на туалетном столике рядом с фотографией красивой девушки лежала прекрасная жирная селёдка.

---

[91] Ответ на вопрос, задаваемый автором: потому что войска шли не от Нахичевани, а с другой стороны, где нормальные дороги, очевидно, отсутствовали. В любой армии и во все времена рядовым бойцам свойственно обвинять командование в некомпетентности, не понимая картины происходящего в целом.

Пока я убирала комнату и наводила порядок, эта селёдка не шла у меня из головы и так и стояла перед глазами. Я всё время думала о ней. У меня слюнки текли, я умирала от желания её съесть. Я знала, что её отсутствие будет замечено, ведь это была едва ли не единственная свежая еда в доме. Но пока я мыла стол, подметала пол и убирала постель, я всё время думала, стоит ли рискнуть и взять её.

Я уже почти решилась на это, когда пришёл сотник.

Мне показалось, что он немного нервничает. Он ходил взад и вперёд по комнате, перекладывая с места на место какие-то бумаги. Он зажёг сигарету и загасил её, едва сделав две затяжки. Наконец сотник подошёл ко мне; я стояла и ждала, что сейчас он меня отпустит.

— Ты хорошая девочка, и ты прекрасно убрала мою комнату. Ты ведь всегда хорошая девочка, да?

Он смотрел на меня так странно, что я начала краснеть и ненавидела себя за то, что краснею. Я не хотела, чтобы меня считали девушкой, я была солдатом. Но мне нужно было что-то говорить, и я наконец пробормотала:

— Я… Я думаю, да, ваше благородие.

— Ты думаешь? Ты не знаешь? Такие вещи нужно знать.

Его глаза стали совсем пустыми, и я с удивлением увидела, как глупо он улыбается. Затем в уголках рта у него выступила слюна, и я испугалась. Но я не смела пошевелиться.

Он взял меня за ухо и одной рукой обнял за плечи; другой рукой он расстегнул мой китель; его пальцы нежно меня поглаживали. Потом — я думаю, это было из-за того, что я вся дрожала — он пробормотал:

— В чём дело, детка?

Я была настолько перепугана, что сказала первое, что пришло мне в голову:

— Хочу селёдку, ваше благородие.

От этих слов он словно очнулся от транса, устало засмеялся и оттолкнул меня.

— Хорошо, *малый*. Бери свою селёдку. Ты отлично поработал. Можешь идти.

В тот же вечер мы уехали обратно в горы. Все три моих спутника были сильно пьяны, хотя деликатно старались не показать этого. Когда мы выехали из долины и начали подъём, в лицо нам ударили мелкие острые крупицы мокрого снега. Снег кружился на ветру, который дул с перевала, выл и плакал, как живой, словно кто-то его очень напугал. До верха мы шли всю ночь.

Когда вдали уже показался наш маленький лагерь, снег прекратился, и почти взошло солнце. А за зелёным океаном серебристых волн был виден широкий чёрный зигзаг. Это была колонна солдат, которые всю ночь с трудом пробивались тем же ужасным путём, по которому мы прошли несколько дней назад.

В лучах восходящего солнца, на фоне величественных снегов люди стонали и кляли Бога. Молились немногие, очень немногие. Носилки нести было некому, и те, у кого были обморожены руки или ноги, держались, как могли. Они должны были выдержать или умереть.

Мы постарались побыстрее проехать мимо них. На пехотинцах были страшные лохмотья; у многих не было даже пары башмаков, и их стёртые ноги окрашивали снег кровью. Сегодня, вспоминая их, я вижу галерею лиц, смотрящих, как мы едем мимо. Бледные лица с чёрными кругами вокруг глаз; лица, настолько измождённые голодом, что больше напоминали собачьи морды, чем человеческие лица; обледеневшие бороды; синие губы. И ещё одно лицо, которое, когда я вспоминаю его сейчас, кажется просто нереальным. Видимо, накануне этот человек обморозился, и его оттирали снегом, но слишком поздно: там, где должен быть нос, была какая-то красная каша, покрытая свежей застывшей кровью. Губы застыли в дикой ухмылке. Когда мы проезжали мимо, из этих губ вырвался вопль. Наши казаки перекрестились и шёпотом прочли молитву святым угодникам; невольно я сделала то же самое[92].

---

[92] Как сообщают историки, командование Кавказской армии предпринимало необходимые меры для защиты солдат от холода. В войска поставлялась тёплая и маскировочная одежда, зимняя обувь и даже специальные очки для защиты глаз от блеска снега и льда. Тыловые службы занимались расчисткой дорог от снега.

Вот, например, свидетельство генерал-лейтенанта И. В. Савицкого, начальника 66-й пехотной дивизии, о форсированном марше в конце декабря 1915 года: «Несмотря на жестокие морозы и необходимость на многих ночлегах располагаться биваком, дивизия совершила этот форсированный марш в полном порядке и без обмороженных. Объясняется это, во-первых, тем, что солдаты были отлично снабжены зимней одеждой: каждый солдат имел пару кожаных сапог и тёплые портянки и пару валенок, которые он надевал на ночлеге, неся на походе за плечами; короткий до колен полушубок, не стесняющий движения, стёганые на вате шаровары, папаху с отворачивающимся назатыльником, тёплые варежки и шинель, на походе скатанную, а во-вторых, заботливо заготовленными армией дровами на ночлегах (дрова подвозились на верблюжьих транспортах)». (*Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917 г. — Париж, 1933. — С. 238.)

На нашем посту Курному передали записку от сотника, которая, казалось, его сильно обрадовала. Он сказал, что мы немедленно отправляемся в Нахичевань.

На мгновение моё сердце замерло.

Этот приказ, судя по всему, был как-то связан со мной. Неужели они нашли какого-то человека по фамилии Колесников, который был родом из той маленькой станицы, о которой я говорила? Собираются ли они передать меня ему? Я не решалась спросить, но сил ждать тоже не было. Я сказала Курному, что очень хочу спать, и что я просто свалюсь с седла, если поеду сейчас.

Нет, нужно ехать.

Может, это как-то связано с тем случаем с селёдкой? Мне хотелось поскорее забыть об этом. Ведь сотник выглядел очень расстроенным, когда отпускал меня, словно желал извиниться. Но не находил слов.

Ну, волнуйся не волнуйся, а ехать надо. Курный позволил мне поспать один час, пока он собирается. Я улеглась и заснула одним из тех крепких снов, который бывает только у тех, кто по-настоящему измучен. Это не был сон без сновидений: мне снилось, что я опять еду верхом среди бредущих измученных людей, а сотник трогает меня за плечо и трясёт.

— Ты настоящий казак, Мария. Тебя из пушки не разбудишь, — сказал Курный. — Вставай, пора ехать.

Я так хотела спать, что окончательно проснулась, только когда мы проехали полпути вниз. Внизу была Нахичевань, скрытая облаками; некоторые из них напоминали густое молоко, другие походили на клубы пара. Курный заговорил об испарениях, о конденсации и о других физических явлениях. Он напомнил мне кого-то ещё, кого-то из очень далёкого прошлого, кого-то, кого я могла вспомнить с большим трудом. Я была потрясена, когда вспомнила, кого именно он мне напоминал: никого иного как Николая Ивановича, нашего учителя естествознания в екатеринодарской гимназии.

— Где ты учился, Курный? — не удержавшись, спросила я.

Он рассмеялся и показал рукой на горизонт.

— Моей школой был весь огромный мир, — сказал он.

Наверняка не всегда и не везде эти меры были предприняты своевременно. И всё же зрелище голодных солдат в лохмотьях, поднимающихся в горы босиком по снегу, следует считать исключительно плодом фантазии автора.

Мы въехали в зону облаков; там шёл дождь, было мрачно и холодно. Здесь мы встретили санитаров, отчаянно пытавшихся вытолкать двухколёсные повозки, запряжённые мулами, и намертво застрявшую на склоне полевую кухню. Офицер позвал нас на помощь, заявив, что ему нужен каждый человек, но когда Курный сказал ему про приказ и назвал имя нашего сотника, то офицер без дальнейших возражений позволил нам проехать. Наш сотник, судя по всему, был важной шишкой.

Сонная Нахичевань раскинулась под дождём. Город был охвачен какой-то механической суетой; кругом двигались лошади и телеги, угрюмо пролагавшие себе путь по улицам. Временами наши кони шли почти по колено в грязи.

Когда наконец мы спешились перед жилищем нашего офицера, я была так измучена дорогой, что еле держалась на ногах и даже не отреагировала на слова ординарца, который предложил мне сесть на скамью в доме со словами: «А вот тут хорошая девочка может посидеть».

Курный и сотник о чём-то говорили в углу. Сотник предлагал Курному воспользоваться случаем и провести ночь в городе, а Курный настаивал на том, чтобы немедленно ехать назад.

«Тупой болван, — подумала я, — если бы ты был так же измучен, как я, ты попросил бы не один, а три дня отдыха». В те дни я мысленно изъяснялась именно на таком вот армейском жаргоне.

Надев папаху и бурку, сотник быстро прошёл у меня за спиной. Он, казалось, сознательно не смотрел в мою сторону, когда я вскочила отдать ему честь. Он даже не отдал мне честь в ответ.

— Вот скотина, — пробормотала я, когда он вышел.

Курный немедленно обернулся и так хлопнул меня по спине, что я невольно прикусила язык, а из глаз посыпались искры.

— Чтоб твоих детей черти так отодрали на том свете! — завопила я вне себя от ярости.

Курный на минуту застыл, глядя на меня с открытым ртом. Он был явно ошеломлён, ведь он никогда прежде не слышал от меня подобных слов. Потом он рассмеялся и обнял меня:

— Ты быстро учишься, *сынок*. Надеюсь, не обожжёшься. Но только уж про тот свет ты лучше не поминай.

Я начала бормотать какие-то извинения, но он прервал меня, сказав задумчиво:

— Мария, а знаешь, ты ведь наш талисман. Ты принесла нам удачу, настоящую удачу. — Он ухмыльнулся. — Хочешь, скажу хорошую

новость? Больше никаких гор до самой весны. Наш сотник собирался покинуть нас и перейти на службу в штаб армии, но ты так хорошо убрала его комнату и вообще была так мила — это он сам так сказал — что он решил остаться и забрать нашу сотню сюда для специальных поручений. Линия фронта будет проходить наверху, в горах, и храни их там Бог. А мы будем здесь, в Нахичевани.

Я никогда не видела его таким довольным. Он подбросил шапку в небо, выбежал на улицу и купил у проходившего мимо торговца две огромные порции вина. Это были весьма необычные порции. Торговец просто поднимал над головой свой бурдюк — сухую овечью шкуру, где одна из ног служила горлышком — и заливал соответствующее количество вина прямо в открытый рот Курного. Такой способ требует хорошей подготовки, потому что если чуть отклониться, то вино прольётся на тебя или даже на землю, а платить всё равно придётся.

Когда он вернулся, я спросила, можно ли мне поспать.

— Иди спать, дивчина, благословляю тебя. Но пока не заснула, сними с моих детей своё проклятие. Возможно, однажды мы с тобой вместе их увидим. — Я не совсем поняла, что он имел в виду, но, счастливая и смущённая, свернулась на лавке и заснула.

Меня разбудил денщик сотника, вошедший в комнату с большой кастрюлей горячего овощного супа, в котором плавали крупные куски мяса. Он сказал, что Курный уехал, а мне нужно будет остаться. Сотник сегодня не ночует дома, и мне приказано спать в его постели. Потом он принёс мне воды, чтобы помыться, и пару чистого белья. Бельё было мужское, но за последний год я выросла, и оно уже не болталось на мне так, как раньше.

Я не понимала сотника. За день до того он напугал меня и извинился. Потом из-за меня он послал Курному записку о переводе нашей сотни в Нахичевань. Потом, в тот же день, он меня просто не замечал; теперь он предлагает мне свою комнату и постель.

Я подошла к разбитому зеркальцу, которым здесь пользовались для бритья, и взялась разглядывать себя, словно зеркало могло мне что-то подсказать. Потом я с отвращением отодвинула от себя зеркало. Я не девушка. Я солдат.

Но возможность помыться горячей водой, всего в третий раз с тех пор, как я поступила в армию, была истинным наслаждением. Я решила, что сотнику можно поверить на слово, подстригла волосы его ножницами и почистила зубы его щёткой. И впервые почти за год разделась, чтобы лечь спать.

Когда я проснулась, денщик ставил у моей кровати чай и хлеб.

— Лучше поешь, пока не остыло, — сказал он мне. — Это всё из офицерской столовой. Знаешь, что уже за полдень, *сынок*?

А потом спросил:

— Если я тебе не нужен, можно, я отлучусь в город?

Наверно, с моей стороны это было грубо, но я рассмеялась.

— А зачем ты мне можешь быть нужен?

— Сотник приказал ухаживать за тобой, — ответил он. А когда я ему «разрешила», то он покорнейше меня поблагодарил.

Всё это было очень странно; настолько странно, что за этим должно было что-то последовать. Но ничего не последовало. А я была слишком молода, и для меня поведение сотника было лишь ещё одним свидетельством непредсказуемости офицеров. Но он повёл себя со мной безупречно. Возможно, он стал немного добрее, однако ничего подобного тому случаю с селёдкой больше не было. Сейчас, вспоминая всё это, я думаю, что, возможно, он дал мне провести одну ночь с комфортом в постели из чувства раскаяния. А делать что-то наполовину — это не в характере русского человека. Но это только моё предположение.

Как бы то ни было, я ещё раз помылась и опять легла спать. Я не готова была отказаться от такой двойной роскоши. Рано утром меня разбудил Курный со словами: «Доброе утро, ваше высокоблагородие. Не соблаговолите ли встать и почистить лошадей? Мы прибыли, и все очень устали».

Сотню разместили на окраине города, где нам выделили три домика. Нашим казакам было поручено нести патрульную службу: вылавливать дезертиров и выявлять шпионов среди армян.

Это была гадкая, постыдная работа, в которой я не участвовала.

У меня были другие проблемы. Я мало общалась с кем-то из своих сослуживцев, кроме Курного; а сейчас я и его избегала. Иногда Курный жаловался, что я хожу угрюмой и несчастной; он спрашивал, не скучаю ли я по дому. Я скучала, но не решалась никому об этом сказать, потому что боялась, что они отошлют меня из армии. Хотя временами мне очень не хватало матери, тем не менее я была полна мрачной решимости остаться в армии до конца и посмотреть, чем всё кончится. В домах, где нас разместили, были хоть какие-то элементарные удобства, и это на ближайшие пару месяцев облегчало мою жизнь. С моей стороны не будет бахвальством сказать, что в этих условиях я приспособилась ко всем сложностям даже лучше, чем самый неприхотливый солдат в моей сотне.

В течение всего декабря в горах над Нахичеванью полузамёрзшая армия мёртвой хваткой держала свои редкие позиции[93]. Мы внизу знали только, что российские войска неспешно маневрируют вдоль турецкого фронта. Всё происходило настолько медленно, что мы давно уже перестали ожидать каких-то боевых действий и заскучали.

Однако в январе 1916 года всё вокруг зазвучало по-новому. Великая армия готовилась к бою.

Глава 14
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НАНОСИТ УДАР[94]

Дни и ночи, дни и ночи мимо нас шли маршем тысячи людей. Дни и ночи на железнодорожных станциях с грохотом сгружали огромные

---

[93] Как уже было отмечено, на тот момент Нахичевань находилась в глубоком тылу русских войск. Автор плохо представляет себе, как проходила линия фронта. Либо казаки располагались в каком-то ином населённом пункте, который автор ошибочно называет Нахичеванью.

[94] Как и большинство обывателей, автор «по умолчанию» воспринимает Великого князя в качестве вождя Кавказской армии и организатора её побед. В реальности, однако, всё было иначе.

До августа 1915 года Наместником Кавказа и Главнокомандующим войсками Кавказского фронта являлся престарелый граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916). При нём была создана должность командующего Кавказской армией, которую занял один из лучших российских военачальников генерал Юденич. Который и руководил всеми военными действиями.

«С прибытием нового Главнокомандующего, полного сил, вопрос об управлении армией, естественно, становился на очередь.

По этой причине, вскоре после прибытия на Кавказ Великого Князя, когда последний приехал в Карс, где находился штаб армии, генерал Юденич, по окончании подробного доклада Великому Князю о положении на Кавказском фронте, поднял этот вопрос, сказав, что должность командующего Кавказской армией была создана лишь вследствие болезненного состояния графа Воронцова-Дашкова, почему ныне с его прибытием на Кавказ, по его мнению становится лишней.

В ответ на это заявление генерала Юденича, Великий Князь сказал, чтобы первый по-прежнему оставался во главе Кавказской армии, ею руководил, и в этом управлении армией он, Великий Князь, даёт генералу Юденичу полную самостоятельность, а на себя берёт гражданское управление краем.

Таким образом, порядок управления Кавказской армией остался прежний. Генерал Юденич, как и раньше, самостоятельно вёл все операции, без

пушки. Дни и ночи в уши ритмично бил мрачный непрекращающийся скрежет.

Люди съезжались сюда со всей России, но если память меня не подводит, то все они выглядели абсолютно одинаково: бесцветные, невыразительные, бесконечные полки шли маршем сквозь смертельный холод. Они больше не были обычными русскими людьми, каждый со своей собственной судьбой, они были просто солдаты. Это не были люди, готовые умереть за свою страну — это просто были люди, которым предстояло умереть.

Наша память в таких условиях не может быть беспристрастной. Возможно, та мрачная картина — а это всё, что я помню из подготовки Великого князя к великому походу на Эрзерум[95] — отражает всего лишь моё собственное настроение. Потому что вместе с нарастающим разочарованием пришёл страх, а казаки не должны знать страха. Это был не столько страх смерти, как страх чего-то такого, что мы и не надеялись понять; после двух лет бездействия[96] мы вдруг столкнулись

всяких директив и приказаний, по собственной инициативе». (*Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917 г. — Париж, 1933. — С. 206.)

Юденич Николай Николаевич (1862–1933) — русский военачальник, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Генерал от инфантерии (с 1915 года). В годы Первой мировой войны — начальник штаба, затем командующий Кавказской армией. В 1919–1920 годы — командующий антибольшевистской Северо-Западной армией. Умер в эмиграции.

[95] Эрзерум (Эрзурум) — древний армянский город на территории современной Турции. Основан предположительно в XIV веке до н. э. В настоящем издании используется написание «Эрзерум», как это было принято в Российской империи в описываемый период.

Исторически под словом «Армения» понималась гораздо большая территория, нежели современная Республика Армения. Площадь бывшей Турецкой Армении в несколько раз превышала те армянские земли, которые находились под властью Российской империи. Однако в результате геноцида армян, устроенного турками в 1915 году, большинство армянского населения Оттоманской империи было истреблено; часть бежала в Россию. Земли бывшей Западной Армении ныне заселены курдами и турками.

Эрзерумская наступательная операция русской армии проводилась с конца декабря 1915 года по начало февраля 1916 года. В ходе её была во второй раз разгромлена 3-я турецкая армия, потерявшая около 2/3 своего состава. Русские войска взяли крепость Эрзерум и развили наступление вглубь Малой Азии.

[96] Как видно из общего контекста событий, в относительном бездействии (в резерве) могло находиться данное подразделение, но отнюдь не Кавказская армия в целом.

лицом к лицу с Мировой Войной. Я была молода и принимала всё без лишних вопросов; я не спрашивала себя, почему нами правит нечто настолько бесчеловечное, и почему я должна бояться?

Просто я действительно боялась, и именно страх определил для меня образ того времени. Именно так я его запомнила, и с этим теперь уже ничего не поделать.

Мои товарищи теперь бывали пьяными чаще, чем трезвыми, поскольку Красный Крест привёз с собой много водки и рома, а командование решило (и, возможно, они были правы) щедро выдавать нам алкоголь в надежде, что он отвлечёт нас от того, что ожидало впереди.

Никто уже не смеялся и не пел; никто не обращал внимания на Марию Колесникову. Я не хочу сказать, что меня кто-то обижал; просто я, как и все остальные в огромной армии, стала всего лишь ещё одним солдатом. Нас там были тысячи и тысячи, и всем предстояло столкнуться со смертью. Мы вдыхали это чувство вместе с воздухом. Мои товарищи, которые теперь жили, ели и пили безо всякого удовольствия, в какой-то мутной лихорадке явили мне всю ту жёсткость, которая свойственна казакам, когда у них болит душа.

Каждый день я сталкивалась с новыми мелкими грубостями. Я не столько поражалась, сколько замыкалась в себе. Теперь я жила, как улитка в раковине, в которую никто не мог проникнуть…

Особенно запомнилась одна группа, которая стала для меня воплощением всех этих дней. Это были рекруты, призванные на службу из далёких российских провинций; их притащили на войну, как скот на верёвке, дав всего несколько дней на военную подготовку[97]. Многие из них никогда раньше не видели железной дороги, и долгая поездка в поезде повлияла на них каким-то странным образом. Когда эти люди прибыли, то большинство их были немного не в себе. Они не кричали, не буянили, не бесчинствовали; они просто прошли строем в лагерь, ссутулившись и глядя вниз; а когда им случалось по дороге поднять глаза, то на лицах не было никакого выражения, как будто в преддверии наступающего безумия.

Однажды я случайно услышала разговор двух офицеров, обсуждавших этих несчастных, когда я стояла и смотрела, как тысячи их проходили мимо.

---

[97] Как сообщают историки, подготовка мобилизованных солдат в запасных частях продолжалась от 4-х до 20-ти недель, в зависимости от различных обстоятельств.

— Что, чёрт возьми, ты собираешься с ними делать? — спросил один офицер. — Их некуда селить, в госпиталях для них нет места. И назад их не отправить, хотя это было бы самым правильным с учётом того, что от них всё равно нет никакой пользы. Ведь все составы сейчас нужны для другого.

Второй ответил:

— Не спускай с них глаз, пока не пойдём в бой. Они станут пушечным мясом в первую очередь.

Пушечным мясом! Когда начнётся первое большое наступление во главе с Великим князем, которое нам так долго обещали и о котором мы так долго молились — не будет ни фанфар, ни знамён, ни славы. Только толпа полубезумных людей, которых пошлют вперёд под пули неприятеля. Всё, что было со мной до этого, не имело значения, теперь я это точно знала. Услышав эти слова, я впервые оказалась лицом к лицу с Мировой войной и уже никогда не могла от неё уйти.

Большой поход на Эрзерум начался однажды на закате в конце января[98].

Наша сотня была направлена на передовую в качестве посыльной команды[99], и мы отчасти восстановили прежний боевой дух, поскольку эта суматошная работа не оставляла времени на раздумья. Но даже во время коротких передышек мы не могли вести себя, как обычно. Мы жадно, как в последний раз, глотали еду и расслаблялись, только когда спали.

Отупляющий холод; дым и чад; оглушающий рёв артиллерии; снежная каша, пропитанная кровью; люди, общающиеся друг с другом при помощи жестов; людские лица в тёмно-жёлтых и красных отблесках взрывов и пожаров, которые от них занимались. Для наступления согнали такие толпы народа, что, хотя я и не принимала участия в боях, мне редко приходилось бывать в безопасности, и я всё время видела смерть перед глазами.

В конце концов всё завертелось очень быстро. Турок, который никогда не понимает, что его побили, пока он не побит окончательно,

---

[98] Русские войска начали наступление 15 (28) декабря 1915 года. К середине января турецкие войска были разбиты на подступах к городу. Штурм фортов, окружающих Эрзерум, начался 16 (29) января 1916 года. 21 января (3 февраля) Эрзерум был взят.

[99] Третий Екатеринодарский полк на тот момент входил в состав 4-го Кавказского корпуса и нёс службу «на постах летучей почты». (*Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917 г. — Париж, 1933. — С. 462.)

наконец сломался, и мы гнали их армию почти до самого Эрзерума. Я была вестовым полевого командования и большую часть времени проводила вблизи линии фронта, поэтому в последние дни была относительно свободна и могла видеть, как остатки турецкой армии действуют по принципу «спасайся, кто может».

Это были действительно остатки. Не могу сказать, всегда ли зима в этих местах бывает настолько суровой, но в самом начале февраля вся равнина превратилась в ледяной ад, а с гор при этом дул пронизывающий ветер. На всём пути я могла видеть турецкую армию: из снега смотрели застывшие головы в фесках[100] с тем выражением на лице, которое даровала им смерть. Снега сохранят их нетронутыми, пока не придёт весна. По обочинам дорог лежали застывшие верблюды, волы и лошади. Там было много трупов и русских солдат, которых не успели подобрать наши похоронные команды. Теперь они попали в ледяной плен, и их уже невозможно было откопать.

Две недели мы бились на холмах на подступах к Эрзеруму и под величественными горными стенами, окутанными облаками, слева и справа от него. Две недели мы пытались захватить турецкие форты в глубине долины, у истоков Аракса, и поняли, что их не случайно назвали неприступными[101]. Воздух был пронзительно холоден, но настолько наполнен дымом и копотью, что порой было просто трудно дышать. От круглосуточного грома пушек мы буквально глохли. Солнце редко показывалось на небе.

Я должна была развозить донесения от полевого командования на передовую и обратно. Понять, что вообще происходит вокруг, смог бы только гениальный стратег. Воевала главным образом артиллерия, а пехоту, казалось, вслепую гоняли туда-сюда. Как будто чтобы их могли послать в наступление в любой момент. Но наступления так и не было. Снова и снова, согласно привезённому мной приказу, очередной полк уходил в тот грохочущий жёлтый туман, где шла битва за Эрзерум. Они шли, ждали, снова шли; турецкие снаряды разрывали их на части; их убивал холод. Что ещё можно рассказать об этой двухнедельной «битве»?

---

[100] В ходе военной реформы 1908–1909 годов фески в турецкой армии были заменены на головной убор «кабалак», представлявший собой длинную полосу ткани, наматываемую на плетёную основу. Фески могли использоваться из-за нехватки нового обмундирования.

[101] Как уже было отмечено выше, Эрзерум был занят на пятый день после начала штурма.

В моих разъездах туда-сюда я так часто была на волосок от смерти, что уже перестала думать о ней. Теперь она представлялась мне только как случайный взрыв, которого я однажды могу не услышать. Не помню, чтобы сражение вызывало у меня какие-то чувства; не было ни страха, ни интереса. Нервы либо дают о себе знать и звенят, как струны у скрипки, либо они цепенеют настолько, что уже ничто не может их затронуть. Во всей армии, потерявшей человеческий облик, только мои товарищи отказывались смириться.

Если рядом с нами разрывался случайный снаряд, то они бросались в укрытие, громко призывая Господа Бога защитить их крылами своих ангелов. А если снаряд разрывался далеко, то в адрес турок летели проклятья, и все громко бахвалились, что как ни велики эти снаряды, а в человека им не попасть. В целом за эти две недели они уже восстановили боевой дух, и хотя никто не выражал желания быть разорванным на куски на передовой, перспектива кавалерийской атаки после окончания артобстрела всех радовала. Правда, эта радость была несколько безумной, но никто не мог даже надеяться остаться нормальным, когда пушки Эрзерума день за днём бьют по барабанным перепонкам.

Примерно за три дня до конца всей операции дороги позади нас извергли новые колонны людей, новые пушки, новые снаряды. Скача с поручением в штаб, я слышала много разговоров о том, что пришёл приказ взять Эрзерум, даже если ради этого придётся положить всю армию. Даже в моей сотне, которая никак не могла участвовать в предстоящем наступлении, почему-то завелись мысли о смерти, и многие в свободное время просили меня написать им письма домой. Эти письма производили на меня странное впечатление. Вот я здесь, наполовину оглохшая от шума и холода, пишу жёнам других людей письма о детях, об урожае, о скотине, о больном коровьем вымени, о беременных овцах; и в конце почти каждого письма: «Если Господу будет угодно убить меня, молитесь о моей душе». Капли моих слёз оставались на конвертах. А наши туркестанские полки[102] уже карабкались вверх

---

[102] Имеются в виду воинские части Русской императорской армии, в мирное время расквартированные в Туркестанском генерал-губернаторстве. (В настоящее время — территории Казахстана, Киргизстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.)

В Эрзерумской операции участвовал 2-й Туркестанский корпус Кавказской армии, включавший в себя 4-ю Туркестанскую стрелковую дивизию (13-й, 14-й, 15-й и 16-й Туркестанские стрелковые полки и 4-й Туркестанский стрелковый артиллерийский дивизион) и 5-ю Туркестанскую стрелковую

по обледеневшим склонам, чтобы одержать победу, которой навсегда суждено остаться одним из самых невероятных свершений в истории. Ибо форты Эрзерума, которые никто не мог взять штурмом в лоб, были захвачены благодаря атаке с флангов, через самые кошмарные хребты Кавказа.

Штурм продолжался два дня. Не думаю, чтобы кто-то из нас знал, что происходит впереди, даже когда турки на второй день взорвали свои форты[103]. Внезапно артиллерийский огонь смолк. На горы и замёрзшие долины легла тишина, которая была страшнее пушечной пальбы. Потом пришла милосердная ночь, словно Сам Господь взялся перевязать открытую рану, которую мы нанесли этим местам.

На следующее утро мы двинулись в сторону Эрзерума.

Нам никто не угрожал, и мы ехали через кольцо укреплённых позиций на холмах, окружавших Эрзерум — безмолвных, однако всё ещё пугающих. Вчера они изрыгали громы и молнии; вчера им были нипочём наши пушки; вчера они раз за разом отбрасывали нашу армию назад. А сейчас здесь не было ничего, кроме спутанных кусков колючей проволоки и жалких чёрных останков фортов на вершинах. Но по мере того, как мы подъезжали ближе, это застывшее молчание заползало прямо в наши сердца и замораживало их.

Сам город был полон турецкими горожанами, которые занимались своими делами, словно ничего не произошло. Это был такой особый фатализм, отчасти объяснимый, ведь Эрзерум не был разграблен. В полуразрушенных дозорных будках, на каждой из которых был изображён полумесяц, стояли русские часовые. На городских стенах были кое-как сделанные надписи по-русски. Турецкие солдаты

дивизию (17-й, 18-й и 23-й Туркестанские полки и 5-й Туркестанский стрелковый артиллерийский дивизион). Именно обходное движение туркестанских полков, наступавших к северу от основной линии фортов, прикрывавших город, позволило русской армии одержать блестящую победу и взять Эрзерум.

[103] «Непрерывная трескотня от взрывов патронов в артиллерийском складе в валганге у Карсских ворот, продолжавшаяся более суток, сопровождала, как салют, вступление победных русских войск в Эрзерум через эти ворота.

Временами происходили большой силы взрывы пороховых погребов и складов огнестрельных припасов, как в самом городе, так и за ним, и на различных фортах. Много подготовленных взрывов удалось предотвратить. Жителей осталось немного». (*Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917 г. — Париж, 1933. — С. 293–294.)

покорно стояли в длинных очередях у разных складов, чтобы сдать свои винтовки. Невозможно было представить, что ради этого города наша армия понесла огромные потери, и что его падение означало окончательное поражение Турции — не только в Армении, но и в Месопотамии[104] тоже. Город был очень спокойным, очень дружелюбным; проигравшие и победители почти братались на улицах, а горожан совсем не волновало случившееся с ними.

Моя сотня всё ещё была в резерве, ко всеобщему великому возмущению — ведь ничто не могло бы доставить большей радости, чем преследование побеждённого врага. Курный, которого по каким-то делам вызвали наверх, в форты над Эрзерумом, вернулся измученный борьбой со снегом и ветром и рассказал, что он там видел. Он ворчал, что за замёрзшими болотами, где берёт своё начало Евфрат, он видел нестройные тёмные толпы турецкого арьергарда и преследующие их колонны казаков, чёрными линиями тянущиеся через снега. «Нам бы нужно быть там, а не торчать в тылу», — сказал он.

Но мы тем не менее оставались в тылу, а боевые действия смещались в сторону Эрзинджана[105]. Нам досталась паршивая работа: мы должны были искать необходимые материалы для строительства госпиталя. На такой работе редко удавалось раздобыть что-то съестное, а хорошую еду — никогда. В Эрзеруме не осталось ничего, лишь холодные пустые лабиринты, обитатели которых делали вид, что нас там нет. В конце концов уже почти хотелось, чтобы с гор опять загремели пушки и стряхнули с них это безразличие. Через неделю нам стало нечего там делать. И когда мы наконец выехали оттуда через западные ворота и двинулись вниз к равнине, то чувствовали себя пленниками, вырвавшимися из одиночного заключения.

---

[104] Месопотамия — историческое название региона, расположенного в долине рек Тигра и Евфрата. В описываемый период — часть Османской империи. В настоящее время — в основном территория Ирака.

[105] Эрзинджан — старинный армянский город на территории современной Восточной Турции. Известен со II тысячелетия до н. э.

В ходе Эрзинджанской операции с 5 (18) мая по 7 (20) июля 1916 года русские войска отразили турецкое наступление, в очередной раз разгромили 3-ю турецкую армию и продвинулись вглубь Малой Азии, заняв город Эрзинджан и его окрестности.

Этим событиям предшествовала Трапезондская операция, в ходе которой русские войска овладели районом города Трапезонда на Чёрном море (с марта по середину мая 1916 года).

Мы должны были присоединиться к армии у Сиваса[106], где, по слухам, уже разбитую турецкую армию должны были добить окончательно. Равнина за Эрзерумом стала молчаливым свидетелем яростного преследования и беспорядочного отступления. Убитые солдаты обеих армий оставались лежать там, где их застала смерть, замёрзшие в причудливых позах. На целые вёрсты вперёд дорога была усеяна обрывками формы. Турецкие фески неестественным образом соседствовали с казачьими шапками; валялись сабли, винтовки, трупы лошадей и верблюдов, разбитые телеги; время от времени попадались брошенные на обочине подбитые орудия. Стояла зловещая тишина; отдалённый рёв артиллерии придавал этой тишине плотность и объём. Бездомные собаки Эрзерума так хорошо питались во время осады и после её снятия, что теперь им было лень выходить и ломать зубы и челюсти о замёрзшую падаль. Среди этих развалин не было живых, кроме нас, наших лошадей и нескольких стервятников, питавшихся человеческими трупами, которые рискнули выползти навстречу неблагодарному холоду.

За Эрзерумом звуки пушек стали громче, их отголоски глухо отдавались в развалинах позади нас. Мрачное небо над Сивасом было затянуто дымом и языками пламени[107]. Наконец, когда мы прибыли в штаб, то нам было сказано оставить лошадей и присоединиться к одной из частей полевой артиллерии, чтобы помочь подносить снаряды. Мы поползли вперёд, практически к линии фронта, а там выяснили, что от нас требуется рыть глубокие рвы для снарядов как можно ближе к нашим огневым позициям. Необходимо было заполнить эти рвы снарядами, закрыть их толстыми бревенчатыми настилами и надеяться, что неприятельские снаряды не взорвут всё это, пока мы там работаем.

Боевые действия вокруг нас были столь же беспорядочны, как это происходило в Эрзеруме. По-прежнему гремела артиллерия; по-прежнему отряды пехоты как будто бесцельно переходили с одной позиции

---

[106] Сивас — старинный армянский город на территории современной Турции. Основан в I веке до н. э. Во время Первой мировой войны русская армия продвинулась на несколько десятков километров за Эрзинджан, однако до Сиваса оставалось ещё очень большое расстояние. Вероятно, автор вспоминает о планах дальнейшего наступления вглубь Османской империи, которым не суждено было осуществиться.

[107] Расстояние от Эрзерума до Сиваса по прямой — 363 километра; от Эрзинджана до Сиваса — 211 километров. Поскольку описываемые события происходят под Эрзинджаном, то уместнее было бы говорить про «мрачное небо в направлении Сиваса».

на другую; в воздухе стояла всё та же удушливая вонь, Те же жёлтые лица и горящие глаза; то же грязное красное небо, то ли день, то ли ночь; отвратительное краснолицее солнце, выглядывающее сквозь рваную завесу дыма.

Однажды рано утром мне было сказано найти свою лошадь и отвезти донесение на тыловой командный пункт. Никогда в жизни я не была так счастлива уехать с поля боя. Пугало только одно: как бы меня не разорвало на куски снарядом, пока я не окажусь в безопасности, ведь умирать особенно страшно, когда ты уже почти избежал смерти. Мой путь лежал через долину и по извилистой дороге вдоль подножья гор. С каждой верстой становилось легче дышать. Мой конь фыркал, чтобы избавиться от паров кордита[108] в лёгких; казалось, он испытывал такое же облегчение, как и я, и, как и я, больше всего хотел спать.

Пока мы в полудрёме ехали в сторону тыла, на дороге перед нами стали появляться свежие части, без особой охоты спешившие на фронт. А когда мы подъехали к развилке, после которой дорога начинала спускаться вниз под гору, то мне ничего не оставалось, кроме как поехать по тропинке выше по горе, чтобы не столкнуться с ними. Склон не был крутым, и я могла спокойно наблюдать за людьми внизу. Я была слишком вымотана, чтобы беспокоиться о том, насколько важное донесение я везу. Солнце только что встало, оно было настолько чистым, что просто не верилось. Я посмотрела вниз и увидела солдат, стоявших на коленях и молившихся, повернувшись лицом к солнцу…

С моей тропинки, которая дальше снова спускалась к основной дороге, открывался вид на ещё одну горную гряду. По бокам её лежали серо-синие тени, а на устремлённых к солнцу вершинах искрились снега. На переднем плане, где на равнину выходили черные скалы, было видно белое пятно: маленький *аул*, кавказское село, цеплялся за скалы. Возможно, до него была пара вёрст, но в тонком воздухе он был виден так ясно, что, казалось, я из седла могу дотянуться и взять его в ладонь. На плоской крыше самого высокого дома крошечная фигурка воздевала руки к небу.

За кого молился этот мусульманин: за нас или за наших врагов? Кого должен был уничтожить его бог? А те солдаты на дороге? Молились ли они своему богу о сокрушении турок и спасении христианской империи? Я ехала вниз по тропе, в голове лениво шевелились мысли, пока в моём сознании сон не смешался с явью... Сколько всего

---

[108] Кордит — взрывчатое вещество (один из видов нитроглицеринового бездымного пороха), которое использовалось в годы Первой мировой войны.

существует богов, и кто из них самый сильный? Мой конь, который сам знал, когда идти, а когда остановиться, не давал мне окончательно выпасть из седла.

Штаб можно было узнать издалека по флагу, развевавшемуся над кучкой неказистых зданий. Подъезжая к нему, я думала только о том, удастся ли здесь где-то немного поспать. От гребня холма до штаба было не более полуверсты, и вскоре я уже спешилась с коня у входа. Но когда я оказалась на земле, то ноги почти не держали меня, так я ослабла. Я нашла офицера, которому было адресовано моё донесение. Он сидел с другими офицерами за маленьким столом в очень маленькой и грязной комнате, где всё ещё горели лампы, хотя давно наступило утро. Они склонились над картами, плечом к плечу, а по комнате плыл дым сигарет, сквозь который над их головами безуспешно пытался пробиться свет от лампы. Когда мои глаза привыкли к этому нездоровому полумраку, то я увидела, что на их лицах была печать усталости, глаза выглядели красными и мутными от дыма или от недосыпа.

Моё донесение, по-видимому, их взволновало, и я боялась, что меня спросят, почему я приехала так поздно. Но нет; офицер, которому я его вручила, позвал писаря и начал диктовать новое донесение. Я услышала, как он сказал, обращаясь к сидящим за столом: «Теперь всё просто. Но Сивас находится выше Эрзинджана, и я предполагаю, что мы потеряем очень много людей». Его голос, звучавший одновременно и нервно, и устало, произвёл на меня глубокое впечатление, поскольку я ещё не привыкла к тому, с какой лёгкостью армейские офицеры обрекают своих солдат на смерть. Руки у него дрожали, когда он вручал мне пакет. «Немедленно доставь это обратно», — сказал он, не обращая внимания на то, что я еле стою на ногах. Когда я ехала назад, то в голове у меня билась тяжёлая мысль, что я везу смертный приговор. Казалось, что это не тот офицер, а я сама посылаю солдат в бой, который будет стоить так дорого, и что если бы мне хватило храбрости, то мне следовало бы порвать то донесение и уехать в горы.

Я сказала себе, что, по крайней мере, я поеду обратно по той же тропинке. Я испытывала странное удовольствие от того, что не выполняю приказ офицера и не спешу изо всех сил. Прошло, наверно, не меньше двух часов, прежде чем я вновь въехала в зону боевых действий. Свежий чистый воздух, наполненный ярким солнечным светом, сменился полумраком. Вокруг опять висела густая вонь кордита, и каждый вдох требовал усилий. Опять звучали выстрелы, раз-

рывающие землю, от которых я глохла, и которые грозили мне смертью в тысяче возможных обличий. Снаряды с обеих сторон ложились всё гуще. Наконец я решила, что дальше ехать верхом небезопасно, привязала своего коня на посту и пошла дальше пешком. Вокруг меня царила суматоха, солдаты передвигались туда-сюда в бессмысленных манёврах. «Вы ещё не знаете, какое сообщение я везу, — сказала я про себя, — вы ещё не знаете, что вас уже приговорили к смерти».

— Что с тобой? — спросил Курный, когда я наконец нашла его.

Я сказала, что мне нужно поспать.

— Поспать?! — откликнулся он горько. — Сейчас будет мало шансов поспать, сынок, разве что «вечным сном». Не прошло и часа, как ты уехала, и нам пришёл приказ выходить сегодня с артиллерией и помогать подносить снаряды из новых хранилищ.

Я сообщила, что в привезённом мной донесении, если я всё правильно расслышала, речь шла о новом опасном наступлении. И ещё передала со всей злостью, на которую была способна, о том, что сказал при этом офицер, и как обыденно он это сказал.

— Возможно, для армии это и есть тот самый долгожданный шанс умереть за нашего батюшку царя и матушку Россию, — Курный даже не пытался скрывать свои чувства. — Но мы сейчас будем в самом пекле, потому что если вражеский снаряд попадёт в ту траншею… — он вскинул руки вверх и вперёд и каким-то непередаваемым движением повёл своими длинными пальцами, — от нас только перья полетят.

Он ушёл с моим донесением, реакция на которое последовала даже быстрее, чем я ожидала. Повсюду сквозь грохот пушек были слышны приказы выступать, их громко передавали по всему фронту, и армия, словно под действием какого-то ужасного наркотика, побрела вперёд, в дым Сиваса. Нельзя было сказать, что кто-то из этих людей двигался по доброй воле. Поглядев вокруг, вы не увидели бы ничего, кроме пустых глаз, красных и воспалённых, запёкшихся губ, расплывающихся в дурацкой ухмылке, дрожащих рук, сгорбленных спин. Они даже не брели, а еле тащились вперёд. Куда они все шли? Они шли за лёгкой победой и вероятной смертью — туда, куда их самым обыденным образом послал нервный небритый офицер, просидевший перед этим всю ночь в маленькой грязной комнате.

Мы были при пушках, поэтому очень скоро отстали от первой группы наступающих. Ещё на прошлой неделе ветра намели из снега рыхлые сугробы, покрытые настом. Орудия с трудом их преодолевали.

На смену лютому холоду пришла почти тёплая погода, и снег с наступлением оттепели уже успел стать грязным.

О том, как шло наступление, я узнавала по тому, как уносили убитых и раненых; как живые шагали по телам павших, будто лунатики, ходящие во сне; как они слепо шли по открытым, уходящим вниз полям, в которых не было ни лесочка, ни горки, где можно укрыться. Лица убитых втаптывались в снег — и раненых тоже, если у них не было сил отползти в сторону.

У нас не было времени ими заниматься. Позади тяжёлая артиллерия открыла шквальный огонь — неэффективный, поскольку вязкая земля на лежащих перед нами полях была перепахана огнём вражеских орудий. Нашей задачей было следить за тем, где устанавливают новые пушки, а офицер инженерных войск показывал, где копать укрытия, в которых могла закрепиться наступающая артиллерия. Когда передовая линия оказалась вблизи от наших временных окопов, то мы были должны помогать подносить оттуда снаряды.

Пушки пожирали боеприпасы просто с невероятной скоростью, и мы целыми часами должны были мотаться туда-сюда, чтобы подносить снаряды из огромной траншеи. Это была тяжелейшая работа; к тому же оказалось, что неприятель, который по нашим представлениям должен был находиться в горах в нескольких вёрстах отсюда, мог нас обстреливать. Что за горькая насмешка судьбы заставила меня взять с собой лопату в тот последний поход? Жизнь ведёт нас куда более удивительными путями, чем можно представить; и вот я здесь с лопатой в руке, абсолютно случайно, или, как сказал бы кто-нибудь, потому что так мне было на роду написано.

Не знаю, верю ли я в судьбу, но знаю, что когда мы подошли к яме со снарядами, то покрывавший её деревянный настил был засыпан как минимум тонной земли от недавно разорвавшегося снаряда. Пока другие ходили за лопатами, я начала копать. Моё тело так устало, что этот новый вид работы, для которого нужен совсем другой набор движений, чем для переноски снарядов, требовал от меня особых усилий. Когда я в первый раз вонзила лопату в землю, то примерно в пятидесяти метрах от меня разорвался снаряд. Чтобы не думать об опасности, я начала очень медленно считать, сколько раз я наберу полную лопату земли.

Одна, две, три… Вот ко мне присоединился ещё кто-то и, тихо ругаясь, начал копать. Но я так никогда и не узнаю, кто это был… Четыре, пять, шесть, семь.

Потом забытьё.

Сколько времени я была без сознания? Наверно, два или три часа. На западе ещё были видны отблески заката, а на востоке в небе уже появились звезды. Я лежала лицом вверх. Ночь подкрадывалась ко мне сквозь снег. Было очень тихо. Только отдалённый рёв пушек говорил мне, что наступающие ушли вперёд и оставили меня здесь одну.

Я не чувствовала боли, только тупо ломило правую руку, которая, казалось, движется сама по себе. По её движению, столь не связанному с остальным моим телом, я поняла, что парализована. Рука всё время шарила по земле; с трудом повернув голову, которая отчаянно болела при малейшем движении, я смогла увидеть шеврон на левом плече. Всё остальное было засыпано землёй.

Я лежала головой на краю узкой щели, осознавая лишь холод и жажду. Взрывом снесло верхний заледеневший слой земли с покрывавшим его снегом. В тот день было по-настоящему тепло, и поэтому холод наступающей ночи привёл меня в сознание, а не погрузил в ещё более глубокий сон. Но я понимала, что к полуночи этот холод меня добьёт, если кто-то не придёт на помощь.

— Помогите! Помогите!

Мой голос звучал еле слышно. Возможно, его звук замирал у меня на толстых распухших губах. Но этот беззвучный шёпот отозвался дикой болью в глазах. Я лежала там, абсолютно беспомощная, когда в темноте услышала зловещий отклик на свой зов.

Это выли собаки, бездомные собаки или волки, которые вышли на охоту в сумерки. Я подумала, что они обязательно найдут меня, когда окончательно стемнеет. Казалось, они приближаются, а я ничего не могла поделать перед лицом угрозы быть разорванной на части. Я могла только царапать землю непослушными пальцами, пытаясь хотя бы прикрыть ей лицо, чтобы они меня не нашли. Казалось совершенно логичным, что они не доберутся сюда, пока я не останусь совсем наедине с темнотой; что они будут всё время кружить вокруг, с каждым разом подходя все ближе и ближе; что из всех мёртвых и раненых на этой равнине их послали именно за мной. Это был реальный кошмар; я кажется, немного лишилась рассудка. Но постепенно страх отошёл; постепенно этот отдалённый вой зазвучал более мелодично и дружелюбно; постепенно моим сознанием начал овладевать сон, что говорило о приближении смерти. Исчезло чувство холода, моя правая рука онемела и уже не двигалась, а глаза, уплывающие в сон, сказали мне, что множество звёздочек спустились вниз с неба и сейчас прыгали по краю моей ямы; казалось, в этом нет ничего удивительного.

Звёзды обрели голоса и заговорили между собой. «Вон там один из них». — «Уже окоченел, пошли дальше». — «Спустись и посмотри, Сергей». Моё сознание рвалось из сна, и я начала бормотать: «Помогите! Братцы, помогите!» — но слова не сходили с моих губ.

Передо мной качнулась лампа, её свет отдавался болью в глазах. «Здесь кто-то живой, мне кажется», — сказал санитар; остальные спустились вниз и начали откапывать меня из земли.

Они откопали меня почти до пояса. «Осторожно… Здесь нога. Это твоя нога?» Носок сапога под прямым углом торчал из земли, и поскольку я просто смотрела и ничего не отвечала, то они начали аккуратно разгребать землю, пока не освободился весь сапог с торчащим из него листочком бумаги. На листке моим почерком было что-то написано; это было одно из писем, которые я писала. «Оставь. Это не его нога. Она не в ту сторону лежит».

Я так никогда и не узнаю, чьё тело делило со мной могилу в ту ночь.

Постепенно они освободили моё туловище; я смутно помню, что когда они начали растирать его, то меня всю пронзила страшная боль. «Бедняга, — сказал один из них, — дай ему настойки!» Последнее, что я помню, была настойка, огнём разлившаяся по моим жилам.

Иногда я просыпаюсь, чтобы поесть… Вот машина едет по тряской дороге… Вдали видны горные вершины… Солнечный свет… Холодный ветер на тёмной равнине… Шумные бараки… Железнодорожная станция.

Только обрывки воспоминаний об очень долгом пути.

Глава 15
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Я лежала на прохладных простынях, а у постели стояла сестра и внимательно на меня смотрела. Я проснулась сразу, как это бывает после долгого беспамятства. Я по сей день помню мягкость белой простыни; большое красное пятно одеяла там, где кончалась простынь; воздух, наполненный солнцем, светившим сквозь занавески; бутылку с какой-то синей жидкостью на столике у моей кровати и сеточку лиловых сосудов на щеках у сестры.

— Как ты себя чувствуешь?

Такой вопрос, обращённый к кому-то, кто вообще забыл, что значит чувствовать, показался мне мало уместным. Сестра была женщи-

ной средних лет с профессиональной привычкой излучать оптимизм, что работает далеко не со всеми пациентами и не сработало со мной. Я смотрела в её жёсткие фарфорово-голубые глаза и пыталась понять, какое место ей отведено в той запутанной мозаике, которая пыталась сложиться на задворках моего сознания. В этой мозаике не хватало многих деталей, которые были как-то связаны с темнотой, далёкими звуками и чем-то ещё. Я честно напрягала память, стараясь свести эти обрывки воедино, но у меня ничего не получалось.

— Ну же, — спросила сестра довольно резко. Я поняла, что мне необходимо что-то ответить.

— Я не знаю, почему я здесь, — ответила я слабым голосом, в котором с трудом узнала свой собственный.

— У тебя было лёгкое сотрясение мозга, — ответила она. — Сейчас тебе нужно поспать, и совсем скоро ты почувствуешь себя лучше.

— Где я?

— В госпитале. — Она даже не пыталась скрыть нетерпение.

— В каком госпитале?

— Тифлисском[109]. Это палата для офицеров. — Сестра произнесла это так, словно я была собакой, которой бросили кость, которую она ещё не заслужила. Она пожала плечами, снимая с себя всякую ответственность за то, что меня поместили сюда, и повернулась на каблуках, но тут же вернулась обратно и встала у меня в ногах, скрестив руки на груди. «Ты очень везучая, Мария Колесникова», — процедила она с кислой гримасой. Потом она отошла, а я чуть повернула на подушке голову, чтобы посмотреть, как она твёрдой походкой идёт вдоль рядов кроватей, но тут мою голову пронзила резкая боль, и я закрыла глаза.

Я подумала, что этой женщине трудно простить меня за то, что я тоже женщина. Нежный аромат цветов, пробивавшийся сквозь запах дезинфекции, слегка успокоил меня, и я заснула.

Для человека с ещё замутнённым сознанием (или правильнее было бы назвать то состояние, в котором я находилась, «ушибленным сознанием»?), все госпитали похожи друг на друга. Сколько бы я ни старалась, я ни тогда, ни сейчас так и не смогла вспомнить ничего из происходившего за последовавшие затем две недели. Потянулась череда ночей, оставивших ощущение чего-то незавершённого. Мне снился вой бродячих собак, и я, должно быть, кричала во сне от ужаса, потому что смутно помню, как надо мной склонялись сёстры и са-

[109] Тифлис — в описываемый период административный центр Закавказского края Российской империи. Основан в 455 году. С 1936 года — Тбилиси. Ныне столица Грузии.

нитары. А ещё в те ночи я думала о смерти и об убитых казаках с их глазами, устремлёнными к Богу; ведь те, кто погиб в бою, выглядят очень мёртвыми. И если сейчас память мне не изменяет, тогда в моей голове звучал некий голос, повторявший в унисон с биением моего сердца, что впереди ничего уже не ждёт.

Однажды молодая сестра, уже другая, принесла мне букет персидской сирени, а я расплакалась, потому что вспомнила дом; но я не могла объяснить ей, почему плачу. Я помню, мне показалось, что сестра поцеловала меня в лоб, и что губы её были тонкими и холодными.

Помню, как несколько офицеров старались меня рассмешить. Они сидели у моей кровати и рассказывали всякие смешные истории, а я так истерично зарыдала, что им пришлось уйти.

Прошло десять дней, потом две недели… я не знаю, сколько времени прошло, прежде чем лечение и забота начали давать плоды. Но наконец я смогла связно говорить с офицером, лежавшим справа от меня, капитаном сапёров, который с удовольствием рассказывал о мостах и железных дорогах, которые он раньше строил; и с офицером, лежавшим слева, лётчиком, который интересовался астрономией и был счастлив найти внимательного слушателя, на которого можно было изливать свои идеи. Оба соседа были очень добры ко мне, равно как и пожилой офицер, рассказывавший увлекательные истории из античных времён. Палата начала мне казаться весьма приятным местом, особенно с учётом того, что сестру, которую я увидела первой, когда пришла в себя, кажется, перевели куда-то ещё, потому что больше она меня не тревожила.

Теперь я спокойно спала по ночам, хотя иногда ещё плакала без видимой причины. Все старались не смешить меня, потому что врач грозился меня отправить в какой-то санаторий в горах. «У тебя была контузия от снаряда, — сказал он, — теперь тебе нужен покой». Я умоляла его позволить мне остаться и объяснила, что плакала по убитым казакам. Тогда он решил: «Хорошо, но тогда больше никаких смешных историй». Смешные истории прекратились, и мне позволили остаться.

Через два месяца я достаточно окрепла и смогла вставать днём и ходить по палате. Офицеры носились со мной, поскольку их это развлекало. Присутствие девушки в офицерской палате разгоняло скуку, все они были ко мне добры и любезны и просто невероятно внимательно следили за тем, чтобы меня не рассмешить. Большинство из них тоже уже выздоравливали, хотя один пожилой офицер долго и мучительно умирал. Его кровать была отгорожена от других ширмой. Однажды мне разрешили отнести ему букетик фиалок, но он принял меня за свою дочь или жену (хотя, признаться, я была мало

похожа на женщину). Он назвал меня Викторией и так долго держал мою руку в своих безжизненных жёлтых пальцах, что я задрожала с головы до ног, и по моему лицу побежали слёзы. Однажды ночью он умер, а на следующее утро к нашему облегчению там стояла пустая кровать, уже безо всяких ширм.

Была ещё одна очень неприятная церемония, когда они смогли связаться с моей дивизией. Оказалось, что меня представили к ещё одному Георгиевскому кресту — полагаю, в награду за то, что я была погребена под Сивасом, хотя я так и не выяснила, от кого исходила эта информация. Как бы то ни было, крест мне вручил офицер прямо в госпитале с соблюдением всех воинских ритуалов. А после поздравлений, последовавших от всех обитателей палаты, я просто расплакалась, чего явно не следует делать при получении награды за доблесть. При этом я не могла избавиться от ощущения, что не сделала ничего, чтобы заслужить эту награду; это была неприятная, но правда.

Моё будущее определил мой новый друг-авиатор. Мы оба получили уведомление о предстоящей выписке в один день. Он сказал, что собирается вернутся на свой аэродром, а когда я попросила его взять меня с собой, сказал, что на службу в авиации могут претендовать только те солдаты, кто никогда не был ранен и абсолютно здоров.

— Но ты-то был ранен, — ответила я довольно нахально.

— Да, но видишь ли, я уже был опытным лётчиком к тому времени, как меня подстрелили. Но если ты полагаешь, что сможешь как-то разобраться в механике… здесь, в Тифлисе, есть автошкола, и я мог бы попробовать рекомендовать руководству госпиталя направить тебя туда. Возможно, ты уже заметила, что в армии труднее всего найти хорошего механика.

И вот спустя два дня я навсегда покинула госпиталь. Мне сказали, что через неделю я смогу приступить к своей новой работе.

Я никогда не забуду той недели. Каждое утро, проснувшись, я гуляла по Тифлису, а Тифлис — это самый необычный город на всём Кавказе. Это столица Грузии, но это не грузинский город. Грузины, пожалуй, чувствуют себя иностранцами на многих его улицах; это и не русский город, не армянский, не татарский[110], не персидский, но при этом в нём есть что-то от них от всех. Это город тысячи настроений и тысячи характеров, город, который в моей памяти никогда не складывается в нечто единое.

---

[110] При Российской империи татарами в Закавказье называли современных азербайджанцев.

Над Тифлисом был утёс; там располагался общедоступный сад, в который часто ходили рабочие и городская беднота. Сверху оттуда город похож на россыпь полудрагоценных камней, плохо подобранных и, честно говоря, не всегда красивых; трудно иначе описать его простые цвета в грубом обрамлении. Вот крыши русских казарм, все они тёмно-красные; а армянский квартал, если смотреть на него сверху, весь медно-зелёный или посеребрённый; тут и там стоят храмы с увенчанными крестами маковками, по форме напоминающими снаряды, на которых тускло и мрачно отражается солнечный свет. А православные греческие церкви венчают красочные византийские купола, подобные голубым нераскрывшимся тюльпанам. Между домами видны деревья и тропинки маленького парка. Тифлис потрясающе хорош, если смотреть на него сверху и видеть, как река коричневой нитью разрезает его пополам.

Но сколь бы цельным он ни казался сверху, это ощущение немедленно исчезает, как только вы спускаетесь вниз на его улицы, некоторые из которых я до сих пор помню. Нигде больше я не встречала так круто спускающихся вниз улиц. Большую часть времени я проводила в русском квартале, жители которого гордились тем, что их главная улица, Головинский проспект[111], похожа на Невский проспект в Санкт-Петербурге[112]. Своё представление о Невском проспекте я почерпнула из потрёпанного томика повестей Гоголя, каким-то образом оказавшегося в нашем доме в Екатеринодаре. Я пересказывала его себе по памяти, не особенно понимая. Я была уверена, что Головинский проспект — отличная копия своего знаменитого оригинала. По крайней мере, там тоже были романтичные молодые офицеры, заглядывающие под женские шляпки — и каждый из них напоминал мне поручика Пирогова[113]. Дамы и офицеры демонстрировали элегантную форму и модные туалеты, ведь многие из офицеров были здесь

---

[111] Головинский проспект был назван в честь генерал-лейтенанта Е. А. Головина, главноуправляющего Кавказским краем в1837–1843 годах. С 1918 года — проспект Шота Руставели.

[112] В описываемый период город Санкт-Петербург (основан в 1703 году) носил название Петроград (с 1914 по 1924 год). В 1924–1991 годах Ленинград, затем снова Санкт-Петербург.

[113] Поручик Пирогов — персонаж повести Н. В. Гоголя «Невский проспект».

Поручик — чин в Русской императорской армии (в казачьих войсках — сотник). Примерно соответствует старшему лейтенанту в современных Вооружённых Силах Российской Федерации.

с семьями. Огни кафе, нежный смех, звучащий целыми днями — всё это делало Тифлис летней столицей Российской империи.

За неделю я увидела его с лучшей стороны. Впрочем, забегая вперёд, скажу, что уже ближе к концу моего пребывания там, когда я была приглашена в дом одного врача, то меня ждал самый нелюбезный приём в местном обществе. Как помню, меня пригласили на чай. В комнате было множество офицеров и красивых женщин, все они выглядели очень стильно, хотя день был удушливо жарким. Мне было очень жарко и очень некомфортно в форме, и я так давно не была в обществе, что, наверно, походила на рыбу, вынутую из воды и ловящую ртом воздух. Потом я услышала, как одна из женщин сказала жене врача: «А вы не боитесь, что она что-нибудь украдёт?» — после чего я немедленно покинула тот дом. Боюсь, что выйдя на улицу, я разрыдалась. Больше я никогда не приняла ни одного приглашения, хотя меня звали несколько раз, поскольку среди местных военных я была своего рода диковинкой.

Но русский квартал с оперным и драматическим театрами, музеями, клубами и всем прочим — это только одна часть Тифлиса. Не нужно далеко идти, чтобы открыть для себя туземный город, который никогда не переставал меня удивлять, когда бы я в него ни попадала. Персидский квартал — узкие извилистые улочки, в каждой из которых живут люди определённой профессии, с разбросанными тут и там невзрачными мечетями. Меня там привлекали только улицы торговцев коврами, где в глубине переулков ютились крошечные, размером со шкафчик лавки, каждая из которых поражала буйством красок. Грузинский квартал — здесь продавали кинжалы, кубки и кувшины, а ещё украшения для конских сёдел; их кузнецы обладали изумительным умением наносить на сталь слой золота или серебра. В тёмных, непроветриваемых маленьких магазинах там было навалено много вещей, которые я с удовольствием купила бы. Но я никогда не задерживалась на улочках старого города. Казалось, что мне там не место, и что даже стены там не любят, когда на них падает тень чужаков.

Мне трудно оторваться от воспоминаний о Тифлисе, которые стали чем-то вроде оазиса в моей армейской жизни. О реке Куре, несущей свои быстрые кофейного цвета воды через весь город, об утёсах над каменными стенами, о Ботаническом саде[114], в котором я однаж-

[114] Тифлисский Ботанический сад основан в 1845 году. Ранее на этом месте на протяжении многих веков располагались сады, принадлежавшие грузинскому царскому дому. Один из входов в Ботанический сад, устроенный в 1914 году, проходил через туннель (в настоящее время закрыт).

ды заблудилась. Было неожиданно обнаружить этот сад среди руин древней крепости, расположившейся высоко над рекой. Это место действительно труднодоступно, но тот, кто добирается сюда, будет вознаграждён. Поднявшись до крепости и отдохнув в прохладном полумраке гулкого туннеля, вы входите туда, где когда-то был крепостной ров, странным образом переделанный в наше время. В местах, куда попадало солнце, выращивали тропические растения, а там, где всегда была тень, росли растения с севера. Всё вокруг было наполнено ароматом цветов. Там был ещё маленький зоопарк; помню красивого льва, а остальных зверей я забыла.

Но через неделю меня ждала автошкола, а это предполагало более упорядоченную жизнь в казарме с другими учащимися. Им казалось очень смешным, что с ними будет учиться шестнадцатилетняя девушка, хотя они никогда не позволяли себе лишнего и никоим образом не беспокоили меня. Подозреваю, что они меня немного боялись, потому что только у меня был крест Святого Георгия. Боялись меня ещё и потому, что им никогда прежде не встречались женщины моего типа, которые жили, работали и выглядели так же, как они сами, и совсем не стремились быть привлекательными. Кроме того, Тифлис — большой город, и им там было куда пойти, когда были деньги, и даже когда их не было.

Мы три недели занимались в классе теорией автомобильных перевозок, а потом недели две в гараже изучали различные детали автомобиля. Потом начались уроки вождения. Я никогда не относилась серьёзно к классным занятиям, но водить научилась очень быстро, и вскоре уже села за руль закреплённой за мной машины, огромного «бенца»[115]. Мне также выделяли достаточное количество бензина для того, чтобы заниматься вождением. Узнав об этом, офицеры часто просили нас подвезти их. Мои сокурсники очень полюбили деньги, которые им за это перепадали, поскольку автошкола не считала нужным что-либо платить нам во время учёбы.

Свой первый «заработок» я получила от красивого офицера, который попросил покатать его и его спутницу. Она носила густую вуаль, и я не видела лица, но если оно было под стать фигуре, то видимо,

---

[115] Имеется в виду автомобиль марки «Benz». Фирма «Benz & Company Rheinische Gasmotoren-Fabrik» была основана Карлом Бенцем в 1883 году. В 1926 году объединилась с компанией «Daimler-Motoren-Gesellschaft», образовав концерн «Daimler-Benz AG», выпускавший автомобили под маркой «Mercedes-Benz». В настоящее время существует под названием «Mercedes-Benz Group AG».

эта женщина была достаточно красива. Когда мы отъехали, офицер сказал: «Выезжай из города — и дальше куда-нибудь». Мне кажется поэтому, что та дама не была его женой; а судя по тому, как поспешно они стремились уехать из Тифлиса, она вполне могла быть женой кого-то другого. Чтобы не задерживаться в старом городе, объезжая лошадей и мулов или какого-нибудь ленивого верблюда, разлёгшегося посреди дороги, я поехала через грузинский квартал[116], двигаясь вверх по узким ухабистым улицам.

— Куда нас везут? — спросила наконец дама.

— Куда ты везёшь нас? — повторил за ней офицер. Мне даже не нужно было отвечать им, потому что за поворотом дороги как раз открылся потрясающий вид. Перед нами гряда за грядой простирались снежные вершины гор, парящие в голубом небе, а внизу под нами раскинулась зелёная обрывистая долина реки Куры.

— Остановись здесь ненадолго, — приказал он. Я открыла дверь, чтобы они могли выйти, и встала навытяжку, но не смогла удержаться и очень вежливо спросила:

— Надеюсь, ваше благородие не жалеет о том, что нам пришлось немного проехать по этим грязным дорогам?

Офицер дёрнулся и внимательно посмотрел на меня, но моё лицо не выражало ничего, кроме уважения, и он лишь раздражённо проворчал что-то в ответ. Красивые мужчины часто бывают очень глупыми; природа таким образом пытается сохранять некий баланс. Возможно, он испытывал ко мне уважение за мой скрытый сарказм, который не мог точно уловить, но почувствовал; возможно, из-за того, что он и его дама потом исчезли и подозрительно долго не появлялись, сделав меня своим невольным соучастником — но когда я высадила их у въезда в русский квартал, то офицер заплатил мне три рубля серебром.

Это было на два рубля больше, чем принято было платить за такие услуги. По глупости я рассказала об этой удаче своим соученикам, после чего меня заставили немедленно поделиться двумя незаслуженно полученными рублями. С последним рублём, который жёг мне карман, я поспешила в кофейню, куда в последнее время мне очень хотелось попасть. Я помедлила у входа, набираясь храбрости, чтобы войти. Любому, кто служил в армии, доводилось задавать себе вопрос:

---

[116] В дореволюционном Тифлисе «грузинским кварталом» называлась юго-восточная часть города. Судя по дальнейшему описанию, автор привезла своих пассажиров к крепости Нарикала, откуда открывается один из красивейших видов на город.

а вдруг это одно из тех мест, которые «только для офицеров»?[117] Но пирожные, выставленные на витрине, так манили, что устоять было нереально. Я оказалась внутри и хриплым шёпотом спросила даму за кассой, сколько они стоят.

Отлично, я беру пять. Буду ли я есть их здесь, за столиком? Белый столик в лавке, где пахнет свежей выпечкой, а хозяин не возражает против присутствия рядовых солдат, вполне мог показаться раем. Я села за столик. Да, кофе со сливками, пожалуйста…

Когда я наконец пошла к кассе, чтобы расплатиться, хозяин сказал, что платить не надо, и спросил, не выпью ли я ещё чашечку кофе за счёт заведения. «Благодарю вас, — сказала я, не решаясь продлить эти восхитительные ощущения, — вы очень добры, но мне достаточно». Тут я поняла, что следовало оставить чаевые; просить сдачу мне казалось недостойным, и я выложила на стойку мой серебряный рубль, считая, что полученное удовольствие того стоит. Но девушка догнала меня у выхода. «Купи себе что-нибудь на эти деньги», — сказала она и вложила мне рубль обратно в ладонь.

Спустя примерно неделю я повезла одного генерала с женой на долгую автомобильную прогулку в горы. По пути домой, уже ближе к вечеру, когда мы были на длинном крутом спуске, ведущем к Тифлису, генерал спросил, достаточно ли у меня бензина.

— Достаточно, чтобы довезти вас до дома, ваше превосходительство, — ответила я через плечо.

— Иди к чёрту, — сказал генерал с непонятно чем вызванной яростью. У него было одно из тех длинных бледных лиц, окаймлённых бородой, при взгляде на которые невольно вспоминаешь святых. — Я не домой еду. Достань ещё бензина, ты!..

Всю дорогу, пока мы ехали вниз по пыльному горному серпантину, в мою непокорную спину летели упрёки; наконец мы подъехали к какому-то гаражу, где можно было заправиться. «Жара ли на вас так подействовала, или всё дело в вашей даме, но вам, ваше превосходительство, это так не сойдёт», — сказала я себе, выходя из машины. Я отправила одного из сотрудников гаража, угрюмого грузина, который, кажется, даже потел нефтью, каплями проступавшей из пор на его коже, сказать моему славному генералу, во сколько ему обойдёт-

[117] Согласно положению Комитета министров Российской империи от 12 марта 1871 года, нижним чинам воспрещался вход «в питейные и трактирные заведения». Кроме того, дополнительные ограничения на посещение разного рода увеселительных мест могли налагаться местными военными властями.

ся бензин. Цена была неимоверной. Прежде чем заплатить, генерал проклял грузина на все лады. Я ждала, стараясь делать вид, как будто меня всё это не касается.

— Зачем ты позволила этой… этой свинье говорить со мной? — спросил генерал, когда я взялась подкачать шины. Но я лишь ответила самым кротким голосом:

— Теперь ваше превосходительство без труда проедет по этим **** каменистым дорогам. — При этом я употребила самый чудовищный эпитет, точное значение которого мне не известно до сих пор.

В ответ на такую наглость дама рассмеялась, а генерал сначала долго смотрел на меня, ошеломлённый, а потом начал извиняться за то, что говорил со мной так грубо. Генерал, извиняющийся перед рядовым? Нет, перед кавалером ордена Святого Георгия и возможно, перед девушкой. Наверно, дело было именно в этом, потому что, когда мы остановились у кафе, то спутница генерала пригласила меня выпить с ними по стаканчику кахетинского; этим грузинским вином в Тифлисе знаменуются все важные события. Шофёр-мужчина вряд ли получил бы подобное приглашение.

И вот мы сидим в кафе, среди той публики, которая обычно собиралась в Тифлисе ранним вечером — публики, равной которой в те времена не было нигде на Кавказе. Кахетинское, которое на вкус напоминало шампанское и действовало так же, как-то быстро сблизило нас, весёлую толпу и вечернюю зелень за окнами. Уже совсем скоро мы все запросто беседовали, а генерал совсем растаял и начал расспрашивать меня о том, как я получила свой Георгиевский крест.

Последний раз я рассказывала эту историю тоже вечером, когда ветер поднимал пыль у подножия высоких гор, а курды слушали о самых невероятных романтических приключениях, которые я умудрялась выдумывать. В этот раз я рассказала чистую правду, но мои слушатели были заворожены мои рассказом в неменьшей степени. Заразившись их настроением, я продолжила свой рассказ и даже рассказала про случай в кафе на предыдущей неделе.

— Отлично, — сказала спутница генерала. Она сидела, положив локти на стол и обхватив с двух сторон ладонями своё красивое лицо. — Завтра я приглашаю вас выпить там чаю.

Генерал рассмеялся.

— Ничего не выйдет, дорогая, — заявил он, — завтра она будет очень занята. Это мой новый личный шофёр.

Дальше он рассказал, что вечером в Тифлис приезжает Великий князь Николай Николаевич со своей свитой, а утром они по Воен-

но-Грузинской дороге[118] отправляются во Владикавказ[119]. «И ты будешь шофёром Великого князя», — заключил генерал. Его длинное лицо просияло с выражением почти детской радости; только кахетинское могло подкинуть ему такую невероятную идею.

— Не будет ли это слишком необычным, дорогой? — спросила его спутница с сомнением в голосе. Всем было известно, что членов императорской семьи не возят простые солдаты.

— Это будет ещё одна приятная неожиданность. Я всё устрою.

Он ласково посмотрел на меня, а я сидела рядом и не понимала, радоваться ли мне или бояться.

— Мне понравилось, как ты справилась с той крутой дорогой к кафе, — объяснил он, а когда я высадила их у дома, то генерал заплатил мне пять рублей золотом.

Когда-нибудь я научусь разумному отношению к деньгам. Впрочем, я уже стала немного мудрее, чем была тогда. Однако в тот день, когда я вернулась в казарму, где вовсю шла игра в карты, я, как последняя дура, похвасталась своими пятью рублями, которых меня немедленно лишили, выдав взамен один серебряный рубль. Только приказ явиться в штаб ровно в семь тридцать готовой к дальней поездке заставил меня немедленно лечь спать, сохранив остатки самоуважения.

Я прибыла туда точно вовремя на своём «бенце». В машину сели три молодых офицера и приказали мне ехать к дому генерала. Он уже ждал нас. «Во дворец наместника», — сказал генерал и улыбнулся мне так, словно я была его личным открытием или какой-то новой заводной игрушкой, которой можно порадовать великого полководца. Я повела машину по Головинскому проспекту, потом мы проехали мимо одетых в алую форму грузинских часовых и подъехали к белым ступеням здания, которое запомнилось мне просто огромным[120].

---

[118] Военно-Грузинская дорога, проходящая по древнему караванному пути через Дарьяльское ущелье, соединяет Тбилиси и Владикавказ. Постоянное движение открыто в 1799 году. В настоящее время — автомобильная дорога А161 в Российской Федерации. Расстояние от Тифлиса (Тбилиси) до Владикавказа по Военно-Грузинской дороге — 198 километров.

[119] Владикавказ — в описываемый период административный центр Терской области. Основан в 1784 году. Ныне столица Республики Северная Осетия — Алания в составе Российской Федерации.

[120] Воронцовский дворец был построен в Тифлисе в начале XIX века в качестве резиденции для Наместника Его Императорского Величества на Кавказе. Здание приобрело современный вид в 1868 году. В настоящее время расположен по адресу: город Тбилиси, проспект Руставели, дом 6.

Здесь я перестала быть шофёром, а стала кем-то вроде штабного ординарца. Мне нужно было только неподвижно сидеть на переднем сиденье, а за руль сел один из личных шофёров Великого князя.

Великий князь спускался по ступеням дворца. Явление такого человека должно было бы стать великим событием, однако видимость обманчива. Стоя навытяжку, я видела только высокого человека с бородой с проседью, одетого в безукоризненную казачью форму. Если он и произвёл на меня какое-то впечатление, то только своей суровостью.

Однако меня немного греет мысль о том, что этот великий человек, кумир армии, сидел сзади меня в течение двенадцати часов, пока мы ехали по Военно-Грузинской дороге, бросая только короткие слова, да и то нечасто. Потом мне сказали, что он редко много говорит, но уж если говорит, то его замечания бывают гораздо глубже, чем можно было бы ожидать.

Нашему водителю непросто было вести машину по узкой неухоженной дороге, где один крутой поворот сменял другой. Это была трасса не для ленивых, потому что за любым поворотом мог скрываться караван верблюдов или отара овец. Часто мы ехали буквально по краю самых неприятных обрывов, какие я когда-либо видела.

Но мы прибыли во Владикавказ без происшествий и вовремя. Владикавказ я помню так же плохо, как и самого Великого князя. Помню большую гостиницу, хозяин которой, кланяясь, проводил меня в чистую комнату; помню, что с меня нигде не брали денег за бензин; помню, что каждое утро я стояла с машиной у штаба в ожидании приказаний. Помню, как два или три раза прокатилась по ничем не примечательной главной улице одна в машине — просто чтобы покрасоваться.

На пятый день мы поехали обратно в Тифлис… Жаль, что Великий князь, которого с тех пор я никогда не встречала, мне почти не запомнился. Мне нечего вспомнить в связи с ним. Для меня он всего лишь человек с седеющей бородой и в безупречной казачьей форме. Отрывистый голос со стальными нотками за моей спиной; высокий человек, садящийся в машину; ликующая толпа на улицах; вытянувшиеся по стойке «смирно» величественные часовые у дворца наместника в своей алой форме. Вот и все мои воспоминания о самом высокопоставленном военачальнике нашей армии.

Конвой наместника состоял из казаков Кубанского казачьего войска, носивших красные черкески. Не будучи знатоком парадной формы, автор называет их «грузинскими часовыми».

Глава 16
ГОЛОД И ЖАЖДА

Где-то к началу осени, когда наше обучение заканчивалось, речь зашла об устройстве на работу. Пятерых или шестерых из нас сразу же направили на первые вакантные должности. Так почти в самом начале зимы я уехала из Тифлиса в Эривань, где мне предстояло работать в Красном Кресте.

У главного входа в тифлисский парк была часовня с мозаичным изображением Христа[121]. На Нём была длинная бурка, отделанная горностаем, а под ней алая туника. Широкие синие штаны заправлены в высокие кожаные сапоги. Пояс был зелёным, за поясом торчал кинжал, отделанный красивой эмалью, и ещё, если не ошибаюсь, револьвер. Были у Него и серебряные газыри через всю грудь, и большая чёрная шапка из каракуля на голове. По сути, это было воплощение грузинского щёголя[122]. Такой Христос очень нравился крестьянам Тифлиса, другого они и не хотели. В любой день тут можно было увидеть сотню, а то и больше этих людей, вставших на колени, чтобы поцеловать стекло, прикрывавшее Его ноги. Для меня же Он был почти казак; пожалуй, никакое другое изображение Христа не делало его столь близким моему народу. И вот в мой последний вечер в Тифлисе я пошла из казармы в сторону входа в парк, всем видом изображая безразличие, которого отнюдь не испытывала.

Под ветвями деревьев, нависавших над часовней, уже сгустились сумерки, и икона была еле видна в глубокой зелёной тени. Я разок оглянулась, но солдат у часовни был для жителей Тифлиса не в новинку, они почти не смотрели на меня, проходя мимо. Я склонилась, коснулась губами стекла, и тихо произнесла молитву этому Христу, почти казаку, стараясь сдержать слёзы.

---

[121] Вероятно, имеется в виду Александровский сад в г. Тифлисе, открытый в 1865 году. В настоящее время — «Парк 9 апреля» в г. Тбилиси.

В 1890-х годах у одного из входов в сад была поставлена часовня «в память чудесного избавления Императорской семьи 17 октября 1888 года». (День, когда поезд с императором Александром III и его семьёй потерпел крушение у станции Борки под Харьковом. Члены императорской семьи не пострадали благодаря тому, что сам император удерживал рухнувшую крышу вагона, пока все из него не выбрались.)

[122] Образ Иисуса Христа с кинжалом и револьвером следует целиком отнести к фантазии автора. Или к её стремлению удивить американского читателя ещё одной «развесистой клюквой».

Эривань по-армянски означает «у подножья»[123], и его жители готовы поклясться, что с его главной площади в любое время дня видны вершины обоих Араратов. Когда я приехала в город, то его обитатели слишком изголодались, чтобы думать о своих горах, а я, казалось, уже так навидалась всяких Араратов, что на всю жизнь хватит. Кроме этого вида, городу вряд ли было ещё чем похвалиться, даже во времена процветания. Там мало что можно было увидеть, кроме невзрачных рядов одноэтажных домов без окон, огромных грязных базаров и большой площади в центре города, где разгружались караваны торговцев. Но той зимой караванов было мало, потому что, как я уже сказала, город был в тисках голода.

Голод[124]. Из всех мест на земле Эривань меньше всего подходил для того, чтобы провести там зиму, ничего не делая. Нам действи-

---

[123] Существуют и другие, более распространённые версии происхождения слова «Эривань» (Ереван). Так, в Армении считается, что когда праотец Ной во время всемирного потопа впервые увидел наконец очертания суши, то он воскликнул: «Еревац!» — что в переводе с армянского означает «появилась». Впоследствии от этого слова и произошло название Ереван или Эривань.

Согласно гипотезе советского армянского историка Г. А. Капанцяна (1887–1957), слово «Ереван» восходит к выражению «эри аван» — страна эри, народа, когда-то населявшего эти земли.

[124] Вплоть до Февральской революции 1917 года население Российской империи в достаточной мере снабжалось продуктами питания, даже несмотря на мобилизацию в армию миллионов крестьян. О голоде не было и речи. В 1916 году были введены карточки только на сахар (главным образом в связи с тем, что польские сахарные заводы оказались на территории, оккупированной Германией).

Особая ситуация сложилась к 1916 году именно в Эриванской губернии. Геноцид армянского населения, начатый турками в 1915 году, вызвал поток беженцев в Россию из Западной Армении. Кроме того, после начала геноцида, в апреле 1915 года, против турок восстало армянское население Вана, Сасуна и других городов. К лету русские войска деблокировали Ван и соединились с повстанцами, однако вынуждены были оставить Ван уже в августе. Вместе с русскими ушло всё армянское население — около 200 000 человек. Ещё около 60 000 армян вышло в российское Закавказье в течение осени 1915 года.

Неожиданно огромное количество беженцев вызвало понятные трудности с их снабжением. Кроме того, основная масса спасшихся страдала от истощения. Начались эпидемии тифа и холеры. До конца 1915 года на российской территории умерло около 30 000 беженцев.

Число спасшихся и выживших в России армянских беженцев оценивается в 240 000 человек.

Историки оценивают количество жертв турецкого геноцида от одного до полутора миллионов армян; с учётом айсоров, халдеев и других христианских народов — от полутора до двух миллионов человек.

тельно нечего было делать, только ждать приказов, которые всё никак не приходили, и видеть, как люди умирают от голода. А мы не могли им помочь, потому что у нас самих было мало еды. И в этой серой тюрьме, которая когда-то была процветающим городом, мы жили бок о бок с самой ужасной смертью, какая только может быть суждена человеческим существам.

Рядовым солдатам, которые жили в казармах в старой персидской крепости, ещё повезло. Это был отдельный мир, не связанный с городом, и они жили там в причудливо разукрашенных комнатах старинного дворца, который когда-то был частью крепости[125]. Ветер гулял в развалинах; они не были похожи ни на что другое в Эривани и в силу этого вызывали интерес. Я и мои коллеги-шофёры были направлены в небольшой пустой домик, глухие стены которого выходили на главную улицу. Нам выдали несколько драных турецких подушек, чтобы спать, и очень старую печку Бог знает какого происхождения, на которой скопилась вся грязь после многолетнего использования.

Но это было ещё меньшим из неудобств по сравнению с тем безрадостным фактом, что мы жили в самом центре города, в городе-призраке, в месте, полном совершенно неописуемых привидений.

Эривань 1916-го года, где мгновенно исчезали любые самые жалкие отбросы; где по мёртвым улицам бродили люди с серыми лицами; где священная вершина Арарата высокомерно возносилась над пустой площадью, некогда полной торговых караванов; где каждое утро приносило с холодного базара жуткие слухи о людоедстве, в которые я до сих пор стараюсь не верить; где стены твоего жилища не защищали тебя от шёпота голода.

Если вы когда-нибудь жили в городе, где люди голодают, то знаете, как это ощущение заползает в каждый угол дома. От него нельзя спрятаться; голос голода звучит в голове, как будто это голос призраков. Каждую ночь я лежала без сна, прислушиваясь к нему

---

[125] Имеется в виду Эриванская крепость, построенная в XVI веке в период османского владычества, затем разрушенная землетрясением 1679 года и восстановленная в XVII веке персами. К началу XX века крепость находилась в полуразрушенном состоянии и была окончательно снесена в 1930-е годы.

Ещё в конце XIX века армянский купец Нерсес Таирян создал в северной части крепости коньячное производство. В настоящее время на этом месте находится Араратский коньячный завод.

Армянские дети-беженцы. *Из книги «Cossack Girl»*

и молясь о том, чтобы наконец пришёл приказ и нас перевели бы куда-нибудь в Персию[126].

Когда мы шли зимой по улицам, то за нами обычно бежала толпа отчаявшихся детей, полуголых, с невероятно раздутыми животами,

[126] Персия — название Ирана, принятое в России и странах Запада в описываемый период. В соответствии с обращением шаха Резы Пехлеви, с 1935 года вместо Персии употребляется самоназвание государства — Иран.

По договорённости с персидским шахом русские войска находились на северо-западе Персии (Ирана) ещё с 1910 года, обеспечивая спокойствие местных племён. В годы Первой мировой войны Персия формально соблюдала нейтралитет. Однако на персидской территории происходили военные действия между русскими и британскими войсками, с одной стороны, и Османской империей, с другой стороны.

на таких тонких ногах, что было непонятно, как они ещё могут на них стоять, с тощими рёбрами, почти вырывавшимися из обтягивающей их кожи. Они хватали нас за ноги, засовывали в наши карманы свои жуткие маленькие ручонки, выпрашивая корочку хлеба. Шум, который они поднимали, походил на пронзительное щебетание маленьких птичек. Армяне — известные попрошайки, которых в хорошие времена не стоило особо жалеть; но сейчас они заслуживали жалости, хотя нужно было иметь очень большое сердце, чтобы не отшатнуться от некоторых из них.

В городе было некоторое количество казаков, не из моего полка, которые считали, что нечего жалеть каких-то умирающих армян, к которым они всегда относились с презрением. В Эривани есть общественная печь, врытая в землю, большая, квадратная, с цементным основанием; в обычное время здесь пекут хлеб, но сейчас она была безжизненна, и огонь под ней давно не горел. Именно здесь собирались женщины, словно в ожидании какого-то чуда, небесного огня, который сойдёт на землю, чтобы зажечь огонь, и даст им тесто, которое можно будет испечь на стенках печи. Невозможно представить себе более ужасного зрелища, чем эти оборванные существа, особенно матери с грудными младенцами — длинные пустые обнажённые груди под скупым зимним солнцем. Казаки обычно куражились над ними, крича: «Грязные сиськи!» Казалось, подобные выходки доставляют им бесконечное удовольствие. Из-за этого я никогда не ходила в их расположение, чтобы спросить о Курном и остальных, хотя мне очень хотелось узнать, что с ними.

Мы были не санитарами, а военными шофёрами, но это не избавляло нас от обязанности хоронить умерших от голода на кладбище для неимущих за городом. Тела скидывали там в длинные общие рвы. Об этом уже много было написано, и мне нет нужды повторяться; все братские могилы похожи одна на другую. И у меня нет сил ещё что-то рассказывать об Эривани, одном из многих городов, чью участь нельзя оправдать никакими подвигами минувшей войны.

Когда на склонах гор появились первые бледно-зелёные пятна, предвещавшие весну, мы получили приказ ехать в Персию.

Из Эривани — в Джульфу[127], потом из Джульфы — в Тебриз[128], а вокруг уже потихоньку наступала весна. Двое или трое из моих коллег-

---

[127] Джульфа — город на территории Эриванской губернии, основанный армянами в VI веке до н. э. Ныне на территории Нахичеванской автономной республики в составе Азербайджанской Республики.

[128] Тебриз — город на севере Персии (Ирана), известный с III века н. э. Ныне административный центр провинции Восточный Азербайджан в составе Исламской Республики Иран.

шофёров ранее участвовали в военных действиях в районе озера Ван и теперь рассказывали о необычной красоте Персии[129]. Но в этих местах бесполезно было искать красоту. Тот голод, который мучил меня в Эривани, получил теперь живое воплощение в образе мёртвой безлюдной земли.

Я почти ничего не помню об этом путешествии из-за того, что позже случилось со мной в горах Персии. Помню какой-то город, где чёрные чадры женщин гасят яркое апрельское солнце; кажется, это Тебриз; больше ничего не помню.

Не помню ничего до конца июля и до чёрных берегов озера Урмия[130]. Моя память сохранила его и то, что затем последовало, сохранила навек. На плоском пароме нас перевезли через озеро, вода которого кишела змеями. В мутной грязной воде водилось множество крылатых жуков, которыми эти змеи питались. Я всегда боялась змей больше всего на свете. Эти блестящие твари рассекали воду подобно чёрным хлыстам, а иногда выскакивали из воды за своей добычей. От их вида мне становилось физически плохо, особенно когда солдаты выловили несколько змей, притащили их на паром и махали ими у меня перед лицом со словами: «Не хотите ли вкусной рыбки?» Это были злые шутки недобрых людей.

Другой берег весь был в чёрной вонючей грязи; за ним до самых гор тянулся кусок каменистой, обожжённой солнцем пустыни. Нам предстояло подняться до Равандуза[131], по слухам, чтобы выгнать оттуда каких-то немцев. Это был один из худших походов на моей памяти. В этот раз мне не пришлось идти пешком, потому что теперь у меня был свой грузовик. Трястись по жаре в грузовике всего лишь неприятно, а вот пехота страдала непомерно.

Ручьёв в горах не было. Пересохшие овраги были полны зноем, словно кто-то набил их влажной шерстью; кое-где в низинах можно было найти ямки с зелёной стоячей водой. Солдаты, измученные жаждой, беспорядочно бросались к воде; их нисколько не отталкивали ни кишевшие в грязи жёлтые опарыши, ни роившиеся вокруг разно-

---

[129] Автор или шофёры-рассказчики что-то путают: озеро Ван находится на Армянском нагорье на территории Турции (на момент описываемых событий — на территории Османской империи). Впрочем, оттуда недалеко до границы с Персией (Ираном), так что ошибка шофёров простительна.

[130] Озеро на Армянском нагорье на территории Персии (ныне Исламской Республики Иран).

[131] Равандуз — город в Османской империи, известный с I тысячелетия до н. э. Ныне на территории современного Ирака.

цветные мухи. Они скидывали сапоги, разматывали портянки на ногах и использовали их в качестве фильтров, чтобы процеживать горькую воду, которую потом глотали, как какой-то нектар.

Невозможно понять, что такое жажда, пока не увидишь людей, доведённых до такого состояния; возможно, они предпочли бы мороз и снега Арарата. Хуже всего было то, что мы могли бы избавить их от этой пытки: у нас были большие баки с пресной водой, по одному на каждый грузовик Красного Креста, но это тщательно скрывалось. Нам было приказано ни в коем случае не признаваться, что у нас есть вода, под страхом самого серьёзного наказания, потому что вода была нужна на случай сражения для раненых. Однако сами мы получали самый минимум дневной порции воды, необходимый, чтобы выдержать тяжелейшую жажду. По офицерам же было видно, что они не испытывают недостатка ни в чём.

Глядя на армию, которая брела, спотыкаясь, через горы, я думала, что в мире, где я живу, нет правды. Я много думала о прохладной часовне у входа в парк в Тифлисе и не могла понять, где же милосердие Христово к этим моим товарищам, слабым и обессиленным. Меня подмывало крикнуть им, что здесь есть вода, вот здесь, в грузовике; но я знала, что если я это сделаю, то начнётся давка, и по ним будут стрелять, и всё будет ещё хуже, чем сейчас.

В армии во время всего похода ходили разные слухи; казалось, ими был пропитан воздух. Особенно часто говорили о том, что скоро свергнут царя, хотя никто не мог сказать, откуда всё это идёт. Ещё говорили, что нас продали англичанам, чтобы воевать за них за бесплатно; и совсем уже фантастичный слух, но одновременно и самый правдоподобный — о том, что армию нарочно губят. И хотя тогда мы этого ещё не знали, первый слух уже оказался правдой... Мы шли через перевал Калихан; маленькие белые персидские аулы с плоскими крышами, прилепившиеся к склонам гор, дразнили нас иллюзией мирной жизни.

Но впереди нас ждала другая реальность.

В августе 1917 года мы шли в бой, не зная о том, что в Москве и Санкт-Петербурге (который теперь назывался Петроградом) мы уже проиграли[132]. Как член отряда Красного Креста я не участвовала

[132] Трудно предположить, чтобы на Кавказском фронте ещё не было известно о Февральской революции, произошедшей 27 февраля (12 марта) 1917 года. Слова автора можно понимать так, что политика Временного правительства объективно вела к развалу армии и государства и, соответственно, к поражению России в Первой мировой войне.

в манёврах, предварявших боевые действия. Я была в глубоком тылу, благодаря Бога за то, что нашлась вода, и у армии было теперь чем удовлетворить свою главную потребность. Однако мне было безразлично всё, что происходило, и всё, что могло случиться. Мне выдали противогаз, потому что теперь перед нами были закалённые ветераны немецкой армии. Но даже мысль о газах меня не трогала, потому что меня не покидало предчувствие близкого конца. Будет ли это только мой конец или конец для всех нас, я не знала.

Бой начался перед рассветом. Русские были на одном склоне, а немцы и какие-то австрийские части[133] — на другом; долина лежала между ними, как готовая могила. На своих грузовиках мы поднялись как можно выше по дороге, пока не оказались совсем близко к линии фронта и могли почти всё видеть. Это сражение запомнилось мне как что-то нереальное, с жуткими взрывами химических снарядов. Бой шёл так яростно, что скоро нам пришлось поработать санитарами и выносить солдат со склонов к нашим грузовикам. Рассветные лучи еле пробивались через отвратительное марево. Мы шли через тяжёлые клубы газа, подобно призракам, с чёрными круглыми окнами для глаз и белыми пятнами лиц. Казалось, маска отгородила меня от внешнего мира, сквозь который я ходила всё утро, не получив ни единой царапины и почти безразлично глядя на бойню вокруг. Здесь никто не был похож на человека; даже убитые падали, похожие на животных в своих обращённых к небу масках, а их тела выгибались в ту или другую сторону. Даже когда их разрывало на части — и Бог свидетель, я видела, наверно, сотни раз руки, ноги и головы, взлетающие вверх в дымном воздухе — мне это казалось вполне нормальным. Оглохшая и онемевшая, я автоматически делала свою работу, бегала туда-сюда с носилками, не чувствуя, как болят руки и плечи…

К полудню нас сменила свежая бригада санитаров, и мы смогли отвезти полные раненых грузовики в полевые госпитали. Вниз вела

---

[133] Историкам неизвестно о наличии на Кавказском фронте немецких или австрийских воинских частей. При этом в составе турецкой армии было значительное количество немецких инструкторов, иногда командовавших подразделениями и частями турецкой армии.

Летом 1917 года на Кавказском фронте активные боевые действия происходили только в западной Персии и Месопотамии. В июне русские войска предприняли попытку наступления из района озеро Урмия на Мосул, однако не добились успеха — прежде всего в связи с общим падением боеспособности после Февральской революции.

только одна дорога, извивавшаяся по склону. Приходилось часами ждать своей очереди, пока мимо нас на фронт шли свежие войска и снаряжение. Путь был совсем коротким, но мы приехали только поздним вечером. Поэтому была выслана небольшая армия военных инженеров, чтобы проложить для нас другую дорогу[134], и раненые ждали ещё два дня, пока работы не были закончены. Шофёры очень ценились; нам велено было оставаться в укрытиях и не рисковать собой на передовой. Тут у меня было время прийти в себя, пока не началась настоящая работа.

То, что для нас проложили, сложно было назвать дорогой. Это была скорее колея, с которой из-под наших колёс летел свежий грунт в сторону невидимых гор. Мы выехали ночью и сделали несколько рейсов. Всё это время воздух был настолько загазованным, что снимать маски было опасно. У нас не было времени заботиться о раненых, которых мы перевозили. Туда и обратно, туда и опять обратно с первыми лучами рассвета по узкой горной дороге. Когда неприятель наконец обнаружил наш маршрут, на дорогу посыпались химические снаряды, разрывы которых сопровождались не привычным красным всполохом, а каким-то грязным светом, трудно различимым в свете зарождавшегося дня.

Я ехала назад с пустым грузовиком, когда появилась эта новая опасность. Помню, как шедший впереди меня грузовик замедлил ход, а потом остановился; помню, как я подъехала к нему, подбежала и увидела, что водитель затих, положив голову на руль. Он был мёртв. Я отодвинула тело, стащила его ноги со сцепления и села за руль. Вдоль дороги передо мной разрывались снаряды, и из-за грохота я не могла понять, работает ли мотор, пока не отпустила сцепление. Потом я заметила, что машина стоит на ручном тормозе, то есть водитель достаточно долго оставался в сознании и успел позаботиться об этом.

Я убрала этот грузовик с дороги и поехала дальше. На пути у следующего поворота мне встретился ещё один грузовик, полный ранеными. На этот раз он стоял кабиной в мою сторону; водитель опять

---

[134] «Для работ по исправлению и поддержанию существующих путей и для проведения новых, распоряжением главного начальника снабжений было сформировано семь рабочих дружин с № 25 по № 31 включительно, по четыре роты в каждой дружине, и пять военно-дорожных отрядов №№1, 2, 3, 4 и 5, также по четыре роты в отряде». (*Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917 г. — Париж, 1933. — С. 357.)

лежал лицом на руле. Только тут я поняла, что противогаз не всегда защищает от газа. С холодным страхом в душе я поставила свой грузовик на обочину, пересела в машину с ранеными и поехала назад на перевязочный пункт, трясясь по колее и объезжая воронки от разрывов, которые успели появиться с тех пор, как я проезжала здесь в последний раз. Снаряд разорвался позади меня… потом ещё один в ста метрах впереди… потом ещё один сбоку, почти рядом, или мне так показалось. Они уже пристрелялись. Совсем близко отсюда дорога сворачивала за гору, за горой вполне можно будет спрятаться. Успею ли я на этот раз доехать до поворота?

Успею ли я?..

Глава 17
ИНТЕРЛЮДИЯ: 1917 год

Сначала мне казалось, что это сон. Я сплю и вижу прекрасных людей, которые словно летят по ветру, и этот ветер дует мне в лицо; шаг за шагом они стали принимать знакомые очертания сестёр милосердия, однако эти сёстры не шли, а скорее плыли по воздуху. Мне казалось, что я сплю с открытыми глазами, но совершенно не могу двигаться.

Я закрыла глаза, и сцена сразу изменилась.

Навстречу мне бежали люди в грязном обмундировании, сквозь стёкла противогазов были видны их красные глаза, их были сотни и сотни. Небо над ними было озарено красными и зелёными вспышками огня. Чтобы избавиться от этого зрелища, нужно было открыть глаза, но на них давило яростное солнце. Потом люди исчезли. И в мире не осталось ничего, кроме огня.

Я с трудом открыла глаза; казалось, целый мир давит на них всей своей тяжестью. Я была в длинной комнате, по ней туда-сюда ходили сёстры милосердия. На вазочке с фиалками играл яркий солнечный зайчик. Невозможно было понять, где сон, а где явь. Постель подо мной поплыла, и комната начала проваливаться во тьму, а следом за ней и я сама, хотя мне совсем туда не хотелось. Это было похоже на приход ночи, выраставшей из дальнего угла у двери, поглощавшей сначала самое далёкое — окна за белыми занавесками, потом окно в центре, потом освещённые солнцем фиалки, потом самое ближнее окно, потом соседнюю со мной кровать...

Не знаю, сколько времени я оставалась без памяти. Когда я в следующий раз пришла в себя, было утро. По потолку над моей кроватью гуляли солнечные лучи, а чуть впереди солнце лилось на небольшую лужайку, словно вода широким потоком стекала в бассейн. Не было слышно ни звука. Казалось, что красная стена в конце сада, в котором я лежала, отсекала все людские голоса. Не поворачивая голову, я могла видеть полдюжины кроватей, сестёр, весело щебечущих с пациентами, но всё это было как в немом кино.

Над моей головой беззвучно плескались на ветру листья деревьев, поворачиваясь тыльной стороной к солнцу. Нежная смена красок от тёмно-зелёного до золотистого так резала мои отвыкшие от света глаза, что мне пришлось их прикрыть. И тут же опять на меня обрушилось зрелище поля боя, заслонив собой то, что только что было садом. Там бесконечные ужасные фигуры бежали вперёд; небо было в огне; я знала, что кричу, когда мои глаза сами собой вновь открылись.

Ко мне подбежала сестра. Она стояла у моей постели и что-то говорила, улыбаясь. Но я ничего не слышала. Возможно, именно это было сном, а поле боя — явью; может быть, я могла бы ещё долго оставаться в неведении, если бы сестра не держала у меня перед глазами листок бумаги, на котором было написано: «КОНТУЗИЯ».

И ниже: «Госпиталь Нобеля, Баку»[135].

Я пыталась говорить, но не слышала собственного голоса. В глазах у сестры стояли слёзы, а губы складывались в тщательно произносимые слова, но я их не понимала.

Значит, я оглохла. На мне не было повязок; формы моего тела, насколько я могла судить по одеялу, остались прежними, но я не могла пошевелиться. Однако ничего не болело, и я не чувствовала себя раненой. «Я ничего не слышу», — мои губы послушно двигались, но не издавали звуков. Мне показалось, что, возможно, я просто думаю вслух, и от этой мысли я так захихикала, что сестра, кажется, испугалась. Она внимательно посмотрела на меня и быстро ушла.

Я не решалась закрыть глаза из страха опять увидеть бой, слишком реальный, чтобы быть сном. Тем временем сестра вернулась с дву-

---

[135] «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» основано в Баку в 1879 году шведами братьями Робертом Нобелем (1829–1896), Людвигом Нобелем (1831–1888) и Альфредом Нобелем (1833–1896). Возможно, имеется в виду больница в рабочем городке «Товарищества», построенном в конце XIX — начале XX века. Либо один из корпусов Михайловской больницы, также возведённый на средства этой компании.

мя врачами, и я рассмеялась им в лицо, вернее, расхихикалась, потому что была слаба. Но они смотрели так печально и с такой жалостью, что я тоже стала серьёзной. Может быть, мне изуродовало лицо? Две сестры принесли носилки и переложили меня на них настолько осторожно, что хотелось сказать: я всё равно ничего не чувствую, и вы не сможете причинить мне боли.

Вот опять сновидения; хотя в реальном мире для меня не существовало звуков, во снах в моём мозгу гремели пушки, и я с ужасом слышала крики наступающих. Иногда я оказывалась в саду, иногда во дворике, иногда в какой-то комнате, полной электрических приборов, но сон всегда возвращался. Я не могла понять, что происходит на самом деле, и сколько времени прошло, прежде чем я понемногу опять начала слышать. Когда это случилось, я была счастлива чуть ли не до истерики. Я возвращалась из ссылки, представить себе которую может только глухой.

Теперь я могла слышать, и сны беспокоили меня реже, но я не могла говорить. Я могла лишь издавать странные звуки, и каждый раз, когда мне что-то было нужно, мне приходилось это писать. Руки уже двигались, и тело тоже постепенно начинало слушаться. Но когда я поднимала голову, то она моталась, как маятник, из стороны в сторону, абсолютно независимо от моей воли, и только на подушке лежала спокойно. Я помню, хотя и не очень чётко, что дни были относительно спокойными, а ужас начинал подступать только ночью.

Я никогда не могу вспомнить госпиталь в Баку так же ясно, как предшествовавшее ему сражение. Однако помню день, когда я лежала в саду, и кто-то осторожно рассказал мне о мартовской революции[136] и о том, что в России больше нет царя.

В саду лениво гулял ароматный ветер, но в тот момент, когда этот кто-то закончил свой рассказ, всё вокруг стало холодным и бесцветным, а в голове осталась только одна горькая мысль.

Впервые за долгое время я подумала про Козла. Козёл умер за дело, которого больше не было, которое было перечёркнуто в один момент.

Козёл, мои товарищи и миллионы других.

---

[136] Общепринятое название — Февральская революция (27 февраля 1917 года по старому стилю. По новому стилю — 12 марта 1917 года).

Глава 18
УБИЙСТВО В ГОРАХ

Сентябрь 1917 года. В это время я была в санатории в горах в нескольких километрах от Баку.

Я могла уже свободно ходить и не испытывала боли, хотя говорила всё ещё заикаясь, а голова по-прежнему моталась, как маятник, если не лежала на подушке. Врачи уверяли, что я «поправляюсь». Однако они вынуждены были признать, что здоровье моё никогда полностью не восстановится, если я не пройду специальный курс лечения, который в этой части страны был недоступен.

Меня это не слишком волновало. Здесь, в горах, было как-то невероятно спокойно и тихо, и ничто, никакие мрачные новости не могли смутить мягкое течение дней. Я многое узнала о новой эпохе, охватывающей Кавказ волной ненависти; о том, что разные народы начали воевать между собой, и что со временем они, как это всегда бывает, все вместе с яростью набросились на армян[137]. Но все эти новости меня как-то не трогали.

Думаю, я была вымотана духовно и физически. Сидя на террасе санатория, глядя на бесконечные горы вокруг или наблюдая яркую

---

[137] Автор неточно описывает исторические события. 22 апреля 1917 года была провозглашена Закавказская демократическая федеративная республика. Вскоре под давлением Османской империи она была ликвидирована; 26 мая провозглашена независимость Грузии, 28 мая — независимость Азербайджана. 26 мая Армянский национальный совет проголосовал против объявления независимости, желая оставаться с Россией. При этом 30 мая вышла декларация Армянского национального совета о принятии власти на территории, населённой армянами.

Поскольку границы между Грузией, Арменией и Азербайджаном не были чётко определены, то между ними сразу же начались конфликты на этой почве. Одновременно происходил развал Кавказской армии, которая откатывалась назад с занятых в ходе войны территорий Османской империи. Турецкая армия продвигалась вперёд, истребляя на своём пути русских, армян и представителей других христианских народов.

В апреле-мае 1918 года Османская империя развернула наступление на Армению, планируя «поголовное истребление армянского народа» (это цитата из приказа турецкого командования, позже обнародованного на Версальской мирной конференции). Сформированный из остатков Кавказской армии и армянских дружин Армянский корпус (15–20 тысяч штыков и сабель) смог нанести поражение 50-тысячной турецкой армии и тем самым спас армянский народ и армянскую государственность.

гладь Каспийского моря из окна, выходившего на восточную сторону, я вспоминала свои три года войны, как будто отделённые от меня после того происшествия в персидских горах, словно между теми и нынешними событиями пролегла длинная ночь, и пыталась найти во всём этом какой-то смысл. Три года мужской работы, тяжёлых переживаний и ещё более тяжёлой жизни не способствуют ясности ума у молодой девушки. Я не могла избавиться от мысли о том, что царь, тот, кому единственному, кроме Бога, служил мой народ, бросил нас. Я не могла понять, как можно было ради этого человека, разом лишившегося всякого смысла и достоинства, приносить те жертвы, к которым он призывал. Но моё сознание лишь вяло касалось этих вопросов, и всё казалось пока ещё не совсем реальным, чтобы найти ответы.

Но однажды утром, наконец, Революция дошла и до нашей горной цитадели. Нам сказали, что в санатории стало небезопасно, так как местные жители и солдаты прочёсывали окрестности в поисках дворян и офицеров, и что нам следовало немедленно отправляться в Баку.

На следующий день, когда мы выехали и проехали не более версты или двух, я впервые увидела Революцию. Первое село, куда мы заехали, было маленьким курортом для летнего отдыха. На склоне горы стояла горстка белых домиков, в которых укрывались многие представители хороших семей. Мы ещё только подъезжали, когда услышали крики ужаса, мужскую брань и гневные голоса женщин; всё это было ясно слышно в ясном утреннем воздухе. Наши водители, *кинто*[138] из местных (храбрецы на словах, но ничтожества в драке) остановились и устроили совещание прямо на дороге.

Приняв решение, они решили скрытно провезти нас в обход деревни по тропинке для скота, которая резко уходила в сторону через поле, а потом задворками мимо сараев опять попадала на главную дорогу в безопасном месте. Так они считали, по крайней мере. На самом деле эта тропа вела туда же, как и большинство сельских просёлочных дорог: на полпути вниз она резко сворачивала направо и выводила прямо на центральную площадь. А поскольку от безопасной дороги ниже нас отделяли несколько обрывистых участков, то ехать можно было только вперёд.

---

[138] Кинто (груз.) — историческое название грузинских мелких торговцев или лиц без определённых занятий, плутов и весельчаков. В переносном смысле — бравый, жизнерадостный, «крутой» парень.

На площадь мы въехали почти одновременно с отвратительной толпой. Солдаты, женщины, крестьяне тащили за собой какого-то пожилого господина с красными щеками и седой бородой. Наши водители встали в стороне от сборища, и с того места, где я находилась, мне хорошо было видно почти всё происходившее там. В этом зрелище было что-то притягательное, несмотря на вызываемое им отвращение. Несколько женщин, видимо, родственницы пожилого господина, шли за предводителями толпы, умоляя их отпустить старика, потому что он невиновен, а главари снова и снова отталкивали их. Я не могла отделаться от мысли, что уже видела всё это на какой-то картине или в какой-то другой жизни.

Я вижу всё, как сейчас: толпа дошла до середины площади и встала напротив белых, залитых солнцем стен. Толпой руководят полдюжины оборванных солдат, у каждого из которых есть что-то красное: красный платок на голове, или красная повязка на рукаве, или флаг в руках у одного из них, явно сделанный из чьей-то нижней юбки, привязанной к палке. На человеке, которого они ведут, генеральская форма, из небольшой ранки под глазом течёт кровь. Он возбуждён, но это проявление гнева, а не страха. Рядом с ним три женщины; наверно, это их распущенные волосы и растрёпанная одежда вызвали в моей памяти другие подобные картины, виденные раньше. В подобных обстоятельствах такие женщины невольно ведут себя так, словно играют роли в какой-то трагедии. Есть что-то театральное, если хотите, в толпе солдат и крестьян, напирающей сзади…

Потом события ускоряются, всё начинает происходить очень быстро, словно картина на стене внезапно ожила, и её персонажи начали действовать.

Они силой тащат старика в центр, а тот поднимает руку и требует тишины. Немедленно все автоматически замолкают, потому что для толпы генеральская форма — это символ власти, а им ещё только предстоит запомнить, что они теперь свободные люди.

— Братья мои, мне шестьдесят лет. С самого детства я служил батюшке царю и моей стране с той же любовью и преданностью, как и мои предки. В этом моя единственная вина. Я люблю Россию, я люблю мой народ и я требую, чтобы вы меня отпустили.

— Он *требует!* — сказал человек с флагом, огромный отвратительный детина с копной рыжих волос. — Эта свинья что-то требует. Вот, товарищи, как я поступаю со свиньёй, которая требует. — Он выходит вперёд и плюёт генералу в лицо; от изумления или из гордо-

сти генерал не делает попытки стереть плевок с лица, и он медленно стекает по его бороде. Все остальные начинают выходить из толпы и делать то же самое. Среди них и какая-то старая карга, стащившая откуда-то ярко-жёлтое шёлковое вечернее платье и натянувшая его поверх своей одежды так, что платье лопнуло с одной стороны, и из-под него вылезли грязные серые лохмотья. При других обстоятельствах она выглядела бы очень комично.

Генерал переносит всё это, не шевелясь, стоя со сложенными руками. Но одна из его спутниц, не в силах больше выносить эти оскорбления, падает на колени и начинает молить о пощаде. В этот момент рыжий громила роняет флаг, хватает ружьё и бьёт ей по голове прикладом. Без сомнения, она была убита на месте, поскольку из ушей потекла кровь.

Генерал приходит в себя; он делает шаг в сторону рыжеволосого, а тот втыкает штык ему в живот. В толпе раздаётся визг; солдаты пробираются вперёд и один за другим вонзают штыки в тело старика, хотя он, наверно, был мёртв уже после первого удара.

Потом они поворачиваются к двум оставшимся дамам. Жутко и невероятно, но ни один из солдат не чувствует себя удовлетворённым, пока не пронзит своим штыком тело жертвы.

Толпа закрывает от меня тела, смыкаясь вокруг них, месит их ногами, как мы месили навоз в Раевской; два или три штыка, которыми они размахивают, горят ярко-алым на фоне белых стен, залитых солнцем.

Пока мы тряслись по дороге в Баку, я снова и снова повторяла себе, что ничто из виденного мной на войне не сравнится с подобными убийствами. Но если солдаты жаждали крови, то эту жажду в них пробудили убитый генерал и ему подобные. Сейчас я видела человека, умершего жалкой смертью, но до этого, возможно, он отправлял тысячи людей на не менее жалкую смерть. Я попыталась посмотреть на всё глазами толпы, потому что в известном смысле я сама сейчас была одной из них; но как я ни пыталась, мне казалось, что ни у кого нет такого права, что подобные убийства — это приговор и убийце, и убитому. И это было моим окончательным прозрением.

Врач в госпитале сказал, что они при первой возможности собираются послать меня в Москву. Только там знали, что делать с такими проблемами, как моя. За десять дней, что я оставалась в Баку, я только один раз вышла в город и сразу же наткнулась (в те дни это было

неизбежно) на митинг Союза солдат и рабочих[139], который проходил прямо на городской площади.

Выступающие произносили самые яркие речи, но невозможно было не увидеть их основной грубый смысл. Если свести всё к сути, то она звучала следующим образом:

«Товарищи, они хотели нас уничтожить.

Нас держали без дела на Кавказском фронте, чтобы немцы могли прорвать фронт на западе.

Нас заставляли ходить кругами, подниматься на высочайшие пики Кавказа, чтобы мы замёрзли там до смерти. Так они создавали для нас видимость дела, притворялись, будто враг всегда рядом, а врага не было.

Когда мы голодали, нам слали боеприпасы; а наши товарищи на Западном фронте гибли, как мухи, потому что у них не было снарядов».

Неважно, кто именно кричал с установленной там деревянной трибуны, потому что смысл не менялся. Я стояла с краю, моя голова качалась, как у нелепой марионетки, которую дёргают за невидимые ниточки, и чувствовала, что согласна с некоторыми ораторами. Ведь однажды зимой я тоже с трудом поднималась на Арарат[140]. Один из многих солдат-ораторов, живописавших ужасные условия на фронте, рассказывал фантастическую историю про то, что царица, которая была немкой, якобы за недорого продавала русских солдат германцам. Это была какое-то странное, длинное и запутанное повествование, по ходу которого рассказчик впадал в судорожное неистовство.

— И за это я был ранен, товарищи, — завизжал он в конце, и на губах у него показалась белая пена. — Вот сюда был ранен, и сюда, и сюда, — и он начал прямо на трибуне срывать с себя одежду.

— Товарищи, знаете, чьих рук это дело? Это работа спекулянтов, барышников, жидов и офицеров! Спекулянтов, барышников, жидов и офицеров!

При этих словах солдаты в толпе разразились бешеными аплодисментами. Расколотые оконные стекла магазинов вокруг площади осклабились в щербатой сардонической ухмылке.

Магазины давно уже были разграблены, что еврейские, что остальные.

Эти визжащие солдаты и ораторы, воздевающие руки к небу, и чувство, что не существует никакого порядка, никто ни за что не

---

[139] Надо полагать, имеется в виду Совет солдатских и рабочих депутатов.

[140] См. главу 13 настоящей книги.

отвечает… Я испытывала смутное ощущение, как будто здесь, в Баку, настал конец света. Моя старая няня часто говорила мне, что слышала какое-то пророчество, по которому мир должен погибнуть через две тысячи лет после Христа. Я шла назад в госпиталь и думала про конец света. Полагаю, я была вполне счастлива.

Глава 19
МИХАИЛ ВЕРЕЩЕНКО

Мы ждали поезда на вокзале в Баку. Нас было человек восемь с документами и направлениями в Москву. Дело было перед самым рассветом.

Персонал госпиталя, как всегда замученный и куда-то вечно спешащий, не смог нам ничего толком объяснить. Нам только сказали, что Красному Кресту выделен поезд (как ни странно, эта организация ещё работала), что поезд отправляется сегодня, но никто точно не знает, когда именно. Нам было велено идти и ждать…

Восемь жертв снарядного шока[141] с больными нервами, ждущие чего-то на вокзале среди спящих солдат, смотрелись довольно безнадёжно. Мы пытались найти какое-нибудь начальство, кто сказал бы, что нам делать дальше, но никакого начальства не было. Те немногие солдаты, кто бодрствовал, ничего не знали и не хотели знать.

Где-то за нашими спинами в помещении вокзала ударил колокол. Подобно мертвецам, встающим из могил по зову трубы архангела, солдаты зашевелились, начали потягиваться и садиться. Внезапно всё вокруг ожило, зашумело, и толпа начала проталкиваться к выходу на перрон. Из полумрака медленно выползло одноглазое чудовище-паровоз, тащивший за собой состав из малиновых вагонов, как казалось, уже набитых под завязку. Однако каким-то чудом как минимум половина солдат всё же смогли туда втиснуться.

Вскоре состав ушёл.

Над головами разочарованных, возмущённо гудевших солдат разгорался восход. Стучали колёса набиравшего ход поезда.

Мы и не пытались двигаться. Я услышала, как один из солдат сказал: «Уже десятый», — и снова лёг спать. Он выглядел почти смирившимся с судьбой.

---

[141] Снарядный шок — термин, использовавшийся в годы Первой мировой войны для описания посттравматического стрессового расстройства, полученного в результате попадания под артиллерийский обстрел.

Мы ждали всё утро, потом до полудня. Ближе к вечеру колокол ударил опять, и подъехал ещё один поезд. Достаточно было просто взглянуть на него. Это был пассажирский поезд, но настолько забитый солдатами и крестьянами, что люди ехали даже на крышах…

Мы весь день не ели, не решаясь вернуться в госпиталь, поскольку опасались, что наш «поезд Красного Креста» может появиться во время нашего отсутствия. И вот, голодные и подавленные, мы не знали, что делать. Мы сидели все вместе, ничего не говоря друг другу, поскольку говорить давно было не о чем. У каждого был свой нервный тик — нелепое и, пожалуй, комическое зрелище.

Солдаты-большевики, 1918 год. *Из книги «Cossack Girl»*

Это было огромное рыжеволосое животное, одетое в ошмётки формы, в которой он когда-то, по-видимому, служил на Западном фронте. Он следил за нами с самого нашего появления с тем глуповатым видом, который бывает у крестьян, не понимающих, когда лучше было бы отвернуться. Я испытывала смутное чувство, что где-то я его уже видела; я знала, что если он и дальше будет так стоять и смотреть на нас, то я завизжу.

Наконец он подошёл к нам.

— А что это с вами такое, а?

— Снарядный шок, — пробурчал кто-то в ответ.

— Снарядный шок, — повторил он. Казалось, эти слова доставляют ему большое удовольствие. Он беспричинно улыбнулся и начал ковырять пальцем у себя в зубах, исключительно неровных и невероятно чёрных.

— И куда вы отсюда? — продолжил он наконец.

Мы не ответили.

Это явное нежелание говорить, кажется, нисколько его не смутило. Он продолжал стоять и смотреть, словно мы ему чем-то очень понравились. Нет, он не испытывал к нам никакой симпатии, но напоминал человека, который купил билет на представление и теперь с удовлетворением отмечал, что денежки не пропали зря. Время от времени он умело сплёвывал на перрон ровно в пяти сантиметрах от моих ног.

Не знаю, как долго ещё продолжалось бы это странное разглядывание. Первой не выдержала я и спросила:

— Не насмотрелся ещё?

— Чо?

— Я говорю, не насмотрелся ещё?

— Чо не насмотрелся?

— На нас не насмотрелся? Мы, наверно, такие смешные? Давай я тебе ещё скажу, что мы надеемся через год-другой добраться до Москвы. Может, ты хоть тогда уйдёшь и оставишь нас в покое.

Он разразился хохотом.

— Маленькая **** сердится! Ну давай, расскажи мне, что у тебя случилось. Ты ведь ещё не знаешь, как я могу быть полезен.

В его маленьких красных глазах плясал огонёк, который можно было бы принять за дружелюбие. Я поняла, что ни от какой помощи отказываться не следует, сколь бы невероятным ни казалось предложение, и начала коротко пересказывать, что с нами случилось.

Он молча выслушал, снял свою форменную фуражку и почесал голову под копной рыжих волос. Покопавшись за подкладкой фураж-

ки, он достал оттуда крошечный кусочек засохшего сыра и протянул мне его с таким жестом, который я не могу забыть до сих пор, очень галантным жестом.

И вот тут, когда я скорее из вежливости, чем с удовольствием грызла его сыр — ведь всё-таки даже после суточной голодовки ты не опускаешься до определённых вещей — тут я вспомнила, где видела его раньше.

— Можете не волноваться, — проговорил он. — Предоставьте всё мне.

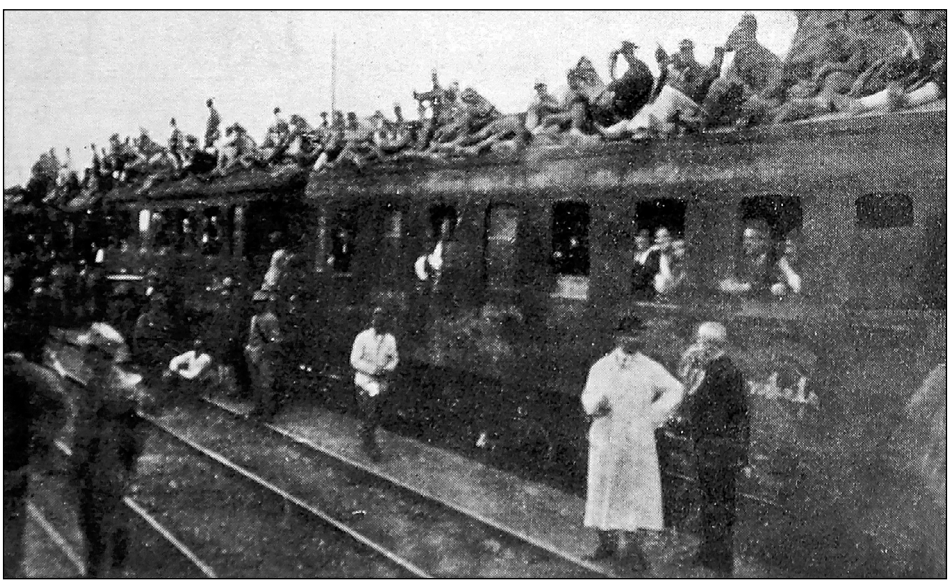
И ушёл.

Около полуночи подали третий состав, как всегда, уже переполненный, но внутри вагонов происходила какая-то суматоха. Казалось, что мужчин, женщин и детей бесцеремонно выталкивают из вагона, хотя станция плохо освещалась, а я была слишком слаба, чтобы что-то ясно разглядеть.

— Эй, вы там, снарядно-шоковые!

Это был наш рыжеволосый друг, который, кажется, собрал полдюжины бывших солдат, и они без проблем освободили для нас целое купе. Когда мы подбежали к поезду, он разговаривал с крестьянами, которых он и его друзья только что выдворили.

— Можете ехать на крыше, если хотите, или идите к чёрту, мне всё равно. Но вот тут, — и он показал на нас своей красной веснушчатой рукой, поросшей рыжими волосами, — вот тут поедут эти не-

Солдаты и штатские, путешествующие на поезде. *Из книги «Cossack Girl»*

счастные. Посмотри-ка на них хорошенько! Поедут эти несчастные дрожащие жертвы офицерского предательства и безразличия аристократов, которые остались калеками на всю жизнь, пока их благородия пьянствовали и играли в карты, — его голос прогремел, как сигнальная труба, — вот они поедут в Москву.

Я не ожидала от этого человека таких ораторских способностей. Последний раз, когда я его видела…

Один из моих спутников начал говорить, что в госпитале оставались ещё как минимум четверо, которым тоже нужно было в Москву. Почему бы нам не воспользоваться случаем и не позвать их с нами?

Рыжий в это время подсаживал на крышу очень худую крестьянку и громко смеялся.

«Садись там на насест, мамаша, — говорил он, — там безопасно, как в твоём курятнике». Я схватила его за рукав и сказала, что в госпитале остались ещё четверо наших товарищей, и что было бы хорошо, если он сможет задержать поезд. На это он хлопнул меня по плечу и пошёл к паровозу. А там произнёс перед машинистом пламенную речь, доказывая, да так убедительно, что я и сама в это поверила, что мы теперь калеки на всю жизнь.

И поезд ждал целый час.

И вот мы, все двенадцать и рыжий с нами, набились на деревянные полки купе четвёртого класса поезда, уходящего из Баку.

— Мне кажется, я тебя уже где-то видела, — сказала я нашему защитнику.

— И где же, сынок?

— Ты нёс шест с красной юбкой на нём, и ты убил старого генерала. Это было в горах под Баку.

Казалось, ему это очень понравилось.

— Верно, — сказал он, ударив своим кулачищем по колену, — хорошее было дело. Но это так, чепуха, то ли я ещё сделаю с нашим фельдфебелем[142]. Когда вернусь в наш учебный лагерь, то для этого **** у меня будет кое-что особенное.

— Ты туда сейчас едешь?

— Пока не знаю, — ответил он неопределённо. — Может, я вас, шокнутых, провожу сначала до Москвы. В конце концов, там осталось много товарищей, есть кому позаботиться об этом фельдфебеле.

---

[142] Фельдфебель — унтер-офицерский чин в Русской императорской армии, примерно соответствующий старшине в современных Вооружённых Силах Российской Федерации.

Думаю, да, я провожу вас до Москвы. Сейчас, кажется, все туда едут. Поезда ходят, чего ж не покататься.

Нет, всё это было очень странно, но он почему-то мне нравился.

На железной дороге, как оказалась, был абсолютный хаос. Солдаты захватили все поезда и катались по стране без определённой цели. Всю ночь мы останавливались на каждой станции и на любом полустанке. Нас не покидало ощущение, возможно, справедливое, что прямо перед нами шёл другой поезд, а ещё один двигался почти сразу за нами. Я была в ужасе; мне казалось, что либо мы в кого-то врежемся, либо кто-то врежется в нас. Или нас просто зажмёт между двумя составами.

А ещё была проблема с пищей. Еды у нас не было; не было и денег, чтобы её купить. И я пошла на поиски рыжего, который переместился куда-то вперёд по вагону и которого я наконец нашла. Он пил водку и рассказывал какие-то истории в соседнем купе.

— Еда? — сказал он. — Предоставь это мне, сынок, предоставь это мне.

И, конечно же, на следующей остановке — а это была большая станция — он появился в нашем купе. Из-под рубахи у него что-то выпирало. Он с известной гордостью расстегнул её и вытащил жареного гуся, который уютно устроился на его груди, поросшей рыжей шерстью.

– Тсс, ни слова, — сказал он, прижав палец ко рту. — Ешьте, пока дают, и побыстрей. Эти **** товарищи у родной матери последнюю горбушку украдут, так что лучше им этого приятеля не видеть, — он ласково погладил гуся и передал его мне.

— Но у нас нет денег, — возразила я.

— Деньги! — закричал он, — не нужно платить! Вся еда в России принадлежит солдатам и тем, кто достаточно силён, а я и то, и другое.

Пока мы ехали по Кавказу, он проводил в нашем купе достаточно много времени. Обычно он бывал полупьян и очень разговорчив. Он сказал нам, что его зовут Михаил Верещенко, что он из деревни под Харьковом[143], что его мать недавно умерла — к нашему изумлению,

[143] Харьков — административный центр Харьковской губернии Российской империи. Основан в 1654 году. В 1919 году Харьковская губерния включена большевиками в состав созданной им Украинской Советской Социалистической Республики. На момент выхода настоящего издания город Харьков — центр Харьковской области Украины.

при этих словах он громко зарыдал; что его отец умер незадолго до того, как он уехал на фронт в Галицию[144] в 1915 году.

Но Михаил был далеко не дурак. Если ему будет суждено стать одним из вождей этого общества, то мало никому не покажется. У него был по-своему пытливый ум, и если бы к нему добавить немного образования, то он мог бы добиться больших успехов. Позднее он сказал мне, что с самого начала на станции понял, что я девушка. А ведь я, несмотря на свои семнадцать лет, всё ещё была достаточно худой, чтобы меня можно было принять за мальчика.

— Когда дела обстоят так, как они обстоят сейчас, — объяснил он, — девушкам в России стало небезопасно. Раньше мы уважали женщин, как никакой другой народ под солнцем. Но теперь этого нет, — заключил он довольно нелогично. — Теперь мы все свободны и равны, а это хорошо. Так что я бы на твоём месте себя не раскрывал. Я-то за последнее время насмотрелся, как с женщинами делают такое, что не дай Бог…

Но о том, что он рассказал после этого, писать невозможно.

Мы ехали по Северному Кавказу. И вот опять, после трёх долгих лет, я видела нежные холмы моей земли. Однако я чувствовала себя здесь чужой; у меня не было ощущения, что я возвращаюсь домой.

Однажды ленивым полднем я стояла на платформе той самой станции, с которой три года назад я, Марина Юрлова, начала свой путь, уехав вместе с другими женщинами, чтобы быть как можно ближе к войне. Я чувствовала себя слабой и растерянной.

Каких-нибудь пять-шесть вёрст. Я могла бы добраться туда до полуночи. Уже сегодня ночью я могла бы спать в своей постели. Я могла бы увидеть маму. Но я отогнала эти мысли. Сначала я вылечусь в Москве, сказала я себе; я не допущу, чтобы мама увидела меня с такой болтающейся головой. Мне потребовались годы, чтобы честно признаться себе, что ничто на свете не заставило бы меня тогда вернуться в мой родной дом, бывший мне абсолютно чужим.

Об этом очень жутко вспоминать, и я не буду здесь писать об этом; наверняка ни для кого, кроме меня, это не имеет значения.

---

[144] Галиция — историческая область в Восточной Европе, которая в описываемый период являлась частью Австро-Венгерской империи. Ныне примерно соответствует территории западных областей Украины (Ивано-Франковская, Львовская и Тернопольская области) и южной части Подкарпатского воеводства Польши.

Через два дня в поезде обнаружили двух офицеров, переодетых простыми солдатами. Кажется, кто-то увидел в их мешках щётки для волос, и таким образом их разоблачили; а может, они и не были офицерами. Но для Михаила Верещенко это был повод.

Он пришёл в наше купе, чтобы рассказать о случившемся.

— Ну, теперь смотрите, — сказал он. — Вы увидите интересную церемонию. Я устроил так, что эти двое умрут правильно. Я ничего не делаю наполовину. Высунь в окно свою бедную голову, сынок, и смотри. Ты увидишь то, что ты увидишь.

Я по глупости сделала так, как он велел. Примерно в версте от нас дорога проходила по скалистому ущелью. По дну его примерно на тридцатиметровой глубине, дробясь о скалы, текла река. Подъехав к ущелью, поезд начал замедлять ход. Когда мы были на середине моста, из одного из передних купе вылетели две фигуры и упали вниз на камни…

Считалось, что меня, как и моих товарищей, уже полностью вылечили от всего, кроме покачивания головы. Иначе меня ни за что не пустили бы в поезд.

Да и после всего того, что я к тому времени успела повидать, не было ничего особенного в зрелище двух тел, падающих, как будто куклы, отброшенные ребёнком в порыве гнева.

Но когда я убрала голову, то перед глазами у меня опять возникла сцена боя; глухой стук колёс стал отдаваться в ушах громом пушек, и я снова отчаянно зарыдала, пронзительно крича и задыхаясь в слезах.

Вернувшийся с триумфом Михаил Верещенко обнаружил, что его «церемония» произвела на меня совсем не то впечатление, которого он ждал.

Он очень обеспокоился. «Ну да, она же просто девочка, — повторял он опять и опять. — Просто ребёнок. Только такой тупой бездельник, как я, мог так расстроить ребёнка. Держись, товарищ, я больше не буду так тебя расстраивать».

Но моя истерика становилась всё хуже на протяжении этого долгого пути до Москвы. В ночные кошмары вплетались обрывки каких-то сцен: абсолютно пустая просторная равнина, уходящая за горизонт; полный опасностей тёмный сумеречный лес, заглядывающий в окна поезда; тяжёлая луна, которая, казалось, вот-вот упадёт на землю, словно её притягивает какая-то сила. И Михаил Верещенко, приносящий мне еду, прижимающий меня к своей широкой груди, когда я кричу, гладящий меня по колену своей рукой, поросшей жёстким рыжим волосом…

Вокзал в Москве стал для меня просто множеством звуков, слившихся в единый гул и отдававшихся эхом под высокой крышей; этот гул был для меня реальнее множества людей, издававших эти звуки.

Московские улицы — это нечто такое, от чего Михаил оберегал меня, провожая до больницы и крепко держа за руку. Помню, как он ругался с больничным привратником, как попрощался со мной, затем резко повернулся и пошёл прочь, а по рыжей щетине на его щеках бежали слёзы.

Я давно забыла одиннадцать своих попутчиков по той дороге. Но тебя, Михаил Верещенко, рыжеволосый громила и убийца, тебя, ленивый никчёмный пьяница, я хотела бы встретить ещё раз. Просто чтобы сказать, что ты хороший человек.

Глава 20
РЕВОЛЮЦИЯ: 1918 год

Я провела в московской больнице примерно год, но помню только последний месяц. Мне потом говорили, что снарядный шок может приводить к подобным нарушениям памяти, и я до сих пор не могу смириться с тем, что не помню событий, которые могли бы стать главными в моей жизни. Москва 1918 года вписала себя в историю, однако для меня это лишь тьма.

Из этой тьмы проступают последние недели моего пребывания там, и я опять оказываюсь в мрачной комнате, хотя совсем этого не хочу. Прежде всего я вспоминаю, что моя голова болталась гораздо сильнее, чем прежде. Пока не начала «работать» электротерапия, которую проводили по три раза в день, мне было трудно даже ходить по палате: я сразу же уставала. Но после того, как моё сознание прояснилось, я за три или четыре недели начала свободно ориентироваться в палате. И я должна признать, что для меня приближение окончательной победы большевизма, которая в это время в Москве только обретала очертания, измерялось уровнем грязи.

Да, во всём этом не было ничего героического. День за днём в длинной серой комнате, куда даже дневной свет проникал с трудом, грязь становилась всё заметнее. Пыль на полу, пыль, лежащая толстым слоем под кроватями, липкая грязь на тусклых окнах, тёмный налёт на занавесках — и нечистота постельного белья, которое становилось всё темнее и темнее.

В палате было, пожалуй, штук двадцать кроватей, и я таким образом смогла ознакомиться с независимым развитием двадцати различных видов грязи. В бараке или в землянке всё по-другому. Там вы оказываетесь лицом к лицу с грубым, но в конечном итоге вполне выносимым явлением, которое называется мусор. Он становится настолько обыденным, что вы к нему привыкаете, настолько напористым, что начинаешь считать его частью войны и, следовательно, не имеющим отношения к нормальной жизни. Но здесь, в Москве, я узнала истинное значение грязи. Она печальна и безжизненна и от этого абсолютно отвратительна.

Дело в том, что в больнице отсутствовали уборщики, а сестёр милосердия было очень мало. Поэтому внимание уделялось только самым серьёзным случаям, а все остальные, как в той комнате, где жили мы, были предоставлены сами себе.

Так я узнала, что у людей бывает ещё одна индивидуальная особенность, низшая по сравнению с другими, но и более удивительная. Постельное белье на кровати слева от меня день ото дня становилось всё более мрачно-серым, а на постели справа оно однозначно приобретало чётко различимый синий цвет. Если бы вместо слов я могла воспользоваться красками, то я наглядно и подробно показала бы различные оттенки тёмного, которые обретала со временем каждая постель. Как выяснилось, бельё здесь поменяли незадолго до того, как ко мне начала возвращаться память, а потом уже не меняли до самой моей выписки.

Мне кажется, что те, кто лежал в одной комнате со мной, неплохо обошлись бы и без больницы. Они, кстати, почти и не бывали здесь в дневные часы. У многих на головах и на ногах были толстые повязки, но поскольку эти повязки никогда не меняли, а они от этого нисколько не страдали, то я думаю, что им просто было удобно ночевать здесь, а больнице было всё равно.

К вечеру они начинали собираться в палате, и с ними приходил запах табака, который они курили. Запах был не таким грубым, как махорка, но при этом более противным. Ещё с ними приходили разговоры о политике, из которых следовало, что среди присутствующих не было и двух человек, одинаково смотревших на ситуацию или принадлежавших к одной и той же партии. Те последние три недели в госпитале, которые я помню, наверно, были за его пределами очень волнующим временем. Я же слышала только обрывистые отголоски происходящего в пересказе этих людей.

Этих людей!.. Мне следовало бы стыдиться, что я не помню ни одного имени, не помню, чем один отличался от другого. Они остались

для меня некой частью общей серой атмосферы, движущейся и говорящей, словно скопившаяся в палате пыль что-то говорила и спорила, произнося имена Керенского, Корнилова, Каледина и — особенно в последнюю неделю — Ленина и Троцкого[145]. Не могу сказать, дело во мне или в моих соседях по палате — но в моей памяти эти люди остались как ряды сдвинутых кроватей, на каждой из которой печально, постепенно и неотвратимо проступала грязь своего особого оттенка.

А теперь расскажу о Семёне, единственном человеке, которого я запомнила в этой безликой массе. Как бы ни обстояли дела с руководством больницы, несколько врачей там всегда были заняты делом. Но они занимались только теми пациентами, которые их интересовали. К числу таковых относилась я, и поэтому ежедневно — ровно в девять, в час и в три часа — Семён вызывал меня на сеансы электротерапии.

Мне всё время казалось, что раньше он был мажордомом в каком-то аристократическом семействе. Он двигался столь беззвучно и смотрел на всех с таким высокомерным видом, словно вот-вот был готов отослать нас в людскую. Семён был среднего роста, почти пугающе худ, но при этом имел маленький круглый упругий животик.

---

[145] Керенский Александр Фёдорович (1881–1970) — социалист, член Временного правительства с марта 1917 года и его глава с июля по ноябрь 1917 года. Умер в эмиграции.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — русский военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн. Генерал от инфантерии (с 1917 года). Верховный главнокомандующий в июле-августе 1917 года. Один из инициаторов Белого движения на Юге России. Погиб при штурме Екатеринодара (ныне г. Краснодар) 31 марта (13 апреля) 1918 года.

Каледѝн Алексей Максимович (1861–1918) — русский военачальник, участник Первой мировой войны. Генерал от кавалерии (с 1916 года). Избран Донским войсковым атаманом в июне 1917 года. В условиях разложения донского казачества и невозможности поднять его на борьбу с большевиками застрелился 29 января (11 февраля) 1918 года.

Ленин Владимир Ильич (настоящая фамилия Ульянов, 1870–1924) — профессиональный революционер, основатель российской коммунистической партии и советского государства, один из организаторов Октябрьского переворота 1917 года и последующего красного террора.

Троцкий Лев Давидович (настоящее имя Лейба Давидович Бронштейн, 1879–1940) — профессиональный революционер, один из организаторов Октябрьского переворота 1917 года и создателей Красной армии. В результате внутрипартийной борьбы был снят со всех постов и в 1929 году выслан из СССР. Убит агентом советской разведки в Мехико в 1940 году.

Он всегда был тщательно выбрит, всегда чист. В своих ужасных синих брюках с заплатой и грубой серой рубахе он умудрялся выглядеть так, словно это была дорогая ливрея, а его ботинки, у которых давно отошла подмётка, всегда были начищены до блеска.

Я так и не решилась спросить, как он попал в этот госпиталь и как остался в нём. Он вёл себя так, словно никакой революции не было; его политические взгляды наверняка были столь же реакционны, как и его манеры. Но никто его по этому поводу не беспокоил. Он проходил мимо нас с величественным безразличием, и хотя кое-кто из не запомнившихся мне соседей мог отпустить ему вслед какую-нибудь шуточку, дальше этого дело никогда не заходило.

— Колесникова, — трижды в день Семён вызывал меня тонким хриплым голосом, который звучал подобно треснувшему колокольчику у дверей большого особняка. Я вставала с кровати и шла по палате туда, где он стоял и ждал меня. На его лице не было ни тени интереса.

— На электротерапию, — и с этими словами он уходил, а я шла за ним вниз по лестнице. Он не произносил больше ни звука. Я видела только его прямую неприступную спину, и лишь тонкие кукольные руки постоянно слегка дрожали.

Семён, который никогда не спрашивал у меня, как дела, который всегда смотрел с выражением высокомерной снисходительности на лице. Семён, который явно недоедал; Семён, чья одежда с каждым днём становилась всё более ветхой и готовой развалиться, но который при этом всегда выглядел величественно. Семён, которого революция сейчас уже наверняка уничтожила, потому что революциям не нужна такая верность, такая прекрасная и безрассудная надменность. Пока я живу, Семён остаётся для меня последним из увиденных мною представителей императорской России, непоколебимой и неизменной.

В начале сентября 1918 года нам велели собираться — точнее, тем немногим из нас, кто находился в госпитале на законных основаниях. Госпиталь эвакуировали в Казань[146], на Волгу, где был целебный воздух. И вот однажды серым осенним утром большинство наших соседей куда-то исчезли, словно их вымели из больницы метлой, и они

[146] Казань — административный центр Казанской губернии Российской империи. Основана в 1005 году. Ныне административный центр Республики Татарстан в составе Российской Федерации.

пошли искать себе в Москве какое-нибудь другое подходящее пристанище. А наша небольшая группа направилась по московским улицам в сторону вокзала.

Только тогда я впервые поняла, как много всего пропустила. В слабом утреннем свете виднелись обугленные скелеты больших общественных зданий[147]. Они стояли как безмолвные унылые свидетели крушения старого порядка. Как будто последняя насмешка над их гибелью, кое-где возникал и надменно бился на утреннем ветру огромный красочный плакат с лозунгом «Слава рабочим и солдатам». Улицы были не просто пусты; в каждой тёмной подворотне нам мерещились очертания каких-то притаившихся фигур, уходивших в тень, когда мы проходили мимо. Пару раз нас чуть не остановила банда оборванных солдат, а один или два раза нам пришлось обходить лежащие посреди улицы трупы.

Когда мы дошли, в темноту вокзала пробивался утренний свет. Было ясно, что здесь шёл бой — возможно, накануне вечером, так как повсюду валялись мёртвые тела, причём все без исключения раздетые. Мы едва успели оказаться в относительно безопасном месте внутри вокзала, как по зданию начали бить из пулемётов. Откуда-то возникли железнодорожники — желтолицые, оборванные, потерявшие че-

---

[147] В конце октября — начале ноября 1917 года (по старому стилю) в Москве в течение нескольких дней шли уличные бои. Артиллерийскому обстрелу со стороны большевиков подвергся Кремль, на долю которого пришлось большинство разрушений. Пострадали также некоторые здания в центре города.

Однако описываемые события происходят в сентябре 1918 года. Следует ли отсюда заключить, что «обугленные скелеты больших общественных зданий» — это авторский вымысел?

Но вот что пишет очевидец о Москве уже 1921 года: «Какая это была Москва! Голодная, оборванная, грязная нищенка. Хмуро насупились насквозь промёрзшие дома с мёртвыми трубами на крышах. Обнаружились благородные старые особняки, скрывавшиеся от любопытного глаза за палисадниками и заборами, — каждая доска и ветка были растащены на топливо. Сугробы снега навалились по дворам и по бокам неразметаемых улиц. То тут, то там торчали брошенные остовы зданий, пострадавших от бомбардировки, незаконченных в стройке или просто разрушающихся от недостаточного присмотра. Они медленно умирали, растаскиваемые по брёвнышку, по кирпичику жителями соседних домов». (*Жемчужная З. Н.* Пути изгнания. — Tenafly, NJ, USA, 1987.)

Следует заключить, что запомнившиеся автору книги виды Москвы осени 1918 года — это результат не столько уличных боёв, сколько годичного хозяйствования коммунистов.

ловеческий облик существа; они побежали к окнам, чтобы отразить атаку[148]. Эти люди появились сразу же, как только началась стрельба и, судя по всему, действовали вполне как профессиональные солдаты. Возможно, развевающиеся лохмотья, одетые на них, были когда-то военной формой. Они так долго голодали, что уже ничуть не походили на армию, они были тощие и еле живые, но почему-то было понятно, что они будут удерживать этот вокзал до последнего.

Как сказал нам один из сопровождающих, это была Красная гвардия[149], которая привела к власти Ленина и Троцкого в Петрограде. Эти люди могли справиться с любой регулярной армией из лучших частей, возглавляемых самыми лучшими людьми старого царского режима. Иногда истина открывается людям в самых неприглядных и уродливых формах. Вспоминая свои первые впечатления о великой революции, я думаю не про Михаила Верещенко, не про Союз солдат и рабочих в Баку, но об этих жёлтых призраках.

Глава 21
ТЮРЬМА В КАЗАНИ

Можно было ожидать, что поездка в Казань будет опасной, но она оказалась просто длинной и лишённой каких-либо событий. Поезд выехал из Москвы без задержки сразу после того, как затихла беспорядочная перестрелка. Теперь нас беспокоили только бесконечные причитания членов паровозной бригады, твердивших, что ещё не известно, в чьих руках окажется следующая станция.

Первые десять станций мы проехали с ужасом, не зная, чего ожидать. Но поскольку каждая из этих остановок оказывалась не опасней предыдущих, то мы решили, что беспокоиться больше не будем, а машинисты пусть как хотят. И всю дорогу всё было спокойно, пока мы

---

[148] Явная «развесистая клюква» от автора, рассчитанная на доверчивого американского читателя. После событий октября-ноября 1917 года уличных боёв в Москве не было. (За исключением короткого эпизода подавления мятежа левых эсеров в июле 1918 года.)

[149] Красная гвардия — добровольческие военные формирования, созданные партией большевиков в 1917-м году для захвата власти. Состояли преимущественно из рабочих с известной долей деклассированных элементов и уголовников. В силу того, что Красная гвардия показала невысокие боевые качества против регулярных немецких войск, в течение 1918–1919 годов отряды Красной гвардии были влиты в Красную Армию.

не доехали до предпоследней перед Казанью узловой станции. Там нас задержали на сорок восемь часов, потому что город был захвачен большевиками[150], которые не хотели пускать нас дальше, пока полностью не убедятся, что мы инвалиды, а не враги.

Нас осмотрели в маленьком пустом деревянном здании, где были выбиты все окна. Близилась полночь. Керосиновые лампы над нашими головами раскачивались и скрипели под сильным ветром, который врывался в дом сквозь пустые окна. Наши бумаги с направлением на лечение были в порядке, наши недуги были видны невооружённым глазом. Нас о чём-то тихо спрашивали; лампы над головами, качаясь, отбрасывали тёмные тени, а за дверью кто-то всё время весело свистел. Те, кто нас осматривал, как я сейчас помню, и сами были почти столь же бесплотны, как и тени на стенах. Когда осмотр закончился, мы сели в поезд и стали ждать…

Госпиталем в Казани руководила пожилая дама, которая не являлась ни врачом, ни сестрой милосердия и, казалось, была из «бывших». Я совершенно не представляю, как ей удалось получить такую ответственную должность в революционном городе, а она об этом тоже никогда не говорила. Она была добра ко мне с самого начала; кажется, уже на второй день после нашего прибытия она пригласила меня поужинать.

Я очень ясно помню эту старую даму, потому что она так абсолютно, так дико и невероятно не вписывалась во всё окружающее. Я слышу её голос; она с достоинством сидит во главе стола. Глядя на этот стол, можно заплакать — так строго он хранит традиции. Стол накрыт белой, очень старой, но смело залатанной скатертью. На столе разложены чистые ножи и вилки, фаянсовые тарелки и красивая фарфоровая ваза с трещиной, в которой стоят поздние осенние цветы. Её руки чётко двигались над тарелкой, каждый жест был выверен и говорил о полном неприятии беспорядка за стенами её мирка. Её

---

[150] Советская власть победила в Казани уже 8 ноября 1917 года (т. е. 26 октября по старому стилю). Затем 6 августа 1918 года город был взят белыми, а 10 сентября вновь занят красными.

Судя по дальнейшему повествованию, автор путает даты и последовательность событий. Марина Юрлова явно прибыла в Казань до взятия её белыми — то есть не ранее начала августа. Соответственно, она должна была выехать из Москвы не «в начале сентября» (глава 20), а в конце июля 1918 года. Фраза «город был захвачен большевиками» в этом контексте должна означать отсылку к установлению Советской власти в Казани в конце 1917 года.

большая грудь под вылинявшим лиловым шёлковым платьем была туго затянута в корсет. На груди висели золотые часики на тонкой золотой цепочке, с неизменной точностью показывавшие время; по краям цепочка была украшена двумя неправдоподобно красивыми золотыми крылышками бабочки.

Её комната была скорее убежищем, чем комнатой. Здесь нашла приют самая разная мебель. Комната смотрелась и вызывающе, и благостно, словно все предметы обстановки были перевезены сюда от прежних владельцев в какой-то спешке и ещё не решили, возмущаться ли им или вздохнуть с облегчением. Я помню чёрную софу, набитую конским волосом, на глянцевой поверхности которой никто не мог нормально сидеть долгое время. Все кое-как ютились по обе стороны от софы вдоль стены, потому что в комнате было совсем немного места. Помню красное обитое плюшем кресло, знавшее лучшие времена. Кресло было закрыто шерстяным чехлом и напоминало пожилую даму, над которой надругались победители и которой это, пожалуй, понравилось.

Над этими двумя древними предметами к стене, покрытой залапанными обоями, был прибит гвоздями большой деревянный кронштейн. На обоях несколько павлинов неправдоподобно синего цвета мрачно глядели на вылинявшие, явно несъедобные фрукты, по одному на каждого. А на кронштейне сидел наполовину изъеденный молью фазан со злыми зелёными глазами. Я уже не говорю о зеркалах, пейзажах, стульях, тумбочках, скамеечках для ног и всяких безделушках, которыми была полна эта комната. Возможно, это был последний храм буржуазной веры в Казани, а сама хозяйка была её последним неподкупным жрецом.

Вот она смотрит на меня спокойными карими глазами и половину ужина говорит о погоде — тема, к которой у неё за долгие годы выработалось множество разных подходов. Потом, немного расслабившись, она просит меня рассказать о себе; я рассказываю лишь в общих чертах. Полагаю, что ей скорее всего не интересны подробности. Потом она говорит: «А теперь расскажи мне о Москве».

Я объясняю, что всё это время была в больнице и не могу рассказать ничего, чему сама была бы свидетелем; она вежливо скрывает крайнее недовольство теми новостями, которыми я могу поделиться. В какой-то момент мне кажется, что мои рассказы о разрушенных улицах способны расстроить даже человека с таким невероятным самообладанием. Но когда я закончила, она медленно встряхнула головой и сказала только: «Так, так…»

На соседней со мной койке лежал красивый юноша примерно двадцати лет. Я никогда не видела ни такого здорового, как у него, лица, ни таких ясных серых глаз. У него были вьющиеся чёрные волосы, прекрасная улыбка и даже белые зубы. Но я не могу его описать, потому что каждый раз что-то мешает мне это сделать…

Сначала я этого не заметила. Но постепенно до меня дошло, что он совсем не двигался, двигалась только его голова. Голова и глаза поворачивались в мою сторону, когда я проходила рядом с его постелью. Движения были медленными, но упорными; так, преодолевая боль, он с гордостью доказывал, что они ещё способны двигаться. А потом, с неким любопытством оглядывая полностью бесформенное безмолвие его силуэта, я вдруг с ужасом поняла, что у него не было ни рук, ни ног.

Мне было трудно оставаться весёлой рядом с ним, и к концу недели я впала в какую-то меланхолию. С моей стороны это было эгоизмом, и я до сих пор себя за это не простила. Он изо всех сил старался меня развеселить, всё время смеялся и шутил. Но мне было слишком сложно не замечать, насколько это поведение не соответствует его телу. И чем чаще я смотрела на его красивое лицо, тем глубже погружалась в отчаяние — не только из-за него, но и из-за моего собственного положения.

Было видно, что его очень волнует моё состояние. А когда он увидел, что мне становится всё хуже, и я, возможно, не смогу с этим справиться сама, то сказал:

— Посмотри на меня. У меня так ноют пятки, что ужасно хочется их почесать, но вся шутка в том, что у меня нет рук, чтобы ими чесаться, и нет пяток, которые можно было бы чесать.

При этом у него был одновременно комичный и очень серьёзный вид, и именно эти его слова отчасти прочистили мне мозги. Я наконец поняла, что уж если он может так переносить своё увечье, то у меня нет права отчаиваться рядом с ним. Я воспрянула духом, и мы весело болтали с ним всё то время, пока я находилась в госпитале. Я забыла, о чём мы с ним говорили. (Помню только, как он рассказывал, что его могли перевести на Кавказский фронт, но он не захотел расставаться со своими друзьями. «Если бы перевели, то у меня, я думаю, сейчас были бы руки и ноги».) Память об этом прекрасном лице и изуродованном теле вытеснила всё остальное.

Мне не суждено было провести много времени в госпитале. Большевики, в чьих руках находилась Казань, вывесили в палатах списки солдат, которых они сочли годными для того, чтобы влиться

в ряды новой армии. Меня немного удивило, а скорее напугало, что назавтра мне вместе с десятью другими пациентами нашего госпиталя следовало явиться в комиссариат. Я не понимала, как человек с нелепо трясущейся головой и оголёнными нервами может быть хоть чем-то полезен любой армии. Но выхода не было, и приходилось подчиниться.

И вот на следующее утро мы отправились в захудалый Казанский университет[151], в небольшое здание на краю города, где уже собрались несколько старых солдат, а с ними множество студентов с ружьями на плече.

Казалось необычным, что некоторые из этих студентов были евреями. В прежней России представить себе еврея с винтовкой было абсолютно невозможно[152]. Эти же евреи вели себя весьма агрессивно. Едва мы прибыли, изо всех сил стараясь быть незаметными, как один из них тонким возбуждённым голосом громко спросил, к какой партии мы принадлежим.

Это был один из тех маленьких людей, которых Господь наградил невероятной самоуверенностью. Он просто не мог поверить, когда мы честно признались, что мы инвалиды Великой войны и не принадлежим ни к одной из сторон. Он заявил, что это «непростительно». Его маленькое смуглое личико, лишённое подбородка, которое очень напоминало орла-недомерка, просто пылало праведным негодованием. И волей-неволей мы оказались втянуты в спор, в ходе которого один из членов нашей группы заявил, что мы настоящие солдаты, мы верим в войну до победы, и мы не бежали с фронта, чтобы лезть в политику.

При этих словах наш еврейский собеседник уже не мог сдерживаться.

— Говорите прямо, — завизжал он, а его товарищи сгрудились вокруг нас. — Вы за кого? Вы какое правительство поддерживаете?

Большинство из нас, за неимением лучшего ответа, нерешительно признались, что мы — за любое правительство, которое будет защищать матушку Россию и её честь. Такого рода прямое заявление, конечно же, вряд ли могло успокоить революционных студентов, ко-

---

[151] Казанский университет основан императором Александром I в 1804 году. Один из пяти старейших университетов в Российской империи (наряду с Санкт-Петербургским, Московским, Дерптским и Виленским).

[152] Автор ошибается. Уже с 1827 года на евреев была распространена рекрутская повинность.

торые о своих политических предпочтениях говорили исключительно шаблонными фразами. Их мнения разделились: одни считали, что мы просто глупы, а другие — что мы над ними смеёмся.

Пока споривши не пришли к единому мнению, пока студенты бесконечно произносили какие-то важные слова, я стала думать о более насущных вещах. Например, разрешат ли нам ещё остаться в госпитале или переведут в какие-нибудь убогие казармы? От этих мыслей меня отвлёк кто-то, тянувший меня за рукав. Это был тот самый еврей с орлиным лицом.

— Во что ты веришь?

— Я?.. Я…

— Казак — убийца евреев! Во имя царя казаки мучили рабочих и крестьян! Пропадите вы пропадом!

— Братцы, — кажется, я собиралась сказать что-то вроде: «Братцы, я воевала вместе с вами и за вас с первого года войны, за веру и отечество». Но я смогла произнести только первое слово. Не успело оно слететь с моих губ, как я потеряла сознание — то ли от слабости, то ли от нервного перевозбуждения, то ли от того и другого вместе.

Серый квадрат стены с потёками сырости…

Густой и холодный воздух — такой, что и дышать тяжело, и перестать дрожать трудно. Подо мной грязная сырая солома, а вокруг, там, где кончается солома и начинается пол, со всех сторон подступает что-то похожее на жидкую чёрную грязь.

Я открыла глаза и осматривалась, а голова моя моталась, как маятник, и каждое её движение отдавалось во всём теле глухим болезненным звуком. Я была в тюремной камере, в этом не было никакого сомнения. Она была похожа на все тюремные камеры, о которых я когда-либо читала, как будто типовой их образец. Я лежала на пучке соломы у одной из стен мерзкой, серой квадратной камеры. Судя по господствовавшим цветам и запахам, дневной свет тут давно умер, оставив лишь свой неаппетитный труп.

Я приподнялась на локте и огляделась вокруг с тупым ужасом. Прямо над моей головой со стены на ржавой цепи с висячим замком свисала доска. Её нижний конец был прикреплён к стене таким образом, что если отпустить цепь, то доска становилась койкой. В углу напротив находилась какая-то штука в виде приземистого кирпичного сооружения, похожего по форме на печь, с тяжёлой цементной крышкой и железным кольцом на верёвке, которая тянулась от рычага под потолком. Третья стена за моей спиной была покрыта гнилой зелёной

плесенью. В дальней, четвёртой стене виднелась дверь с мрачной решёткой.

Кажется, оглядев камеру, я опять потеряла сознание, потому что когда я опять пришла в себя, то было совсем темно. Я сидела, выпрямившись. За дверью раздавался перезвон ключей. Дверь открылась, и сквозь прутья решётки в камеру упало пятно света; потом открылась ещё одна дверь. При мысли о том, что я была заперта сразу за двумя дверями, я опять упала на солому.

В открытом проёме второй двери показалась керосиновая лампа. В её зловещем свете не было видно ничего, кроме очертаний человека с белым, как мел, лицом, державшего эту лампу. Лампа опустилась на пол, и я обнаружила, что моим тюремщиком был низкорослый плохо одетый солдат, который с неожиданной аккуратностью нёс две маленькие деревянные миски, от одной из которых валил пар.

Одной рукой он держал лампу и одну из мисок. Пока он ставил лампу на пол, я успела заметить очень грязный большой палец, просунутый под ручку лампы и залезший в самую миску, где он полоскался в том, что, видимо, должно было считаться питьевой водой. После сложных манипуляций, призванных благополучно расцепить миску и лампу, он наконец поставил на пол обе миски, выпрямился и произнёс абсолютно бесцветным голосом:

— Вставай.

Я встала.

Мой тюремщик достал из-под мышки небольшой квадратный предмет, положил его рядом с остальными предметами пиршества, подошёл к доске, отпёр замок на цепи, и доска начала медленно опускаться, пока не замерла примерно в тридцати сантиметрах от пола. Это была моя постель. Потом он аккуратно отошёл назад, запер обе двери в камеру, и я услышала, как его ключи звякали уже где-то в отдалении.

В одной из мисок была варёная квашеная капуста и варёные картофельные очистки; всё это тошнотворно воняло. Лениво помешивая эту бурду указательным пальцем, я обнаружила, что из кожуры картофеля проросли побеги, но при варке они отвалились и теперь напоминали серых червей. Сами очистки явно не мыли. Про ужин можно было сказать только то, что выварен он был хорошо. В другой миске, как я уже догадалась, была питьевая вода, хотя, возможно, она была предназначена для умывания. В любом случае от неё так сильно пахло керосином, что она была мало пригодна и для питья, и для мытья. Квадратный предмет оказался куском зачерствевшего чёрного хлеба.

Я села на свою «кровать» и стала думать, что делать дальше. О том, чтобы есть это, не могло быть и речи, но я размышляла, не положить ли немного соломы на доску. Я медленно и всесторонне обдумывала этот вопрос, мучаясь от холода и от боли в голове, и тут мой взгляд упал на свисающую в углу верёвку.

Маленькая керосиновая лампа, которая до сих действовала на меня как-то успокаивающе, теперь лишь подчёркивала мою беспомощность, поскольку её лучи терялись в темноте под потолком и освещали только нижнюю часть верёвки, которая, казалось, дрожит и извивается в неясном свете, а выше уходит в тень. Неужели, спрашивала я себя, неужели на этой верёвке вешают заключённых?

Я легла на доску, дрожа от холода и ужаса, и сразу же начала погружаться в какой-то бред. Мне ясно виделось окровавленное лицо Козла, глядевшее на меня из кустов сирени в Раевской; а потом Василий, который вдруг стал невероятно большим и ходил туда-сюда у моего окна.

В коридоре раздались шаги солдат.

— Всё в порядке.

— Номер пятьдесят четыре?

— Здесь.

Моя лампа потухла.

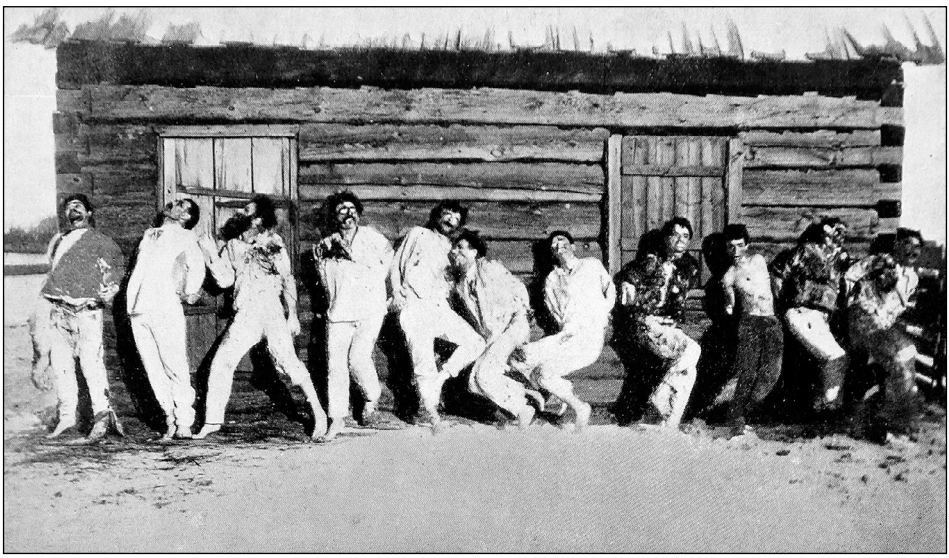
Потом раздался звук ключа во второй двери. В дверном проёме на мгновение мелькнули железные прутья решётки, и я увидела, как кто-то смотрит на меня, держа над головой лампу.

Потом снова наступила темнота, повернулся ключ, шаги удалились. В мою голову вернулась и плотно там засела тишина.

Под утро меня опять разбудил шум солдат, марширующих под стенами тюрьмы. Я немного посидела на кровати, пока глаза привыкли к темноте, и разглядела маленькую решётку под потолком на противоположной стене, которую я не заметила накануне. Теперь я попыталась до неё дотянуться, встав на крышку той похожей на печь штуковины, к которой была привязана верёвка. Но решётка была слишком высоко. Изрядно помучившись, я так ничего и не добилась, только расцарапала голень и мельком увидела клеточку чёрного ночного неба, в середине которой висела далёкая и одинокая звезда. Солдаты, кажется, уже перешли тюремный двор, и я услышала отрывистую команду: «Стой!»

Тишина.

Затем залп; и эхо выстрелов, разносящееся по двору, словно там пролетела огромная стая голубей. И звук шагов возвращающейся расстрельной команды.

Расстрел в Казани. *Из книги «Cossack Girl»*

Всё это повторилось два или три раза. В последний раз в моём отрезке коридора поднялась какая-то суматоха. Они вызывали по номерам: «Пятьдесят — пятьдесят один — пятьдесят два — пятьдесят три». Я сидела на своей койке, изо всех сил прижав к зубам костяшки пальцев. «Только не *пятьдесят четыре*, — шептала я, — *только не пятьдесят четыре! О Господи, пусть меня не расстреляют!*»

«Сорок восемь — сорок семь — сорок три». Кто-то молит о пощаде. Удаляющиеся тяжёлые шаги. Шаги во дворе… Залп.

Было уже довольно позднее утро, когда дверь моей камеры снова открылась. В этот раз мой тюремщик принёс дымящееся ведро и поставил его на пол прямо посередине камеры. Он забрал мою потухшую лампу, забрал без комментариев и нетронутый ужин, пристегнул к стене мою койку и начал мешать содержимое ведра большой деревянной ложкой. Потом ловко достал из кармана ещё одну маленькую деревянную миску, аккуратно налил туда немного бурды из ведра, не проявив при этом никаких эмоций, вышел так же молча, как и вошёл, и запер обе двери.

Я свернулась калачиком на своей соломе и заплакала.

Чуть позже в камеру вошло ещё одно существо в невероятных лохмотьях, и тоже с ведром; назвать его просто грязным было бы слишком мягко. Он, видимо, тоже дал обет молчания. Не глядя ни вправо, ни влево, он подошёл прямо к «печке», поднял цементную крышку и потянул за верёвку. Слишком знакомый запах дал мне по-

нять, что там было внутри, и я нисколько не удивилась, когда после некоторой заминки появилось ведро, которое ничем не отличалось от того, в котором мне утром приносили еду. Помню, я подумала, не путают ли они иногда эти ведра… Я испытала огромное облегчение. До той минуты я вынуждена была терпеть ради приличия; это было очень нелегко и, видимо, совсем не нужно.

Голова немного прояснилась, дрожь стала проходить. Я даже начала испытывать что-то вроде скуки. И чтобы убить время, я начала разбирать непонятные надписи, выцарапанные на стенах, но все они были абсолютно нечитаемы. Кроме одной. Её автор, видимо, писал кровью, но успел написать только «умираю за…» — а дальше ему, видимо, не хватило слов… или крови.

Или жизни.

Глава 22
БЕГСТВО

В серые стены моей камеры пришло утро; потом день. Больше никто не приходил; не было слышно ни звука. «Здесь везде пусто, — подумала я, — не осталось ни одной живой души ни в камерах, ни в конторе, ни во дворе». Только из города доносились какие-то непонятные далёкие звуки, словно что-то еле-еле пробивало оболочку безмолвия вокруг меня. «Здесь все умерли, кроме меня».

Потом, наверно, часа в два, где-то вдалеке раздался грохот тяжёлых пушек. А потом весь день — пока маленькая клеточка неба за решёткой моего окна менялась от синего к золотому, а от золотого к серому, и весь недолгий вечер, пока наступившая ночь не прилипла к моему окну и всё вокруг не стало чёрным — этот грохот продолжался с возрастающей яростью.

Я лежала на соломе, не имея сил подняться. Меня опять стало трясти, и каждый раз, когда я пыталась поднять свою болтающуюся голову, она падала назад, и это было больно. Я лежала и слушала, как эхо от выстрелов разбудило тюремный двор. Звук приглушённых голосов в коридоре подсказал мне, что в дальних камерах ещё оставались заключённые. Следить за временем было невозможно, гром пушек доносился всю ночь, словно шёл какой-то бесконечный парад, и чувство времени окончательно исчезло. Только когда наконец всё смолкло, и эхо последних выстрелов затихло за горизонтом,

слабая полоска света в моей камере подсказала мне, что уже почти наступило утро.

День, голодный, как и я, наступал под треск ружейных выстрелов. К полудню стрельба велась уже совсем рядом и весьма плотно. Потом буквально несколько выстрелов прозвучали у тюремного двора. Какая-то пуля чиркнула по стене у моей камеры. Потом в коридоре раздались шаги…

Пока они возились с замком на внешней двери, пока со скрежетом повернулся ключ во внутренней двери, пока внутренняя дверь со скрипом отворилась — там мог быть кто угодно. Поэтому они увидели съёжившуюся на грязной соломе фигуру, закрывшую руками голову.

— Эй ты, там в углу, ты есть кто?

Эта старательная манера произносить слова явно принадлежала не русским. Тогда Мария Колесникова подняла болтавшуюся самым нелепым образом голову с соломой, застрявшей в волосах, и увидела людей в такой аккуратной форме, какой она не видела уже очень давно.

— Я казак, — ответила я очень слабым голосом.

— А где твой дом? — он говорил так, словно по слогам произносил какие-то фразы из учебника грамматики.

— Мой дом на Кавказе, — ответила я.

— Как ты попала сюда?

— Я не знаю, — ответила я, невольно заговорив в стиле учебника грамматики.

— Ты будешь вставать, — сказал второй, уже не так старательно.

Я встала.

— Идти за мной.

И солнечный свет в конце коридора, солнечный свет в три часа дня в сентябре, уже по-вечернему мягкий. Я стояла в тюремном дворе, немного дрожа и слегка ослепнув от солнца. Тюремная камера подобна волшебной шкатулке: когда ты её открываешь, то одновременно с этим открываешь и дневной свет, и свежий воздух, и все цвета и запах жизни.

Рядом со мной стояла группа оборванных измождённых мужчин и женщин. Мужчины были небриты, женщины — грязны и растрёпаны. «Почему вы такие грустные, — подумала я, — вы ведь снова вернулись в этот мир».

Вершителями наших судеб оказались чехословаки, тоже когда-то взятые в плен на той войне. Какое-то время они с радостью воевали против Австрии, а теперь прервали своё возвращение домой, чтобы

примкнуть к белым[153]. Только что они изгнали большевиков из Казани[154]. Несомненно, это были друзья. Их элегантный офицер вышел на середину двора и на плохом русском языке обратился к нам: «Куда вы хотите идти? — спросил он. — Вы можете идти, куда хотите». За решётчатыми воротами тюремного двора уже толпились городские обыватели; кто-то смеялся, кто-то плакал, кто-то просовывал руки сквозь прутья. Не сказав ни слова благодарности, мои унылые сокамерники побежали к ним. В тюремном дворе не осталось никого, кроме меня и моих спасителей.

— Пойдёшь с нами? — спросил один из тех двух солдат, которые меня освободили.

Я кивнула и пошла за ними.

Я понятия не имела, куда они меня поведут, и мне это было неважно. Казань напоминала маленький провинциальный городок, мирно

---

[153] С началом Первой мировой войны в России формировались воинские части из чехов и словаков, проживавших на территории Российской империи, а также из военнопленных этих национальностей.

После Октябрьского переворота 1917 года с советским правительством была достигнута договорённость о перевозке Чехословацкого корпуса в Европу. Однако кратчайший путь — до Архангельска или Мурманска и далее морем — был опасен из-за немецких подводных лодок. В результате отправка должна была осуществляться кружным путём — по Транссибирской магистрали до Владивостока, затем морем до США и так далее.

В мае 1918 года под давлением Германии советское правительство предприняло попытку разоружить чехословаков. Результатом стал мятеж Чехословацкого корпуса, поддержанный разного рода антисоветскими силами по всей стране. Советская власть практически мгновенно рухнула на огромных территориях от Урала до Владивостока.

Чешские войска сыграли значительную роль в успехах Белого движения в 1918 году. Однако после окончания Первой мировой войны чехословаки прекратили оказывать активную поддержку белым и сосредоточили свои усилия на том, чтобы возможно скорее добраться до Владивостока. Взяв под свой контроль Транссибирскую магистраль, чехословаки практически парализовали её работу. Это крайне осложнило положение белых армий, а также обрекло на гибель либо сдачу Красной Армии множество беженцев.

15 января 1920 года чехословацкие войска выдали эсеро-меньшевистскому Политцентру в городе Иркутске Верховного правителя России адмирала Колчака.

Последние подразделения чехословаков покинули Россию в сентябре 1920 года.

[154] Казань была занята отрядами армии Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) и чехословаками 6 августа 1918 года.

погружавшийся в вечерние сумерки. В кронах деревьев уже таились тени, в закатном мареве расплывались чёткие контуры старинных зданий. За моей спиной возвышался единственный стройный шпиль, освещённый солнцем[155], а в другой части города солнце повисло между зелёными крышами какого-то монастыря. Снизу, с Волги и окрестных лугов, наплывал туман. Ничто не говорило о войне. По улицам проехало несколько телег. Скоро все лягут спать.

Мы остановились на городской площади. Там некий подполковник Каппель[156], имя которого позже станет широко известно благодаря его успешным действиям в Сибири, сказал, что наша задача — охранять арсенал и завод боеприпасов[157] на берегу Волги, сразу за городом. Итак, опять война, но в столь мирном месте и при том чувстве вновь обретённой мной свободы, что я с трудом в это верила. Мы строем дошли до какого-то здания, где располагались военные, и там нам дали ужин, хороший суп из чистого армейского котелка. Его раздавал пожилой русский, чьи лохмотья были несколько облагорожены новой кожаной курткой и английскими ботинками. Я ничего не ела последние два дня и теперь глотала так быстро, что в результате плохо себя почувствовала. Когда мы отправились обратно, я с трудом могла держаться в строю. На этот раз мы пошли на какой-то склад, где мне выдали шинель, пистолет и винтовку, а уже оттуда в сгущающихся сумерках — в казарму, где не было ничего, кроме длинного стола.

Я упала на пол, борясь с подступающей дурнотой. На что я могла им сгодиться? Зачем мне винтовка, когда у меня, как у китайского болванчика, туда-сюда болтается голова? Тут я поняла, что во время войны сбежать из тюрьмы невозможно; тебя выпускают из камеры и отправляют в бой. С этой мыслью я погрузилась в тяжёлый, совсем не сладкий сон.

---

[155] Автор описывает башню Сююмбике в Казанском кремле, увенчанную характерным шпилем. Построена предположительно в середине XVII века.

[156] Каппель Владимир Оскарович (1883–1920) — один из руководителей Белого движения на востоке России. Подполковник с 15 июля 1916 года; звание полковника присвоено Комитетом членов Учредительного собрания 24 августа 1918 года. После того как белые армии потерпели поражение, возглавил Великий Сибирский Ледяной поход остатков белых частей, пробивавшихся в Забайкалье. Умер в походе от воспаления лёгких.

[157] Казанский пороховой завод основан в 1788 году. Ныне федеральное казённое предприятие «Казанский государственный казённый пороховой завод».

Было абсолютно темно, и я опять оказалась одна. Можно было подумать, что я снова в камере, так тихо было вокруг. Темнота вызывала у меня физическое отвращение, словно я съела что-то несвежее. Меня тошнило, голова кружилась.

Потом я услышала чьи-то осторожные шаги; я хорошо представляла себе этого человека. Вот он идёт, выставив руки вперёд, наощупь отыскивая дорогу ко мне. Будучи почти уверена, что всё ещё нахожусь в камере, я встала на четвереньки и поползла по полу. Бах! Я ударилась головой о ножку стола. Из глаз посыпались искры, и я услышала голос.

— Папа, а кто это стрелял?

— Не знаю, — ответил другой ворчливый голос, голос старого усталого человека.

— Как ты думаешь, куда они все сбежали?

— Думаю, кто куда.

— А нам что делать?

— Залечь здесь тихонько.

— Думаешь, это был большевик?

— Откуда мне знать…

Звук их голосов доносился из дальнего угла. В темноте я наклонилась вперёд.

— Эй, вы кто? — спросила я хриплым голосом.

Один из собеседников пронзительно вскрикнул. Второй проорал в ответ:

— А ты сам-то кто, чёрт побери?

Кажется, он не ждал от меня ответа.

— Я из отряда подполковника Каппеля.

— Мы тоже.

— А здесь никого больше нет из наших?

— Нет. Все, кроме нас, сбежали.

— А что случилось?

Пожилой голос проворчал что-то себе под нос.

— Ты не знаешь? Кто-то открыл стрельбу, и они все удрали, кто в дверь, кто в окно.

— Свет есть?

— Нет.

— Ну и что вы собираетесь делать?

— Не знаю.

Тут меня прорвало.

— Старый идиот! — завопила я, — ты что, собираешься сидеть здесь и ждать, пока большевики тебя прикончат?

— Мне кажется, пап, он прав, — сказал молодой. Его мальчишеский ломающийся голос на слове «папа» вдруг с высокого регистра спустился на потрясающий бас. Раздались ещё какие-то звуки, как будто кто-то наощупь шёл к двери. В тёмной комнате внезапно открылся квадратик сероватого света.

При слабом свете звёзд два моих спутника и я смотрели друг на друга с глупейшим выражением лиц. Старый голос принадлежал солдату с квадратной бородой, какую обычно носят денщики. Пронзительный голос оказался юношей лет пятнадцати, наверно, учащимся старших классов гимназии. По общему согласию мы решили идти вниз по склону к Волге.

По пути мы встретили ещё шесть или семь русских солдат, одетых в шинели. Сбившись в кучу на краю мостовой, они курили сигареты. Когда я спросила, кто они, один из солдат ответил: «Никто».

— Мы из отряда подполковника Каппеля, — представилась я первой.

— А, ну мы тоже.

С этими словами наши новые товарищи бросили сигареты и пошли вниз по склону впереди нас. Я обернулась и бросила взгляд назад, туда, где на тусклом предрассветном небе виднелись резные очертания соборов и минаретов Казани. Соборы или армия Каппеля, что здесь выглядело более фантастично?

У реки сам Каппель руководил рытьём новых окопов. Он долго ругал семерых солдат, шедших впереди нас. «Вы сбежали, вы ****», — кричал он на них. Нецензурно браниться он умел мастерски.

— Ну да, — оскорблённо сказал один из них, — вот тут казак с тремя крестами[158], и даже он убежал.

— К чёрту казака с тремя крестами! — ласково ответил ему полковник. — Почему вы оставили казармы?

Вспомнив чёрное безлюдное здание, я подумала, что на этот вопрос можно и не отвечать; да никто и не ответил. Но этой ночью вообще ничто не имело смысла. Ни линия солдат, лихорадочно копавших чёрную землю; ни стоявшие тут и там штатские, молча ожидавшие каких-то событий; ни сонные холмы за нами, среди улиц, по которым — я это знала — уже шли большевики…

---

[158] Как описано выше, автор была трижды удостоена Георгиевского креста:
— за участие во взрыве моста (глава 10);
— за взятие в плен группы курдов (глава 11);
— за участие в боях под Эрзинджаном (глава 15).

Траншея росла на глазах, она напоминала могилу. Подобные призракам, гражданские начали заползать туда и укладываться спать прямо на сырой земле. Из маленького домика, чем-то похожего на домики Красного Креста, в которых мы размещались на Кавказе, вышел какой-то офицер и подозвал меня. Я, к несчастью, была к нему ближе всех. Он велел собрать людей и начать копать траншею перпендикулярно той, которая была уже готова. Офицер говорил по-русски бегло, но как иностранец. Я побрела вперёд и обратилась к первой же группе встретившихся мне солдат, стоявших без дела. Они угрюмо посоветовали мне идти к чёрту, ибо им велено было стоять на этом месте. Солдаты были сонными и напоминали стадо овец, сбившихся в кучу для защиты от холода и сырости. Они вполголоса переругивались между собой, грубо, но лениво. С ними ничего нельзя было поделать.

Так же было и со следующей группой. Эти надменно посмотрели на меня и заявили, что уже получили приказ. Я побрела назад к офицеру с самыми отвратительными ощущениями; он стоял там же и возбуждённо размахивал руками. Видно было, что он забыл обо мне и об отданном мне приказе. Теперь он сказал:

— Эй, ты! Ты невысокий. Проберись вон к тому лесу и посмотри, есть ли там где-нибудь большевики.

Мне как всегда «повезло», ведь небо уже светлело, а звёзды становились всё меньше и тусклее. Холодный ветер вперемешку с изморозью бил нам в лицо. Рассвет был совсем близко.

Со мной вместе отправились два солдата, оба тоже небольшого роста. Приметный горбун с лицом, похожим на коричневый мокрый лист, которому форма была велика на три размера, и сморщенный татарин, житель Казани, который поводил носом, как хорёк, с опаской ожидающий рассвета.

Вдали в предрассветной мгле неясные очертания леса смотрелись зловеще. Пройдя примерно двести метров, мы поползли. Идти было нельзя, мы стали бы слишком хорошей мишенью. Я с изумлением заметила, что голова у меня совсем не болталась.

— В лесу их полно, — прошептал мне в ухо горбун. Его тёмные губы, на которые налипла земля, дрожали от страха, открывая жёлтые зубы. — Я остаюсь здесь, — сказал он и тут же растянулся на земле, с которой легко и естественно слился.

А мы с маленьким татарином поползли дальше, след в след; мы уже могли различать за деревьями голоса. Всего двести метров, это достаточно близко, подумали мы, и тут до нас долетел весёлый голос:

— Да там против нас собралось множество **** чехов. — Голос звучал так громко, что я невольно с удивлением подняла голову. Лес, в котором теперь с наступлением утра всё было видно невероятно чётко, казался живым из-за множества находившихся там людей.

— И вот… один из них, — сказал кто-то, и над моей головой просвистела пуля. Татарин и я, не сговариваясь, поползли назад, туда, где безопасно. Теперь в воздухе громко свистели пули. Не удержавшись, я вскочила и побежала зигзагами, как меня учили на Кавказском фронте. Прямо передо мной вздыбился какой-то ком земли; это оказался горбун, который побежал впереди со скоростью испуганного зайца.

И вот уже наши траншеи — чёрный шрам не более ста метров в длину, в который головой вперёд нырнул горбун. Справа от меня мелькнул татарин, бегущий, как сумасшедший, и в этот момент меня как будто ударило железной дубиной в левое плечо.

Изо рта у меня потекла кровь. Глаза заволокло красной пеленой. Я поползла.

Из окопа вытянулась рука и стащила меня вниз.

— Там большевики, — пробормотала я, — они меня задели.

— Всё в порядке, иди в Красный Крест. — Это был сам подполковник Каппель.

Итак, я могу встать — и я могу идти. Только кровь течёт по руке, и плечо болит. И я всё вижу, я всего лишь ранена в плечо.

Стрельба прекратилась. Кто-то помог мне дойти до Красного Креста, пригибаясь к самой земле. Кто-то оторвал правый рукав моего кителя, потом гимнастёрки и нижней рубахи и как мог перевязал рану. «Наш первый раненый, — сказал он дрожащим голосом, полным гордости. — Тебя сразу отправят в госпиталь». Я совсем ничего о нём не помню, кроме того, что от души его презирала, ведь он был совсем ещё зелёный.

День был в разгаре, я ехала в телеге с четырьмя колёсами. Двигаться можно было только по очень узкой насыпи среди распаханных полей, на которой вряд ли разминулись бы две повозки. Мы ехали обходным путём в безопасную Казань. Впереди своей лошади медленно шёл старый татарин, он смотрел в небо и думал о своём. Вокруг гремела беспорядочная канонада, но хотя мы ехали по открытой местности, падавшие поблизости снаряды предназначались явно не нам. Оказалось, что татарин смотрел в небо не просто так, а изучая их полёт.

Несколько раз я кричала, чтобы он смотрел на дорогу, потому что телеге всё время грозила опасность соскользнуть с насыпи. Но ему,

казалось, было не до меня. Наконец, показывая на небо, он закричал высоким визгливым голосом:

— Глянь, вона, вона, летит!

— Да что летит-то, скажи ради Бога!

— Бомба, вона, вона! Вон летит!

Лошадь остановилась. Старик стоял, глядя вверх.

— Я её вижу, — бормотал он, — я её вижу.

Я потянулась левой рукой вниз, чуть не потеряв сознание от боли, достала свой пистолет и направила на него.

— Если не поторопишься, — сказала я, — я тебя пристрелю.

Старик дёрнул поводья и с упрёком сказал своей лошади:

— Н-ноо, что встала…

Наверно, я потеряла сознание. Я находилась, конечно же, в госпитале в Казани. Был вечер. Я, раздетая, лежала в чистой постели. Рядом была сестра милосердия, которая протягивала мне стакан парного молока и полбулки белого хлеба, ещё горячего, прямо из печи. Увы, я помню не всё, в памяти много провалов... Хотелось бы по крайней мере вспомнить, съела ли я в конце концов тот хлеб или нет.

Кто-то трясёт меня в темноте.

— Вставай. Большевики входят в город. Мы эвакуируемся. Давай скорей, уходим отсюда[159].

Я выползаю из постели, как могу одеваюсь одной рукой. Меня тошнит, голова кружится, всё болит. Я медленно одеваюсь под испуганные крики в госпитальном дворе, аккуратно спускаюсь наощупь…

— Скорее, залезай сюда. Это последняя повозка.

Я с трудом забираюсь в повозку, и пока мы выезжаем из пустого двора, всё время думаю, что сделали бы большевики, если бы они нашли меня здесь. Глухой выстрел винтовки где-то сразу за городом был ответом на мой вопрос.

По главной дороге из Казани тёк тёмный людской поток, в котором мы застряли, как коряга в мутной реке. Тысячи мужчин, женщин и детей спотыкались, чертыхались и плакали. На спинах они несли огромные тюки с домашней утварью, а звуки выстрелов за их спинами подгоняли лучше любого хлыста. Солдат, который вёз нас, тоже не жалел кнута. Он стегал тех несчастных, которые оказывались на

[159] Белые оставили Казань 10 сентября 1918 года. Автор что-то путает в описании событий: если верить её повествованию, то между взятием Казани белыми (6 августа 1918 года) и её оставлением прошла всего пара дней.

нашем пути, и все как могли расступались, а потом снова смыкались за проехавшей повозкой, подобно угрюмой реке. Тянулись часы, звуки выстрелов доносились слабее, и только кнут нашего возницы по-прежнему был слышен в темноте.

Наступил день. Мы ехали по бесконечным плоским полям. Вокруг были только солдаты и повозки с ранеными, да ещё горстка штатских; что до остальных, то их, кажется, поглотила ночь.

День едва занялся. Дул холодный ветер, в небе висело бледное солнце, у горизонта плыли редкие облака. Вдруг в небе за нами раздался гул, а потом крик: «Аэропланы! Всем в укрытие!» При этих словах солдаты бросились в поля, распластались на земле, а немногие штатские остались стоять, бесцельно глядя в небо, пока до них не дошло, что и им нужно сделать то же самое.

Нашу телегу увели с дороги в тополиную рощицу, но она застряла между самых первых деревьев. Тем временем гул уже перерастал в мощный рёв, и на дороге строго по одной линии взлетели вверх девять фонтанов земли и камней. Когда мы вышли из укрытий, то на небе были видны только три точки, а на дороге — девять неровных рваных воронок. Как ни странно, никто не пострадал.

Весь день мы тряслись по поглотившей нас пустой и беззвучной равнине. К полудню следующего дня нам сказали, что вся еда закончилась, и что мы должны как можно скорее добраться до Челябинска[160]. «Там есть железная дорога. Кто знает… Может, вам повезёт, и вы сядете в поезд…»

И правда, кто знает? Мы ползли по этой бесконечной дороге, у меня опять пошла изо рта кровь и застыла на лице, превратив его в бурую маску с тошнотворным запахом. Рука онемела и не двигалась. К вечеру мы наткнулись на небольшую деревню, всего несколько домишек под соломенными крышами. Там нас положили спать на полу в здании школы.

Еды, конечно, не было, но был какой-то горячий напиток, который сошёл за чай. Грязный пол послужил для меня почти мягкой постелью. Ведь он не качался и не скрипел, как наши телеги, и здесь не трясло на ухабах.

---

[160] Челябинск — город в Оренбургской губернии Российской империи. Основан в 1736 году, статус города присвоен в 1781 году. Ныне административный центр Челябинской области Российской Федерации.

Расстояние от Казани до Челябинска по железной дороге — 936 километров.

— Тссс… — меня тряс за плечо солдат с керосиновой лампой в руках. Он потянул меня за мочку уха, чтобы, просыпаясь, я не издала ни звука. Наклонившись надо мной, солдат начал шёпотом рассказывать длинную историю о девушке, совсем молодой девушке, которая вернулась в свою усадьбу поправить здоровье, но она была одна в большом доме, в опасности.

— Здесь кругом большевики, — шептал он. — Я хочу её увезти. А мне один водитель рассказал про тебя, что ты тоже девушка, и я вот что придумал… Если у тебя есть какие-нибудь армейские документы, мне, возможно, удастся увезти её. А то её убьют. Поможешь? Тебе-то в госпитальном поезде ничего не грозит.

Я сказала, что, конечно же, помогу, но у меня есть только документы из госпиталя, в которых указано моё имя и наименование моего полка, а ещё какие-то бумаги от чехов об освобождении из тюрьмы… Солдат сказал, что документов из госпиталя, наверно, будет достаточно, и я их ему отдала, а он за это отдал мне какие-то другие документы. Но я так хотела спать, что даже не посмотрела их.

На следующий день мы снова двинулись в путь с самого утра. Примерно к полудню мы добрались до станции. Неподалёку несколько маленьких домиков кучкой сгрудились вокруг какого-то здания, похожего на мечеть. За нами лежала пустая серая равнина, с которой дул слабый ветер, раскачивавший несколько облетевших деревьев у станции. Что же случилось со всеми теми людьми, которые шли с нами в ту первую ночь?

Замёрзшие и голодные, мы ждали на станции до вечера. Спустились сумерки, стало ещё холоднее, и тут на равнине раздался звук приближающегося поезда. Вот наконец он уже остановился перед нами. Это был состав грузовых вагонов грязного цвета. В таких вагонах обычно перевозят лошадей, но сейчас они были набиты людьми. Люди были на крышах, кто-то висел на подножках.

Пассажирский поезд, отлично. Наши чехословаки начали расчищать нам отсек, прикладами выгоняя оттуда других пассажиров. Когда с их помощью мы заняли этот вонючий угол, то обнаружили, что ехавшие здесь раньше соорудили что-то вроде нар. Мы улеглись на эти нары, не обращая внимания на маленьких непременных спутников, которых не дано выгнать даже чехам — на скопища серых вшей.

Нам дали хлеб и картошку, отняв их у других несчастных в этом поезде. С винтовкой можно добиться всего, и винтовка была в тот вечер единственным законом. Помню, как перед самым отходом поезда у входа в вагон стояла полногрудая крестьянка, лет тридцати пяти на

вид, и упрашивала солдат пустить её. Но её не пустили. Интересно, всегда ли чехи бывали столь добродетельны?

Кажется, примерно в полночь, когда поезд в очередной раз остановился, в вагон вошёл солдат, чтобы переписать наши имена. Только когда он уже подошёл ко мне, я вспомнила, что у меня чужие документы. Я пошарила левой рукой, всем своим видом пытаясь показать, как мне сложно это сделать, и наконец сказала:

— Подходи попозже. Я пока всё приготовлю.

Быстро глянув в документы, я обнаружила, что они принадлежали некой княгине. Дело было серьёзно. За княгиню мне было никак не сойти. Пока я думала, что делать, документ соскользнул у меня с колен как раз в тот момент, когда солдат вернулся. Он поднял паспорт, прежде чем я успела его спрятать.

— Ага! Княгиня? Ну и что делать будем, княгиня?

— Вот об этом-то я как раз и думаю, — ответила я.

— Может, мне какое-нибудь другое имя сюда вписать?

— Да, да, именно так. Пиши — Марина Юрлова.

Так что я легко отделалась. Я сложила бумаги, засунула в карман и решила уничтожить их как можно скорее.

Поезд медленно ехал по сумрачной стране. На каждом полустанке люди толпой бросались за водой, чтобы заварить чай; если рядом была деревня, то они бежали в деревню, вопя, как сумасшедшие. Время от времени мы видели какие-то полки, шедшие строем по узким дорогам через железнодорожные пути. Иногда мимо нас медленно проезжал поезд Красного Креста. От войны никуда не деться — здесь или на Кавказе, при царе или при большевиках, или при чехах, не важно. От войны никуда не деться.

Той ночью наш состав загнали на запасной путь. У нас не было ни еды, ни воды, ни табака. Ехавших со мной раненых еда не слишком волновала, но они страдали от нехватки табака и становились нервными и раздражительными. Человек, которого мы отправили на разведку, сказал, что еды нигде не нашёл, но что всего в паре сотен метров впереди нас на соседнем пути стоял эшелон, и он готов был поклясться, что у чехословаков там были запасы.

Услышав новость, те из нас, кто мог выбраться из вагона, рванули к эшелону, однако обнаружили, что его хорошо охраняют. «Предоставьте это мне», — сказала я и храбро направилась к часовому.

— Я девушка, — сказала я ему. — Я служила под командованием подполковника чехословацких войск. Вы видите, что моя правая рука на перевязи. Я была ранена, когда служила под командованием че-

хословацкого подполковника. Его звали подполковник Каппель[161], он очень храбрый человек. А теперь у меня нет еды, и у моих товарищей тоже нет. И кто же, кроме вас, может нам её дать?

Караульный унтер-офицер покачал головой.

— Извините. Нам приказано доставить эту еду на наши позиции, и больше никуда.

— Но, товарищ… — начала я, с ужасом осознавая, что моя голова опять начала трястись.

— Нет для вас еды, товарищ.

Тут я потеряла терпение.

— Слушай, ты, убогий пленный, а ну давай сюда хлеба и табака, да поскорей.

— Извините, этот состав принадлежит чехословакам.

Кто-то за моей спиной сказал:

— А чехословаки принадлежат нам. Они наши военнопленные.

— Простите, но я ничего не могу для вас сделать. Нам приказано доставить всё это на фронт. Мы и сами не можем здесь ни к чему прикоснуться, и мы так же тоскуем по табаку, как и вы.

Наш спор привлёк внимание молодого офицера. При его появлении часовой сразу встал по стойке смирно. «В чём дело?» — спросил он меня на отличном русском языке. И когда я, стоя по стойке смирно и отдавая честь левой рукой, рассказала ему, в чём дело, то он попросил меня пройти с ним в его купе, которое было обставлено, как кабинет, с пишущей машинкой, книгами и документами. Узнав, что я девушка, он даже приказал своему денщику приготовить мне кофе и нарезать хлеб, а меня попросил остаться подольше и чувствовать себя комфортно.

Он спросил, как меня зовут, и я назвала ему оба моих имени, настоящее и выдуманное; впоследствии мне это очень пригодилось. Когда он начал настаивать, чтобы я осталась, я сказала:

— Я должна вернуться. Спасибо за всё. И пожалуйста, дайте мне немного хлеба и табака для наших раненых.

— Всё будет немедленно доставлено, — сказал он. Я поклонилась и вышла, еле сдерживая слёзы. Он был так добр и так дружелюбен.

В Сибирь… ходили слухи, что нас везут в Сибирь. Мы ехали уже через Уральские горы, на вершинах которых лежал снег. Зелёно-голу-

[161] В. О. Каппель никогда не служил в чехословацких частях. Здесь автор либо добросовестно заблуждается, либо вводит в заблуждение караульного чехословака.

бые сосны создавали невероятно красивые пейзажи на белом фоне. В противоположность нашему шумному поезду, Уральские горы казались подобны тому Слову, которое было в начале[162]. Ранняя зима ощущалась довольно мягкой, солнце было тёплым, воздух — сухим и чистым. Приятно было размять на станциях ноги и дышать полной грудью. Но ночей я боялась. Темнота, скрипучий вагон и вши; двери вагона закрыты намертво, воздуха почти совсем нет, только тот, что проникает в мельчайшие трещины в двери и под потолком. И мы лежим в этих невыносимых условиях, в холоде и духоте, в вони от тел и от ран…

Чем дальше мы ехали на восток, тем меньше штатских оставалось в поезде. Думаю, что они предпочли сойти где-то у скромных деревень или городков, которые мы проезжали, жавшихся к железной дороге, как звери, а не проводить зимние ночи на крыше вагона или на буферах.

И вот мы въехали в горную страну, более суровую, чем та, в которой я росла. Даже весной или ранним летом трудно было вообразить в этих застывших лесах свежую поросль или цветы; на их крутых склонах невозможно было представить себе ничего приятного глазу. На этой земле всё веселье было вымерожено ещё в зародыше, а любовь никогда не зарождалась.

Однажды утром мы проезжали маленькую станцию. Там ничего не было, кроме дорожного полотна и маленькой коробочки домика станционного смотрителя. Впереди, не более, чем в сотне метров, тянулась единственная улочка убогого городка, в заледеневших лужах которого играло солнце. Вдали по улице в сторону станции и нашего поезда двигалась небольшая группа людей, их злобные голоса были хорошо слышны в морозном воздухе. Когда они подошли ближе, то мы смогли разглядеть там мужчин и женщин, вооружённых винтовками, пиками и лопатами, дубинами и большими ножами. Подобно боевому кличу дикарей, над толпой витала одна только фраза: «Смерть большевикам!»

Толпа окружала высокого матроса и молодого еврея, большевистских агитаторов, которых накануне сняли с поезда, направлявшегося, как и наш, на восток. Матроса, здоровенного детину, похожего на медведя, с волосами редкого цвета чистого золота, казалось, нисколь-

[162] Из Библии: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». (Евангелие от Иоанна, глава 1, стих 1.)

ко не волновала его судьба. Он спокойно шёл вперёд, засунув руки в карманы. Он едва замечал, как его толкали и пихали, лишь поводил плечами, словно всё это к нему не относилось; ничто не могло заставить его достать руки из карманов. Но еврей-агитатор, больше всего напоминавший мешок с костями, плакал и молил о пощаде, кидался в ноги мужчинам, хватал за юбки женщин.

За домиком станционного смотрителя был единственный фонарь. Его ржавая железная рука располагалась достаточно высоко, так что даже матроса можно было повесить так, чтобы его ноги немного не доставали до земли. Все ещё держа руки в карманах, он наблюдал за приготовлениями с видом полного равнодушия. Еврей ползал по земле, бросался в ноги, целовал башмаки своих палачей.

Увидев, что верёвка уже готова, матрос шагнул вперёд. Он впервые достал руки из карманов; они не тряслись. И сам надел петлю себе на шею. Столпившиеся напротив люди замерли, глядя на это зрелище; толпа затаила дыхание и затихла.

— Ну, чего ж вы не тянете? — спросил матрос, надменный даже перед лицом смерти.

И они потянули, и матрос завертелся на верёвке. Его золотые волосы сияли на солнце, он отчаянно дрыгал ногами, всего на пару сантиметров не достававшими до земли, а руками вцепился в верёвку на горле. Увидев, какая ужасная смерть его ждёт, еврей пронзительно закричал.

Я отвернулась. Меня тошнило, и я чувствовала себя ужасно. Я видела, как умер гордый человек, но в его смерти не было ничего возвышенного. Я не хотела видеть ещё более безобразную сцену, не хотела видеть, как умирает трус.

Мы простояли на этой станции до вечера. Последнее, что я увидела, когда поезд уже отходил, были тела матроса и молодого еврея, мягко раскачивавшиеся на фоне заката. Трус или храбрец, теперь это было уже не важно.

Последнее из обрывочных воспоминаний, оставшихся у меня от бегства из Казани, было таким: раннее зимнее утро, слабый тусклый свет льётся из низких облаков, на земле лежит снег. Вдоль путей горят костры. У костров мы и крестьяне, едущие с нами с самого начала или присоединившиеся к нам в пути, собрались, чтобы приготовить еду из того, что осталось. Остался в основном картофель, и мы ему очень рады.

Я не привыкла к манерам людей севера. У каждого костра крестьяне тщательно вычёсывают у себя вшей. Мужчины и женщины,

не стесняясь и не обращая друг на друга внимания, снимают одежду и стоят у огня голые, вытрясая над пламенем свои лохмотья.

Восхода в тот день я не видела, а видела только…

Алые отблески пламени на белом теле женщины, совсем молодой, вытянувшейся перед костром; нежная тень меж её грудей, нежная тёмная впадина под поднятой рукой, нежные тёмные завитки внизу живота…

Глава 23
СУМАСШЕДШИЙ ДОМ В ОМСКЕ[163]

Из шахтёрского городка Златоуста[164], раскинувшегося безо всякого плана на склонах полудюжины крутых холмов, мы двинулись дальше в Сибирь, в Омск. Город Омск, как и Златоуст, как и десятки других населённых пунктов, которые мы проехали за последнее время, как и все другие здешние города — это печальное и гнетущее место. Город пристально глядит на вас сквозь маленькие серые окна своих крошечных домов, над которыми из огромных труб вырываются грязные шлейфы дыма. Смотреть в Омске нечего, кроме красивого моста[165]. Возможно, вас, как и меня, тоже удивит, что в таком городе, где не было места красоте, обнаружился такой живописный мост.

Кажется, это и был наш пункт назначения. Тут был большой госпиталь[166], уже переполненный ранеными и больными, так как по всей Сибири бушевала эпидемия тифа.

В госпитале было душно. Из окон сквозило холодом, поэтому их плотно заложили старыми тюфяками, и по комнатам плыл дым от печек. На всём этом месте лежала печать усталости. Врачи, сёстры, больные, обслуга — все устали, устали от ран и болезней, устали от

---

[163] Омск — город в Западной Сибири, в Тобольской губернии Российской империи. Основан в 1716 году. Ныне административный центр Омской области Российской Федерации.

[164] Златоуст — город на Урале, ныне на территории Челябинской области Российской Федерации. Основан в 1754 году.

[165] Разводной Железный мост через реку Омь был открыт в Омске в 1903 году. Разобран в 1965 году. Ныне на его месте находится железобетонный Юбилейный мост, открытый в 1967 году.

[166] Имеется в виду Омский военный госпиталь, основанный в 1776 году. Ныне Омский гарнизонный военный госпиталь.

смертельного холода. Я уже почти была готова поверить в историю, которую рассказал мне лечившийся здесь татарин; я думаю, эту историю рассказывают во всех холодных странах, во всём мире:

«Зимой температура здесь падает так низко, что не слышно, когда кто-то говорит. Голоса замерзают, а весной, когда наступает оттепель, можно слышать на улице голоса, а вокруг никого нет. Это те голоса, что замёрзли здесь прошлой зимой».

Я оставалась в постели, пока моя рана окончательно не зажила. Просто удивительно, как мало она беспокоила меня по пути сюда; тогда это была просто привычная боль, никуда не исчезающая, но всегда терпимая. Видимо, пуля со стальной оболочкой пробила мне плечо, слегка задела лёгкое и вышла через спину; вот почему у меня шла ртом кровь. Сейчас рана была в плохом состоянии, и врачам пришлось вскрыть наполовину зажившую плоть, чтобы зонд мог проникнуть внутрь раны. Операция была очень болезненной, но я не протестовала, потому что они сказали, что если не провести лечения, то я потеряю руку.

Моя палата не способствовала выздоровлению. Она была маленькой, вонючей и переполненной, больные лежали даже на полу. Так было во всех палатах этого госпиталя. Тифозных больных было так много, что их невозможно было полностью изолировать, и случалось, что умершие часами лежали вместе с живыми, прежде чем кто-то это замечал. К счастью, в моей палате таких случаев не было. Там, насколько я помню, за всё время никто не умер. Но и моя палата отличалась известной мрачностью, с которой не могла бы сравниться даже московская больница. И вот как-то один из врачей, которого особенно заботила моя постоянно раскачивающаяся голова, предложил мне переехать.

Он сказал, что у него есть друг в психиатрическом отделении, и что я могу поселиться там в одной из комнат, если меня не смущает близкое соседство с жертвами снарядного шока и сумасшедшими.

Санитар, пленный австриец, взял мои вещи, и я пошла за ним следом через широкий двор к отдельно стоящему зданию, чуть поодаль от главного корпуса больницы. Длинное низкое строение, все окна тщательно забраны решётками. И когда дверь открылась, то это длинное низкое здание встретило нас благостным гласом тишины.

После того как вы пожили в больничной палате, где всё время кашляют и болтают, где каждый — даже самые тяжелобольные — беспрерывно смеётся или стонет, где люди ведут себя так, как им диктует природа, где громко рыгают после еды и сплёвывают прямо на

грязный пол… О, после всего этого тишина — это самое громкое, что есть в мире. А потом, когда наши шаги эхом отдавались в коридоре, я услышала, как нежный тонкий голос пел гимн во славу Девы Марии. Да, в здании было совершенно тихо, только глухое эхо наших шагов и голос, славящий Богоматерь.

— Радуйся, Лилия райская. Радуйся, Дево всепетая…[167]

Ещё один санитар-австриец открыл мне дверь. Какой же чистой была эта комната, почти благоухавшая полным отсутствием всяких запахов; какая чистая белая кровать со стоящим рядом с ней маленьким столиком и креслом с плетёным сиденьем! В комнате не было ничего страшного, кроме высокого зарешёченного окна.

Санитар закрыл дверь и запер её.

Приятно было отдохнуть, лечь на кровать и ни о чём не думать, позволить чистоте сочиться в мои поры подобно тёплой воде; задремать и проснуться, и снова задремать; и видеть, как медленно и нежно тянется в этой комнате день, пока, наконец, не стало совсем темно.

Вернулся санитар с керосиновой лампой и миской действительно вкусного супа; *этот* суп не вонял мазутом. Вместе с санитаром в комнату вошёл лёгкий шум, что-то вроде бормотания, и это было не слишком приятно. Но когда он закрыл дверь, то и шум прекратился тоже.

«Только подумай, — сказала я себе, улыбаясь от удовольствия. — В Омске, в этом грязном холодном городе, у них в госпитале есть звуконепроницаемая комната. И это в Омске, вот уж точно на краю света!» Мысль мне страшно понравилась и, доев суп, я легла спать абсолютно счастливой.

На следующее утро я проснулась с тем же ощущением: мне было просто приятно, и я была всем довольна. Я прожила, наверно, три или четыре дня такой жизнью, пока не прошло изнеможение после долгого бегства из Казани. Но тут заболела моя рана. Казалось, что правая рука стала короче, а пальцы на ней были холодными и безжизненными, словно отмороженные.

Дело в том, что с тех пор, как я попала сюда, мою руку ни разу не перевязывали. Не могли же они обо мне забыть; это было по меньшей мере странно. Когда в следующий раз ко мне зашёл санитар, я попросила его позвать моего врача, и он сказал: «Да, да». Но врач так и не пришёл.

Суп, который он принёс в тот вечер, был жидким и холодным. И лампу, уходя, он тоже не оставил.

---

[167] Отрывок из известного на Руси гимна в честь Богородицы — акафиста Пресвятой Богородице пред иконой «Неувядаемый цвет».

В ту ночь я немного поплакала в подушку. Мне было страшно, но кроме того, я начала понимать, что очень одинока.

— Где врач?

Я старалась не всхлипывать. Прошло уже три дня с тех пор, как я попросила позвать врача. Я задавала этот вопрос уже в шестой раз, ведь санитар навещал меня дважды в день. И в шестой раз он сказал мне: «Да, да». И всё. Неважно, что я плачу. Неважно, что моя голова болтается туда-сюда. И ведь он знал, что я голодна, но это тоже было неважно; для него это было неважно; для него всё было неважно.

(«Да, да», — говорил он мне, когда ставил на стол миску водянистого супа и кусок хлеба; когда выносил ведро с помоями и когда прибирал комнату; когда оглядывался вокруг себя, убеждаясь, что всё в порядке. А потом тихо уходил и тихо запирал за собой дверь. В смазанном маслом замке тихо звякал ключ. Он проделывал это каждый день, дважды в день.)

— Выпустите меня отсюда! — закричала я, когда он повернулся, чтобы уйти. — Выпустите меня, вы слышите?

Возможно, он был глухой. В его глазах что-то мелькнуло, рот растянулся в гримасе, которая у более эмоционального человека могла бы выражать удовлетворение. И дверь за ним закрылась.

Значит, они думают, что я сумасшедшая.

Всё это с самого начала было уловкой. Просто из-за того, что у меня болтается голова, из-за того, что когда-то давно случилось в горах Персии, меня заперли здесь, в Омске, в звуконепроницаемой комнате. Нужно было проехать от Персии до Сибири, чтобы в результате оказаться в сумасшедшем доме.

Я бросилась на дверь, не щадя раненое плечо; я била в дверь свободной рукой. Но это было бессмысленно, тут уж меня точно приняли бы за безумную. Кроме того, ничего не было слышно. Возвращайся в постель и плачь, но не кричи. Это тебе не поможет.

Прошла ещё одна такая неделя. Я думала, что, наверно, я сумасшедшая, что я давно уже сошла с ума. Легко думать так в комнате, где нет звуков, наедине сама с собой. В комнате, куда лишь дважды в день заходит санитар, который с тобой не разговаривает, а смотрит на тебя со скрытым удовлетворением. В комнате, где нечего делать, только смотреть, как меркнет свет, как из углов появляются тени и наступает угрюмая ночь…

Утром в последний день той недели санитар нарушил молчание. «Иди за мной в столовую», — сказал он. Завернувшись в больничный халат, я пошла за ним, едва осмелившись поверить, что мне даровано столько свободы.

Но столовая была ещё хуже. Это была длинная голая комната, посередине которой стоял длинный чёрный стол и сколько-то тяжёлых деревянных стульев для пациентов. Кто-то из них был одет полностью, кто-то не совсем, но ни один не повернул голову к двери. Все они выглядели ужасно подавленными, а один или двое сидели в оцепенении. Воздух в комнате казался полон шёпота и бормотания, в нём висел беззвучный шорох, словно звучали не произнесённые вслух мысли этих людей, бьющиеся в их мозгах, но запертые там навсегда.

Санитары поставили перед каждым суп. Кто-то проявил к нему интерес и ел, разражаясь обрывочными скороговорками между ложками. Другие безразлично глядели в миски. Человек, сидящий напротив меня, сосредоточенно смотрел в какую-то точку на стене у себя над головой. Подошёл санитар, вложил ложку ему в руку, зачерпнул полную ложку супа, поднёс ложку к его губам, а потом отошёл. Человек механически продолжил есть суп, по-прежнему глядя на стену пустыми глазами. И даже когда миска опустела, он продолжал совершать те же движения, как будто ел, опуская туда ложку и поднося её себе ко рту, стуча по донышку. Он даже двигал губами, словно он ел.

Молча глядя на него, я медленно доела свой суп. Обед был окончен; встали все, кроме «механического человека», который прекратил своё ужасное действо только тогда, когда санитар забрал у него ложку и на мгновение придержал его руку. Я встала из-за стола; от увиденного нервы были на пределе. Но едва я успела пройти полпути к выходу, ко мне подошёл ещё один обитатель этого заведения, протягивая с мольбой руки. У него была совершенно круглая голова без волос; в круглом лице глинисто-жёлтого цвета не было ничего необычного, кроме горевших фанатичным блеском синих глаз.

— О Матерь Божья, — начал он лепетать высоким дрожащим голосом. — Матерь Господа нашего Иисуса Христа, матерь всех людей, освободи меня от этой пытки. Твой сын умер за всех людей, так почему же мы должны так страдать и причинять другим столько боли и страданий?!

Он упал на колени, перекрестился и поцеловал край моего больничного халата. Склоняясь к халату, он продолжал бормотать:

«Освободи меня, освободи меня, освободи меня». Как мог этот безумец узнать, что я девушка? Я стояла, отшатнувшись от него и сжав в кулак левую руку так, что ногти впились в ладонь. Санитар увёл его, но пока он шёл, он пел тонким нежным голосом, глядя на меня через плечо:

— Радуйся, Лилия райская. Радуйся, Дево всепетая…

На следующий день я опять обедала в столовой, и эта сцена повторилась с небольшими вариациями. Напротив меня опять сидел тот же человек, так же механически повторявший заданные движения.

Но теперь его пустые глаза смотрели на меня.

Я изо всех сил смотрела только в свою тарелку, но наконец не выдержала; я вынуждена была поднять глаза. И тут случилось ужасное. Я увидела, что он копирует меня. Глядя в его кошмарные, пустые, бессмысленные глаза, я обнаружила, что его голова болтается, как моя. И я разрыдалась, закрыв голову руками и громко всхлипывая; а все вокруг продолжали при этом просто есть, безразлично, словно они ничего не слышат и ничего не видят. Санитар увёл меня.

Бесполезно описывать эти дни. Любой был точно такой же, как и все остальные; повторялись точно те же сцены, которые я описала, и даже малейшие детали редко менялись. Мне кажется, я смогла сохранить рассудок только от страха. Я знала, что у меня есть что-то, чего эти покалеченные люди лишились. И больше всего я боялась, что однажды шелестящая тишина столовой отнимет это что-то и у меня. Прошло почти две недели. Это были две самые долгие недели в моей жизни.

Однажды в мою комнату вошла сестра и спросила, как меня зовут. Я не решилась просить её позволить мне уйти, хотя слова рвались у меня из груди; я не решилась сказать ей, что я не безумна. Я боялась, что если я сделаю это, то она решит, что я сумасшедшая; я назвала ей своё имя и больше ничего не сказала. Она вернулась примерно через час, когда я начала уже терять надежду, и велела мне идти за ней.

— Иди по коридору в первую комнату справа. Там тебя кто-то ждёт.

Когда я вошла в маленькую комнату, навстречу мне поднялась стройная фигура. Человек стоял и молча смотрел на меня, а я какое-то время моргала, не в силах поверить в то, что видела перед собой. Это был тот чехословацкий капитан, который дал нам продукты, когда мы ещё ехали по центральной России[168]. Мы застыли в полном молчании,

[168] См. главу 22 настоящей книги.

которое ни один из нас, казалось, был не в силах нарушить. И потом я наконец прошептала:

— Вы приехали забрать меня?

— Да.

— Вы знаете, это отделение для душевнобольных.

— Да, я знаю. Возьмите свою одежду, мы поедем в чешский штаб. Там чисто, и там нет такого сумасшедшего дома.

Я пошла за одеждой, не задав больше ни одного вопроса. Я одевалась дрожащими руками как могла быстро, всё время опасаясь, что что-то может случиться, что он уйдёт и оставит меня здесь. Но вот же он, стоит там же, где и прежде, и кажется печальным и задумчивым. Когда он увидел меня, то в его глазах что-то зажглось. Он взял меня за руку и быстро повёл прочь, словно боялся, как и я, что кто-то схватит меня и затолкает обратно, и запрёт в моей комнате на веки веков.

За дверью ждали сани. Он тщательно укутал мне ноги и сказал: «Я всё это время искал по всем госпиталям. Я надеялся найти вас». Возница хлестнул лошадь, сани заскользили по хрустящему снегу, и звук колокольчика отозвался в моём сердце. Но мне нечего было ему ответить, а сам он ничего больше не сказал.

Глава 24
ПРОЩАЙ, ЛЮБОВЬ

Штаб чехословацких войск представлял собой двухэтажное кирпичное здание[169]. Входной проём, лишённый дверей, вёл к тёмной деревянной лестнице, по которой мы поднялись на второй этаж. Я оказалась в маленькой, немного похожей на контору комнате и сняла шинель, правый рукав которой всё ещё был в грязи и крови. Капитан сказал, что он достанет мне чистую одежду и вышел, а через полчаса вернулся с комплектом чистого белья, парой носков и чистой рубахой. Его адъютант внёс следом жестяной таз с водой, кусок мыла и большое чистое полотенце на плече.

— Не спешите, — сказал капитан, — мой адъютант будет стоять за дверью. Он проследит, чтобы вас никто не побеспокоил.

---

[169] Штаб располагался в доходном доме Н. А. Гутермахера и Ф. Я. Лермана на углу Думской и Кокуйской улиц. Современный адрес: г. Омск, ул. 10 лет Октября, дом 44 — ул. 30 лет ВЛКСМ, дом 47.

С этими словами он вышел, и только в процессе мытья я поняла, что до сих пор не поблагодарила его.

Когда капитан вернулся, я сидела на столе и болтала ногами.

Я начала мямлить какие-то слова благодарности, но он сказал, чтобы я не беспокоилась об этом.

— Почему бы нам не пойти куда-нибудь пообедать? Пожалуй, это будет лучше, чем просто проглотить еду здесь. И мы сможем поговорить.

Впервые в жизни мужчина пригласил меня на обед.

И вот он сидит за столом напротив меня. У него жёлтые волосы, подстриженные совсем коротко, и уже залысины на лбу. У него глубокие серые глаза, подёрнутые от усталости голубыми тенями, очень красивые глаза, довольно широко посаженные. Нос прямой и короткий; твёрдая линия рта; продолговатое лицо чуть портит след от шрама на подбородке. Красивый мужчина, но сейчас он устал душой и телом, и на его загорелом лице лежат серые тени. Его руки со слишком длинными пальцами ни минуты не лежат спокойно; из хлеба, лежавшего перед ним, он накрошил что-то вроде горки.

Я не ожидала найти такой ресторан в этом мрачном городе. Ресторан, где за неприглядным фасадом сохранился весь порядок, и роскошь, и радости другого мира — мира, в котором всё блестит, где говорят тихо и ходят тихо, где горит приглушённый свет и звучит приглушённый смех. С тех пор я повидала немало дорогих ресторанов, и, возможно, они как-то повлияли на мои воспоминания об этом месте. Возможно, тот ресторан был не так уж и хорош. Но пусть он останется для меня таким. Это будет мой подарок городу Омску, хоть он того и не заслуживает.

Госпитальная еда не требовала особых навыков: держи свою ложку, как хочешь, и вливай суп себе в рот, пока он не остыл. Но с этими изысканными блюдами всё было уже не так просто. Я почти забыла, как нужно вести себя за столом, и к тому же могла пользоваться только одной рукой. Заметив моё смущение, капитан, извинившись, взял кусок мяса с моей тарелки и порезал его на маленькие кусочки…

Пока мы ели, он попросил рассказать о себе. Но едва я начала свою историю, он перебил меня и, вертя в пальцах вилку, начал рассказывать эпизоды из своей прошлой жизни. Только тут я поняла, насколько он одинок. Он рассказывал о маленьком городке в Боге-

мии[170], где в Татрах[171] прошло его детство; о Праге[172], куда он отправился на заработки. Он называл Прагу центром вселенной, рассказывал о садах на её холмах, о том, как каждое воскресенье он карабкался наверх к старому замку[173], чтобы попасть на службу в храм святого Георгия[174], как австрийские офицеры и их дамы каждый день в полдень съезжались на Вацлавскую площадь пить чай. «Но теперь там всё изменилось».

При первой возможности он дезертировал из австрийской армии, потому что все честные богемцы ненавидели австрияков. У него осталась там девушка, но он ничего не слышал о ней с тех пор, как дезертировал. «Возможно, она уже умерла. Насколько я знаю, в Праге сейчас совсем нет еды, всё уходит в Вену и Будапешт[175]. Да, наверняка она страдала. Боюсь, я был недостаточно верен Зденке, но что делать мужчине, если в любой день ты можешь погибнуть?»

Он попытался объяснить свой интерес ко мне. Он говорил, что дело не только в том, что я девушка, но просто он сразу понял, что я страдала больше, чем следует. «Вы были первым за много месяцев человеком, который меня вообще заинтересовал. Вы знаете, что у вас очень необычные глаза? Я многое вижу в них сейчас и видел тогда. В них много страдания. И я сказал себе, что однажды я понадоблюсь этим глазам, и я поклялся не терять вас из виду». Следующая фраза в его задумчивой речи прозвучала почти грубо: «Если бы не ваша столь неудобная рана, мы занимались бы сейчас любовью».

Кровь отлила от моего лица и хлынула в тело, остатки разума погасли, как свеча на ветру, по телу разлилось тепло, и оно тянулось к нему, и мне совсем не хотелось, чтобы это состояние закончилось. Но

---

[170] Богемия — устаревшее немецкое название Чехии. До 1918 года Королевство Богемия входило в состав Австро-Венгерской империи.

[171] Что-то путает либо автор воспоминаний, либо описываемый капитан. Татры — центральная часть Карпатских гор, расположенная на территории Польши и Словакии, а не Чехии (Богемии).

[172] Прага — на момент описываемых событий столица Королевства Богемии в составе Австро-Венгерской империи. Основана в 870 году. Ныне столица Чешской Республики.

[173] Имеется в виду крепость Пражский Град.

[174] Базилика святого Георгия в Пражском Граде, заложенная в 920 году.

[175] Вена и Будапешт — столицы двуединой Австро-Венгерской монархии до её распада в октябре-ноябре 1918 года. Ныне столицы Австрии и Венгрии соответственно.

его уже волновали другие мысли. «Я хочу, чтобы вы уехали из Сибири на Дальний Восток, — говорил он, хмуро глядя на скатерть, — там много американских госпиталей[176], они смогут как следует заняться вашей рукой. Завтра я узнаю об этом подробнее».

Возможно, было к лучшему, что он не видел в тот момент мои глаза. А может быть, он всё знал.

Как бы то ни было, в ресторане мы говорили на довольно безрадостные темы, главным образом о госпиталях.

Когда мы вернулись в штаб, то я обнаружила койку для себя в кабинете. Мне сказали, что если ночью мне что-то потребуется, то нужно просто постучать ножкой стула об пол, и сразу придёт адъютант. Потом капитан довольно сухо пожелал мне доброй ночи.

Я проспала до утра. Сладкий сон унёс всю мою усталость. После завтрака — во время которого явилась диковинная банка консервированного американского молока — вошёл капитан. Похоже, он спешил. «Можно во Владивосток[177], — сказал он, — или в Харбин[178]. Американские госпитали есть и там, и там. За ночь я всё обдумал. Сейчас я иду в главное управление, и если мне удастся достать для вас письмо с направлением в эти госпитали, то вы сможете уехать уже сегодня». Не прошло и двух часов, как он вернулся с письмом и билетом на поезд.

— Во Владивосток, — сказал он мне, но улыбались только его губы.

---

[176] Летом 1918 года США разорвали с Россией дипломатические отношения и высадили десант во Владивостоке. Американские интервенты находились на Дальнем Востоке до весны 1920 года.

Вместе с Американским экспедиционным корпусом прибыла миссия Американского Красного Креста. В соответствии с уставом Красного Креста, врачи миссии оказывали помощь не только американским военнослужащим, но и всем больным и раненым. В течение 1918–1919 годов. Американский Красный Крест осуществлял свою деятельность через 22 пункта в различных точках России и Маньчжурии (в том числе в Харбине и во Владивостоке). (См.: The work of the American Red Cross during the war: a statement of finances and accomplishments for the period July 1, 1917 to February 28, 1919. — Washington, D. C., 1919. — P. 84–85.)

[177] Владивосток — административный центр Приморской области Российской империи. Основан в 1860 году. Ныне административный центр Приморского края Российской Федерации.

[178] Харбин — город в северо-восточном Китае, основанный русскими поселенцами в 1898 году при строительстве Китайско-Восточной железной дороги.

Поезд должен был отправиться в два, и он задержался меньше чем на час. Поезд, шедший по расписанию, заполненный всего на три четверти и почти что *чистый*. Капитан помог мне войти в вагон третьего класса, проводил до купе и пробыл там до второго звонка.

И никто из нас не сказал ни слова, ни единого слова.

Я проводила его до выхода из вагона. Он стоял внизу, глядя на паровоз, его длинные пальцы теребили ремень. Потом раздался третий звонок. Тогда он шагнул вперёд, вытянул руку, словно что-то забыл, и сказал: «До свиданья». Я неуклюже протянула ему левую руку. Поезд тронулся.

Он шёл за вагоном, глядя вверх. «Я надеюсь быть во Владивостоке через два месяца… Ищите меня в чехословацкой миссии. Не забудьте — в миссии». Поезд набирал скорость, и уже когда он остался позади, до меня еле слышно долетели его последние слова: «Храни тебя Бог, Марина».

У меня перехватило горло; в сердце тяжёлым кристаллом застыли непролившиеся слёзы. Казалось, внутри образовалась пустота, словно всё лучшее во мне осталось позади. И вдруг — я даже не знаю, как это описать — кристалл рассыпался на множество частиц. Такие озарения бывают только в молодости и только однажды. Теперь я знала, что значит расстаться с возлюбленным, которому не призналась в любви, расстаться навсегда и всегда помнить об этой потере.

Глава 25
ПОЕЗД ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ

Вернувшись в купе, я обнаружила на сидении небольшой свёрток, на котором крупными буквами было написано моё имя. Я не видела, как капитан оставил его здесь. Теперь, получив это последнее напоминание о нём, я тихо заплакала, пытаясь, не глядя, развязать узлы.

Когда я наконец открыла свёрток, то его прощальным подарком оказался ещё один комплект нижнего белья. Кто-то вправе сказать, что это совсем не романтичная концовка; действительно, может показаться, что наша короткая, незаконченная история и не заслуживала большего. Но бельё было необычным. Это была не та жёсткая ткань, из которой шились солдатские комплекты, а тонкое белое полотно. Рядом с бельём лежали десять плиток шоколада, завёрнутые в коричневую бумагу; я не пробовала ничего подобного со времён Тифли-

са. Там же были четыре носовых платка — я почти забыла, как ими пользоваться — и конверт. Я долго вертела конверт в руках, надеясь найти там письмо и не решаясь открыть его. Я боялась представить, что там может быть; потому что в тот момент, когда я только что почувствовала начало любви, письмо пугало меня. Это было что-то слишком интимное.

Однако в конверте лежала красная стопка, сто рублей в десятирублёвых банкнотах. Это было целое состояние! И никакого письма.

Я завернула всё обратно, положила одну банкноту в карман, размотала повязку на руке и засунула туда остальные девять. Потом я села и целых полчаса спрашивала себя, почему нет письма. Несмотря на чувство благодарности, во мне начала закипать злость. Я думала: вот пусть ему придётся пережить всё то же, что и мне!

Но в восемнадцать лет все страсти хоть и рождаются стремительно, но длятся недолго. А когда страсть проходит, то всё это становится не очень важным. Видимо, сегодня капитан значит для меня больше, чем значил тогда; сейчас это важная часть моей памяти. А тогда я вскоре почти всё забыла. Я помнила только о деньгах, спрятанных под бинтами, и с некоторым волнением думала о том, что меня ждёт. За окном было не на что смотреть, кроме чахлого пейзажа, который уже скрывали наступающие сумерки. В купе, кроме меня, никого не было. Это была невероятная роскошь, но за неё приходилось платить растущим чувством одиночества. Впереди была только Сибирь, с грохотом несущаяся навстречу.

Было уже совсем темно, когда мы подъехали к ярко освещённой станции.

Как сказал мне охранник, поезду предстояло стоять здесь полчаса. Поэтому я вышла из вагона и пошла в станционный буфет, где все столики уже были заняты офицерами в форме старой армии. Их веселье, наверно, было несколько искусственным, но всё же это резко отличалось от того мрака, который я оставила позади — надеюсь, навсегда. Я испытывала непривычное волнение, подходя к столику, за которым сидели два младших офицера, ожидающие свой обед. Я спросила, могу ли сесть здесь, поскольку других свободных мест не было.

— Конечно, — сказал один из них. — Что… ты ранена? Это были красные, да? Ну мы их загоним обратно, туда, где им и место. Где это случилось?

— В Казани, ваше благородие, — ответила я.

— В Казани? Да, мы её быстро взяли и ещё быстрее сдали.

— Не понимаю, как красным удалось это проделать, — проворчал его спутник. — У них не было ничего — ни винтовок, ни складов, ни одежды, ни организации.

В этот момент за его спиной появился официант, и офицер заказал щи, вкуснейший сибирский суп из кислой капусты. Второй офицер и я последовали его примеру.

— Ну, — продолжил он, — я думаю, игра ещё не окончена. И теперь проигрывают они. Чехи захватили весь золотой запас, хранившийся в Казани[179], вывезли все боеприпасы и почти всё обмундирование. Я вам так скажу: если красным нужен этот паршивый татарский город, пусть забирают. Пусть снег там едят, авось согреются.

— Если бы не жиды, — сказал первый офицер безразлично, как говорит человек, ранее уже успевший повторить эту мысль не менее ста раз, — не было бы никаких красных. Интернационализм, видите ли! Такое длинное слово, чтобы короткой дорогой привести сюда свору грязных жидов.

Тут как раз принесли суп, и эти двое занялись им, уже не отвлекаясь на разговоры.

Когда после второго звонка мы ушли, и я шла к поезду следом за ними, один из офицеров повернулся и спросил, куда я еду.

— Во Владивосток, ваше благородие, в американский Красный Крест. Или, возможно, в Харбин.

— Ага. И где ты едешь?

— Третий класс, ваше благородие.

— Так, — он повернулся к своему спутнику, — в нашем купе полно места. Почему бы не взять этого маленького чертёнка к нам?

— Я не против, — сказал второй. — Где твой багаж?

---

[179] В ходе Первой мировой войны в Казань было эвакуировано около половины золотого запаса Российской империи — более 500 тонн золота плюс значительное количество серебра. 6 августа 1918 года. Казань была занята отрядами белой армии Комуча и чехословаков. В итоге золото оказалось в распоряжении правительства адмирала Колчака. Однако в ходе отступления белой армии в декабре 1919 года Колчак под нажимом союзников был вынужден передать золото «под охрану» чехословакам.

В феврале 1920 года чехословаки вернули 317,5 тонн золота советскому правительству в обмен на гарантии беспрепятственного выезда из Советской России. Что касается остальной части золотого запаса, то часть его израсходовали ещё при Колчаке; часть присвоили и вывезли с собой чехословаки; часть попала к атаману Семёнову, а от него к японцам. Немалая доля золота «пропала», то есть была украдена.

Я достала свой маленький свёрток, и они рассмеялись.

Я расположилась в их купе второго класса, где единственным, кроме нас, пассажиром был худой полковник, страдавший несварением желудка, с огромными лихо закрученными вверх усами. Все начали расспрашивать о моей армейской жизни. Когда я говорила о Кавказе, один из моих новых друзей внезапно указал на меня пальцем и закричал:

— Ты та самая девушка!

— Что?

— Ты *та самая* девушка, не так ли?

Я кивнула.

— Я так и думал, — сказал он, победно улыбаясь. — Я сам был на Кавказе в шестнадцатом году и помню, как один офицер-грузин рассказывал мне байку о какой-то девушке, которая всю войну сражалась вместе с казаками.

При этих словах оживился страдавший желудком полковник.

— Вот вы говорите о красных, — сказал он, хотя мы о них не говорили. — Мне сказали, что весь золотой запас сейчас здесь, в Сибири. Не понимаю, как они ещё держатся. Им нечем воевать. Я сам видел их полки, когда эти **** выбили нас из Киева[180]. Клянусь Богом, штаны и рубахи у них — сплошная рвань, плечи сбиты до крови прикладами от отдачи, а на ногах в лучшем случае лапти. Мы над ними смеялись, мы говорили, что здесь с вами нянчиться не будут, но тем не менее они выбили нас, потому что их было десять против одного нашего или что-то около того.

— А что они ели?

— Конский навоз! — мрачно сказал полковник. И все покатились от хохота.

А мне было жаль ту оборванную армию. Всё же это были *настоящие* мужчины, я видела, как они воевали. И было что-то благородное в их битве за свободу. На их фоне эти сытые офицеры выглядели сла-

---

[180] В годы Гражданской войны Киев неоднократно переходил из рук в руки. Советские войска брали его 27 января (9 февраля) 1918 года, 5 февраля 1919 года и 14 декабря 1919 года. Если описываемые в книге события происходят осенью 1918 года — значит, полковник рассказывает о событиях начала 1918 года.

Однако крайне маловероятно, чтобы во время Гражданской войны полковник смог пробраться с Украины в Сибирь, минуя территорию Советской России. Вероятно, или рассказчик привирает, или автор что-то путает.

баками, как будто бы в той драме, которая разыгрывалась сейчас в России, людьми лучшего сорта каким-то образом оказались мужланы.

Купе наполнилось сигаретным дымом, я начала клевать носом, а три офицера обсуждали революцию. Их слова влетали мне в одно ухо и вылетали из другого, словно во сне. Петлюра, Скоропадский, Махно, Каледин, Алексеев, Корнилов, Эрдели, Покровский, Врангель[181]… Имена плавали в голубом тумане; тогда они мало мне о чём

---

[181] Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) — украинский националист, глава одного из украинских правительств в 1919–1920 годов. В союзе с Польшей (в обмен на уступку ей части Украины) пытался создать независимое украинское государство, однако был разбит Красной Армией. Убит в эмиграции евреем-анархистом в качестве акта мести за еврейские погромы, чинимые петлюровскими войсками.

Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) — генерал-лейтенант Русской императорской армии (с 1916 года), участник Русско-японской и Первой мировой войн. Гетман Украины с апреля по октябрь 1918 года. Правил, опираясь на поддержку немецких оккупационных войск. После капитуляции Германии режим Скоропадского был свергнут повстанцами во главе с Петлюрой.

Махно Нестор Иванович (1888–1934) — анархист, один из вождей повстанческого движения на Украине в 1917–1921 годах. В зависимости от текущей ситуации то воевал одновременно против красных и белых, то вступал в союз с Красной Армией против белых. Действия махновцев сыграли важнейшую роль в крахе белого тыла и в поражении Белого движения на юге России. После окончательного разгрома махновцев Красной Армией в 1921 году — в эмиграции.

Каледи́н Алексей Максимович (1861–1918) — русский военачальник, участник Первой мировой войны. Генерал от кавалерии (с 1916 года). Избран Донским войсковым атаманом в июне 1917 года. В условиях разложения донского казачества и невозможности поднять его на борьбу с большевиками застрелился 29 января (11 февраля) 1918 года.

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) — русский военачальник, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, Русско-японской и Первой мировой войн. Генерал от инфантерии (с 1914 года). Один из организаторов Белого движения на юге России, глава Добровольческой армии. Умер от болезни.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — русский военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн. Генерал от инфантерии (с 1917 года). Верховный главнокомандующий в июле-августе 1917 года. Один из организаторов Белого движения на юге России. Погиб при штурме Екатеринодара (ныне г. Краснодар) 31 марта (13 апреля) 1918 года.

Эрдели Иван Георгиевич (1870–1939) — русский военачальник, участник Первой мировой войны. Генерал от инфантерии (с 1917 года). В Белом движении на юге России. Умер в эмиграции.

Покровский Виктор Леонидович (1889–1922) — русский военачальник, участник Первой мировой войны. Генерал-лейтенант (с 1919 года). В Белом

говорили, хотя теперь я знаю о них всё. Ближе к полуночи, видя, что я уже засыпаю в своём углу, один из офицеров откинул для меня спальную полку. И я заснула — с деньгами в кармане, с едой в желудке, свободная наконец, свободная…

На другое утро я стояла в коридоре, пока мои спутники одевались и готовились к новому дню. Этот день прошёл в новых бесконечных спорах о большевиках и закончился обещанием устроить торжественный ужин, когда мы приедем в Томск[182].

Но когда на следующий день мы прибыли в Томск[183], то на вокзале была страшная суета: нам сказали, что большевики наступают[184]. Неужели мне придётся совсем уехать из России, чтобы не попасть в руки к большевикам?

Полковник спешно покинул нас, его усы ощетинились от волнения. Но два офицера ждали, и я ждала вместе с ними. К нашему составу прицепили два бронированных вагона. В них набились белые солдаты, и через час мы поехали дальше.

Весь этот день мы ехали по равнине. Ночь тоже прошла без событий, а потом на равнину спустилось утро.

И вот на этой пустой равнине мы неожиданно остановились.

движении на юге России. В эмиграции в Болгарии; разыскивался местной полицией за создание белой подпольной военной организации, убит при попытке ареста. Как сообщают историки, убийство было организовано советскими спецслужбами. (См.: *Колпакиди А. И.*, *Прохоров Д. П.* КГБ : спецоперации советской разведки. — М., 2000. — С. 41–46.)

Врангель Пётр Николаевич (1878–1928) — русский военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн. Генерал-лейтенант (с 1918 года). Один из руководителей Белого движения на юге России; с апреля 1920 года и до эвакуации из Крыма в октябре 1920 года — главнокомандующий Вооружёнными силами на Юге России. Умер в эмиграции.

[182] Томск — город в Западной Сибири, ныне административный центр Томской области Российской Федерации. Основан в 1604 года. Расположен к северу от Транссибирской магистрали, с которой соединён тупиковой веткой железной дороги. Не вполне понятно, почему автор воспоминаний сворачивает в Томск, если она направляется во Владивосток.

[183] Расстояние от Омска до Томска по железной дороге — 886 километров. Вряд ли автор могла проехать это расстояние за сутки. Более вероятно, что всё же это был не Томск, а Новониколаевск (ныне Новосибирск), расположенный на Транссибирской магистрали в 609 километрах от Омска.

[184] Красная Армия вошла в Томск только 20 декабря 1919 года, а в Новониколаевск — 14 декабря 1919 года. Однако, как видно из описания предыдущих событий, дело происходит в 1918 году. Возможно, автор пересказывает слухи о подходе к городу каких-нибудь красных партизан.

Глава 26
ЧЕРЕЗ СИБИРЬ

Поезд остановился. Остановились все шестнадцать обычных вагонов, два бронированных и огромный паровоз, тянувший поезд по Транссибу[185]. Пустота равнины словно давила на окна. Бригада сказала, что дальше мы не поедем, большевики захватили Иркутск[186], и на этом дорога кончается — для нас. Белые солдаты слезли и начали устраивать лагерь у железной дороги. Пассажиры тоже вышли, напуганные и ворчащие. Большевики в Томске, большевики далеко впереди в Иркутске; выхода нет, невозможно двигаться ни вперёд, ни назад.

Мои два офицера пошли к машинисту и сказали, что поезд должен ехать дальше в Иркутск, и к чёрту всех красных. Но на этот раз командные нотки пролетели мимо безразличных грязных ушей. Впервые я услышала, как рабочий отказался повиноваться приказу. «Мы не можем ехать дальше, — грубо сказал машинист. — Дорога есть только назад, можете туда и отправляться. И не учите меня». Два джентльмена при этом выглядели весьма глупо и удручённо, но не решились спорить. Вот ведь, перестань называть их «благородиями», оставь их где-нибудь посреди сибирских равнин, меж двух большевистских армий, и сразу становится ясно, что машинист *действительно* лучше знает, что ему делать.

Эти двое бродили вдоль путей, пинали стыки носками сапог и хором ругались. Мне было нечего делать, и я ходила вместе с ними. Наконец поезд стал просто чёрной гусеницей в грязном снегу позади нас; а впереди мы увидели маленький деревянный домик. «Боже мой, это же телеграфная станция. Идёмте, теперь можно будет кое-что сделать».

Но два голодных телеграфиста, гревшие ноги у буржуйки, ничем нас не порадовали. Они сказали, что провода не перерезаны, но так запутаны, что любое послание, проходящее по ним, невозможно будет разобрать.

---

[185] Транссиб — Транссибирская железнодорожная магистраль, соединившая Челябинск и Владивосток. Построена в 1891–1916 годах.

[186] Иркутск — город в Восточной Сибири, ныне административный центр Иркутской области Российской Федерации. Основан в 1661 году.

24 декабря 1919 года эсеро-меньшевистский Политцентр поднял восстание в Иркутске. 5 января 1920 года власть в городе перешла от белых к Политцентру. Части Красной Армии вошли в город только 7 марта 1920 года. Поскольку события, описываемые автором, происходят в 1918 году — остаётся предположить, что слух о взятии Иркутска красными был ложным.

— А сотрудников на линии не осталось, так что невозможно установить место повреждения.

— Я думаю, это мог бы сделать один из вас, — заметил с сарказмом один из моих спутников.

— Нет, нам приказано оставаться здесь.

— Кем приказано?

— Просто приказано, друг мой, приказано.

Оставаться здесь дольше не имело смысла. Мои два экс-благородия молча повернулись и вышли прочь.

Весь день мы кучковались вокруг костров, разведённых вдоль полотна. Бесконечные разговоры о том, что мы зажаты с двух сторон большевистскими армиями, уже доходили почти до истерики. Наконец весьма пожилой, но крепкий на вид полковник заявил, что лично ему необходимо прибыть во Владивосток, и если мы не хотим с ним идти, то завтра утром он пойдёт один. На коленях у него была расстелена карта. «Я оденусь крестьянином, — сказал он, — и как-нибудь проберусь через Иркутск. Потом через Байкал в Маньчжурию[187], а там, кажется, всё почти спокойно».

Однако недостатка желающих идти с ним не было. Большинство офицеров сказали, что идут, идея всем понравилась. Даже женщины, среди которых было много дворянок, считали, что любой выход лучше, чем просто сидеть затерянными в Сибири у остывшего паровоза и ждать прихода большевиков. И мне тоже пришлось решаться. Если красные узнают, что я была ранена в бою против них… О, я знала, что они могли со мной сделать, вариантов было много. Если уничтожить документы и поклясться, что я воевала против белых, то что мне это даст? Нужно было принимать чью-то сторону. Совершенно ясно, что у меня нет другого выбора, кроме как идти вместе с другими пассажирами, которых набралась примерно сотня, и попытаться добраться до безопасного места.

Итак, на следующее утро мы двинулись в сторону ближайшей деревни, к грязным домикам без окон, над которыми клубились тоненькие струйки дыма. В поезде с нами ехали монголы[188] в овчинных

---

[187] Маньчжурия — историческое название северо-восточной части современного Китая.

[188] Маловероятно, что в поезде вместе с автором воспоминаний ехали именно этнические монголы, чья территория расселения находится заметно южнее Транссибирской магистрали. Следует предположить, что под «монголами» здесь имеются в виду какие-то коренные народы Сибири — буряты, хакасы, алтайцы или другие представители монголоидной расы.

тулупах и всякой другой бесформенной сибирской одежде; я купила у них отороченную мехом куртку за пять рублей. Если бы они знали, сколько денег припрятано у меня в повязке, то цена была бы в три раза выше. Та одежда, которую они нам продавали, была почти чистой по сравнению с тем, что они носили сами. По крайней мере, эти вещи было не противно надевать. Это были желтолицые, морщинистые люди, молчаливые, как та пустыня, в которой они жили, и столь же недружелюбные. Но человек шесть из них вызвались проводить нас до Иркутска за сравнительно небольшое вознаграждение в рублях.

Тут проходил старинный путь через Сибирь, и мы шли по нему день за днём, пока не потеряли счёт дням. Всякое представление о времени исчезло, растворившись где-то между безразличным ко всему небом и безразличным снегом. Но в этом не было ничего неприятного. Сколько я себя помню, про Сибирь всегда говорили с ужасом как о месте ссылки и смерти. Однако единственный зимний день под стенами Эрзерума или на подступах к Арарату был бы потяжелее целого месяца, в течение которого мы ползли по бесконечной равнине, где воздух был подобен сухому вину, а ветер дул нам в спину.

К тому же Сибирь красива и очень разнообразна, хотя у меня и нет слов, чтобы описать её. Сейчас мне кажется, что у этой земли есть свой особый язык, который непонятен человеку.

Порой нас радовали виды лесов, лежавших вдали и напоминавших замёрзший дым на снегу. Мы спали в вырытых в снегу ямах, натянув верхнюю одежду на головы, чтобы сохранять внутри тепло от дыхания. Монголы разводили сильно пахнущие дымные костры из хвойных веток и стояли на часах, пока мы отдыхали. Иногда огни наших костров были видны издалека по всей равнине, и их вполне могли увидеть все наши враги; а в это время у костров собирались дамы, они смеялись и болтали по-французски. Это был храбрый, вежливый, хрупкий оазис, затерявшийся в пустом пространстве. Бывали ночи, когда мы слышали зловещий вой волков, бродивших неподалёку. А иногда вечерами, когда с неба на землю спускались сумерки, случалось, мы видели вдали всадников, едущих по снегу. Мы могли поклясться, что видели их, хотя в это время равнина обычно наполнялась видениями чего-то несуществующего. Вполне возможно, что именно ранний вечер был самым пугающим временем.

Что касается еды, то проводники показали нам способы и средства, какими её можно было добывать. Пищи было немного, но достаточно, чтобы держаться на ногах. Эти жёлтые люди, бесформенные тюки на длиннохвостых лошадках, таких маленьких, что ноги всад-

ников доставали до земли, казавшиеся угрюмыми и глупыми ничтожествами, знали что-то, что делало нас жалкими на их фоне. Они знали, где найти дрова, а если в часе пути от нас появлялся олень или медведь, то они каким-то образом узнавали и об этом. Путешествуя вместе с ними, начинаешь понимать, что эта огромная земля не так пуста, как кажется поначалу, что тут есть *зимовки,* монгольские зимние селения, спрятавшиеся тут и там недалеко от железной дороги. Если бы мы шли одни, то прошли бы их все мимо, не заметив и даже не подозревая об их существовании.

Время от времени наши проводники съезжали с дороги и скакали к подобным местам, чтобы достать там для нас какой удастся еды. Сибирь обманывала нас с королевским размахом. Помню случай, когда монгол вернулся из поездки с несколькими крупными замороженными кусками чего-то, что он беспечно бросил к огню. Мы, как всегда, заказывали баранину и заранее заплатили за неё большие деньги.

— Оленина, — промычал он, — овец всех украли.

— Вот *в это* я не верю, — сказал полковник, который объявил себя нашим руководителем, хотя руководить тут было особенно нечем. — Пахнет кониной.

Мы с ним согласились, потому что конина, когда её размораживают, имеет весьма специфический запах. Его ни с чем не спутать, и он вряд ли кому-то понравится после того, как однажды с ним познакомился.

— И ещё бы ничего, — продолжил он, — если бы это было мясо молодой лошади. Но этот коняга, наверно, воевал ещё против Петра Великого.

Тут я решила, что не буду на этот раз есть, даже если, быть может, следующая такая возможность представится только через двадцать четыре часа.

Странная процессия шла по снегу. Дамы были в дорогих мехах, офицеры укрывались кусками овчины поверх формы, а впереди — жёлтые монголы на своих захудалых лошадках, со свисающими по бокам укутанными ногами. Да уж, если кто-то из этих аристократов отправлял когда-либо какого-нибудь несчастного в ссылку в Сибирь, то теперь он мог хоть немного понять, что это значит. Так или иначе, получалось, что на этой чистой и пустой земле не деградировали только монголы.

Однажды офицеры настойчиво потребовали, чтобы мы держались поближе к железной дороге, и тогда я кое-что узнала о монголах. Они ни за что не соглашались сойти со старой тропы, потому что боялись заблудиться. Мы несколько часов спорили, и наконец они

пригрозили, что уйдут от нас. Тут настала наша очередь упрашивать, хотя они казались непреклонными. Белый человек, прав он или не прав, приводит аргументы; жёлтый человек, даже если знает, что прав, никого убеждать не станет. Его логика мудрее. Если ты с ним не согласен — делай сам то, что считаешь правильным. В конце концов нам пришлось ещё доплатить, чтобы они остались. По их словам, это мы нарушили договорённости, не доверяя их способностям вести нас, и теперь, если мы хотим, чтобы они и дальше на нас работали, мы должны нанять их заново. Было решено проголосовать, и я голосовала «за», как и большинство остальных членов группы, потому что выбор был невелик. Но некоторые наши «цивилизованные» попутчики согласились крайне неохотно. Они смело ругали монголов жёлтыми собаками и животными… по-французски.

Прошло не менее трёх недель пока мы добрались до первого места с признаками цивилизации, русской деревни, немногим отличавшейся от обычного монгольского посёлка. Разве что в ветхих домишках были окна, посредине стояла запустелая маленькая церковь, и на всём этом месте лежала печать жалкой нищеты, чего не чувствовалось в *зимовках*.

Но если есть деревня, значит, где-то неподалёку есть и город, большой или маленький, и многие из нас, спотыкаясь, побежали вперёд по тропе, надеясь, что конец нашего путешествия уже близок. Однако деревня была пуста, в домах ни души, ни крошки еды. Только холодная зола на полу, а неподалёку от крайней избы — тела двух или трёх белых солдат, пролежавшие там уже дня четыре. Здесь была стычка, в которой, судя по всему, наши были разбиты, и теперь в деревне не осталось даже собак.

— Ради Бога, сколько ещё идти до Иркутска? — спросил полковник наших проводников.

— Неделя, дней десять, пешком.

— Вы можете доставить нас туда быстрее?

— *Мы* сможем, — сказали проводники с нескрываемым презрением, — если *вы* сможете.

— А далеко ли железная дорога? — возникла новая идея.

Проводник махнул рукой в сторону далёкого горизонта:

— Вёрст семьсот.

Отказаться от проводников и двигаться дальше без них? В этом не было никакого смысла. Лучше уж идти в Иркутск и там встретить свою судьбу. Мы ещё раз прошлись по избам в поисках *валенок*, валяных из шерсти сапог, которые надеваются поверх обычной обуви; но все избы были абсолютно пусты. Вот из таких заброшенных дереву-

Следы партизанской войны, заметные почти у каждой сибирской деревни.
Из книги «Cossack Girl»

шек привозили рекрутов к нам на Кавказ; эти люди теряли рассудок от ужаса при виде поезда, эти люди рождались, жили и умирали, не подозревая, что есть ещё какой-то другой мир. Так что же всё-таки с ними случилось? Куда они все делись? Почему остались эти мёртвые

солдаты? Мы не могли себе представить и так никогда этого и не узнали. Это одна из тех тайн, которые ведомы только пустоши, и которые пустошь никогда не раскрывает.

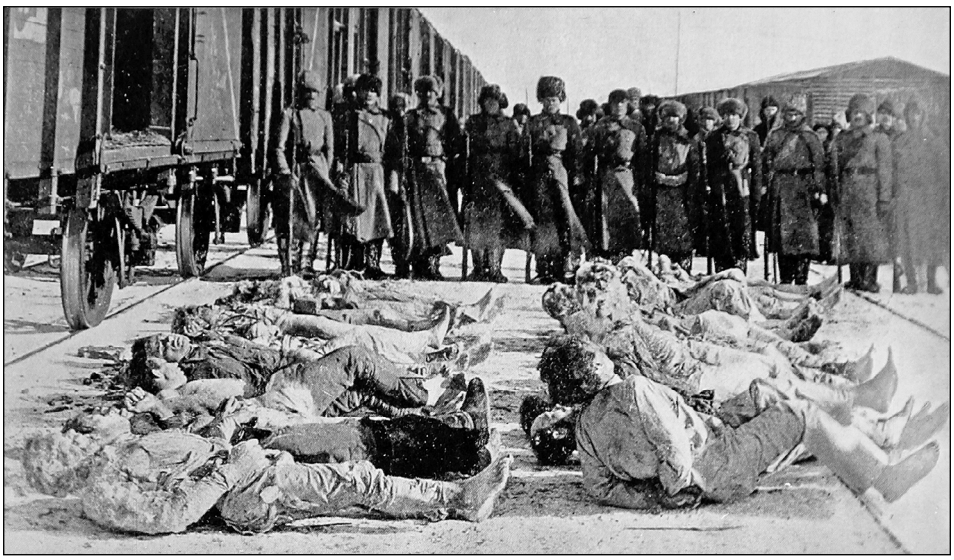
Через два дня мы набрели на группу белых, с безнадёжным отчаянием пробиравшихся сквозь снега. Они рассказали нам новости, однако не те, какие нам хотелось бы услышать. В Иркутске, по их словам, много дней идут бои, и всё ещё не ясно, кто победит. Там генерал Семёнов[189] и чехословацкие части. Их самих, этих белых, направили охранять Транссибирскую железную дорогу, но они вынуждены были отступить под напором сильно превосходящего противника. Они уже много дней блуждали в этих краях и едва могли поверить в то, что им повезло нас встретить. Люди были совсем измучены и шатались от голода. Мы дали им еды и взяли с собой, хотя и без особого удовольствия, так как это значило, что теперь едоков будет больше.

Мы не сомневались, что всё же нужно идти в Иркутск. Это оставалось единственным выходом даже теперь, когда железная дорога оказалась в руках большевиков. Но монголы опять о чём-то долго совещались, и вот они уже требуют ещё больше денег. «Теперь нам предстоит вести больше людей», — объяснили они своё требование. При этих словах полковник потянул из кобуры револьвер, и я думаю, что он пристрелил бы предводителя монголов прямо на месте, если бы какая-то дама не положила руку ему на плечо и не сказала что-то мягко по-французски. В конце концов, никто, кроме монголов, не знает дорогу, и если они нас бросят, нам конец. И мы отвалили им ещё жирный кусок, ровно столько, сколько они хотели получить и не желали торговаться.

На следующее утро, где-то перед полуднем, перед нами открылся отрезок дороги, выглядевший как тёмное пятно под ярким солнцем. Мы обнаружили там безмолвную толпу из примерно двухсот мёртвых тел, вмёрзших в снег. Большевики. Достаточно было бросить взгляд на этот дикий музей смерти, чтобы понять, к какой армии они принадлежали. На них были хлопчатобумажные рубахи с короткими рукавами, на ногах лапти; у большинства не было нижнего белья. Это были чёрные герои — почерневшие от холода.

---

[189] Семёнов Григорий Михайлович (1890–1946) — участник Первой мировой войны, один из руководителей Белого движения на востоке России. Войсковой атаман Забайкальского казачьего войска (с мая 1919 года), генерал-лейтенант (с декабря 1919 года). С 1920 года в эмиграции в Японии, затем в подконтрольном японцам государстве Маньчжоу-Го. Активно сотрудничал с японскими спецслужбами. Арестован советскими войсками после разгрома Японии в 1945 году. Повешен в Москве 30 августа 1946 года как «пособник японских агрессоров».

После боя под Иркутском. *Из книги «Cossack Girl»*

Но всё это была только прелюдия. Когда-то в этих краях жило много людей, однако теперь мы проходили мимо деревень по пять или шесть раз в день, и все они были безмолвны и пусты. Вот тут-то Сибирь наконец дотянулась до меня своей холодной рукой. Я начала думать о собаках — собаках, которые должны были бы лаять во всех этих деревнях, но не лаяли; и именно в этот момент в наступающих сумерках мне почудилось, что равнина заполнилась собаками; они ползли в тенях на брюхе, видимые лишь краем глаза. Я никогда не смела никому об этом рассказывать, чтобы меня не сочли сумасшедшей.

Теперь всех нас охватила абсолютная слабость. До той поры дамы удивляли себя и нас тем, как они твёрдо держатся на ногах. Как мне порой казалось, они просто цвели в сухом воздухе. Теперь они начали вдруг спотыкаться и падать и не могли идти без поддержки. Так прошло семь дней. И однажды утром мы проснулись и обнаружили, что наши сопровождающие-монголы ушли, просто исчезли куда-то.

— Сбежали, — сказал полковник. — Уверен, что они пошли продать нас красным. Господи, дай мне изрешетить жёлтых собак пулями, как только выпадет случай.

Мы стояли и пытались представить себе, как красные наступают, рассказывая друг другу в самой настоящей панике о том, что с нами сделают. «Когда они ловят офицера, — сказал кто-то, — то пробивают дыру во льду и сталкивают его туда; а ещё они заставляют офицеров самим рыть себе могилы и расстреливать друг друга». А я думала про себя, что пробудился чёрный великан, и что он ужасен. Я вспоминала

чёрных людей в снегу, оставшихся далеко позади; я видела, как они встают из своего ледяного сна и идут по тропе за нами.

Всю ночь мы ждали, готовясь к худшему и не в силах проявить хоть какое-то мужество.

Полдень. Всё тихо.

А потом впереди — за много вёрст отсюда, но не оставляя никаких сомнений — раздался гудок паровоза! Мы были вне себя от радости…

Иркутск.

Это было совершенно в духе наших монголов — довести нас почти до самого города, а потом оставить. Они продали нам свои услуги; они сдержали слово; они ушли, не попрощавшись. У них было по-своему больше гордости, чем у нас, и больше достоинства. С их уходом для нас кончилась Сибирь. Дорога лежала прямо перед нами. Достаточно было просто идти по ней, оставив позади себя пустошь, смысл и значение которой удалялись от нас по ту сторону прошедшей ночи: шесть грязных жёлтых людей, гнавших своих чахлых маленьких лошадок к дому.

Мужчины в штатской одежде были посланы на разведку. Они вернулись примерно через три часа и сказали, что Иркутск всего в пятидесяти вёрстах отсюда, и что примерно в часе пути от нас по дороге есть деревня. Мы наняли крестьян в провожатые, взяли сани для дам, которые теперь, когда конец пути был уже совсем близок, вдруг обнаружили, что не могут сделать и шага. Но еды достать не удалось.

— Простите, еды у нас нет.

— А что же вы сами едите?

— Почти ничего, — пробормотала сытая румяная морда, принадлежавшая старосте деревни. Здесь явно где-то было припрятано много всякой еды, но мы хотели остаться в деревне на ночь и решили, что не следует пытаться получить у них что-то насильно, под дулом револьвера. Раньше русский крестьянин всегда был традиционно гостеприимен и делился с гостем последним куском. Грубый отказ — вот плод того, что принесла революция.

На следующее утро на горизонте показались четыре тонкие чёрные башни. Это был Иркутск. Здесь мы встретили передовые отряды чехословаков, которые сказали, что город полностью в их руках.

К двум часам мы стояли на вокзале. А для меня это стало началом конца моей истории.

Глава 27
СПЕКУЛЯНТ

Иркутск — это тепло. Не могу сказать, что это тепло можно назвать приятным, ведь пока я не начала понемногу оттаивать на вокзале, я даже не понимала, насколько холодно было во время нашего перехода по Сибири. Впервые с тех пор, как мы вышли из поезда — теперь уже за сотни вёрст и за месяц перехода отсюда — я по-настоящему согрелась. И как будто в наказание за это у меня начали нестерпимо болеть руки и ноги, словно боль вползала вместе с кровью, возвращающейся в вены.

Иркутск — это неприятное тепло; что ещё?

Ещё был новый билет на поезд, который мне вручил белый офицер. Из его внешности я не помню ничего, за исключением большого красного носа, с острого кончика которого свисала маленькая, почти изящная капля влаги.

Ещё толпа, состоявшая преимущественно из жалкого вида людей, которые осматривали воронки от снарядов и серые разрушенные дома на самых непримечательных улицах, которые мне когда-либо встречались.

Ещё это большая миска супа; тарелка с картофелем и жёсткими полусырыми котлетами; коричневая родинка между огромными обвисшими грудями официантки, когда та наклонилась надо мной; и десять копеек на чай, которые я оставила этим грудям скорее от страха, чем из благодарности.

По сути, Иркутск — это четырёхчасовое ожидание; и сейчас я прощаюсь с ним навсегда с таким же удовольствием, как и в тот раз…

За Иркутском — озеро Байкал, широкое, как море. Под холодным ветром его слабые маленькие волны сливаются в какое-то подобие белых лошадок…

За Байкалом — апрель. Апрельское тепло подобно нежному голосу, которым говорят с нами голые жёлтые холмы Маньчжурии. Мы среди жёлтых людей, которые все в моей памяти смёрзлись в один комок — зеленоватая защитная форма китайских солдат, желтоватая форма японских солдат. Я с удивлением заметила, что китайцы вообще-то более симпатичные…

Когда мы выехали от границы с Маньчжурией в Харбин[190], в моё пустое купе вошли ещё четверо пассажиров, три девушки и мужчина. Мужчину невозможно было не заметить, и смотревшие на него всегда поражались увиденному, хотя далеко не всегда оставались от этого в восторге. На нём был костюм в яркую серую с красным клетку и жёлтые сапоги. На мягкой выпуклости в середине фигуры у него поверх тяжёлой золотой цепи висело множество печаток и безделушек. Выше была толстая лиловая шея, три подбородка, маленький жирный рот, не заслуживающий внимания нос, два добрых маленьких поросячьих глазика и мягкая шляпа розовато-серого цвета. Когда шляпа была снята, под ней открылся круглый ободок седоватой щетины. В целом он являл собой потрясающее зрелище в том смысле, что в такое сложно было поверить.

Это явление не без труда затащило в купе свои три новеньких чемодана, тихо рыгнуло и попросило у спутников прощения, протёрло сидение жёлто-синим шёлковым носовым платком, подтянуло брюки с тщательно отглаженными стрелками достаточно высоко, чтобы продемонстрировать всем на пару сантиметров открывшиеся шерстяные носки, и радостно плюхнулось вниз.

Под конец всего представления раздался плохо подавленный смешок. И только тут мне удалось увидеть трёх других моих попутчиц.

Я буду называть их Сероглазка, Синеглазка и Кареглазка. Хотя они и были одеты по последней моде, я совсем не помню, что именно они носили. За четыре года армейской жизни я разучилась различать детали красивой одежды и могла лишь просто восхищаться ей. Это были красивые девушки, и как я помню, они весьма смело демонстрировали свои прелести. Иными словами, это были не просто три пары глаз разного цвета, но и три очень соблазнительных декольте. Возможно, что более опытный, чем я, наблюдатель увидел бы здесь не высокую, а низшую моду. Но, боюсь, теперь уже поздно высказывать критику, которую я, понятно, не высказала тогда.

Я обнаружила, что Сероглазка довольно откровенно меня разглядывает — сначала лицо, потом мою форму, которая уже не могла скрыть от внимательного наблюдателя тот факт, что я не юноша. Взгляд этих серых глаз, с сочувствием смотрящих на среднюю пугови-

[190] Автор едет на поезде по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), построенной русским правительством в 1897–1903 годы. КВЖД проходила от Читы до российско-китайской границы и далее по территории Маньчжурии, через Харбин до Владивостока.

цу моей гимнастёрки, заставил меня ещё больше сжаться и неуклюже обхватить левой рукой правое плечо.

— Хочешь ливерную колбасу? — спросила наконец Сероглазка, и в её глазах зажглась улыбка, наполовину злая, наполовину дружелюбная.

Я молча протянула руку.

— Сколько тебе лет? — не отставала она, разворачивая очень большой бутерброд с белым хлебом из пергаментной бумаги и протягивая его мне.

— Девятнадцать. — Я постаралась скрыть своё смущение, откусив огромный кусок бутерброда. В результате я шумно закашлялась; Сероглазка с удовлетворением наблюдала, как я ем.

— Хочешь ещё? — спросила она, когда я закончила. Я покачала головой и опять ничего не сказала.

— Ведь ты же девушка, правда?.. Да ладно, что об этом плакать. Меня зовут Надя. А тебя?

— Марина Юрлова, — сказала я, угрюмо вытирая слёзы с глаз левым рукавом.

— Возьми мой платок, — и в моей руке оказался нежный надушенный квадратик кружев.

— А я Шура, — вступила в разговор Кареглазка. — Ты ведь казачка, да?

— Да, кубанская, — ответила я, прижимая к глазам теперь уже бесполезный маленький квадратик.

— Я как-то раз была на Кубани, — продолжала она. У неё был глубокий грудной голос, в котором звучала только доброта. — В Анапе. Знаешь Анапу?

Я кивнула, всё ещё молча.

— А это, — сказала она, указывая на Синеглазку, которая в ответ издала короткий, но звонкий смешок, словно зазвенела музыкальная шкатулка, — это Соня.

Синеглазка издала ещё один мелодичный смешок и сказала:

— Ну что ж, теперь мы все познакомились. Все, кроме… — и она посмотрела в угол, где сидело нелепое существо в красно-серую клетку, которое всё это время тайком созерцало нас, ещё и умудряясь сохранять при этом покровительственный вид.

— Соколов, — пробормотало оно, побагровев от натуги и смущения. — Большая честь познакомиться с вами, юные дамы, большая честь… — Тут он разразился громким кашлем в свой сине-жёлтый носовой платок.

— Что ж, господин Соколов, — сказала Надя, — раз уж нам суждено путешествовать вместе, то позвольте предложить вам бутерброд с сыром. Он у меня последний, — добавила она проникновенно, — но, пожалуйста, ешьте.

При этих словах господин Соколов возник из-за своего платка, как чёртик из табакерки, в смятении захлопав своими маленькими поросячьими глазками.

— И помыслить не мог, — произнёс он, заикаясь и яростно размахивая своими коротенькими ручками, — и помыслить не мог. Вот же, позвольте… — он покопался в своём багаже, достал оттуда бутылку-термос (которую я увидела впервые в жизни), отвертел крышку, и купе неожиданно наполнилось густым запахом кофе.

Он с невероятным наслаждением наблюдал, как мы передаём крышку от термоса из рук в руки. Его пальцы дрожали в экстазе каждый раз, когда он снова наполнял её; а его горло (словно существовавшее само по себе, независимо от всего остального) издавало целый ряд болезненных булькающих звуков.

— Какое, право, удовольствие…— сказал он наконец. — Три очаровательных юных дамы и… — в горле у него опять что-то булькнуло. — Вы были в «батальоне смерти»[191]? — спросил он меня.

— Нет, я их никогда не видела.

— Значит, доброволица?[192]

— Да, с Кавказского фронта.

---

[191] «Батальоны смерти» — имеются в виду ударные женские батальоны, созданные в России весной 1917 года по инициативе М. Л. Бочкарёвой. Предполагалось, что эти части подадут пример мужчинам в тот период, когда русская армия начала разлагаться под воздействием антивоенной пропаганды. В июле 1917 года батальон Бочкарёвой принял участие в боях на Западном фронте, однако из-за потерь их боевое применение в дальнейшем было запрещено. Другой женский батальон принимал участие в обороне Зимнего дворца в октябре 1917 года.

В дальнейшем многие женщины-ударницы, уцелевшие после Октябрьского переворота, приняли участие в Гражданской войне на стороне белых.

[192] «Доброволица» — слово для обозначения добровольца женского пола. В настоящее время вышло из употребления. Данный персонаж, со свойственной ему обходительностью, вероятно, использовал именно это выражение.

Отметим, что господин Соколов задаёт несколько странный вопрос — ведь в ударные женские батальоны поступали только женщины-доброволицы. Да и вообще в период Первой мировой и Гражданской войн женщина могла оказаться на военной службе только добровольно.

— …И доброволица, — добавил он, с триумфом завершив начатую фразу. При этих словах он встал, изобразил какое-то подобие поклона, как минимум, первую его часть, приветливо улыбнулся и снова рухнул на сидение.

— Куда ты едешь, Марина? — спросила Шура.

— В Харбин.

— Отлично! — воскликнула она, и её радость была вполне искренней. — Мы там живём. По крайней мере, там сейчас наш дом.

— Да, пока там, — повторила за ней Соня, покосившись на Соколова. — Когда большевики захватили Смольный[193], мы должны были ехать в Тобольск, в какой-то институт[194]. Но мы втроём решили, что сейчас не то время, чтобы продолжать образование, слишком опасно, к тому же наши родители были в Крыму. И мы решили ехать в Харбин и связаться с ними оттуда. Потом, может быть, в Китай. Но сейчас мы в затруднительном положении, — сказала она с благородным смирением.

— Бедные дети! — сказал господин Соколов, ещё раз мощно икнув, и я с удивлением и ужасом увидела, как из его маленького глаза скатилась крупная слеза. Его горло заходило под слоем подбородков.

— Бедные дети… И на что же вы живёте? — выговорил он наконец. — Вам, должно быть, приходится очень трудно.

— Нам так трудно, господин Соколов, — сказала Надя, её голос был полон боли, а прекрасные серые глаза опущены. — Никто никогда не узнает, что сделали эти ужасные большевики. Они вырвали нас из

---

[193] Смольный институт благородных девиц — первое в России женское учебное заведение и первое в Европе государственное учебное заведение для девушек. Основан в Санкт-Петербурге в 1764 году. Первоначально в Смольный институт принимались только дочери дворян, позднее также и представительницы иных сословий. Обучение продолжалось с 6 до 18 лет.

С лета 1917 года часть здания института была захвачена Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов. В октябре 1917 года Смольный институт был переведён в Новочеркасск, а позднее эвакуировался из России вместе с остатками белых армий.

В октябре 1917 года в здании Смольного института разместился большевистский штаб по подготовке к вооружённому восстанию. А после Октябрьского переворота и до переноса столицы в Москву в марте 1918 года в Смольном находилось большевистское правительство.

[194] Тобольск — город в Западной Сибири, ныне в Тюменской области Российской Федерации. Основан в 1587 году.

В Тобольске действительно находилась Тобольская Мариинская женская школа (на правах института благородных девиц). Возможно, существовали планы эвакуации туда Смольного института из Санкт-Петербурга.

прежней жизни, лишили комфорта, роскоши, радости; жизнь стала для нас тяжким бременем. Нам приходится самим стирать.

Я была готова поклясться, что Шура давится от смеха; она прикрыла глаза носовым платком, а плечи её дрожали. Соня сидела прямо, глядя в окно, прикусив кончик губы и сжав руки на коленях. Мне кажется, она боялась повернуть голову, чтобы, не дай Бог, не расхохотаться. Только Надя смотрела на сражённого ею Соколова обволакивающим взором своих серых глаз.

Бедный толстяк громко шмыгнул носом, вытер слёзы с глаз и заговорил, обращаясь скорее к себе самому, чем к нам:

— Всё в прошлом, в прошлом, в прошлом. Всё хорошее позади. Эти бедные дети — вот плоды революции. А кому нужна революция? Рабочие совсем распоясались, а лично я думаю, что всё это дело рук Родзянко[195]. И эти гордые цветы России должны теперь согнуть спины и стирать. Какой позор! Этим белым ручкам приходится загрубеть от мыльной пены. Позор, позор, стыд и позор. Да!

И сердитым голосом добавил:

— Я говорю, позор, стыд и позор!

При этих словах он опять высморкался, убрал прежний носовой платок и достал новый, на котором по красному шёлку были вышиты развевающиеся флаги всех стран-союзниц, вытер им лицо и ещё дополнительно промокнул струйки пота, стекавшие в лиловые ложбинки его подбородка.

Потом он неожиданно резко сунул руку в карман своего пальто, достал оттуда толстый кошелёк, вынул пятисотрублёвую купюру и протянул Наде.

Её глаза широко распахнулись, став ещё прекрасней.

— Господин Соколов, — проворковала она, как горлица вечером, — ну что вы, не стоит. Мы как-нибудь справимся.

— Берите, дорогая, берите. Я вполне могу себе это позволить. Это лишь мой скромный способ воздать должное красоте, попавшей в беду. А вы, мадемуазель Шура…

---

[195] Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) — русский политический деятель, лидер партии октябристов, председатель Государственной думы III и IV созывов. Участвовал в заговоре с целью свержения Николая II. После Февральской революции 27 февраля (12 марта) 1917 года возглавил Временный комитет Государственной думы, являвшийся высшей властью в стране до образования Временного правительства 2 (15) марта 1917 года. После Октябрьского переворота — в Белом движении; участник Первого Кубанского (Ледяного) похода. Умер в эмиграции.

И ещё одна пятисотрублёвка; теперь Шура уже не собиралась смеяться.

— Господин Соколов, благослови вас Господь…

Нежное личико Сони напряглось от волнения; её голубые глаза так и впились в кошелёк.

— И мадемуазель Соня…

Она едва удержалась, чтобы не вздохнуть с облегчением.

— Господин Соколов, я всегда буду поминать вас в своих молитвах, — сказала она и подняла глаза к потолку, словно уже называла имя Соколова перед небесным троном.

— Благодарю вас, дорогая. Небольшая молитва будет для меня лучшей наградой. А доброволице… — сказал он под конец, доставая ещё одну купюру и протягивая её мне.

Это был шок.

— Господин Соколов, — проговорила я, запинаясь. — Я еду в госпиталь, там о нас позаботятся. Я уверена, что не буду нуждаться в деньгах.

Подняв глаза, я увидела, что хорошенькая Надя мне подмигивает, а её прелестные губки беззвучно шепчут: «Бери!»

— Всё равно возьмите, моя маленькая казачка, — сказал Соколов, не обращая внимания на мои слова. — Купите себе какую-нибудь женскую одежду, забудьте про войну… теперь всё позади, по крайней мере, для вас. На вашем месте я бы вышел замуж. Лучше бы за англичанина. Из них получаются отличные мужья.

Интересно было посмотреть, как три мои попутчицы прятали деньги. Надя, глядя на таявшего Соколова, завернула банкноту в кружевной платочек и медленно положила его поглубже в ложбинку меж своих белых грудей. Шура достала из-под подкладки пальто кошелёк и положила деньги туда. Соня ещё раз зазвенела своим мелодичным смехом, шедшим как будто из музыкальной шкатулки, а затем задрала свои юбки почти до самого бедра и спрятала банкноту под подвязкой чулок. Вся эта процедура, видимо, хорошо отработанная, была проведена мгновенно, никто и глазом не успел моргнуть.

Что до меня, то я спрятала деньги глубоко под повязкой на руке.

— Не желает ли кто-нибудь чаю? Нет? А может, сыграем в карты?

Недавно зажгли свет, и теперь в дверях нашего купе стоял красивый молодой офицер, весьма дерзко поглядывавший на Соню.

— Карты! — сказала она, видимо, ничуть не смутившись от такого осмотра. — Отличная идея. Давайте сыграем в бридж.

— Мне ближе покер. — Это уже был господин Соколов.

Лейтенант впервые посмотрел на него и пожал плечами.

— Мы слишком бедны, чтобы играть в покер, — сказал он, едва скрывая своё презрение.

Но у господина Соколова доброе сердце было скрыто под толстой, поистине слоновьей кожей.

— Да, мне следовало догадаться, — ответил он добродушно. — Приходите к нам в купе и захватите свои карты. У меня есть сладости для дам, напитки для джентльменов, хорошие сигареты для всех и… — последнее предложение он произнёс так, словно был фокусником, у которого в жизни одна цель: поразить зрителей и польстить им, — …и на следующей станции, если я, конечно, не ошибаюсь… там у них есть отличный ресторан, и я всех вас приглашаю на ужин.

По ходу этой речи выражение лица офицера менялось на глазах. Сначала на нём было написано презрение, затем было видно, что он потешается, потом появилось уважение, а при последних словах он щёлкнул каблуками, отдал честь и ушёл.

Он вернулся с двумя другими офицерами. Они представились:

— Капитан Лебедев, лейтенант Петров и я, лейтенант Соколов.

— Соколов? Это и моё имя. Откуда вы?

— Из Тобольска, господин Соколов.

— Нет, я не оттуда, — быстро ответил Соколов. — Я москвич. Ну что ж, господа, располагайтесь, будьте как дома, будьте как дома. Эти три молодые дамы и наша доброволица любезно согласились присоединиться к нам. Пожалуйста, девушки, представьтесь сами, я плохо умею это делать. А потом мы поиграем в бридж, хотя и это я тоже умею плохо, — и он продолжал что-то быстро болтать, а один из его чемоданов послужил в качестве стола. Мои попутчики раздали карты на семерых…

Через два часа, когда мы подъехали к следующей станции, господин Соколов поковылял впереди нас в ярко освещённый первоклассный ресторан. Казалось, что на посетителях была представлена военная форма всех наций. А если быть совсем точными, то за круглым столом в центре зала сидели два французских пехотных лейтенанта, один совершенно пьяный капитан британского флота и офицер-японец[196], чьё звание было невозможно определить, а также полков-

[196] Страны Антанты предприняли военную интервенцию в России после подписания Брестского мира в начале 1918 года под предлогом необходимости охраны военного имущества. В частности, на Дальний Восток направили свои войска Япония, США, Канада, Сербия, Румыния, Канада, Италия, Великобритания, Франция.

ник уральских казаков и очень серьёзный штатский китаец. Я всех их хорошо запомнила, потому что на вавилонской смеси языков они изо всех сил уговаривали английского капитана не отсылать нашим дамам последнюю бутылку шампанского со своего стола. Дамы тем временем с достоинством стояли в дверях, разговаривали со своими спутниками и ждали, пока их проводят на места.

Господин Соколов схватил за рукав пробегающего мимо официанта, сунул ему в руку пять рублей, с явным негодованием взглянул на иностранцев за центральным столом (а там британский капитан, к ярости наших офицеров, уже посылал нам воздушные поцелуи) и громогласно закричал: «Столик на восьмерых и всё лучшее, что есть в заведении! За ценой не постоим!» Не успела ещё даже вернуться его привычная улыбка, как всех нас уже усадили с комфортом за столик в дальнем углу, и официант поставил две ширмы между нами и всеми прочими нациями.

Что касается ужина, от аперитивов до кофе — я всё забыла; плохой из меня, видимо, эпикуреец[197]. Все эти, несомненно, отличные блюда, которые там подавались, не могли поразить меня больше, чем тот невероятно официальный вид, который напустил на себя господин Соколов, как только подали суп. Он легко тратил деньги, однако чувствовал себя неловко и неудобно в роли хозяина и снова стал сам собой только тогда, когда мы покинули ресторан и вернулись в своё купе.

Как оказалось, еда, вернее, когда-то уже съеденная еда, память о еде, была его любимой темой. Он в деталях помянул наш прошедший ужин, а потом рассказал пару историй о банкетах, которые он устраивал и которые, если ему верить, почтили своим присутствием многие члены императорской семьи и других знатных семей, с которыми он был дружен. «Как-то раз под Рождество я зафрахтовал состав с отапливаемыми вагонами, чтобы доставить из Италии свежую клубнику, малину и овощи. За тот ужин я заплатил десять тысяч рублей, а гостей было всего двадцать пять!» При этом губы его маленького ротика намокли и отвисли, а крохотные влажные поросячьи глазки блестели от возбуждения.

Что ж, господин Соколов, вы были добрым человеком, хотя и несколько комичным. Сомневаюсь, что за ваши деньги вам удалось получить или претендовать на что-то большее, чем право разок погла-

---

[197] Эпикуреец — последователь древнегреческого философа Эпикура; в переносном смысле — человек, ценящий удовольствия.

дить острое маленькое колено Сони; вы погладили его так застенчиво, что это был почти платонический жест. Даже я, знавшая совсем мало о некоторых сторонах жизни, поняла, что эти молодые дамы были не совсем теми, за кого они себя выдавали. И Сонин чулок с подвязкой, и Надина белая грудь уже слышали хруст лёгких денег; а изящные руки Шуры никогда не утруждали себя стиркой. Вы это поняли?

Не забуду, как той ночью вы ложились спать. Девушки выплыли из купе «подышать свежим воздухом» и поболтать по-французски с офицерами. (А вы ведь не понимали французского, господин Соколов и, возможно, поэтому так скованно чувствовали себя за ужином.) Мы остались вдвоём, вы и я. Я так тихо лежала на верхней полке, что вы забыли обо мне; вы бродили туда-сюда, переставляя вещи, и готовили себе постель ко сну. «Нужно снять только пальто и ботинки, — сказали вы себе громко, — ведь в купе молодые дамы».

Нижняя полка напротив меня затрещала под вашим весом. Я наклонилась вниз и увидела очертания вашей круглой коротко стриженой головы, ваше усталое полное лицо, громко шуршавшую рубашку с красными полосами, две мягкие руки, скрещённые на красно-серых клетках вашего огромного живота, и ваши практичные шерстяные носки, которые каким-то образом выносили вам окончательный приговор: всё в вас было дешёвкой…

А потом вы захрапели.

Через некоторое время я очень аккуратно, с большим трудом спустилась со своей полки, достала из-под повязки пятисотрублёвую купюру и тихонько подсунула ему под подушку. Он даже не пошевелился; он лежал с открытым ртом, храпя самым чудовищным образом.

Потом я опять залезла наверх, стараясь как можно меньше шуметь, и стала ждать возвращения девушек. Я слегка задремала, а когда проснулась, то господин Соколов всё так же храпел, а девушек всё ещё не было. Их по-прежнему не было и следующим утром, когда совсем рано я окончательно пробудилась. Теперь я точно знала то, что смутно предполагала накануне. Получив в качестве поддержки от господина Соколова полторы тысячи рублей на троих, а ещё подкрепившись прекрасным бренди господина Соколова и его отличным красным вином, три юные дамы, выброшенные революцией из аристократической школы, сейчас позволяли трём белым офицерам делать с собой всё, что тем было угодно.

Господин Соколов, понятно, был спекулянтом, нажившимся на войне. Безусловно, этот класс людей ответственен за революцию. Иногда жизнь мстит людям самым неожиданным образом.

Через три часа мы все вместе завтраками на вокзале в Харбине, опять за счёт господина Соколова, который, кажется, не понял, что всю прошлую ночь провёл в купе один с «добровольцей», и не обратил внимания на появление у себя под подушкой смятой купюры в пятьсот рублей. Офицеры и молодые дамы очень проголодались, и хозяину не пришлось упрашивать их повторить заказ и взять ещё порцию варёных яиц и кофе…

Господин Соколов прослезился, когда мы провожали его дальше. Он ехал в Америку и записал в книжечку наши имена, чтобы «написать нам с другого берега». Помню слезу пугающе огромного размера, которая стекла с кончика его плоского маленького носа и самым неприличным образом упала на имя «Юрлова».

Прозвенел третий звонок. Огромный паровоз тронулся, и вскоре от господина Соколова не осталось ничего, кроме красного шёлкового платка, которым он махал из удаляющегося окна.

Мы стояли на перроне, пока он не скрылся из виду.

— Наконец-то старый зануда уехал, — сказала Шура.

А Надя добавила:

— Неплохой был старикан.

А Соня чуть приоткрыла свой маленький алый ротик, и её звенящий смех летел вслед господину Соколову до самой Америки.

Глава 28
СМОЛЯНКИ. 1919 год

На вокзале, перед тем как расстаться, мы договорились встретиться там же вечером в половине шестого. Потом все разошлись по своим делам: офицеры отметиться в штабе, девушки — в свою «прачечную», а я в администрацию вокзала узнать, есть ли в Харбине американский госпиталь. Администратор ответил, что за этим нужно ехать во Владивосток, но когда я сказала, что хотела бы на месяц остаться в Харбине, то он предупредил, что тогда мне придётся удовлетвориться обычной городской больницей. Она как раз напротив, на другой стороне улицы.

Дежурная сестра забрала всю мою одежду и выдала женскую ночную рубашку, что меня очень возмутило. А чтобы окончательно испортить мне настроение, меня поместили в палату с ещё шестью женщинами.

— Разве у вас здесь нет военных палат, для военнослужащих? — спросила я её, глядя на своих соседок одновременно с неловкостью и страхом. Она не ответила, но на её лице застыло такое явное неодобрение, что я решила временно не касаться этого вопроса.

Однако мои соседки по палате были настроены иначе. Узнав, что я солдат, они не могли сдержать любопытства и одна за другой ходили мимо моей постели, оценивающе разглядывая меня, словно я была бессловесным животным. Наконец они все вшестером собрались вокруг моей постели; никогда в жизни мне не встречалось так много неприятных женщин одновременно. Они молча разглядывали меня несколько минут; потом молчание прервала плоскогрудая старая седая карга. Одна щека у неё распухла, и от этого лицо оказалось странным образом перекошено. Она спросила визгливым голосом:

— Ты умеешь стрелять?

Я отвернулась на бок и изобразила храп.

— Ты кого-нибудь убивала? — спросил приторный голос; я была почти уверена, что он принадлежит розовощёкой молодой горянке с больными глазами.

Я захрапела чуть громче.

— Может, она пьяная, — сказал наконец кто-то. После чего все они, шаркая, вернулись на свои койки.

Обед был таким острым, что я не смогла заставить себя что-то съесть. Я гордо отвернулась, легла на подушку и закрыла глаза.

— Вам плохо? — спросила сестра.

Я с трудом открыла глаза.

— Нет, мадам.

— Тогда почему вы не едите?

— Она пьяная, — подсказал приторный голос.

Я опять захрапела.

Женщины перешёптывались; к нам неизвестно зачем приходили и уходили пациентки из других палат; часы били каждый час и каждые полчаса. В три часа я решила, что мне пора уже встать и собраться на встречу с друзьями. Шёпот за моей спиной нарастал, подобно рёву бури, но несмотря на это, я встала и пошла искать сестру.

— Пожалуйста, дайте мне мою одежду. У меня назначена встреча, и я не хочу её пропустить.

От удивления её рот широко раскрылся, а потом захлопнулся, как капкан.

— Это больница, — сказала она сурово, — а не гостиница.

— Но, сестра, в военных госпиталях солдаты могут приходить и уходить, когда хотят, если им позволяет здоровье.

— Я ничего не знаю о порядках в военных госпиталях. Вам следует поговорить с дежурным врачом.

Однако врач, когда я нашла его, сказал то же, что и сестра, о больницах и гостиницах.

— Если хотите выписаться, пожалуйста, — сказал он. — Но приходить и уходить нельзя.

— Хорошо, доктор, я выписываюсь.

Врач ничего больше не сказал, а только раздражённо усмехнулся. Он записал моё имя и «заболевание» — «ранена в правую руку» — и вернулся к сестре, которая выдала мне мою одежду с нескрываемым облегчением.

Но она согласилась перевязать мне руку, промыла рану спиртом в операционной и щедро обложила рану ватой, прежде чем снова её забинтовать. И когда я прощалась, она даже оттаяла и назвала меня милочкой. Я уверена, что она была очень приятной женщиной.

Я слонялась по вокзалу до половины шестого, когда пришли офицеры. Девушки появились в шесть, делая вид, что торопятся. По их мнению, стоило пообедать в вокзальном ресторане. Таким образом, я смогла наконец увидеть Харбин незадолго до заката.

С тех пор я много раз слышала, что Харбин — красивый экзотический город, и что в нём есть что-то завораживающее. Мои собеседники вспоминали фонари, подобно ожерелью висящие вдоль кривых улочек, пестроту шёлковых вывесок, разительный контраст между Старым и Новым городом, рикши[198] и дрожки[199], китайцев и русских. Возможно, он такой и есть, и даже лучше, но мне Харбин запомнился как грязный лабиринт, лиловый сумрак с отдельными вкраплениями света фонарей, рваный просвет над моей головой, заполненный ночным мраком. Я запомнила его таким, потому что сразу с вокзала девушки повезли нас в Старый город, а Старый город апрельским вечером, особенно когда вот-вот мог пойти дождь, похож был на китайский квартал в любом другом городе мира.

В конце концов мы приехали к обветшалому деревянному зданию. У входа в него с одной стороны располагалась прачечная, а с другой,

---

[198] Рикша — вид транспорта, представляющий собой коляску для перевозки пассажиров, которую тащит за собой человек.

[199] Дрожки — лёгкий открытый четырёхколёсный экипаж на рессорах, рассчитанный на двух пассажиров.

кажется, бакалейная лавка. Наверх вёл неопрятный лестничный проём, освещённый единственной керосиновой лампой. Наверху было темно и неприятно.

Соня повернулась к офицерам.

— Это, боюсь, не лучшее место, — сказала она, — но, если хотите, вы можете зайти и познакомиться с другими институтками из знаменитого Смольного. Плод революции, как сказал господин Соколов, и право же, это весьма испорченный плод.

Офицеры в растерянности переглянулись, застигнутые врасплох этим предложением. Всё же они поднялись по лестнице, скрипевшей под нами от старости, которая привела к двери в помещение, прежде служившее, скорее всего, сушильной комнатой при прачечной. Это была большая плохо освещённая комната. Там стояло пять походных коек, диван, затянутый рваным зелёным шёлком и красный полированный шкаф для одежды гигантского размера. В комнате были двое — полная и худая девушки. Полная сидела на газетах, расстеленных на полу; она спичкой доставала из банки сардины и ела их, время от времени откусывая кусок сдобного кофейного кекса. Нам сказали, что её зовут Катей; в ответ она согласно хмыкнула.

На диване, заложив руки за голову, лежала худая девушка. Она сосредоточенно разглядывала паутину на потолке, словно мыслями находилась где-то в другом, лучшем мире. Она выглядела очень больной и совершенно аристократичной; я уверена, что и то, и другое было именно так. Её, как выяснилось, звали Сашей.

Офицеры попытались пригласить и этих двух девушек поехать куда-нибудь с ними на ужин, но Саша лишь вяло улыбнулась в ответ. Тогда они в отчаянии вызвались сходить куда-то за едой и принести её сюда.

— Нет, спасибо, — сказала заговорившая впервые Катя; у неё оказался неожиданно тихий и нежный голос, — я только что заглотила банку сардин и немного французского кекса и собираюсь последовать примеру Саши. Она съела такую же банку сардин и, как видите, сейчас уже мысленно в лучшем из миров.

Атмосфера в комнате, и без того затхлая и натужная, стала наполняться ощущением женской скуки. Офицеры что-то хмыкали и мямлили, пытаясь завязать разговор. В конце концов, когда уже невозможно было не заметить, как Надя широко зевнула своим розовым ротиком, они поспешно попрощались и чуть ли не бегом покинули комнату. Смолянки смогли бы вывести из себя и более стойких мужчин.

Когда их шаги наконец отгремели вниз по скрипучей лестнице, Саша потянулась, невежливо зевнула и сказала:

— Слава богу, эти щенки ушли.

— Да уж, — согласилась Надя, — не понимаю, чего мы с ними связались. Денег у них никогда нет, а в итоге подхватишь какую-нибудь заразу.

Шура поспешно перекрестилась.

— Скорее возьми свои слова обратно, Надя. Вспомни прошлую ночь…

Надя пожала красивыми плечами.

— Чему быть, того не миновать, — сказала она равнодушно.

При этих словах тяжеловесная Катя встала и сказала своим уютным нежным тихим голосом:

— Ну, *курвы*, что у нас с вечеринкой?

Я чуть язык не проглотила от изумления. Ведь в армии *«курва»* означает «проститутка».

Слово «вечеринка» неожиданно заставило всех присутствующих оживиться. Саша сразу же слезла с дивана.

— Боже мой, — сказала она, — который час?

— Уже девять, — ответила Катя и добавила своим нежным голосом несколько заковыристых выражений, каких я никогда не слышала даже от пьяных солдат. — Мы явно опаздываем, а всё потому, что вы три **** взялись терять время с какими-то **** щенками.

Все поспешно взялись переодеваться, переругиваясь между собой. Не могу вспомнить ничего более странного, чем стройное белое тело Нади, сбрасывающей с себя последнюю одежду с совершенно чудовищным ругательством. Я никогда в жизни не видела столь изысканного нижнего белья, но поверх него девушки надели чёрные, тёмно-синие или коричневые платья. Когда все были готовы, Надя повернулась ко мне и сказала:

— Пойдём с нами, Марина. Нас пригласили на китайский ужин. Будет весело.

Я задумалась, как быть. Но мысль о том, что мне предстоит в одиночестве провести в этом месте всю ночь, в конце концов заставила меня согласиться.

Мы прошли через несколько тёмных переулков, в которых, казалось, подстерегает *нечто*; эхо наших шагов обретало форму, собиралось в стаи и кралось за нами по пятам, как будто что-то злоумышляя. Наконец мы выбрались на ярко освещённый бульвар, где, пожалуй,

можно было увидеть военную форму всех стран мира. Впрочем, мы прошли его слишком быстро, и у меня не было времени как следует всё это рассмотреть.

Мы пришли в один из лучших на вид ресторанов, немного поговорили со швейцаром-китайцем, который открыл нам дверь с несколько излишней фамильярностью. Иными словами, он нежно шлёпнул смеющуюся Катю по её полненькой попке. Мы прошли салон, отделанный тиковым деревом, который был расположен над кричащей роскошью обеденного зала, и поднялись на один пролёт по небольшой лестнице.

Лестница упиралась в тяжёлый занавес из розового шелка. За занавесом стоял молодой китаец, а за ним был тёмный пустой коридор со следами давнего запустения. Там была пыль, окурки сигарет, жёлтые обрывки газет, два или три сломанных стула. Китаец, пустое лицо которого при нашем появлении стало ещё более невыразительным, провёл нас по коридору в большой зал, где из мебели были только большой рояль и скамейка. Пахло ладаном, как в соборе в Екатеринодаре.

Снизу доносились слабые отзвуки веселья; чуть слышно позвякивали тарелки. За единственным окном виднелся кусок неприветливой сырой ночи. Комната тускло освещалась двумя бронзовыми лампами, подвешенными к потолку, но было видно, что натёртый пол здесь невероятно чист. Пожалуй, это было самое недоброжелательное место в Харбине; по крайней мере, мне так показалось.

Катя, которую вся прежняя угрюмость покинула, как только мы перешли бульвар, сейчас же порхнула к роялю — иным словом это нельзя было назвать, несмотря на её плотную комплекцию — и со смехом уселась на скамейку.

И перестала смеяться.

Она долго смотрела вверх, сквозь потолок. Её пухленькое личико приобрело трагическое выражение; конечно же, эти невинные губы никогда не произносили слово «курвы». Примерно минуту она сидела, не двигаясь, положив неподвижные руки на клавиши. Потом она заиграла.

Мы все сидели на полу, опёршись спинами об стену. В какой-то момент в отблеске неяркого света я увидела новый образ Шуры; всё её лицо стало совсем другим, бесконечно невинным. Никто из нас не двигался. Катя играла что-то невыразимо прекрасное и печальное.

Очарование нарушила Саша. Она встала с пола, бледная и сердитая, подошла к Кате и грубо стащила её со скамьи.

— Вот *не надо* портить хорошее настроение своей похоронной классикой, — сказала она. — Кончай давай.

Катя не возразила, отошла к стене и села рядом с нами. Потом она засмеялась.

(Жаль, что господин Соколов не видел этой комнаты и всего того, что здесь происходило и произойдёт, до того, как он начал изготавливать для армии негодные сапоги, или до того, как начал давать деньги в долг — в общем, до того, как он тем или иным образом сколотил состояние на этой войне. Или потребовалось бы нечто большее, чем Катин оборвавшийся смех, для того, чтобы не дать всем таким Соколовым довести мир до того состояния, в которое они его ввергли?)

Саша, сидевшая теперь за роялем, наигрывала какие-то военные мелодии. Она умудрялась заставить рояль звучать подобно третьесортному инструменту в самом убогом мюзик-холле. Потом она спела двусмысленную песенку; слова этой песни срывались с её аристократических губ, будто блевотина. Остальные не обращали на неё никакого внимания. Кажется, только меня волновало, остановится ли она или нет.

А потом часть стены открылась, распахнувшись наружу, словно дверь. Там, за дверью, оказался банкетный зал, а в центре зала был стол, уставленный цветами и бутылками. Два официанта-китайца с поклоном пригласили нас войти.

Зал был не очень большой. Стены завешаны тем же тяжёлым розовым шёлком, что встретил нас у входа на лестницу. Освещение было тусклым, и от этого всё вокруг казалось мне роскошным; возможно, оно и было роскошным. Я начала чувствовать себя крайне неуместно в своём тяжёлом кителе и форменной одежде.

Девушки ходили вокруг стола, нюхали цветы, трогали бутылки и о чём-то смеялись между собой. Тем временем занавес из розового шёлка немного раздвинулся, и из открывшейся за ним темноты в зал вошли пять китайских джентльменов.

Я не могу их описать, потому что для меня все китайцы выглядят одинаково. Могу только сказать, что три китайца были толстыми, а два худыми. У худых китайцев свисали тонкие чёрные усы, а у толстых китайцев усов не было. На всех на них была одежда из дорогой парчи очень тёмного, чтобы не сказать неприятного оттенка синего; на головах у всех были китайские шапочки. Ни один из них не носил косичку; их руки были в идеальном порядке, и они курили русские сигареты. Все они, как мне показалось, бойко говорили по-французски.

И хотя это было лишь моё впечатление, ни на чём не основанное — они не показались мне настоящими джентльменами. Скорее они были — если таковое вообще возможно — китайскими аналогами господина Соколова.

Официант принёс поднос с жёлтым напитком. Он оказался настолько крепким, что я отставила свой стакан после первого глотка, вслед за чем Катя немедленно его опустошила. Потом принесли другие напитки, потом закуски. Ужин начался.

Это был самый длинный ужин в моей жизни и самый скучный. Казалось, что розовый шёлковый занавес медленно, но верно гасил любые признаки веселья. В довершение всего я сидела между Соней и Сашей, и так-то не слишком приветливыми, которые теперь были поглощены разговором со своими соседями по столу на французском языке. На столе одно за другим появлялись всё новые блюда. Один толстый китаец ел только китайскую еду, девушки ели только европейские блюда, остальные китайцы понемногу пробовали всё, что видели. Дым от сигарет, которые они непрерывно курили, вскоре заволок свет от ламп. Я попыталась выпить немного вина, но от этого лишь ещё больше захотела спать. Со мной никто не разговаривал. Я начала клевать носом.

Из соседней комнаты доносились резкие звуки плохо исполняемого танго. Столовая была пуста, моя голова лежала между двумя чайными чашками и длинной бутылкой вина. Я встала и, пошатываясь, пошла за занавес.

Нетвёрдо стоя на ногах, я оглядела соседнюю комнату.

Четверо джентльменов сидели вдоль стены на шёлковых подушках. Пятый, молодой и стройный, стоял у рояля рядом с Сашей. Рядом с тремя джентльменами лежали Соня, Надя и Шура. Четвёртый возлежал на своей подушке один.

На минуту я задержала взгляд на Кате, которая стояла посреди комнаты одна и неестественно громко смеялась. Смех этот показался мне тогда и кажется сейчас абсолютно нечеловеческим. Весь пол вокруг неё был усыпан мятыми пятирублёвыми банкнотами, которые, видимо, швыряли ей джентльмены. Ещё чуть поодаль на полу лежало Катино платье.

На ней была розовая шёлковая сорочка и один чулок. Распущенные волосы каштанового цвета яростно развевались, словно жили своей отдельной жизнью и не имели к Кате никакого отношения. Она раскраснелась и тяжело дышала от напряжения; кажется, она только

что танцевала, поскольку звуки танго резко оборвались как раз перед тем, как я вошла.

Сначала они меня не видели. Только теперь я поняла, почему три девушки, растянувшиеся на полу рядом с тремя джентльменами у стены, так тщательно подбирали изящное нижнее бельё. Наконец джентльмен, у которого пока не было девушки, проорал: «Marché! Marché!»[200]

Катя повернулась к Саше. Та надменно кивнула, взяла из рук стоявшего рядом с ней тощего джентльмена бокал, осушила его, зажгла сигарету и заиграла нечто вроде пародии на русский военный марш. Только тут Соня меня узнала.

Она что-то прошептала на ухо самому толстому из трёх толстых китайцев, сняла с его шеи свою тонкую голую руку, обнимавшую его, очень аккуратно, как это делают сильно пьяные люди, встала на ноги и неуверенной походкой подошла через зал ко мне.

— Пойдём, — сказала она, и я послушно пошла за ней через зал, потому что слишком испугалась и не могла сопротивляться. Пока мы шли я увидела, что Катя снимает уже второй чулок.

— Садись, — сказала Соня и не слишком нежно пихнула меня на колени толстого джентльмена. Тот посмотрел на меня едва различимыми щёлочками глаз и начал гладить меня от плеча до колена; его пальцы были нежны и неумолимы. Я кинула безумный взгляд налево и увидела Надю, сидящую на коленях у второго тонкого джентльмена; она тоже была совершенно пьяна.

— Marché, alors![201] — заорал никем не занятый джентльмен. — Marché! Marché!

И рояль зазвучал громче, а Катя, все ещё стоящая в одной розовой сорочке, стала изображать дурацкую пародию на солдата с винтовкой на учениях. А потом — наверняка это было частью представления, которое эти двое не раз устраивали — Саша неожиданно без пауз перешла на свадебный марш…

Надя и её партнёр встали и вышли из комнаты.

…А Катя сорвалась с места, подбежала к незанятому джентльмену, рухнула ему на колени и затряслась от смеха; первый тощий джентльмен умело втиснулся между Сашей и скамьёй около пианино; жёлтый палец начал теребить среднюю пуговицу моей гимнастёрки.

— Я не хочу, — завизжала я, — не хочу!

---

[200] Marché! (фр.) — вперёд, давай, продолжай.

[201] Marché, alors (фр.) — итак, вперёд, итак, давай, итак, продолжай.

— Маленькая дура, — сказала Соня, стоявшая на нетвёрдых ногах у стены. Жёлтый палец не оставлял в покое мою пуговицу.

— Отпустите меня, — проговорила я чуть слышно, — о, пожалуйста, отпустите меня.

И тут за моей спиной возникла Шура; она наклонилась и что-то гневно сказала по-французски. Я оказалась стоящей на ногах, Шура стояла рядом.

— Беги вниз, — быстро сказала она мне, — как выйдешь отсюда, сразу бери рикшу и уезжай. Если задержишься, я не смогу тебе помочь. — И она слегка подтолкнула меня к двери.

Перед тем как уйти, я ещё раз оглядываюсь и ясно вижу их всех. Карие глаза Шуры полны страдания и страха. Соня визжит: «Сучка, ты счастья своего не понимаешь», — а её голос уже не звучит как нежная музыкальная шкатулка; шкатулка треснула от пьяного гнева. Катя поднимает своё пухленькое личико и смотрит на меня, совершенно не узнавая. А Саша, абсолютно трезвая, настоящая аристократка, сидящая поодаль на коленях у своего китайца — Саша улыбается мне с восхитительным презрением.

Я пробежала по коридору, откинула шёлковый занавес, спустилась по лестнице, оттолкнула привратника, который вяло попытался меня задержать, нашла на улице рикшу и велела везти на вокзал.

Уже почти наступило утро.

В девять часов пришёл комендант. Он без единого слова подписал мои бумаги и сказал, что я могу уехать десятичасовым поездом. И поезд увёз меня. Меня никто не провожал, никто не пожелал счастливого пути. Лишь наметённые ветром песчаные холмы Харбина, вплотную подступавшие к путям, глупо покивали мне на прощанье.

Глава 29
ОТЪЕЗД

По мере приближения к Владивостоку пейзаж за окном начал меняться. Казалось, какой-то добрый ветер принёс семена всех деревьев Маньчжурии на эти упрямые холмы. Дубы и липы, пробковое дерево и рябина, осина и дикая вишня, и ещё множество других деревьев, названий которых я не знала и не запомнила, возвышались над густым непроходимым подлеском, и надо всем этим сияли лучи отражённого в воде солнца. Но когда мы подъехали, небо закрыли низкие тучи, а сам город исчез за пеленой дождя.

Мне сказали, что американский госпиталь[202] находится в квартале, известном как «Гнилой угол»[203]. Я села в трамвай и отправилась в долгое путешествие через весь город. Сквозь залитые дождём окна я могла разглядеть только неясные очертания красивых домов, прекрасные следы навсегда ушедшего. И когда, наконец, трамвай доехал до конечной остановки, где вокруг были уже только захудалые домишки, мне сказали, что до госпиталя ещё далеко.

Дождь постепенно стихал, а потом и совсем прекратился. Домики остались за моей спиной, и теперь я шла по открытой местности. Приближающийся закат несмело бросал тени на поля; лучи заходящего солнца отражались зелёным в мелких прудах по обе стороны дороги. Дорога впереди была пустой, в полных грязи выбоинах блестела дождевая вода. Наконец мне встретились два китайца, нёсшие на плечах овощи, которые сказали на ломаном русском, что мне нужно «иди мало вперёд».

Идти пришлось ещё четыре с лишним версты.

В моей жизни регулярно возникали госпитали, хорошие и плохие: в Баку, Тифлисе, Москве, Казани и Омске. Я могу сказать только одно: американский госпиталь во Владивостоке безукоризненно управлялся, и его работники были безукоризненно добры. Нужно ли к этому что-то добавлять? Мой рассказ почти завершён, и мне хочется наконец дойти до этого завершения, как путнику, который уже видит перед собой постоялый двор. Молчание — это лучшая дань уважения совершенству.

В госпитале меня держали примерно три недели. Там мне не давали узнать о новых революционных событиях; мне сказали, что нужно ехать в Японию, на сероводородные источники. Мне оформили паспорт и документы на выезд. Я нелепым образом попала на войну, я была на ней долгое время, однако мой отъезд прошёл совсем просто.

И чтобы ничего не упустить, я должна сказать, что в чехословацкой миссии не было вестей от моего капитана. И он тоже заслужил дань молчания.

---

[202] Американский Красный Крест организовал во Владивостоке два госпиталя: один на острове Русский, второй — «Госпиталь для беженцев» («Vladivostok Refugee Hospital») непосредственно в городе.

[203] «Гнилым углом» в XIX — начале XX века называли окрестности современной Луговой улицы во Владивостоке, представлявшие собой болотистую низину.

Я могла бы рассказывать о том, как прощалась с Россией утром или на закате; могла бы смотреть назад и видеть, как береговая линия тает вдали в морском воздухе, и море сливается с сушей, или как очертания берега тонут в закатном золоте. Мне следовало бы хотеть всего этого, ведь тогда я могла бы к чему-то стремиться, или чего-то бояться, или о чём-то жалеть. Станица Раевская осталась безвозвратно позади, а Востоку впереди меня ещё только предстояло стать вырастающей из моря реальностью. В тот момент я должна была бы чувствовать себя искательницей приключений, стоящей на пороге большого неизведанного мира...

Но всё было иначе. Море было ужасно холодным, апрельская ледяная крошка ещё не сошла до конца, дождь утих только к середине дня. А когда серым полднем мы вышли из залива Петра Великого, то дождь полил, как из ведра, и небо смешалось с водой.

И у меня из души ушли и страх, и надежда. Я не жалела о прошлом и ничего не ждала от будущего.

За бухтой Золотой Рог оставшиеся позади очертания Владивостока постепенно превратились в кривую размытую линию. Постепенно впереди лёг вечерний туман, вполне осязаемый, но пустой внутри; он подкрался незаметно и накрыл всё море.

Конец

Марина Юрлова

РОССИЯ, ПРОЩАЙ

Глава 1

Я приехала во Владивосток из Харбина примерно в полдень[204]. Я чувствовала себя больной и одинокой, раны в плече и руке ныли, как ноет больной зуб. В комендатуре напротив вокзала[205] мне пришлось подождать, пока выданное мне назначение обменяют на направление в военный госпиталь.

Чиновник торопливо сказал: «Это в северо-восточной части города. Езжайте на трамвае, вот вам рубль на билет». Он помолчал, пожевал губами и многозначительно заявил: «Желаю вам удачи в Гнилом углу».

«В Гнилом углу?» — тупо переспросила я. Тогда я ещё не знала, какие новые испытания ждут меня во Владивостоке; не знала и того, каким ужасным местом окажется этот «Гнилой угол» для раненого солдата[206]. Я зажала в руке рубль и неожиданно почувствовала себя спокойней. Это же целый рубль на билет! Невероятно! А на сдачу я смогу купить себе…

Но чиновник смотрел на меня со странным выражением. Мечты о том, как можно будет кутнуть на этот рубль, пришлось отложить.

---

[204] Предыстория описываемых событий изложена автором в книге «Казачка» («Cossack Girl»). Её прибытию во Владивосток весной 1919 года посвящена последняя глава названной книги.

Владивосток — административный центр Приморской области Российской империи. Основан в 1860 году. Ныне административный центр Приморского края Российской Федерации.

Харбин — город в северо-восточном Китае, основанный русскими поселенцами в 1898 году при строительстве Китайско-Восточной железной дороги.

[205] Железнодорожный вокзал города Владивостока находится по адресу: улица Алеутская, 2. Построен в 1893 году.

[206] «Гнилым углом» в XIX — начале XX века называли окрестности современной Луговой улицы во Владивостоке, представлявшие собой болотистую низину.

«Я только что приехала во Владивосток, — пробормотала я, — а где здесь остановка трамвая?»

Он очень вежливо объяснил мне, как её найти, я поблагодарила за помощь и вышла на улицу. Я была настолько взволнована, что невольно слегка приплясывала на мостовой в ожидании трамвая. В этом прекрасном городе, столь непохожем на другие приграничные города в азиатской части России, должны были закончиться мои скитания. Конечно же, всем приключениям и горестям должен прийти конец — как он пришёл для Российской империи и для Великой войны.

Жадно оглядываясь по сторонам, я видела театры с блестящими афишами; магазины, предлагавшие последние образцы парижской моды; множество отелей, излучавших тот «шик», которого никогда не было в той России, откуда я приехала. Кресты сияли на золотых куполах церквей. Вокруг были тысячи признаков благополучия, и в моём изголодавшемся сознании всё это напоминало рай. В этом городе, так лениво раскинувшемся вокруг бухты Золотой Рог, я должна обрести мир.

Настроение у меня несколько упало, когда кондуктор потребовал за билет целиком весь мой прекрасный рубль. Но оно опять улучшилось, когда трамвай медленно со звоном шёл по центральной улице города, Светланской[207]. Здесь располагалась знаменитая гостиница «Золотой Рог»[208], в которой останавливались видные российские военачальники и важные персоны из Японии и Китая. Конторы известных до войны крупных компаний, сибирских копей и больших торговых домов сейчас пустовали. На одном из углов стояла церковь[209], что всегда радует глаз путешественника, прибывшего в незнакомый город и ещё не знающего, что его ждёт. Я подумала, что это, наверно, храм

---

[207] Первая и главная улица Владивостока. До 1873 года — Американская. Переименована в честь визита фрегата «Светлана», на борту которого находился великий князь Алексей Александрович. С 1924 года — улица Ленинская. Историческое название Светланская возвращено в 1992 году.

[208] Гостиница «Золотой Рог» существовала во Владивостоке с начала 1880-х годов по адресу: улица Светланская, дом 13. В здании гостиницы работали одноимённый ресторан и театр. Закрыта в 1987 году. В настоящее время в здании размещены магазины и офисы.

[209] Вероятнее всего, речь идёт о соборе Успения Пресвятой Богородицы, находившемся на углу Светланской и Успенской улиц. Открыт в 1889 году, разрушен в 1938 году. С 1947 года на месте собора находится здание Приморского краевого художественного колледжа (ул. Светланская, д. 65а).

Христа и четырёх его апостолов[210], потому что у него был один большой купол и четыре маленьких. А по улицам расхаживало множество мужчин в самых разных военных формах. Там были чехи в мундирах жёлто-зелёного цвета с малиновыми нашивками на рукавах. Были офицеры русской Белой армии; ведь в эти непростые послевоенные дни Владивосток был столицей сторонников старого режима, покинувших свои дома под натиском красных. Великолепие их довоенной формы напоминало об эпохе гренадёров и лейб-гвардейцев с их полковыми знаками[211] и начищенными до блеска сапогами.

Были тут и офицеры-итальянцы в типичных накидках голубого цвета, французские солдаты в серо-голубых мундирах, сербы в темно-зелёной форме, англичане и американцы (мундиры цвета хаки разнились у них столь незначительно, что мой неопытный взгляд не мог отличить их друг от друга). Присутствовали там и японцы, и китайцы. Японцев было больше всего. Это были невысокие угловатые люди в жёлтой форме с красными околышами на головных уборах; непонятным образом от них исходило ощущение силы. Китайцы выглядели странно в своём очень скромном и неопрятном обмундировании защитного цвета. Кроме всех прочих, иногда я замечала в толпе офицеров недавно образованной польской армии, австрийцев и греков[212].

---

[210] Как известно, апостолов было 12 (см. в Библии: Деян. 1:13, 1:21–26). Надо полагать, что автор имела в виду четырёх евангелистов (Матфей, Марк, Лука и Иоанн). Считается, что именно такова символика пятиглавых храмов: центральный купол обозначает Иисуса Христа, а четыре других купола — четырёх авторов Евангелия.

[211] Гренадёры — отборная пехота, специально обученная для штурмовых действий. В Российской армии существовали специальные гренадёрские части и подразделения.

Лейб-гвардия (Российская императорская гвардия) — приближённые к императорскому двору воинские части, укомплектованные особо обученными и снаряжёнными солдатами. Гвардейское офицерство состояло из представителей лучших дворянских семей Российской империи.

Полковые знаки для ношения на военной форме существовали у каждого полка Российской империи. См., например: *Андоленко С. П.* Нагрудные знаки Русской армии. — Париж, 1966.

[212] Страны Антанты предприняли военную интервенцию в России после подписания Брестского мира в начале 1918 года под предлогом необходимости охраны военного имущества. В частности, на Дальний Восток направили свои войска Япония, США, Канада, Сербия, Румыния, Италия, Великобритания, Франция, Китай.

Трамвай шёл всё медленнее, и я была этому рада, потому что могла как следует рассмотреть город. Наконец мы свернули за угол и остановились напротив кафе «Золотой Рог». Там было множество нарядно одетых женщин; на фоне их туалетов даже офицерские формы казались невзрачными. Всё выглядело действительно праздично. Сначала я заворожённо смотрела на эту картину, напомнившую мне китайский квартал в Харбине, куда путешественники и офицеры иностранных армий стекались по ночам в поисках развлечений. Но всё же здесь что-то было иначе, и чем больше я смотрела в окно трамвая, тем лучше становилось у меня на душе, и искра надежды на грядущее зажглась в моем сердце. В конце концов, здесь была настоящая жизнь и настоящие приключения! Ужас перед неизвестным, столь обычный для страны, из которой я приехала, не омрачал сегодняшнего веселья. Я вздохнула с облегчением и посмотрела в другую сторону. Трамвай по-прежнему медленно двигался вперёд, и тут, к моей огромной радости, я увидела изгиб залива в ярком луче солнца, пробившемся сквозь небольшой просвет в тучах. Посреди залива был остров, который сверкал подобно драгоценному камню[213]; на нём стояло множество высоких зданий, блестевших безмятежной белизной. За островом открывался узкий пролив, ведший в Японское море.

Казалось, эта картина приветствует меня и обещает новую счастливую жизнь. Я с благоговением смотрела на неё и думала о том, как необъятна моя Россия! От Кавказских гор, граничащих с Персией на юге, от реки Днепр и Чёрного моря в Западной Европе[214], от Балтийского и Белого морей на севере, через кажущиеся бесконечными

Об участии греческих войск в интервенции на Дальнем Востоке историкам неизвестно. Вероятно, автор перепутала греков с представителями какой-то иной страны.

Отдельные польские части начали формироваться в Российской империи с началом Первой мировой войны; этот процесс ускорился после того, как Временное правительство признало независимость будущей Польши 16 марта 1917 года.

Что касается офицеров австрийской армии — надо полагать, что речь идёт о пленных австрийцах, освобождённых после Брестского мира и ещё не успевших уехать к себе на родину.

[213] Вероятно, речь идёт об острове Русский.

[214] Утверждение о том, что река Днепр и Чёрное море относятся к Западной Европе, следует оставить на совести автора, явно не обладавшей системными познаниями в географии. Общепринято считать их Восточной Европой.

просторы Сибири, а затем через неизведанные земли Туркестана[215] и таинственную пустыню Гоби[216] — и наконец к границе с Маньчжурией[217], где кончается российская земля на юго-востоке. И сколь немногие действительно понимают подлинную ширь и скрытую силу моей страны!

Но вот наконец трамвай дёрнулся и остановился окончательно. Лоскут голубого неба над заливом Золотой Рог затянуло серой пеленой. Люди в трамвае ещё какое-то время сидели спокойно на своих местах, а потом потянулись к выходу. Кое-кто из них перебрасывался словами с кондуктором, который стоял на улице и отвечал на их вопросы, оживлённо жестикулируя. Я по-прежнему сидела на своём месте, разглядывая выходящих пассажиров. Моё сознание словно раздвоилось, и вторая его половина всё ещё с грустью вспоминала ту огромную Россию, которую я только что мысленно увидела, старых друзей и те места, в которые — я теперь была в этом уверена — мне уже никогда не следует возвращаться.

Погрузившись в прощальные воспоминания, я не заметила, что все, кроме меня, уже вышли из вагона, пока кондуктор не вошёл и не уселся напротив меня, глядя с подозрением. Я задала ему глупый вопрос, что случилось, а он ответил, что работники трамвайного парка неожиданно решили бастовать. Он выглядел в высшей степени возмущённым и огорчённым и смотрел на меня так, словно виновницей забастовки была не кто иная, как я. Но я, глядя в окно на порт и залив, небо над которыми затягивали густые облака, нагоняемые с моря холодным ветром, решила, что не стоит столь легко покидать такое убежище, как трамвайный вагон. Я подумала, что мне нужно узнать много всего о Владивостоке, прежде чем я двинусь дальше в эту непогоду, совсем одна и без рубля в кармане. Казалось, единственное, что я могла сейчас сделать — это подружиться с тем сердитым существом. Чувствуя его изучающий взгляд, я сказала как можно жалобнее, наполовину как бы сама себе:

---

[215] Туркестан — историко-географический район в Средней Азии, к которому принято было относить территории современных Казахстана, Киргизстана, Туркменистана и Узбекистана. В Российской империи эти земли входили в состав Туркестанского края.

[216] Пустыня Гоби находится на территории Монголии и Китая и никогда не являлась российской территорией.

[217] Маньчжурия — историческое название северо-восточной части современного Китая.

— А я только что приехала во Владивосток…

Человек напротив меня перестал хмуриться. Думаю, он был рад, что я начала разговор.

— Да, да, — он понимающе кивнул, — я так и подумал. Я раньше вас здесь не видел. Откуда вы приехали?

Я с трудом удерживалась от смеха. Казалось забавным, что он может знать в лицо всех людей в большом городе, и я спросила:

— Да ну, неужели вы знаете здесь всех во Владивостоке?

— Почти всех. В центре города у гостиницы «Золотой Рог» и у вокзала движение очень оживлённое, иногда пассажиры входят и выходят прежде, чем успеешь их как следует разглядеть. Но от морского училища[218] и до конца маршрута мы знаем практически всех. Вы, наверно, едете в военный госпиталь? Вы юноша или девушка, барышня?

Тут я уже открыто рассмеялась и сказала, что он угадал.

— Ох! — он изумлённо раскрыл рот. — Вы выглядите как молодой человек, но говорите, как девушка.

— Я и есть девушка. Неужели здесь во Владивостоке не было девушек-солдат?

— Нет, — покачал он головой с сожалением. — Мы слыхали, что такие есть, но, возможно, это была ложь, как и все прочие россказни, которые мы здесь слышим о Великой войне и революции.

Он подошёл к окну, открыл его и со значением сплюнул, как бы выразив этим своё неодобрительное отношение ко всем лживым известиям. Судя по крупному желтоватому лицу и дряблому рту, кондуктор когда-то был весьма полным человеком, но сейчас он выглядел тощим и жалким. Его ужасно грязные руки, костлявые и мозолистые, были землистого цвета. Наконец, смачно харкнув пару раз, он снял засаленную фуражку и поскрёб в затылке, а потом еле высвободил свои грубые пальцы из остатков волос. Потом он сел на скамью напротив и стал расправлять широченные форменные штаны, закрутившиеся вокруг ног.

Возможно, он и правда был человеком, «знающим свой Владивосток», и я спросила, надеясь получить надёжную информацию из первых рук:

---

[218] Речь идёт о Владивостокском Александровском мореходном училище дальнего плавания, открытом в 1890 году (до 1902 года — Александровские мореходные классы). Находилось по адресу: улица Светланская, дом 75. В настоящее время — Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского.

— О каком вранье вы говорите? Разве вы не слышали, что война закончилась, а царя убили?[219]

Я попала в точку. Он впился в меня глазами и некрасиво прищурился; положил одну ногу на скамью, оперся на неё локтем, положил обвислую щёку на свой коричневый кулак и пустился в горестные объяснения:

— Да, именно так они и говорили ещё почти год назад: «Война окончена!» А всё это время сюда прибывали и прибывали солдаты, и теперь похоже, что всё может начаться заново. Да город кишит солдатами! Солдатами всех цветов и видов. Японцы разгуливают так, как будто город им принадлежит, да и китайцы стали такими заносчивыми! Раньше, бывало, на них только цыкнешь, и они убегали, как щенки; а сейчас, как нацепили свою форму, так только пялятся на тебя и с места не сдвинутся. Мне хоть трамвай останавливай, чтобы не наехать на них. Говорят, немцы готовят их для войны с японцами, но сюда-то их нечего привозить, пусть не выпендриваются! Но хуже всего, когда эти незваные гости заходят в трамвай и пытаются рассказать, что им надо. Мне их жаль, Господь явно смешал их языки[220], они и сами себя-то не понимают и объясняются на пальцах. А попадаются и совсем дурные: садятся в трамвай, когда им бы просто дорогу перейти. Тут недавно один запрыгнул в трамвай на ходу, руками что-то показывает и всё твердит: «*Леглиз… Леглиз… Леглиз..*»[221]. Я уж совсем собрался выставить его из вагона, чтобы не мешал, а тут девчушка примерно так лет десяти подошла и говорит мне: «Этот господин хочет сойти у церкви». В жизни я так не удивлялся. Такая малышка, а такая

---

[219] Россия подписала сепаратный Брестский мир с Германией и её союзниками 3 марта 1918 года. Датой окончания Первой мировой войны в целом считается 11 ноября 1918 года, когда Германия подписала перемирие.

Бывший российский император Николай II был убит представителями коммунистической власти в ночь с 16 на 17 июля 1918 года вместе с женой и пятью детьми.

[220] «Господь явно смешал их языки» — отсылка к библейской легенде о Вавилонской башне:

«И сошёл Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие.

И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать.

Сойдём же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого». (Быт. 11:5–7.)

[221] L'église — церковь (фр.).

умная, и меня дураком выставили, ведь церковь-то была на этой улице прямо напротив. Я этого солдата развернул и показал ему на церковь.

Я уже много узнала от кондуктора, но оставалось ещё порядочно такого, что хотелось выяснить. Он же, казалось, готов был до бесконечности рассказывать про этих китайских солдат и маленьких девочек-пассажирок, и я его прервала:

— Во Владивостоке много иностранцев?

Он сердито хрюкнул, спустил ноги на пол, сунул свои грязные лапы между коленями и снова затянул своё:

— Много ли? Да город ими переполнен. В прежние времена у нас тут время от времени встречались кучки каких-то странных людей, а сейчас их везде полно. За тридцать лет, что я работаю на линии, никогда такого не видел! В японскую войну мы кое-что узнали о странных людях, живущих за пределами России, но тогда хотя бы все те, кто приезжал сюда, говорили по-нашему. А теперешние дурни, те даже не понимают, что один другому говорит.

Я была поражена и заинтригована. Мне доводилось встречать много невежественных людей среди рядовых казаков, но военная подготовка всё же наделяла им хоть какими-то проблесками интеллекта. Здесь я впервые столкнулась с образом мышления гражданских, представленных трамвайным кондуктором, и это оказалось новой головоломкой. Раньше я думала, что тому, кто работает на электрическом трамвае, требуются хоть какие-то мозги, чтобы понять принцип действия электричества и работы мотора. Однако этот человек был настолько тупым и так мало знал, что я не могла удержаться и не задать ему ещё пару вопросов, дабы понять, что же творится в его мозгу.

— Разве вы не знаете, — сказала я медленно, как говорят с маленькими детьми, — разве вы не знаете, что в мире есть ещё много разных народов, кроме русских, японцев и китайцев, у них есть свои страны, и они говорят на своих языках?

На его обрюзгшем жёлтом лице появилось хитрое выражение.

— Да, так говорят, — он усмехнулся. — Но им нельзя верить! К тому же эти смешные люди, о которых нам говорят, все белые, как и мы, а у японцев и китайцев цветная кожа и узкие глаза.

Я попыталась как-то его образумить.

— Но бывают ведь другие белые народы, — закричала я. — Они живут…

— Где?

— Ну, за морем.

— Но это японцы и китайцы живут за морем.

— Ещё дальше за морем, — слабо возразила я (атаковать этого человека моими знаниями было всё равно, что кидаться пластилином об кирпичную стенку), — понимаете, там дальше есть Америка, а потом Европа…

Кондуктор мрачно смотрел на меня.

— Вот так-то и они говорят, — сказал он презрительно, — да кто ж им поверит.

— Но разве вы не учили в школе географию?

— Ха! — кондуктор возбуждённо забегал туда-сюда по вагону. — В школе в моё время учили всякому вранью. Я целых две зимы ходил в церковно-приходскую школу[222], и дьякон научил нас только нескольким молитвам — как молиться за мёртвых и как за живых; научил слушаться и бояться царя и бога. Но теперь всё это невозможно, потому что была революция, и теперь каждый свободен, и каждый сам за себя. Говорю тебе, думай своей головой, прежде чем бояться кого-то или чего-то…

Едва закончив последнюю фразу, кондуктор с несвойственной для его возраста резвостью рванулся вперёд и отчаянно замахал руками на итальянского офицера, поднимавшегося по ступенькам трамвая.

— Забастовка! — громко закричал он. — Забастовка!

— Какая забастовка? — спросил итальянец на безупречном русском языке.

Бедный кондуктор замер на месте от изумления. В его затуманенном мозгу разом смешались все теории о разных народах, разных цветах кожи и языках. Потрясая кулаками, он прошествовал мимо офицера, бормоча: «Забастовка из-за невыплаты жалованья! Говорю же вам, это забастовка из-за жалованья!»

Офицер усмехнулся. Судя по всему, он не впервые сталкивался с владивостокскими трамвайщиками. Он повернулся ко мне, слегка пожал своими красивыми плечами, спрыгнул с подножки трамвая и остановил проезжавшего мимо извозчика. Мне было жаль, что он так быстро уехал. Встретить в этом безумном городе человека с проблесками интеллекта и чувства юмора было невероятной удачей.

Но кондуктор всё ходил туда-сюда по проходу, засунув руки в карманы, сгорбившись и опустив голову на грудь. Он был похож на увядший арбуз, на который надели шляпу. Одним глазом он смотрел

---

[222] Церковно-приходские школы — начальные школы в Российской империи, находившиеся в ведении церковных властей. Обучение в церковно-приходских школах длилось от одного до трёх лет.

на меня, а второй был прикрыт. Поседевшие рыжие брови торчали во все стороны — как будто щетина тех усов, которые, по рассказам моих товарищей, полагалось иметь каждому старшему сержанту британской армии. Похоже было, что он собирается прочесть мне ещё одну лекцию о китайцах и японцах. Он подошёл ко мне твёрдым и решительным шагом, потом немного отступил назад и закричал:

— Думаешь, ты знаешь что-то, сынок, девочка моя… барышня? Ты говоришь, что там далеко есть страны, есть люди? Вот только подумай о том, что только что произошло. Человек, который только что ушёл, был таким же русским, как ты и я. Чёрт его знает, зачем он напялил эти голубые штаны и дамскую пелеринку[223]… Виданное ли дело, чтобы мужчина носил такую нарядную штуковину на шее!

— Это форма итальянского офицера, — решилась я возразить.

— *Кикальянского* офицера? — взревел разъярённый кондуктор, — Да кто знает таких офицеров, такую страну, такой народ? Это всё революционная болтовня! Кто бы ни убил царя — надеюсь, этого убийцу хорошенько поджарят в аду, потому что с тех пор всё пошло из рук вон плохо. Всякие там новые правительства и новые ведомства, где всё перепутано… Да я поспорить готов — ставлю китайскую косичку против вашей формы, что все эти ряженые, которые якобы не говорят по-русски, все они тайные агенты прошлых правительств! Поставь любого из них к стенке да приставь ко лбу пистолет, уж ты поверь мне, он так заговорит по-русски, что его не остановишь! Так что не позволяй им себя дурить! Все эти годы они держали нас во мраке, эти жучары, и пришло время нам расправить спины!

Он остановился перевести дух, а потом злобно прошёл вперёд. Его руки всё ещё были засунуты в карманы, голова и плечи откинуты назад, словно он всем своим видом хотел выразить высказанное.

— Вот что я скажу вам, сынок, барышня, — проворчал он. — Не верьте ничему, что вам говорят! Нет никаких «кикальянцев» или «мамальянцев». Есть с одной стороны японцы, с другой китайцы, с третьей — корейцы, с четвертой — индийцы, а ещё кое-где в Сибири есть татары. Они все говорят по-русски, хоть и смешно коверкают языки, но хотя бы можно понять, что они хотят сказать. А все эти разряженные кикиморы просто с ума посходили! Они царя нашего убили, а этого нельзя было делать, и вот теперь они просто сходят с ума.

---

[223] Форма итальянской армии времён Первой мировой войны была голубого оттенка. Офицеры носили накидки, действительно напоминавшие дамские пелерины (короткие плащи).

Я работаю на трамвае уже тридцать лет, но никогда ничего подобного не видел за всё время моей службы. Поэтому просто не слушай, когда тебе говорят о сумасшедших людях белой расы и о крестьянах, пришедших к власти. Постарайся получать своё жалованье и береги себя в этой штуке, которую они зовут революцией!

Тут кондуктор выдохся. Широко зевая, он плюхнулся на сиденье в углу, веки опустились, по телу пробегала дрожь от сильного волнения.

Он долго пролежал в углу без движения. Я дважды пыталась привлечь его внимание: сначала спросила, как я могу добраться отсюда до госпиталя, а второй раз прямо задала вопрос, как можно жить, будучи таким дураком. Но он не обращал на меня внимания, только сонно потянулся в полудрёме и продолжал бормотать какую-то чушь, которую я не могла разобрать. Позже я поняла, что он говорил на специфическом диалекте, перенятом от местных китайцев. Те не могли произносить русские согласные и вместо этого растягивали гласные, создавая таким образом некий новый язык, на котором говорил простой люд.

Наконец я тоже уселась в углу и стала смотреть в темнеющее небо. Скоро наступит ночь; дождь, свирепо стучавший в окно вагона, сулил грозу, а тогда идти куда-то пешком станет невозможно. Я терпеливо прождала ещё час, а потом подошла к кондуктору и грубо встряхнула его. К моему удивлению, он сразу же открыл один глаз и, глядя на меня из своего угла и не поворачивая головы, осведомился:

— Ну и что ты думаешь об этом *кикальянце*, который явился сюда разодетый, как привидение, чтобы пугать детишек под Рождество?

— Это был итальянский офицер, — ответила я коротко, потому что пока мы говорили, туман поднимался со стороны моря, словно дым из трубы проходящего поезда. — И уже вечереет…

— Вечереет! — воскликнул кондуктор, вскакивая на ноги. — Боже мой, как я не подумал! Понимаешь, прошло уже полтора часа, а эта чёртова забастовка ещё не закончилась! Значит, профсоюз кондукторов так и не смог получить наше жалованье за сегодняшний день…

Меня раздражал этот человек, который был способен говорить только о своих собственных проблемах.

— Я должна дойти до военного госпиталя, — закричала я на него. — Пожалуйста, покажите мне дорогу.

Мой вопрос заставил его на время забыть о своих горестях.

— Это вёрст шесть отсюда будет, — сказал он с сомнением в голосе, а затем дал мне кучу путаных советов, как идти.

— Если забастовка закончится, и опять включат электричество, я мог бы подобрать вас по пути, — сказал он не слишком уверенно. Затем подошёл к выходу передо мной и посмотрел вдаль, словно надеясь найти решение всех своих проблем за стеной лежащего перед нами тумана. — Вам следует поспешить и попасть в Гнилой угол, пока дождь не слишком сильный. Там будет сложно пройти, когда кругом развезёт грязь. И послушайте моего совета, не верьте ни одной живой душе. Они все врут, эти революционеры. Они такую кашу заварили, что теперь у них мозгов не хватит её расхлебать.

Я попрощалась и сказала, что надеюсь, что забастовка скоро кончится, и он сможет получить своё жалованье и подвезти меня до госпиталя. Но старикан помотал головой и, тяжело вздохнув, махнул рукой, словно выбрасывая меня из своего мирка. Соскальзывая с высокой подножки трамвая, я ещё слышала, как он тихо бормотал себе под нос: «Вот ведь до чего мы дожили… вот до чего дожили…»

Глава 2

Я двинулась в свой долгий путь в весьма подавленном состоянии. До госпиталя мне предстояло идти примерно шесть вёрст. Я замёрзла, устала и проголодалась, а ветер с моря швырял в лицо клочья сырого тумана. Улица казалась совсем пустынной, только несколько повозок с окованными железом колёсами проехали по булыжной мостовой со страшным грохотом. Слева от меня возвышалась кирпичная стена Военно-морской академии[224]. Эта стена была столь мрачной и столь бесконечной, что пока я тупо плелась по неровной мостовой, мой уставший мозг сочинял фантастические истории о том, что могло бы твориться за этим невзрачным фасадом. Я с тоской думала, что целые бесконечные годы буду идти и идти в тени этой зловещей стены… Но вот наконец стена резко свернула в сторону от моря, мостовая и булыжники закончились. Я вышла на сильно разбитую дорогу, по обе стороны которой стояли большие дома своеобразного вида, кое-как прижавшиеся к склонам холмов вдоль залива. Казалось, эта часть города выросла совершенно беспорядочно, без всякого архитектурного

[224] Вероятно, речь идёт о Владивостокском Александровском мореходном училище дальнего плавания, открытом в 1890 году. Находилось по адресу: улица Светланская, дом 75. В настоящее время — Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского.

плана, как будто дома были разбросаны тут и там рукой разгневанного великана.

Дорога становилась всё более неровной, справляться с ней было всё труднее. Вскоре закапали крупные капли дождя. Я смотрела в свинцовое небо, пытаясь угадать, каким дождём поприветствует меня Владивосток: будет ли это редкая безжалостная морось или настоящий тропический ливень? Я боялась, что ливень всё же вероятнее, и ускорила шаг, ежеминутно оглядываясь в надежде, что мне повезёт, и трамвай всё-таки появится.

Трамвай не появился, а отдельные капли перешли в настоящий обложной дождь. Я побежала, сначала трусцой… каждый нерв в плече и раненой руке отдавался болью.

Думаю, уже примерно через полчаса я свернула за поворот и оказалась на конечной остановке трамвая, но моему измученному телу и воспалённому сознанию казалось, что я бежала много дней и ночей. Радостно отдышавшись, я прислонилась спиной к деревянной лачужке, поставленной здесь для укрытия пассажиров в сырую погоду, и огляделась вокруг. В лачуге было полно пьяных солдат и матросов, которые во весь голос распевали грубые военные песни. Между этими грязными развалившимися повсюду телами бродили несколько одетых в лохмотья женщин с огромными корзинами, в которых вперемешку были свалены еда и бутылки с выпивкой. Я робко подошла к той, что была поближе, и спросила, как пройти в госпиталь, но в ответ мне раздался лишь невразумительный поток слов, а под носом у меня затрясли той самой корзиной. Видя, что я её не понимаю, женщина начала приплясывать от злости, а потом наконец плеснула немного спиртного в треснутую чашку и одной рукой протянула эту чашку мне, а в другой руке показала несколько рублей.

Так вот в чём дело! Здесь полагалось платить за информацию. Путешественник должен был купить обжигающего напитка или несвежей еды! Я устало попыталась изобразить что-то жестами и вывернула свои пустые карманы. Женщина обругала меня, вылила пойло обратно в бутылку и, указав на что-то, напоминавшее густое море грязи с восточной стороны, сказала на чистом русском языке: «Вон туда! Через Гнилой угол».

Вот он, Гнилой угол! Не случайно тот вежливый молодой человек в комендатуре предупреждал меня!

Но мне нужно было попасть в госпиталь, а орущие пьяные люди вокруг явно не собирались мне в этом помогать, и я двинулась дальше. Где-то вдали неясно светились очертания каких-то зданий, и это грело

мне сердце. Вряд ли путь через Гнилой угол будет слишком сложным, думала я. Но не успев сделать и десятка шагов, я поняла, что ошибалась. Мои ноги в мягких казачьих шевровых[225] сапогах скользили по огромным комьям грязи, ещё не успевшей размякнуть под дождём, попадая в ужасные рытвины, полные какой-то жидкой гадостью. Но я сжала зубы и шла дальше. Я рассчитывала каким-то образом добраться до госпиталя до темноты.

Когда люди под навесом уже не могли меня видеть, я побежала. По глупости мне казалось, что бежать будет легче, чем идти. Но вскоре я поняла, что это невозможно: всё время приходилось перепрыгивать через полуметровые кучи грязи, и я могла в любой момент сломать лодыжку. Потом надо мною как будто разверзлись небеса, и по спине полились тёплые дождевые потоки. Моя меховая шапка промокла насквозь, потоки воды стекали с неё за шиворот и ниже. Тучи на небе стали настолько тяжёлыми, что всё это место казалось как будто призрачным в густом тумане. Я подумала, что, возможно, мне следовало бы вернуться и подождать на конечной остановке какого-нибудь трамвая, чтобы вернуться на вокзал и провести там ночь…

Но при одной только мысли о том, что назад опять придётся идти через вонючую грязь, я решила все же двигаться вперёд и добраться до госпиталя, где по крайней мере будет тепло и удобно. И я кое-как потащилась дальше, пока не провалилась одной ногой по колено в пузырящуюся лужу. Тут уж я испугалась. А вдруг здесь кругом болота, о которых меня никто не предупредил? Меня охватил ужас, и я с такой силой дёрнула ногу из грязной воды, что упала и растянулась во весь рост в этой жуткой жиже. Когда наконец мне не без труда удалось встать на ноги, я решила, что единственный выход — это идти обратно, и сдуру побежала назад к трамвайной остановке. Но через несколько шагов я наткнулась на какие-то кучи грязи, которые напомнили мне об улицах в нашей станице, где даже лошадей с телегами приходилось вытаскивать из грязевой трясины, когда шёл сильный дождь. Но ведь во Владивостоке-то, конечно, такого ужаса быть не может? Немного постояв, я решительно сказала себе, что нельзя быть такой размазнёй, и снова двинулась в сторону госпиталя.

Я шла очень медленно, аккуратно прощупывая дорогу перед собой, прежде чем сделать шаг, и тщательно прикидывая, выдержит ли очередная грязевая кочка мой вес. Дождь все ещё лил как из ведра,

---

[225] Шевровый — изготовленный из определённой разновидности мягкой козьей кожи хромового дубления.

и моя длинная армейская шинель так отяжелела от воды и от налипшей по краям грязи, что несколько раз чуть не заставила меня упасть. Но среди всех этих трудностей меня поддерживала мысль о прекрасном тёплом госпитале, и я твердила себе, что, когда я наконец туда попаду, то там будет здорово и уютно.

Было всего около пяти часов пополудни, однако уже темнело. Где-то впереди я увидела пять или шесть человек, идущих в мою сторону, и радостно поковыляла вперёд, надеясь попросить у них совета. Когда они подошли ближе, я увидела, что это были китайцы-огородники. Все они промокли до нитки, и у каждого на плече была деревянная палка с болтающимися на ней круглыми корзинами, в которых они несли свои овощи. Они шли, склонив головы и странно семеня ногами, чтобы корзины не слишком раскачивались.

— Пожалуйста, — сказала я, — пожалуйста, скажите мне, как пройти в госпиталь?

Никто из них не поднял головы, но маленький измождённый человек сказал мне без всякого выражения на ломаном русском языке: «Туда ходить, далеко ходить». Он головой указал в сторону, противоположную той, куда они шли.

Полное безразличие этих людей меня значительно успокоило. Казалось, они уже настолько привыкли объяснять дорогу потерявшимся здесь людям и так мало беспокоиться обо всей этой грязи, что я, не думая, повернулась и пошла туда, куда они показали. К этому времени моя шинель стала настолько тяжёлой, что я всерьёз собиралась бросить её, чтобы двигаться быстрее. Но, поразмыслив, я решила её оставить: никто в госпитале не должен смеяться надо мной из-за того, что я пришла не в полном обмундировании.

То, что лилось с неба, было уже не просто дождём — это был настоящий потоп, с особым наслаждением пытавшийся заманить меня в грязевые ловушки. Невероятно, но не было ни грома, ни молнии, ни ветра… Только дождь… дождь… дождь… Пока я брела, спотыкаясь, грязь становилась всё жиже и всё глубже, и вскоре я опять провалилась по колено, на этот раз обеими ногами. Ступни увязли в густой глине на дне лужи, и все попытки их вытащить были бесполезны.

Это было невыносимо. Лучше уж было вернуться и догнать безмолвных китайцев, чем идти дальше по этой трясине. Но сумерки уже сгущались; отчаянно стремясь услышать хоть где-то человеческий голос, я совсем заблудилась и начала метаться из стороны в сторону, пока совсем не испугалась и не стала думать о том, что же будет со мной в этом диком месте. Я пыталась угадать, в какую сторону

пошли китайцы, и где были их огороды, но безуспешно. Я совсем перестала представлять себе, где нахожусь. К счастью, казалось, что сейчас грязь вокруг была уже не такой коварной. Я остановилась и несколько раз громко крикнула, но в этом сыром тумане мой голос был заперт, словно в буфете, и мне ответило только эхо. Я напрасно вслушивалась, ответа не было, и я опять аккуратно пошла вперёд, внимательно оглядываясь вокруг каждую минуту в надежде найти кого-нибудь, кто мог бы вывести меня в любое безопасное место, уже неважно куда.

Почва под ногами становилась твёрже, и я почувствовала, что теперь по крайней мере не утону. Хотя моя раненая рука на перевязи, казалось, весит целую тонну, я продолжила свой путь в неизвестность. Неожиданно я услышала голос, прозвучавший в густом тумане справа от меня: «Эти чёртовы хляби небесные, кажется, распахнулись настежь; у меня промокли даже подштанники!»

Его слова меня совсем не расстроили, я была рада услышать хоть кого-нибудь.

— Эй, — закричала я, — кто там?

— Эй, — прокричал сердитый голос. — Тебе-то за каким чёртом знать, кто я?

— Помогите мне выбраться! Я заблудилась! — пронзительно закричала я, поспешно двигаясь по направлению к голосу, чтобы не потерять его в тумане. Потом я услышала, как в ответ мне крикнули:

— Вот так выйдешь и потеряешься, да и не мудрено в такой-то дождь.

В следующее мгновение из тумана нарисовался огромный пьяный солдат, с бороды которого ручьями стекала вода.

Он с изумлением посмотрел на меня, словно я была привидением:

— А тебя-то кто, чёрт возьми, выставил на улицу в такой-то ливень?

— Послушайте, — ответила я, — я только что приехала из Харбина и иду в военный госпиталь. Надеюсь, ваше доброе сердце не позволит вам бросить меня в этом аду.

Солдат ещё с минуту пялился на меня, а потом выдал:

— Вот в аду и оставайся! Ты большевистский солдат? Если да, то лучше бы ты остался там, посреди этой грязи, и барахтался в ней, пока не утонешь.

Его фуражка была сдвинута набекрень, и он разглядывал меня с большим подозрением. Но тут на нас пролился очередной поток воды, вода потекла с его фуражки на плечи; посмотрев в небо, словно

желая увидеть, откуда шёл весь этот ужас, он опять уставился на меня и добавил:

— Вижу, шинель у тебя есть, а ты даже носить её правильно не умеешь. Её нужно накинуть на плечи и застегнуть на все пуговицы, чтобы только шея торчала, тогда вода будет стекать вниз, а не задерживаться на уровне ремня.

Он стал расстёгивать мой ремень, затем расстегнул мне пуговицы шинели, стащил её и набросил мне на плечи. Я действительно почувствовала, что с меня сняли невероятную тяжесть. Мне кажется, он был пехотинцем, потому что пехотинцы должны были назубок знать все правила ношения шинели в разную погоду. Я поблагодарила его и ещё раз попросила помочь дойти до госпиталя. Кажется, я его раздражала, и он сердито ответил:

— Зачем ты вырядилась в эти штаны и сапоги? Я же знаю, что ты девушка. Что тебе надо, хотел бы я знать? Ты что, шпионишь для большевиков? Здесь все белые.

Я сказала, что я девушка, что я была талисманом для казачьей сотни, что у меня есть направление в госпиталь, но он явно не поверил ни единому моему слову.

— Очень глупо придумано, — ухмыльнулся он. — Здесь, во Владивостоке, нет ни одного кубанского казака, они все ушли на юг, уходили на Дон, на Кубань и на Кавказ. Здесь у нас есть только казаки атамана Семёнова, они все с Урала, и форма у них не такая, как у кубанских казаков[226]. Если ты врёшь, на рассвете тебя расстреляют, и ты ничего не успеешь сделать для большевиков. Предупреждаю, в этом городе красных не любят. Но слушай сюда, если окажется, что тебе можно доверять, то я помогу тебе избавиться от всего этого и куплю тебе нормальную женскую одежду. Здесь полно американских и ка-

---

[226] Семёнов Григорий Михайлович (1890–1946) — участник Первой мировой войны, один из руководителей Белого движения на востоке России. Войсковой атаман Забайкальского казачьего войска (с мая 1919 года), генерал-лейтенант (с декабря 1919 года). Указом Верховного правителя *России А. В.* Колчака от 4 января 1920 года Г. М. Семёнову была передана вся полнота власти «на всей территории Российской Восточной Окраины». С октября 1920 года в эмиграции в Китае, затем в Японии, затем в подконтрольном японцам государстве Маньчжоу-Го на севере современного Китая. Активно сотрудничал с японскими спецслужбами. Арестован советскими войсками после разгрома Японии в 1945 году. Повешен в Москве 30 августа 1946 года как «пособник японских агрессоров».

Ядро войск атамана Семёнова составляли, соответственно, забайкальские казаки, а никак не уральские.

надских солдат, они будут тебе хорошо платить, и от них ты сможешь получить гораздо больше, чем когда-нибудь заплатят большевики.

Эти слова ошеломили меня, и я попыталась присмотреться, чтобы понять, действительно ли он имел в виду именно это. Однако было слишком темно, чтобы я могла прочесть что-то по выражению его лица, и меня опять охватил страх. Я хотела убежать, но куда? Не могла же я перелететь эти ужасные моря грязи… В какой-то момент я с ужасом подумала о том, что может сделать со мной этот человек здесь, в этом грязевом аду… Но я слишком устала… слишком устала, чтобы о чём-то беспокоиться. Рука ужасно болела, я понимала, что мне с ним не справиться, а он всё продолжал монотонно говорить, и перед моими глазами вставала ужасная картина.

— Никогда не ходи с чехословацкими солдатами: от них не будет никого навара. Если хочешь быть патриоткой — а таким, как ты, только так и следует — ходи с русскими солдатами. Но у нас никогда нет денег, а если и заведутся какие-то копейки, то они сразу уходят на водку… нельзя же осуждать солдата за то, что он пытается утолить жажду. Зато мы для своих девочек воруем уголь и овощи у китайских кули[227]. Здесь ещё много солдат и из других стран, но я о них ничего не знаю. Лучше всего иметь дело с канадцами и американцами, у них куча денег.

Дождь полил с новой силой, я схватила солдата за руку и попыталась направить его мысли в другом, более соблазнительном направлении.

— Слушай меня, храбрец, завтра ты сможешь напиться… Напиться!! Завтра вечером я должна встретиться здесь у ворот госпиталя с одним человеком, он передаст мне документы и деньги. Если ты сейчас проводишь меня через Гнилой угол до госпиталя, я поставлю тебе бутылку водки, когда увижусь с моим другом.

Он приблизился, шатаясь, поднёс кулак прямо к моему лицу и воскликнул:

— Замётано, сынок! Ты, кажись, и вправду солдат. У тебя есть понятия, ты знаешь, что для военного нет ничего лучше бутылки водки — и толстой девки. Если ты её как следует порадуешь, то она всегда добудет котелок горячей картошки, селёдку и пучок сладкого лука! Вот что помогает человеку оставаться добрым патриотом.

Он схватил меня за раненую руку и потащил за собой, не переставая говорить о солдатской жизни. Я боялась его перебить, чтобы он,

---

[227] Кули — термин, используемый в XVIII–XX веках для обозначения китайских неквалифицированных рабочих.

не дай бог, не передумал, и молча тащилась вслед, а он всё продолжал болтать:

— Нам нужно идти окружным путём вокруг Гнилого угла, мимо цирка. Это версты на две-три дальше, но зато там нет такой грязи. Мне-то надо в казарму, это как раз напротив госпиталя, ведь мне сегодня больше негде ночевать… Моя Манька обещала ждать меня сегодня там, на трамвайном круге, но так и не явилась. Ох и задам же я ей за то, что оставила меня торчать там под дождём, ну если только она не подцепила себе каких-нибудь иностранных солдатиков и не порадует меня теперь котелком картошки и парой селёдок.

Он подёргал себя за нос, смачно сплюнул с отвращением и добавил:

— Да, после революции всё сильно поменялось. Казармы строили для солдат, а сейчас вместо них там живут вдовы и сироты. Я знаю там одну толстуху: ей нужно чертовски много дать, чтобы она пустила тебя туда переночевать. Я думаю, вся эта революция — это чушь собачья; нам, солдатам, при царе было куда лучше. С тех пор, как нам сказали бросить фронт, всё шло хуже и хуже, и теперь вообще не понять, на кого ты работаешь и что делаешь. Это нам они сказки красивые рассказывали, чтобы мы бросили оружие, а в жизни всё оказалось иначе.

Я подумала, что нашла ещё один источник информации о том, как началась революция, и спросила моего спутника, кто именно предложил ему и его товарищам бросить фронт.

— Ну, пришёл наш унтер и велел нам идти домой, потому что там скоро солдатам землю раздавать будут по приказу Распутина, которому было так нас жалко, что он обманом уговорил царицу поехать повидаться с кайзером и договориться, как бы закончить войну[228].

---

[228] Распутин Григорий Ефимович (1869–1916) — сибирский крестьянин, получивший славу «святого подвижника» и в этом качестве ставший «другом» царской семьи. Считается, что Распутин каким-то образом помогал останавливать кровотечения у наследника российского престола, царевича Алексея, больного гемофилией. (По одной из версий, царевичу давали аспирин, не зная о его разжижающем кровь действии. Распутин категорически настаивал на отказе от лекарств, что в данном случае могло оказать благоприятное воздействие.)

В отношении Распутина выдвигалось множество обвинений в мошенничестве, взяточничестве и безнравственном поведении. Его присутствие в ближайшем окружении императора Николая II стало важным фактором падения престижа династии Романовых перед революцией 1917 года. В конце концов Распутин был убит заговорщиками, стремившимися прекратить его вмешательство в государственные дела.

Распутин говорил, что ему было послание от самого Бога, чтобы отправить солдат домой, и что Бог сказал ему, что пшеничные поля важнее полей битвы, потому что с хлебом можно жить, а земля, усеянная гниющими трупами, будет безжизненной.

Это явно было что-то новое, и я постаралась узнать побольше, ведь эта версия происхождения революции была весьма необычной.

— Ну, а унтеру кто эту сказку рассказал? — спросила я.

— Кто, кто… Наверно, другой унтер. А тому ещё другой, и ещё один, и ещё… и так до конца и не выяснишь, с кого всё началось, все унтеры рассказывали это друг другу, а потом каждый своим солдатам, пока мы все не бросили ружья и не двинулись домой.

Как бы этот солдат ни был пьян, ему, казалось, было стыдно за такой поступок. Он быстро сменил тему и начал невпопад поминать всё, что натворил Распутин. А я была так счастлива, что он теперь думал не о своих амурных делах, а о чём-то другом, и уже не имел видов на меня. Так что я никак не возражала против того вздора, который он нёс, и молча плелась рядом по грязи, которая теперь уже не была ни слишком вязкой, ни сильно жидкой. Мои сапоги всё ещё были полны густой жижи, а по спине всё ещё текла вода, но я почувствовала, что сил для ходьбы прибавилось, и я была искренне благодарна этому грубому рыжему детине за то, что он помогал мне добраться до госпиталя. И хотя я была совсем измучена и мысленно уже почти спала в тёплой палате на мягкой постели, мне было ужасно интересно всё то, что мой спутник рассказывал о Распутине, о легендарном чудовище, чьё влияние на правительство имело такие ужасные последствия для судеб Российской империи, да и, по сути, для всего мира. Чтобы побудить солдата к ещё более подробному рассказу, я вставила, что раньше я ничего не слышала о Распутине, кроме того, что у него и имя было ненастоящим, и все рассказы о его делах тоже были сплошь выдумками; и что на самом деле революция стала результатом заговора тех, кто хотел убить царя и развалить Россию на части. Но солдат хлопнул меня по спине, громко захохотал и сказал, что из меня плохой шпион.

— Чтобы быть шпионом, нужны знания; нужно знать, о чём говоришь. Ты точно в армии служила? Ты даже не знаешь, что Распутин был человеком из плоти и крови, как и я! Некоторые говорят, что

Вся история о Распутине, которую героиня слышит от встреченного ей пьяного солдата, не имеет ничего общего с реальными историческими событиями. (За исключением отдельных фактов, отмеченных в настоящих комментариях.)

раньше он был тобольским конокрадом, а кто-то утверждает, что под его личиной скрывался толковый дьякон[229].

— Да пусть хоть конокрад, хоть дьякон, — не отставала я, — но ты же понимаешь, что такому человеку никак не подобраться так близко к царю. Аудиенцию у него могли получить только князья и генералы, а простых людей вроде тебя или меня дальше ворот в Царском Селе[230] никогда не пустили бы.

Я заявила это ради того, чтобы он начал спорить и спорил бы, пока мы не дошли до ворот госпиталя, и я не ошиблась. Мой спутник возмущённо ответил:

— Да пусть китаец повесится на своей косичке, если ты не самая тупая дура во всей матушке-России, с какой я когда-либо сталкивался в самом пьянющем виде! Готов поспорить, что любой солдат, который носит форму, знает всю историю Распутина, кроме тебя. Говорю тебе, лучше не рядись в эти сапоги и штаны! Стань снова женщиной, и тебе ничего вообще не нужно будет знать, потому что тогда ты сможешь водиться с американцами и канадцами, как я тебе уже говорил. Ты же не умеешь говорить по-ихнему, поэтому просто сможешь их напоить, пошарить у них в карманах и получить кучу денег. Так ты заживёшь куда лучше и ещё спасибо скажешь мне за совет!

Он явно снова начинал сердиться, и я испугалась, что он больше ничего не расскажет. Я пнула его в ногу и сказала:

— Хорошо, я так и сделаю. Но расскажи мне ещё о Распутине. Он правда был дьяконом? И что, царица правда вышивала для него ночные сорочки? И, главное, как он пробрался к царскому двору?

— Жаль зря тратить силы на глупую девку, но ладно уж, расскажу всё с самого начала. Царица рожала только дочерей, и все беспокоились насчёт того, чтобы она родила наследника трона. Тогда попы посоветовали ей объехать все святые чудотворные иконы, какие есть в стране, и там на коленях молиться о сыне. И они с царём отправились в дальний путь, ко всем святым иконам, молились перед ка-

---

[229] Дьякон — низшая ступень в иерархии православного священничества. Дьякон участвует в богослужениях и совершении таинств, помогая священникам.

Г. Е. Распутин никогда не был дьяконом.

[230] Царское Село — город под Санкт-Петербургом, где находилась одна из резиденций российских императоров, основанная в 1710 году. Статус города получен в 1808 году. С 1918 по 1937 годы называлось Детское Село; с 1937 года и по настоящее время — город Пушкин в составе города федерального значения Санкт-Петербурга.

ждой, но безуспешно. Наконец они услышали о маленькой деревне под Тобольском[231], где незадолго до того было явлено удивительное чудо перед очень древней иконой. Царица настояла на том, чтобы они как можно быстрее поехали в эту деревню. Отстояв службу, они с царём молились об исполнении своих желаний. Потом они пешком шли до кареты, а крестьяне стояли вдоль дороги в ряд, чтобы увидеть, как идут Отец и Мать всея Руси, и кланялись им в ноги, и целовали края их мантий. А среди этих людей был один красивый мужик с чёрной бородой и большими страшными глазами. Он был одет лучше других, на нём ладно сидели кафтан и красивая поддёвка, и он не стал кланяться и вставать на колени. Он прошествовал сквозь толпу, подошёл к царице, показал на неё пальцем и прокричал: «Заклинаю тебя родить наследника!» Она вскрикнула и потеряла сознание. Царь пришёл в ярость, подскочили казаки, схватили Распутина (а это был он) и бросили его в острог.

— Ба-а, — сказала я презрительно, — красивая история, да кто ж в неё поверит? Если бы всё так и было, Распутин до сих пор сидел бы в остроге.

Солдат остановился и начал плеваться. И тут же закричал на меня:

— Дура, ну и чушь же ты несёшь! Через девять месяцев родился царевич. Царица уже забыла про наложенные на неё чары и помнила только тёмную силу того человека, который это сделал. Да и как Распутин мог бы быть до сих пор в остроге? Он давно умер, дурища. Великий князь убил и утопил его своими руками, пробил полынью в Неве и затолкал этого дьявола под лёд, чтобы уж быть уверенным, что тот больше никогда не появится[232].

Но я уже приметила забор справа от нас, и меня это так обрадовало, что интерес к Распутину сразу пропал.

— Да, да, — энергично перебила я рассказ солдата. — А что за тем забором?

---

[231] Тобольск — административный центр Тобольской губернии Российской империи. Основан в 1587 году. В настоящее время в составе Тюменской области Российской Федерации.

Г. Е. Распутин действительно родился в селе Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии.

[232] Одним из заговорщиков, убивших Распутина, действительно был великий князь Дмитрий Павлович (1891–1942), двоюродный брат императора Николая II. Как выяснило следствие, Распутина вначале накормили отравленными пирожными; затем, когда яд не подействовал — застрелили. Труп был спущен через прорубь в Неву.

— Здесь сейчас цирк. А ещё через полверсты мы будем у ворот госпиталя. Смотри, вон там куст дикой герани. Мы с Манькой там встречаемся по вечерам, когда нет дождя, и там у меня припрятана корзина, чтобы хранить еду.

Он немного похихикал, а потом продолжил:

— Иногда, когда я вижу, как китайцы несут на рынок кукурузу, я беру у них десяток початков, утром варю их, а потом с удовольствием ем и вспоминаю, как в Болгарии[233] мы ходили на хутора и брали там всё, что могли унести, и наедались так, что потом целую неделю болели животы…

Я старалась слушать, что он говорит, но при мысли о том, что все злоключения были уже почти позади, я, и так еле живая от усталости, лишилась последних сил. Ноги совсем замёрзли, тело окаменело от усталости, зубы стучали, а голова кружилась и кружилась. Голос солдата удалялся всё дальше и дальше; тут он схватил меня за руку и грубо дёрнул.

— Смотри, дура! Тут большая канава, надо её перепрыгнуть. Ты что, совсем ума лишилась, что стоишь здесь и дрожишь?

Собрав кое-как остатки сил, я прыгнула, как могла. Прыжок получился слабый, и я приземлилась по колено в густую грязь на другом берегу канавы. Пока я дрыгала ногами, отчаянно пытаясь вытащить ступни из грязи, солдат продолжал ворчать:

— Ну и солдат из тебя, сразу видно. Говорю тебе, бросай свою шпионскую работу. Тебе на это совсем ума не хватает. А лучше достань нормальное женское платье и поищи себе американцев. И не думай, что ты легко избавишься от меня теперь, когда я тебя провёл через Гнилой угол.

Мне наконец удалось выбраться на твёрдую почву. Увидев госпиталь недалеко впереди на невысоком холме, я поспешила туда, а солдат яростно орал позади:

— Эй, не так быстро! Если у тебя есть деньги, гони их сейчас. А если нет… ну, ты вообще-то ничего себе, если тебя нормально приодеть… я бы взял тебя вместо Маньки…

---

[233] В Первую мировую войну Болгария выступила вместе с государствами Тройственного союза (Германией, Австро-Венгрией и Турцией) против стран Антанты (с 14 октября 1915 года). Болгарские войска участвовали в военных действиях против Сербии и против Румынии. Поскольку Болгарию от Российской империи отделяла территория Румынии, то русские войска никак не могли находиться на болгарской земле. Можно предположить, что солдат путает Болгарию с Румынией.

Перепуганная, я брела, спотыкаясь, к огням госпиталя, сулившим мне покой и безопасность.

— Я очень устала, — крикнула я ему через плечо, — дай мне здесь как следует отдохнуть, а завтра вечером мы здесь встретимся, и я принесу тебе водку и деньги.

Не знаю, то ли он тоже слишком устал, то ли выпитое до встречи со мной всё ещё туманило его мозг — но солдат вдруг перестал гнаться за мной, встал, широко расставив ноги, и заорал:

— Завтра вечером! И если ты здесь не появишься, то большевикам останутся твои кости!

Даже тогда я все ещё не верила ему. Долго ли осталось до госпиталя? Из последних сил я взобралась на маленький холм и чуть ли не ползком одолела несколько ступеней, ведших к двери. Я застучала в дверь кулаками, умоляя открыть…

Из-за двери на меня пахнуло тёплым сладким воздухом, потом я истерично рыдала, а кто-то на руках переносил меня через порог.

Глава 3

— Как дела у казака?

— Браво, наш большой солдат улыбается.

— Доброе утро, солдат.

Эти приветствия раздавались со всех сторон. Сквозь высокие окна, смотревшие на восток и впускавшие в палату тот мягкий свет, какой бывает в начале весны, меня приветствовало тёплое солнце. Медленно просыпаясь, я несколько минут не могла избавиться от мысли об ужасах прошлой ночи и ждала, что опять появится солдат и схватит меня. Но постепенно страхи прошли, и я поняла, что нахожусь в больничной палате с тремя соседями. Я не знала, кем они были, но их голоса и добрые улыбки согрели моё сердце. Я поняла, что это друзья, которые желают мне добра. В голове у меня вертелось множество вопросов, но я ни о чём не спрашивала, потому что сначала хотела понять, как вести себя в этой палате, и кем являлись мои соседи. Они явно были офицерами, поскольку приветствовали меня согласно старым армейским обычаям. У одного (его кровать была справа от меня, но у противоположной стены) нога была обмотана бинтами и подвешена на доске так, что голова оказалась ниже ступни. Квадратная чёрная борода мешала ему смотреть, и чтобы глянуть на меня, ему пришлось придерживать её рукой. Раненая нога казалась огромной, но было непонятно, в бинтах ли тут дело, или она так распухла. Его большие чёрные глаза на необыч-

но бледном лице казались такими добрыми и такими беспомощными, что хотелось плакать. Он кого-то мне очень напоминал, но я никак не могла сосредоточиться и вспомнить, кого именно, потому что со мной в это время заговорил другой сосед.

Это был молодой человек с левой рукой на перевязи, надетой через шею. Он стоял рядом с моей кроватью и широко улыбался, открывая ряд красивых зубов за яркими и довольно полными губами. Он был высок и хорош собой, голова выбрита столь же тщательно, как и лицо, и от этого было трудно понять, какого цвета у него волосы. Судя по большим и глубоким голубым глазам, над которыми почти не было бровей, можно было предположить, что он был блондином или, возможно, рыжим. Выправка и манера держаться выдавали в нём кавалериста, и когда он двигался, то казалось, что как будто слышался звон шпор на каблуках. Его крупная рука правильной формы лежала на спинке моей кровати, она была так красива, что я еле удержалась, чтобы не протянуть к нему свою руку и с благодарностью поприветствовать в ответ на его любезное «доброе утро, солдат».

— У вас температура, — сказал он, склоняясь надо мной и кладя ладонь мне на лоб.

Я сразу забыла, что много лет была солдатом. Я опять была женщиной, слабой и зависимой.

— Да, кажется, небольшая лихорадка…

Тут я открыла глаза и увидела четвёртого соседа по палате, который лежал слева от меня. Под спину ему было подложено множество подушек, и он полусидел, опираясь на них. Его ноги были ампутированы по колено, а руки — по локоть, так что он мог только ползать по своей постели. Все четыре искалеченные конечности у этого существа были перебинтованы; замотанные обрубки рук касались колен, а бесполезные ноги бесцельно торчали в никуда. На голове у него была намотана одна из тех сложных замысловатых повязок, которые изобрели сёстры милосердия в знак протеста против ужасов войны. Повязка спускалась вниз по одной стороне, завязывалась узлом в центре лба и оттуда продолжалась отдельными складками; в целом всё выглядело аккуратно и необычно.

Офицер с бородой говорил с ним; но этот несчастный не мог даже повернуть голову в его сторону и только водил глазами, словно молил своего друга правильно понять его. Рот был полуоткрыт, а лицо, видневшееся между коленями, казалось лицом мертвеца.

При виде таких страданий я поняла, сколь незначительны были мои собственные переживания. Я быстро повернулась к красивому офицеру-кавалеристу:

— Со мной всё в порядке, ничего страшного.

Офицер по-прежнему гладил мой лоб.

— Не уверен, — сказал он.

Хоть мне и было за это стыдно, на глаза набежали слёзы жалости к самой себе. Комната была такой светлой, окна были широко раскрыты, рука кавалериста была такой нежной… Я осторожно отвернулась от искалеченного человека.

— Сейчас всё будет хорошо, — раздался мягкий голос у моей головы, — вот и медсестра пришла.

Это была милая суетливая женщина с круглым румяным лицом, которая расплылась в улыбке, едва войдя в палату. Она на ходу встряхнула градусник и сказала:

— Ох, я так рада, что мы всё-таки не утонули в этом море грязи. Вам сегодня уже лучше? Давайте-ка измерим температуру и посмотрим.

— Она всю ночь спала, — сказал человек с бородой.

— И никакой лихорадки, — сказал кавалерист

— Самый лучший сосед, — добавил калека.

У меня из глаз брызнули и побежали по щекам слёзы. Я не ожидала такого сочувствия и такой доброты. Но перед лицом этих храбрых людей я не имела права быть столь слабой.

— Спасибо, сестра, — ответила я дрожащим голосом, — я чувствую себя очень хорошо.

— О, — сказала она, улыбаясь, — да мы и говорить умеем! Значит, уже поправились.

Просовывая термометр мне подмышку, она сказала, обращаясь к человеку, всё ещё стоявшему у моей постели:

— Вот, полковник, придержите ей вот так руку, чтобы он не выскользнул.

— С радостью, сестра, — ответил он, крепко прижав мою руку.

Сестра прошла по палате и подошла к офицеру с чёрной бородой. Она спросила, как он провёл ночь, и как его нога.

— Учтите, полковник Фёдоров[234], такие раны заживают долго. Ногу сильно «тянуло»?

---

[234] Трудно судить, насколько фамилии героев книги соответствуют реально существовавшим личностям. В базе данных С. В. Волкова «Участники Белого движения в России» упоминаются четверо офицеров по фамилии Фёдоров, которые могли находиться в описываемое время на Дальнем Востоке в звании полковника.

— С ногой, сестра, всё по-прежнему, а вот она-то спала хорошо. Она совсем не ворочалась, я даже так забеспокоился в какой-то момент, что попросил полковника Седова[235] подойти послушать, дышит ли она. Она перенесла всё очень хорошо.

Он говорил обо мне так взволнованно, что мне пришлось внимательно на него посмотреть; я вспомнила, что он мне кого-то очень напоминал. Может быть, это какой-то мой родственник, которого я давно не видела? Но рассмотрев его ещё раз, я убедилась, что мы не знакомы.

— О, у неё дела идут хорошо, — ответила сестра насмешливо. — Скоро мы начнём «вытягивать» её больную руку.

Стряхнув второй термометр, она перешла на другую сторону палаты и подошла к офицеру с перевязанной головой и изуродованными конечностями.

— Доброе утро, поручик. Вы, кажется, так и не сомкнули глаз, не правда ли? Я помассирую вам плечи, как только измерю температуру.

С этими словами она засунула градусник ему подмышку.

Но он не обратил внимания на её слова.

— Это дитя, — быстро спросил он, заикаясь, — кризис миновал?

Сестра усмехнулась и глянула на меня.

— Уж не знаю, был ли там вообще кризис, — сказала она шутливо.

Тем временем молодой кавалерист, полковник Седов, достал мой градусник и посмотрел на него.

— Нормальная! — воскликнул он, а за ним сестра и другие больные радостно заговорили хором: «Вот и хорошо! Отлично! Слава Богу!» Мне стало неловко, я не понимала, с чего они подняли вокруг меня такую шумиху.

— Сегодня мы вам помассируем руку, доброволица, — бодро сказала сестра. Она собирала градусники и деловито записывала результаты в таблицы, висевшие внизу кроватей.

---

[235] В английском тексте фамилия дана как «Selov», что явно является опечаткой или сознательным искажением. Можно предположить, что это Седов или Серов.

В базе данных С. В. Волкова «Участники Белого движения в России» упоминается полковник Седов Владимир Алексеевич, родившийся в 1884 году: «В белых войсках Восточного фронта до эвакуации Приморья. В декабре 1922 — весной 1923 в составе 4-й роты Урало-Егерского отряда в Гензане (Корея). В эмиграции в Китае, к 1 сентября 1928 член кавалерийской секции Союза служивших в Российских армии и флоте в Шанхае».

Массаж? Мне стало не по себе. Моя раненая рука перенесла уже столько мучений, что я нервничала от любой новой процедуры. Но я глянула на поручика и содрогнулась. Мне ли здесь жаловаться?

Сестра быстро вышла из палаты, шурша своей накрахмаленной одеждой, а следом за ней вошёл солдат из числа обслуживающего персонала. На одной руке у него висела корзинка, полная очень соблазнительных булочек, а в другой он нёс большой поднос, на котором стоял самовар. Солдат выложил свою ношу на стол, стоявший посреди палаты, достал из буфета стаканы и сахар и начал разливать чай. Потом он подал каждому пациенту стакан чая и две булочки, но когда очередь дошла до меня, то полковник Седов подмигнул ему и указал на дверь.

— Сегодня утром вы получите кое-что получше, — сказал он загадочно.

Я хотела запротестовать, но солдат уже вышел, а в коридоре раздался звон посуды. Потом солдат вернулся с дымящейся чашкой горячего шоколада, предназначенной для меня, и кувшинчиком молока для офицеров к чаю. Полковник Седов подошёл, помешал какао и немного попробовал из ложечки.

— Вы любите шоколад послаще? — спросил он.

— Не очень сладкий, ваше высокоблагородие… и мне кажется, я ничем не заслужила шоколада.

Над чашкой промелькнули длинные тонкие пальцы его раненой руки.

— Мне кажется, шоколад будет вкуснее, если добавить сюда ещё кусочек сахара, а кроме того, вам после такого путешествия нужно усиленно питаться.

Он подошёл к своему столику и принёс один из двух кусков сахара, которые оставил ему солдат. Потом он сел на краешек моей кровати и ещё раз размешал шоколад, держа чашку в ладони.

— Вот, держите, выпейте, пока он ещё тёплый. Кажется, — добавил он ворчливо, — этот солдат слишком долго его нёс.

Я приподняла голову и выпила шоколад; это был самый вкусный напиток, который я пробовала за долгое время. Я выпила его двумя глотками и поблагодарила полковника Седова.

— Хорошо, вам это было полезно, — сказал он и вернулся к своему завтраку.

— Хотите кусок моего сахара? — спросил его офицер с чёрной бородой.

— Нет, спасибо, полковник Фёдоров, мне сегодня вполне хватит одного.

— Пожалуйста, возьмите мой. Вы же знаете, я ем совсем мало сахара, и несколько кусочков у меня уже спрятаны здесь в платке. Сделайте мне одолжение, возьмите кусок.

— Ну, если у вас осталось так много сахара, то я возьму один. А может быть, побалую себя и возьму даже два.

Полковник Фёдоров учтиво поклонился, достал из шёлкового платка два куска сахара и аккуратно завернул остальные.

— Вы окажете мне большую честь.

Поручик в углу потягивал свой чай. Ему было сложно двигать головой, но он всё же пытался её повернуть и улыбнуться сцене с сахаром. Я подумала о том, какое прекрасное семейство являли собой эти три израненных человека. Кажется, они знали все слабости, привычки и вкусы друг друга и всегда старались помочь. В полудрёме — потому что шоколад меня расслабил — я сказала себе, что мне очень повезло оказаться в такой хорошей компании.

Но вскоре вернулась сестра со столиком на колёсах, на котором было много всяких медицинских штучек. Она подвезла столик к моей кровати, солдат принёс и поставил ширму. Потом сестра, не переставая всё время что-то рассказывать, обтёрла меня спиртом, сменила постель и помогла мне надеть чистое нижнее бельё. Закончив со мной, она подошла ко всем офицерам по очереди, обмыла их и перевязала их раны, а потом вошёл ещё один солдат с большим ведром воды и вымыл пол. Когда всё опять утихло, я закрыла глаза и постаралась немного отдохнуть, потому что была переполнена свежими впечатлениями. Однако в полусне мне виделся Гнилой угол, китайцы с овощами и пьяный солдат, ведущий меня в госпиталь. Я наконец проснулась, но всё ещё представляла себе, как пробираюсь сквозь грязь.

Все ежедневные утренние хлопоты закончились, палата казалась очень спокойной, всё выглядело безукоризненно чистым, всё было на своих местах. Три офицера лежали на своих койках; казалось, они размышляли о своей прежней жизни. Было так тихо, что я слышала даже, как тикают чьи-то часы. Красивый полковник лежал на спине, голова свешивалась с края подушки. Его кадык так бурно ходил туда-сюда, что из сочувствия я тоже стала часто сглатывать. Другой полковник с чёрной бородой беспорядочно водил ладонями по лицу, и я увидела, что одной рукой он пытается поймать муху, а другой чешет бороду. При этом он бормотал себе под нос:

— Замучили эти мухи! Вечно они пристают к тому, кто не может двигаться.

Полковник Седов услышал его жалобы, сглотнул и сел на кровати.

— Всегда есть назойливые мухи и назойливые люди.

— И назойливые комары тоже, — проворчал его друг. — Прошлой ночью один такой меня чуть не сожрал. Просто поразительно, как одна жалкая муха или мелкий комар может не дать тебе отдохнуть всю ночь или весь день, особенно если их жертва больна или издёргана тем, что давно прикована к постели.

Полковник Седов вздохнул, взял полотенце, слез с кровати и пошёл в тот угол, где та самая муха ползала сейчас по потолку. Потолок был высокий. Тихо ругаясь себе под нос, он запрокинул голову и изо всех сил стеганул по потолку полотенцем. Все взволнованно наблюдали за ним. Невероятно, как одна маленькая муха смогла вызвать такой интерес! Он хлестнул несколько раз, но муха была столь неуловима, что в конце концов он опустил шторы на окнах, оставив лишь узкую полоску света внизу. Теперь всё происходящее по своей торжественности напоминало какое-то священнодействие. Мы все, затаив дыхание, ждали, чем кончится дело, пока не раздался звук резкого удара полотенца по подоконнику, и полковник Седов объявил: «Готово!» Его очень громкий командный голос разрядил общее напряжение. Тут все заговорили о том, как много неприятностей может доставить одна муха, но я, хоть и радовалась тоже тому, что муху убили, была все ещё слишком слаба. Я почувствовала себя настолько измученной, что, лёжа на спине, закрыла глаза. Постепенно звуки разговора затихли, и от наступившей в палате тишины я вдруг погрузилась в сон…

Меня разбудили весёлые голоса и смех у моей кровати. Видимо, во сне я высунула ногу из-под одеяла, и теперь кто-то тянул меня за большой палец.

— Ах, какие белые ножки и хорошенькие розовые пальчики у этого солдата.

Я захлопала глазами и уставилась на того, кто это сказал. Это был человек в белом одеянии врача. Судя по курчавым тёмным волосам и резким чертам лица, он был еврей. Было ясно, что здесь его все очень любят, потому что сёстры и ассистенты, пришедшие вместе с ним, от души смеялись его шуткам. Я подумала, что его наверняка воспитывали в европейском духе; в нём чувствовался лоск аристократа и свобода художника. Я хотела спрятать ногу под одеяло, но он крепко держал меня за большой палец и говорил сестре:

— Кони наверняка чувствовали силу этого маленького наездника; какие сильные ножки! Ну, теперь посмотрим руку.

Медсестра сняла повязку с моей правой руки, чтобы доктор мог её осмотреть. Он сделал это очень осторожно, прощупав нервные окон-

чания от плеча до кончиков пальцев. Он уже не улыбался, лицо стало серьёзным. Доктор озабоченно посмотрел на меня и сказал:

— Мне очень жаль, но здесь нам придётся кому-то сделать очень больно. Утром и вечером самые горячие ванны для руки, а потом, возможно, и вытяжение… Вам, наверно, очень не понравится такое лечение, но, видите ли, эта рука уже сантиметра на три, не меньше, короче другой, а я хочу постараться вытянуть её. Вы ведь с Кубани, да?

— Так точно, — ответила я.

— Ну, надеюсь, мы подружимся, хотя я и собираюсь сделать вам больно, и в душе вы будете меня проклинать. Возможно, потом когда-нибудь вы забудете, как было больно и скажете мне спасибо… И мне кажется, что для солдата у вас чертовски красивые пальчики!

На этом веселье закончилось. К постели полковника с чёрной бородой он подошёл уже с серьёзным выражением лица и склонился к подвешенной на растяжке ноге.

— Ну как, сударь, для начала скажите, есть ли у нас улучшение?

Упираясь локтями в подушки, полковник попытался приподнялся повыше и философски заметил:

— Думаю, что каждый, даже когда боль бывает нестерпимой, может к ней приспособиться и сказать себе: «Что ж, через это нужно пройти».

Мне показалось, что он сказал это для меня, и я была благодарна ему за сочувствие. Доктор тоже понял, что он хотел сказать, и ответил:

— Это действительно очень мудрое замечание. Однако большинство людей, когда им больно, винят того, кто доставил им эту боль, и если это врач, как я, то они буквально готовы его придушить. Потому я и сказал этой юной доброволице, что она ещё не скоро подружится со мной. Но вы, полковник, когда ноги у вас снова будут одинаковой длины, и вы больше не будете инвалидом, я уверен, вы скажете мне спасибо.

Должна признать, что от этих слов мне не стало легче, хотя я понимала, что они оба стараются меня поддержать. Я представила себе всевозможные мучения, и при мысли о них моя рука отчаянно заболела. Когда пуля вошла мне подмышку, то задела нервные окончания, и теперь они горели огнём. Я решила поговорить с сестрой и сказать, что лучше уж я буду жить с одной рукой короче другой, чем терпеть вытяжение, если это так больно. Но потом мне стало стыдно за свою слабость. Что подумают обо мне мои замечательные соседи? Здесь был несчастный поручик, старавшийся быть весёлым несмотря на то, что у него вообще не было ни рук, ни ног. Был полковник, терпевший

невыносимую боль от вытяжения, и он не поднимал из-за этого шум, разве что время от времени ворчал на мух… Мне уже хотелось, чтобы в палату слетелась целая туча мух, и я могла бы отвести душу, ругаясь на них. Я так увлеклась, что едва смогла что-то ответить выходившему из палаты врачу. Проходя мимо моей кровати, он весело сказал:

— Доброго вам утра! Однажды вы поймёте, что я был не таким уж плохим врачом!

Да, будущее не сулило мне ничего хорошего. Визит врача явно успокоил моих соседей, они опять мирно лежали на своих кроватях. В мою же руку словно вселился дьявол, и боль, которая до того уже почти ушла и еле ощущалась, теперь усилилась и стала пронизывающей и острой. Я хотела повернутся, но заметила, что красивый полковник наблюдает за мной. Сдерживаться было сложно, но я не хотела, чтобы кто-то знал, как мне больно. Поэтому я сжала зубы и отчаянно молилась, чтобы поскорее настало время обеда, и тогда я могла бы двигаться, не привлекая ничьего внимания.

Казалось, прошла целая вечность, хотя на самом деле, наверно, это было не более получаса. Но вот солдаты принесли наш обед. Еда была настолько вкусной, что я поняла: возможно, бородатый полковник был прав, когда говорил о силе духа. Теперь, когда я могла думать о чём-то ещё, моя рука чувствовала себя явно лучше!

После обеда красивый полковник подошёл к моей кровати и предложил мне сигарету. Он был очень добр ко мне, так как явно понимал, что я боюсь предстоящего лечения.

— Не горюйте, — сказал он, — пройдёт всего одна короткая неделя, и вы будете чувствовать себя совсем иначе.

Я поблагодарила, но отказалась от сигареты, сказав, что не курю. Никто в палате не ждал такого ответа, и все были очень рады это услышать. Все были крайне удивлены и долго говорили о том, можно ли пройти войну и революцию и при этом не научиться курить. На самом деле они так серьёзно об этом говорили, что я удивилась: неужели это действительно столь важно? Но потом, уже засыпая, я вспомнила, ведь время в госпитале тянется так медленно, что действительно любой спор становится важным. Однако у меня был лучший способ проводить время: я спала.

Когда я опять проснулась, то услышала звон чайной посуды. Мои соседи продолжали болтать. Мне было интересно: неужели они всё ещё рассуждают о том, как мне удалось совершить невозможное и пройти войну, так и не закурив! После сна я чувствовала себя гораздо лучше, и госпиталь теперь казался мне счастливым местом, полным

приятных неожиданностей. Мир стал ещё прекраснее, когда ко мне опять подошёл полковник Седов с большой коробкой шоколадных конфет и, улыбаясь, сказал:

— Только не говорите, что вы и этого не едите.

Когда я взяла себе конфету, он отнёс коробку к полковнику Фёдорову.

— Вы угостили меня сахаром. Позвольте мне предложить вам в ответ вот это.

Глаза полковника засверкали. Было видно, что он любит шоколад.

— Я возьму две, — сказал он с готовностью, — или даже побалую себя и возьму три, если позволите.

После чая солдаты из обслуги принесли ванночки для моей руки, для руки полковника Седова и для ноги полковника Фёдорова. Вода была настолько горячей, что я боялась, что рука сварится, и чуть не закричала от боли. Затем пришли сёстры и в течение часа делали нам массаж. Как оказалось, в госпитале это было время для общения, когда все могли обменяться новостями и рассказать друг другу о том, что произошло за день.

Наконец мы опять остались одни и сидели, наслаждаясь теплом лучей заходящего солнца, которые лились в нашу палату сквозь открытые окна. Почему в нашей повседневной жизни мы не замечаем закатов и восходов, а начинаем ценить их красоту только во времена тяжёлых испытаний? Наверно, обычных людей, занятым своими повседневными делами, они совсем не интересуют. Но солдаты и моряки, инвалиды в госпиталях и осуждённые в тюрьмах сразу осознают их волшебные чары и обращают свои глаза к небу в поисках знамений, которое позволили бы понять, что ждёт их в будущем, принесёт ли следующий день радость или горе. На фронте тёмно-красный закат на фоне клубящихся багряных облаков создавал тревожное ощущение прощания со всем ярким, что было в этом мире; схожим образом красное утреннее небо вселяло печаль в сердца воинов. В тюрьмах закаты и восходы напоминают о славной жизни за пределами тюрьмы, которой могут наслаждаться другие; сердца заключённых рвутся от нестерпимого, сводящего с ума желания снова вернуться к людям, и несчастные узники с плачем заламывают руки, повторяя: «Я хочу на волю! Я хочу на волю!»

Но здесь, в госпитале, впервые глядя на закат, я испытывала чувство благополучия и примирённости с остальным человечеством. Палата наполнилась розоватым светом, вокруг было так тихо, что никто не смел нарушить тишину, и даже мухи застыли без движения на стенах и потолке. Погас последний луч; полковник Седов вздохнул.

— Да, — сказал он, — восходы и закаты — это как сама жизнь. От них мне становится не по себе, и я не могу просто не замечать их. У меня в голове, как в калейдоскопе, проносится вся моя жизнь, и я должен её оценить, понять, что все мои потери и победы ничего не стоят, и что моя душа бесконечно стремится к чему-то ещё. Солдату лучше на фронте. Там нет времени для глупых вопросов… Но здесь, в госпитале, ты начинаешь думать о том, что не нужен ни самому себе, ни другим, и кажется, что этого уже не исправить…

Он задумчиво замолчал, заёрзал по подушке, потом повернулся на спину и закрыл глаза.

В палату спустился вечерний сумрак, в его сером свете всё казалось призрачным. Белые койки казались гробами. Я изо всех сил вслушивалась, надеясь услышать уютный звук дыхания моих товарищей по палате, но слышала только своё собственное и громкое биение своего сердца. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь ещё заговорил, но все молчали. О чём они думали, эти люди? Что было у них на уме, на душе, на совести? Мне так хотелось спросить их, проникнуть в их мысли, но я лежала, не двигаясь, а моё сердце билось всё сильнее, а в ушах звенело…

Я думала, что заснула и во сне слышу серебристый смех, долетающий откуда-то издалека; потом я вдруг поняла, что только дремала, а смех долетает из коридора, где радостно болтали несколько медсестёр. Я уверена, что все мы были рады слышать эти радостные звуки. Кто-то из моих соседей повернулся в кровати, другой кашлянул, а полковник Седов беспокойно заворочался. Вскоре в палату вошли медицинские сёстры.

— Почему здесь так тихо? Почему темно? Вы что, все спите?

Мы все поднялись, и сестра с серебристым голосом поприветствовала нас, сказав: «Добрый вечер, господа», — прошла по палате и включила свет.

— Скоро будет ужин, — добавила она. Потом, оглядевшись, она подошла ко мне и спросила:

— Вы ведь ужасно голодны, доброволица, не так ли?

— Не настолько ужасно, сестра, — ответила я тонким голосом, потому что у меня сильно пересохло горло.

— Но нужно поторопиться и поскорее проголодаться, потому что сегодня у нас для вас роскошный ужин, — лучезарно засмеялась она.

Я прочистила горло и, пытаясь говорить таким же нежным голосом, как она, сказала:

— Да, сестра, я немного голодна.

Она кивнула и подошла к кровати поручика, спросила, как он себя чувствует, и хочет ли есть. Она ловко поправила кучу подушек у него за спиной и расправила простынь. Бедняга лежал совершенно спокойно, но наверняка испытывал постоянные страдания. Потом она подошла по очереди к двум полковникам и спросила, как они себя чувствуют, и голодны ли они. Все эти разговоры о еде наконец разбудили во мне зверский аппетит! Когда сестра вышла из палаты, полковник Седов встал, подошёл к окну и задёрнул шторы.

— С приходом ужина день кончается, — сказал он.

Ужин был роскошен, как сестра и обещала, и я в очередной раз почувствовала, что госпиталь с его щедрым питанием и доброжелательными сёстрами был прекрасным местом. Но тут я заметила, как искалеченный поручик отчаянно пытается есть. Он не мог ни открыть рот, ни поднять голову как следует, и в конце концов ему помог полковник Седов. От одного этого зрелища мою шею свела отчаянная судорога, я опустила голову и постаралась сосредоточиться на своей еде. Потом пришли солдаты, убрали посуду и принесли ванночки для наших рук и ног, после чего нам опять в течение часа делали массаж. К десяти часам палата затихла, все было прибрано, и на этом мой первый день в госпитале закончился.

Глава 4

На следующее утро всё моё вчерашнее ощущение умиротворённости по непонятной причине куда-то пропало. Я проснулась с дурными предчувствиями, и мне стало казаться, что было очень глупо размякнуть от доброй атмосферы госпиталя и перестать беспокоиться о будущем.

«А что ты будешь делать потом, когда выйдешь отсюда? Куда пойдёшь? Разве ты не понимаешь, что это тупик, что тебе не к чему стремиться и не с чем бороться? Ты совсем одна в этом странном городе, полном странных людей, так непохожих на твоих милых земляков с Северного Кавказа, чья жизнь и привычки тебе были хорошо знакомы. И хотя здесь, в этой палате, тебе, может быть, и очень хорошо — но откуда тебе знать, что заставит тебя делать начальство, когда ты поправишься?»

Внутренний голос, звучавший как бы откуда-то извне, рассекал моё сознание, словно удары шашкой наотмашь… Наотмашь, удар за ударом.

Ну и что же я собираюсь делать?.. Я ничем не умею зарабатывать на жизнь, умею только служить в армии, но с солдатской службой покончено. И мне не к кому обратиться за помощью.

Я впервые почувствовала, насколько я одинока, и мою душу наполнило холодное отчаяние. Это было отвратительное гнетущее чувство, совсем не похожее ни на ощущение опасности или страха, когда смекалка и смелость способны всё решить, ни на чувство радости от победы или горечи поражения, известные каждому солдату. Все эти проблемы, столь обыденные для мирной жизни, казались мне пугающими и неразрешимыми, и при одной мысли о них я ощущала во рту вкус чего-то отвратительного, словно я выпила горькое лекарство.

«Что ты будешь делать, когда выйдешь отсюда? Куда ты пойдёшь?»

Эти мысли бились в голове, как будто удары шашкой наотмашь… Наотмашь, удар за ударом. За несколько минут внутри меня появилось второе «я» — существо, трепетавшее перед тысячами вопросов и способное лишь изнывать от страшных предчувствий вместо ответов. Эта новая я вспомнила все сложности и приключения последних пяти лет и внезапно поняла, что всё случившееся было лишь увлекательным сном, а реальная жизнь мрачна и бессмысленна, и это невозможно вынести.

И тут два моих «я» вступили в спор. Вчерашняя я ссылалась на слабость и говорила, что просто нужно время, чтобы приспособиться к новым условиям. Сегодняшняя я требовала каких-то немедленных действий и мысленно рисовала перед моими глазами картины того, что произойдёт, если я не возьму себя в руки. Эти картины были настолько отвратительны, что я легла на спину и закрыла глаза, чтобы отогнать их…

Но не думать об этой угрозе было невозможно… она звенела у меня в ушах и гудела в голове, и я жалела, что не могу уснуть навсегда. Кто-то, мягко ступая, прошёл по палате, но мне не хотелось видеть, кто это был, чтобы не столкнуться лицом к лицу с реальностью, поэтому я плотно закрыла глаза. Потом я услышала слабый щелчок, означавший, что кто-то выключил свет, полагая, что вставать в пять утра всё же слишком рано. Тогда я открыла глаза и начала вглядываться. В свете небольшой лампы, прикрытой тёмно-коричневым абажуром, видны были чернобородый полковник и поручик, оба лежавшие абсолютно неподвижно. Что будут делать эти двое несчастных в будущем? Им было гораздо хуже, чем мне, потому что полковник

вряд ли когда-нибудь до конца оправится от своих ран, а поручику остаётся влачить безрадостную жизнь калеки. Моё сердце болело за них обоих. Почему всё закончилось так бессмысленно глупо, почему разбиты все наши идеалы, почему погибла страна, которую мы так любили и которой так верно служили?

Красивый полковник бесшумно вошёл в палату и на цыпочках подошёл к своему другу. Он низко наклонился над ним и что-то прошептал. Я старалась ничего не пропустить, надеясь, что какая-нибудь смешная история разгонит мою тоску. Так что я повернулась на бок и потянулась за водой на столике, чтобы они видели, что я не сплю.

— Нужна помощь, солдат? — спросил красивый полковник.

— Нет, спасибо, ваше высокоблагородие, я сама достану, — я налила в стакан воды, хотя и не хотела пить. Пока я пила, я старалась вслушаться в их разговор, но они говорили так тихо, что я не могла разобрать ни слова. Это всё больше огорчало меня. Почему они не хотят, чтобы я поучаствовала в их интересном разговоре? Как несправедливо совсем не обращать на меня внимания. Я постаралась дотянуться и налить себе ещё воды, но при мысли о том, что её придётся выпить, мне расхотелось это делать. Я снова принялась жалеть себя и легла обратно, надеясь, что поручик проснётся и попросит их ещё раз всё ему повторить погромче.

Через несколько минут красивый полковник подошёл к моей кровати и спросил:

— Вы спите?

— Нет, ваше высокоблагородие, я уже совсем проснулась, — ответила я с готовностью.

— Послушайте, — сказал он так мрачно и серьёзно, что на мгновение я похолодела, — я должен вас кое о чём спросить, а вы должны пообещать мне говорить правду и ничего не стесняться.

Я не могла себе представить, о чём он хочет спросить, но так испугалась, что только тупо смотрела на него, а полковник продолжал:

— С тех пор, как вы появились в госпитале, сюда каждый вечер является полупьяный солдат и спрашивает о вас. Сначала ему сказали, что вас тут нет, но он настаивал, что вы здесь, говорил, что сам вас сюда привёл, и что вы договорились встретиться у входа на следующий вечер. Медсестра так рассердилась, что хотела уже доложить обо всём начальству, но мы попросили её подождать, пока мы не поговорим с вами. Два часа назад он опять пришёл, совсем пьяный, и с тех пор не перестаёт буянить. Он говорит, что не уйдёт, пока вы не выполните своё обещание и не увидитесь с ним.

Полковник явно чувствовал себя неловко и очень серьёзно смотрел на меня. Но я вздохнула с облегчением и ответила:

— А, это тот самый солдат. Да, я действительно обещала встретиться с ним. Он провёл меня через Гнилой угол, когда я чуть не утонула в грязи, и, помнится, я обещала встретиться с ним, потому что только так можно было уговорить его проводить меня сюда. Понимаете, я так замёрзла и мне было так плохо…

Я рассказала полковнику, как всё было, но ему от моего рассказа, кажется, не стало легче. С минуту он молча смотрел на мою забинтованную руку. Потом прочистил горло и посмотрел мне в глаза, словно пока не решил, о чём ещё меня спросить. Я хотела ещё рассказать ему о том, как я заблудилась, но он положил свою руку поверх моей и торжественно заговорил:

— Очень мужественно с вашей стороны стремиться постоять за себя, но мы хотим пристрелить этого хама. Я могу сделать это сам или могу послать солдата отвести его в лес и всадить ему пулю в башку.

Он был настолько серьёзен, что я по-настоящему испугалась за бедного солдата и умоляла полковника не убивать его.

— Ваше высокоблагородие, зачем вам убивать человека, который, по сути, спас мне жизнь, не дал утонуть и замёрзнуть? — Я старалась говорить как можно убедительней.

Но полковник покачал головой и сказал сурово:

— Вы либо невинное дитя, либо очень ловко притворяетесь. Если говорить прямо, мы все хотим знать, не обидел ли вас этот хам? Если да, то он заплатит за это своей жизнью!

Теперь он был по-настоящему разгневан и смотрел на меня так яростно, что мне стало не по себе. Но вскоре я поняла, что эти люди просто хотят меня защитить, и при мысли о том, как близко к сердцу они принимают мои проблемы, мне захотелось и плакать, и смеяться одновременно, так я была им благодарна. Я с усилием села в постели и постаралась говорить достаточно громко, чтобы меня могли слышать и другие два офицера:

— Ваше высокоблагородие, я очень тронута вашей добротой. Я хотела бы выразить свою благодарность, но право же, этот солдат не сделал мне ничего плохого, он просто оказался для меня добрым другом, и я обязана ему жизнью. Если он сейчас создаёт всем столько проблем, то это, возможно, моя вина, ведь я обещала с ним встретиться. Если хотите, я сделаю это сейчас, но пожалуйста, не говорите больше, что застрелите его.

Я заметила, что при этих словах полковник испытал облегчение и, кажется, поверил, что я говорю искренне. Однако он всё ещё колебался и внимательно на меня смотрел, но тут чернобородый полковник приподнялся на локтях и, откашлявшись, сказал:

— Полковник Седов, а почему бы вам не сказать этому солдату, что доброволица — ваша сестра, и что вы не желаете, чтобы он с ней виделся. Он тогда должен будет прекратить свои домогательства. — С этими словами он снова не без труда лёг на постель.

— Думаю, что это будет лучшим выходом, — сказал полковник Седов. — Но я почему-то никак не могу смириться. Мне кажется, что если бы я мог всадить пулю в этого солдата, то мы покончили бы с чем-то плохим.

Он отвернулся и пробормотал:

— Это одно из моих предчувствий, а они меня никогда не обманывают.

Полковник встал и пошёл к двери, но на пороге остановился и посмотрел на меня, словно собирался вернуться и сказать что-то ещё, потом пожал плечами и вышел.

Те несколько минут, пока его не было, показались мне бесконечными. Я с ужасом думала о том, что могло происходить в это время у входа в госпиталь. Я была немного сбита с толку тем, как настойчиво они не хотели, чтобы я ещё когда-нибудь увидела того солдата. Это потому, что я лежала в офицерской палате? Или потому, что они искренне не хотели, чтобы я имела дело с грубым человеком, который так много пил? Всё это начинало меня понемногу возмущать, ведь в конце концов я и сама была всего лишь простым солдатом[236]. Но тут в палату буквально ворвался полковник Седов; он выглядел настолько разъярённым, что у меня сердце ушло в пятки. Если он убил этого солдата, то я до самой кончины буду чувствовать свою вину за его смерть.

Все сели на своих койках, даже поручик пытался приподняться из подушек, чтобы лучше видеть и слышать. Полковник Седов был в неистовстве, он метался по палате, полы его халата развевались, словно крылья. Наконец он потряс в воздухе кулаком, остановился в центре палаты и сказал, изо всех сил стараясь звучать спокойно:

---

[236] С формальной точки зрения это не совсем так. Как описывается в предыдущей книге, героиня трижды была награждена Георгиевским крестом. (См.: «Казачка», главы 10-я, 11-я и 15-я.) По законам Российской империи, уже первое награждение давало ей право на производство в казачий чин приказного (что соответствовало ефрейтору).

— Господа, я был уверен, что этого негодяя нужно было пристрелить. Предчувствия меня никогда не обманывают. Этот рядовой, собака такая… остаться безнаказанным за такое дело!

Он подошёл ближе к чернобородому полковнику и продолжил повышенным тоном:

— Представляете, что сказала эта свинья, когда я отказался позволить ему увидеться с моей «сестрой»? Он сказал: «Эта сучка говорила, что она здесь никого не знает, а теперь я уже четыре дня жду, чтобы передать ей это платье, которое моя Манька для неё стащила[237]. Да я мог бы всё это время с Манькой развлекаться, а не здесь торчать. А кстати, во Владивостоке высадился полк канадцев, и все солдаты ищут себе девочек. У них полно серебряных долларов, и я заработал бы кучу денег с этой добровольцей, если бы она вела себя разумно». Боже мой, — добавил полковник Седов, — как же я жалел тогда, что не захватил свой пистолет, чтобы разнести его чёртову башку!

Он опять заходил туда-сюда по палате. Никто не решался заговорить, слышно было только шарканье его больничных тапочек по полу. Потом второй полковник со вздохом лёг на свою кровать и сказал как бы сам себе:

— Я глубоко убеждён, что революция — это пагубное явление. Она разрушила и уничтожила не только страну, её традиции и прежние нормы, но и народ и его душу.

Он натянул себе на плечи одеяло и собрался спать.

Я не двигалась, опасаясь, что полковник Седов может опять подойти и заговорить со мной. Я чувствовала, что больше не выдержу таких переживаний. С одной стороны, я с облегчением поняла, что солдат избежал смерти, а с другой стороны, мне было стыдно при мысли о том, что эти три офицера теперь должны были обо мне думать. Наконец и полковник Седов подошёл к своей кровати, снял с себя халат, с отвращением бросил его на пол, громко сбросил тапочки и залез под одеяло. Потом зашла дежурная медсестра, подошла к кровати каждого из нас и склонилась посмотреть, спим ли мы. Поручик попросил её принести воды и заменить подушки, но оба полковника лежали неподвижно. Я знала, что они не спят, а только притворяются, и последовала их примеру.

---

[237] Настоящая глава начинается словами: «На следующее утро…» — то есть героиня находится в госпитале всего лишь вторые сутки. Откуда взялись четыре дня? Остаётся предположить, что солдат настолько пьян, что путает дни.

Несмотря на все пережитые волнения и проблемы, я вскоре почувствовала, что глаза закрываются. Сон манил меня. В его объятиях можно было забыть обо всех моих несчастьях.

Глава 5

Я уверена, что любой солдат, кроме тех, у кого слишком мучительно болели раны, с наслаждением просыпался когда-нибудь в госпитале. Даже у тяжелораненых в госпитале бывают такие славные мгновения, когда открываешь глаза и понимаешь, что не нужно исполнять свои обычные обязанности, не нужно идти на учения, что ты лежишь в уютной чистой палате, и можно весь день ничего не делать, не опасаясь неожиданного наступления врага. На какое-то время жизнь кажется прекрасной, а солдатская служба не такой уж и тяжёлой.

Но когда я просыпаюсь, мне всегда необходимо какое-то время полежать с закрытыми глазами, чтобы понять, где я, и что происходит вокруг, потому что зачастую я не сразу могу отделить сон от яви. Иногда сны бывают так прекрасны, что возвращаться от них к реальности бывает просто невыносимо. Но в тот раз, когда я проснулась после того, как полковник Седов изгнал солдата, всё было наоборот.

Мне снилось, что я опять на фронте, что я пытаюсь уйти из деревни, занятой красными, за которой проходит железная дорога, и там на станции я могу сесть в поезд и спастись. Мой путь полон опасностей, но когда я подхожу к станции, то вижу, что поезд уже отходит. Всем известно это ужасное чувство, когда, подбегая к станции, ты видишь уходящий поезд; но когда за твоей спиной красные и ты видишь, как уходит твоя последняя надежда, то впадаешь в полное отчаяние. У меня колотилось сердце, я сильно потела, в ушах отдавался стук… стук колёс поезда, набирающего скорость. Красные меня окружили, один из них схватил меня и ударил в лоб. Меня сковал страх. Это смерть?..

— У нас опять температура? — спросил приятный голос. Я осторожно открыла сначала один глаз; я всё ещё не могла поверить, что весь этот ужас был только сном. Передо мной стояла медицинская сестра с термометром в руке, а полковник Седов гладил меня по голове.

— Наверно, вы вчера слишком много съели, — строго сказала медсестра. Она засунула мне в рот термометр, прежде чем я успела сказать, что температура повысилась из-за того, что мне приснился ужасный сон. К тому времени как она увидела, что температура

действительно поднялась на два градуса, в палату вошли врач и его ассистенты.

— Да-да, — согласились они печально, решив, что дело действительно в том, что накануне я переела. Я видела, что они всё равно не поймут, если я расскажу об истинной причине, поэтому я просто глупо улыбнулась. В результате мне было прописано трижды в день пить молоко с тостами — а мне так хотелось отварной говядины с горчицей, которую ели все остальные!

Ближе к вечеру медсестра сказала полковнику Седову, что он может вывезти меня на веранду. У меня снова была нормальная температура, а свежий воздух должен был пойти мне на пользу. Казалось, полковник был очень рад этому поручению; возможно, он сожалел, что задавал мне такие болезненные вопросы этим утром. Он буквально выскочил из постели, где лежал тихо и задумчиво, и громко велел санитару привезти кресло на колёсах.

— А кроме того, медсестра, ей нужны ещё несколько одеял и пара шерстяных носков.

Потом и чернобородый полковник, и поручик вмешались и надавали мне кучу советов. Поручик одолжил мне ещё один тёплый шарф, а полковник Фёдоров настоятельно советовал мне как следует укутаться, повторяя: «Солнце светит ярко, но там наверняка холодно, ведь ветер-то северный».

Полковник Седов вынес мою шапку и надел свою; она была из прекрасного каракуля. «В таком наряде мы с тобой сможем пересечь всю Сибирь!» — пошутил он, щёлкнув пальцами. Он выглядел таким весёлым, что я задумалась, был ли он просто рад возможности чем-то занять время, или перспектива вывести меня погулять радовала его ещё по какой-то иной причине.

Санитар выкатил моё кресло на веранду. День был прекрасен; такие дни бывают во Владивостоке редко и оттого они здесь особенно ценятся. Окружавший госпиталь лесок наполнял воздух ароматом сосновой хвои. Мне было так тепло и уютно, что хотелось запеть от счастья. Даже Гнилой угол выглядел мило и живописно, и мне с трудом верилось, что это то самое место, которое я так с такими трудностями преодолевала. По другую сторону холма тянулись казармы, построенные из красного кирпича[238]. Я впервые заметила, что на окнах всех

[238] Вероятно, речь идёт о казармах 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Часть этих зданий сохранилась во Владивостоке по адресам: улица Приходько, 21 и улица Куйбышева, 1.

армейских зданий были ставни ярко-зелёного цвета; в ярком солнечном свете они отлично смотрелись и напоминали о весне. Глубоко внизу, в долине, был ипподром[239], и там рядом с цирковыми шатрами толпились чем-то занятые люди. Под порывами ветра верх самого большого шатра то вздымался, то провисал. Материал, из которого он был сделан, казался таким белым и чистым, что я подумала, что его наверняка стирали; непонятно было только, как им потом удалось его отжать!

Рядом с шатрами стояло несколько экипажей, а люди вокруг усердно красили их в алый и жёлто-коричневый цвета. Один необыкновенно высокий человек, сидя на корточках в нелепой позе, красил ступицы колёс ярко-жёлтой краской. Вся эта сцена выглядела так радостно, что я вспомнила, с каким волнением ходила в детстве в цирк в Тифлисе[240].

— Они только что приехали? — спросила я полковника Седова. — Или они красят всё перед тем, как двинуться куда-нибудь дальше?

— Это очень странно, я никогда раньше не видел здесь цирк, хотя много раз сюда выходил, — ответил он, изумлённо глядя на ипподром. Ему действительно казалось странным, как можно было не заметить цирк, если он был прямо под нами.

— Они ещё останутся здесь или уже уезжают, ваше высокоблагородие? — спросила я опять.

Он ответил не сразу. Видимо он думал о чём-то ещё, потому что сосредоточенно смотрел на горы.

— Не могу вам сказать, доброволица, в моей жизни как-то не было места цирку, он меня никогда не интересовал. На самом деле мне кажется, что циркачи и их трюки — это нечто излишнее, и даже самые смешные из них кажутся мне трагичными. Довелось ли вам когда-нибудь слушать оперу «Паяцы»[241]? Я всегда вспоминаю её, когда вижу цирк, и мне кажется, что все люди в этом мире прячут свои горести под маской веселья.

---

[239] Ипподром в городе Владивостоке существовал в Гнилом углу с 1902 года.

[240] Тифлис — в описываемый период административный центр Закавказского края Российской империи. Основан в 455 году. Через город протекает река Кура. С 1936 года — Тбилиси. Ныне столица Грузии.

[241] «Паяцы» — опера итальянского композитора Леонкавалло, впервые поставленная в 1892 году. Сюжет основан на трагическом противоречии между собственной жизнью актёров и необходимостью играть предписанные им роли.

Полковник опять долго смотрел на горы и выглядел при этом таким печальным, что я подумала — он, наверно, вспоминает какие-то прежние горести. Я решила оставить его в покое и узнать у кого-нибудь ещё, сколько времени здесь задержится цирк, и как я смогу сходить туда на представление. Потому что сходить нужно было обязательно. Даже увидев цирк издалека, я вспомнила детство и почувствовала, что если опять вдохну запах опилок и краски, то смогу снова уйти в ту жизнь, которая казалась мне теперь неясным сном, навеянным из других миров. Я не могла поверить, что когда-то была ребёнком, что у меня был настоящий дом и родители, ведь с тех пор, как началась Великая война, со мной так многое успело случиться. Мне казалось, что мне уже сто лет, и что последнее время я живу как во сне, от которого в конце концов проснусь среди какой-то опасной сумятицы… И я не сводила глаз с цирка. Если я смогу попасть туда, удастся ли мне повернуть время вспять? Опять стать ребёнком, который смеялся над клоунами в Тифлисе над Курой?

Но вид молча стоявшего поодаль полковника Седова вновь заставил меня испытать чувство тревоги. Было видно, что он ощущает надвигающуюся опасность. Я уверена, что в душе он говорил: «Ни вам, ни кому-либо ещё из нас цирк не поможет. Мы слишком далеко зашли, чтобы смех мог излечить нас. Мы затерялись в страшном мире, и нам никогда уже не найти дорогу к счастью. На что мы можем надеяться? Мы прокляты навсегда».

Страх накрыл меня, словно плащом. На что нам надеяться? Я больше не могла вынести этого молчания, полного печали, поэтому развернулась в кресле, сделала вид, что замёрзла, и пробормотала:

— Слава богу, скоро лето.

Полковник резко повернулся.

— Какая разница, зима или лето!

— Летом будет тепло, ваше высокоблагородие, — ответила я, пытаясь завязать хоть какой-то разговор.

Он посмотрел на меня через плечо и снова отвернулся.

Я разочарованно поняла, что завязать разговор у меня не получилось и, закашляв, проговорила сквозь кашель:

— Если бы сейчас было лето, то хоть от кашля можно было бы избавиться, а то ведь так и задохнёшься.

Полковник склонился надо мной и постарался поправить одеяла, которые и так уже плотно укрывали меня, а потом с подозрением в голосе спросил:

— Вам точно холодно, доброволица? Солнце сегодня жаркое, сейчас тепло, как летом.

— Да, ваше высокоблагородие, но я задыхаюсь от этого кашля.

— Может быть, вы поперхнулись? — спросил он насмешливо.

Мне было стыдно от того, что полковник понял мою уловку. Уж лучше бы он по-прежнему сидел и смотрел вдаль, но он отодвинул в сторону свой стул и заходил туда-сюда по веранде. Внезапно он остановился и показал куда-то рукой.

— А знаете, доброволица, вон там Япония. Совсем не такая земля, как наша! Другие люди! Там по-прежнему монархия, и жизнь идёт так, как надо, и все люди на своих местах…

Я ещё не поняла, о чём он говорит, но была рада, что его настроение сменилось, и быстро спросила:

— А далеко ли до Японии, ваше высокоблагородие?

На этот раз бедный полковник повернулся ко мне с отчаянием на лице. Он вздохнул и сказал:

— Не так уж и далеко, доброволица. Пара дней пути на пароходе, и вы окажетесь на земле, где могут воплотиться в жизнь самые дерзкие планы и мечты. Но что нам с того?.. С таким же успехом мы можем пытаться попасть на луну.

— А у вас есть дерзкие планы, ваше высокоблагородие?

— У меня был один очень дерзкий план, но проклятая революция положила конец многим надеждам. Неужели вы не понимаете, что пришёл конец света, что старый мир исчез, а настал другой.

— Да, ваше высокоблагородие. Я не знаю, что там настало, но я чувствую, что тот мир, который мы знали, уже ушёл.

— О, ну вы хотя бы понимаете, о чём я говорю. Да, я говорю о конце, о нашем конце, о конце нас всех! Он пришёл к вам, ко мне, к миллионам других людей. Это страшное чувство, клянусь богом! Так, наверно, чувствуют себя приговорённые к смерти, но им легче, чем нам… они знают, что их страдания закончатся очень быстро... Да, дитя моё, жизнь не сводится к войнам и революциям, но это всё не для нас. Мы разбиты, потеряны, завоёваны… Мы рабы и изгои!

Полковник открыл мне глаза. До сих пор я не знала наверняка, что мы разбиты, что наша битва проиграна. Я знала, что последнее время мы часто отступали из стратегических соображений, но если уж ввязывались в бой, то всегда побеждали. Мы теряли людей, теряли своих товарищей, которые были нам дороги, и к которым мы были так сильно привязаны. Мы так тяжело переживали их гибель, но верили, что в конце концов победим и отомстим за них. И вот… мы проиграли. Проиграли кому? Кто теперь хозяин нашей судьбы?

Всё это напоминало мне какую-то сказку из «Тысячи и одной ночи»[242], в которой земли, троны и народы принадлежали какому-то завоевателю. Мой бедный мозг не мог понять всего этого. В голове билась только одна мысль: мы, казаки, проиграли! Это само по себе было ужасно, но то, что мы проиграли революционерам — мы, становой хребет Российской империи, самые преданные трону войска!.. Разве десятки поколений назад мы не поклялись защищать Россию и трон, никогда не проигрывать сражений, даже если для этого предстояло погибнуть всем до единого? Но сейчас, в борьбе с собственным народом, в братоубийственной бойне! На наших глазах явно рушились христианский мир и культура.

У меня было много вопросов к полковнику Седову, но он все ещё ходил туда-сюда, не так быстро, как он обычно ходил по палате, но мелкими резкими шагами. Часто останавливаясь на несколько минут, он смотрел в землю, а потом опять шёл в дальний угол веранды и всматривался в горизонт, а потом шёл в другой конец веранды, и там всё повторялось. Его форменная шапка была небрежно сдвинута набекрень, а госпитальный халат накинут на широкие плечи. В таком виде его можно было бы принять за типичного вояку, если не видеть задумчивого напряжённого лица. Я привыкла видеть военных всегда подтянутыми и весёлыми. При этом они могли быть злобными или добрыми, серьёзными или счастливыми, но я никогда прежде не видела, чтобы офицер выглядел настолько печальным. Полковник Седов казался таким подавленным, что я не знала, как его развеселить, и жалела, что с нами нет чернобородого полковника, потому что теперь уже я у него попросила бы конфетку… Я знала, что полковник Седов так их любит, что всего одна конфета избавила бы его от всех трагических мыслей.

Но полковник Фёдоров был в палате, и до него с его конфетами было не добраться[243]. Я удручённо смотрела на моего несчастного друга.

Вскоре пришла медицинская сестра и спросила, не хотим ли мы чаю. Полковник Седов весьма раздражённо сказал, что не хочет никакого чая, и слегка коснулся её плеча, словно она помешала его размышлениям. Потом медсестра обратилась ко мне, но прежде чем я успела

---

[242] «Тысяча и одна ночь» — сборник средневековых восточных сказок, популярный в России с XVIII века.

[243] Так в тексте. Выше (глава 3) полковник Седов угощал полковника Фёдорова конфетами, а не наоборот.

ответить, полковник сказал, что мне нужно идти пить чай, потому что меня всё утро знобило, после чего медсестра сказала, что мне лучше вернуться внутрь. Меня это совсем не устраивало, и я возразила, что лучше останусь без чая, если для этого нужно идти в палату, но если чай можно пить на веранде, то с с удовольствием выпью! Медсестра ласково посмотрела на меня и сказала с улыбкой: «Хорошо, дорогая. Я принесу чай сюда». С её стороны это было очень любезно, так как для неё это означало дополнительные хлопоты, и я совсем не ожидала, что моя просьба будет исполнена.

Солдат принёс поднос с чаем для нас обоих, и я подумала, что, возможно, это позволит вывести полковника из его мрачного состояния, и я смогу задать ему кучу тревоживших меня вопросов о войне и революции. Но он только сердито покосился на поднос с чаем, явно недовольный тем, что солдат его принёс, и снова зашагал из угла в угол.

Я поёжилась под своими одеялами и подумала о том, как сложно женщинам в компании мужчин, чьи мысли блуждают где-то далеко. Я никак не могла привлечь внимание полковника Седова к себе или к чаю, и казалось, что у меня больше не было надежды поговорить с ним. Может быть, он как-то отреагирует, если я разобью стакан или переверну сахарницу? Потом я вспомнила про конфеты и решила пойти на уловку.

— Ваше высокоблагородие, мне кажется, с нашей стороны будет эгоистичным оставаться здесь весь день. Было бы гораздо любезнее взять наш чай и пойти пить его в палату с другими. И потом, у полковника Фёдорова есть конфеты…

На какое-то время полковник Седов замер в углу веранды, с которого были видны отроги Гималайского хребта, великих гор, которые, казалось, уходили в море и исчезали там, а потом опять возникали где-то в Китае[244]. Потом он повернулся, поплотнее стянул свой халат вокруг горла, потёр лоб рукой и, нахмурившись, посмотрел на поднос с чаем, словно только что его увидел. Он задумчиво заговорил:

— Я думаю, с нашей стороны эгоистично оставаться здесь так долго, но теперь мы как раз и должны быть такими — эгоистичны-

[244] Так в тексте. Фраза бессмысленная с точки зрения географии. Из Владивостока можно увидеть лишь несколько сопок, самая крупная из которых (сопка Холодильник) имеет высоту 257 метров. Ближайшие горы, хребет Сихотэ-Алинь, расположены примерно в сотне километров к северо-востоку — то есть в направлении, противоположном Гималаям. Последние начинаются в нескольких тысячах километрах к юго-западу от Владивостока.

ми, думающими только о себе, о своей безопасности и благополучии. Время героев, жертвовавших собой, ушло. Легендарные патриоты, побеждавшие в славных войнах, теперь не более чем миф!

Он хлопнул себя по бедру и снова посмотрел на восток. Я была рада, что он хоть о чём-то заговорил. Мне всегда нравились рассказы о войнах и героях, и я не хотела, чтобы он замолчал. Стараясь как можно громче звенеть чашкой о блюдце, я кашлянула и громко возразила:

— Герои никогда не будут мифом, ваше высокоблагородие. Даже сейчас в мире их слишком много, чтобы такое могло случиться. Вы хотите быть героем; я хочу быть героем; я уверена, что любой, кто носит форму, хочет быть героем. Вы так долго и так глубоко думали, что совсем запутались в своих выводах, — и я опять звякнула чашкой о блюдце.

Несколько мгновений он стоял молча, словно не слыша меня; я испугалась, что опять не смогла втянуть его в спор. Я тихонько подлила себе чаю. Я была готова сдаться; всё бесполезно.

Потом он повернулся и прислонился к одно из опор веранды, потирая раненую руку и глядя на меня, словно пытаясь понять, стоит ли вообще говорить со мной или нет. Потом полковник стянул с головы шапку, вздохнул и сказал:

— Ваше счастье, дитя моё, что по незнанию и из-за того, что вы оказались в столь суровых обстоятельствах, падение империи и монархии не будет для вас таким ударом. Когда вы пошли служить в армию, если вы вступили в её ряды так, как положено, или если вы хотя бы понимали, куда попали — то вы не оставляли позади своих любимых людей, которые посвятили жизнь тому, чтобы увидеть вас героем и офицером. На службе вы не жили единственной надеждой: прославиться ради тех, кто в тебя поверил. Но вряд ли вы понимаете, о чём я говорю. Я говорю о мужчинах, о молодых мужчинах, которые пошли в армию не просто для того, чтобы стать храбрыми солдатами и погибнуть за свою страну, но и для того, чтобы прославить свою фамилию и оправдать доверие матерей, отдавших все силы тому, чтобы сделать из своих сыновей выдающихся воинов и выдающихся офицеров…

Неожиданно он застонал и замолчал. Я думала, что здесь обязательно нужно сказать что-то такое, чтобы он продолжил говорить со мной об этом, и я поспешно прервала молчание.

— Ваше высокоблагородие, мне кажется, что революция покончила со многим. Как так получилось, что мы, казаки, и вы, достойные офицеры и солдаты, проиграли красным все сражения? И кто вообще такие эти красные?

Эти слова мне самой показались странными. Как нелепо — проиграть свою страну своему собственному народу! Полковник Седов поднял глаза и подошёл прямо ко мне. Он остановился напротив меня и заговорил так выразительно, что я поняла: сейчас он озвучивает те странные мысли, над которыми размышлял весь день.

— Вы слишком молоды, чтобы это понять или чтобы осознанно страдать от этих мыслей, дитя. Возможно, вы страдаете по-своему, но это страдание бессловесного животного, которое переносит боль со стонами, но без протеста. А мы, интеллигенция, поколениями воспитывавшие в себе возвышенные чувства, ставшие лучшей частью общества и всеми силами пытавшиеся стать ещё лучше и утончённее — на нас лежит непростительный грех: мы допустили эту катастрофу, эту революцию! Вы, казаки, и вся остальная царская армия не проиграли ни одного сражения, но тем не менее красные победили! И я скажу вам, почему. Всю нашу систему в течение многих поколений подрывал изнутри класс бесполезных людей, не желавших оставаться в низу общества, но при этом слишком ленивых, чтобы стать хорошими рабочими, и слишком безмозглых, чтобы продвигаться по социальной лестнице. В большинстве своём этих людей можно было встретить среди студентов из низших классов, у которых более-менее хватало соображения, чтобы подхватить обрывки учения наших великих умов, но которые были не в состоянии приучить себя к каким-либо определённым занятиям. Максимум, чего большинство из них оказывались способны достичь, было место учителя или учительницы в сельской школе, где они изо дня в день вселяли смуту в сердца учеников. Я называю этих людей червями! Червями, подточившими великие государства и великие страны, такие, как наша. Они достаточно умны, чтобы хотеть, но они никогда не могут добиться своей цели, добиться желаемого, честным и достойным путём! Они подбивают тёмные массы на бунт и ведут их разрушать то, что достойные люди создавали столетиями. Они просто хотят иметь всё то, что имеют те, кто лучше их!.. И вот настало время, когда эти ничтожные черви достигли своей цели… они уничтожили законность и порядок. Мы не проиграли Гражданскую войну! Мы не могли её проиграть! Мы были слишком хорошей армией, слишком сильным народом, чтобы проиграть ничтожным червям! Но как огромный тысячелетний дуб может быть захвачен червями, которые незаметно подтачивают его изнутри, так и нашу страну, нашу землю захватили изнутри эти черви в человеческом облике. И подобно тому, как постепенно черви выгрызают ствол могучего дуба, пока он не упадёт на землю, так эти черви съели и нас, людей-гигантов в гигантской стране…

Он развернулся на каблуках и пошёл обратно в угол, но его слова всё ещё физически ощущались в прохладном воздухе. Как это было верно. Мне нечего было ответить. Я могла сказать только, что была уверена: сама я точно не отношусь к числу тех червей, подорвавших нашу великую армию и страну. И ещё я отчаянно хотела страдать осознанно. Сумею ли? Я не знала.

Я была рада, что полковник молчал. Теперь я понимала, почему он молчал раньше. Но вскоре он подошёл ко мне, явно собираясь рассказать ещё что-то о червях и о революции. Говоря тише, чем прежде, он тронул меня за плечо, чтобы привлечь внимание:

— Я всегда считал, что жандармы и тюрьмы — это лучшее средство для очистки любой цивилизованной страны, если она хочет защитить своё будущее и свою культуру. Человечество не научилось бороться с засухами и ураганами, но таких вот червей уничтожить легко. То, что наши власти допустили такую революцию, как наша — это чистой воды халатность с их стороны. У нас в России были лучшие в мире армия и полиция! И при этом мы допустили, чтобы миллионы наших людей были просто сметены — людей, веками работавших, чтобы сделать нашу страну лучше. Все эти медленные перемены через образование и культуру, все эти мучительные жертвы, принесённые множеством людей… всё, всё было потеряно из-за нашей собственной полнейшей дурости, из-за того, что мы позволили этим червям незаметно делать свою подрывную работу! А теперь Россия падает на землю, как огромный дуб… и с нами покончено, надежды нет. Вот возьмём, например, меня… у меня самая прекрасная мать, умное и благородное создание…

Он резко замолчал на половине фразы, ударил себя кулаками в грудь и отошёл в дальний угол веранды, смотревший на Гималаи, словно там, на востоке был ответ на все его вопросы.

Свернувшись клубком за его спиной, я подумала о его матери. Грозила ли ей опасность, или она умерла из-за революции? Винил ли полковник революцию во всех своих личных бедах, как это делали тот солдат или кондуктор? Конечно, именно революция стала причиной большинства наших несчастий, но если это было неизбежно, как он, кажется, думал, то почему же он не может этого понять и нести своё бремя более стоически? Возможно, потому, что такое поведение как раз было бы, как он выразился, «страданиями бессловесного животного»?

Мне пришло в голову, что под давлением обстоятельств в червей превращались как лучшие, так и худшие из людей. Но у полковника Седова, конечно же, были все основания проклинать революцию,

если из-за неё его замечательная мать была убита или ранена. Едва упомянув о ней, он, кажется, испытал такую боль, что я подумала, что с ней случилось что-то ужасное. Мне не терпелось ещё расспросить его о ней, однако полковник не оборачивался и по-прежнему смотрел вдаль, где уже сгущались сумерки.

Сильный ветер стих, но с гор дул лёгкий прохладный бриз. Между мной и полковником Седовым пролегли глубокие тени. Я почувствовала, что эта завеса надёжно скрывала от меня его самого и его мысли, и опять испытала чувство отчаянного одиночества. Полковник, видимо, что-то знал о своей матери… а я, что я знаю о моей? Она тоже была красива. С тех пор, как я ушла из дома, я не могла ничего узнать о матери, и я беспомощно спрашивала себя, что же революция сделала с ней? Она тоже страдала и была несчастлива? Но нет, это невозможно, ведь среди нас, казаков, нет неудовлетворённых жизнью червей. Мы были самым счастливым народом в России, ведь мы жили для того, чтобы умереть за свою страну, за царя и за веру. Каждый мужчина гордился быть солдатом, каждая женщина знала свои обязанности жены и матери. Я помню, что в самой весёлой песне, которую пели наши мужчины, были слова:

«Любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить!

За царя, за веру буйну голову сложить!»[245]

Я уверена, мы никогда не затевали революций, потому что были слишком счастливы.

Я вспомнила свою станицу, которую покинула пять долгих лет тому назад. Там люди всегда были веселы: женщины в ярко вышитых блузах и юбках, с цветами в волосах, и мужчины в их замысловатой, яркой и живописной форме, которая была знаком принадлежности к казачеству. О нет, казаки никак не могли совершить революцию или стать червями — они не были настолько гнусными! Я ясно помню последний рассвет, увиденный в родной станице, как будто это был дивный сон. Возможно, родные места всем кажутся лучшим и самым прекрасным местом на земле. Но после всех скитаний я не могу представить себе места восхитительнее станицы Раевской[246] — там, где

---

[245] Старинная казачья песня «Любо, братцы, любо!» (См.: *Шамбаров В. Е.* Песни Первой мировой и Гражданской войны. — М., 2019.)

[246] Станица Раевская основана в 1862 году. На 1914 год — в составе Таманского отдела Кубанской области Российской империи. В настоящее время административный центр Раевского сельского округа, входящего в состав Новороссийского района города Новороссийска.

я вылезла из окна своей спальни, чтобы побежать за служившим у нас в доме мальчиком Василием через огород на поля подсолнухов.

Небосвод был тогда серо-голубым, в холодном утреннем свете высоко в небе виднелся серебристый рог полумесяца, а на востоке слабо мерцали редкие звезды. Вершины моих любимых Кавказских гор окрасились в цвет розовых лепестков, приветствуя восходящее солнце, а предрассветный ветерок доносил на своих крыльях сладкий аромат диких фиалок. Тогда, тем радостным утром, я ещё не знала, куда, к каким ужасам и несчастьям я иду. А сейчас на больничной веранде во Владивостоке, рядом с человеком, который казался мне совершенно чужим, я полностью осознала, что потеряла. Съёжившись под одеялами, я закрыла лицо руками. Мысли унеслись в прошлое… Перед моим внутренним взором, как в кино, пронеслась история моего любимого народа. А для того, чтобы те, кто читает эту книгу, могли лучше понять мою гордость за свой народ, я расскажу всю историю казачества — такую, какой я мысленно увидела её в тот печальный вечер[247].

Глава 6

У казаков свои почётные звания. «Старики» — это самые важные люди в военной и в мирной жизни. Атаманом называют старшего офицера или начальника, а урядник — это унтер-офицер[248].

На фронте я подружилась с урядником по фамилии Козлов, или с Козлом, как все его называли для краткости. Козёл был хорошим солдатом и очень гордился тем, что смог сделать такого же солдата из маленького оборванца, каким я была, когда последовала за женщинами на фронт[249]. Долгими зимними ночами, когда мы отступали или

Подробности того, как героиня покинула дом, описаны в главе 2-й книги «Казачка».

[247] Последующее изложение не имеет ничего общего с исторической правдой. Для интересующихся историей казачества на эту тему существует обширная литература; можно порекомендовать, например, книгу В. Е. Шамбарова «Казачество. История вольной Руси».

[248] Младший урядник, старший урядник — чины в казачьих войсках, соответствующие младшему и старшему унтер-офицерам. Примерно соответствуют младшему сержанту и сержанту в современных Вооружённых Силах Российской Федерации.

[249] Эти события описаны во 2-й и последующих главах книги «Казачка».

с нетерпением ждали боя, он рассказывал мне истории о храбрости и славе казачьих полков, об их боевом пути. Эти рассказы позволяли пережить утомительное бездействие, а два его товарища, Семён и Петро, тоже постоянно говорили со мной об истории и происхождении казаков.

Они рассказывали, что первые казаки появились во времена царя Ивана Грозного. Когда царь Иван победил татар и выиграл последнюю битву за город Казань на реке Волге, то он приказал построить в земле большой квадратный склеп из камней, скреплённых особым раствором, а поверх положить дубовую решётку. Когда саркофаг был построен, царь Иван приказал убить последних оставшихся в живых пленных татарских воинов, а их черепа высушить на солнце и бросить в эту новую могилу. Он был человеком верующим и поэтому приказал построить над могилой небольшую часовню в благодарность Богу за то, что он позволил белым христианам избавиться от жёлтолицых людей. Лампада, которую царь повелел там зажечь, горит до сих пор, хотя благодарственные молебны, которые служились в этом месте на протяжении многих лет, сейчас уже не проводятся. Но часовня всё ещё стоит, склеп под ней наполнен почти доверху призрачно-белыми черепами татар, и их по-прежнему можно видеть сквозь дубовую решётку.

Царь Иван и его воины были беспощадны. Они посылали к людям своих сборщиков налогов, и те забирали всё, что могли унести, зачастую насиловали женщин и забирали у людей последнюю рубашку. Говорят, что люди были так измучены насилием и притеснениями, что один человек изобрёл то, что сегодня мы назвали бы аэропланом или планером. Он использовал орлиные крылья, привязав их к рукам, чтобы улететь от тирании. Прослышав про это, царь Иван велел мастеру явиться и показать, как он летает. Человек и крылья были доставлены к царю. Мастер забрался на верхушку колокольни, взлетел и долго парил в воздухе, будто птица. Когда он приземлился, царь сказал, что Господь создал людей, дабы они ходили, а не летали, и приговорил беднягу к сожжению.

Некоторые крестьяне задумались о том, что делать и как сбежать от ужаса, царившего по всей стране. Наконец они решили «одолжить» или попросту украсть как можно больше лошадей и сбежать. Мужчины и женщины на этих лошадях, да ещё и со «взятыми взаймы» овцами, которые они прихватили, чтобы питаться в пути, покинули Русь и двинулись на юг, где, как им казалось, будет легче начать новую жизнь.

Когда побег был обнаружен, царь Иван провозгласил, что они больше не русские. Он назвал их казаками, что по-татарски значит «воры». С тех пор их так и называют[250].

Казаки вели кочевой образ жизни, перемещались с одного места на другое, туда, где были пастбища для овец и лошадей. Поговорка о том, что «казак рождается в седле», идёт именно из тех времён, да к тому же многие рождались в седле в прямом смысле слова. С тех времён казаки вели славную жизнь: они не должны были платить налоги, и у них не было собственности, о которой нужно было бы беспокоиться. Единственной домашней скотиной у них были овцы, потому что они легко передвигаются на большие расстояния и могут быть полезны во многих смыслах. Овцы давали молоко детям и шерсть для различных нужд. Бурка — вещь, полезная в самых разных случаях — это большой плащ с капюшоном, сделанный из валяной шерсти. В дождь она укрывает и наездника, и его лошадь; на бурке очень мягко спать; в бурке тебе прохладно под палящими лучами солнца.

Всем хорошо известен и бурдюк, широко используемый сейчас по всему Кавказу. Это целая овечья шкура, тщательно очищенная, высушенная на солнце и сшитая так, чтобы получился кожаный сосуд для жидкости. На месте одной из ног животного оставляется отверстие, через которое можно налить или вылить воду или вино. Чаще бурдюк используют для вина, которое продают в бурдюках вместо бочек. Что касается еды, то сушёный и свежий козий сыр до сих пор считается деликатесом.

---

[250] Легенда, которую рассказывает автор, абсолютно не достоверна. Вместе с тем в тексте упоминаются реально существовавшие исторические личности и события.

Царь Иван Грозный (1530–1584) правил на Руси с 1533 года. Русско-татарское войско под его командованием взяло Казань штурмом в 1552 году. (При этом описание часовни, куда были сложены головы пленных татар — чистый вымысел.)

Образ «беспощадных сборщиков налогов», видимо, навеян событиями периода опричнины, когда в ходе борьбы за укрепление царской власти Иван Грозный создал особое войско (так называемых опричников), часто действовавшее с крайней жестокостью.

Легенда о мастере Никите, который якобы изобрёл крылья и летал на них, восходит к рассказу «Бесовский летатель» русского литератора Евгения Николаевича Опочинина (1858–1928), опубликованному в 1912 году.

И, конечно же, «казак» вовсе не переводится как «вор». Считается, что это слово имеет тюркское происхождение и означает «вольный кочевник, свободный человек, бродяга».

Работы было мало, поэтому мужчины могли оттачивать своё умение ездить верхом до полного совершенства и изобрели много конных трюков. Их главными занятиями были пение и танцы, которыми казаки славятся и поныне.

Со времён Ивана Грозного и до царствования Екатерины Великой казаки оставались независимым кочевым племенем. Со временем они стали очень сильны и многочисленны, сами вели много войн и стали реальной угрозой для многих стран, в первую очередь для Турции, с которой они совсем не дружили. Существует очень известная картина русского художника, на которой запорожцы — или низовые казаки, как их иногда называли — пишут ответное письмо турецкому султану, который повелевал им прекратить набеги на Турцию. В своём письме они называют султана пособником христоубийцы, нечестивой собакой и сатанинским козлом; казаки клянутся вечно воевать с ним просто потому, что он не христианин[251].

Екатерина Великая была первым монархом, прибравшим казаков к рукам. Она попыталась убедить их вернуться жить в Россию, но в ответ они только смеялись и спрашивали, что они будут там делать, ведь смыслом их жизни была война. Екатерина быстро смекнула, как поступить. Она вызвала к себе казачьего атамана и попыталась убедить его поступить к ней на службу. Она привела множество разумных доводов, но ни один из них не сработал, и тогда она пустила в ход свои женские чары, соблазнила атамана, и в конце концов он отчаянно влюбился в неё. Тогда Екатерина сказала, что хочет, чтобы ей принадлежал весь Кавказ, и спросила, смогут ли казаки завоевать Кавказ для неё. Лучшего придумать было невозможно, ведь казаки находили упоение только в бою. Атаман вернулся и рассказал своему народу об обаянии и красоте Екатерины, а главное — о том, что она воин по духу. Он рассказал, что влюбился, и что она хочет, чтобы казаки завоевали для неё Кавказ и сделали его частью её царства.

Казаки избрали атамана своим главой за его храбрость, таланты руководителя и умение сражаться. Все его любили и были рады,

---

[251] Речь идёт о картине И. Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1891), ныне находящейся в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге. Письмо якобы было написано в XVII веке. Приводимые автором выражения в опубликованных вариантах письма отсутствуют, но общая тональность сочинения передана верно.

Запорожцев называли также низовыми казаками, так как они проживали в низовьях Днепра, к югу от днепровских порогов.

что такая выдающаяся женщина выбрала атамана в качестве своего мужчины. Все они поклялись биться до конца и завоевать для неё весь Кавказ. Атаман вернулся к Екатерине с добрыми вестями. Он поклялся в верности трону и стране, а она за это обещала, что казаки будут самыми приближёнными к царю войсками, и даровала им земли у подножья Кавказских гор на реке Кубань. Отсюда пошло название кубанских казаков[252].

Кубанские казаки были единственным народом России, не подлежавшим налогообложению. Любому ребёнку мужского пола, рождённому в этих местах, выделялось несколько десятин[253] земли. За это мужчины несли воинскую службу пожизненно и были готовы выступить по первому зову[254]. Казачьи войска пользовались особым доверием, их всегда использовали для подавления любых бунтов и мятежей.

Эта история казачества передавалась из поколения в поколение. Любой бывалый казак с радостью перескажет её любому, кто готов слушать, особенно долгими зимними вечерами, когда вспоминают знаменитые битвы и героев прежних лет.

Среди казаков было много знаменитых поэтов и писателей, но самые известные среди них — Шевченко и Гоголь[255]. Они много писали

---

[252] Запорожское казачество действительно было ликвидировано в конце XVIII века по решению императрицы Екатерины II. Объяснялось это тем, что после побед над Турцией и Польшей военная необходимость в казаках на данном театре военных действий отпала, но в то же время буйное казацкое население было постоянным источником волнений в Приднепровье.

Часть бывших запорожских казаков изъявила желание переселиться на Кубань. Первые казаки прибыли туда в 1792 году.

[253] Десятина — мера площади, использовавшаяся в дореволюционной России. Одна десятина примерно равна 1,09 гектара.

[254] Казаки действительно не платили большинство прямых налогов (за исключением налога на имущество). Вместо этого они платили «налог кровью»: каждый казак в течение ряда лет состоял на военной службе, а после её окончания оставался в запасе до достижения пожилого возраста. При этом казаки выходили служить на собственных конях и с личным оружием.

Это касалось не только кубанцев, но и всего остального казачества. К 1917 году в Российской империи существовало 11 казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское.

[255] Тарас Григорьевич Шевченко (1814–1861) происходил из семьи крепостных крестьян Киевской губернии и не имел никакого отношения к казачеству. Благодаря таланту живописца он смог выкупиться из крепостной зависимости, однако увлёкся написанием стихов антироссийского и русофобского содержа-

о запорожцах, об их простой жизни, их вере, об их доверчивости и наивности, сочетавшимися с храбростью и бесстрашием. Казаки очень религиозны и очень суеверны. Гоголь писал о ведьмах, которые носили любопытных юношей на Луну на своей метле; о зачарованных прудах, где водятся черти; о мёртвые грешниках, выходящих из гробов и из церквей, и о многих других подобных вещах. Эти истории хорошо известны[256].

Женщины также играли важную роль в казачьем быту. Они были очень сильны, и на них лежало множество обязанностей. Детьми и кухней занимались бабушки, но уход за скотиной, за полем и садом, а также забота о доме в целом — всё это, как правило, ложилось на плечи женщин.

Мужчины, если не были заняты на военной службе, работали в полях, следили за своими шашками и за верховыми лошадьми, помо-

---

ния, за что и был отдан в солдаты. (См.: *Греков Н. А.*, *Деревянко К. В.*, *Бобров Г. Л.* Тарас Шевченко — крёстный отец украинского национализма. — Луганск, 2005.) Популярность стихов Шевченко, грубо срифмованных на разговорном малороссийском наречии, в основном объясняется их усиленной пропагандой вначале благодаря «народникам», а затем в период советской власти. Одной из характерных особенностей творчества Шевченко является идеализация казачьей жизни до поступления казачества на службу к русским императорам.

Великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) происходил из малороссийского дворянского рода. Семейная легенда гласит, что его предки были казаками, но о достоверности этого утверждения судить трудно. В отличие от Шевченко, казаки в творчестве Гоголя предстают как патриоты Руси и защитники русского народа.

Сам Гоголь никогда себя казаком не считал.

[256] Видно, что автору книги сочинения Гоголя были известны не очень хорошо.

Разного рода ведьмы фигурируют в ряде произведений Гоголя — однако они ни с кем не летают на Луну. Зато в рассказе «Ночь перед Рождеством» (из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки») вначале некая ведьма ворует с неба звёзды, затем чёрт прячет в карман месяц — и далее по ходу развития сюжета этот же чёрт возит одного из главных героев, кузнеца Вакулу, в Петербург и обратно.

В зачарованных прудах у Гоголя обычно водятся не черти, а русалки (см., например, рассказ «Майская ночь, или Утопленница» из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки»).

«Мёртвый грешник, выходящий из гроба», может ассоциироваться с образами из повести «Вий» (сборник «Миргород») либо из рассказа «Страшная месть» (сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки»). В «Вие» мёртвая ведьма встаёт из гроба; в «Страшной мести» мертвецы поднимаются из могил. Но чтобы мёртвые грешники появлялись из церквей — такого у Гоголя нет.

гали жёнам возить продукты на базар, а зерно на мельницу, привозили домой разные товары и муку. Вообще, чаще главой дома была жена. Хорошо известно, что многие храбрые казаки побаивались своих жён.

Есть старинная песня, в которой поётся о двух друзьях-казаках, которые водку любили больше, чем ходить в церковь. Каждый раз, когда они везли продукты на базар, они на обратном пути заходили в кабак, пропивали там все деньги и возвращались домой с пустыми карманами. Однажды они брели домой, и каждый боялся встречи с женой. Тогда один сказал другому: «Иди и скажи моей жене, что мы по дороге встретили на перекрёстке чёрта и так испугались, что на ногах стоять не можем». Другой казак сердито оттолкнул своего друга и сказал: «Когда в прошлый раз я ей это говорил, она меня сильно побила, а потом ещё и моя жена мне добавила. Давай уж каждый из нас пойдёт к своей жене. Тогда, по крайней мере, меня побьют всего один раз».

Эта история очень напоминает привычную картину казачьей жизни, как я её помню. Они были наивны и суеверны, послушны и почтительны. Старики всегда пользовались большим авторитетом, им никто не перечил. У казаков не было знати; мне кажется, они были прирождёнными демократами[257]. Однако воинские чины пользовались большим уважением. Казаков принимали в элитные военные училища, и среди них было много знаменитых офицеров.

В станице, где мы с семьёй всегда жили летом, я чаще всего проводила время на подворьях у казаков и очень подружилась со многими из них. Среди них был приставленный ко мне мальчик Василий, совсем немного меня старше. Он учил меня лазить по разным деревьям; мы с удовольствием собирали абрикосы, когда наступало время варить варенье. Мы забирались на высокие абрикосовые деревья и прыгали на толстых суках, чтобы стряхнуть плоды на землю. Там, внизу, пожилые женщины собирали их и складывали в свои фартуки. Когда в саду на открытом огне варили варенье, то нам обычно давали немножко попробовать на куске хлеба, который мы «заимствовали» на кухне. Грецкие орехи стрясать было труднее, зачастую их приходилось обрывать вручную; в таких случаях по вечерам моей няне приходилось оттирать лимоном мои чёрные пальцы, пока они не начинали болеть. Больше

[257] Начиная с XVII века, в малороссийском казачестве формировалась привилегированная прослойка — казацкая старши́на. Её представители постепенно превращались в землевладельцев и, как правило, избирались на выборные казацкие должности. В 1835 году императорским указом казачьей военной верхушке было даровано наследственное дворянство.

всего мы любили собирать вишню, потому что лучшие ягоды мы ели сами, сидя высоко на дереве. Там нас некому было остановить, но потом приходилось глотать всякие лекарства, порой очень неприятные!

Моими лучшими друзьями были конюхи, особенно молодые Федот и Савел. Они всегда брали меня с собой, когда вели лошадей на реку купаться. Мне очень нравилось чистить лошадей щёткой ранним утром. Казаки доверяли мне чистить лошадиные копыта; другой моей обязанностью было заплетать лошадям гривы. По вечерам, когда готовили ужин, я шла в конюшню с карманами, полными сахара. Все лошади хорошо меня знали и старались потереться мордой мне о плечо, чтобы первыми получить кусок сахара. Я приносила для ребят конфеты, а они угощали меня жирной селёдкой на краюхе свежего чёрного хлеба. Это лакомство я любила больше всего и могла есть его после любого самого изысканного ужина.

Уборка урожая, к которой задолго начинали готовиться, была самым важным событием лета. Рабочих лошадей нужно было хорошо кормить и правильно обучать. За конюшней для кузнецов строили летние кузницы, у всех лошадей проверяли подковы и при необходимости поправляли или ставили новые. С телег, на которых будут перевозить сено, снимали колёса, чинили ободья, выпрямляли спицы. Если колёса скрипели, то это считалось дурной приметой. Поэтому в ступицы заливали дёготь, а щели затыкали соломой.

На заднем дворе на общей кухне готовили еду. С рынка в соседнем городе привозили сотни маленьких бочонков с селёдкой и картошкой, зашитых в большие мешки. Селёдка и картошка были основной пищей для людей, работавших в поле. Каждый день подвозили свежий хлеб, а иногда и свежее масло и молоко. Зерно свозили на мельницу в город, а обратно возвращались аккуратные мешки с белой мукой; их складывали в амбаре у пекарни.

Для домашних и полевых работ нанимались дополнительные работники. Старшим над всеми был старик Хома, которому было уже за восемьдесят; он участвовал ещё в войне с турками и в русско-японской войне[258]. Считалось, что старый Хома всё знает, умеет предска-

[258] Так в тексте. Русско-турецкая война шла в 1877–1878 годах; Русско-японская война — в 1904–1905 годах. Если описываемые события происходят не позднее 1913 года — значит, на момент Русско-турецкой войны Хоме было около 50 лет. Это весьма преклонный возраст для того времени, но всё же теоретически Хома мог принимать какое-то участие в событиях. Однако во время Русско-японской войны ему должно было быть уже за семьдесят! Вероятно, возраст Хомы завышен.

зывать погоду на время жатвы и может заранее сказать, какой будет урожай. Он назначал старших по разным работам: решал, кто будет отвечать за лошадей, питание, доставку и различные рабочие моменты. Он знал репутацию всех нанятых работников. Знал, кто хорошо работает; знал плутов и драчунов; знал, кто хорошо поёт и пляшет; в его обязанности входило правильно расставить их всех по местам.

Чем ближе к концу страды, тем напряжённее шла работа. Гуси возвращались с лугов через огороды, и старый Хома вызывал работников помочь подросткам загнать их в птичник, чтобы те не убежали на грядки со шпинатом, где очень любили пастись. Домой шли коровы, глухо позвякивая колокольчиками, и голос старого Хомы слышался от самой бани: он звал дородных доярок быстрее споласкивать ведра для дойки.

Молодые казаки мылись у колодца, и вечерний воздух наполнялся запахом свежего борща, который доносился из кухни на заднем дворе. От этого запаха сразу начинало хотеться есть. Постепенно казаки завершали свои дела и один за другим шли к колодцу «почиститься», прежде чем выйти за задние ворота, которые вели на большую дорогу и дальше в поля. Молодые казаки шли отдельно от старых, у них были свои интересы и темы для обсуждения. Среди вновь нанятых работников было много красивых девушек, и молодёжи было о чём поговорить. Старые казаки сидели на корточках или стояли, прислонившись к столбам, набивали трубки табаком и расспрашивали старого Хому о том, что предстоит делать завтра, о погоде, о здоровье лошадей и о том, что слышно от станичного атамана. В последнее время говорили уже и о войне, и тут всегда было что обсудить.

Вот ударял колокол, зовущий на ужин, и все шли на кухню, откуда казачки уже прогоняли детей, которые ужинали первыми. Некоторые малыши ели прямо на полу, делясь ужином с любимой кошкой, собакой или поросёнком. У печи на кухне сидели несколько кур-несушек, они уютно устраивались в решете на тёплой подстилке. Большая глинобитная печь помогала перенести болезнь и людям, и животным; к ней могли посадить слабенького телёнка или поросёнка.

После ужина старый Хома отдавал последние распоряжения: натаскать побольше сена для лошадей и коров, сходить проверить, заперта ли кузница. Зерно и кукурузу, а также все погреба с разными запасами нужно было запереть на висячие замки и ключи отдать ему. Я тоже шла вечером отнести сахар лошадям, а если повезёт, то и передать парням конфеты, которыми, как я потом узнала, они угощали своих девушек. Особенно часто мои конфеты перепадали Федоту

и Савелу, которых очень ценили и мужчины, и женщины. Они лучше всех пели и плясали, умели как следует драться, а главное, были очень хороши собой. Даже старая Матрёна, наша повариха, которая ворчала и придиралась ко всем казакам, была очень снисходительна к Федоту и Савелу. Она часто делала вид, что не замечает, как они суют в карман кусок свежего пирога, который она нарочно оставляла на окне в кухне без присмотра.

Мы делили сахар между нашими любимыми лошадьми, когда раздался голос старого Хомы. Он шёл к конюшне и звал Федота и Савела.

— Это ты, Федот? Ты, Савел? Пойдём со мной к хозяину, доложим о выходе в поле сегодня ночью.

— Это я, это я, — хором закричали парни и подтолкнули меня назад, чтобы старый Хома меня не увидел.

— Протрите сапоги получше, чтобы от них не воняло, когда встретитесь с хозяином и его семьёй, — сказал Хома, опираясь на свою палку, и ушёл так же быстро, как появился.

Казаки тщательно почистили сапоги, расправили рубахи и пошли за Хомой на главный двор, а оттуда в кухню. Хома открыл дверь и, низко поклонившись старой Матрёне, сказал:

— Доброго вечера горшкам, сковородам и прочей кухонной утвари.

Матрёна, подбоченясь, стояла у печи; её раскрасневшееся лицо, казалось, вот-вот лопнет. Она замахнулась на старого насмешника половником и сказала сердитым голосом:

— Если ты ещё раз назовёшь меня скалкой, я не буду давать тебе парного молока по утрам! Савел, Федот, положите ягоды обратно. Не стоит так низко кланяться и при этом хватать ягоды, они не для вас.

Старый Хома подмигнул казакам, стоявшим позади него, опять низко поклонился и умоляюще сказал:

— Не будьте так суровы, Матрёна Ивановна, парням нужно чем-то прочистить горло, чтобы поприветствовать вас. Да и я к тому же сегодня полдня следил, чтобы вам собрали самые спелые ягоды!

— Это очень любезно с вашей стороны, Хома Савельич. Ну и чем могу служить? — голос Матрёны опять подобрел, но она всё же достала корзину из-под стола и передала помощнице, чтобы та отставила её подальше.

— Мы пришли доложить насчёт выхода в поля сегодня ночью.

— Хозяин ещё не вставал из-за стола, он занят с гостями, они разговаривают.

— А о чём они говорят, Матрёна Ивановна? — спросил Хома. Матрёна опять напустила на себя важность и замахала в воздухе руками:

— Я как раз подслушивала под дверью, когда вы пришли со своими глупостями и помешали мне. Они говорили, что война близко. Где-то становится неспокойно, и кайзер[259] уже готов. Он сорок лет готовился начать большую войну. Скоро у вас будет возможность заняться мужским делом, а не воровать ягоды из-под стола. Уж садитесь на лавку, так и быть, поднесу вам свежего сидра, который я приготовила сегодня. Тебе чего, Савел? Федот, хочешь ещё ягод, или дать компоту? — и Матрёна деловито стала убирать со стола, за которым сидели не ожидавшие такого поворота казаки, застенчиво вертя на коленях свои шапки.

Я сидела в столовой и с волнением ждала казаков. Моя няня должна была подмигнуть мне одним глазом, если она поговорила с моим отцом, и мне разрешат ехать в поле. А Федот и Савел должны были подмигнуть мне дважды, если они собирались прийти ко мне под окно, разбудить и взять с собой. Казаки вошли, доложили моему отцу и деду, как обстоят дела, и сказали, что готовы идти. Все вопросы уже были заданы, а я смотрела в лицо Федоту, надеясь, что он мигнёт дважды. Он мигнул, и я радостно пошла ложиться спать без всяких препирательств. Я вслух помолилась, помянув множество святых и попросив хорошей погоды, урожая, здоровья людям и скотине, а няня поправляла меня и говорила, кого из святых нужно поминать в первую очередь.

Няня позвала, когда я ещё не успела заснуть. Внизу ждали Федот и Савел, а няня давала им напутствия о том, как за мной присматривать. Но вот я уже вышла; мои верные казаки держали для меня осёдланную лошадь. Савел подставил колено и затем поднял его так, чтобы я могла встать ему на плечи, а оттуда перебраться в седло. Я всегда чувствовала себя большой, если мне разрешали ехать верхом на уборку урожая.

Пешие работники ушли вперёд с казаками, отвечавшими за телеги, гружённые провиантом, инструментами, разными приспособлениями и личными вещами работников, ведь они собирались оставаться в поле до конца страды. Всадники вели в поводу запасных лошадей. Телеги аккуратно выезжали из ворот на изрытую колеями глинистую дорогу. Всегда кому-то требовались запасные верёвки, чтобы подвязывать падавшие с телег свёртки или инструменты, а старый Хома верхом на лошади мелькал то там, то тут. Он отдавал распоряжения или звал на подмогу, если требовалось поднять увязшее колесо, которое

[259] Кайзер — титул императора Германской империи.

лошади не могли вытянуть, не сломав забор или ворота. Несколько телег уже выстроились друг за другом на дороге, а мы могли пустить лошадей лёгким галопом по мягкой земле, срезая путь через лес.

Поводья были отпущены и брошены на сёдла, чтобы в лесу лошади сами выбирали дорогу и не спотыкались о корни деревьев. Пение работников раздавалось уже вдалеке от станицы, и молодые казаки начали обсуждать новых девушек.

В поле надо было работать быстро. Нужно было приготовить машины и сформировать артели. Телеги, под которыми предстояло спать ночью, ставили у ручья, а продукты клали к воде, чтобы они оставались свежими и не нагревались.

Работы в поле начинались с восходом и завершались на закате. В полдень работники обедали; это было их единственным отдыхом за весь день.

Завтрак и обед состояли из селёдки, варёной картошки, свежих помидоров и огурцов. После такой солёной пищи вблизи места работы ставили водовозки, которые приходилось всё время пополнять. Только на ужин в ручье ловили свежую рыбу, которую варили с луком и картошкой. Получался очень вкусный суп, а варёную рыбу подавали на второе.

Ближе к ночи работники разбивались на парочки. Здесь завязывались новые знакомства, многие казаки находили себе невест, а казачки — женихов. Кто-то из казаков затеивал игры, которые зачастую заканчивались драками; некоторые лежали у ручья, рассказывая истории и покуривая трубки. Другие работники собирались у телег и пели любовные песни, которыми так славились казаки. В станицу за свежим хлебом и другими продуктами отправлялись телеги, возвращавшиеся ранним утром. Я часто задерживалась там на ночь, но обычно всё же возвращалась вечером домой, изображая из себя «хорошую девочку», которой приходилось выучивать за три дня все уроки, что задавались на неделю.

Такой была моя жизнь с казаками — много работы и много веселья, а главное, ощущение полного счастья. А теперь?..

Я отняла руки от лица. Было совсем темно. От воспоминаний о той прекрасной жизни, которую мне больше никогда не суждено увидеть, я внезапно ощутила такую боль, что оказалась не в состоянии вытерпеть всё это в одиночку. Я закричала:

— Полковник Седов! Полковник Седов!

Раздался звук шагов, и на мою голову ласково легла его рука.

— Боже мой, доброволица, я совсем забыл про вас!

Я отчаянно вцепилась в его одежду.

— Я знаю, — всхлипнула я, — я знаю. Вы и я жили в разных мирах — в мирах, куда больше нет возврата. И в этих мирах не было червей, что бы вы ни говорили…

— Вы ошибаетесь, доброволица. Хоть мы этого и не осознавали, но черви уже ели наше дерево, подтачивая его корни. Послушайте, я не знаю, кто вы и откуда, но я расскажу вам о моей матери и о себе…

Обстоятельства сложились так, что её семья обеднела. Она не жаловалась и смирилась с судьбой, а вскоре вышла замуж за почтового служащего, который тоже был из благородной семьи и тоже очень беден. У них было двое детей: я и моя сестра, и моя мать как-то умудрилась дать нам самое лучшее образование. Меня она отправила в престижное военное училище, а это, как вы знаете, очень дорого. Ради этого бедной женщине пришлось даже подрабатывать прачкой и чинить бельё. Она делала это просто потому, что хотела, чтобы я мог достичь в жизни того положения, которое, как она считала, мне подобало.

Когда я вырос, то пообещал матери, что стану генералом, чтобы вознаградить её за её мужество. Она была счастлива слышать это и сказала, что другой награды ей и не надо. Она была рада, что её усилия не пропали даром, и когда я уже почти готов был исполнить своё обещание, то её радости не было границ. Мне ещё нет сорока, а пять лет назад я получил чин полковника. О, видели бы вы, как светилась от счастья моя мать! Когда я последний раз приезжал в отпуск, она казалась такой молодой и такой красивой, и я почувствовал, что смог исполнить её самое сокровенное желание и перечеркнул в её памяти все эти годы рабства… Потом пришла эта нелепая революция, этот бунт людей, у которых не хватило мужества добиваться своих целей, посвятив им жизнь, и которые хотели просто захапать то, что другие создавали поколениями! Воистину, это были самые настоящие черви, которых нужно было уничтожать в зародыше… Тьфу!

Полковник резко замолчал и плюнул на пол, выражая тем самым своё мнение обо всех революционерах.

При виде его отчаяния мои собственные горести показались мне не стоящими внимания. Я протянула руку к его руке и слегка пожала, пытаясь его успокоить. Мы оставались на тёмной веранде, а знаменитый владивостокский туман поднимался с залива, покрывая своей пеленой все многочисленные беды человечества, но и заставляя ощущать эти беды ещё острее. «Как было бы прекрасно, — думала я, — жить там, высоко, над облаками и туманами. Возможно, там не было бы ни горестей, ни страдания».

— Полковник Седов, — сказала я робко, — как вы думаете, революция нанесла страшный урон всему народу в целом, или больше всего пострадали мы, отдельные люди? Кажется, что все на неё горько жалуются, но если посмотреть вокруг, то видно, что масса людей принимают всё молча и покорно. По-моему, всеобщее молчаливое страдание, о котором вы говорили — это ужасно. Это гораздо хуже, чем трагедия одного человека. Это напоминает мне прежние газеты, в которых подробно и в деталях расписывалась история убийства какого-нибудь одного человека, а в то же время сообщения об уничтожении целой армии или о гибели тысяч людей в какой-либо страшной катастрофе занимали не более одного абзаца, и лишь горстка читателей вздыхала по этому поводу.

Он не успел ответить, потому что на веранду вошла медицинская сестра, высматривая нас в темноте.

— Мы чуть не забыли, что вы здесь, доброволица! Неужели полковник Седов оставил вас здесь? Куда он пропал?

Он встал из-за моего кресла и снова опёрся спиной на столб.

— Я здесь, сестра, — его голос звучал беззаботно и весело, — офицер никогда не бросит своего солдата, я уверен, вы это знаете. Мы здесь ругали проклятую революцию. Мы что, пропустили ужин?

Медсестра посмотрела в его сторону и рассмеялась.

— Господин полковник, осторожно, ведь вы так когда-нибудь врастёте в этот столб. Если бы вы не заговорили, я бы вас никогда не увидела. А революция… ну представьте, что мать шлёпает своего ребёнка, чтобы напомнить ему, что нужно быть осторожным и внимательным. Революция — это для всех дрянная штука. Мы в России так долго ворчали на то, как тяжёл и несправедлив царский режим. Ну что ж, теперь народ увидит, что такое настоящие трудности, и какие ужасы и беды несёт с собой их так называемая свобода. Жаль только, что всей стране приходится страдать, чтобы преподать урок кучке ворчунов. Идите скорее ужинать, пока ещё есть чем; возможно, скоро в России начнётся голод!

Она снова засмеялась, не подозревая, насколько зловещим окажется её предсказание[260].

---

[260] С 1918 по 1921 год коммунистическое советское правительство проводило политику так называемого «военного коммунизма». Промышленность была полностью национализирована, частная торговля и предпринимательская деятельность запрещены. Централизованная заготовка продовольствия осуществлялась посредством «продразвёрстки», когда у крестьян фактически изымались все излишки урожая, за исключением минимума, необходимого для выживания и для посева.

И серебристый смех медсестры, и скрип моей каталки, раздававшиеся в ночи, казалось, предвещали беду; их звуки казались странными и неестественными. А медсестра погрустнела и тихо вздохнула, словно увидела внезапно те страшные события, которые только что предсказала нам. Мы молча покинули веранду, оставив там полковника в одиночестве. В его голове, без сомнения, роились мысли о карьере, о матери и о той неизвестности, которая ждала нас всех.

Свет единственной лампочки в палате казался слишком ярким. Белые покрывала на постелях казались слишком белыми и возмутительно чистыми; на моём не было ни единой складки, так хорошо оно было заправлено. Не говоря ни слова, медсестра помогла мне освободиться от одеял, встать с кресла и лечь в постель. Я почему-то с огромным удовольствием раскидала в стороны свои одеяла и скомкала чистейшие простыни. Их безукоризненно аккуратный вид был несовместим с тем хаосом, который царил у меня в голове.

Напротив тихо лежали в своих кроватях чернобородый полковник и поручик. Ждали ли они, что я заговорю с ними? Если да, то я не скажу ни слова! Мне нечего было сказать, я ни с кем ничего не могла обсуждать…Из коридора доносился запах куриного супа, и я беззаботно подумала, что если уж мне скоро придётся голодать, то я могла бы последовать совету медсестры и съесть сейчас гигантскую порцию. Разве я не могу попросить у них половину цыплёнка? Или даже большую порцию говядины? А чтобы себя побаловать, после ужина я выпила бы большой стакан чаю с молоком и съела кусок чёрного хлеба, щедро намазанный маслом, и рассосала бы во рту несколько кусочков сахара. Революция, черви, даже мой народ… что всё это значит по сравнению с едой?..

Глава 7

Чуть позже полковник Седов весело вошёл в палату. «Добрый вечер, господа!» — сказал он бодро. Казалось, что даже его госпитальный халат теперь выглядел по-другому и словно летел за ним, а больничные туфли громко шаркали по полу. Я угрюмо отметила

Будучи не заинтересованы в производстве сельскохозяйственной продукции сверх минимально необходимого объёма, крестьяне стали сокращать посевы. В этих условиях неурожай, случившийся в Поволжье и в центральных районах России в 1920 году, привёл к массовому голоду 1921 года. Число погибших от голода составило до 5 000 000 человек.

про себя, что у некоторых людей чувство отчаяния проходит очень быстро, и ничего не ответила. К тому же мне было стыдно, что я не поприветствовала так же полковника и поручика, когда вошла. И теперь, наверно, они считают меня простолюдинкой, не умеющей вести себя как следует. Этот урок вежливости в отношении тех, кто тебя окружает, я запомнила на всю жизнь.

С приходом полковника Седова два других офицера оживились. Полковник с чёрной бородой сел в кровати и ворчливо сказал:

— По-моему, полковник, просто нечестно так пользоваться тем, что вы находитесь в столь лучшем положении, чем ваши собратья по несчастью, которые пока прикованы к постели. Вы выходите подышать воздухом в полдень, а возвращаетесь уже затемно!

Он натянул на себя одеяло и снова лёг, а полковник Седов тем временем разобрал свою постель, повернул голову в сторону своего сурового товарища и сказал:

— Ваши обвинения, господин полковник, совершенно справедливы. Наверно, в том виноват Господь, который сотворил нас, людей, столь невероятно эгоистичными! Признаю, я не думал о том, как вы тут томитесь. Мыслями я был в далёком Крыму. Но, видите ли, день сегодня был слишком прекрасен для Владивостока — даже Гнилой угол выглядел мило. А солнце светило настолько ярко, и даже эти безрадостные предгорья Гималаев[261], хоть они и лежат бесстыдно голые, зримо напоминали славный Крым. Крым, где воздух мягок и сладок, а горы и холмы, похожие на здешние, покрыты скромной растительностью!

— Ха-ха-ха, полковник Седов! Это уж вы, конечно, чересчур, но ваше описание напомнило мне панораму ялтинской бухты. «Покрыты скромной растительностью», ха-ха-ха! Вам, доброволица, это не напоминает волосатую обезьяну? А вы, поручик, как вы представили себе крымские горы по этому описанию? Ха-ха-ха!

Полковник так от души хохотал, что я боялась, что он лопнет. Его голова моталась во все стороны так быстро, что казалось, чёрная борода как будто хлещет то туда, то сюда.

— Я думаю, он пытается успокоить свою совесть, полковник Фёдоров. Ему, должно быть, не по себе при мысли о том, как скоро

[261] Полковник Российской императорской армии не мог не знать, что Гималаи — это не во Владивостоке. Остаётся предположить, что офицеры называли владивостокские сопки «Гималаями» в шутку… а героиня приняла это всерьёз?

он нас здесь оставит, — сказал поручик. Ему было сложно двигаться, но тем не менее он поднял голову и теперь разглядывал полковника Седова, который всё ещё стоял у своей постели с халатом, болтающимся в руке. Думал ли он, что эти двое действительно на него сердятся за то, что его так долго не было? Я знала, что они не сердились.

В палату, шелестя бумагами с назначениями диеты, вошла полная медсестра, а с ней солдат из обслуги, кативший впереди себя тележку с ужином.

— Добрый вечер! Все проголодались? Сегодня у нас куриный бульон, а потом курица в сметане или просто куриная ножка. Вам помочь, полковник Седов? Санитар, возьмите у полковника халат, сверните его и положите на кровать.

Но солдат не успел ещё сдвинуться с места, как полковник швырнул халат на кровать и сел на него. Медсестра рассмеялась и продолжила раздавать еду.

Потом к нам зашёл дежурный доктор с вечерним обходом. Он подошёл к каждому, спросил, как мы себя чувствуем, сделал записи в наших картах и сказал, что утром нас, возможно, осмотрит американский доктор[262].

— А тех, кому повезёт, — сказал он с усмешкой, — отправят в санаторий в Японию.

— А как вы думаете, доктор, кому из нас повезёт? — нетерпеливо спросил полковник Седов.

Доктор пожал плечами.

---

[262] Летом 1918 года США разорвали с Россией дипломатические отношения и высадили десант во Владивостоке. Американские интервенты находились на Дальнем Востоке до весны 1920 года.

Вместе с Американским экспедиционным корпусом прибыла миссия Американского Красного Креста. В соответствии с уставом Красного Креста, врачи миссии оказывали помощь не только американским военнослужащим, но и всем больным и раненым. В течение 1918–1919 года Американский Красный Крест осуществлял свою деятельность через 22 пункта в различных точках России и Маньчжурии. См.: The work of the American Red Cross during the war: a statement of finances and accomplishments for the period July 1, 1917 to February 28 1919. — Washington, D. C., 1919. — 84–85 pp.

Американский Красный Крест организовал во Владивостоке два госпиталя: один на острове Русский, второй — «Госпиталь для беженцев» («Vladivostok Refugee Hospital») непосредственно в городе.

Как ясно из книги, героиня была направлена именно в американский госпиталь в городе, расположенный в Гнилом углу.

— Не могу вам сказать. Всё будет зависеть от американского доктора.

Когда он ушёл, полковник Фёдоров сел на постели и начал расчёсывать свою бороду, словно уже готовился к завтрашнему визиту американца. При этом он всё время громко разговаривал сам с собой:

— Всегда интересно посмотреть на людей, от которых всё зависит. Стоит только представить себе, что наши судьбы в руках этого американского доктора, и он сразу становится интересным и важным персонажем. Возможно, этот человек действительно заслуживает внимания; возможно, он и правда всё решает, но скорее всего это один из тех армейских врачей, которые, надев форму, мнят себя как минимум генералами, — и он с двойным усердием продолжил терзать и трепать свою бороду.

Было так больно смотреть, как он продирается расчёской сквозь спутанные волосы, что я из солидарности тоже почесала себе подбородок. Поручик позвал медсестру и попросил её поправить подушки, чтобы он мог сесть. Полковник Седов снова накинул на плечи свой верный халат и, подойдя к медсестре, спросил, знает ли она, кто этот американский доктор, и где именно в Японии находится санаторий. Казалось, она была рада ответить на вопросы. Медсестра помогла поручику, расправила свой фартук и присела на его кровать, чтобы рассказать нам всё об американском докторе.

— Он из Американского Красного Креста, они уже отправили многих офицеров и солдат в Японию на лечение. И есть ещё одна организация, ИМКА. Я не знаю, что значат эти буквы, но им принадлежит большое здание во Владивостоке[263], где каждую субботу бывают танцы, и туда приглашают много русских дам. Я сама была там дважды. Там подают кучу сладостей — шоколад, пирожные, мороженое и много разных сладких напитков. Так вкусно, что не передать словами.

Она смешно причмокнула, словно вспоминая вкус этих сладостей.

— Наверно, это какие-то кондитеры, отсюда и буквы в их названии, — сказал полковник Седов.

---

[263] YMCA — «Young Men's Christian Organization» («Организация молодых христиан», ИМКА). Международная добровольческая организация, основанная в Великобритании в 1844 году для содействия умственному и физическому развитию молодёжи. Представители американского отделения YMCA работали во Владивостоке с 1918 года, занимаясь благотворительностью и помощью раненым.

Штаб-квартира YMCA в городе Владивостоке находилась по адресу: улица 7-я Матросская, дом 12. (Ныне на этом месте стоит современное здание по адресу: улица Луговая, дом 33.)

— Как вы сказали, какие там буквы? — спросил полковник Фёдоров.

— ИМКА, полковник.

— И вы говорите, что у них там каждую субботу танцы и музыка и много сладостей? Давайте подумаем. Наверно, первая буква, «и» — это название какого-то танца. «М» — это музыка; «к» — это кондитерские изделия, ну там всякие сладости. «А» — означает Америка. Я наверняка угадал!

Он радостно помотал головой и опять погрузил расчёску в свою кудрявую бороду.

— А вот лично я уверен, что вы шутите, господин полковник. Но я действительно хотел бы знать, что это за организация, — сказал полковник Седов.

— Я уже год прикован к постели и не имел возможности увидеть американских солдат. Как они выглядят, господа? — спросил поручик.

— Очень похожи на британских, только форма немного отличается. Например, у офицеров могут быть брюки свободного покроя, и они могут надевать такие смешные кожаные чехлы поверх гражданских ботинок[264] или даже носить обмотки. Похоже, им разрешено когда угодно носить эти странные штуки, хотя у них наверняка есть какая-то официальная форма одежды, но я не знаю, какая.

— На каком языке они говорят?

— На американском, я полагаю, — со знанием дела ответил полковник Седов[265].

— Не думаю, господа, — вмешалась медсестра, — Все мужчины, которые приглашали меня там, в этой «Имке», на танец, всегда спрашивали по-французски: «Parlez-vous Anglais?» — а некоторые даже по-русски научились спрашивать: «Вы говорите по-английски?» То есть, судя по всему, их язык — английский.

— Наверно, они переняли его из Канады. Канада — это британский доминион[266], а Америка там совсем рядом. Вот как, значит,

---

[264] Полковник описывает гамаши (мало распространённые в России).

[265] Судя по его рассказу в предыдущей главе, полковник Седов является кадровым офицером (получил чин полковника «пять лет назад», то есть в 1914 году). Совершенно немыслимо, чтобы военнослужащий Российской императорской армии такого ранга настолько не разбирался бы в истории и географии. Вероятно, полковник Седов шутит… но некоторые собеседницы принимают его всерьёз.

[266] Канада являлась доминионом Британской империи до 1931 года. (Доминион — фактически независимое государство, признающее при этом верховную власть британского короля или королевы.)

обстоит дело, американцы заимствовали у них свой язык, — сказал полковник Седов.

Но чернобородый полковник гневно размахивал своим гребнем.

— Всё совсем не так, милостивый государь, вы забыли историю! На самом деле первые американцы были родом из Англии. По какому учебнику истории вас учили в вашем училище? По Некрасову? Так разве вы не помните, что там на странице 329 говорилось о красивой девушке с пером в волосах? Это была американка из племени краснокожих индейцев, которые являлись исконными обитателями Америки.

К разговору присоединилась медсестра.

— Полковник Фёдоров, вы забыли, что Индия находится чуть пониже Китая, а Америка — за Тихим океаном. И как могла индианка быть родом из Англии? Британия тогда ещё не владела Индией…

— Ух! Ваше знание истории сильно хромает, медсестра. В Индии живут индусы, а краснокожие индейцы обитают в Америке, которую открыл испанец по имени Америго Веспуччи[267]. Именно он пересёк Атлантический океан на небольшой шхуне. Вы помните, поручик?

— О да, так точно, помню! Вот это была экспедиция!

— Именно так, и за это континент был назван по его имени, Америго. А позднее, пару столетий спустя, в Англии настали неспокойные времена. Поручик, вы помните, с чем это было связано?

— Я не знаю, господин полковник, но я хорошо помню ту историю, о которой вы говорите.

— Ну, как бы то ни было, англичане раздобыли корабль — или кто-то им его дал — неважно, это очень известный исторический эпизод. Как назывался корабль? Очень запоминающееся название…

— О да, — с готовностью ответил поручик, — там внизу страницы была ещё песня об этом корабле. Она начиналась как-то так: «Мы плывём на «Мейфлауэре»!..[268]»

— Да-да-да, именно так и назывался этот корабль, «Мейфлауэр»! Вот так британцы обосновались на новом континенте, теперь

---

[267] Америку в 1492 году открыл Христофор Колумб (1451–1506), итальянский мореплаватель на испанской службе. Однако Колумб полагал, что добрался до азиатского континента. То, что Америка — это новый континент, доказал около 1501–1502 годов Америго Веспуччи (1454–1512), флорентийский мореплаватель, состоявший на португальской и испанской службе.

[268] «Мейфлауэр» (mayflower, по-английски «майский цветок») — название корабля, на котором в 1620 году английские поселенцы прибыли в Северную Америку и основали там одну из первых колоний.

они называются американцами, но говорят по-английски, — закончил полковник Фёдоров с гордостью.

— Теперь и я припоминаю историю Америки, — сказал полковник Седов. — Девушка с пером в волосах была из племени, которое называлось «покахонтас»[269]. Я часто называл свою сестру «принцессой Покахонтас». Возможно, всем нам тоже вскоре предстоит уехать на какой-нибудь новый континент — например, на Луну — и тогда жители Луны будут говорить по-русски.

— Не говорите глупости, полковник Седов. Это хорошая и достоверная история. И раз уж нам в ближайшее время предстоит встретиться с американцами, то лучше освежить наши знания. Американский врач даже не знает, как много он нам помогает! Вы знаете что-нибудь из истории Америки, доброволица?

— Никак нет, но у меня в учебнике географии на первой странице было два голубых круга, и теперь я вспоминаю, что слева была Европа, а справа — Америка.

— Совершенно верно! Справа, там, где суша тянется сверху вниз и состоит из двух больших частей, похожих на два свиных окорока — это Америка. Нижняя часть называется Южная Америка, там осели испанцы, и люди там до сих пор говорят по-испански. А верхняя часть называется Северной Америкой. Именно сюда приплыли англичане на «Мейфлауэре», и поэтому американцы говорят по-английски!

Полковника Седова явно раздражал хвастливый тон полковника Фёдорова.

— Не так уж и важно, откуда взялся их язык, — сказал он резко. — Лучше расскажите нам что-нибудь интересное.

— Вы не забыли Линкольна? Это величайшая фигура в истории Америки, он освободил рабов-негров[270]. Но, кажется, в основной сво-

---

[269] Речь идёт о дочери вождя индейского вождя племени поухатанов, которую звали Покахонтас (около 1595–1596 — 1621). Покахонтас сыграла определённую роль в налаживании дружеских отношений между индейцами и английскими поселенцами на территории современного американского штата Вирджиния.

[270] Линкольн Авраам (1809–1865) — президент Соединённых Штатов Америки в 1861–1865 годах. При Линкольне ряд южных штатов заявили о своём желании выйти из состава США, в результате чего в стране началась Гражданская война 1861–1865 годов между северными и южными штатами. Война была вызвана внутренними экономическими и политическими противоречиями между теми и другими, а вовсе не абстрактным стремлением отменить рабство негров. (См., например: *Бушков А. А.* Неизвестная война. Тайная история США. — М., 2008.)

ей массе эти американцы — народ мирный. Я не помню, чтобы они вели какие-то большие войны, кроме той, которую начал Линкольн, и испано-американской войны[271].

— Какие у них были знаменитые полководцы? — поинтересовался поручик.

Полковник Фёдоров раздражённо отмахнулся.

— Как я уже сказал, самым сильным правителем у них был Линкольн, а ещё у них были один или два генерала, хорошо известных.

— Но Линкольн никак не был сильным правителем, — возразил полковник Седов. — Подумать только, затеять целую войну только для того, чтобы освободить рабов! Он мог бы просто издать указ! Но что интересно, господа, тут вполне может найтись место для солдата. Когда нас выгонят из России, мы сможем поехать в Америку! Наши таланты там пригодятся, мы можем создавать армии и делить людей на классы, в армии или в гражданской жизни. Но почему у этого доктора такие большие полномочия в столь удивительно невоенной стране? У них там, видимо, неплохо идут дела, если они могут позволить себе

---

30 декабря 1862 года Линкольн подписал «Прокламацию об освобождении рабов», действие которой распространялось только на территорию южных штатов. Рабство на территории северных штатов при этом сохранялось. Полная отмена рабства на всей территории США состоялась в декабре 1865 года, уже после смерти Линкольна.

Линкольн был убит сторонником южан в апреле 1865 года, через пять дней после победы северян в Гражданской войне.

[271] Соединённые Штаты Америки постоянно вели захватнические войны на протяжении всей своей истории. Конфликты с индейцами, коренными жителями американского континента, практически не прекращались на протяжении XVIII–XIX веков — до тех пор, пока большинство индейцев не было уничтожено, а остатки помещены в резервации.

В 1819 году США захватили Флориду у Испании. В 1846–1848 годах США напали на Мексику и отторгли около половины её тогдашней территории. На протяжении XIX века американские войска неоднократно совершали военные экспедиции в Китай, в Японию, в государства Латинской Америки и даже в Африку. В 1898 году произошла испано-американская война, по итогам которой США захватили у Испании Филиппины.

Полный перечень захватнических войн, которые вели Соединённые Штаты Америки на протяжении двух с половиной веков своей истории, насчитывает несколько сотен пунктов. См., например, материал на сайте журнала «Международная жизнь» от 18 мая 2022 года: https://interaffairs.ru/news/show/35248?ysclid=lhgpgr1we586064281 («Полный перечень войн, вооружённых конфликтов, развязанных США за свою историю»).

посылать кого-то вроде него в страну, находящуюся в бедственном положении.

Но тут в палату вошла дежурная медсестра и очень твёрдо сказала:

— Ну всё, пора гасить свет. Уже больше десяти часов.

Она уложила подушки поручику, расправила простыни у полковника Фёдорова, пододвинула столик ближе к моей кровати, а стул — к кровати полковника Седова и вышла так же быстро, как и вошла, погасив за собой свет.

Установилась полная тишина, прерывавшаяся время от времени приглушёнными пожеланиями спокойной ночи. Я улыбнулась в темноте при мысли о том, с какой лёгкостью опытная и решительная женщина смогла справиться с тремя мужчинами, невзирая на чины и звания. Возможно, они до сих пор думают о том, каким окажется этот американский доктор. А я думала об индейской принцессе с пером в волосах. Покахонтас… Покахонтас… Это имя звучало так красиво. Я резко перевернулась на другой бок, и ход моих мыслей изменился. Мир огромен, и, как сказал полковник Седов, наверняка где-нибудь найдётся место для солдат, вынужденных покинуть Россию. Это было так странно: нас изгоняют из страны, ради которой мы жили, сражались, страдали и так доблестно умирали. Почему революционеры гонят из страны солдат? Тех солдат, которые любили Святую Русь намного сильнее, чем могли бы себе представить большевики или пролетарии, солдат, которые всё отдали ради службы стране? Что сделали для неё красные? Насколько я вижу, пока ничего, но тем не менее мы проиграли, а они победили! Дадут ли они России так же много, как давали ей мы?

Я изо всех сил старалась гнать от себя мысли такого рода, чтобы опять думать о принцессе, об Америке и о докторах… Возможно, хороший солдат и в самом деле сможет найти себе применение в этой чудной стране за океаном... Я ещё раз попыталась восстановить в памяти два синих круга из учебника географии и вспомнить, где находится Америка, а где Япония, но от волнения могла думать только об одном: почему полковник Фёдоров сказал, что первыми обитателями Америки были англичане, если первый человек оттуда, о котором мы услышали, была краснокожая индианка с пером в волосах по имени Покахонтас, а первым человеком, доплывшим туда из Европы, был испанец.

Всё это было слишком сложно для меня…

Глава 8

Следующее, что я помню — это медицинская сестра, которая одной рукой трясла меня за плечо, а в другой держала термометр.

— Вас труднее всех разбудить. Ухватили меня за руку! Опять снилось, что воюете?

— Нет, сестра, мне ничего не снилось, я просто спала.

Было неловко, что меня оказалось так трудно разбудить. Что со мной такое? Я вспомнила, какой нетерпеливой была я сама, когда нужно было будить на дежурство кого-то из солдат. Мне приходилось трясти его изо всех сил, а он болтался, как сосиска; мне это казалось отвратительным! А теперь я сама была такой.

Завтрак прошёл очень быстро, и теперь мы с волнением ожидали прихода американского доктора, чтобы узнать, кому выпадет ехать в Японию — чужую, неизвестную страну, что бы ни говорил полковник Седов о её очаровании.

Наконец мы услышали в коридоре приближающиеся голоса. Я чувствовала, как все напряжённо вслушивались, пытаясь уловить звуки чужой речи, но вошли только наши врачи. После традиционного осмотра они сказали, что нас всех рекомендовали отправить на лечение в Японию. Я ждала, что сейчас на врачей посыплется множество вопросов, но офицеры лишь вежливо сказали «благодарим вас», и на этом разговор закончился.

Задумчивую тишину палаты нарушил полковник Фёдоров, который с грохотом открыл ящик своего комода и вытащил чёрную расчёску. Я уже начала скрести подбородок, но на этот раз полковник расчёсывал волосы очень аккуратно и после каждого взмаха расчёски приглаживал их рукой.

Полковник Седов сидел на кровати, подняв колени, и пилочкой обрабатывал свои ногти. Поручик лежал без движения; я подумала, что мне сейчас не следует начинать разговор.

Вошли сёстры, и у нас начались процедуры: ванны для рук и массаж. Тут, конечно же, все сразу заговорили об американском докторе и о санатории в Японии. Сёстры сообщили, что из нашего госпиталя уже отправили в Японию восемь человек, и что американские доктора, солдаты и офицеры были очень добры. В атмосфере благодушия, возникшей благодаря тому, что мы хорошо выспались ночью, все решили, что это наверняка прекрасный народ.

Когда процедуры были закончены, пришла медицинская сестра от главного врача и назвала моё имя. У меня сердце ушло в пятки.

Я надеялась, что американские доктора начнут свой осмотр не с меня, но медсестра спросила, хочу ли я принять посетителя в палате или предпочту одеться и выйти на веранду. Должно быть, я покраснела; я почувствовала, что щёки пылают, а кончик носа горит. Полковник Седов резко встал и накинул свой неизменный халат, а остальные двое остались лежать. Я робко ответила медсестре, что не знаю, как лучше поступить, и она предложила мне одеться и выйти на веранду, потому что было очень тепло. Она улыбнулась и выскользнула из палаты.

Полковник Седов подошёл к поручику и спросил, не принести ли ему воды, но поручик его не понял и попросил не беспокоиться. Тогда полковник Седов повернулся к полковнику Фёдорову и опять затеял разговор об американском докторе. Я вздохнула с облегчением. По крайней мере, это могло отвлечь их от моих дел, пока я готовлюсь к встрече с моим таинственным посетителем. Вспоминая случай с пьяным солдатом, я совсем не хотела, чтобы кровожадный полковник Седов ещё раз взялся улаживать мои дела. В этот раз он может и выстрелить!

Медицинская сестра вернулась с моей потрёпанной шапкой, новым больничным халатом цвета спелого помидора и парой тапочек, которые были мне сильно велики. Поддерживая меня под руку, медсестра провела меня на веранду и прошептала: «Вас с нетерпением ждёт ужасно красивый чешский офицер!»

Моё сердце, которое и до того сильно билось, теперь готово было выскочить из груди. Чешский офицер?.. Неужели это капитан А., который был так добр ко мне во время отступления от Казани, и который потом нашёл меня в Омске? Тот, кто был таким добрым, таким надёжным защитником, откуда-то достал мне еды и питья, одолжил свою шинель и проявил бесконечное великодушие в отношении меня и моих товарищей?[272] Я была так взволнована, что, казалось, мы никогда не дойдём до веранды по этим бесконечным на вид коридорам!

И это в самом деле был мой капитан А. Высокий и загорелый, он стоял в своём ярком мундире с лычками вишнёвого цвета на

---

[272] Знакомство с капитаном чехословацкого легиона и последующие связанные с ним события описаны в 22–24-й главах книги «Казачка».

В последней, 29-й главе «Казачки», где автор рассказывает о своём пребывании во Владивостоке, она писала: «И чтобы ничего не упустить, я должна сказать, что в чехословацкой миссии не было вестей от моего капитана. И он тоже заслужил дань молчания». Сюжет книги «Россия, прощай» представляет читателю иную версию событий.

воротнике и погонах. Когда я увидела его, у меня от радости стал ком в горле.

— Это та самая девушка-казачка, капитан? — спросила медсестра.

— Дорогая моя! — воскликнул капитан и шагнул ко мне, протягивая вперёд руки. — Я уже не верил, что вы живы! Внутренний голос подсказал мне, что стоит спросить здесь. Я был уверен, что в Сибири невозможно выжить. Боже мой, вы даже хорошо выглядите!

Я не заметила, как медсестра исчезла. Солнце было тёплым, а голос капитана ещё теплее, и он был таким знакомым. У меня дрожали колени. Мне хотелось прижаться к нему и дать волю душившим меня слезам. Капитан взял мою руку в свои ладони, и от этого мне стало легко и спокойно... Я отошла в угол и прислонилась к той колонне, на которую прошлой ночью опирался полковник Седов со всеми обуревавшими его чувствами. Капитан последовал за мной, положил руку мне на плечо и спросил очень добрым голосом:

— В чём дело?.. Кажется, я понимаю… Я вижу всё лучше, чем можете видеть вы… России предстоит долгая борьба и бесчисленные трудности, возможно, это затянется на много лет… Но я так счастлив, что вы живы, и что я вас нашёл. Мне так много нужно вам рассказать. Я хочу рассказать вам о двух казаках из вашего полка, которые тоже ехали за вами через всю Россию и Сибирь….

— О, не может быть, капитан, как их звали?

— У меня не было возможности узнать точно, но один из них погиб у меня на глазах за вас и за Россию… Я так горд, что имел возможность увидеть, как казаки умеют сражаться и умирать.

— Господин капитан, не мучьте меня. Расскажите мне всё, как есть.

Из моих глаз совершенно бесстыдно хлынули слёзы.

— О господи!.. — капитан не сказал больше ничего, а только обнял меня и прижался щекой к моей шапке, изрядно потрёпанной непогодой и не очень чистой.

Почему люди должны сдерживать свои чувства? Я хотела броситься ему в объятья, плакать и расспрашивать о казаках, которые ехали за мной с Кавказа. Но вместо этого я, как дура, оттолкнула его и глупо сказала: «О, капитан, пожалуйста…» Это так глупо — вести себя излишне горделиво не вовремя и не с тем человеком. Словно поняв, что он чрезмерно дал волю чувствам, капитан отступил на несколько шагов и поклонился в знак извинения.

— Простите, но иногда даже самые сильные мужчины не могут сдержаться и ведут себя как мягкосердечные женщины.

Его голос звучал теперь официально, и я видела, что ему стоит невероятных усилий сдерживать слёзы, отчего глаза его неестественно блестели.

— Мне так много нужно вам рассказать, и я буду очень признателен, если и вы немного расскажете о себе. Сейчас бесполезно даже начинать. Наверно, у вас здесь скоро начнётся обед, а я не хотел бы, чтобы нас прервали.

— А вы сможете опять скоро сюда прийти, капитан? — спросила я нетерпеливо.

— Я хочу прийти сегодня днём, на самом деле сразу после обеда, и забрать вас в город. Мы могли бы пойти в кафе и рассказать друг другу всё о себе. Как вы на это смотрите?

— О, капитан, это было бы прекрасно!

— Тогда, пожалуйста, найдите медицинскую сестру Сидорову. Мы попросим её позволить вам выйти в город. Она была очень добра ко мне, когда я звонил сегодня утром по телефону, и я уверен, она разрешит.

— Кто такая медицинская сестра Сидорова, капитан?

— Та, которая привела вас сюда.

Я почувствовала себя так, как будто получила толчок в спину от столба, на который опиралась, и побежала в кабинет, где меня встретила широко улыбающаяся медсестра Сидорова.

— Я думаю, вы очень хотели бы получить разрешение выйти в город. Вот, оно готово. Вы можете пробыть там до девяти тридцати и к десяти вернуться в палату, чтобы успеть до обхода дежурной медсестры.

— Да, сестра, — ответила я, чуть не бросившись ей на шею. Назад я бежала бегом, но, дойдя до веранды, постаралась спокойно подойти туда, где стоял капитан А., прислонившись всё к тому же старому доброму столбу. Когда я приблизилась, он быстро обернулся; по улыбающемуся лицу было видно, что он о чём-то размышлял.

— Медсестра Сидорова всё устроила? Я вернусь через полтора часа. Вы уже закончите свой обед к этому времени? Мы сможем идти, да?

— Так точно, — постаралась я ответить как можно спокойнее.

Мы вместе дошли до лестницы и спустились ко входу в главное здание. Земля под ногами была мягкой и казалась живой от наполнявших её весенних соков; сосны распространяли сладкий аромат. Форма

капитана А. была ярко-зелёного цвета и сливалась с окружавшими нас деревьями. Я видела только малиновые лычки на воротнике и погонах. Его загорелое лицо и большие улыбающиеся глаза прощались со мной, он махнул рукой, исчезая среди деревьев.

Несколько минут я стояла на лестнице, не в силах понять, где кончается сон и начинается реальность. Я побежала обратно на веранду к столбу, который стоял в углу. Бросившись к нему, я обняла его. «Дорогой столб, ты, наверно, слышал здесь много признаний, послушай и моё. Я так счастлива! Я ничего не боюсь! Я больше не одинока, я люблю тебя, мой дорогой старый столб! Ты стоишь здесь уже много-много лет, и, возможно, ещё многие люди захотят открыть тебе душу. Пожалуйста, будь к ним добр и позволь им быть такими же счастливыми, как счастлива сейчас я. О дорогой столб, ты даже не представляешь, как прекрасно всё вокруг, как красив Гнилой угол, потому что ты здесь. А Япония, она прямо перед тобой, да, столб? А где Америка? А ты знаешь, где Чехословакия? Давай молиться, чтобы американский доктор отправил в санаторий в Японии всех офицеров из моей палаты. О себе я не думаю, им это нужнее, чем мне…»

— Вы что, решили остаться без обеда и так и стоять здесь, обнимая столб? Ему уже впору согнуться пополам из-за того, что о него опирается столько людей, — сказала медсестра Сидорова, нежно тронув меня за плечо.

— О, медсестра, я хочу обедать, я так сегодня проголодалась. Этот столб похож на старого друга, а в этом месте как-то невольно хочется думать о том, чем всё закончится. Горы здесь становятся ниже, за поворотом дороги виден последний домик, и море за ними напоминает мне о том, что я достигла конца пути, конца России… — я с грустью замолчала, пытаясь скрыть свои чувства.

— Да, это и есть конец России, дорогая. Владивосток — последний порт на востоке Российской империи, — сказала медсестра, взяв меня за руку и ведя обратно в помещение.

— А вы понимаете, медсестра, что Российской империи больше нет?

— Не думайте об этом. Вы должны быть счастливы.

— Почему я должна быть счастлива, медсестра?

— Боже мой, в вас влюблён такой красивый иностранный офицер, а вы не счастливы! Слышали бы вы, как он говорил со мной сегодня утром по телефону, как спрашивал про вас. Он поверить не мог, что вы здесь, в госпитале. Он так подробно описал мне вас… Если бы он не был влюблён, он так не говорил бы.

— О, медсестра, как вы можете такое говорить. Мы с ним едва знакомы. Сегодня мы встретились всего в третий раз.

— Для истинной любви время не важно. И не ведите себя глупо. Если он попросит вас выйти за него замуж, немедленно соглашайтесь. На станции «Океанская»[273] есть маленькая церковь, там все иностранные офицеры женятся на русских девушках. Всегда лучше выйти замуж дома, на родной земле. Кто знает, что будет за пределами России. По крайней мере, в чужой земле с вами останется благословление русской церкви, и вы будете под её защитой.

— Дорогая медсестра, вы говорите так, словно наша с капитаном свадьба уже дело решённое.

— Так оно скоро и будет, вы поженитесь с этим красивым офицером! У него такие большие и такие добрые глаза; вы можете без опаски довериться ему. Идите пообедайте. Я велела почистить вашу форму и помыть сапоги снаружи и изнутри, они были все в глине. Вон там они сохнут на солнышке. Я велела санитару натереть их рыбьим жиром, чтобы они хорошо выглядели и были помягче.

— Спасибо, медсестра, — сказала я, а она мягко подтолкнула меня в сторону палаты. Когда я вошла, мне показалось, что все глаза устремлены на меня. Мой обед стоял на полке, и я сразу же подошла к ней. В воздухе висело такое напряжение, что его трудно было выдерживать. Я знала, что меня никто ни о чём не спросит, и подумала, что именно мне придётся прервать это гнетущее молчание.

Я взяла ложку супа и шумно проглотила его, причмокнув при этом языком. Полковник Седов подошёл к окну, рывком открыл его и сказал:

— Мне неудобно говорить вам это, господа, но я рад, что дождь прекратился. Теперь снова возможно перейти через Гнилой угол, выйти в город и приятно провести время в кафе.

Интересно, знал ли он о моих планах выйти сегодня днём в город? Я почувствовала, что он что-то знает, и, набравшись смелости, сказала, что собираюсь сходить в город сразу же после обеда.

---

[273] Станция «Океанская» была открыта для пассажиров в 1893 году. До 1903 года называлась «Хилково» (в честь министра путей сообщения Михаила Ивановича Хилкова). В настоящее время находится в черте города Владивостока.

Сегодня церковь вблизи станции «Океанская» отсутствует. Впрочем, как сообщается на сайте Владивостокской епархии Русской православной церкви, — из 170 храмов, существовавших на территории епархии к 1917 году, за годы советской власти уцелело лишь 14.

— Как вам повезло! Должно быть, вас кто-то пригласил, ведь вы же знаете, как здесь непросто самой найти верную дорогу, — отозвался полковник Седов.

— Он капитан чехословацкой армии, ваше высокоблагородие. Я познакомилась с ним в Омске. Тогда он мне очень помог, а сегодня пришёл навестить меня здесь. Он попросил меня сходить с ним в кафе, где можно будет спокойно поговорить. Он говорит, что два казака искали меня всю дорогу с тех пор как я покинула Кавказ, и он всё про это знает. Один из них умер у него на глазах, — ответила я с готовностью.

— Этим чехам всегда есть, что рассказать. Он вам наговорит с три короба, а потом попросит выйти за него замуж. А венчаться, наверно, он предложит в церкви на станции «Океанская». Все русские девушки, которые выходят замуж за первого, кто позовёт, венчаются там, чтобы успокоить свою совесть.

— Я бы не стал так говорить с доброволицей, полковник Седов, — запротестовал полковник Фёдоров, садясь на своей кровати, — у иностранных солдат и офицеров здесь нет женщин их национальностей, и естественно, они ищут встреч с русскими дамами.

— Да, полковник Фёдоров, но русским дамам не обязательно позорить себя, выходя замуж за этих иностранцев. Ещё вопрос, кем они окажутся там, у себя дома.

— Думаю, что со стороны иностранных офицеров и солдат очень благородно просить русских девушек выйти за них замуж. Вы же сами говорили, полковник, что чувствуете наступление конца чего-то. Что ж, наверно, женщины чувствуют это даже лучше, чем мы с вами, и с их стороны естественно стремиться найти себе тихую гавань.

— Но неужели вы, полковник, даже не думаете о том, действительно ли тиха и безопасна эта гавань? Сейчас здесь, в России, находится более двух третей мужского населения Чехии. Вы можете представить себе, в каком положении окажутся эти русские женщины, когда они доберутся до Чехословакии?[274]

---

[274] Население Чехословацкой Республики в момент её образования в 1918 году составляло около 13,5 миллиона человек, в том числе чехов около 10 миллионов. В то же время в чехословацком корпусе в России насчитывалось 40 тысяч бойцов.

Сообщается, что вместе с чехословацкими легионерами из России выехало 1726 их русских жён. (См., например: *Клепикова И.* «Они увозили с собой 1726 русских жён, оставляя не чужбину — часть души» // Интервью с режиссёром А. Титовым, автором фильма «Чужая земля» о чехословацком корпусе в России. — URL: облгазета.ru [сайт]. — 25.07.2018.)

— Что-то вас сегодня слишком волнуют русские женщины, полковник. Они будут законными жёнами своих мужей, а чешские женщины пусть сами решают свои проблемы. Лично я ничего против этого не имею.

Я лежала на своей кровати и изо всех сил старалась сдержать улыбку на лице. Эти два полковника, при всем своём высокомерии, вели себя, как и все остальные люди…

Глава 9

После того как я кое-как проглотила свой обед в этой весьма напряжённой атмосфере, вошла медицинская сестра Сидорова и позвала меня следовать за ней. Я, как могла, старалась не торопиться: не спеша встала с постели, что-то поискала в ящике, где ничего не было, взбила подушку и попыталась расправить халат. На самом деле я еле

Впрочем, существуют и иные свидетельства. Вот воспоминания очевидца событий: *Котомкин А. О.* «О Чехословацких Легионерах в Сибири. 1918–1920. Воспоминания и документы. — Париж, 1930. Ссылаясь на брошюру некоего доктора Раше «Эвакуация», вышедшую в Праге в 1923 году, Котомкин указывает цифру в 1716 русских жён, эвакуированных вместе с чехословаками. Но он также пишет о «жёнах» и «невестах» чешских легионеров, оставленных ими в России:

«В каждом городе остались сотни их, проклинающих, а особенно во Владивостоке, когда милые «женихи» пошли погрузить свои вещи на пароход, оставив невест «подождать» на пристани…

Легионеры часто пишут в своих книгах об этом «женском вопросе» чешских легий. Они пишут всегда в каком-то оправдательном тоне, стараясь переложить вину на этих обиженных, опачканных ими русских женщин. Конечно, были и такие, о которых жалеть нечего — легионеры не брезговали и такими, — но не о н и х мы говорим сейчас. Говорим мы о тех дочерях хороших родителей, о крепких, румяных, беззаботных щебетуньях, которых доверчивая наивность и горячее сердце сделало несчастными. Оторвавшись от родных, обманутые в святых своих чувствах, оплёванные обществом, осыпанные насмешками подруг, — что они понесли с собою в жизнь, где преклонили свою молодую голову, отогрели ли их бедное сердце от ожесточения? И всё-таки те, оставшиеся на берегу, искавшие полными слёз глазами милую фигуру среди толпящихся на палубе уезжавших чехов — их жребий всё-таки оказался счастливее тех, которых чехи взяли с собой. Немало этих последних, ещё более несчастных, бывших легионерских жён, я встречал в Праге. Потребовались бы целые томы, чтобы описать их хождения по мукам, их беспомощность и вопиющее бесправие».

удерживалась от того, чтобы побежать. Я посмотрела на всех и, собрав в кулак всё своё мужество, попрощалась до вечера и пожелала им хорошего дня. Они все тоже хором пожелали мне приятно провести время. Медсестра Сидорова помогла мне одеться и вышла на веранду, где ждал капитан А.

— Вы так прекрасно выглядите, я чуть не принял вас за юношу, — сказал он.

— Если не обращать внимания на её улыбку, капитан.

— Ах, медсестра, вы тоже заметили? Полагаю, я должен привести её обратно к девяти?

— Она может вернуться в половине десятого. В десять дежурная медсестра проводит обход.

— Какие отличные правила! Здесь всё для солдата, *n'est ce pas*[275]?

— Так точно, — ответила я, с нетерпением ожидая, чтобы уйти.

— До свиданья, медсестра.

— Хорошего дня, — улыбнулась нам медицинская сестра и, прежде чем исчезнуть, помахала нам из двери рукой.

Как приятно было идти по окружавшему госпиталь лесу, где запах сосен смешивался с запахом влажной земли, создавая странный, но приятный аромат. Остановившись, капитан А. взял мою руку в свою, а другой рукой приподнял мой подбородок.

— Ты рада, что мы опять встретились?

Я почувствовала, что вся вспыхнула, настолько необычно и неожиданно это было.

— Я рада, капитан, но в то же время мне очень грустно… Мы в госпитале говорили о наступающем конце… конце всего и всех, и мне кажется, что в каком-то смысле конец наступает и для меня…

— Не говори так, — перебил он. — Верь мне, я твой друг, и меня очень волнует твоё будущее. Мы ещё поговорим подробно об этом.

Он обнял меня за плечи и повёл к тропе. Сердце у меня бешено колотилось, а ноги отказывались идти. Я уронила голову ему на грудь и дала волю душившим меня слезам. Он снял с меня шапку, прижал мою голову к своей груди и дал мне выплакаться. Я чувствовала себя глупо, но при этом была очень счастлива. Я могла бы успокоиться быстрее, но мне было стыдно, и от этого я плакала ещё и ещё.

— О господи, — сказал он и ещё теснее прижал меня к себе, ласково поглаживая мои волосы. Я подняла голову и смогла сказать только лишь:

---

[275] N'est ce pas? — не так ли? (фр.).

— Капитан, простите меня.

Он не дал мне убрать голову, но взял моё лицо в ладони, поцеловал меня и прижался щекой к моей щеке.

— Не извиняйся, я всё понимаю, — сказал он мягко. — Мы обо всём об этом поговорим. Давай пойдём в кафе «Золотой рог», там подают отличный кофе и пирожные.

Мы пошли к ожидавшему нас за воротами экипажу. Я почувствовала себя очень счастливой и снова рассмеялась.

Толстый кучер дремал на дрожках[276] в ожидании капитана. Лошади мотали головами и перебирали ногами, готовясь пуститься лёгкой рысью по мягкой весенней земле. Когда мы подошли, кучер поднялся, расправил полы своего армяка, высморкался прямо на землю и снова уселся. Потом он сдвинул шапку себе на затылок, поправил вожжи и сказал лошадям: «Ну-ну!», — что должно было означать «будьте готовы». Мы забрались в коляску, он взмахнул кнутом и спросил, обернувшись к нам: «Готовы, барин?» Лошади весело побежали вперёд, и весь мир передо мной казался ярким и красочным.

— А знаете, капитан, — сказала я мечтательно, — я впервые еду в экипаже с тех пор, как вы отвезли меня на вокзал в Омске.

Он взял мою руку и сжал её.

— Мы теперь ещё много раз поедем в экипаже.

Я была очень счастлива это слышать и сказала:

— Не знаете ли, как скоро откроется цирк, капитан?

— Пожалуйста, зови меня Андреем. Я свожу тебя в цирк. Эй, извозчик, останови здесь и узнай, когда цирк откроется.

— Они уезжают в Харбин, барин, и вернутся только в июне. Гнилой угол пока ещё слишком грязен, людям неудобно идти сюда от остановки трамвая, а извозчика нанимать им, видишь ли, дорого. Так что нас, извозчиков, ждут тяжёлые времена.

Он поискал глазами кнут, который болтался у него на руке, но, словно не увидев его, просто сказал лошадям: «Эй, каурые!», — и те побежали быстрее. Но дорога была очень грубой и неровной, и вскоре лошади опять сбавили шаг.

Солнце пригревало, и Гнилой угол сейчас казался не таким уж и плохим местом. Мы молча доехали до конечной остановки трамвая, откуда начиналась булыжная мостовая и слышался ужасный стук колёс экипажей и конских копыт.

---

[276] Дрожки — лёгкий открытый экипаж для двух пассажиров на четырёх колёсах.

Теперь перед нами опять была реальная жизнь. Множество солдат в мундирах разных стран толпились вокруг толстых крестьянок, продававших всякую всячину, в том числе и самих себя. Я приподнялась, старалась определить, кто из них носил американскую форму, но капитан Андрей потянул меня обратно на сиденье.

— Это очень плохое место. Сюда ходят разные пьяные солдаты и матросы. Владивостокский порт находится прямо здесь, в городе, и на набережной слишком мало домов, чтобы разместить всех прибывающих. Будь осторожна, здесь нельзя ходить одной.

Я откинулась на сиденье и вспомнила, как приехала во Владивосток!

На этот раз трамваи ходили, хотя и очень медленно. Судя по всему, вагоновожатым опять платили жалованье.

Наконец мы доехали до оживлённого угла, где находилось кафе «Золотой рог». На улицах и в кафе было полно народа, слышалась речь на разных языках, но, видимо, метрдотель был знаком с капитаном Андреем, поскольку сердечно поприветствовал его и проводил нас к зарезервированному столику у окна. Многочисленные чешские офицеры и солдаты отдавали капитану честь, а русские офицеры, также присутствовавшие в немалом количестве, разглядывали меня.

— Кажется, только ты думаешь, что всему настал конец, — сказал капитан Андрей. — Посмотри на этих людей. Они веселы и покорны судьбе, они смеются. Ты не должна поддаваться атмосфере Гнилого угла. Там, где есть конец, всегда должно быть и начало. Время не ждёт. Когда что-то кончается, сразу же начинается что-то другое.

Его слова звучали очень логично. Наверно, думала я, я уже перестала быть солдатом, и, возможно, вскорости мне суждено стать женщиной. Я посмотрела на женщин в кафе, а потом на себя, и от этого сравнения мне стало плохо. Конечно же, я выглядела очень смешно! Я почувствовала, как у меня краснеет лицо и начала отчаянно искать свою шапку, потому что хотела убежать, но капитан Андрей схватил меня за руку и до боли сжал её. Я уже не могла сдержать слёзы и только прошептала:

— О, пожалуйста, позвольте мне уйти.

— Кажется, ты очень волнуешься. Где же та героиня, о которой я так много слышал и которой так восхищаюсь? Знаешь ли ты, что ты стала моей героиней с того момента, как мы встретились? Подожди, послушай, что я должен тебе рассказать. Так, Петрович, это ваш лучший портвейн?

— Именно так, ваше высокоблагородие. Иностранный портвейн самого высшего качества.

— И принеси побольше фруктов, Петрович. Мы здесь до самого вечера.

— Будет сделано, будет сделано, ваше высокоблагородие, — и официант умчался так быстро, словно капитан сказал, будто мы опаздываем на поезд. Это показалось мне настолько смешным, что я не выдержала и рассмеялась. Неужели я действительно так сильно нервничала?

Официант принёс корзину фруктов и блюдо с бутербродами. Капитан отодвинул блюдо и, глядя прямо на меня, положил на стол руки ладонями вверх. Потом он вздохнул и тихо сказал:

— Я очень хотел бы держать тебя за руку, пока буду обо всём рассказывать, но это неподходящее место, чтобы показывать свои чувства. Но всё же я почти чувствую твою маленькую шершавую ладошку в моих. Прежде чем начать, я покажу тебе твою фотографию, чтобы ты знала, что я говорю правду.

С этими словами он положил на стол моё старое фото, снятое ещё в госпитале в Баку в 1915 году[277]. Я действительно удивилась, так как не ожидала увидеть его у капитана. Но прежде чем я успела спросить, где он это взял, капитан налил немного вина в оба бокала, поставил один бокал передо мной, а другой — перед собой, а затем опять положил руки на стол ладонями вверх.

Глава 10

— Это будет длинный рассказ, — начал капитан, — поэтому если захочешь фруктов или вина, не стесняйся, бери. Ты удивилась, увидев это фото, не правда ли? Сейчас я расскажу тебе, как оно ко мне попало. Через два дня после твоего отъезда из Омска[278] мы получили сведения о том, что красные захватили власть в Томске[279] и по всей Западной

[277] Обстоятельства, при которых героиня оказалась в госпитале в Баку, описаны в 8-й и 9-й главах книги «Казачка».

[278] Омск — город в Западной Сибири, в Тобольской губернии Российской империи. Основан в 1716 году. Ныне административный центр Омской области Российской Федерации.

[279] Томск — город в Западной Сибири, административный центр Томской губернии Российской империи. Основан в 1604 году. Ныне административный центр Томской области Российской Федерации.

Сибири[280]. Я переоделся в гражданскую одежду и на первом же бронепоезде поспешил туда, где располагалась армия адмирала Колчака[281] и добровольческая армия генерала Стефанова, которой командовала его жена Надя[282]. Они держали последний рубеж обороны от красных войск, состоявших из рабочих и крестьян. Последние были вооружены заступами и вилами.

Надя была великой женщиной с мужским характером; думаю, она была дочерью какого-то хорошего офицера. Если бы она получила подкрепления, то красные не смогли бы выстоять против неё. Шли настоящие бои, штыковые атаки сменялись артиллерийскими обстрелами. Белой армии приходилось не только сражаться, но и искать для себя продовольствие, потому что красные ничего не оставляли за собой. Всё было против белых. Чехи намеревались оказать им масштабную помощь, но оказалось, что это практически невозможно[283].

---

[280] Автор что-то путает. Судя по хронологии событий, описанных в книге «Казачка», героиня покинула Омск зимой 1918–1919 года. В то время как Красная армия заняла Томск только в декабре 1919 года.

Последующий рассказ капитана носит достаточно фантастический характер — за исключением самого факта поражения Белого движения на Востоке России.

[281] Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — выдающийся русский флотоводец и полярный исследователь, участник Русско-японской и Первой мировой войн. Адмирал (с 1918 года). В ноябре 1918 года возглавил Белое движение на востоке России; с 18 ноября 1918 года — Верховный правитель России. После поражения белых армий Восточного фронта выдан чехословацкими легионерами эсеро-меньшевистскому Политцентру в Иркутске. Расстрелян 7 февраля 1920 года на берегу Ангары.

[282] «Генерал Стефанов» и его жена Надя, якобы командовавшая армией, представляют собой плоды фантазии. Возможно, их образы навеяны реально существовавшими личностями — атаманом Семёновым и его любовницей, ресторанной певицей Марией по прозвищу Атаманша-Маша. Последняя была также известна как Маша-Шарабан (по названию исполнявшейся ею песни «Ах, шарабан мой, американка…») и Маша-Цыганка. Её настоящая фамилия и точная биография неизвестны. Будучи очень яркой личностью, Атаманша-Маша пользовалась большим влиянием и даже ездила в Японию во главе официальной делегации.

Сообщалось, что после расставания с атаманом Мария эмигрировала, вышла замуж, родила детей и умерла в Каире в 1974 году.

[283] С началом Первой мировой войны в России формировались воинские части из чехов и словаков, проживавших на территории Российской империи, а также из военнопленных этих национальностей.

После Октябрьского переворота 1917 года с советским правительством была достигнута договорённость о перевозке Чехословацкого корпуса

Даже если бы мы закупили необходимые запасы на Востоке, то их невозможно было доставить. Сибирь протянулась почти на пять тысяч вёрст, но по ней идёт только одна железнодорожная колея, и большая часть её была в руках красных или местных бунтовщиков. Поэтому было принято общее решение пробиться на Дальний Восток, объединить там все силы и ещё раз попытаться победить. Остальное ты знаешь. Адмирал Колчак был пойман и зверски убит красными[284]. Он так и не добрался до Владивостока, и в его лице Белая армия потеряла талантливого вождя. Сейчас у них есть здесь атаман Семёнов и ещё несколько других, но лично я в них не верю. Но не будем сейчас об этом, я хотел говорить не о политике, а о тебе.

В Сибири я всех расспрашивал о поезде, на котором ты уехала в тот день, однако все думали, что я сошёл с ума. Не имея от тебя вестей, я вернулся в Омск, где наша армия готовилась к переходу на восток через всю Сибирь, чтобы попытаться вернуться домой. У нас было специальное подразделение, сопровождавшее транспортную колон-

---

в Европу. Однако кратчайший путь — до Архангельска или Мурманска и далее морем — был опасен из-за немецких подводных лодок. В результате отправка должна была осуществляться кружным путём — по Транссибирской магистрали до Владивостока, затем морем до США и так далее.

В мае 1918 года под давлением Германии советское правительство предприняло попытку разоружить чехословаков. Результатом стал мятеж Чехословацкого корпуса, поддержанный разного рода антисоветскими силами по всей стране. Советская власть мгновенно рухнула на огромных территориях от Урала до Владивостока.

Чешские войска сыграли значительную роль в успехах Белого движения в 1918 году. Однако после окончания Первой мировой войны чехословаки прекратили оказывать активную поддержку белым и сосредоточили усилия на том, чтобы возможно скорее добраться до Владивостока. Взяв под свой контроль Транссибирскую магистраль, чехословаки практически парализовали её работу. Это крайне осложнило положение белых армий, а также обрекло на гибель либо сдачу Красной Армии множество беженцев.

В конце 1919 года чехословаки захватили и частично разграбили золотой запас Российской империи, находившийся в распоряжении Колчака, а самого Колчака выдали эсеро-меньшевистским повстанцам.

Последние подразделения чехословаков покинули Россию в сентябре 1920 года.

[284] Автор что-то путает. Судя по хронологии событий, описанных в двух книгах («Казачка» и «Россия, прощай»), героиня прибыла во Владивосток весной 1919 года. Соответственно, её встреча с капитаном А. состоялась не сильно позже. Но адмирал Колчак был расстрелян только 7 февраля 1920 года.

ну — двенадцать санных упряжек, которые везли золото из Казани[285]. Это золото попеременно захватывали то красные, то белые. Груз на санях был замаскирован и выглядел так, словно мы везём солдатское обмундирование и провиант. Его сопровождали офицеры-артиллеристы, одетые крестьянами. Но на всех санях стояли пулемёты, и у нас не было недостатка в патронах.

Для меня это было большой удачей. Я пошёл к нашему командующему и попросил отправить меня с этим отрядом. Командующий очень удивился и потребовал, чтобы я объяснил ему причину моей просьбы. Сначала я не знал, как ему это объяснить и слегка смутился, но наш командующий — великий человек. Он посмотрел мне в глаза и спросил, не замешана ли тут женщина? Мне пришлось признать это, и он сразу же позволил мне ехать с колонной. Мы, чехи, очень уважаем женщин, и любой мужчина, который совершает какой-то выдающийся поступок во имя женщины, считается героем.

Я сразу же выехал с этим отрядом. Было отчаянно холодно, и вся затея была очень опасной, но если кому об этом и говорить, то не тебе! Красные нанесли свой последний удар, собрав армию из местных жителей-сибиряков, которые знали эти края и были привычны к такому климату. Белая армия проиграла сражение — во многом из-за того, что у них не было вождя, который обладал бы знанием местности и её условий.

После множества боёв нам пришлось бросить золото и добираться до Иркутска на поезде. Там, в Иркутске, у чехов была временная штаб-квартира.

В этом городе у меня были двое вестовых, опытных разведчиков. Я часто посылал их в долгие путешествия на поиски уцелевших солдат

---

[285] В ходе Первой мировой войны в Казань было эвакуировано около половины золотого запаса Российской империи — более 500 тонн золота плюс значительное количество серебра. 6 августа 1918 года Казань была захвачена отрядами белой армии Комуча и чехословаков. В итоге золото оказалось в распоряжении правительства адмирала Колчака. Однако в ходе отступления белой армии в декабре 1919 года под нажимом союзников Колчак был вынужден передать золото «под охрану» чехословакам.

В феврале 1920 года чехословаки вернули 317,5 тонн золота советскому правительству в обмен на гарантии беспрепятственного выезда из Советской России. Что касается остальной части золотого запаса, то часть его израсходовали ещё при Колчаке; часть присвоили и вывезли с собой чехословаки; часть попала к атаману Семёнову, а от него к японцам. Немалая доля золота «пропала», то есть была украдена.

и офицеров белой армии, пытавшихся добраться до Восточной Сибири. Однажды они посоветовали мне нанять в провожатые местных монголов, потому что монголы хорошо знают Сибирь[286]. Как-то раз они ушли на целую неделю. Я очень волновался, но была слабая надежда, что они наткнутся на ту группу, с которой ушла ты. Увы, они вернулись без каких-либо новостей о тебе. Они рассказали о нескольких стычках с повстанцами-партизанами. В Сибири их было огромное количество, они убивали и грабили всех, с кем встречались. Мои люди сказали, что смогли выжить и благополучно вернуться только потому, что монголы умели прятаться лучше, чем воевать. Отсюда я понял, какая страшная опасность тебе грозила, и иногда даже считал, что тебя нет в живых.

Однажды мой вестовой Славко сказал, что на рынке есть солдаты, которые ищут работу и которые готовы сопровождать людей и выполнять любые опасные поручения. В тот же вечер мы пошли туда. Это была странная вылазка. Вдоль пустых торговых рядов собралось множество мужчин в невообразимой одежде. Кто они были, друзья или враги? Никто ничего не предлагал, но мы чувствовали их мысли. У всех этих людей наверняка было где-то припрятано огнестрельное оружие или ножи. Их можно было отличить друг от друга только по росту. Монголы и татары были низкорослыми и кутались в отделанные мехом полушубки. Мужчины покрупнее были, видимо, русскими. Они были одеты кто во что горазд; кто-то кутался в одеяло с головы до ног, кто-то носил восточную одежду. Никто ничего не говорил. Мало кто знал, зачем они находились здесь. Мы настороженно переходили от прилавка к прилавку. Худой, очень плохо одетый мужчина всё время бил себя по ушам, по груди, по лицу и по животу, чтобы заставить кровь двигаться по жилам. Я заговорил с ним, хотя атмосфера была очень напряжённой. Чешское командование закупило у японцев меховые треухи, которые мы носили в тот вечер; в них было тепло, как будто с печкой на голове. Я снял свою шапку и отдал её этому несчастному.

«Не нужны ли вам, товарищ, работники для чего-нибудь?» — спросил он меня проникновенным простуженным голосом.

«Да, нужны», — ответил я и дал знак следовать за нами. Бедняга еле мог идти. От рынка до нашего дома было примерно четыре версты;

---

[286] Для европейцев вообще типично называть «монголами» или «татарами» всех коренных жителей Сибири без разбора. Под «монголами» здесь могут иметься в виду буряты, хакасы, алтайцы или другие представители монголоидной расы.

я обратился к своему вестовому по-словацки и спросил, как он думает: дойдёт ли этот человек или умрёт по дороге? К моему великому удивлению, человек ответил на одном из местных диалектов. Он сказал, что если мы пойдём быстрее или побежим, то он, пожалуй, справится. Стыдно признаться, но я чуть не заплакал от жалости к нему. Я снял шинель и набросил ему на плечи. Тогда Славко снял свою и отдал мне! Я решил не спорить и взял. Ранек, мой второй вестовой, ненадолго остановился, снял свои валенки и отдал их нашему новому товарищу со словами: «Вот, братко, давай мне твои башмаки, и мы побежим, как черти». Мне было уже не так стыдно, потому что все мы чувствовали одно и то же.

«Братко», как его все теперь называли, быстро переобулся, мы подхватили его за руки и побежали. Хорошо ещё, что ночь была тёмной, иначе нас остановили бы или даже пристрелили. Ранек знал местечко неподалёку от рынка, где обычно покупал водку, и я приказал ему вести нас туда. Вскоре мы пришли к небольшому частному дому, известному как «ресторан у спекулянта». Здесь скупали краденый провиант по хорошей цене, и в этом месте можно было хорошо пообедать, если у тебя были деньги. Я заказал много водки и большую порцию еды для Братко. Интересно, чувствуют ли люди себя столь же счастливыми, делая добро многим людям, целой стране или народу, как когда они помогают одному человеку? Мне кажется, что если ты имеешь дело с конкретным человеком, то во всём этом есть какой-то личный момент, личное чувство. Я был очень счастлив, что помог этому человеку.

Я положил руку на плечо Братко и спросил, чем он мог бы нам помочь; я всё рассказал ему о себе. Братко ответил не сразу. Ранек тряхнул головой и сказал: «Женщины — это, конечно, хорошо, но из-за них мужчины всегда делают глупости». Братко поднял глаза, которые внезапно заблестели, и медленно произнёс дрожащим голосом: «А почему бы мужчинам и не пойти на жертвы ради женщины? Это ведь единственное, для чего нужны мужчины, когда нет войны… Я тоже ищу одну девушку. Я прошёл через множество испытаний, и я рад этому, я хочу только найти её и помочь ей», — и он смахнул непрошеную слезу. Теперь я понял, почему меня привлёк этот человек: у нас с ним была одинаковая цель. Моё сердце потянулось к нему, я приказал Ранеку взять ещё водки и узнать, сможет ли Братко остаться здесь на ночь.

Всё было устроено, и мы сели обсудить наши дела. Я рассказал Братко о нашем плане собрать моих людей и татар и организовать

поисковую экспедицию. Он сказал, что слышал о татарах, которые очень хорошо знают Сибирь, и ещё слышал, что какие-то татары сопровождали белых беженцев по Восточной Сибири. Я наполнил стаканы, поднял свой и сказал: «Что ж, Братко, будем молить госпожу Удачу помочь тебе найти твою девушку, а мне — мою. Я хочу всё знать о группе людей, которые шли откуда-то из-под Томска, а с ними должна была быть девушка в солдатской форме. Я хочу знать, жива она или мертва, а пока не узнаю, буду её искать».

Братко поставил стакан на стол и трясущимися руками сдвинул шапку на затылок. Его лоб покрылся капельками пота. Он вопросительно посмотрел на нас, снова поднял стакан и одним глотком опрокинул в себя водку. Потом он вытер рукавом губы и лицо и медленно сказал: «Я тоже ищу девушку-солдата, нашу маленькую казачку».

«Как интересно, Братко, — ответил я. — Надеюсь, ты её найдёшь, а мы, надеюсь, найдём мою. Расскажи нам про твою маленькую казачку», — предложил я, думая, что, если Братко расскажет о своих чувствах, то ему станет легче. Он расстегнул шинель и, удобно устроившись в кресле, вздохнул.

«Она для нас была «сынок», пока не выросла. Тогда мы стали звать её «наша казачка». Когда случилась революция, мы были в Турции, а её перевели на персидский фронт. Однажды я и мой товарищ решили поехать туда и убедиться, что с ней всё в порядке. Нашу разведывательную сотню распустили; многие наши братья поехали домой в отпуска. Мы с Петро тоже попросили дать нам отпуск, но отправились не в свою станицу, а на персидский фронт. Мы нашли её роту и узнали, что она была ранена, и что её отправили в госпиталь, но нам не удалось узнать, в какой именно город[287]. На обратном пути мы заезжали в каждый крупный город — Карс, Тифлис, Баку[288]. В Баку нам сказали, что её отправили в Москву, и мы поехали туда с Кавказа. По пути туда мы как следует насмотрелись на революцию и ещё поняли, насколько русские не любят казаков. На одной из станций нас чуть не повесили, но дело было ночью, и нам удалось сбежать. Мы запрыгнули в товар-

---

[287] Эти события, происходившие с героиней, описаны в 16-й главе книги «Казачка».

[288] Карс — старинный армянский город, основанный в первом тысячелетии н. э. Административный центр Карсской области Российской империи. Передан большевиками Турции в 1921 году.

Баку — административный центр Бакинской губернии Российской империи. Упоминается с V века н. э. Ныне столица Азербайджанской Республики.

ный поезд, а поезд, в котором мы ехали до того, ушёл без нас. Ближе к рассвету, когда всё успокоилось и люди отправились отдыхать, мы вылезли из вагона и увидели перед собой несколько крепких на вид железнодорожников. Мы оглушили их и переодели в свою казачью форму, рассчитывая, что их утром повесят. Мы забрали их одежду и документы, подтверждавшие, что мы рабочие, и в течение долгого времени чувствовали себя в центральной России в безопасности. Эта одежда до сих пор на мне! С этого момента передвигаться стало легче. В куртках были документы, и мы стали Ивановым и Смирновым. А на ужин у нас был славный гусь; Петро украл его около станционного ресторана, пока у красных шёл там митинг. В Москве мы ходили из одного госпиталя в другой. На месте одного из них, организованного прямо во дворце какого-то великого князя, была толкучка; там мы узнали, что госпиталь только что перевели в Казань, на Волгу, и она была там…»[289]

Братко ненадолго остановился, налил водку в стакан и медленно её выпил. Но к тому моменту я уже знал, о ком он говорит. Я снова наполнил стаканы, поднял свой и предложил ему выпить со словами: «Братко, девушка, которую я ищу — тоже из казанского госпиталя, и она тоже кубанская казачка».

Он поставил стакан на стол и, глядя на меня с огромным изумлением, едва смог вымолвить: «Ваше благородие… ваше благородие!» Мои слова очень необычно на него подействовали. Братко низко опустил голову, и она безжизненно болталась из стороны в сторону. Я уже пожалел, что сказал о том, что мы знакомы. Может быть, он тоже уже почти не надеялся найти тебя? Я посмотрел на моих вестовых, не зная, что теперь сказать. Ранек встал со стула, подошёл к Братко, мягко тронул его за плечо и сказал самым добрым голосом, на который способен мужчина: «Не отчаивайся, Братко, теперь ты не один. Брат капитан тоже хочет найти девушку-казачку и — будь уверен — он её найдёт».

Братко поднял голову, лицо его было мокрым от слёз. Когда сильные мужчины дают волю своим добрым сердцам, то они могут выглядеть очень слабыми. Я и сам готов был расплакаться вместе с Братко, но ситуацию спас Ранек, который принёс ещё бутылку водки и тарелку, полную чего-то горячего. Он поставил всё это на стол и сказал насмешливым, но очень добрым голосом: «Рано ещё по ней плакать. Мы пока ещё не знаем, что она мертва». Братко выпрямился и с но-

[289] Эти события, происходившие с героиней, описаны в 20-й главе книги «Казачка».

вой решимостью в голосе сказал: «Ты прав, брат. Мы её найдём». Он ещё раз расстегнул шинель и достал из-за пазухи ветхий мешочек с какими-то бумагами, среди которых была и эта фотография.

«Да, это она», — сказал я, рассмотрев фото поближе.

«Вы видели её последний раз в Казани, ваше благородие?»

«Нет, Братко, я встретил её уже после того, как мы отступили из Казани. Наши вагоны стояли на станции в Челябинске. Она подошла к поезду и попросила еды и табака для своих раненых товарищей; их вагоны стояли на путях неподалёку. Я отправил им горячий кофе, хлеб и табак, а её пригласил зайти пообедать, однако она отказалась. Я решил зайти навестить её на следующее утро, но ночью их поезд отогнали, и мне удалось узнать только, что он идёт в Омск, в Сибирь…»[290]

«О, какие шутки играет с нами судьба, ваше благородие. Я был там, на этой станции в Челябинске[291]. Я помню стоявший там состав с чехами…» — и словно клянясь отомстить судьбе-шутнице, Братко опять наполнил стакан и выпил его залпом.

Я снова наполнил стаканы и попросил Братко рассказать, чем кончилась его история. Он вежливо отодвинул стакан, отложил фото, поставил локти на стол, опять уронил голову на грудь и продолжил свой рассказ:

«Мы добрались до Казани без особых приключений, разве что один въедливый офицер проверил наши документы. Наверно, мы, казаки, не похожи на русских мужиков: ещё не начав смотреть бумаги, он спросил у Петро, не с юга ли тот. А когда он увидел документы рабочего из Московской губернии, то явно начал что-то подозревать. Я сидел на другом конце вагона; заметив, что этот тип создаёт лишние проблемы, я встал, подошёл и прошептал ему на ухо: «Ваше благородие, вас немедленно желает видеть генерал, он в соседнем вагоне». Этот дурак велел Петро ждать, пока он вернётся. А я пошёл за ним следом, и когда он открыл дверь, чтобы пройти в соседний вагон, я спихнул его с поезда.

«Ты быстро сработал, Братко, — сказал я, — но ведь он был белым, и он был офицером?» Братко равнодушно ответил: «Мне было

---

[290] Эти события, происходившие с героиней, описаны в 22-й главе книги «Казачка».

[291] Челябинск — город в Оренбургской губернии Российской империи. Основан в 1736 году, город с 1781 года. Ныне административный центр Челябинской области Российской Федерации.

всё равно. Я больше не был солдатом. Не было больше ни царя, ни армии. Все эти белые и красные для меня ничего не значат. Мы, казаки, клялись служить царю и Господу; а все эти умники — просто предатели. Им следовало бы с самого начала призвать нас, казаков, и со всем этим было бы давно покончено. Наши документы были в порядке, и мы оплатили билеты на поезд. А этому офицеру следовало разбираться в людях и отличать плохих от хороших. Да к тому же мы в нашей сотне поклялись друг другу защищать нашу маленькую казачку, даже если это будет стоить нам жизни. А для такого дела всё хорошо, ваше благородие».

Я подумал, что Братко прав. Мне он после этого понравился ещё больше, и я попросил продолжать.

«Прежде чем мы добрались до Казани, красные опять отбили её у белых. По обочинам, на площадях и даже на городских улицах лежали мёртвые тела. Мы просто взбесились от такой неудачи! Тем не менее мы решили проверить все госпитали в Казани. В одном из них, когда мы уже собрались уходить, так ничего и не добившись, мимо нас торопливо прошла к выходу пожилая медицинская сестра. Она надела пальто уже на улице, а когда мы проходили мимо, то уронила на землю свои свёртки и попросила нас помочь их собрать. Пока мы собирали все, что рассыпалось по земле, она сказала нам, что казачку заперли в большой тюрьме за городом.

Мы пошли в татарский квартал и на рынок. Все татарские лавки стояли закрытыми, на улицах не было ни души. Петро умел говорить по-турецки; на этом языке говорит большинство татар, потому что их библия, Коран, написана на турецком языке[292].

В одном окне мы увидели человека и по-турецки попросили у него разрешения войти. Он оказался седельщиком. После того как он узнал, что мы казаки, мы подружились. Этот человек сказал, что красные заняли город уже три дня назад и дни и ночи напролёт торопятся перебить всех белых. Мы спросили о большой тюрьме за голодом, и он сказал, что именно там происходят массовые казни. Чтобы заглушить выстрелы из пулемётов и винтовок, заводятся ма-

[292] Рассказчик ошибается: Коран написан на арабском языке. В то же время переводы Корана на тюркские языки известны с X–XI веков. Первый перевод на турецкий язык был опубликован в 1842 году, первый перевод на татарский язык — в 1914 году.

Турецкий и татарский отчасти схожи, но всё же являются совершенно разными языками.

шины со снятыми глушителями. Мы спросили, возможно ли собрать надёжных людей и напасть на тюрьму. Он покачал головой и сказал, что красные не оставили на это никаких шансов. Небольшой отряд перестреляют ещё до того, как он успеет добраться до тюрьмы, так как здание стоит на открытом месте. Даже если попробовать подобраться к ней ползком, всё равно всех будет видно издалека. Мы спросили у нашего нового друга, можно ли остаться у него на ночь; он позволил нам это за рубль серебром и даже дал в придачу большой котелок тушёной баранины. Мы спросили, сможет ли он проводить нас до нужного места какой-нибудь лесной дорогой. Он сказал, что идти к тюрьме очень опасно любой дорогой, но мы показали золотой червонец, и он согласился пойти с нами. У нас с собой было много золотых монет, которые мы раздобыли в Москве на вокзале во время большого мятежа. Мы с Петро забежали в комнатку кассира, оглушили его и забрали всё золото и серебро, которое было в кассе. Нам никто не помешал, и с тех пор мы жили на эти деньги и расплачивались ими за всё. У меня ещё осталось два червонца. Я берёг их, чтобы купить оружие или ещё для какого-нибудь особого случая.

В тот вечер мы вышли примерно в девять часов. Было очень темно. Татарин провёл нас через лес к Волге. После полуночи мы подошли к открытому месту, с которого было видно здание большой тюрьмы. Издалека, со стороны тюрьмы, отчётливо доносился звук пулемёта. Татарин ушёл, а мы с Петро легли на землю и поползли вперёд. Версты три мы проползли спокойно, а затем за винтовочными залпами стали отчётливо слышны отдававшиеся команды и рёв моторов без глушителей.

Было всё ещё очень темно, и мы решили подползти поближе к тюрьме. Мимо прошёл нестройный отряд солдат. Они чуть не наступили на нас, ведь из-за шума на тюремном дворе не было слышно ни их приближающиеся шагов, ни голосов. Мы долго шептались и думали, что делать дальше. У каждого из нас было по шесть ручных гранат, но даже если бы нам удалось прорваться сквозь тюремные стены и одолеть какие-то расстрельные команды, это не значило бы, что нам удастся спасти нашу казачку.

Мы решили закопать гранаты и попробовать проникнуть в тюрьму под видом красных. Так мы и поступили. Войти через ворота было невозможно, поэтому мы задумали перелезть через стену и попытать удачу с другой их стороны. Чтобы решить, кто идёт первым, Петро вынул свой кинжал, и мы кинули жребий: чья ладонь

будет последней[293]. Жребий выпал ему. Он оставил мне все деньги и пополз к стене.

Я старался следить за Петро, чтобы убедиться, что всё в порядке, но ночь была слишком тёмной, и вскоре я потерял его из виду. Через какое-то время я пополз за ним следом и вскоре догнал его недалеко от тюремной стены. Он помог мне выкопать яму, в которой я смог бы отсидеться, если что-то пойдёт не так, или если нас будут искать. Потом я увидел, как Петро лезет вверх по стене. Я видел, как он долго лежал наверху, очевидно, прислушиваясь. Потом я увидел, как он цепляет за стену крюк от верёвки, которую дал нам татарин. Я выполз из ямы посмотреть, смогу ли я тоже перебраться через стену. Я уже собрался было встать и полезть наверх, когда услышал, как в Петро несколько раз выстрелили, и он упал со стены во двор, видимо, уже мёртвый. Я бегом вернулся в своё укрытие и затаился там в ожидании. Однако огни не зажглись, часовые не появились, и я пополз обратно в лес к Волге. Я добрался туда без помех, но не знал, куда идти дальше. Поэтому я вырыл для себя яму под деревом и, понадеявшись на удачу, заснул.

Я хорошо выспался. Леса на Волге так же хороши, как и у нас на Кубани. В яме было тепло, так как ночь была безветренной, и земля до рассвета не успела остыть. Я понял, что потерял своего дорогого товарища, и у меня заболело сердце. Да и наша казачка, возможно, уже тоже была мертва. Я пожалел, что ушёл от стены. Я чувствовал, что мне тоже нужно было на неё забраться, и тогда, возможно, мне хотя бы довелось умереть вместе с ними. Я подумал, что, возможно, ночью вернусь туда, и почувствовал, как хорошо находиться в прекрасном лесу, даже если это последний раз в жизни. Я знал, что дальше бороться бесполезно. Раз у нас нет царя, то больше никогда не будет хорошей армии, и казаки больше не понадобятся.

После полудня я устал лежать в яме и пошёл посмотреть, в какой стороне находятся город и тюрьма. По моим представлениям город должен был быть на востоке, а тюрьма на юго-востоке отсюда; я пы-

---

[293] Рассказчик описывает старый способ жеребьёвки, иногда называемый «тянуться на палке». Первый участник хватается правой рукой за нижний конец палки. Выше впритык к нему правой рукой за палку хватается второй участник. Затем первый переносит свою правую руку вверх, хватаясь выше руки второго. И так до тех пор, пока чья-то рука не захватит верхний конец палки. Ему и выпадает жребий.

Разумеется, для того чтобы провести такую жеребьёвку с помощью кинжала, он должен быть в ножнах.

тался определить, где Волга. Оглядываясь вокруг и прислушиваясь, я заметил жирного осеннего зайца, сидевшего на солнышке. Подняв с земли острый камень, я прицелился ему в голову. Заяц, видимо, не ждал ничего подобного и продолжал спокойно сидеть на месте, пока камень не пробил ему череп. Я с удовольствием его освежевал. Я заметил вокруг много кроликов и понял, что, если решу остаться здесь, в лесу, то недостатка в еде у меня не будет. Когда солнце село, я немного улучшил своё убежище так, чтобы в нём можно было приготовить зайца. Это была самая вкусная еда с тех пор, как я покинул фронт. Когда стемнело, я отправился к тюрьме. Я шёл осторожно и прислушивался к звукам, доносившимся со всех сторон. Услышав какой-то приближающийся шёпот, я лёг на землю и стал слушать. Вскоре я увидел большую группу людей, шедших через лес в сторону города. Я смекнул, что они ведут разведку и направляются в сторону Казани. Когда они приблизились, то я увидел, что они хорошо держат строй и понял, что это солдаты регулярной армии. Я встал на ноги и осторожно окликнул их: «Братцы, я казак». Ко мне подошёл офицер и расспросил. Я вкратце рассказал им свою историю и попросил взять меня с собой. Я объяснил, что раньше служил в разведывательной сотне, и что я отлично умею метать ручные гранаты. Офицер сказал, что я им пригожусь. Я пошёл с ним, рассказал, как татарин провёл нас через этот лес, и опять почувствовал себя мужчиной.

В то утро мы атаковали и отбили Казань у красных. Я отлично чувствовал себя в этом отряде, мы хорошо повоевали, но такая война была мне не по душе, я не хотел убивать свой собственный народ. Это больше походило на бунт, чем на войну. Если бы это был погром или какое-то восстание, тогда всё нормально. Мы, казаки, такое усмиряли и всегда били революционеров, как они себя называли, но сейчас, когда эти люди смогли взбаламутить всю страну, то достойным солдатам, как мы, не к лицу было и дальше продолжать убивать собственный народ.

Дня два или три мы бились под Казанью. А когда вы, ваше благородие, были на станции в Челябинске, как вы говорили, я тоже там был. Я там не задерживался, а ехал со своим отрядом, мы направлялись на усиление армии адмирала Колчака на востоке.

Мы остановились на станции в Омске. Я хотел сходить в госпиталь и справиться о нашей казачке, но знал, что она не могла выбраться живой из той тюрьмы, и постарался заставить себя забыть о ней.

Мы славно повоевали в Хабаровске[294] и по соседству, в Маньчжурии. Но, как я уже говорил вам, солдату тяжело убивать свой собственный народ. Это неправильная война, потому что, даже если красные победят — а мне кажется, что все крестьяне в деревнях сейчас за них — то они не смогут удержать мир в стране, они всегда будут воевать между собой. Людей, как лошадей, нужно крепко держать в поводу, иначе они передерутся друг с другом и совсем взбесятся».

Казалось, что, рассказав нам свою историю, Братко почувствовал себя лучше. Его казачьи взгляды не изменили нашего к нему расположения. Хотя мы, чехословаки, конечно же, республиканцы, и мы смотрим на всё это иначе. Я спросил Братко, что он намеревается делать. Он сказал, что сначала должен найти свою девочку и помочь ей, а если её уже нет в живых, то он хотел бы наняться в какую-нибудь иностранную армию и воевать дальше. Но он не останется в России и не будет убивать своих.

Было уже очень поздно. Я велел Братко остаться здесь ночевать, пока мы не придём за ним утром. Я хотел взять отпуск и подготовиться к нашим поискам. Он сказал, что там, на рынке, был один человек, который раньше был почтовым чиновником в каком-то городке на севере Сибири и знал, где находится татарское зимовье. Тот чиновник говорил, что старый татарин Бурдур, хозяин зимовья, хорошо знал Сибирь и пользовался большим уважением среди соплеменников за то, что все члены его клана были сильны и богаты, и у каждого было много лошадей и овец. Я сказал Братко, что нужно найти этого почтового чиновника и идти к Бурдуру. Братко встал из-за стола и сказал, что пойдёт обратно на рынок искать почтового чиновника, пока тот не ушёл. Я был горд тем, что Братко оказался таким хорошим солдатом и товарищем. Понимая, что бесполезно было просить его отдохнуть той ночью, я предложил ему свою шапку и полушубок, дал денег, и мы договорились быть готовыми пуститься в путь следующим утром.

На следующее утро я получил отпуск. Мои вестовые добыли для нас какую-то крестьянскую одежду, а я взял с собой несколько револьверов и много патронов. Вестовые настояли на том, чтобы я взял их с собой. Думаю, они наверняка чувствовали себя героями романтического приключения, ведь мы собирались спасать женщину. Когда

[294] Хабаровск — административный центр Приамурского генерал-губернаторства Российской империи (упразднено в 1917 году). Основан в 1858 году, город с 1880 года. Ныне административный центр Хабаровского края Российской Федерации.

вечером мы встретились в условном месте, Братко было трудно узнать. Человек всегда выглядит иначе, оказавшись на своём месте. Братко выглядел настоящим солдатом; нет, мне следовало бы сказать, настоящим казаком. Он больше не сутулился и казался на голову выше, чем накануне ночью. Теперь даже нелепая одежда была ему к лицу, и в нём чувствовался военный. Он подошёл ко мне и отдал честь самым достойным образом, а его сияющие глаза напоминали взгляд орла. «Ваше благородие, — сказал он, — наша маленькая армия собрана и готова к выходу. Я нашёл почтового чиновника, а он, в свою очередь, отвёл меня к каким-то монголам, которые за плату проводят людей к нужному им месту в Сибири. Я заключил с ними сделку. А ещё у них есть лошади, и лошадей я тоже нанял».

Я подумал, что Братко ведёт себя слишком расточительно. Видимо, он так и подумал. Братко вытянулся передо мной так, что стал на несколько вершков[295] выше, отдал мне честь и с улыбкой сказал: «Ваше благородие, после боя под деревней Петровка, где я прятался, я собрал с убитых все ружья и патроны. А ещё собрал все те ружья, которые и белые, и красные побросали, когда бежали оттуда. Я всё это хорошо спрятал. Сейчас мы сначала направимся в Петровку, это нам всё равно по пути. Там я рассчитаюсь с монголами, и тогда они проводят нас к зимовью татарина Бурдура».

Хлопнув Братко по плечу, я не мог его не расцеловать. Он был настоящим солдатом, способным детально продумать всю кампанию. Нам оставалось только сесть на лошадей. Я раздал всем боеприпасы, и маленькие глазки желтолицых монголов заблестели от удовольствия. Эти невысокие воины, которые все ещё воюют луками и стрелами, ценят огнестрельное оружие больше, чем мы. В ответ они предложили нам несколько острых кривых ножей, которых у каждого было по несколько штук. Братко выбрал два длинных ножа, и в тот же день наша маленькая армия из двенадцати человек двинулась в путь.

Вскоре мы миновали Иркутск и его окраины. Лес был холодным и тихим. Снег был плотным, как хорошая мостовая, лошади шли ровной рысью, копыта беззвучно разбивали снег. Вскоре старый монгол, бывший нашим проводником, остановился и отправил вперёд двух своих разведчиков. Потом он велел нам выстроиться друг за другом и так идти дальше. Братко и я шли прямо за ним; я заметил, что к седлу у монгола была приторочена верёвка, которая другим концом, видимо, была привязана к седлу кого-то из разведчиков. Время от времени

[295] Вершок — старая русская мера длины, равная 4,445 см.

было слышно, как ухает сова, а потом ей отвечает другая; эти звуки повторялись через равные промежутки времени, и я решил, что таким образом разведчики подают сигналы друг другу. Остаток ночи мы ехали без приключений. А когда сквозь деревья забрезжил рассвет, то старый монгол трижды прокричал совой, дёрнул несколько раз за верёвку и поторопил, чтобы мы ехали немного быстрее. Мы чуть прибавили скорость; казалось, наши лошади были рады немного поработать и разогнать кровь. Я увидел, что старый монгол ещё раз дёрнул за верёвку, и её конец свободно повис с седла. Теперь я видел, что он едет по тропинке, которую проложил первый всадник, и которую хорошо было видно в сером предрассветном свете. Вскоре мы остановились. Старый монгол подозвал одного из своих людей и дал ему указания. Потом он позвал Братко и велел ему проводить того человека к месту, где было спрятано оружие. Я вызвался идти с ними, но монгол сказал, что неподалёку идёт бой, и трём людям может быть сложнее пройти незаметно к деревне через открытое место. Я очень волновался, но не стал возражать старому монголу, только попросил Братко возвращаться поскорей. Старый монгол поднял глаза к небу, улыбнулся, показав ряд чёрных зубов, и сказал: «Проси об этом Его».

Мы спешились и в напряжении ходили вокруг. Прошло более двух часов, прежде чем Братко и монгол вернулись. Мы уже собрались снова сесть в сёдла, но монгол остановил нас, подозвал одного из своих людей и отдал ему какие-то приказания, после чего желтолицые всадники немедленно двинулись в путь по тропе, проложенной нашими разведчиками. Через какое-то время мы услышали крик совы. Напряжённо вслушиваясь, монгол ждал ответ на него; но ответа не было. Чуть позже мы услышали карканье сибирской вороны, но и на этот сигнал ответа не последовало. Я даже не знал, что думать, было ли это признаком того, что нам грозит опасность, или нет. Я вопросительно посмотрел на Братко, но тот дал знак оставить старого монгола в покое. Потом я увидел, как наши монголы достают из своих мешков продукты и садятся есть. А что ещё им было делать? Мне кажется, что у желтолицых желудок устроен не так, как у нас, и мысли об опасности не влияют на их аппетит. А мы даже подумать о еде не могли.

Когда монгол вернулся, то старик, их предводитель, задал ему несколько вопросов, а потом отослал. Я видел, что Братко тоже хочет задать старику несколько вопросов, но потом он, видимо, передумал и решил не трогать его. Вместо того он повернулся ко мне и спросил, не замёрз ли я. Стояла очень холодная погода, но воздух был совсем сухим, и мороз не проникал под одежду и не слишком мучил нас, хотя

от долгого ожидания на холоде и люди, и лошади уже не могли стоять на месте. Ничего не происходило. Мы снова сели в сёдла, чтобы дать ногам отдых, и вскоре многие дремали, сидя на конях. Разведчики вернулись уже ближе к вечеру. Они посовещались со стариком, который пригласил меня и Братко принять участие в обсуждении. Вернувшиеся сказали, что вокруг совсем близко идут бои, что белые отступают на восток, а красные идут вглубь Сибири, чтобы соединиться с лагерем товарища Берентовича[296]. Впереди у нас было не менее семидесяти вёрст опасного перехода, потому что в тех местах вели войну друг с другом многие разрозненные отряды и банды. Нам с Братко предлагалось решить, что делать. Я спросил старика-монгола, будут ли его люди сражаться, если я удвою плату. Он сказал, что не хочет ни с кем сражаться, но что если мы ввяжемся в стычку, то они спрячутся, а когда бой закончится, то они проводят нас дальше и выполнят условия нашей сделки. Я посоветовался с Братко, Ранеком, Славко и почтовым чиновником; мы все решили, что в случае чего будем прорываться с боем.

Мы сели на лошадей и тронулись в путь. Солнца не было, день был мрачным. Мы миновали деревню Петровка и достаточно долго ехали, двигаясь вперёд в быстром темпе. Старый монгол с одним из своих разведчиков держался впереди, а мы с Братко сразу за ними. Вскоре я заметил, что передняя лошадь навострила уши, словно прислушиваясь к чему-то. Старый монгол поднял руку, давая всем знак остановиться, велел всем нам спрятаться в кустах и дал команду своим разведчикам отправиться осмотреть окрестности со всех сторон. Вскоре мы дважды услышали уханье совы; на второй раз оно внезапно оборвалось, словно птица поперхнулась. Старик обернулся и велел нам приготовиться. Он также предупредил, что если вдруг кто-то отстанет, то беспокоиться не следует: как только минет опасность, он отправит за отставшими своих людей и отведёт нас туда, куда мы хотим. Он пожал мне руку и сказал, что любит тех, кто щедро платит; это говорит об их честности, и он тоже будет вести себя честно и не нарушит условий сделки; он приведёт нас в указанное место за оговорённую цену, несмотря на возникшие сложности. Мне нравился старик-монгол, в нём было что-то благородное.

---

[296] Красного командира с такой фамилией выявить не удалось. Речь может идти о Михаиле Петровиче Богдановиче (1889–1941), начальнике Реввоенсовета Шиткинского фронта у красных партизан (в районе Тайшета, то есть относительно недалеко от Иркутска по сибирским меркам).

Разведчики вернулись один за другим. Все они говорили, что вокруг продолжаются бои, и что совсем рядом с нами находится небольшая группа вооружённых людей. Они полагали, что где-то неподалёку могут быть и другие, потому что после окончания боёв они обычно шли грабить деревни. Монголы сели на лошадей и исчезли в лесу, оставив нас пятерых на произвол судьбы.

Почтовый чиновник был единственный из нас, кто мог говорить на местном сибирском диалекте. Он вызвался пойти вперёд, навстречу этой группе людей, и выяснить, кто они такие. Братко остановил его; он предложил нам идти всем вместе, гуськом, чтобы не потерять друг друга и помочь чиновнику, если ему будет грозить опасность. Я предложил подождать в укрытии, пока эти люди не уйдут. К тому времени, возможно, вернутся и монголы и проводят нас дальше. Но Братко настаивал на том, чтобы мы шли вперёд, поскольку сможем лучше сражаться, пока не окоченели от холода. К тому же, если встречи с врагом не избежать, то почему бы не встретиться с ним и не победить? Эта мысль всем понравилась, и мы осторожно последовали за почтовым чиновником. Идти пришлось недолго. Вскоре мы услышали хриплые голоса каких-то людей, отдававших отрывистые приказы. Чиновник проявил себя настоящим храбрецом. Он знаком показал нам, что собирается пойти им навстречу. Мы спрятались за деревьями и провожали его глазами. В несколько прыжков Братко подобрался поближе к голосам; я шёл за ним следом, пока звуки их не стали отчётливо слышны. Я видел, что чиновник немного помедлил, затем потуже затянул ремень, перекрестился и, размахивая руками, шагнул вперёд на полянку, где несколько человек собрались у своих лошадей.

Потом я услышал, как он не очень уверенно произнёс: «Здравия желаю, товарищи».

«Чёрт тебе товарищ, а здоровье лучше своё береги!» — ответил ему грозный голос, и люди окружили несчастного чиновника. Я был вне себя от страха за чиновника и уже готов был бежать к нему на помощь, но Братко сделал знак подождать, и мы опять услышали его голос: «Я из этой деревни, братцы, я хотел узнать про свою жену и сына, что с ними стало?»

«Здесь тебе не волостное правление, хе-хе-хе!»

«Она, наверно, уже поёт славу Господу у ворот рая и тебя там поджидает, хе-хе-хе!»

Потом кто-то крикнул: «Обыщите его», — и голос этот потонул в рычании разбойников, нисколько не ценивших человеческие жизни.

Братко подобрался ко мне и прошептал: «Я сейчас запрыгну в центр этой толпы и поработаю ножами, а вы, ваше благородие, подстрахуйте меня. Стреляйте в тех, до кого мне не дотянуться. Удачи нам, ваше благородие», — и не успел я и слова сказать, как он уже был в самой гуще врагов с криком «Ура!» Я велел стрелять, и мы стреляли почти без перерыва. Я никогда не забуду, как ловко и умело он управлялся с врагами. Братко выставил перед собой оба ножа, стремительно размахивая ими вверх-вниз, а сам вертелся волчком на одной ноге, словно танцевал. Он точно уложил тогда больше врагов, чем когда-либо доводилось любому солдату. Я застрелил несколько человек, пытавшихся его схватить, а мои вестовые непрерывно стреляли по остальным.

«Отходим! Отходим! Он тут не один!» — раздались несколько голосов.

Я приказал моим людям атаковать. Когда я доставал другой заряженный револьвер, то увидел человека с винтовкой в руках, который, очевидно, был солдатом регулярной армии. Он подбежал к Братко, ударил его штыком и протащил несколько шагов, повторяя: «Для простого мужика ты слишком уж хорошо дерёшься».

Я выстрелил в него несколько раз. Он упал на Братко, а все остальные ускакали прочь. Мы продолжали стрелять, пока все они не исчезли из виду. Тогда я выбежал на поле боя. Братко был мёртв; рядом с ним лицом вверх лежало изуродованное тело почтового чиновника.

Мы больше ничего не могли сделать. Ранек предложил спрятаться в лесу и ждать возвращения монголов, но я не мог справиться со своими чувствами. Я взял все ещё тёплую руку Братко и сжимал её, пока в ладонь мне не впились мои собственные ногти. И вместо могильной земли на тело этого благородного воина упали несколько слёз благодарности и восхищения.

Мы спешно ушли. Мы молча шли по лесу, когда опять услышали три совиных крика: «Ух, ух, ух!» Мы быстро придвинулись друг к другу и замерли в ожидании. Ещё один протяжный крик совы, уже явно больше похожий на человеческий голос, зовущий: «У-у-уххх!»

«Ух», — ответил я, изо всех сил стараясь изобразить сову. Потом я прислушался, надеясь услышать звук приближающихся шагов по замёрзшему снегу. «Ух!» — тихо подал голос разведчик. «Ух», — ответил я ему так же тихо. Вскоре появился монгол и подал знак следовать за ним.

Потом он быстро побежал, не заботясь о сохранении тишины. Мы тоже побежали очень быстро, доверившись его опыту, и чуть

не проскочили мимо старика-монгола, который незаметно стоял со своими людьми и лошадьми среди молодых сосенок. Ему пришлось нас окликнуть, и разведчики извинились за то, что не заметили его. Старик вышел навстречу и сказал, что если мы все ещё хотим идти к зимовью Бурдура, то он проводит нас, но быстро туда не дойти, потому что впереди должны будут идти два разведчика, а это значит, что идти мы будем медленно. Я уже не верил в успех. Мне казалось, что ни один миролюбивый человек не сможет выжить среди этих зверей в человеческом облике, готовых убивать и убивать. «Веди нас назад», — приказал я. Старый монгол одобрительно кивнул и что-то скомандовал своим людям.

К утру мы дошли до Иркутска. Я поблагодарил старого монгола и предложил ему немного денег. Он оттолкнул мою руку и сказал с очень доброй улыбкой: «Бумажные деньги вам нужнее, чем нам. Мы берём золото. Но ваш друг нам очень хорошо заплатил, он показал нам большой склад оружия, спрятанный в надёжном месте». Потом он пожал руку мне и моим людям и молча уехал.

Глава 11

В кафе зажгли свет, но я этого не заметила. Капитан Андрей был бледен. Его сжатые в кулаки руки лежали поверх моего фото. Смех за соседним столиком стих. Официанты накрывали столы белыми скатертями, готовясь к ужину. Всё вокруг казалось таким тихим. Даже ножи и вилки, которые официанты выкладывали на столы, не стучали, словно храня почтительное молчание в память о неизвестном герое.

Меня переполняло желание задать ещё много вопросов о «Братко», но губы капитана Андрея были плотно сжаты, а глаза опущены вниз; казалось, он был где-то далеко-далеко от меня. Я тоже закрыла глаза и попыталась мысленно представить, кто из казаков нашей сотни Третьего Екатеринодарского полка мог так ловко работать ножами в обеих руках. Я не помнила никого, кто умел бы так рубиться и при этом ещё и вертеться на одной ноге, будто танцовщица. Но кто бы ни были этот человек и Петро, его товарищ — я с благодарностью пожелала им покоиться с миром и помолилась за то, чтобы на небесах для них нашлось место там, куда уходят души самых храбрых героев.

— Не желаете ли слегка отужинать, ваше благородие? — внезапно прервал наше молчание голос официанта. Я открыла глаза и невольно зажмурилась от яркого света. Официант улыбнулся мне; наверно,

было похоже, что до этого я спала. Капитан Андрей тоже открыл глаза и поднёс к ним ладонь, чтобы прикрыть от света. Ему потребовалось смочить губы, прежде чем он смог заговорить. Официант поднёс ко рту руку и несколько раз кашлянул, а потом повторил свой вопрос о лёгком ужине. Капитан посмотрел на нетронутые фрукты, вино и бутерброды, а затем огляделся вокруг и спросил, который час. Теперь уже официант не смог скрыть улыбку и вежливо сказал, что сейчас половина восьмого.

— Да, лёгкий ужин, Петрович. А что сегодня дают в оперетте?[297]

— «Гейшу»[298], ваше благородие, с Марусей в главной роли[299].

— Она очень хороша. Достань нам два билета, Петрович, и закажи экипаж. Скажи извозчику, чтобы ждал нас у театра в половине десятого. Мы хотим быть в Гнилом углу до десяти вечера, — добавил капитан, глядя на меня.

— Как прикажете, ваше сиятельство.

И с этими словами официант поспешил выполнять указания капитана.

Мы смотрели друг на друга; нам нечего было сказать. Капитан Андрей отдал мне фотографию и сказал то ли мне, то ли про себя:

---

[297] В начале XX века во Владивостоке было несколько театральных площадок, на которых ставились театральные и оперные представления. В данном случае, вероятнее всего, речь идёт о театре «Золотой Рог»: он располагался в том же здании, что и кафе «Золотой Рог», в котором общаются герои романа в настоящей главе (улица Светланская, 13).

Театр был открыт в 1903 году; после революции помещение театра был передано городскому драматическому театру. В 1975 году театр переехал в новое здание (улица Светланская, 49). В настоящее время — Приморский академический краевой драматический театр имени М. Горького.

[298] «Гейша» — оперетта в жанре музыкальной комедии британского композитора Сидни Джонса на либретто Оуэна Холла со стихами Гарри Гринбанка. Премьера состоялась в Лондоне в 1896 году. Русский перевод издан в 1898 году. (Джонс С. Гейша или Необычайное происшествие в одной японской чайной. Оперетка в 3-х д. / Пер. А. Паули и Э. Ярона. Муз. С. Джонса. — СПб., 1898.)

Как сообщается, до 1917 года «Гейша» была одной из наиболее популярных постановок у жителей Владивостока. (См., например: *Галлямова Л. И.* Владивосток как центр театрального искусства российского Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. // Россия и АТР. — № 4. — 2016.)

[299] Сценический псевдоним Маруся (Маруся Сава) принадлежал известной в эмиграции певице Марии Ивановне Савицкой (1910–2004), родившейся во Владивостоке и жившей там до эмиграции в 1928 году. Однако на момент описываемых событий она была ещё ребёнком.

— Не перевелись ещё благородные духом рыцари.

Потом он взял мою руку и крепко её сжал.

— Не могу поверить, что я тебя нашёл. Теперь-то я тебя ни за что не потеряю. Скажи, ты любишь оперетту? Та, на которую мы с тобой сегодня пойдём, ужасно смешная. Особенно тот человек, которому должны отрубить голову. Он встаёт на колени, чтобы помолиться, а потом самым драматическим голосом с трагическим выражением лица мощно так повторяет: «заря, судьба, судьба, заря!» — и дальше: «Господь, в нужде моей ты не оставь меня!» Я смотрел это раз пять и каждый раз смеялся до колик[300].

— Зачем рубить головы в опереттах? Видимо, сейчас такие времена, что это даже в пьесах проявляется.

— Нет, там дело происходит в Японии, а на Востоке рубить головы — это очень древняя традиция. Люди к такому привыкли, это для них ничего не значит. Может быть, и в России, если большевизм здесь приживётся, большевики продолжат казни и расстрелы, чтобы удержать власть в своих руках, и тогда лет за пятьдесят, а то и меньше, люди к этому привыкнут. А расстрелы и казни, возможно, будут показывать даже в детских спектаклях.

— Но это ужасно, капитан Андрей. Зачем вы так говорите? Вы верите, что большевики надолго удержатся у власти?

— Похоже, что да. Честные патриоты из благородных сословий пали на войне. А те немногие, кто настаивал на отречении царя, кто получал должности то в одном, то в другом министерстве, кто перебегал из одной партии в другую — они только сейчас поняли, что были марионетками в руках неких разрушительных сил. Они потеряли свои должности, а многие потеряли жизни — чего, впрочем, и заслуживали.

---

[300] Эта фраза содержит столько путаницы, что напрашивается единственное предположение: автор сознательно подчёркивает невежество чехословацкого капитана в театральном искусстве. Во-первых, в оперетте «Гейша» никому не отрубают голову и даже не собираются это делать. Во-вторых, существует другая оперетта «из японской жизни», в которой главного героя приговаривают к смертной казни — это «Микадо, или город Титипу» (композитор Артур Салливан, либреттист Уильям Гилберт; премьера состоялась в Лондоне в 1885 году; первая постановка в России — в 1887 году). Можно было бы предположить, что капитан А. перепутал две постановки с «японским» сюжетом, но и в «Микадо» никто не молится, стоя на коленях.

Наконец, вся сцена молитвы, которую с таким восторгом описывает капитан, явно напоминает арию Ивана Сусанина из знаменитой оперы «Жизнь за Царя» (музыка М. И. Глинки, либретто Е. Ф. Розена; премьера состоялась в Санкт-Петербурге в 1836 году).

— О, капитан, вы думаете, всё это беззаконие будет в России ещё долго?

— Думаю, что очень долго. То беззаконие, о котором ты думаешь, возможно, продлится ещё сто лет. Здесь воцарится власть террора, люди перестанут быть личностями и станут рабами новых царей, которые назовут себя диктаторами.

— Капитан Андрей, прошу вас, довольно. Надеюсь, вы ошибаетесь. Скоро люди осознают безумие братоубийства, протянут друг другу руки в знак примирения, забудут и простят друг другу все жестокости. Они будут повиноваться властям и постараются вернуться к мирной и счастливой жизни.

— Звучит отлично, но люди устроены иначе. При любом, самом либеральном правительстве всегда есть тёмные неудовлетворённые массы. Когда они набирают достаточно силы, то захватывают власть и становятся тиранами по отношению к тем, кто, как им кажется, их угнетал. Сменится немало поколений, прежде чем их ярость утихнет; пройдут сотни лет, пока культура смягчит их нравы. Когда-нибудь — и я надеюсь, что этот день недалёк — ты заживёшь мирной жизнью и будешь изучать историю старых времён, когда царила такая же дикость, как та, в которую сегодня впали русские. Ты узнаешь, сколько веков потребовалось, чтобы люди стали добрыми и цивилизованными. До войны мы были далеко не идеальны, однако постепенно совершенствовались. Но потом по неведомой причине в нас опять проснулась чёрная ярость, мы опять стали монстрами-людоедами.

Я не понимала, о чём говорит капитан Андрей, и уже начинала сердиться за то, что он желает России такой печальной участи. Ужин был очень вкусным и обильным, но не радовал. На сердце было тяжело; я подумала, что капитан — враг моей страны. Он тоже мало ел, и официант с волнением спросил, нравится ли нам еда.

Мы приехали в театр, где было полно веселящихся людей, и я опять подумала, что все эти разговоры об ужасах и мрачном будущем — пустая болтовня. Женщины были красивы и выглядели счастливыми. Офицеры в формах разных цветов были обворожительны и внимательны. Зрительный зал в красном бархате и золоте подразумевал власть, монархию, порядок и мир. Я повеселела и поверила, что капитан сам не знает, о чём говорит. С наших мест был виден оркестр, в котором все мужчины были одеты в безукоризненные чёрные костюмы и яркие белые сорочки. У всех музыкантов были блестящие чёрные волосы; все они казались мне на одно лицо, и я подумала, что их отбирают в оркестр, как отбирали лошадей для императорской

конной гвардии — по масти! Человек с дирижёрской палочкой неторопливо прошёл на своё место. Зрители восторженно зааплодировали; он с достоинством сделал лёгкий поклон, но при этом повернулся лицом поочерёдно на все три стороны зала. Я подумала, что это очень важная личность, возможно, второй человек после царя, так элегантно он держался.

В зале стемнело. Дирижёр поднял свою палочку и медленно махнул ею вправо. Первыми мягко зазвучали скрипки. Затем один за другим вступили другие инструменты… Ну почему так редко звучит нежная музыка, почему вместо этого люди стреляют друг в друга? Я уверена, что, если бы было иначе, то чтобы сделать людей цивилизованными, вовсе не потребовалось бы нескольких столетий; возможно, хватило бы и одного года… Занавес раздвинулся и пополз в стороны под такты музыки. От убранства сцены у меня перехватило дыхание: я никогда раньше не видела таких цветов, такой гармонии, таких ярких образов. Где-то на сцене запел сильный нежный голос. Я не могла понять, откуда он доносится; постепенно голос зазвучал громче, и на сцене появилась статуя в розовом вышитом кимоно и со сложной причёской, украшенной цветами из перламутра; а потом статуя пришла в движение. Моё сердце замерло. Как прекрасно они продумали эту сцену! Знал ли кто-нибудь заранее, что на полу перед золотой ширмой с чёрным драконом была не статуя, а живой человек? Я не разбирала слова, я слышала только мелодию, которая нарастала и усиливалась. Статуи в розовых, золотых, зелёных, синих и жёлтых нарядах входили на сцену и сходили с неё, голоса их при этом сливались друг с другом. Оркестр в чёрных костюмах напоминал волшебную картину. Мне на руки падали капельки пота, а глаза наполнились слезами от счастья и радости. Как прекрасен был этот мир внутри нашего мира; я хотела туда; мне просто необходимо было быть там… Музыка оборвалась, дирижёрская палочка застыла в воздухе. Занавес величественно закрылся, а статуи остались стоять на сцене живописной группой. Загорелся свет, и капитан Андрей посмотрел на меня, широко улыбаясь.

— Тебе жарко. Смотри, лицо красное, ты вспотела. Вот платок, вытри лоб. Ты выглядишь так, словно побывала в бане, а потом выпила двадцать стаканов горячего чая, — и он рассмеялся собственной шутке.

Мы вышли из театра и поискали нашего возницу. Я умоляла остаться ещё ненадолго, но капитан показал часы, на которых была половина десятого. «Для солдата главное выполнить приказ», — сказал он с насмешкой в голосе. Я была ужасно зла на него. Я подумала, что

солдаты, приказы — всё это так неинтересно, так скучно, когда в жизни так много красоты, ярких красок и музыки. На сердце было пусто, мне хотелось ещё слушать музыку. Капитан Андрей сказал наконец, что через пару дней он возьмёт меня сюда на утренний спектакль, и я смогу досмотреть представление до конца. Я от души поблагодарила его и постаралась успокоиться.

Мы подъезжали к Гнилому углу; фонарей здесь было меньше, и они светили более тускло. Только самый последний фонарь, на трамвайной остановке, светил очень ярко; газ в нём горел с громким шипением. Вокруг было много пьяных солдат и моряков, которые орали грубые солдатские песни; после прекрасной музыки это резало мне слух. Внутри некоторых лачуг и перед входами в них горели керосиновые лампы. Вокруг было видно множество людей в форме с бутылками в руках; некоторые прижимались к толстым крестьянкам, другие толпились сами по себе. Странно было видеть царившее вокруг безобразие, когда в мире так много красоты. Экипаж со стуком съехал с булыжной мостовой на покрытую комьями грязи дорогу до Гнилого угла.

Фонарей больше не было. Казалось, что беспросветная темнота ночи уводит нас в какой-то другой мир. Свет от фонарей, висевших по бокам нашего экипажа, падал большими круглыми пятнами; они метались перед глазами, а отбрасываемые ими тени напоминали огромных невиданных животных. Было очень тихо. Даже коляске и лошадям не удавалось шуметь слишком сильно, но меня мотало из стороны в сторону, от капитана к стенке коляски. Это напоминало мне борьбу с бесплотными тенями, пытающимися схватить нас и унести в свой чуждый мир.

Капитан Андрей придвинулся ближе и обнял меня за плечи.

— Приходится придерживать тебя, чтобы ты не выпала из экипажа. Ты всё ещё думаешь о «Гейше»? У солистки очень красивый голос. Её зовут Маруся. Она раньше пела в императорской опере[301]. У неё слишком богатый для оперетты голос, но я всё равно рад, что она здесь поёт. Когда где-то появляется нечто совершенное, всё меняется.

— У неё совершенный голос, да, капитан?

---

[301] С 1756 по 1917 годы в ведении императорского двора находился ряд театров, которые в обиходе назывались придворными или императорскими театрами. В начале XX века в их число входили Александринский, Мариинский и Михайловский театры в Санкт-Петербурге, а также Большой, Малый и Новый театры в Москве. (Последний существовал с 1898 по 1907 год.)

— Думаю, да. Если бы он не был совершенен, то она не пела бы в императорской опере.

— Я никогда не забуду её пения.

— И не только ты.

Экипаж остановился рядом с узкой дорожкой, которая вела к госпиталю. Капитан Андрей велел вознице ждать и помог мне выйти из коляски. Он очень крепко обнимал меня за талию, и мы шли по тропе нога в ногу. Лес напомнил мне о Братко и Петро, о том, как они ползли к тюрьме, чтобы спасти меня. Я тихо помолилась о том, чтобы их светлые души покоились с миром. Капитан Андрей остановился, обнял меня, снял с мня шапку и погладил по голове.

— Будет нехорошо для тебя смотреться, если я стану навещать тебя каждый день, как бы мне этого ни хотелось. Твои товарищи по палате могут сказать по этому поводу что-то нехорошее, а я не хочу причинять тебе неприятностей. Через несколько дней здесь будут давать «Гейшу» на дневном спектакле. Я позвоню медицинской сестре Сидоровой и попрошу её позволить тебе пойти со мной в театр. Я пришлю за тобой экипаж и встречу тебя у «Золотого рога». Как ты на это смотришь?

— Хорошо, капитан Андрей.

— Я очень счастлив, что нашёл тебя и могу держать в объятиях. Я уже утратил было надежду. Это хороший урок — никогда не нужно терять надежды. Спокойной ночи.

Я протянула руку, он поцеловал её, а потом крепко прижал к своей щеке. Потом он помог мне подняться по лестнице и на прощанье отдал честь. Я в последний раз прошептала «спокойной ночи» и вошла в дверь.

Я шла по коридору; во многих палатах было уже темно. Свет горел только в нашей и ещё в одной. Я замедлила шаги и задумалась, как мне войти. Они все спят или ждут меня? Меня мучило чувство вины и смущения; я решила, что если они спят, то я на цыпочках прокрадусь к кровати и лягу спать. Если нет, то я просто скажу «добрый вечер, господа», и всё. Это всё, что я смогла придумать по пути к двери палаты.

— Добрый вечер, господа, — пришлось мне сказать, потому что они не спали.

Полковник Фёдоров задумчиво расчёсывал свою бороду, сидя на постели. Поручик смотрел в пустоту, опираясь на подушки. А полковник Седов, как всегда, ходил из стороны в сторону в своём верном халате, который еле держался у его на плечах. Он резко остановился и со вздохом облегчения ответил:

— Добрый вечер, доброволица.

Я почувствовала, что все очень рады моему возвращению. Полковник перестал расчёсывать бороду, а поручик попытался оттолкнуть от себя подушки, чтобы лечь. Полковник Седов с готовностью помог ему и излишне весёлым голосом сказал:

— Я рад, господа, что проиграл вам рубль. На этих иностранных офицеров нельзя положиться. В чужой стране у них словно пропадает чувство долга.

— Вам бы лучше заплатить нам прямо сейчас, полковник, пока вы не забыли.

— Заплачу, заплачу, но, может быть, вы, господа, захотите, чтобы я вам что-то принёс на эти деньги из города?

— Вы идёте в город?

— Да, полковник Фёдоров. Давненько я не бывал в кафе «Золотой рог», не наблюдал за проходящей мимо весёлой толпой. Теперь, когда добровольца сняла заклятие с этого места, я думаю, мы будем часто туда ходить. Хотите пойти со мной завтра, доброволица?

— Э-э…

— Сходим в кафе «Золотой рог» и, может быть, в театр…

— Я только что была в городе, ваше высокоблагородие. Наверно, мне не дадут разрешения уйти второй раз.

— Я могу приказать им дать вам такое разрешение. Уж на это у русского офицера хватит власти. Если, конечно, вы не предпочитаете иностранные мундиры.

— О, ваше высокоблагородие…

— Пожалуйста, полковник, смените тему. Вы хорошо провели время, доброволица?

— Да, ваше высокоблагородие. Мы весь день провели в кафе «Золотой рог». Капитан Андрей рассказал мне о кубанском казаке, которого он нанял, чтобы отправиться меня искать, а потом из разговоров с ним он понял, что этот казак и сам меня искал с самого начала революции…

— Красивая сказка! У этих чехов есть целая система для соблазнения женщин.

— Ваше высокоблагородие, у меня есть доказательство его слов. У меня есть…

— Будьте осторожны, доброволица. Мужчина, если он хочет завоевать сердце девушки, предоставит тысячу доказательств. Возможно, он попросит вас выйти за него замуж, он может даже отвезти вас в храм на станции «Океанская», но что вы будете делать, когда он соберётся ехать домой?..

Но тут полковник Фёдоров прервал глупые разглагольствования полковника Седова и сказал:

— Вы, полковник Седов, торопите события. Если он на ней женится, то, естественно, возьмёт с собой в Чехословакию. А почему бы ей и не выйти замуж за чеха, который, по крайней мере, может предложить ей дом и страну?

— Полковник Фёдоров, вы слишком заступаетесь за чеха, мне это не нравится. Вы тоже готовы отречься от России и от русского народа?

— Сейчас речь идёт о конкретном человеке, полковник. Россия отреклась от нас, а для добровольцы жизнь в новых условиях окажется куда сложнее, чем для вас или для меня.

— Мы, милостивый государь, страдаем за идею.

— За какую идею?! — закричал полковник Фёдоров. — Отныне каждый должен заботиться о собственной безопасности, и я советую вам меньше строить из себя патриота и оставить эту тему. Как вы думаете, доброволица, этот чешский капитан — хороший человек?

— Я не могу вам сказать, ваше высокоблагородие. Я вижу его всего в третий раз.

— А что вы о нём подумали, когда увидели его в первый раз?

— Я не знаю, ваше высокоблагородие.

— Я вам скажу, полковник. Он красивый тип, как и большинство чехов…

Вошла медицинская сестра и сказала:

— Уже больше десяти часов, господа. Вы нарушаете правила госпиталя. Почему вы не отметились, доброволица? Вы только что пришли?

— Нет, нет, она здесь уже больше получаса. Мы расспрашивали её о погоде во Владивостоке. И ещё о чешских, итальянских, французских и американских офицерах, она много их там видела.

— Полковник Седов, опять вы ворчите на иностранных офицеров. Я уверена, канадские офицеры не стали бы говорить столько гадостей о русских офицерах, как вы о них.

— А как ваш канадский офицер, медсестра?

— С ним всё хорошо, полковник. Его повысили в должности. Мы с ним скоро поженимся, и он отправит меня к своей сестре, пока сам не окончит здесь службу.

— Вот и отлично. Смотрите, не замёрзните там, в Канаде. Это прямо рядом с Аляской.

— Не волнуйтесь, полковник, он меня согреет. Спокойной ночи. Пойдёмте со мной, доброволица, вам нужно переодеться.

С дежурной сестрой мы бесшумно прошли мимо тёмных палат. Там спали или делали вид, что спят, а на самом деле лежали и думали, как выбраться из этого пекла? Мне было их жаль. Женщина могла по крайней мере выйти замуж за иностранного офицера и обрести новый дом и мужа, но у мужчин не было даже такой возможности! Мы пришли в контору. Две медицинские сестры сидели за столом перед подносом с чашками чая. Медсестра Сидорова тоже была там. Увидев меня, она вскочила с кресла и схватила меня за руку.

— Вы пробыли с ним до этого времени?

— Да, сестра.

— С кем это она была, Нина?

— Ох, разве вы не слышали, как я рассказывала Лизе о красивом чехе, который заехал за добровольцей?

— Нет, я ничего об этом не слышала. И вы с ним были до такого позднего часа? Не позволяйте ему ничего, пока он на вас не женится. Тогда по крайней мере вы будете под защитой его правительства и сможете ежемесячно получать немного денег.

— О, Женя, он не такой. Он капитан и приезжает сюда в экипаже, и к тому же, мне кажется, он на самом деле влюблён в неё. Не так ли, доброволица?

— Не знаю, сестра, — только и смогла я вставить, пока они многословно обсуждали меня и капитана.

Кровь ударила мне в голову, и я чувствовала, как бьётся моё сердце. Мне было очень стыдно, что они так беззастенчиво обсуждают мои дела. Я быстро разделась, сложила обмундирование в сумку и, схватив халат, бросилась бежать. Однако они, видимо, ещё не закончили. Сестра Сидорова схватила меня за руку и притянула к себе.

— Садитесь, выпейте с нами чаю и расскажите, что говорил ваш капитан. Он вас о чём-нибудь просил?

— Да, сестра, просил. Мы ходили смотреть «Гейшу» и видели только первый акт, потому что он обещал привезти меня обратно в половине десятого. Он спросил, хочу ли я пойти на дневное представление послезавтра и досмотреть до конца.

— Глупая ты гусыня, тебе нужно было сказать, что ты предпочитаешь поехать кататься. Пусть он займётся с тобой любовью, а ты потом скажешь, что порядочная девушка и рассчитываешь выйти замуж. Ему придётся сделать предложение, и вы смогли бы пожениться уже завтра, а не ждать, пока наступит послезавтра. Его ведь могут отправить куда-то ещё, вот будет невезение. Но если бы ты вышла за него замуж завтра, то даже если его отошлют куда-то

ещё, их представительство будет давать вам немного денег каждый месяц.

— Хорошо, сестра, могу я теперь идти спать?

— Разве вы не хотите чаю?

— Наверно, она уже пила чай получше того, что ты можешь ей предложить, Валя. Пусть идёт спать. Но помни, что тебе сказала сестра Валя.

— Спокойной ночи.

Меня душили слёзы ярости. Какое право они имели говорить, что мне делать? Я дошла до палаты и бросилась на кровать. Эти люди своими грубыми разглагольствованиями разрушили всё то, что я навоображала себе о капитане Андрее. Нет, я вовсе не хотела выйти замуж за капитана только для того, чтобы обрести дом или получать деньги. Я лучше поеду в Японию и самостоятельно начну там новую жизнь. Может быть, я смогу петь, как прекрасная Маруся?.. И пока я не заснула, в моих ушах звучала запомнившаяся мелодия.

Глава 12

На следующее утро у меня возникло смутное ощущение, что мои товарищи по палате поздоровались со мной уже не так тепло, как раньше. Хуже того, теперь эти три офицера и мне виделись совершенно в ином свете. Полковник Седов уже не казался любезным и смелым кавалерийским офицером. Полковник Фёдоров был просто неопрятным стариком, который всё время чесал свою бороду. И даже поручик выглядел теперь просто жалким калекой без признаков интеллекта. А сёстры, бывшие до того великодушными богинями войны, вдруг превратились в грубых сплетниц.

То, что я услышала вчера вечером от всех этих людей, лишило их в моих глазах ореола героев и героинь. А ведь я бесконечно восхищалась их патриотизмом. У меня зародилась ужасная мысль: а вдруг и капитан Андрей, если бы не его военная форма, тоже оказался бы обычным человеком? Но я не могла вынести даже мысли об этом, так что принялась разглядывать соседей по палате и гадать, что они обо мне думают.

Полковник Седов в своём развевающемся халате теперь казался мне просто позёром. Его угрюмость, конечно же, была вызвана тем, что он ревновал меня к капитану Андрею. Но какое право он имел меня ревновать? Безусловно, он был добр ко мне, но и я, без

сомнения, полностью отплатила за его доброту, когда изо всех сил старалась отвлечь его от мрачных воспоминаний. Полковник Фёдоров? Чем меньше смотреть на него, тем лучше, потому что его дурные привычки уже начинали меня нервировать. Теперь поручик… Глядя на него, я внезапно испытала чувство дикого гнева на саму себя за то, что минуту назад была к нему так жестока в своих мыслях. Он лежал так неподвижно, он был так искалечен, он никогда не говорил ни слова. Возможно, в своём жутком положении он как никто другой понимал слабость, беспомощность и душевную боль своих товарищей, и знал, что спасти их может только милость судьбы. Что с ним будет? Он даже не мог сам есть ту пищу, которую ему здесь подавали, так как же он сможет заработать себе на хлеб после выписки из госпиталя? Возможно, господь вразумит большевиков, и они воздадут должное тем, кто пожертвовал собой за веру и Россию, и тогда для солдат-инвалидов в России найдётся место, где к ним будут хорошо относиться… а может быть, они будут отвергнуты и брошены на произвол судьбы…

Почему он молчит, бедняга? Неужели ему нечего сказать об этой ситуации, о людях, о будущем? Или он безропотно ждёт новых ударов судьбы? В тот момент я приняла твёрдое решение помогать ему всем, чем смогу. Я очень надеялась, что нас вместе отправят в Японию, и я смогу там ухаживать за ним. Мне казалось ужасно нечестным, что мы, русские женщины, бросаем свою страну и своих солдат. Конечно же, мы обязаны выходить замуж за таких калек, как поручик, увозить их куда-нибудь подальше, как можно дальше, и помогать прожить остаток жизни так, как этого заслуживают герои. Разве не за женщин — ну хотя бы отчасти — жертвовали собой такие мужчины, как этот поручик? А теперь мы хотели оставить их и уехать с непонятными людьми в чужие страны! Это было нечестно… В конечном счёте полковник Седов был прав. …Я дала себе обещание увидеться с капитаном Андреем и сказать, что собираюсь ехать в Японию с поручиком и там заботиться о нём.

Моя голова раскалывалась от всех этих мыслей, но тут в палату вошли доктора. Моё сердце бешено колотилось в груди. Среди них был иностранец — американский врач. Что же нас ждёт?

Сначала они подошли к постели полковника Фёдорова, изучили медицинскую карту и посмотрели его раны, а переводчик тем временем деловито объяснял иностранцу суть происходящего. Я была несколько удивлена тем, как выглядит американец: у него не было перьев в волосах, и он почти ничем не отличался от остальных. Это был невысокого роста толстый мужчина с очень красным лицом. Ког-

да он смеялся, у него с носа каждый раз падало пенсне, и он ловил его на лету, как фокусник. Но на вид он был добрым и жизнерадостным, и я приободрилась.

Потом они подошли к постели поручика, и я страстно молилась про себя: «Господи, господи мой, пусть они пошлют поручика в Японию и позволят мне поехать с ним, чтобы о нём заботиться». Но они так долго оставались у его постели, что я занервничала. Они спорят на его счёт? Возможно, поручик слишком сильно искалечен, и они не хотят отправлять его в Японию? Должна ли я что-то сказать?

Я была больше не в состоянии лежать всё это время и села, выпрямившись на своей кровати, чтобы попытаться понять, о чём говорят врачи. Наконец наш доктор начал что-то писать в медицинской карте поручика, но у меня перед глазами плавали чёрные круги, и я не могла нормально разглядеть ни врача, ни медицинскую карту. Мне хотелось лечь.

— Не спать, доброволица! Это наша девушка-доброволец. Она с Кавказа. Волей судьбы её занесло сюда, в неподходящий для неё климат Владивостока, но Япония ей подойдёт. Ей нужны серные ванны и хороший отдых.

— Доброе утро, мисс, — сказал американец на ломаном русском языке. Я не знала, что сказать. Язык меня не слушался.

— Рука — плохо? — продолжил он по-русски, снова весело засмеялся и поймал на лету свои очки.

Переводчик переводил ему содержание моей медицинской карты, а доктор очень ласково смотрел на меня. Он что-то отметил в своём блокноте, потрепал нашего врача по плечу и сказал по-русски то ли в шутку, то ли всерьёз:

— Да-да-да! Лечение в Японии. Специальное лечение в Японии. Вам повезло, мисс. Браво-браво!

Он опять поправил свои очки и посмотрел поверх них на полковника Седова, который, казалось, очень нервничал. Он вытянулся, поклонился, щёлкнув пятками своих тапочек, и стоял по стойке смирно, пока американский доктор говорил с переводчиком. Доктор явно гордился своим знанием русского языка и, ощупывая кончики пальцев полковника, сказал: «Очень много хорошо». А затем прошептал что-то по-английски своим помощникам. Полковник ещё раз поклонился; когда все выходили, он вопросительно посмотрел на нашего врача. Потом резко отвернулся, сел на кровать и откинулся назад, свесив вниз ноги. Я где-то видела женщину, лежавшую на кровати именно в такой позе и истерически рыдавшую.

Казалось, прошло очень много времени, прежде чем к нам пришла медицинская сестра с предписаниями по диете для каждого из нас. Никто не задал вопросов, и она, казалось, была этим разочарована. За ней последовал дежурный солдат с приборами и посудой для обеда, но теперь вся эта суета не вызывала у меня никакого интереса. Думал ли кто-то в тот день, что мы уедем в Японию? Я уже открыла рот, чтобы спросить, но полковник Седов внезапно поднялся, накинул на плечи свой халат и вышел из палаты.

Мне не сиделось на месте. Я встала и подошла к поручику, который посмотрел на меня с изрядным удивлением. Когда-то он, должно быть, был очень красивым мужчиной, но теперь только большие бархатные глаза говорили о молодости, мужестве и молчаливом страдании. У меня болела душа за него.

— Господин поручик, вы были бы рады отправиться в Японию? Наверно, было бы интересно поехать туда.

— Вы очень хотите поехать, доброволица?

— Не могу себе даже представить, что я еду куда-то, господин поручик. Мы так много говорили о поездке в Японию, что это уже кажется невозможным.

— И мне тоже, доброволица. Я здесь уже так давно, что эта кровать кажется мне последним пристанищем...

— О, ваше благородие, если удача нам не изменит, и нас обоих пошлют в Японию, то я всегда буду рядом и помогу заботиться о вас.

— Я очень тронут вашей добротой, доброволица.

— Пожалуйста, не говорите так, ваше благородие. Я только хотела сказать, что нам будет проще, если нас пошлют туда вместе. Не так страшно будет входить в чужую страну, в чужой мир, в новую жизнь …

— Дайте мне воды, пожалуйста. — Я наполнила стакан и поднесла его к сухим губам поручика. Его щёки горели лихорадочным румянцем, в глазах отражалось волнение и отчаянное желание узнать своё будущее. Мне пришлось отвести глаза и мимоходом глянуть на полковника Фёдорова, который уже не расчёсывал свою бороду. Неужели его голова тоже была полна мыслями об отъезде в Японию? Потом в палату вошёл полковник Седов, снова готовый изображать из себя храбреца. Подойдя к кровати полковника Фёдорова, он удивлённо поднял брови, увидев меня сидящей рядом с поручиком.

— Как жаль, что поручик прикован к постели. Сегодня прекрасный день, было бы славно поехать в город. Поручик, в скором времени вам, видимо, предстоит вволю насладиться морским воздухом по пути в Японию. Я уверен, что вас отправят первым.

— Почему вы так уверены, полковник?

— Потому что вы больше всех нуждаетесь в лечении. Иначе это было бы несправедливо со стороны американского доктора. Затем, возможно, туда поеду я, хотя, честно говоря, не понимаю, чем мне может помочь Япония. Массаж мне сколько угодно могут делать в любой стране. Если рука быстро заживёт, то я постараюсь вступить в Иностранный легион во Франции[302]. Если же по какой-то причине они решат отправить меня в Японию с первой партией, то я попрошу отправить вас вместо меня. А наша добровольца позаботится о вас в дороге.

Я вернулась на своё место; я ненавидела полковника Седова за эту долгую и глупую речь. Он всё ещё говорил своим неприятным голосом о прелестях весеннего дня, размахивая при этом слишком белой рукой.

— Доброволица, я получил для нас с вами разрешение пойти в город. Хотели бы вы провести день в кафе «Золотой рог» с офицером русской армии?

— Сегодня я хотела бы принять ванну и помыть голову, ваше высокоблагородие.

— Вы можете сделать это завтра.

— Завтра я иду в оперетту с капитаном, ваше высокоблагородие.

— Хм! Сколько чести чешскому офицеру! Даже ванну нужно принять, чтобы пойти с ним.

— Полковник Седов, прекратите смеяться над доброволицей. Пригласите с собой сестру Валю, вы давно уже ей это обещаете.

— Я передумал, полковник Фёдоров. Кроме того, доброволица скоро едет в Японию, и до этого ей нужно посмотреть город.

— Я вчера была в кафе «Золотой рог», ваше высокоблагородие. Там полно людей, они смеются, как дураки. Мне больше не хочется на это смотреть.

— Ну, тогда мы можем поехать на станцию «Океанская» навестить моих друзей. Я могу показать вам ту самую церковь Христа, где в один прекрасный день вы сможете пожениться с вашим чехом.

— Это было бы очень интересно, ваше высокоблагородие. Я хотела бы посмотреть на эту церковь. Венчаться в ней предстоит кому-то другому из нас.

— Он просил вас выйти за него замуж?

---

[302] Французский Иностранный легион — воинская часть, комплектуемая добровольцами из граждан других государств. Существует с 1831 года и по настоящее время.

— Никак нет, но вы уже столько раз выдавали меня замуж, что я почти чувствую себя его женой.

Я была рада, что полковник Седов больше не настаивает на том, чтобы поехать со мной в кафе «Золотой рог», где я могла бы встретить капитана Андрея. С каждой минутой полковник нравился мне всё меньше. Привезли обед, и я рада была переключиться на мысли о еде.

Но даже еда здесь больше не радовала меня. Я немного поела, чтобы не дать повода для новых замечаний полковника Седова, который, я была уверена, искал повод для новых придирок. Как странно, что уютная и добрая атмосфера нашей палаты вдруг безо всякой причины стала такой неприятной — просто потому, что кому-то захотелось вести себя гадко и заставить остальных страдать. Закончив обед, полковник Седов нетерпеливо покинул палату. Полковник Фёдоров сел на кровати и знаком попросил меня подойти к нему.

— Доброволица, не сердитесь на полковника Седова и не злите его. У него бывают такие приступы дурного настроения. Это всё, знаете ли, нервы.

— Да, ваше высокоблагородие, но почему он ко мне цепляется? У меня тоже нервы. Капитан Андрей дважды очень помог мне, он нравится мне, но он не просил выйти за него замуж, и я не думаю, что он собирается это сделать.

— Да, понимаю, но будьте умницей. Просто сходите в кафе с полковником и хорошо проведите время. Не принимайте его слова близко к сердцу. Он так же несчастлив, как вы или я.

— Я обязана пойти с ним, ваше высокоблагородие?

— Конечно, нет, но с вашей стороны было бы очень милосердно и разумно, если бы вы согласились. Позднее он оценит ваш поступок и будет чувствовать себя обязанным перед вами.

В палату вошёл полковник Седов, уже переодевшийся и готовый ехать в город. Я его просто ненавидела и отвернулась. Войдя, он поприветствовал нас, щёлкнув каблуками, а потом выглянул в окно и указал на солнце.

— Теперь наступила настоящая весна. Возможно, нас ждёт ещё счастье в жизни. Доброволица, вы по-прежнему собираетесь остаться здесь и потратить этот славный солнечный день на то, чтобы принять ванну? Или хотите поехать со мной за город? Я, конечно же, знаю, — добавил он ехидно, — что вы предпочли бы оставить поход в кафе «Золотой рог» для встречи с вашим капитаном-чехом.

Прежде чем я успела ответить, вмешался полковник Фёдоров:

— Я старше вас, полковник Седов, и я дольше вашего в армии. Вы ведёте себя как юнкер. Если вы не прекратите дразнить доброволицу, то я прикажу ей остаться здесь[303].

— Сговорились, да? Отлично, господа, — сердито сказал полковник Седов, и я поспешила вмешаться.

— Ваше высокоблагородие, я буду рада пойти с вами, если вы пообещаете не говорить больше о чешском капитане и вообще о чехах. Я не хочу об этом слышать.

— Честное слово, господин полковник! Она хоть и женщина, а лучше нас всех расставила всё по местам! Обещаю не трогать чехов, если вы пойдёте со мной.

— Вы хотите жениться на мне, ваше высокоблагородие? — спросила я дерзко.

— Да, ей-богу! Ну точно она ищет себе мужа!

Однако тут вмешался полковник Фёдоров:

— Доброволица, вы останетесь здесь, это приказ. А вы полковник, отправляйтесь один. Вы оба выглядите настолько легкомысленными, что способны на что угодно.

— Но вы, милостивый государь, ведь не запретите нам пожениться? — спросил полковник Седов.

— Конечно, запрещу, полковник.

— Доброволица, он нас испытывает. Давайте пойдём и поженимся просто ему назло?

— Сначала расскажите, как вы собираетесь меня содержать, ваше высокоблагородие. Русские женщины потому и выходят замуж за иностранных офицеров, что русские мужчины уже не способны содержать своих жён.

— Да чёрт вас побери! Это единственное препятствие? А почему бы русским женщинам не содержать русских офицеров; ведь мы рисковали жизнью не только за страну, но и за них тоже.

— Кажется, в России и для русских женщин тоже не осталось места, ваше высокоблагородие.

— Вы можете выйти замуж за русского офицера и вместе с ним уехать за границу. Так женщине будет легче найти работу горничной или няней для чьих-то детей.

— И содержать вас, ваше высокоблагородие?

---

[303] В Русской императорской армии среди равных по чину офицеров старшим считался тот, кто получил этот чин раньше других.

Юнкер — обучающийся в военном училище для получения офицерского звания.

— Чёрт побери, не смейте так говорить с офицером!

Тут нас опять перебил полковник Фёдоров:

— Полковник Седов, я приказываю вам уйти. Вы, доброволица, ложитесь в кровать и остаётесь там.

— Не вижу, почему вы позволяете себе вмешиваться, полковник. Я порядочный человек, а она уже совершеннолетняя! — мрачно ответил полковник Седов.

— Я приказываю вам уйти, милостивый государь!

— Отлично! Ухожу, чтобы не портить всем настроение.

Я лежала в постели и пыталась успокоиться. Из глаз лились злые слёзы, и я задыхалась от ярости. Как же я ненавидела эту свинью, полковника Седова!

Наконец он ушёл, и в палате стало очень тихо. Я, кажется, заснула; следующее, что я помню — как медсестра трясёт меня за плечо, чтобы измерить температуру и дать чаю. Я спросила, можно ли мне принять ванну, и она ответила, что я обязательно должна это сделать, потому что завтра утром нас будут осматривать врачи.

Приняв ванну, я поспешила вернуться в палату, чтобы обсудить предстоящий осмотр. Я надеялась, что офицеры что-то знают об этом: какой именно осмотр нам предстоит? Я хотела поговорить с поручиком, но когда я вошла в палату, мне показалось, что он спит. Я взяла шапку и вышла на веранду.

Глава 13

На веранде никого не было. Ипподром казался пустым; цирк, видимо, уехал накануне. Смутила ли их та неразбериха, которая царила в России, или же они готовы были развлекать людей только тогда, когда им платили за билеты? Они тоже страдали, или им было всё равно? Хотела бы я знать, что представляли из себя эти циркачи на самом деле. В следующий раз, когда я встречу каких-нибудь циркачей, я непременно подружусь с клоунами, или канатоходцами, или наездницами… Интересно, скакать верхом в цирке сильно сложнее, чем в армии? Может быть, я смогу быть наездницей в цирке? Почему я не думала об этом раньше?

Я стояла, прислонившись к столбу, крепко держась за него рукой и пытаясь понять, что за люди эти циркачи. Потом я снова стала с ним разговаривать. «О, столб, это опять ты. Можно, я ещё поговорю с тобой? Мне кажется, было бы здорово, если бы я могла уехать с цирком. Я знаю,

что хорошо езжу верхом, а научиться каким-нибудь трюкам было бы несложно. Когда же они уехали? Может быть, они ещё проедут через Гнилой угол, и их можно будет увидеть!» Я накинула свой госпитальный халат и сбежала вниз по лестнице, затем через сосновый лес и дальше на поляну, с которой был виден весь раскинувшийся Гнилой угол.

Не было слышно ни звука... Всё вокруг казалось тусклым и мрачным. Глядя с тоской по сторонам, я твёрдо решила найти цирк и поступить к ним в труппу.

Я медленно шла обратно. По пути нужно было пройти мимо белёных домиков, в которых жили врачи. Один из них стоял в дверях и смотрел на меня. Я почувствовала себя неловко от того, что бродила тут одна, и заспешила в госпиталь, но он окликнул меня.

— Добрый день, доброволица. Гуляете?

— Добрый день. Так точно.

Я пошла быстрее, чтобы успеть уйти, пока он не сделал мне выговор.

— Куда вы так торопитесь, доброволица? Подождите минутку.

— Есть!

— Подойдите сюда. Я собирался зайти повидать вас, но сегодня много операций, и я был очень занят. Я доктор Иванов. Я рекомендовал вас американскому доктору для отправки в Японию.

— Я вам очень признательна.

— Не бойтесь. Подойдите сюда, давайте посидим на скамейке. Через несколько дней вы уедете, вы знали?

— Никак нет, не знала. А остальные тоже едут?

— Остальные — это кто?

— Три офицера из моей палаты.

— Полковник Седов, полковник Фёдоров и поручик Беррик?

— Так точно.

— Это будет зависеть от американского доктора.

— А почему я уеду уже через несколько дней?

— Я настоял на том, что ваш случай не терпит отлагательства.

— Почему не терпит, доктор? Я могу подождать. Моё состояние не так плохо, как у них.

— Нет, для вас лучше ехать. Американский Красный Крест скоро уедет отсюда, и тогда мы больше не сможем никого отправить. Кроме того, у нас есть письмо из штаба адмирала Колчака с просьбой к американскому Красному Кресту оказать вам всяческое содействие.

— То есть вы хотите сказать, что эти три офицера не смогут уехать?

— Это всё будет зависеть от американского доктора. Если у него будет достаточно средств, то мы отошлём столько людей, сколько сможем. Деньги на поддержку российских госпиталей даёт американский Красный Крест, поэтому всё зависит от того, что они смогут сделать. А почему вы так волнуетесь за других офицеров из вашей палаты?

— Мне кажется, что поручик нуждается в лечении куда больше, чем я.

— Бедный поручик. Его нельзя вылечить. Хуже всего то, что он очень сильный человек и будет жить долго.

— О, доктор, как это ужасно.

— Да, это выглядит крайне несправедливым воздаянием для тех, кто был смел и пожертвовал собой ради других людей. Он даже милостыню на улице просить не сможет. Он не в состоянии ни сесть, ни лечь без посторонней помощи.

— Доктор… — я уже не могла сдерживаться и заплакала над судьбой бедного поручика.

— Не горюйте об этом, доброволица. Вам, знаете ли, теперь нужно думать о себе.

— Почему, доктор, почему? Почему? Мы вместе шли на смерть за нашу страну, почему мы и дальше не можем быть вместе и помогать друг другу? Кто позаботится об искалеченных героях?

— Не впадайте в истерику, — сказал он резко. — Обычно это делает правительство. Но в ситуации с революцией я не могу сказать, кто о нём позаботится. Я буду держать его здесь, сколько смогу. Это всё, что я могу вам обещать.

— Доктор, вы так добры. Пожалуйста, сделайте для него и таких, как он, всё возможное. — От жалости к бедным, никому не нужным калекам я заплакала ещё сильнее.

— Я обещаю вам, что так и будет. Перестаньте плакать, от слёз вы делаетесь некрасивой. Вас в армии этому учили — плакать?

— Никак нет, не этому, — сказала я холодно. Я встала со скамьи, вытерла лицо рукавом и собралась идти обратно в госпиталь.

— Подождите, не спешите. Присядьте на минутку.

Доктор оставил меня сидеть на веранде, а сам зашёл в дом. Я не знала, возвращаться ли в госпиталь. Ведь если бы я ушла, то доктор может рассердиться и не отправить меня в Японию, поэтому я осталась сидеть на скамейке и ждать его. Вскоре он вернулся с бокалами красного вина в обеих руках.

— Вот немного хорошего вина, чтобы привести в порядок ваши нервы, доброволица.

— Спасибо, доктор. Я не хочу вина.

— И всё же выпейте. Это пойдёт вам на пользу.

Я послушно выпила вино. Оно было очень сладким, и я выпила весь стакан.

— Понравилось?

— Так точно. Очень хорошее вино.

— Хорошо, давайте зайдём ко мне и выпьем ещё.

— Я уже выпила достаточно, доктор. Я лучше пойду к себе, скоро принесут чай. Меня могут хватиться.

— Отличная идея. Мы выпьем чаю вместе.

Он взял меня за руку и повёл в дом. Это было роскошное место. Большую гостиную украшали жёлто-сине-золотой китайский ковёр и резная мебель из чёрного дерева. На стенах висели красивые картины. Мы вошли в другую комнату, которая, видимо, служила его рабочим кабинетом. Здесь вдоль стен стояли полки с книгами, а на веранде снаружи вся мебель была плетёной из красной лозы. Здесь были ещё книги и вазоны с раскидистыми папоротниками, а также несколько больших бронзовых статуэток.

Врач посадил меня в кресло-качалку и сказал:

— Сидите здесь. Я принесу бутылку вина.

Как красиво было за стенами госпиталя! Кафе «Золотой рог», оперетта, богатые и уютные дома врачей. Врач вернулся с необычного вида бутылкой из гранёного стекла и новыми бокалами.

— Выпейте ещё и забудьте о горестях этой жизни. У вас не хватит слёз, если вы станете оплакивать всех несчастных, искалеченных войной.

— Доктор, как жестоко с вашей стороны так говорить.

— Это я-то жестокий… после того, как я так старался отправить вас в Японию? Я бы назвал это чёрной неблагодарностью, дорогая.

— Я не хочу быть неблагодарной, доктор, вы это знаете, но мне кажется бессердечным бросать таких людей, как поручик.

— Не пытайтесь понять, что хорошо, а что плохо. То, что кажется вам плохим, может быть хорошо для других. Просто сосредоточьтесь на себе и постарайтесь выбраться из той трясины, в которую попали. Я отправлю вас в Японию, и вы вернётесь оттуда красивой здоровой девушкой. Хотите?

— Так точно, но почему вы проявляете такой интерес ко мне?

— Потому что мне нравятся сильные крепкие девушки. Выпейте ещё вина. Я позвонил, чтобы нам принесли бутерброды. Расскажите,

кто этот чешский капитан, с которым вы куда-то ездили вчера вечером? Он вами интересуется?

— Доктор, а вы это откуда знаете?

— Разве я не работаю в этом госпитале? Я знаю обо всём, что здесь происходит.

— Капитан был очень добр ко мне, доктор. Я познакомилась с ним…

— Да, вы познакомились под Казанью, потом встретились в Омске, а потом он нашёл вас здесь. Я всё это знаю. Но что вы теперь собираетесь с ним делать?

— Завтра я иду с ним на утренний спектакль слушать «Гейшу».

— Вы даже ещё умнее; мне это нравится. Продолжайте.

— Это всё, доктор.

— Правда? Значит, у меня есть шанс?

— Какой шанс, доктор?

— Вы очень забавная девушка, доброволица. Красивая и сильная, недурна собой, и, кажется, вы мне очень нравитесь. Я избалован женщинами, я устал от них. Вы так непохожи на всех других, что я могу искренне полюбить вас.

— Простите, доктор, но вы начинаете глупить и несёте чушь. Можно, я пойду в госпиталь? Скоро будет ужин.

— Не уходите. Поужинайте со мной, и вы увидите, что я не несу чушь. Когда вы вернётесь из Японии, я буду служить в чехословацкой армии. Я сейчас веду с ними переговоры об этом. Я возьму вас с собой. Хотите?

— Зачем мне ехать с вами, если я просто могу выйти замуж за чешского офицера?

— О, так он всё же сделал вам предложение, да?

— Доктор!

Я встала с качалки, взяла шапку и собралась уходить. Доктор явно повёл себя неправильно, и мне не хотелось оказаться в неприятной ситуации. Но он тоже встал, наполнил бокалы вином и подошёл ко мне с победоносной улыбкой, протягивая руку.

— Не нужно ничего усложнять, доброволица. Всё и так сложно, ей-богу. Жизнь так коротка и полна неожиданностей. Сейчас мы с вами стоим на красивой веранде и пьём хорошее вино. А послезавтра, когда вы отплывёте, возможно, красные потопят ваш корабль, или возьмут этот город и перестреляют нас всех, как кроликов. Давайте жить. Пейте вино. Вы очень молоды, и вы можете никогда не узнать, что такое жизнь, если не поторопитесь. Вот, пейте!

Расслабьтесь! Снимите свою уродливую шапку, она вам не идёт. Когда вы отрастите волосы, то будете очень привлекательной девушкой. Если хотите, я женюсь на вас. Но сейчас это неважно. В России даже замужество не гарантирует долгой жизни. Ну вот же, вы такая хорошенькая, когда улыбаетесь, очень хорошенькая. Я наряжу вас в красивую одежду, и мы отлично заживём. Я вам нравлюсь хоть немного?

— Так точно, вы очень милы, но всё же, я думаю, вы говорите глупости.

— Перестаньте думать хоть ненадолго. Если всё время думать, добра не будет. Вы слишком много думали. Посмотрите, у вас весь лоб в морщинках. Я разглажу их все. Я сделаю вас счастливой на всё то время, что мы сможем урвать у жизни. Красные уже недалеко отсюда, и перспективы весьма печальны.

— И что же вы собираетесь делать, доктор?

— Мы с вами вместе собираемся выпить ещё вина, хорошо поужинать, перестать говорить о войнах и революциях и забыться.

Он довольно рассмеялся и казался совершенно беззаботным. Он выглядел так, будто всё, что меня заботило, было неважным или не стоящим беспокойства. Вино было очень приятным, таким же своенравным и дразнящим, как и сам доктор, и невольно я забыла обо всех грядущих трудностях. Зачем ждать чего-то и волноваться заранее? Я выпила ещё вина и подошла к окну. Доктор видел, что у меня изменилось настроение, и оставил меня в покое, а я смотрела на окружавший нас лес. Почему бы мне не быть настоящим солдатом и жить, ничего не боясь и не запрещая себе что-то чувствовать. Волнения гражданской жизни действительно отвратительны. Они бесконечно разрастаются и в конце концов полностью овладевают сознанием человека. Я решила больше ни о чём не волноваться.

Я запрыгнула на подоконник и свесила ноги, а доктор сидел в кресле и улыбался, довольный происходящим. Он мне нравился. Он не был таким ворчливым, как полковник Седов, или слишком добрым, как капитан Андрей, или таким нервным, как полковник Фёдоров, таким жалким, как поручик. Он действительно правильно смотрел на жизнь. Он правильно оценил ситуацию и сделал лучший выбор. У него был шикарный дом и отличное положение в обществе; ему даже надоело быть избалованным! Мне хотелось быть такой, как он. На доктора было так приятно смотреть, у него была весёлая улыбка, и он казался счастливым человеком. Да, я хотела быть такой, как он, но как?..

— Доктор, вам легко воспринимать всё в жизни как шутку. У вас хороший дом, хорошее положение в обществе, и вы можете делать, что хотите.

— Этот красивый дом может быть вашим. Вы не можете занять моё место в обществе, но вы можете получить меня. Хотите?

— Звучит очень заманчиво. Подождите, пока я вернусь из Японии, и мы решим.

— Опять ждать, ждать, ждать! Зачем ждать? Я уже говорил, что ваш корабль может утонуть, или меня могут расстрелять вон у той стены. Не глупите! Вон звучит колокол, время ужина. Поторопитесь, я очень голоден. Хотите, я включу граммофон? У меня есть несколько новых пластинок с записями из «Гейши». Эта мелодия сразу запоминается.

Он пошёл открыть дверь денщику, который принёс ужин.

Новые записи из «Гейши»! Интересно, чем занимается капитан Андрей, подумала я. Почему он не хочет навещать меня и приглашать в город каждый день? Этот доктор просто развлекается со мной, и всё. Зачем я здесь, ведь это может плохо закончиться. Я слезла с подоконника и уже хотела взять шапку и убежать в госпиталь, но тут доктор вошёл в комнату и зажёг свет.

— Что случилось? Почему вы помрачнели? Ну и ну, вы словно взбесились! У нас сегодня заяц на ужин. Я уверен, вы никогда не ужинали зайцем. Мой денщик готовит их по-московски, с уксусом и сметаной, это очень вкусно. Я уверен, что уж заяц-то вас порадует, раз мне это не удалось. Готов поспорить, что вы опять собирались сбежать, а я как раз сказал вашей медсестре, чтобы о вас не беспокоились. Ну, невозможная, теперь улыбнитесь, пожалуйста, ещё раз.

Ему невозможно было сопротивляться. Я опять невольно развеселилась, мне стало хорошо. Как ни странно, мои мысли были теперь только о зайце, а все прочие вопросы куда-то ушли. Я никогда не ела зайца. Я ела медведей, лис, лошадей, а вот зайца — никогда. Мне было интересно, каков он на вкус, и я была голодна, потому что обедала в спешке, и тот обед был отвратителен. Два денщика накрыли стол белой льняной скатертью и разложили столовое серебро; оно отражалось в поверхностях резной мебели из чёрного дерева. Большие чёрные ширмы за нашей спиной были инкрустированы птицами, деревьями и цветами из перламутра. Доктор отпустил своих денщиков до утра, беспечно пожелав им доброй ночи. Он радовался, как ребёнок радуется новой игрушке.

— Хотите, я буду вашим денщиком?

— Зачем, доктор?

— Ну вот, всё время «зачем, доктор», да «зачем, доктор». Кажется, я совсем не нравлюсь вам как мужчина.

— О, пожалуйста, я не говорила этого.

— Правда? Вы серьёзно? Ура, ура, ура! Так можно я тогда буду вашим денщиком? Вот суп из устриц по-американски. Я уверен, что раньше вы такого не пробовали. У него очень необычный аромат. А теперь нам нужно выпить много вина, прежде чем мы приступим к зайцу.

Доктор нравился мне всё больше и больше. Он вскакивал, чтобы подать новое блюдо или убрать тарелки, и подходил налить мне вина. Он ловко подавал горячие блюда, а потом возвращался на своё место, чтобы насладиться вкусной едой. Он совсем не был похож на доктора. Ему очень шла белая форма, она подчёркивала безупречные черты загорелого лица и волну чёрных шелковистых волос.

Когда мы закончили ужин, он проводил меня в гостиную, закрыл дверь на веранду и принёс кофе и ликёры. Доктор шутливо подтолкнул меня на диван, а я весело рассмеялась.

— Если посмотреть повнимательней, вы очень красивы. Чем свободнее вы себя чувствуете, тем привлекательней будете. Вот, попробуйте этот итальянский ликёр. Я приготовил этот кофе специально для вас. Нравится? Ради вас я стану великим поваром. Держу пари, вы даже не умеете сварить яйцо. А вот я — я умею! Я сделаю для вас так много приятного. Подойдите сюда.

— Я не люблю яйца.

— Вы очень забавный экземпляр. Даже хорошая еда и вино не могут заставить вас разговориться. Вам бы надо жить среди эскимосов. У них в алфавите шесть букв, а весь словарный запас — из сорока слов. Они не тратят их зря и говорят только в самых исключительных случаях. Выньте руку из этой перевязи. Опустите её, насколько можете. Вы хоть понимаете, что я избавил вас от того, чтобы поставить руку на растяжку? Если бы не я, вы сейчас мучились бы от боли, а не наслаждались здесь хорошей едой и вином. Вы мне благодарны?

— Конечно, доктор, очень благодарна. Должна признать, что я так боялась этой растяжки. А вы не могли бы снять с растяжки ногу полковника Фёдорова?

— Глупая, бестолковая, невозможная! Когда вы прекратите заниматься благотворительностью? Пожалуй, я лучше положу вас в растяжки, а не отправлю в Японию. Может, это послужит вам уроком.

— Доктор, вы так добры, но при этом так бессердечны. Я не понимаю вас.

— Не пытайтесь понять. Чем меньше вы думаете, тем лучше выглядите; а вам это нужно. У вас ужасно суровое выражение лица. Подойдите сюда, прошу вас.

— Да, доктор.

— Мне придётся вас отшлёпать, если будете и дальше вести себя, как глупый солдат. Оставьте ваши «так точно» и «никак нет». Зовите меня Николай. Вам нравится моё имя? Можете звать меня Ники, если хотите.

— Доктор, боюсь, вы не сможете так быстро меня завоевать. Я просто не могу вести себя иначе. Я бы хотела, но, похоже, это невозможно. Пожалуйста, позвольте мне уйти. Я поеду в Японию и буду очень вам благодарна за то, что вы меня туда послали. Я надеюсь, что мой корабль не затонет, а вас здесь не расстреляют красные. Вы действительно необыкновенно милы, но мне здесь не место. Я должна вернуться к моим искалеченным товарищам и разделить с ними их судьбу.

— Мне и вправду хочется положить вас в растяжку, а не посылать в Японию. Я действительно не нравлюсь вам, это точно?

— Доктор, вы что хотите от меня услышать?

— Ответ на мой вопрос.

— Вы мне очень нравитесь, и я буду вам признательна, если вы сейчас меня отпустите и не поставите мою руку на растяжку, а позволите мне поехать в Японию.

— Вы многого хотите. Почему бы не быть благодарной?

— Я благодарна вам, доктор.

— Тогда останьтесь здесь на ночь.

— О, чёрт вас возьми, вы — как все мужчины! Езжайте сами в Японию, и надеюсь, вы там и останетесь. Мне и в России хорошо. Лучше пусть меня здесь расстреляют, чем я сгину в чужой земле. Будьте добры, передайте мне мою шапку!

Злая и возмущённая, я пошла на веранду за своей шапкой. Когда я вернулась оттуда и уже совсем собралась уходить, он вскочил, обнял меня за плечи и проводил до двери. Потом ущипнул меня за щёку и сказал в своей обычной беззаботной манере:

— Ты глупая гусыня, моя дорогая. Я многое для тебя сделал бы, ты мне нравишься. Если передумаешь, возвращайся.

Он потрепал меня по плечу и закрыл за мной дверь.

Доктор совсем не выглядел разозлённым, раздражённым или что-то в этом роде. Он принял всё, как должное; его ничего не трогало. Что

за удивительная манера! Я тоже хотела бы быть такой. Несмотря на его поведение, этот тип мне нравился. Идя через лес, я остыла и уже не чувствовала себя такой обиженной, как у доктора в доме. Передо мной начала открываться реальная жизнь. Мне ещё многое предстояло узнать.

Но всё уже не казалось совсем безнадёжным. Совсем напротив…

Глава 14

В палате все офицеры уже легли, и по напряжению, которое висело в воздухе, я поняла, что опять впала в немилость. Я сразу пошла к кровати, сознательно забыв их поприветствовать. Молчание угнетало, но меня нисколько не волновало их мнение обо мне. Мне так многое нужно было обдумать относительно себя… Зачем ворчать и ходить с мрачным видом, как полковник Седов? Этот доктор, конечно же, вёл себя фривольно, но всё же он был очень славным и не вызывал у меня такого отвращения, как полковник Седов. Я села в постели, весело улыбнулась полковнику Фёдорову и сказала:

— Я гуляла в лесу, ваше высокоблагородие. Как ни тяжела сейчас наша жизнь, природа по-прежнему прекрасна. Почему люди не могут учиться у природы и жить, оставаясь красивыми?

— Это тонкая мысль, доброволица. Вы молоды. Попробуйте запомнить то, что вы сегодня увидели в лесу, это очень поможет вам в жизни.

— А чему ещё вы научились в лесу, доброволица?

— Только этому, полковник Седов. Я хочу быть доброй к людям и весёлой, несмотря на все горести.

— Кого-то мне эти ваши слова напоминают…

— Надеюсь, этот кто-то — хороший человек.

Полковник Седов не нашёл, что ответить. Возможно, ему надоело говорить гадости, а может, он не решался назвать имя одного из докторов госпиталя. Неужели он узнал, где именно я была в этот вечер? Если он был здесь, когда принесли ужин, то мог заметить, что меня нет в палате, и навести справки. Ну и пусть! Я рывком опустила ноги на пол, подошла к кровати поручика и спросила, понравился ли ему ужин. Потом вернулась, опять легла в постель и молча глядела перед собой, пока не явилась медицинская сестра и не выключила свет. Я была рада, что она наконец пришла, и в палате не успели начаться неприятные разговоры.

Проснувшись на следующее утро, я услышала голоса полковников Седова и Фёдорова. Полковник Седов опять мерил палату шагами; казалось, он сидит верхом и держит в руке хлыст. Я протёрла глаза и громко зевнула, давая ему понять, что я уже не сплю, на тот случай, если речь шла обо мне. Он обернулся, посмотрел через плечо на меня так, словно это была кошка, свернувшаяся клубком в чьей-то постели, и снова зашагал туда-сюда. Полковник Фёдоров засмеялся, и даже поручик улыбнулся. Я поняла, что полковник Седов действительно говорил обо мне, и решила сыграть свою игру. Я выпрыгнула из постели, накинула халат так, как это делал полковник Седов, и пошла умываться. Я смочила волосы, зачесала их на бок так, чтобы они легли кокетливой волной, и долго тёрла щёки полотенцем, пока на них не заиграл яркий румянец. На полке в коридоре я нашла две обгорелые спички и подвела ими брови; потом долго кусала губы, пока они не стали ярко-красными, и вернулась в палату. Я держалась не менее самоуверенно, чем мой противник. Полковник Седов в это время как раз шёл мне навстречу и остановился в изумлении. Я повернулась к поручику, подошла и села на краешек его кровати. Он тоже выглядел удивлённым.

— Господин поручик, правда ведь, вам не терпится узнать, едем ли мы в Японию, и как скоро?

— Мы слышали, что вы уедете первой, доброволица, — ответил он ровным голосом. Для меня это было потрясением. Откуда они могли знать? Мои щеки запылали ещё ярче. Запинаясь, я спросила, откуда он это узнал.

Полковник Седов широко улыбнулся и сказал, как бы про себя:

— Леса нам рассказали.

Грязная собака! Откуда он всё обо мне знает? Я вернулась в туалетную комнату, смыла сажу с бровей и плеснула на лицо холодной воды, но от этого оно стало лишь ещё более красным. Мне не хотелось возвращаться в палату, и я пошла искать медицинскую сестру, чтобы спросить про мою одежду. Когда я нашла полную медсестру, она выглядела очень весёлой и похлопала меня по спине.

— Я слышала, вы скоро нас покинете.

— Что именно вы слышали, медсестра?

— Разве вы не знаете, что через пару дней поедете в Японию?

— Как вы об этом узнали?

— Американский доктор прислал ваши документы.

— Правда? А что ещё вы слышали?

— Нет, больше ничего. Только то, что вы уезжаете.

Я была очень рада это услышать. Возможно, и полковник Седов узнал обо всём таким же образом. Я горячо поблагодарила медсестру и побежала обратно в палату.

В это время вошла медсестра Сидорова и позвала меня с собой.

— Идёмте со мной, одевайтесь скорее, капитан А. прислал за вами экипаж. Вы, наверно, вместе пообедаете.

Она выдала мне одежду, а по пути в туалетную комнату я опять подобрала несколько обгоревших спичек и подвела брови. Я оделась, и медсестра Сидорова проводила меня до двери. Проходя мимо палаты, я попрощалась с офицерами. В ответ мне помахал только полковник Фёдоров.

Меня ждал экипаж, запряжённый двумя отличными лошадьми. Я помахала на прощанье медсестре и забралась в него. На этот раз дорога через Гнилой угол уже не казалась бесконечной. Вскоре мы выехали на мостовую, и копыта лошадей с грохотом застучали по брусчатке. Извозчику, видимо, было велено привезти меня к кафе «Золотой рог»; когда мы туда подъехали, капитан Андрей был уже там. Он встал и вышел мне навстречу.

— Доброе утро. Вы прекрасно выглядите. За эти два дня вы очень изменились.

— Как я изменилась, капитан?

— Вы сегодня ужасно красивая, и у вас уже не такое трагическое выражение лица. Вам нужно всегда быть счастливой. Это делает вас красивой.

— Капитан Андрей, послезавтра я уезжаю в Японию. Может, поэтому я выгляжу по-другому. Я очень волнуюсь, мне немного страшно, но я хочу туда поехать.

— Вы правда уезжаете?

— Так точно.

— Может, это и к лучшему.

— Американский доктор отправляет меня туда.

— Почему же медсестра Сидорова не сказала мне об этом по телефону?

— А что, она должна вам обо всём сообщать?

— Она обещала подробно рассказывать мне обо всём, что происходит с вами в госпитале.

— О, капитан, я надеюсь, она не делает этого. Мне это совсем не нравится.

— Наверно, она не стала сообщать мне печальные новости. Когда вы уезжаете?

— Мне сказали… медсестра из банного отделения сказала, что я уеду через два дня.

— Это не похоже на официальное уведомление. Я позвоню медицинской сестре Сидоровой и спрошу её.

Капитан Андрей встал из-за стола и подошёл к телефону. Вскоре он вернулся; он выглядел немного опечаленным.

— Да, дорогая, вы едете в четверг. Давайте покончим с обедом и поедем в оперетту. По крайней мере, у вас будет чем вспомнить меня в вашей поездке.

Я была рада пойти в театр. Всё происходящее на сцене в этот раз казалось мне более реальным, теперь это был не совсем волшебный сон. Я смотрела на статую, когда та запела, и уже понимала слова. Второй акт был таким смешным; я смеялась, пока слёзы не потекли у меня ручьём. Последний акт был очень музыкален, там танцевали; конец был счастливым. Я взяла руку капитана Андрея и крепко пожала в благодарность за то огромное удовольствие, которое он мне доставил. Потом мы вернулись в «Золотой рог» и выпили чаю. Он спросил, не хочу ли я поехать покататься за город; мы сели в тот самый экипаж, который привёз меня из госпиталя. Проехав по тем же холмистым улочкам, мы вскоре выехали из Владивостока. Капитан Андрей почти ничего не говорил. Он пересел и теперь сидел напротив меня; затем он достал письмо из внутреннего кармана и сказал:

— Вы слишком скоро уезжаете в Японию. Мне нужно вас кое о чём попросить. Я хотел подождать, пока вы узнаете меня получше, но, кажется, у меня нет времени.

Он взял мою руку в свои и посмотрел мне прямо в глаза. Я опустила взгляд, потому что отлично знала, о чём он хочет меня просить. Как я могла выйти из этого положения, оставшись друзьями с капитаном Андреем? Если бы я сейчас вышла за него замуж, наш доктор и полковник Седов умерли бы со смеху.

— У меня, моя дорогая, есть горячо любимые мать и отец. Я купил им небольшую ферму недалеко от Праги. Вот, это письмо от моей матери. Я хочу вам его прочитать. «Наша маленькая ферма начинает процветать. На прошлой неделе отец покрасил забор в зелёный цвет. Две курицы принесли каждая по восемь цыплят, а к Рождеству у нас, возможно, будут несколько поросят и телёнок». Как видите, там, в Чехословакии, у меня есть очень славный домик и горячо любимые родители. Я хочу остаться в армии ещё на два года, чтобы получить звание полковника. После этого я смогу выйти в отставку и получать хорошую пенсию, чтобы содержать эту ферму. Когда вы уедете в Япо-

нию, я постараюсь получить направление туда в нашу миссию, и мы сможем часто видеться.

Капитан Андрей говорил так искренне, что мне нечего было ответить. Он опять сел рядом со мной, и мы молча доехали до деревни, где по склонам холмов среди деревьев гнездились белые домики, смотревшиеся очень гостеприимно.

— Это станция «Океанская», самый красивый уголок под Владивостоком. Многие старшие офицеры и богатые купцы сдают сейчас свои дачи офицерам иностранных армий. Сюда приезжают красивые русские дамы, и каждый вечер играет оркестр. Множество молодых людей катаются на роликовых коньках, а ещё здесь есть потрясающий танцевальный зал.

Я с волнением высматривала ту церковь, которая занимала столь важное место в жизни Владивостока. Мы подъехали к станции, капитан Андрей велел извозчику ждать, и мы пошли гулять. Фонари ещё не зажглись, и в спускающихся сумерках это место казалось очень красивым. Вскоре мы подошли к небольшой деревянной церкви, увитой плющом. Плющ заплёл весь вход, словно не позволяя никому туда войти.

— Это очень известная церковь. Все русские девушки непременно хотят венчаться именно здесь. Но они не регистрируют браки в военных миссиях своих мужей, и потом женихи многих бросают. Ты веришь в венчание в церкви?

— Я не знала, что можно ещё как-то пожениться, кроме как в церкви, — ответила я.

— Русские церкви есть во всех странах. В Японии в Токио тоже есть красивый храм.

— Неужели, капитан?

— Давайте немного посидим здесь на скамейке. Отсюда видна вся деревня. Вон приближается поезд из Владивостока; смотрите, как много народу выходит. Через час здесь будет столпотворение. Мне очень грустно, что вы опять меня покидаете, но это ненадолго, и вы будете в безопасной, красивой маленькой стране.

— А Япония красива, капитан?

— Я никогда не был в Японии, однако слышал, что это очень живописная страна. Жаль, что мы не можем поехать туда вместе. Я хотел бы дать вам немного денег, чтобы вы смогли сменить эту одежду на дамское платье, но наше жалование идёт в чешский государственный банк. Мы получаем форму и довольствие, но очень мало наличных денег. Если я трачу какие-то деньги, то выставляю счёт нашему пред-

ставительству, хотя я надеюсь, что мне удастся кое о чём договориться здесь с нашим представителем, прежде чем я поеду в Японию. Как здорово будет, когда мы вместе будем покупать там одежду для вас.

— Я сама не смогу решить, что купить, капитан Андрей.

— Я вам помогу, но всё должно быть из шёлка. Вы же знаете, что шёлк делают в Японии, и там можно найти самый лучший. Пойдёмте на площадь, посмотрим на прощание на людскую толпу.

Капитан Андрей хорошо знал это место. Вскоре мы уже были на перроне, где этим тёплым вечером прогуливалось много народу. Почти все дамы были в белых платьях, а все мужчины в форме. Слышалась французская и немецкая речь; говорили и на многих других языках. Позвякивание шпор вносило серебряные нотки в весёлый смех гуляющих. Капитан Андрей глянул на часы.

— Пожалуй, нам пора. Уже больше восьми вечера, а нам ещё далеко ехать. Я бы хотел, чтобы вы послушали оркестр, но они, я думаю, начнут только в девять.

Я хотела попросить задержаться ещё немного, но при мысли о том, что я опоздаю в госпиталь, и о том, сколь неприятные замечания будет отпускать полковник Седов, я передумала. Я старалась не отставать от капитана, когда мы шли туда, где ждал экипаж. Океанская была красивым местом. Почему люди всегда недовольны теми местами, где они живут? Почему дело доходит до того, что они стремятся выйти замуж за иностранцев и отправиться в неизвестное будущее? Мы ехали молча; каждый был занят своими мыслями. Наконец мы въехали во Владивосток и, стуча по брусчатке Светланской улицы, проехали мимо кафе «Золотой рог», как всегда ярко освещённого и полного людей. Мы миновали театр, собор и поехали дальше по грязным ухабистым колеям Гнилого угла. Капитан Андрей обнял меня и наклонился, чтобы заглянуть мне в глаза.

— Ты хочешь увидеть меня завтра или будешь слишком занята перед отъездом?

— Не знаю, капитан. Но я хотела бы попрощаться с вами.

— Возможно, у тебя не будет времени, и тебя будут окружать другие люди. Но я приду к пароходу? Нет, это было бы слишком сентиментально. Мы увидимся в Японии — тебя будет очень просто найти там. Я надеюсь, твою руку вылечат, и когда я приеду, ты будешь отдохнувшей и счастливой. Но ты же не забудешь меня, правда?

— Капитан Андрей, разве это возможно?

Экипаж остановился у госпиталя. Капитан Андрей помог мне выйти и дошёл со мной до леса. Он снял фуражку и поцеловал мою

руку на прощанье. Мне хотелось поцеловать его, но я слегка смущалась. Тогда он обнял меня, поцеловал в обе щеки, быстро повернулся и пошёл вниз по склону. А я даже не успела сказать, как он мне нравится.

Я сразу пошла в регистратуру. Сестра Лиза ждала с нетерпением; она сразу же передала мне записку. Я, волнуясь, открыла её и прочла: «Глупая гусыня, не хочешь ли поужинать со мной и выпить ещё немного хорошего вина? Н».

Я посмотрела на медсестру, которая с улыбкой наблюдала за мной.

— Когда вы получили эту записку, сестра?

— Примерно час назад.

— Кто принёс её сюда?

— Денщик нашего доктора.

Значит, она знала, от кого записка. Что она об этом подумала? Я хотела задать ей кучу вопросов, но не знала, кому она их потом перескажет, поэтому продолжила раздеваться.

— Почему вы не идёте туда, доброволица?

— Уже скоро десять, сестра.

— Вы можете не волноваться о времени, если идёте к доктору. Вам очень повезло, вы ему нравитесь. К нему ходят всего лишь пять дам. С нами, сёстрами, он никогда и не разговаривает. Знаете, его отец — знаменитый врач императорского кирасирского полка[304]. Доктор Иванов — большой человек. Я вам советую пойти.

— Нет, сестра, я слишком устала.

— Денщик просил, чтобы я дала ему знать, когда вы вернётесь.

— Скажите, что я вернулась в пять утра.

— Я не могу этого сделать, меня уволят.

— Тогда говорите, что хотите. Через два дня я уезжаю в Японию, и я больше никого не хочу видеть.

— Именно поэтому вам следует пойти к доктору. Он всё для вас устроил, и вы должны быть ему благодарны.

— Это не он устроил, медсестра. У меня было письмо в американский Красный Крест от самого адмирала Колчака, вот почему меня посылают в Японию. Если бы доктор мог, он, скорее всего, оставил бы меня здесь.

— Он и сейчас легко может это сделать.

---

[304] Лейб-гвардии кирасирский Его Величества полк — один из старейших полков русской гвардии. История его восходит к Драгунскому князя Григория Волконского полку, сформированному в 1702 году.

— Ну, пусть попробует. Доброй ночи, сестра.

Я в ярости пошла к себе в палату. Может, следовало бы пойти к врачу и высказать ему в лицо всё, что я об этом думаю?

— Добрый вечер, господа.

— Добрый вечер, доброволица.

— Добрый вечер, доброволица. Позвольте поздравить вас с тем, как вы быстро и ловко всё устроили.

— Что именно я устроила, полковник Седов?

— Вы ведь через два дня едите в Японию, не так ли?

— Мне ничего не пришлось для этого устраивать, ваше высокоблагородие.

— Конечно же, нет. Врач всё устроил.

Меня душили слёзы ярости. Почему он так несправедлив ко мне? Я посмотрела на полковника Фёдорова и хотела было рассказать ему о письме адмирала Колчака, но вместо того забралась в кровать и с головой укрылась одеялом. Горькие слёзы лились у меня по лицу и сбегали за уши. Я не могла перестать рыдать, не могла сдержать слезы. Мне казалось, что я задыхаюсь под одеялом, но я повернулась набок, положила подушку на голову и вскоре заснула.

Оставшиеся тридцать шесть часов были кошмаром. Поручик то ли был огорчён тем, что мне так повезло, то ли мучился от сильных болей, но он не сказал ни слова. Полковник Фёдоров меня игнорировал, сосредоточив всё своё внимание на расчёсывании бороды. Полковник Седов метался по палате в своём нелепом халате, время от времени бросая мне через плечо какие-то саркастические замечания. Медицинские сёстры хихикали и поддразнивали меня; я боялась, что доктор Иванов может в любую минуту отменить подготовку к моей отправке в Японию.

Я страстно мечтала, чтобы время ожидания шло побыстрее. Почему все относились ко мне так по-скотски? Они что, считают, что я в чём-то виновата? Почему они так плохо думают обо мне? Почему сестра Лиза не сказала им, что я не пошла к доктору Иванову? Ей следовало бы это сделать. Я пошла в умывальную комнату и долго-долго не выходила оттуда. Мне хотелось пробыть там целый день и вообще не возвращаться в палату, где со мной никто не хотел разговаривать. Однако в конце концов я всё же туда вернулась и увидела, что медсестра Сидорова сидит на моей кровати.

— Доброе утро, медсестра.

— Доброе утро, дорогая. У нас небольшие проблемы с вашими документами.

— В чём проблемы, медсестра? — спросила я взволнованно. Я подумала, что это доктор пытается помешать моей поездке.

— Японское консульство вернуло ваши документы. Вы ещё несовершеннолетняя и не можете ехать без сопровождающего[305].

— О, как жаль. Может быть, кто-то другой сможет поехать вместо меня, медсестра.

Полковник Седов с удивлением посмотрел на меня, встал с кровати, надел халат и подошёл к медицинской сестре.

— Медсестра, позвольте мне посмотреть её документы.

— Они в канцелярии, полковник.

— Давайте пойдём и посмотрим. Пойдёмте, доброволица.

— Есть!

Я послушно пошла за полковником и медицинской сестрой. В канцелярии на столе у медсестры лежали мои документы об увольнении из армии. Она указала на них и печально глянула на меня. Полковник Седов оглянулся по сторонам, убедился, что никого постороннего нет, и посмотрел на бумаги, беспорядочно лежавшие перед ним. Затем взял в руки чернильницу и опрокинул её на мои документы.

— Полковник Седов, что вы наделали? — воскликнула Сидорова.

— Пролил чернила на документы. Вы уже доложили доктору о случившемся?

— Ещё нет. Он не приходит раньше полудня.

— Значит, вы извинитесь перед врачом за то, что пролили чернила, и подготовите новые документы на выписку. А в графе «возраст» укажете то, что им надо — девятнадцать лет[306].

---

[305] В 1876 году в Японии возраст совершеннолетия был установлен — 20 лет. Только в 2018 году он был снижен до 18 лет.

[306] Так в тексте. Судя по содержанию обеих книг автора («Казачка» и «Россия, прощай»), данный эпизод относится к 1919-му году, и героине в этот момент как раз 19 лет. В то же время, как уже было отмечено выше, возрастом совершеннолетия в Японии на тот момент считалось 20 лет. Таким образом, для снятия проблемы с выездом следовало бы переделать документы так, чтобы возраст героини был 20 лет, а не 19.

В книге «Казачка» приводится фотокопия «Свидетельства о болезни», выписанного на имя «добровольца-шоффёра Команды особого назначения генерала Каппеля Марины Максимилиановны Юрловой» в 1-м Владивостокском крепостном временном госпитале. (См. стр. 11 настоящего издания. Об упомянутом госпитале — см. сноску 7 на стр. 10 настоящего издания.) В тексте «Свидетельства» указано, что Юрловой 19 лет от роду.

Медсестра Сидорова взяла новый бланк и заполнила его. Полковник Седов проверил документ, посмотрел на часы и велел медсестре самой сходить домой к доктору, чтобы тот всё подписал, и чтобы всё было готово для моей отправки в тот же день.

Медицинская сестра послушно сделала то, что ей было велено. Я не могла понять, почему полковник Седов вдруг так изменился и помог мне с документами. Сделал ли он это назло врачу, или чтобы избавиться от меня? Я не знала, как к этому относиться, просто повернулась и пошла в палату. Полковник Фёдоров и поручик со мной не разговаривали. Поверили ли они в то, что сказал полковник Седов? Если да, то я была рада, что они молчат. Я лежала в постели, несчастная и печальная, и старалась заснуть. Вскоре после обеда медсестра Сидорова подошла к двери и знаком позвала меня подойти. В коридоре она обняла меня за талию и радостно подпрыгнула; она была очень рада, словно не я, а она ехала в Японию.

— Всё готово. Вы едете ровно в три часа. Скорее, оденьтесь понарядней. Ни на кого не обращайте внимания, им просто жаль, что не они туда едут, всем, даже доктору, — и она от всей души обняла меня.

Я не могла поверить, что еду. Руки тряслись, и я с трудом смогла натянуть сапоги. Медсестра Сидорова всё ещё суетилась вокруг меня.

— Почему так долго? Давайте я вам помогу. Вы неправильно застегнули рубашку. Не нужно так спешить; у входа вас ждёт экипаж, он отвезёт вас на пристань, так что вам не придётся идти через Гнилой угол пешком.

Я подумала о капитане Андрее и от всей души пожелала, чтобы я смогла ещё раз с ним встретиться. Мне не хотелось видеть доктора, и я очень жалела, что придётся увидеть полковника Седова. Я вернулась в палату попрощаться с офицерами. Они были очень любезны и пожелали мне удачи. Я была рада, что ухожу из этой палаты, хотя поначалу мне было здесь очень хорошо. На веранде меня ждали медсестра Сидорова и сестра Лиза. Обе расцеловали меня; у сестры Лизы на глазах были слёзы. Я попросила проводить меня до экипажа, и они с радостью согласились. Мне было спокойнее пройти мимо дома доктора вместе с ними! Потом я ещё раз поцеловала их, и извозчик тронулся с места.

Миновав этот серый, грязный, отвратительно-огромный Гнилой угол, я обернулась и послала ему воздушный поцелуй. Я была благодарна за то, что он не поглотил меня в ту первую ночь, и за то, что сейчас он так великодушно меня отпускает. Вскоре мы подъехали к причалу. Пароход казался гигантским, толпы народа ходили туда-сюда. Там

были и женщины, и мужчины, последние преимущественно в военной форме. Неподалёку от корабля стояла большая группа людей; они пели, а в руках у них были букеты цветов. Всё это напоминало мне похороны какого-то важного генерала, но нет, оказалось, что это свадьба!

Глава 15

Я поднялась на борт судна и огляделась. Потом оглянулась назад и посмотрела на толпу, собравшуюся внизу. Возможно, в ней был капитан Андрей… Но как я ни напрягала глаза, я не увидела там никого знакомого.

Ко мне подошёл американский офицер и на чистом русском языке попросил показать документы. Я была удивлена тем, что американец так хорошо говорит по-русски, но он сказал, что русский по происхождению. Офицер попросил разрешения сфотографировать меня на борту судна, и это фото потом публиковали многие газеты[307]. Спустя несколько лет я была приглашена танцевать на одном благотворительном мероприятии. Президент этой благотворительной организации пригласил меня в гости, и в разговоре с ним я узнала, что он был именно тем офицером, который проверял мои документы во Владивостоке!

Раздался гудок. Люди внизу пели и кричали; звуки оркестра, игравшего на борту, делали всю эту сцену живой и весёлой.

Издали Владивосток смотрелся очень неплохо. Он простирался на много вёрст вдоль залива, извиваясь меж окружающих его холмов. Торжественно и твёрдо возвышался кафедральный собор[308], а золотой крест на его куполе напоминал о попечении Всевышнего над людьми и землёй.

Волны уносили наше судно всё дальше и дальше. На берегу оно казалось таким большим, а сейчас его крутило в воде, как щепку.

Я бродила по кораблю, стараясь сохранять равновесие и ежеминутно останавливаясь, чтобы полюбоваться прекрасными букетами, украшавшими окна каждой каюты. Всё вокруг действительно напоминало цветущий сад.

---

[307] См. в настоящем издании.

[308] Судя по карте, героиня при отплытии должна была видеть собор Успения Пресвятой Богородицы, находившийся на углу Светланской и Успенской улиц.

Автор перед отплытием в Японию.
Из книги «Cossack Girl»

Почтовая карточка первой четверти XX в.

Навстречу шёл господин в сером костюме. Он приподнял шляпу и обратился ко мне, забавно коверкая русский язык.

— Цветы очень красивы, мадмуазель.

— О да, сударь.

— Позволит ли мне мадмуазель послать цветы в вашу каюту?

— О, благодарю вас.

— Где ваша каюта?

— Не знаю, сударь, но вот мои бумаги. Возможно, там указано.

Я поспешно достала свои документы и трясущимися руками попыталась их открыть. Бумаги чуть не сдуло ветром, и господин в сером помог мне удержать их. Он улыбнулся, показав ряд блестящих белых зубов под чёрными усами.

— Не беспокойтесь, мадмуазель, я это без труда выясню. Вы уже бывали в Японии?

— Нет, сударь.

— Это красивая страна, она вам сразу понравится, — и он начал рассказывать мне о красотах Японии. Тут я поняла, что мне не следовало показывать ему документы и вообще не следовало с ним говорить. Вся одежда на нём была серой — ботинки, шляпа, перчатки, галстук, костюм; только рубашка была слишком белой и выбивалась по цвету из общей цветовой гаммы. Глаза были слишком большими, слишком чёрными и слишком пронзительными, похожие на коровьи. Волосы были слишком аккуратно пострижены и слишком ярко блестели. Белую пухлую руку украшал большой перстень; в этот момент он как раз говорил мне, что он француз из Аргентины. Где это? Я не знала. Его жена была русской родом «из Санкт-Петрограда». Из Санкт-Петрограда![309] Фи! Я подумала, что она, видимо была из тех дур, которые первыми вышли замуж за иностранцев. Где она теперь? Где эта Аргентина? Нет, сказала я себе, я никогда не выйду замуж за иностранца. Никогда не узнаешь, куда тебя потом занесёт.

— Возможно, мадмуазель желает уйти. Я надеюсь, что буду иметь удовольствие видеть вас немного позднее. Доброго вам дня!

Он поднял шляпу, повесил тросточку на локоть и исчез. Не зная, куда идти и что делать, я решила отправиться прямо на нос корабля и посмотреть, как он борется с волнами, которые выглядели велико-

[309] Город Санкт-Петербург (основан в 1703 году) носил название Петроград с 1914 по 1924 год. В 1924–1991 годах Ленинград, затем снова Санкт-Петербург.

ватыми для него. Спускаясь по очень узкой лестнице, я должна была изо всех сил держаться за перила, чтобы не упасть. Матросы были заняты канатами, но меня никто не остановил, и я прошла прямо вперёд.

Нос корабля взмывал высоко в небо и падал вниз в воду, подобно резиновому мячику, так стремительно, что я как будто зависала над палубой каждый раз, когда корабль погружался в море. Приходилось крепко держаться за поручни. «*Bonjour*»[310], — обратился ко мне кто-то за моей спиной. Обернувшись, я увидела трёх французских офицеров, которые весело мне улыбались. Они отдали честь, ещё раз сказав «*bonjour*»; я отдала честь в ответ и тоже дружески улыбнулась. Один из офицеров сказал мне не упасть за борт, а второй добавил ещё что-то, что я не поняла.

Мне было жаль, что я забыла французский, который учила в детстве, и не могла поддержать разговор. Но я всё же поняла, что офицеры приглашают меня остаться с ними, и с радостью согласилась. Третий офицер поднял кверху голову и запел какую-то французскую песню, мотив которой был мне очень знаком. Остальные двое пытались мне что-то рассказать, но голоса их тонули в шуме волн и пении их товарища. Наконец я поняла, что они говорят о человеке из Аргентины, и что мне с ним нужно быть осторожной. Я махнула рукой и присоединилась к громко распевавшему офицеру. Теперь он пел в очень быстром темпе, так что слышалось нечто вроде «тра-ля-ля-ля-ля».

Один из офицеров поймал мою руку, отвёл от поручней и, направив свой палец на мой нос, сказал: «*Regardez*»[311]. У него в руках был словарь, и он показал мне два слова — «белое рабство»[312]. Я не поняла, что это значит, и запела ещё громче. Офицер отложил свой словарь, шутливо хлопнул меня по руке, опять потянул меня в сторону от поручней и отчётливо сказал, чтобы я не ходила на палубу первого класса с человеком из Аргентины, но оставалась бы во втором классе, а после обеда пришла к ним в каюту играть в карты. Я махнула рукой и оглянулась, ища глазами певца, но он уже исчез.

Второй офицер поднял руку и сказал, что ему нужно идти. Я с трудом удерживала равновесие на качающейся палубе, а последний из трёх офицеров всё ещё пытался предупредить меня о какой-то

---

[310] Bonjour — добрый день (фр.).

[311] Regardez — смотрите, будьте внимательны (фр.).

[312] Имеется в виду похищение женщин для работы в публичных домах.

опасности. Я посмотрела в ревущие волны; какой неважной казалась любая опасность, в том числе и опасные люди. Я хотела сказать об этом офицеру, но когда я оглянулась, его уже не было.

День угасал, и темнота, идущая с моря, быстро затягивала небо. Я боялась оставаться там дальше; какая-нибудь волна могла дотянуться сюда и утащить меня в эту бесконечную ревущую стихию. По спине побежал холодок, я осторожно отошла от поручней и вернулась на лестницу. Там наверху стоял аргентинец, который смотрел на меня и любезно улыбался.

— С вашей стороны очень смело подойти так близко к воде. Море очень бурное, вы могли упасть за борт.

— Разве вы не бросились бы спасать меня, сударь?

— Я видел, как вы висели, крепко держась за поручни, и к тому же вы были с сопровождающими.

— Верно. Они говорили о вас, сударь.

— Правда? Позвольте спросить, что именно они говорили?

— Что я не должна идти с вами в первый класс, а вместо этого пойти с ними играть в карты после обеда.

— А я как раз всё устроил.

— Что именно?

— Я договорился, что вас переведут в первый класс. Во втором классе полно офицеров и солдат. Вы там будете едва ли не единственной женщиной. Никогда не знаешь, что может случиться с вами.

— Мне сказали, что вы опасный человек, сударь.

— Конечно же, я был прав. Они строили свои планы. Мужчины на море теряют голову.

— Что вы хотите сказать, сударь?

Он загадочно покачал головой.

— Они что угодно могут сделать, особенно на чужой земле. Вот, уже звонят к обеду. Где ваши вещи? Велите отнести их в каюту номер 11.

— У меня нет с собой багажа, сударь.

— Тогда идите в каюту и приведите себя в порядок. Встретимся в обеденном зале.

Мне казалось забавным, что взрослые люди ведут себя, как дети, и рассказывают гадости друг о друге. А ещё мне было интересно посмотреть на женщину, которая вышла замуж за аргентинца. Я пошла в одиннадцатую каюту, которая оказалась очень большой; там было много зеркал и плюшевые диваны. Интересно, каюта его избранницы была ещё лучше? Я сняла шинель и шапку, причесала волосы и пошла в обеденный зал. Господин в сером ждал меня. Он тоже был без

шляпы; я впервые в жизни видела такие роскошные иссиня-чёрные волосы, что невозможно было отвести глаза. Он спросил, куда я смотрю. Я ответила, что никогда не видела таких волос. Он, улыбаясь, провёл по ним рукой.

Обед был столь же хорош, как и тот, что я ела в «Золотом роге», но здесь было больше перемен блюд. Вокруг сидело много молодых женщин, на столах у них было много цветов. Интересно, они все были невестами?

После обеда мы вышли на палубу. Господин в сером зажёг очень ароматную сигарету. Я не курила; он сказал, что это необычно для женщины. Потом он спросил, куда я еду. Я показала свои бумаги, и он сказал, что может проводить меня почти до места. Я не могла понять, действительно ли он так опасен, и попросила рассказать о себе.

Для начала он рассказал о своей избраннице. Я с сожалением узнала, что он оставил её в России.

Потом он рассказал мне об Аргентине, и удивился, что я знаю о Северной и Южной Америке. Я сказала, что знаю об этом из школьного учебника; там они были похожи на «две свиные отбивные на другой странице рядом с Европой». Его это очень позабавило. Мы провели приятный вечер, наблюдая за тем, как корабль раскачивается на волнах вверх-вниз и со стороны на сторону. Меня клонило в сон, и я пожелала ему спокойной ночи.

Во время этого двухдневного путешествия мы главным образом ели. У нас было трёхразовое питание, а в перерывах можно было поесть бутербродов. «Невесты», как я называла молодых женщин, каждый день выходили в разных нарядах. Даже господин в сером на следующее утро вышел в голубом костюме, а ещё через день — в коричневом. Я взяла несколько обгоревших спичек и для разнообразия подвела себе брови. Всего однажды я видела на палубе под нами трёх французских офицеров. Они знаками приглашали спуститься к ним и жестикулировали, пытаясь что-то сказать, но когда ко мне подошёл господин в голубом, то они хором поприветствовали его и крикнули: «Бонжур, мадам-месье»[313]. Господин в голубом им не ответил и ничего мне не сказал.

На следующий день он вышел на палубу с биноклем и попытался показать мне Японию. Я смотрела, но не видела никакой Японии, только тёмные облака клубились вдали.

---

[313] Bonjour, madame et monsieur — добрый день, сударь и сударыня (фр.).

После обеда мы все стояли на палубе, и теперь было хорошо видно землю. На вид они ничем не отличалась от Владивостока. Все вышли из кают, вскоре у поручней стало очень тесно, и было невозможно подойти ближе, чтобы глянуть на Японию хоть одним глазком.

Первое, что сразу же бросилось мне в глаза на берегу, были красные ворота-тории[314]. Позднее я узнала, что этот священный знак ставится у входа в любой храм, в начале дороги, у въезда в город или деревню. Ворота имели очень необычную форму, а ярко-красная глянцевая краска резко выделялась на фоне грязи портовых доков и окутанных дымом железных дорог.

Корабль причалил, и на борт поднялись невысокие офицеры-японцы. Все они были ниже меня ростом, и все носили очки. Они внимательно изучили мои документы и по-русски спросили, есть ли у меня с собой деньги. Деньги у меня были, но господин, который на этот раз был в коричневом, показал им деньги, которые, как он сказал, он приготовил для меня. Меня это удивило.

На берегу стояло только одно здание. Это была таможня, а вокруг неё лежали кучи угля. Маленькие женщины с длинными корзинами на спинах таскали уголь с кораблей и на корабли. Дети, ростом не более метра, носили на спинах других детей, ещё меньше; они болтались у них за плечами, как дохлые кролики. Зрелище было жалким и непривлекательным.

«Это Цуруга»[315], — сообщил господин в коричневом и спросил, хочу ли я подняться по лестнице и посмотреть храм на вершине холма. Я сказала «да», но потом пожалела об этом, потому что холм был крутой. Храм был совсем простой, деревянный и пустой внутри. Как это непохоже на наши церкви с их позолотой и богатой росписью! Храм не произвёл на меня впечатления, и я была немного разочарована, особенно с учётом того, как высоко пришлось туда подниматься. Зато вокруг храма росли очень высокие и очень красивые ели. Мы спустились вниз и поискали ресторан, чтобы пообедать.

Цуруга — это даже не деревня. За зданием таможни было всего несколько домиков и всего один смешной на вид ресторан. После обеда мы вышли на единственную улицу, которая была освещена даже чересчур ярко. По обеим сторонам сияли витрины магазинов. Мы зашли в один; внутри полно было ненужных безделушек, деревянных коробочек, бу-

---

[314] Тории — традиционные японские ворота без створок.

[315] Цуруга — порт в Японии на северо-восточной стороне острова Хонсю. Получил статус города только в 1937 году.

мажных вееров, грубо сделанных маленьких японских кукол, парчовых сумочек и прочей ерунды. Господин в коричневом спросил, хочу ли я что-нибудь купить, но я не увидела ничего подходящего.

Он сказал, что до отхода поезда остаётся ещё около двух часов, и спросил, не хочу ли я поехать кататься. Я сказала, что очень хочу, но нам пришлось ехать отдельно, на разных рикшах, и я была разочарована, поскольку не могла с ним беседовать. Рикши бежали так легко, что не верилось, что они тащат тяжёлые повозки.

Вскоре мы отъехали от порта и по узкой дороге двинулись вглубь острова. По обе стороны росли величественные ели; нежный аромат ночи создавал пленительное ощущение. Теперь я уже была рада, что мы не можем разговаривать. Мыслями я вернулась в Гнилой угол, в госпиталь, в окружавший его лес. Я вспоминала домик доктора, самого доктора, офицеров из моей палаты, медсестёр и капитана Андрея… Я была рада, что всё это уже позади. Теперь они казались мне совсем чужими, совсем не похожими на тех людей, которых я знала до начала войны и до революции. Они были совсем другими. Сделала ли их такими революция? Или любой человек изменился бы, пройдя войну? Я была рада, что уехала. Я не хотела быть такой, как они — неуверенной, тревожной, расчётливой.

Рикши свернули, и мы выехали на берег. Видимо, это был залив, потому что море оставалось очень спокойным. Маленькие деревянные домики ютились вплотную друг к другу, словно им не хватало места. Откуда-то доносилось одинокое пение. Стук деревянных башмаков случайных прохожих казался неестественным, он отзывался эхом далеко над поверхностью воды и высоко в горах. Вскоре мы вернулись обратно на станцию, и господин в коричневом спросил, не хочу ли я поесть. Прежде чем я успела ответить, что не хочу, он уже купил у проходившего мимо торговца корзину с мандаринами. Я была удивлена, насколько эта корзина похожа на те, которые делали у нас на Кавказе, в которых мальчишки продавали виноград. Я хотела рассказать моему спутнику про Кавказ, про его прекрасные станицы и порты, но он попросил идти занимать наши купе в поезде. Потом он спросил, не хочу ли я пойти в обзорный вагон[316]. Там мы встрети-

[316] Имеется в виду вагон с большими окнами, специально предназначенный для того, чтобы пассажиры могли любоваться видами. В прошлом такие обзорные вагоны обычно ставились в конце поезда.

Иногда в торце обзорного вагона делалась небольшая открытая площадка.

ли трёх французских офицеров. Они любезно поприветствовали нас по-французски и что-то сказали господину в коричневом, который ответил им довольно резко, и разговор на этом оборвался. Прозвенел колокол, и поезд отправился из Цуруги. В обзорном вагоне было очень многолюдно; кто-то играл в карты, невесты держали большие корзины с фруктами, и все ели мандарины. Французские офицеры стояли на открытой площадке и распевали привязчивые песенки. Было очень шумно: кругом звучали громкие голоса, невесты хихикали, стучали колёса поезда. Мой спутник, видимо, решил, что я устала, и спросил, не хочу ли я пойти отдохнуть.

Наши купе были готовы, и я пробралась на своё место. Я разделась и недовольно бросилась на подушки. Почему мне всегда встречаются люди, которые указывают делать то, что, по их мнению, будет лучше для меня? Я хотела остаться там и громко петь песни с французскими офицерами. Они были такие весёлые, всё время смеялись; возможно, они и сейчас там смеются, а мне пришлось идти спать. Чтобы дать выход эмоциям, я начала бить кулаком по подушке; мне было ужасно жаль, что я луплю подушку, а не господина в коричневом, и я от души надеялась, что в скором времени наши пути разойдутся. С верхней полки свесилась рука. В первый момент я испугалась, но потом узнала пухлую белую руку господина в коричневом и услышала, как он сказал мне по-русски: «Спокойной ночи». Он искал мою ладонь своей рукой; поколебавшись, я подала ему руку. Казалось, будто это белый змей, покрытый черными волосами и пытающийся поглотить мои дрожащие пальцы. Я отдёрнула ладонь, вытерла её о простыню, помолилась Богу об избавлении всех людей от бедствий и заснула.

Утром мы сели на судно, чтобы пересечь озеро Модзи[317]. Я никогда не видела таких больших озёр. У нас дома озёра были маленькими, с одного берега виден другой, а озеро Модзи было большим, как море, и вода в нём была цвета грязного молока. Господин в коричневом объяснил, что в озере полно медуз, и если кто-то вдруг упадёт в воду, то это очень опасно, потому что медуза может ударить током, и ино-

[317] Так в тексте. Автор ошибается: она переправлялась не через озеро, а через пролив Каммон между японским островом Хонсю (где находится порт Цуруга) и островом Кюсю (где находится город Нагасаки). Модзи — это город в Японии, располагавшийся на северной оконечности острова Кюсю (с 1963 года в составе города Китакюсю). В настоящее время через пролив переброшен мост; на момент описываемых событий этого моста ещё не существовало.

гда их ожоги могут быть смертельными[318]! Я спросила, случалось ли кораблям тонуть в этом озере; и я была рада сойти на берег. Там мы сели на поезд до Нагасаки[319].

Глава 16

Нагасаки оказался очень красивым городом с большими отелями и высокими домами, которые располагались среди деревьев, покрывавших окружающие холмы. Там были большие магазины, где продавались товары хорошего качества. Предлагались резные статуэтки из слоновой кости, лаковые шкатулки, шёлковые кимоно и много других красивых вещей. Мой спутник, переодевшийся в костюм светло-светло-серого цвета, спросил, хочу ли я что-то купить, но я опять не увидела ничего полезного.

В город Унзен[320], конечную точку моего путешествия, предстояло ехать на автомобиле. Мы нашли машину, которая отправлялась ночью. Я заплатила за билет, после чего мой добрый спутник последних четырёх дней снял на прощанье шляпу и, прежде чем сесть в ожидавшего его рикшу, ещё раз продемонстрировал свои белые, как жемчуг, зубы, а потом уехал. Я посмотрела ему вслед и только тут поняла, что не поблагодарила его, и помахала вслед рукой. Он помахал в ответ своей тростью и вскоре исчез за поворотом.

Я вошла в здание вокзала, где ждало множество японцев с узлами из цветных тканей. Они очень смешно выглядели в своей чёрной одежде с длинными рукавами — женщины с непокрытыми головами, а большинство мужчин в соломенных шляпах. Все, как обычно, носили очки. У мужчин под тонкими чёрными рубахами ничего не было. Когда они поворачивались или просто шли мимо, то были видны их смуглые босые ноги, от чего я сильно смущалась.

---

[318] Рассказчик ошибается: ожоги, наносимые медузами, носят биохимическую, а не электрическую природу.

[319] Нагасаки — город в Японии на острове Кюсю. Порт Нагасаки существует на протяжении многих веков; статус города официально присвоен в 1889 году.

[320] Унзен (Ундзен) — горная местность на острове Кюсю с горячими источниками, с давних времён используемая в качестве места для отдыха. Город Ундзен появился только в 2005 году в результате слияния нескольких соседних поселений.

Ко мне подошёл круглолицый японец, снял свою соломенную шляпу, улыбнулся и поклонился в пояс. Кимоно распахнулось, и я увидела его кривые ноги. Я отвернулась от этого навязчивого типа, но он забежал вперёд, ещё раз поклонился, уставился на меня через стёкла очков, как будто они ему мешали, и на чистом русском языке назвал меня по имени. Я была поражена. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но он продолжал кланяться, твердя, что он сотрудник отеля «Унзен» и хочет позаботиться о моём багаже. Я ответила, что у меня нет багажа, после чего он ещё раз поклонился и сказал, что готов выполнить любые другие мои поручения. Я поблагодарила, и он исчез в толпе.

Всё было не так плохо! Японец говорил по-русски, и я почувствовала, что нахожусь на верном пути. Тут снова появился мой сопровождающий. Он шёл сбоку от меня, чуть впереди, указывая дорогу ладонью. Большой пассажирский автомобиль был полон японцев. Четверо или пятеро сидели на переднем сиденье рядом с водителем, четверо или пятеро — на среднем сиденье, и ещё трое, помимо нас, на заднем сиденье. Мой сопровождающий посадил меня в угол и, сев рядом, попытался оттолкнуть других, чтобы у меня было достаточно места. Вскоре мы поехали, и Нагасаки остался позади.

Дорога вела в гору, и автомобиль ехал на пониженной передаче. Ночь была очень ясной и светлой. Ели казались совсем чёрными на фоне ночного неба. Цикады громко пели в своих владениях, а светлячки освещали лес, как будто звёзды в полуночном небе.

Низкорослые люди рядом со мной, сгрудившись, занимали совсем немного места. Я чувствовала себя Дон Кихотом, сидящим верхом на гигантской пыхтящей чёрной лошади, который оказался в землях карликов и гномов. Мы поднимались всё выше и выше. Холмы превратились в высокие горы, гордо возвышавшиеся на фоне уже совсем тёмного неба.

На перевале мы остановились. Казалось, что горы были повсюду, одна выше другой. На станции, размерами не крупнее кукольного домика, ветер раскачивал японские фонарики. Тут многие вышли. Осталось совсем мало народа. Мой сопровождающий начал растирать ноги, которые, видимо, свело, пока он всё время отталкивал других пассажиров, чтобы оставить для меня больше места. Мы двинулись дальше; я мечтала, чтобы эта поездка никогда не закончилась, чтобы мы вечно ехали по этой прекрасной земле. Вскоре мы затормозили перед большим зданием, на котором была вывеска «Отель Унзен». Я зарегистрировалась, и красивая молодая японка в кимоно с цветами проводила меня в очень удобную комнату. Она вышла и вернулась

с подносом, налила мне немного чаю и заставила съесть несколько бутербродов, которые буквально запихала мне в рот. Потом она поставила поднос на пол и опустилась на колени, чтобы снять с меня сапоги. Мне было неловко. Я оттолкнула её, но девушку это не остановило. Она продолжила снимать с меня сапоги, затем сняла с меня рубашку и брюки, раскрыла постель и подтолкнула меня туда. Потом, очень сладко улыбаясь, она сказала по-японски «ёросии дэс ка». Позднее я узнала, что это означает «вот так хорошо». Кровать была огромной и необыкновенно мягкой; мне не потребовалось много времени, чтобы заснуть.

Унзен — одно из самых знаменитых мест в Японии. Оно находится высоко в горах, в окружении сосновых лесов. Повсюду бурлят живописные серные источники. Сначала я очень боялась ходить по горячей, выбрасывающей струи пара земле, но потом многие обитатели отеля приглашали меня на прогулку. Месяц, который я должна была здесь провести, промелькнул даже слишком быстро. После серных ванн и массажа я почувствовала себя полной сил и совсем здоровой. Наконец наступил печальный день, когда мне пришлось снова одеть форму и попрощаться с милыми японскими служанками, которые были так добры ко мне.

Чтобы вернуться в Нагасаки, нужно было дождаться поезда. Я прогулялась по немногим улочкам этого городка. При виде каждого белого человека я невольно вспоминала господина в сером костюме.

Но в поезде мне никто не помогал, и всю дорогу до Модзи я просидела одна, потом пересекла «медузное» озеро и села в поезд до Токио[321].

Вокзал в Токио показался мне огромным, я никогда таких не видела. Выбравшись на вокзальную площадь через один из многочисленных выходов, я просто стояла и хлопала глазами от растерянности. Бесконечный поток трамваев; мириады рикш; огромные лимузины рядом с миниатюрными людьми и их двухколёсным транспортом на людской тяге. Я шла и поражалась. Деревянные сандалии *гэта*, которые японцы носят вместо башмаков, ужасно громко стучали по бетонной мостовой. Я совсем уже растерялась, но тут подошёл японский полицейский в чёрной форме и фуражке и крепко взял меня за руку.

---

[321] Токио — столица Японии, расположенная на острове Хонсю. Основан в 1457 году как замок Эдо. Получил статус столицы вместо Киото и переименован в Токио в 1869 году.

У меня сердце ушло в пятки. Что он собирается со мной сделать? Широкая площадь представляла собой безумный круговорот спешащих куда-то людей, бегущих рикш и мчащихся автомобилей. Неподалёку стоял большой лимузин; пока я стояла и дрожала, он притормозил перед нами, и из машины вышли ещё три человека в форме. В ту минуту я подумала, что мне пришёл конец. Наверно, они повезут меня в тюрьму, и как мне с ними объясниться, чтобы выйти из этой ситуации?

Они посадили меня на заднее сидение. По обе стороны сели два офицера, а ещё двое сели впереди. Я была ужасно испугана, сердце отчаянно билось. Стараясь сдержать слёзы, я достала свои бумаги и дрожащими руками протянула их офицерам, которые сидели впереди. Я старалась заглянуть сквозь их очки и глазами сказать, что я ни в чём не виновата. Это не помогло; они даже не посмотрели на мои документы. Потом я попыталась по-русски объяснить, что я просто искала поезд, который отвезёт меня в санаторий в Тигасаки[322]. В ответ на это один из офицеров вежливо помог мне сложить документы обратно в папку, а остальные трое сидели, не двигаясь, словно часовые на посту.

От волнения у меня заболела рука. Я громко высморкалась и смахнула слёзы, которые не смогла удержать. Я опять вытащила свои документы, но второй офицер улыбнулся и знаком велел мне убрать их; я поняла, что всё это бесполезно. Я чувствовала себя несчастной, жалкой и одинокой; я жалела, что уехала из Владивостока.

Наконец автомобиль остановился у высокого деревянного забора красного цвета, с которого дожди смыли почти всю краску. Один из офицеров вышел и потянул за верёвку от колокольчика, висевшего у ворот. От ужаса у меня остановилось сердце и закружилась голова. Я прижала руки к губам, чтобы сдержать рыдания, и жалобно посмотрела на полицейского, взглядом умоляя его отпустить меня.

В дверях появился очень высокий человек в серых фланелевых штанах и расстёгнутой белой рубахе. Я услышала, как в знак приветствия он сказал полицейскому «конитива»[323]. Полицейский очень низко поклонился и что-то объяснил ему по-японски. Потом они оба подошли к машине, и белый человек заглянул внутрь с самым любезным выражением лица.

---

[322] Тигасаки — приморский курорт в Японии на острове Хонсю, в окрестностях Токио.

[323] Конитива́ — добрый день (яп.).

— Добро пожаловать к нам в дом, мадмуазель, — сказал он на чистом русском языке. Нервное напряжение дало себя знать, и я не могла пошевелиться. Три офицера помогли мне выйти; белый человек пожал им руки, видимо, поблагодарив их. Потом он взял меня за руку и повёл в ворота. За воротами был фонтан, а вокруг него крошечный цветущий садик. Оттуда мы попали в большую столовую, двери которой выходили в этот сад. Из-за стола поднялась приятная дама, которая тепло поздоровалась со мной. Она объяснила, что является президентом санатория в Тигасаки, и что полицейские позвонили ей с вокзала и рассказали обо мне, а она попросила их привезти меня к ней в дом. Я упала в кресло и истерически рассмеялась. Они подумали, что я плачу и дали мне попить воды. Эти двое были самой очаровательной парой, которая мне когда-либо встречалась; их искренняя доброта сделала моё пребывание здесь очень приятным.

Утром они отвезли меня в санаторий, который был примерно в получасе езды от Токио. Санаторий располагался в сосновом лесу. Здесь поправляли здоровье пациенты из России, Чехии и Сербии. Поприветствовать нас вышла красивая русская дама, блондинка в белом батистовом платье с ниспадающим голубым шарфом. Она была управляющей санаторием, в котором работал доктор-японец и медсёстры-японки. Её звали сестра Соня.

Все были со мной очень добры и любезны. Управляющая дала мне кимоно и отнесла мою одежду в стирку. Вечером пришла ещё одна русская медсестра; ей было интересно узнать всё обо мне, и она пригласила зайти вечером к ней домой. Дом находился в версте от санатория, в глубине леса. Я с удивлением узнала, что все они свободно говорили по-японски.

Сестра Соня была очень умна. Она поняла мои тревоги и велела мне отдыхать, пообещав, что скоро свозит меня в Токио к русскому священнику, который очень добр и обязательно даст хороший совет. Она, наверно, понимала, что беседа со священником должна придать мне надежду и вернуть мужество. Я проводила с сестрой Соней почти каждый вечер, а днём находилась в основной части санатория, где все пациенты были очень больными и очень нервными.

Холодными осенними ночами стало невозможно спать на улице, а в маленьком домике хватало места лишь для нескольких коек. Сестра Соня собралась возвращаться в Токио; похоже, что санаторий закрывался на зиму.

Пациенты из Сербии и Чехии готовились возвращаться домой. Я отправилась к президенту санатория, чтобы спросить, что мне делать.

Она погладила меня по голове и ничего не ответила. Из сада в дом вошёл её муж, большой добрый серб; он сказал, что теперь у меня есть только один выход — остаться у них в доме. Мои страхи временно улеглись.

Дожди и холодные ветра напомнили мне о приближающейся зиме. Какое-то время я жила у них в доме. Они были очень добры, но я знала, что они не смогут оставить меня у себя навсегда, ведь у них было четверо своих детей. Поэтому однажды я надела форму и пошла к русскому военному атташе в Токио. Он ничем не мог мне помочь, разве что выписать обратный билет во Владивосток, который теперь был занят красными. Он знал, что для меня небезопасно ехать обратно, но ничего другого сделать не мог.

Он пригласил меня к себе домой, где я познакомилась с его очаровательной женой и двумя маленькими сыновьями. Я сообщила, у кого живу, и дама сказала, что позвонит хозяйке и объяснит, что они пригласили меня немного пожить у них.

На следующее утро я стояла у окна и смотрела в соседний сад, где в это время дрались два ребёнка. Они были американцами, и мне в голову пришла идея. Я спросила хозяйку, знает ли она этих соседей; не нужна ли им няня или гувернантка для детей? Дама улыбнулась и обняла меня; она сказала, что их соседи действительно ищут белую няню. Мне было трудно поверить, что эта случайная мысль может стать реальностью; я не могла поверить, что получу эту работу.

После завтрака моя новая подруга куда-то позвонила, и вскоре в дом вошла высокая красивая дама. Они говорили по-английски, и я не понимала ни слова. Некоторое время дамы весело болтали и смеялись, потом гостья встала, взяла меня за руку и повела за собой.

Глава 17

Дом моей первой работодательницы был очень похож на жилище той русской дамы. Он был трёхэтажный, детская располагалась на третьем этаже. Она позвала своих двух детей и долго рассказывала им обо мне, а потом подвела меня к многочисленным шкафчикам, столикам и буфетам. Она что-то быстро объясняла мне, громко говоря и жестикулируя, но я ничего не поняла.

Вечером пришёл её муж, она представила меня и, наверно, ещё раз с самого начала пересказала мою историю, а я тем временем стояла и моргала. Его это явно позабавило, он улыбнулся мне и пошёл читать свои газеты.

На следующий день я получила от хозяйки и её друзей много разных платьев самых разных размеров, цветов и степени новизны; потом это повторялось ещё много раз. Детям я, кажется, пришлась по душе. Им особенно нравилось учить меня читать их книжки, и мой английский быстро улучшался с помощью моих учителей, одному из которых было два, а другому три года. Дети были очень избалованы, но я быстро исправила их. Больше всего проблем было с едой. Дама умоляла детей поесть, потом начинала кричать на них, часто шлёпала по рукам, а дети бросали еду на ковёр. Тогда я попросила даму оставлять нас на время обеда одних. За обедом они, как всегда, отказались есть суп и мясо и стали ждать десерт. Но когда десерт принесли, я подошла и съела обе их порции, а потом мы пошли гулять в лес вокруг соседнего храма. К ужину дети так проголодались, что не просто съели всё, что было положено, но и подобрали со скатерти все крошки. Их мать была в восторге от того, как я с ними управляюсь, и стала чаще оставлять их на моё попечение.

Однажды вечером она позвала меня и сказала: «Мисс Марина, бегите в ванную»[324]. Я побежала в ванную комнату, но там никого не было, и я не увидела там никакого беспорядка. Я вернулась и спросила, чего она хочет. Слегка раздражённая дама взяла меня за руку, повела в ванную и тыча пальцем в ванну и в краны, прокричала, словно я была глухой: «Ванна, ванна! Вода, вода! Налейте воду в ванну». Я подумала, что она немного ненормальная, и вежливо спросила, почему же она не сказала сразу, что нужно налить воду, а вместо этого заставила меня бегать туда-сюда.

Я никак не могла понять, зачем купать детей два раза в день. Я полагала, что принимать ванну даже один раз в день было непозволительной роскошью, но купаться утром и вечером казалось мне полной глупостью! Поэтому я каждый раз выливала всю воду из бака для воды в ванну и позволяла детям играть там, чтобы они были мокрыми, и чтобы ванная комната пришла в такое состояние, когда горничной потом было что убрать. А раз в неделю я оттирала детям коленки и локти и тщательно мыла им уши.

Настало Рождество; это было очень радостное время. Подарки приходили из разных стран, и мы тоже рассылали подарки. В доме планировался большой рождественский ужин. Были наняты специ-

[324] В оригинале игра слов: по-английски «run the bath» переводится как «наполните ванну», и это созвучно с выражением «run to the bath (run to the bathroom)» — «бегите в ванную комнату».

альные люди, чтобы почистить мебель и столовое серебро и натереть полы; пригласили дополнительных поваров и дворецких. Задолго до праздника мы начали готовить подарки.

К праздничному ужину мы разложили шкурки бананов в красивые коробки из-под обуви, на которых было написано «тапочки». Коробки поставили на стол к местам, предназначенным для особо важных гостей-мужчин. Старые шнурки от ботинок были завёрнуты в красивую обёрточную бумагу и положены поближе к местам для важных дам. Туда, где будут сидеть молодые девушки, отнесли спичечные коробки, запакованные в красивые пакетики. Я не понимала, зачем всё это делается, и считала, что мои работодатели немного не в себе. Кто-то прислал мне красивое вечернее платье из синего шёлка. Оно мне очень шло, и поскольку я позволила себе немного отпустить волосы, то прекрасно выглядела.

В рождественскую ночь собралось много гостей. Все дамы были одеты так стильно, что синее шёлковое платье казалось мне почти убогим. Но все относились ко мне очень хорошо, и вскоре я почувствовала себя свободней. За столом все открыли подарки и долго смеялись.

Однажды, когда мои маленькие учителя учили меня английскому с помощью «Сказок матушки-гусыни»[325], в комнату вошла их мать и сказала, что меня спрашивает офицер. Я очень удивилась, потому что никого не ждала. Я спустилась вниз и в библиотеке увидела капитана Андрея, который нервно расхаживал туда-сюда по комнате. Он подбежал и радостно обнял меня; я тоже была рада его видеть. Нам подали чай на большом тяжёлом серебряном подносе в чашках из тончайшего фарфора. Слуга зажёг огонь в камине, было уютно и красиво. Уходя, капитан Андрей спросил, думала ли я уже о будущем. Потом он подошёл поближе, взял моё лицо в свои руки и спросил, выйду ли я за него замуж? Я так давно ждала, что он это скажет, что его слова не удивили и не взволновали меня. Я сказала, что не могу ничего ответить, потому что пока не думала об этом. Он ушёл, пообещав вскоре прийти опять.

Моей хозяйке очень хотелось знать, в чём тут было дело. Когда я ей всё рассказала, то она спросила, есть ли у капитана деньги. Я, как могла, рассказала ей на своём английском, что у него есть маленькая ферма, две курицы, шестнадцать цыплят, кабан и корова с телёнком.

---

[325] Сборник французских сказок, впервые опубликованный Шарлем Перро в 1697 году.

Она смеялась, пока у неё не потекли слёзы по щекам, и посоветовала не связываться с ним, если только я не полная дура.

В следующее воскресенье капитан Андрей снова пришёл, чтобы пригласить меня в город. Я надела фартук, закатала рукава и спустилась вниз. Он не ожидал увидеть меня в таком виде, рассмеялся и сказал, что я уже похожа на домохозяйку. Я сказала, что не хочу выходить замуж, потому что намерена сама сделать себе карьеру. Он презрительно рассмеялся и сказал, что служить няней для чьих-то детей — это не карьера. Я обиделась и ничего не сказала, а он встал, отдал честь и сказал, что, если я передумаю, то могу написать ему в представительство чехословацкого легиона в Токио. Потом он ушёл. Мне было очень жаль, что мы так расстались, но я понимала, что ехать жить на ферме — это совсем не то, чего я для себя хочу.

Прошла зима, наступила весна, и на душе у меня стало неспокойно. Мне уже надоело это место, и дети были хорошо воспитаны. Я выучила наизусть все стихи из их книжек, знала, как называется вся домашняя утварь, знала даже несколько фраз по-японски. Что мне было делать? Я не хотела навсегда оставаться няней для чьих-то детей, поэтому однажды утром я подошла к хозяйке и сказала, что ухожу. Когда она спросила, куда я иду, то я сказала, что ещё не знаю, но хочу уйти. Она заплатила мне двойное месячное жалование, и я с ней попрощалась.

Я пошла на вокзал и села в поезд до Йокогамы[326]. Там я надеялась найти девушку по имени Эльза, с которой меня познакомила ещё одна гувернантка, и которая приглашала меня навестить её, если я когда-нибудь окажусь в Йокогаме. Когда я приехала, её не было дома, и мне пришлось ждать под дверью, пока она не пришла с работы. Эльза была очень рада меня увидеть и пригласила остаться на ужин. Когда я рассказала ей о своём решении уйти с прежней работы, то она это одобрила и пригласила пожить у неё, пока я не найду работу получше. Она сказала, что в её доме хватит места и еды для двоих.

Весь вечер мы обсуждали, что могло бы подойти мне лучше всего. Я выразила желание стать служащей в каком-нибудь учреждении, и она решила, что это хороший вариант, но сказала, что для этого нужно сначала получше выучить английский и научиться печатать на машинке. Довольные, мы наконец легли спать, и я была полна надежд.

На следующее утро мисс Эльза ушла в свою контору, а я осталась одна в своём новом жилище, которое напоминало кукольный домик.

[326] Йокогама — город в Японии на острове Хонсю. Основана в 1858 году.

Дом стоял на высоком холме, и из большого окна спальни видна была Йокогама внизу. На первом этаже располагались гостиная, столовая и кухня; стены дома окружала узкая полоска сада, в углу которого располагался небольшой бассейн и росла высокая мимоза. Пьеро, скотч-терьер мисс Эльзы, сразу меня полюбил. Он тащил меня в сад играть, пока не порвал мне платье.

Мисс Эльза вернулась домой на обед и принесла с собой пишущую машинку и несколько английских газет. Мы поели, и она объяснила, как печатать на машинке, и велела мне перепечатывать тексты из газеты, особенно те слова, которые я не знаю. Я сидела за машинкой, пока Эльза не вернулась вечером домой. Она исправила мои ошибки и сказала, что я весьма быстро научусь хорошо печатать.

Однажды вечером мы пошли в церковь «Христианской науки»[327], где было много людей. Я была очень удивлена тем, что почти не понимаю их речь. А я-то думала, что уже отлично говорю по-английски! На следующее утро я решила вызубрить весь словарь наизусть, потому что мне необходимо было выучить английский, ведь без него я не смогу зарабатывать себе на жизнь. Днём я большую часть времени перепечатывала на машинке тексты из газет или из Библии; но когда мисс Эльза отсутствовала, то я брала у неё с полки книгу Элинор Глин «Три недели»[328] и читала её.

Вечером, когда мисс Эльза уходила проследить за приготовлением ужина, я забиралась на подоконник в своей спальне и распевала все военные песни, какие знала. Из окна открывались очень красивые виды на Йокогаму, на холмы и на море вдалеке, а на закате всё окрашивалось в яркие насыщенные цвета. Доброта моей подруги и окружающая красота позволяли мне чувствовать себя абсолютно счастливой.

---

[327] Протестантская секта «Христианская наука» (англ. «Christian Science») была основана в США в 1879 году. Выявить информацию о существовании в Йокогаме в начале XX века церкви, принадлежащей этой секте, не удалось. Вместе с тем в Йокогаме с 1863 года и по настоящее время действует храм англиканской Церкви Христа (Christ Church); возможно, автор имела в виду его.

[328] Элинор Глин (Elinor Glyn, 1864–1943) — британская писательница, автор женских романов, популярная в первой половине XX века. Романтические произведения Э. Глин считались скандальными для того времени, хотя по современным меркам вряд ли являются таковыми.

Эротический роман «Три недели» (1907) описывает «курортный роман» английского аристократа и королевы некоего «государства в составе Российской империи».

Когда я немного пожила у мисс Эльзы, то она спросила, всё ли у меня хорошо, и нравится ли мне жить в Японии? Япония мне нравилась, но мисс Эльза нравилась мне ещё больше, и я ответила:

— Япония очень красивая, мисс Эльза, и я здесь очень счастлива, но надеюсь, что скоро смогу найти работу и сама себя содержать. А вам Япония нравится?

Мисс Эльза посмотрела на прекрасное дерево мимозы, вздохнула и задумчиво сказала:

— Я люблю Японию, потому что здесь мой дом, и я могу сама себя содержать, но мне кажется, что люди всегда больше всего любят собственную страну. Разве ты не любишь Россию? Казаки не такие, как другие русские? Что означает слово «казак»? До войны я никогда не слышала о казаках, а во время войны о них писали в газетах такое, что я считала их каким-то диким племенем свирепых и примитивных людей.

Я была очень удивлена тем, что у неё такое превратное представление о моём народе. Я отлично помнила многих казаков и казачек из станицы, где обычно проводила лето, и с радостью решила рассказать о них мисс Эльзе, которая была так добра к одной из них. Я уселась поудобнее и спросила, хочет ли она узнать историю казаков, историю, о которой не пишут в книгах, но передают от стариков к молодым, историю, которую знает и рассказывает своим детям каждый казак. Затем я пересказала ей то, что сама слышала в детстве, и то, что мне рассказывал Козёл. Ей очень понравилось, и потом много вечеров подряд я снова и снова пересказывала эти истории ей и её друзьям.

Однажды мисс Эльза сказала, что в городе открывается представительство нового американского концерна по экспорту шёлка. Она спросила, не хочу ли я попробовать получить там работу, потому что, кажется, они ещё не успели нанять машинистку. Я была очень взволнована. Я надела своё лучшее платье, и мы вместе поехали в город. Она довезла меня до места и пожелала удачи. Когда я вошла в контору, у меня колотилось сердце и дрожали колени.

За стойкой сидел молодой человек. Я спросила, не он ли мистер Вильямс? Молодой человек ответил, что это он, и очень любезно поинтересовался, чем может быть полезен. Я сразу забыла весь свой английский и на ломаном языке объяснила, что я только что научилась печатать на машинке, и если им нужна машинистка, то не хочет ли он меня испытать.

Мистер Вильямс улыбнулся, сказал, что готов меня испытать, попросил меня снять шляпу и приступить к работе. Я не могла поверить,

что это не сон; я шла к рабочему столу, а ноги не слушались, как будто мне не принадлежали.

Мистер Вильямс достал две большие папки и спросил, известно ли мне, как следует подшивать письма. Я не знала значения этих слов и уже готова была взять свою шляпу и идти домой, но мистер Вильямс похлопал меня по плечу и сказал, что не стоит волноваться. Он раскрыл папку и сказал, что письма нужно разложить в алфавитном порядке и по датам. Я не знала, что означает «по датам», и он объяснил мне и это тоже. Весь день я провела за разбором большой пачки писем и телеграмм, а в пять часов мистер Вильямс велел мне приходить на следующее утро. Я поблагодарила его и всю дорогу домой бежала бегом.

Мисс Эльза уже была там и ждала меня. Я чуть не сбила её с ног от возбуждения и рассказала, как прошёл мой день. Весь вечер мы вместе смеялись и плакали.

На следующее утро я встала ещё до рассвета и тихонько собиралась идти в контору, но мисс Эльза услышала и велела мне вернуться в кровать. Казалось, что день никогда не настанет, а стрелки часов не сдвинутся с места. Наконец мы вышли за ворота, где нас ждали два рикши, и вместе спустились по склону. У моста мы расстались, так как теперь нам нужно было ехать в разные стороны.

Мистер Вильямс уже был в конторе. Он очень по-дружески поздоровался со мной и показал моё рабочее место, где уже лежали несколько больших папок.

Потом он диктовал мне письмо, и я начала печатать его, очень нервничая. Я поставила сверху дату и написала адрес на конверте. Письмо было длинным, я почти допечатала его до конца, когда заметила, что у меня нет знаков препинания. Я поставила точку и начала с новой строки. В конце я написала «искренне ваш» и положила письмо на стол мистеру Вильямсу.

Я слышала, как он хихикает, читая письмо, а в конце он расхохотался. Я подошла посмотреть, в чём там дело, и, заглянув ему через плечо, увидела, что он вставил по всему письму запятые и точки, которых у меня не было — хотя ближе к концу я поставила точку в середине предложения и дальше печатала с новой строки.

Мистер Вильямс от души посмеялся, вернул мне письмо, которое было теперь похоже на карту с пометками, и велел перепечатать. Чуть не плача, я перепечатала текст и снова отдала ему. Придя домой на обед, я поднялась к себе наверх, бросилась на кровать и горько расплакалась.

Пришла мисс Эльза; она умоляла рассказать, что случилось, но я смогла только выговорить, что больше не вернусь в эту контору. Она просила объяснить, что произошло, и я со стыдом рассказала о моём фиаско. Она улыбнулась и сказала, что это неважно, а потом спросила, говорил ли мистер Вильямс, что больше мне приходить не нужно. Я не помнила, и она позвонила ему по телефону. Он сказал ей, что мне следует снова прийти в контору. После долгих уговоров мисс Эльзы я решила попробовать ещё раз.

После этого случая мистер Вильямс, диктуя, всегда подсказывал, где нужно ставить знаки препинания, и проблема снялась.

В воскресенье мы пошли в церковь, где встретили много людей. Одна дама пригласила нас к себе на чай, и там тоже было много уже других людей. Казалось, все очень рады познакомиться со мной. Они сказали, что обо мне много писали в газетах. Я была потрясена, потому что и представить себе не могла, что именно можно было написать обо мне в газетах. Ещё одна дама, миссис Карлайл, пригласила меня на обед. Она сказала, что ей очень нужно поговорить с одной русской дамой, но поскольку та не говорит по-английски, то они плохо понимают друг друга. Она хотела, чтобы я помогла ей.

Мы вернулись домой, я села на подоконник в спальне и запела громче обычного. Закат горел золотыми и лиловыми красками, а всё небо отливало разными оттенками красного. Ама-сан[329] готовила для меня японскую баню, и на фоне неба курился ароматный дымок от сосновых дров и древесного угля. На кровати постелено чистое бельё, мисс Эльза гладит мне чистую блузку, так отчего же мне не петь?

На следующий день рикша отвёз меня к дому миссис Карлайл. Дверь открылась, и слуга проводил меня в большую гостиную, уставленную многочисленными работами японских и китайских мастеров. Миссис Карлайл поздоровалась со мной и представила меня баронессе Витнев. Я протянула руку необыкновенно привлекательной женщине.

За обедом я познакомилась с мистером Карлайлом и двумя их детьми. За столом прислуживали несколько человек, кухня была изысканной. Я старалась переводить и поддерживать разговор; судя по всему, им впервые удалось поговорить, потому что миссис Карлайл

[329] Приставка «-сан» в японском языке используется для обозначения уважительного отношения к именуемому человеку. Как видно из текста, речь идёт о служанке мисс Эльзы.

не знала ни французского, ни немецкого, а баронесса не говорила по-английски.

Баронесса и её двое детей бежали из России через Корею, но барона, видимо, схватили красные, потому что он вёз с собой фамильные драгоценности. Баронесса не сказала, как ей живётся в Японии; не упомянула она и о том, где сейчас её дети.

Кофе подали в гостиную. Баронесса курила одну сигарету за другой. Миссис Карлайл сказала мне, что незадолго до этого она отдала баронессе почистить два песцовых боа и теперь хотела бы знать, всё ли с ними в порядке. Я спросила об этом баронессу, которая зажгла ещё одну сигарету и, нервно глядя мне в глаза, сказала:

— Я прошу вас, мадмуазель, помочь мне. Не так давно мадам пригласила меня на обед и показала два прекрасных песцовых боа, которые выглядели сильно пожелтевшими. Она что-то говорила о том, что их нужно почистить, и я по глупости сказала «да». Я не знаю английского и подумала, что она просит меня их почистить. Я что-то слышала о том, что песцовый мех можно отбеливать мелом. Я купила фунт мела, развела его водой и обработала меха этим раствором. К моему изумлению, меха стали выглядеть как две мокрые кошки! Они сохли целую неделю, я каждый день вытряхиваю их, но из мехов по-прежнему поднимается облако меловой пыли. Я уже наглоталась мела, это мне в наказание, но я боюсь, что испортила мех! Пожалуйста, скажите мадам, что они скоро будут готовы. Не знаю точно, когда, но я буду вытрясать их каждый день.

Я чувствовала себя очень неловко. Что сказать миссис Карлайл, которая с беспокойством вслушивалась в наш разговор? Я должна была помочь баронессе, она просила меня об этом, и я сказала миссис Карлайл, что существует особый секретный способ чистки песцового меха, что баронесса их почистила, они прекрасно выглядят, и она надеется, что скоро они будут совсем готовы.

Миссис Карлайл совершенно успокоилась, но баронесса по-прежнему нервно курила одну сигарету за другой. Наконец мы попрощались с хозяевами и вместе вышли. Вечер был прекрасен; я предложила немного прогуляться. Потом я спросила её, что же нам делать с песцами. Баронесса ответила, что не знает, что она каждый день вытряхивает их, но это не помогает. Я сказала, что хочу посмотреть на эти меха, и она с радостью сказала, что завтра вечером принесёт их ко мне.

Дома я спросила мисс Эльзу, знает ли она что-нибудь о том, как чистят меха. Она сказала, «конечно же, нет». Тогда я спросила, что обычно делают люди, когда у них пачкаются меха, и она ответила, что

их относят в специальную чистку. Понемногу я вытянула из неё имя чистильщика мехов, и на следующий день мы с баронессой понесли меха туда.

На своём недавно выученном японском я объяснила чистильщику, что случайно вывернула целый горшок с мелом на меха, и спросила, сможет ли он их почистить?

Когда мех почистили, я попросила мисс Эльзу одолжить мне двадцать йен. А когда пришла баронесса, то мы отвезли меха миссис Карлайл. Та была счастлива получить свои меха, а баронесса счастлива их вернуть.

Баронесса была мне очень признательна. Она пригласила зайти к ней домой, и там я познакомилась с двумя её детьми, которые выглядели очень несчастными и недокормленными. Я вернулась домой в очень тоскливом и несчастном настроении. Как баронесса собирается здесь жить и содержать своих детей?

Глава 18

Однажды баронесса пригласила меня к княгине Т.; там можно было познакомиться с другими русскими. Я с удивлением узнала, что здесь, в Йокогаме, кроме меня и баронессы были ещё и другие русские люди. Мы отправились в китайский квартал, прошли через убогую мастерскую какого-то портного, а оттуда во двор, где стояло несколько обшарпанных домиков. В одном из них горел свет и слышались русские голоса.

Мы вошли в небольшую комнату, где висел густой дым и пахло керосином от лампы. Люди сидели за длинным самодельным столом, покрытым газетой, на которой лежали куски хлеба.

Некоторые из присутствующих встали и любезно поклонились баронессе и мне. Они выглядели вполне достойно, хотя одежда их была совсем потрёпанной. Несколько человек за столом ели суп, а когда они закончили, то их место заняли другие.

У меня заболела душа. Что это за место? Кто эти люди? Баронесса представила меня весьма разговорчивому молодому человеку и извинилась, что оставляет меня одну, потому что уходит «на обед». Я увидела, что она взяла тарелку супа и несколько кусков хлеба, и поняла, что это такое место, куда приходят поесть. Молодой человек ещё говорил что-то невысокому мужчине с импозантной бородкой и густыми усами, и я невольно вслушалась в их разговор.

— Ваше сиятельство, жизнь здесь просто ужасна. Вы понимаете, что белый человек не может здесь устроиться работать даже дворником? — сказал молодой человек, отчаянно жестикулируя, чтобы произвести впечатление на своего собеседника и рассказать ему об ужасах жизни в Японии. Толстяк был уже совсем подавлен и пробормотал сквозь свои кустистые усы:

— Да, сударь, это очень печально, очень печально. Что вам удалось узнать сегодня?

— Там ничего не узнаешь, ваше сиятельство. Они все говорят по-английски, и везде, куда не пойдёшь, слуги-японцы приветствуют вас с восточной любезностью, от которой веет ледяным холодом, и закрывают дверь перед вашим носом. Невозможно даже подойти к белым людям и узнать у них о работе.

Скорчившись на полу и прислонившись к стене, сидел мрачный молодой человек в плохо сшитом костюме. Он саркастически улыбнулся, встал и обратился к говорившему:

— Дмитрий, вам следует пойти в «Гранд-Отель»[330] и поговорить с самим управляющим. Вы оставили там немало денег, они должны вам чем-то помочь.

— Да, князь, но не забывайте о гордости. Когда я останавливался в «Гранд-Отеле», я был миллионером, а посмотрите на меня теперь!..

Невысокий толстый человек перебил Дмитрия; он положил ему руку на плечо и сказал:

— Когда грозит нищета, юноша, гордость следует отложить подальше. Посмотрите на меня. Я пошёл к здешнему российскому консулу и умолял его устроить мне переезд в Канаду; я был готов работать кочегаром и кидать уголь в топку. А ведь вы же знаете, я был *persona grata*[331] при дворе.

— Да, ваше сиятельство, вы можете относиться к этому философски, но лично я не в состоянии смириться с теми условиями, в которых мы теперь оказались. Я очень стыжусь этого положения.

Князь иронично улыбнулся Дмитрию и сказал:

— Дорогой Дмитрий, вы были миллионером всего шесть месяцев назад. Вы сами виноваты, что сейчас оказались в таких условиях.

---

[330] Гостиница «Гранд-Отель» («Grand Hotel») открылась в Йокогаме в 1873 году и просуществовала до великого землетрясения 1923 года. В 1926 году в городе открылась гостиница «Нью Гранд» («New Grand»), представленная как преемник «Гранд-Отеля» и продолжающая работу в настоящее время.

[331] Persona grata — желательное лицо (лат.).

— Но, ваше сиятельство, кто мог подумать, что японцы сегодня обласкают вас, а завтра просто вышвырнут, и всё это в течение одного месяца? — Дмитрий взмахнул руками и хлопнул себя по бокам. Князь был заметно рад, что его замечание попало в цель, и добавил:

— Очевидно, с вашей стороны было не слишком разумно раскрыть японцам все российские секреты сразу за такое короткое время.

Дмитрий поднял глаза на князя и возмущённо ответил:

— Ваше сиятельство, я надеюсь, вы не обвиняете меня в предательстве?!

— Конечно, нет, но вы же, голубчик, служили в японской секретной службе!

— Уверяю вас, ваше сиятельство, что по долгу службы я должен был просто являться в контору утром и уходить оттуда вечером.

— И за это вам заплатили миллион рублей?

— Возможно, ваше сиятельство, вам будет любопытно узнать, как я получил миллион рублей. Однажды во Владивостоке я ждал даму в кафе «Золотой рог». Со мной был слуга, являвшийся также моим телохранителем. За соседним столиком сидел генерал Баранов, которого я знал ещё в Москве, мы часто играли с ним в карты в Купеческом клубе[332]. Генерал подошёл к моему столику и спросил: «Дмитрий, вы помните, был такой мелкий чиновник, Петров, он служил у Керенского[333]… он ещё всё время разносил новые декреты?» — «Да, ваше высокопревосходительство, — ответил я. — «Так вот, сегодня я встретил его на пристани. Он выходил из какого-то сомнительного китайского отеля, всё такой же маленький, такой же сутулый и такой же таинственный. Я почти уверен, что у него есть куча денег, и что он пытается сбежать с ними из страны, как сбежал в своё время его печально известный хозяин». Мы ещё немного поговорили об этом

---

[332] В 1786 году в Москве открылся Купеческий клуб. В 1804 году он был преобразован в Московское купеческое собрание, однако в разговорной речи часто использовалось прежнее название «Купеческий клуб». Начиная с 1879 года, в члены клуба принимались лица любых сословий.

С 1909 года Московское купеческое собрание располагалось в доме номер 6 по улице Малая Дмитровка, где в настоящее время находится театр «Ленком».

[333] Керенский Александр Фёдорович (1881–1970) — социалист, член Временного правительства с марта 1917 года и его глава с июля по ноябрь 1917 года. Умер в эмиграции.

чиновнике Петрове и оба весьма разволновались. Потом пришла моя дама, и я распрощался с генералом. Дама пригласила меня на обед к себе домой, и я отпустил телохранителя, приказав ему вернуться в полночь.

Я отлично провёл вечер, а к полуночи мы со слугой вернулись к себе. Наутро он спросил, могут ли меня перевести в Японию. Эта мысль мне понравилась, и я спросил об этом своё начальство. К моему величайшему удивлению, в тот же день мой начальник пришёл ко мне с паспортом и билетом до Йокогамы. Я от души хлопнул слугу по спине, да так, что у него чуть глаза не лопнули. Мы быстро собрались и первым же рейсом уехали в Йокогаму.

Когда мы приехали в «Гранд-Отель», я попросил слугу приготовить ванну, но он сказал: «Ваше благородие, попрошу вас разок раздеть меня». Я подумал, что он сошёл с ума и ещё раз велел ему приготовить ванну. Но вместо этого он снял с себя рубаху и две пары штанов. Под одеждой было нечто вроде дамского корсета, туго стягивавшего грудь. Не могу представить, как бедняга выживал все эти дни. Мне пришлось разрезать резинки на корсете, расстегнуть его было невозможно.

Мы распороли корсет и обнаружили, что в нём были плотно уложены толстые пачки банкнот и золотые монеты. Мы несколько часов пытались пересчитать деньги, но в конце концов отказались от этой затеи, потому что она оказалось нам не по силам. Там было, должно быть, более миллиона рублей! Вот история моего богатства, князь. Вам с него тоже неплохо перепало. В течение шести месяцев для всякого русского, заходившего ко мне в отель, всегда находилось шампанское и хорошая еда.

— Где же ваш слуга взял эти деньги?

— О, это забавная история, он мне всё рассказал. Той ночью, оставив меня с дамой, он пошёл прямо на пристань и обошёл там все отели. В одном из них он увидел хмурого сутулого человечка, который, по его словам, был похож на чиновника. Слуга дождался, пока тот пойдёт к себе в комнату, пошёл за ним следом, слегка придушил и обшарил карманы. Не найдя там ничего, он ударил его кулаком в живот — то ли для того, чтобы окончательно прикончить, то ли чтобы привести в чувство. Кулак ударил во что-то твёрдое; он расстегнул на чиновнике одежду и нашёл там вот тот самый корсет, как он его назвал.

К нам вернулась баронесса. Она представила меня ещё нескольким людям и рассказала всем про меха и про то, как я спасла её из неловкой ситуации. Все посмотрели на меня с любопытством, потому что моя одежда была новой и чистой. Мне стало очень жаль этих

людей; я извинилась и вскоре ушла. Домой я шла с тяжёлым сердцем. Мисс Эльза ждала меня, она спросила, хорошо ли я провела время с соотечественниками. Я ничего не смогла ей рассказать; я ушла спать и, лёжа в постели, думала, как я могу им помочь.

На следующий день после работы я села в поезд до Токио и пошла навестить американку, у которой раньше работала няней. Она была очень рада меня видеть и гордилась моими успехами. Я рассказала ей о русских в Йокогаме и спросила, нельзя ли мне забрать ту одежду, которую мне дарили, чтобы раздать её русским. Её так тронул мой рассказ, что она побежала по своим знакомым, и вскоре у меня был целый мешок одежды для раздачи.

На следующий день я шла по китайскому кварталу недалеко от того места, где собирались русские. Со мной поздоровался Дмитрий, который проходил мимо, беззаботно насвистывая какой-то весёлый мотив.

— Вы придёте на обед к княгине, мадмуазель?

— Да, возможно. Вы тоже там будете?

— Ну, что сказать… я уже достаточно часто обедал там бесплатно. Мне бы не следовало туда больше ходить, но голод не тётка, и я собираюсь пойти опять.

— Скажите, Дмитрий, как могло получиться, что вы потратили миллион рублей и не позаботились о будущем?

— Я никогда не заботился о будущем, дорогая. Знаете ли, я из семейства «счастливчика Смирнова». Деньги у нас были всегда. Мне случалось проиграть миллион в карты за ночь, когда мне было всего двадцать лет. Все помнят, какие ставки я делал в Купеческом клубе в Москве!

Дмитрий с гордостью рассказывал о себе, и пока он говорил, то казался настоящим миллионером. Но меня раздражало его хвастовство, и я сурово сказала:

— Но посмотрите на себя теперь. Пора перестать думать по-старому. Произошла революция, и вам следует рассчитывать на что-то более надёжное, чем фамильное смирновское везение.

— Дорогое дитя, удача не зависит от революций и катастроф.

— Ваша удача, сударь, явно от них зависела, — заметила я, не удержавшись, но Дмитрий продолжил как ни в чём не бывало.

— Это лишь случайная невнимательность судьбы ко мне, дорогое дитя. Скоро я опять разбогатею. Я продаю японскому правительству своё изобретение, и скоро у меня будет как минимум сто тысяч йен, — и он поднял руки к небу. Тем временем мы подошли к бедному жилищу княгини.

В этот раз там было меньше народу, и я была рада возможности поговорить с самой княгиней. Она сказала, что зарабатывает на жизнь тем, что готовит много супа и продаёт его другим русским по десять сенов[334] за тарелку; те, кто голоден, могут получить добавку. Те, кто не может платить десять сенов, платят пять, а кое-кто ест бесплатно. Я спросила про Дмитрия. Она ответила, что готова кормить его бесплатно, потому что когда он был богат и жил в «Гранд-Отеле», то приказывал, чтобы если туда придёт кто-либо из его русских друзей, то их хорошо кормили бы и подавали шампанское, а счёт выставляли ему. Она сама туда ходила так несколько раз. Но хотя еда и вино были отличными, всё же к лучшему, что у Дмитрия теперь нет денег, потому что на его вечеринках иногда случались странные вещи. На одном из знаменитых обедов, которые устраивал Дмитрий, одна дама встретила очаровательного молодого человека и теперь живёт с ним. Он богат и ни в чём ей не отказывает, но с бедняжкой что-то случилось, она там пристрастилась к морфию и теперь безнадёжно больна.

Я спросила её об изобретении Дмитрия. Княгиня вздохнула, перекрестилась и сказала:

— Я так надеюсь, что у него всё получится. Я знаю, что он поможет нам всем.

Я спросила, знает ли она, что это за изобретение, но она не знала.

Я сказала княгине, что у меня было несколько платьев, которые я хотела бы раздать бедным русским дамам. Она была очень признательна, и мы расстались друзьями. Но время шло, и я всё чаще с волнением думала о том, как поддержать моих соотечественников.

По дороге на работу я часто встречала необычно выглядевшего человека, который шёл пешком в сторону Ямашита-чо[335]. Он всегда смотрел на меня и начал вскоре приподнимать свою шляпу в знак приветствия.

Однажды я тоже решила пойти пешком, потому что осенью по утрам в Японии очень красиво. Я услышала, что кто-то идёт следом и старается меня догнать. Это был тот самый человек, который всегда снимал шляпу и говорил «доброе утро». Я поклонилась ему и пошла быстрее, но он посмотрел на часы и с улыбкой сказал, что девяти ещё нет. Он спросил меня, где я работаю и сколько времени я уже в Японии. Дойдя до моста, мы разошлись в разные стороны, но он спросил,

---

[334] Сен — одна сотая иены. Сены были изъяты из обращения в 1954 году.

[335] Ямашита-чо (Yamashita-cho) — квартал в центре Йокогамы.

не хочу ли я выпить с ним сегодня чаю в «Гранд-Отеле». Я что-то смущённо пробормотала и свернула за угол.

За обедом я рассказала мисс Эльзе о том, что случилось утром. Она сказала, что десять лет проработала в Ямашита-чо и знает там практически каждого, но не могла понять, кто же был мой утренний знакомый. Поэтому она решила пойти со мной в «Гранд-Отель» и познакомиться с ним, чтобы представить меня должным образом. Для такого случая она попросила Аму-сан погладить нам свежие блузки.

Теперь «Гранд-Отель» казался мне очень романтическим местом. Я зашла за мисс Эльзой к ней на работу, и мы вместе пошли в отель. Я не ожидала увидеть там так много людей. Окна веранды отеля выходили на залив, где стояли на якоре большие корабли, катера и всякие другие суда; меж ними сновали многочисленные японские лодки-сампаны. На ветру развивались разные флаги, и всё это в моих глазах было похоже на праздник. Большой оркестр играл нежную мелодию, официантки-японки в ярких красочных кимоно бесшумно скользили меж столиками и разносили чай.

Я узнала господина, которого встречала по утрам, и мы подошли к его столику. Мисс Эльза явно его знала, но, к моему великому удивлению, поздоровалась с ним очень холодно. Казалось, господина Барретта, как его звали, она несколько раздражала, но со мной он был очень приветлив. Во время чая речь шла только обо мне, и меня это очень смущало. В зале было много молодых людей; я заметила и мистера Вильямса, который вошёл туда с дамой и ещё двумя мужчинами. Он поприветствовал меня и знаком пригласил подойти. С ним были два спутника, очень весёлые американцы. Один пригласил меня танцевать; я объяснила, что никогда в жизни не танцевала, и он настоял на том, чтобы дать мне урок. Танцевать было очень интересно, и он пригласил меня выпить с ним чаю на следующий день.

Я была в восторге, и мне очень понравился «Гранд-Отель», но вскоре мы ушли, хотя оркестр ещё играл. По дороге домой мисс Эльза посоветовала избегать мистера Барретта, поскольку он был женат, и если меня с ним увидят, то это разрушит мою репутацию.

В следующее воскресенье мы пошли в церковь, где меня все теперь уже знали и подходили поздороваться. На миссис Карлайл были её прекрасные меха; она подошла, чтобы ещё раз меня поблагодарить. Подумав, что мне представляется случай вернуть свои деньги, я отозвала её в сторону и сказала:

— Миссис Карлайл, вы, возможно, знаете, что баронесса — беженка. Она очень бедна, и её дети — а у неё их двое — болеют от

недоедания. Ей пришлось потратить примерно двадцать пять йен, чтобы почистить ваши меха. Она потому и держала их у себя так долго, что у неё не было денег, чтобы купить всё, что требуется для чистки. А когда она наконец всё купила, то детям пришлось голодать.

Бедная миссис Карлайл плакала, как ребёнок, и ругала себя за то, что ни о чём таком не подумала. Она отдала мне двадцать пять йен и пообещала помочь баронессе и её детям.

По пути домой из церкви мы встретили мистера Барретта, с которым мисс Эльза поздоровалась очень холодно, а я постаралась быть вежливой, чтобы её грубость не бросалась в глаза. Мистер Барретт сказал, что он служил при российском дворе и показал нам часы с монограммой нашего царя и гербом дома Романовых. Меня очень заинтересовал его рассказ; я пыталась также заинтересовать и мисс Эльзу, но вместо этого она заговорила со своим Пьеро, который выбежал на улицу нам навстречу.

Когда мы подошли к дому, мисс Эльза втолкнула меня в ворота и, сухо сказав «доброго вам дня», закрыла их прямо перед носом мистера Барретта. Я подумала, что с её стороны это было очень грубо, и впервые за всё время на неё рассердилась.

Я собрала ещё немного одежды и однажды вечером опять отправилась в дом княгини, где встретила баронессу и её детей. Я рассказала ей о том, что миссис Карлайл дала мне двадцать пять йен, и мы обе порадовались, что мне удалось заработать. Свою прибыль я отдала княгине для оплаты еды тем, у кого не было денег.

Вскоре пришёл Дмитрий с толстым хорошо одетым русским; с ними были ещё два человека, которые несли многочисленные тюки. Все бросились приветствовать «Ивана Ивановича», который со всеми поздоровался за руку, а нескольких дам и мужчин расцеловал. Двое пришедших с ними мужчин разворачивали тюки и выкладывали на стол колбасу, сыр, икру, копчёную и вяленую рыбу, халву, конфеты; всего этого было много, а ещё там было много булок и большие бутылки водки. Всех пригласили к столу. Мест не хватало, поэтому принесли несколько длинных досок и уложили их на стулья так, что вокруг столов получилось что-то вроде лавок. Все сели за длинный стол. Происходящее напоминало теперь праздничный пир в каком-нибудь дворце, вот только водку нам приходилось пить по очереди, потому что чашек на всех не хватало, а есть приходилось руками из-за нехватки ножей и вилок.

— Иван Иванович, ваше здоровье!

— Ваше здоровье, Иван Иванович! — раздавалось со всех сторон. Все приветствовали Ивана Ивановича и пили за его здоровье водку из больших чайных чашек, а в руках держали большие куски колбасы и ломти хлеба.

— И вам того же, гости дорогие. Господь да пребудет с вами и со мной, — весело и ласково отвечал всем Иван Иванович, — пожалуйста, ешьте, не стесняйтесь, а мы ещё закажем.

Сидевший рядом с толстым торговцем Дмитрий, хитро улыбаясь, начал задавать хозяину вопросы.

— Иван Иванович, как вам удаётся вести дела в это неспокойное время, когда все мы еле-еле выживаем?

Иван Иванович был очень рад услышать этот лестный для него вопрос. Он запихнул в рот остатки колбасы, сделал пару глотков водки, вытер пот с красного круглого лица и, довольно откашлявшись, ответил:

— Отвечу тебе, друг мой сердечный. У каждого купца должна быть коммерческая жилка, которая приносит деньги и успех, — и он потянулся за ещё одним куском колбасы. Дмитрий, видимо, почувствовал себя задетым; он выпрямился, ткнул себя в грудь и сказал с негодованием:

— Я — наследник самой знаменитой купеческой династии в России.

— Кажется, коммерческая жилка вам отказала, — заметил князь, который сидел напротив и с интересом наблюдал за этими двумя.

— Не печальтесь, господа, я скоро буду опять богат. Скоро будет испытано моё новое изобретение!

— Дмитрий Петрович, сударь, наверно, ваша смирновская удача изменила вам именно потому, что вы предали эту коммерческую жилку. Вам бы покупать да продавать, а не изобретать и не изображать из себя аристократа. Сказано, сударь, в Писании: «знай место своё»[336], — и с этими словами толстяк смешно перекрестился, словно и впрямь верил в то, что сказано в Библии.

— Иван Иванович, если бы вас слышали красные, то ваша коммерческая жилка вам мало чем помогла бы.

— А почему, князь, позвольте вас спросить?

— Чтобы торговать с ними и получать с них деньги, вы должны проповедовать равенство и навсегда забыть про Библию.

— Я никогда не стану проповедовать такую ересь, ваше сиятельство. К тому же я не торгую с красными. Я торгую по большей части

[336] Такой фразы в Библии нет.

с китайцами и евреями, а золото во всякой руке блестит. Я торгую, потому что я прирождённый купец. Я знаю свой путь, на доходы не жалуюсь, жену свою из благородных неплохо содержу и стараюсь понемногу помогать ближним своим.

Иван Иванович закончил свою цветистую речь, встал и потянулся за ещё одним куском колбасы. Дмитрий, собиравший кусочком хлеба икру с бумажной салфетки, хлопнул своего соседа по плечу и радостно заявил:

— Вы, Иван Иванович, аристократа из себя не изображаете, да вот женились-то на княгине!

— Не следует вам так говорить, Дмитрий Петрович! Всем известно, что брак этот наши родители сладили. Будь ваш дедушка поснисходительней к старому князю, моя жена могла бы сейчас быть вашей матушкой. Князь-то хотел дочь за Смирнова выдать, а не в нашу семью, но дед ваш, Пётр Смирнов, не понимал, с чего это он должен оплатить долги князя в казино Монте-Карло[337], содержать его дворцы и ссудить ему ещё миллион. Он ведь знал, что князь и этот миллион проиграет и никогда ему не вернёт. А мой отец просто простился с парой миллионов, отдал их князю, вот поэтому-то княгиня теперь моя жена.

— Я рад, что княгиня — ваша жена, Иван Иванович. Мой отец не смог бы так заботиться о ней, как вы. Красные живьём сожгли его в усадьбе, где он жил летом.

— Я и сам очень рад, Дмитрий Петрович, очень рад. Со святыми упокой душу Петра Петровича. Но должен сказать вам, сударь, что воду с маслом не смешаешь. По своему опыту знаю. Моя благородная жена во всём меня лучше.

Он вытер слёзы и пот и истово перекрестился.

— Ваше здоровье, Иван Иванович, не отчаивайтесь. Вода и масло недолго ещё будут смешиваться. Скоро все мы погибнем, а оставшаяся вода всё уравняет. Ждать недолго. Ваше здоровье, господа, — хрупкий юноша внезапно поднялся на ноги, откинул назад голову и вылил себе в рот остатки водки, закусил кусочком рыбы и сел так же резко, как и встал.

— Вашему сиятельству не стоит так говорить. Русское дворянство существует слишком давно и стоит очень крепко. Его так легко не истребить. Среди высших классов нашлись предатели, которые выпустили вожжи из рук. Но нужно верить, что это ненадолго.

---

[337] Казино в Монте-Карло (княжество Монако) — одно из старейших игорных заведений в мире. Существует с 1863 года.

— А я думаю, дорогой Иван Иванович, что князь Т. прав. На самом деле нас уже уничтожили, — задумчиво сказал другой князь.

— Ваше сиятельство да кто же вас уничтожил?

— Красные.

— Да кто такие красные, ваше сиятельство? Тёмные массы, о которых заботились и которых защищали дворяне, отдавая за них свои жизни на фронте? Сам Господь не допустит такому случиться, — горячо возразил Иван Иванович хрупкому молодому человеку, который, судя по всему, был сыном княгини Т.

— Когда начинаются войны и революции, Господь умывает руки и оставляет нас, Иван Иванович[338].

— Моё купеческое чутьё подсказывает, что атаман Семёнов соберёт сейчас всех оставшихся благородных сынов России, закупит у Японии и Америки оружие, снова пойдёт походом в Россию и сметёт все эти массы, тёмные и красные, просто поубивает всех без разбора.

Княгиня Т., молча сидевшая на другом конце стола и слушавшая аргументы всех, кто участвовал в этом горячем споре, умоляюще сказала:

— Иван Иванович, вы бессердечны. Не забывайте о женщинах и детях.

— Зачем нам думать об их женщинах и детях? Они не думали о вас, они не думали о прекрасных сёстрах и матери Дмитрия, а сожгли их живьём в поместье. Так почему мы должны думать о них? Их слишком много, они слишком быстро размножаются.

— Но людям нельзя запретить размножаться.

— Да, княгиня, и это хуже всего. Потому-то Господь и насылает болезни и чуму. Но мы, люди, стараемся быть добрыми к бедным. Если у мужика в вашей деревне умирает ребёнок, и у них нет денег даже на детский гробик, вам их жаль. Батюшка прочтёт в церкви длинную

---

[338] Аллюзия на стихи из Библии:

«Пилат говорит им: что́ же я сделаю Иисусу, называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят.

Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они ещё сильнее кричали: да будет распят.

Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы». (Мф. 27:22–24.)

Понтий Пилат — римский префект провинции Иудея, отправивший Иисуса Христа на казнь согласно пожеланиям еврейского народа.

проповедь о людских горестях. Учителя и студенты подхватят эту тему и поднимут вой о несправедливости к бедным. Но зачем бедноте так плодиться? Если их нельзя убить и нельзя помешать им размножаться, то они должны сами вымирать.

— Вы бессердечны, нельзя так говорить. В конце концов, мы все люди, Иван Иванович.

— Почему же я бессердечен, ваше сиятельство? Разве они добры к вам? Они вышвырнули из страны матерей с детьми, отправили их голодать за границу. Рабочие и крестьяне жалуются на бедность; революционеры подхватили эту песню, но понимают ли они, что если бы у князей было по десять или двенадцать детей, то они тоже были бы бедными? Если бы у всех рабочих и крестьян было по одному ребёнку, то не было бы бедности, не было бы голода, не было бы бунтов. А значит, не было бы и революций. Чтобы воспитать одного ребёнка, нужно двое взрослых. Значит, в этом случае, было бы меньше людей, меньше болезней, неудобств, вообще не было бы бедности. В скором времени человечество стало бы цивилизованным, и никакие войны и революции не омрачали бы божий мир…

— Браво, Иван Иванович!

— …Чем больше будут помогать бедным, тем больше бедных будет на земле…

— Браво, Иван Иванович!

— …Любой мужик или рабочий сможет спокойно прожить на скромную плату, дать хорошее образование одному ребёнку и тем самым создать более качественный класс людей. Тогда не будет причин для войн и революций, а грядущая эра машин уже не будет выглядеть так пугающе.

Все зааплодировали говорливому купцу, который верил в свою теорию и был рад, что получил возможность высказать свои взгляды. Он всё ещё не опустил правую руку, а кулак левой руки лежал на столе, где в беспорядке валялись пустые бумажные пакеты с жирными пятнами. Всё было съедено, водка выпита. Кое-кто переел и теперь, положив голову на стол, громко сопел, видимо, во сне.

Дмитрий, князь, генерал, баронесса, княгиня и я перешли в угол, где купец продолжил свою речь:

— Есть такой класс людей, которые всегда просят больше и которые всегда бедны. Они называют себя пролетариями. Сколько бы они ни получали, им всегда мало; а когда они получают больше, то жизнь их не становится лучше. Просто становится ещё больше пролетариев, и они всегда будут недовольны.

Ему опять громко аплодировали. Кто-то принёс ещё водки и наполнил стаканы. Иван Иванович повернулся к Дмитрию, от души хлопнул его по спине и, подняв стакан водки, продолжил своим глубоким проникновенным голосом:

— Какое такое новое изобретение вы продаёте, Дмитрий Петрович? Расскажите нам. Давайте сбрызнем его водкой на удачу.

— Да, Дмитрий, что это будет? Вы обещали поддерживать меня, когда получите свои сто тысяч йен, вы не забыли?

— Да, да, дорогая баронесса, обещание остаётся в силе. Вскоре все услышат про моё изобретение. Вы видели, как японцы выходят рыбачить ночью с горящими фонариками? Ну так вот, я изобрёл большой лёгкий стальной бочонок, который освещается изнутри электрической лампочкой, питаемой током с корабля. Рыбу будет привлекать огонь, и она пойдёт в этот бочонок, а им на следующее утро останется только закрыть крышку и поднять бочку на борт.

— Это отличное изобретение, Дмитрий Петрович. Надеюсь только, что там поблизости не будут проплывать акулы. Очень хорошее изобретение. Скоро рыба в Японии станет очень дешёвой на радость беднякам. Очень разумно! Очень разумно! Давайте сбрызнем водкой это изобретение. Я вижу, к Смирновым возвращается удача.

Все стали горячо обсуждать изобретение. Сбрызгивание продолжалось, и водка лилась настоящим водопадом.

Я ушла от княгини уже за полночь. Вокруг не было видно ни одного рикши, и мне пришлось проделать пешком весь долгий путь до дома. Ночь была очень тихой, её спокойствие не нарушали ничьи изобретения, ничьё сопение. Только где-то далеко в канаве пели лягушки, а по улице медленно брёл одинокий слепой массажист, играя какую-то грустную мелодию на своей бамбуковой дудочке. Это очень удобный японский обычай: если кто-то болен или мучается от бессонницы, то, услышав эту мелодию, он приглашает массажиста к себе, чтобы расслабиться и отдохнуть.

Близился рассвет. На востоке светлело, и на светло-сером ночном небе появлялись розовые пятна. Я тихо разделась и легла в постель, глядя, как небо из тусклого становится ярким.

Видимо, я очень долго спала, пока меня не разбудила мисс Эльза. Мне в спальню принесли завтрак, на плечах у Амы-сан висела моя свежевыглаженная одежда, а мисс Эльза и Ама-сан торопили меня вставать.

У ворот ждали два рикши; мы поехали вниз по склону. На мосту я увидела прогуливавшегося мистера Барретта, и мой рикша побежал

медленнее. Мистер Барретт приподнял шляпу и пошёл рядом с нами. Он сказал:

— Как жаль, что мисс Эльза меня не любит.

— Мне очень жаль, мистер Барретт, что она так грубо обошлась с вами в прошлое воскресенье.

— В известном смысле она права. Здесь, на Востоке, женатый мужчина действительно может запятнать репутацию девушки. Но она должна была позволить мне навещать вас в её доме.

— Мне очень жаль, мистер Барретт.

— Давайте назначим тайное свидание. Вы можете прийти ко мне домой на обед, и мы будем долго говорить о России. Ваш рикша отвезёт вас, я дал ему все указания.

— Но так нельзя, мистер Барретт.

— Глупенькая. Вы же понимаете, что люди должны общаться между собой. Надеюсь, она не собирается держать вас взаперти и сделать такой же старой девой, как она сама.

— Надеюсь, что нет.

— Тогда приходите ко мне сегодня ужинать. Вы согласны? Я буду вас ждать.

Рикша едва успел привезти меня в контору вовремя. Моя жизнь становилась всё сложнее и увлекательней; в ней появились новые основания для волнения — не такие, как в армии, на войне и в дни революции. Мне стало любопытно, я была заинтригована. Сначала чай в «Гранд-Отеле», потом приглашение на тайный ужин. Я всё же пошла туда, очень волнуясь.

Небольшие ворота открылись словно сами собой, и рикша ввёз меня во двор. Мистер Барретт ждал в тёмной комнате у открытого окна; слуга-японец проводил меня туда по узкой дорожке, огибавшей дом. От красоты открывшегося передо мной вида захватывало дух. Огромный сад был полон распустившихся цветов, а высокий зелёный кустарник украшал цветущий вьюнок с разноцветными колокольчиками. Внизу, подобная прекрасному ковру, расстилалась Йокогама, а издалека с моря доносился прохладный ветерок. От сильного запаха настурций у меня закружилась голова. Мистер Барретт в белом костюме вышел на веранду и протянул ко мне руки в приветствии. На столе были кружевная скатерть, хрусталь, серебро и цветы. На веранде всё было белым — стены, мебель и ковёр. Трое слуг были одеты в белые кимоно, и всё это казалось мне земным раем. Я подумала, что на Востоке белые люди умеют соблазнять и очаровывать гораздо лучше, чем дома. Я не могла говорить,

а от одурманивающего запаха настурций хотелось выйти на свежий воздух.

— Эти цветы пахнут слишком сильно для вас?

— Да, немного.

Слуга, не дожидаясь указаний, подошёл и унёс со стола цветы, а другой тем временем поставил на их место чашу с плавающими в ней маленькими бутонами белых роз.

Я не могла представить себе такой роскоши и комфорта. После ужина мы вышли в сад, куда подали кофе и ликёры; слуга подавал их, стоя на коленях. Мистер Барретт рассказал мне о своей работе на Путиловских заводах[339], об Англии и Японии. Это был один из самых интересных вечеров в моей жизни. На прощанье я пожелала ему доброй ночи, и он пригласил меня зайти ещё раз. Мой рикша ждал в тёмной аллее позади дома, и я поехала домой, как во сне. Как прекрасна была эта жизнь, и сколько в ней было незаметной на первый взгляд красоты.

Глава 19

Вскоре после этого баронесса зашла меня проведать, и мы пригласили её остаться на обед. Я расспрашивала её о тех русских, с которыми познакомилась в доме княгини Т., и об изобретении Дмитрия. Баронесса вздохнула и со слезами на глазах рассказала нам печальную историю. Когда японцы проводили испытание и спустили с большой лодки в океан огромную бочку, то многие друзья Дмитрия и японские чиновники были приглашены на борт. Они ждали результатов долго за полночь. Когда бочку поднимали наверх, она была ужасно тяжёлой; её с трудом открыли, но внутри была только огромная еле живая акула с желудком, набитым более мелкой рыбой! Мне тоже было жаль Дмитрия с его неудавшимся изобретением.

---

[339] Путиловский завод — одно из крупнейших предприятий российской металлургической и машиностроительной промышленности. История завода восходит к Кронштадтскому чугунолитейному заводу, открытому в 1789 году и переведённому в Санкт-Петербург в 1801 году. Предприниматель Н. И. Путилов (1820–1880) приобрёл завод в 1868 году. В конце 1917 года предприятие было национализировано, в 1922 году переименовано в «Красный путиловец». С 1934 года и по настоящее время — Кировский завод.

Баронесса спросила, не хочу ли я прийти завтра познакомиться с друзьями Дмитрия — это англичане, очень милые люди. Я сказала, что буду очень рада встретиться с ними.

Я пришла; там были князья Георгий и Даниил, баронесса и я. Я впервые попала на коктейль. Князь Даниил напевал себе под нос «Эй, ухнем!»[340], а баронесса подошла ко мне и попросила спеть. Сначала я отказалась, но она настойчиво просила спеть «Чёрных гусар»[341]. Услышав наш разговор, Дмитрий подошёл и сел рядом. Он сказал, что молодой англичанин — очень богатый промышленник, что мне нужно спеть, и если у меня окажется хороший голос, то он, возможно, отправит меня учиться в Италию, где за его счёт уже учатся двое. Я сказала Дмитрию, что никогда не училась петь, но он утверждал, что этого и не нужно: если у меня хороший голос, то этот господин может отправить меня учиться. Я решительно отказалась петь. Тогда ко мне подошёл молодой человек очень приятного вида и тоже стал упрашивать спеть. Я опять отказалась; вскоре вокруг собралась огромная толпа, и все умоляли меня согласиться. Я ещё выпила и встала, а Дмитрий пошёл к роялю, чтобы аккомпанировать. Но я сказала, что лучше буду петь без аккомпанемента, потому что ничего не понимаю в музыке. Он велел мне петь как можно громче, чтобы было ясно, действительно ли у меня «мощный голос». Я отошла в угол и дрожащим голосом запела свою любимую песню чёрных гусар. Но дойдя до слов:

«Марш вперёд, труба зовёт,
Чёрные гусары!
Звук лихой зовёт нас в бой,
Наливайте чары!»

— Я буквально взревела в полный голос, полная патриотических чувств. Все вокруг просто пришли в восторг и просили спеть ещё и ещё. Молодой англичанин был потрясён моим пением — как и я сама! Он переговорил с Дмитрием, а затем подошёл и спросил, не соглашусь ли я поужинать с ним в ресторане поблизости. Я выпила перед этим несколько коктейлей, очень проголодалась и радостно согласилась поехать.

---

[340] Русская народная песня «Эй, ухнем!», впервые записанная и опубликованная композитором М. А. Балакиревым в 1866 году.

[341] Как видно из слов припева к песне, которую в дальнейшем исполняет героиня — имеется в виду «Военная песенка» («Гусары-усачи»), написанная в 1915 году поэтом и композитором Владимиром Александровичем Сабининым (1885–1930, настоящая фамилия Собакин).

Большой взятый напрокат лимузин стремительно умчал нас. Вскоре мы выехали за пределы Йокогамы и оказались в прохладном ущелье. Склоны его были покрыты белыми японскими лилиями, источавшими восхитительный аромат. Молодой англичанин спросил, хочу ли я поехать в Англию, и я с радостью ответила: «О, да». Он сел рядом, обнял меня и поцеловал. Я была очень удивлена и от души выругалась по-русски. Я спросила, какое право он имеет вести себя подобным образом, но он просто сказал: «Ну, если ты едешь ужинать ночью с мужчиной, то это даёт ему все права». Я очень разозлилась и выдала ему целую лекцию о «бедных беженцах» и о том, что даже если мы принимаем приглашения на ужин, то остаёмся «приличными людьми». В ответ он сказал, что никогда в этом не сомневался, и отсел в дальний угол.

Мы молча доехали до Камакуры[342], где в большом отеле собралась нарядно одетая толпа. Увидев троих хорошо знакомых мне молодых людей: датчанина, американца и француза, я подошла к ним и попросила угостить меня ужином, после чего мы прекрасно провели вечер, танцуя до раннего утра. Несколькими днями позже я встретила молодого англичанина в «Гранд-Отеле» за чаем; с ним была баронесса, и в этот раз она была одета очень хорошо!

Я снова побывала в китайском квартале у княгини Т., но в этот раз там было не так много народу. Какая-то пожилая дама помогала готовить суп, а ещё там был старик, показавшийся мне очень больным, которого я прежде никогда не встречала. Мне было очень жаль их, и я спросила у княгини, кто это. Она сказала, что дама раньше была балетмейстером Императорского балета[343], а мужчина — её муж, и он очень болен. Они ждали Дмитрия, которому собирались отдать на продажу несколько бриллиантов. К этому времени Дмитрий мне уже совсем не нравился, и я попросила княгиню предложить им передать на продажу бриллианты мне, а не ему. Два кольца я за очень хорошую цену продала мистеру Вильямсу. Старая балерина была очень рада и спросила, не хочу ли я научиться балету. Она с удовольствием взялась бы учить меня. Она мне понравилась, и чтобы её порадовать, я ходила к ней на занятия три раза в неделю на полчаса. Я получала огромное удовольствие от занятий и каждое утро, перед тем как одеться, проделывала все упражнения. Вскоре мне потребовались балетные туфли, и мы заказали их в Италии, где прежде всегда заказывались

[342] Камакура — город в Японии на острове Хонсю. Основан в 1192 году.

[343] То есть в балете одного из императорских театров.

балетные туфли для Императорского балета. А когда туфли доставили, то я начала серьёзно относиться к занятиям танцами.

Однажды моя наставница сказала, что нам следует посетить знаменитого японского балетмейстера, великого Сузуки-сан. Это был очень интересный визит. Великий Сузуки-сан сидел на полу, поджав ноги. По обе стороны от него сидели две женщины. В руках у каждой был круглый сямисэн[344], длинная дека которого возвышалась высоко над их головами. Они играли на сямисэнах при помощи каких-то особым образом выточенных кусочков слоновой кости и при этом пели в нос заунывную мелодию. Напротив сидели четверо или шестеро девушек в красивых цветных кимоно. Они по очереди вставали, подходили к учителю, и под пение музыкантов вращали глазами, крутили шеями, заламывали кисти рук, наклоняли вперёд головы и раскачивались в такт мелодии. Великий Сузуки-сан тянул себя за жидкую седую бородку, качал головой и говорил «дамэ, дамэ» — что по-японски значит «не то, не то». Потом к нему подходила следующая девушка и под иную мелодию совершала уже другие движения. Вторая девушка резко поднимала голову, вращала глазами и закрывала их, поворачивала кисти, выставляла вверх ладони, немного откидывалась назад и в лёгком прыжке делала выпад вперёд, открывала глаза, поднимала другую руку над головой и, повернувшись к этой руке, слегка кивала ей, словно спрашивая, хорошо ли получилось. Сузуки-сан какое-то время молчал, а потом опять сказал: «дамэ, дамэ».

Мы были очарованы грациозными движениями девушек и изяществом их жестов, но великий Сузуки-сан продолжал повторять: «дамэ, дамэ».

Я была заинтригована. Мне захотелось узнать, что же Сузуки-сан считал хорошим танцем, и я спросила его об этом на недавно выученном мной японском языке. Он сказал, что искусство танца будет несовершенным без правильных и красивых движений рук, ног и тела, которые должны быть так же понятны, как слова в рассказе.

Мы часто ходили туда. Моя наставница говорила, что было бы очень полезно включить какие-то элементы японского танца в танцы других школ. Я спросила, смогу ли я танцевать японские танцы, и она отнеслась к этому с большим энтузиазмом. Мы посоветовались с Сузуки-сан, его это очень заинтересовало, и я стала ездить к нему

---

[344] Сямисэн — японский трёхструнный щипковый музыкальный инструмент с длинной декой.

два раза в неделю. В свою очередь, четыре японские девушки приходили к моей наставнице на уроки, и вскоре у неё образовалась своя хорошая школа.

Зима прошла очень быстро. Я работала, занималась танцами и вращалась в обществе. Однажды мистер Барретт позвонил мне на работу и пригласил на ужин. Мой рикша ждал у школы танцев и повёз меня новой дорогой. Я не обратила на это внимания, думая о новых танцах, которые показал мне Сузуки-сан, и пытаясь вспомнить их мелодии, слова и движения. Один из них был посвящён девушке, ждущей своего возлюбленного в вишнёвом саду. Дул ветер, нежные лепестки опадали на землю, но он не пришёл…

Рикша доставил меня в незнакомое место. Центральные ворота были открыты; он вёз меня по узкой дороге через сосновый лес. Было очень темно; я спросила рикшу: «Доко-дэс-ка?» — то есть «куда?» Он ответил: «Барретт-сан-дэс», — то есть «к мистеру Барретту»; я подумала, что мистер Барретт переехал. Мне было очень жаль, ведь в прежнем доме был такой красивый сад! Мы долго ехали через лес, пока не выбрались на открытое пространство. Перед нами лежал безупречный газон, напоминавший искусно сотканный ковёр. Его окружала зелёная изгородь высотой примерно в три или четыре метра, освещённая большими электрическими лампами. В стороне виднелся теннисный корт.

Мистер Барретт открыл двери веранды и тепло поздоровался со мной. Этот его дом выглядел не таким изысканным, как первый, но зато был богато обставлен. В доме была новая американская мебель и новые китайские ковры. Я сказала мистеру Барретту, что мне очень нравится этот дом, но в том, в первом, был такой красивый сад! Мистер Барретт сказал, что он рад, что мне нравится этот дом, и что весной он разобьёт здесь для меня сад. Я удивилась и спросила, что это значит. Он сказал, что купил этот дом для меня, что мне нужно бросить работу и учиться танцам и пению, а раз в год он будет возить меня в Европу. Я была удивлена и шокирована. Он ни о чём не спросил меня, прежде чем покупать дом. Я сказала, что собираюсь работать, а со временем выйти замуж, но он сказал, что здесь, в Японии, не за кого выходить замуж, кроме нескольких конторских служащих, которые бедны, как церковные мыши, а все богатые люди уже женаты. Я попросила мистера Барретта дать мне подумать и была рада уехать.

Однажды в воскресенье в церкви женщины попросили меня спеть на благотворительном вечере. Я пыталась отказаться, но они и слушать не хотели. Я объяснила, что знаю только несколько воен-

ных песен, но они сказали, что именно это им и нужно. Я не придала этому большого значения и не стала возражать. Примерно неделю спустя, когда я пришла домой, наш дом был весь буквально заставлен корзинами с цветами. Они стояли в гостиной, в столовой, наверху, а цветами в горшках был полон весь наш палисадник. Я спросила мисс Эльзу, зачем она их заказала; разве у нашей кухарки был день рожденья? Она рассмеялась и сказала, что цветы прислали мне. Я не могла поверить и стала смотреть карточки в корзинах. На них было написано: «Успеха» и «Огромного успеха». Я осмотрелась вокруг: всё это было адресовано мне, все желали мне большого успеха. Я спросила мисс Эльзу, что всё это значит, а та поинтересовалась, не забыла ли я, что мне в этот день предстояло петь в церкви на благотворительном вечере. У меня сердце ушло в пятки! Мисс Эльза стала меня торопить: нужно было успеть пообедать и одеться. Но я объявила, что больна и хочу лечь в кровать. Она настаивала, что мне нужно пойти, и сказала: «Если бы я пообещала спеть, то не пошла бы на попятную». Я не могла есть; куда бы я ни пошла, меня преследовал запах цветов. У меня болела голова и подкашивались ноги, но в восемь часов мне помогли одеться. Церковь была неподалёку, однако мне пришлось взять рикшу, потому что я не могла идти своими ногами.

По пути я увидела много знакомых, в том числе и господина Барретта, который шёл вместе с другими в высокой шляпе и вечернем костюме. Мне становилось всё хуже и хуже. Люди стекались со всех сторон. Мисс Эльза вместе с другими дамами пошла к сцене, а я вошла в помещение и присела. Зал был переполнен, многим не хватило места, и они стояли у стен. Я не могла ни двинуться, ни открыть глаза, которые ужасно щипало. Открылся занавес, и какая-то дама стала произносить бесконечную речь, в конце которой перечислила выступающих. Потом она сказала: «Наша маленькая казачка…» — и ещё что-то долго говорила.

У меня по спине бежал пот, платье прилипло к стулу. Какой-то мужчина вышел и что-то спел. Потом пели две дамы. Кто-то сыграл на фортепьяно, кто-то читал стихи. Много смеха, много песен, и потом перерыв. Послышались аплодисменты, смех и весёлые разговоры. Я не могла встать со стула! Как выйти из этого положения? Я всё ещё не могла даже пошевелиться, платье прилипло к телу. Я не смогу петь, я знала, что и рта не смогу открыть, я поклялась себе никогда в жизни больше его не открывать! Но что сейчас мне делать? Когда они назовут моё имя, я встану, споткнусь, упаду и ударюсь головой о стул! Отличная идея: я потеряю сознание, и на этом всё закончится!

Люди входили и выходили; казалось, перерыв длится вечно. Может быть, следует упасть в обморок прямо сейчас и разом со всем этим покончить, но в зале было слишком светло, все увидели бы, что я притворяюсь. Мне нужно подождать и потерять сознание, когда станет темно. Свет погас; время шло, однако ничего не происходило. Мне казалось, что все вокруг слышат, как бьётся моё сердце. Наконец открылся занавес и снова вышла эта дама.

— Дорогие друзья, мы так благодарны, что вы все собрались в этом прекрасном зале. Мы высоко ценим, что вы так любезно отозвались на наше приглашение. Мы также благодарны нашим артистам, которые щедро поделились с нами своими талантами. Однако наш вечер должен закончиться очень печально. Наша дорогая, любимая мисс Оливетт, которая последние двадцать два года безвозмездно играла для нашей церкви на фортепьяно и на органе, только что скоропостижно скончалась…

Уфф!! Бедная мисс Оливетт. Я её тоже знала, но она умерла очень вовремя для меня. Бедная мисс Оливетт, я вам навеки обязана.

Толпа потянулась к выходу, но я вышла первой, села в рикшу и вскоре была уже в постели.

Глава 20

Как-то раз я решила навестить княгиню Т. и после урока танцев пошла в китайский квартал. Иван Иванович вернулся из поездки в Маньчжурию, и в честь его возвращения у княгини собралась толпа народу. Опять на столе стояли многочисленные бутылки водки и пакеты, полные еды. Иван Иванович побывал в Китае и выяснил, что российским беженцам, особенно женщинам, жилось там не лучше, чем в Японии. Они должны были искать мужчин, которые смогут их содержать, и он знал многих русских женщин, живших с китайцами. Княгиня Т. перекрестилась, вздохнула и сказала:

— Не приведи бог и нам познать такое.

Иван Иванович услышал, с трудом повернул в её сторону потное красное лицо на короткой шее и безапелляционным тоном сказал:

— А почему бы и нет, ваше сиятельство? По мне так средний жёлтокожий лучше, чем многие белые мужчины. К тому же китайцы очень тонкие люди, хорошо образованные и очень культурные. Многие белые мужчины живут с японками и китаянками, и они не становятся от этого хуже. Известно, что китайцы женятся на белых

женщинах, хотя никто не слышал, чтобы на белой женщине женился японец.

Потом он сказал, обращаясь к сидящему рядом генералу:

— Возможно, их цивилизация ещё не достигла этого уровня.

— Здесь есть одна американка, которая замужем за японцем, — сказал генерал, — им действительно непросто живётся. Белые избегают их, в отелях они даже встают из-за стола и уходят, когда те появляются. Я слышал, что для японцев они тоже стали изгоями, хотя молодой человек весьма состоятелен и происходит из известного рода.

Иван Иванович поднял руку и перебил генерала.

— Неужели это правда, генерал? Это только лишний раз доказывает, что я прав, их цивилизация всё ещё находится на очень низком уровне, — и он подлил водки в чашку генерала. Тот продолжал:

— Здесь есть русская девушка, Соня, она живёт с японцем. Я думаю, она тоже стыдится этого. Она даже не выходит и ни с кем не встречается.

Не найдя, что на это ответить, Иван Иванович какое-то время расправлялся с куском колбасы, а затем сказал, словно размышляя вслух:

— Мне кажется, японцы — очень славные люди, по крайней мере, у них всё ещё есть их микадо[345], и они чтут корону и порядок. Их дворянство не хуже нашего, и я не понимаю, почему наши дамы, оставшись без средств, стыдятся жить с ними.

— Иван Иванович, что это на вас нашло после поездки в Китай? — спросила его княгиня.

— Но, княгиня, а что же остаётся делать? Почему ваши белоснежные ручки должны всю оставшуюся жизнь готовить борщ? Только из-за того, что ваш муж и ваши братья честно пошли на фронт и погибли за тот самый народ, который вас ограбил, обидел и вышвырнул из страны, во имя которой вы столь многим пожертвовали? Что же теперь остаётся делать? У вас трое детей, которых вы хотите вырастить…

Княгиня трижды перекрестилась и ответила:

— Что же остаётся делать? Один Господь ведает, что нам остаётся делать, но мы должны нести это со смирением и пройти через это с честью.

— Честь, княгиня, всегда была и остаётся очень растяжимым понятием. А кстати, ваше сиятельство, где ваша нянюшка?

---

[345] Микадо — титул для обозначения императора Японии.

— Ох, не говорите мне о ней, Иван Иванович. Я заперла её с детьми, она становится совсем невыносимой.

— А что с ней случилось, ваше сиятельство?

— Мне кажется, она сходит с ума.

— Это вряд ли, ваше сиятельство, крестьянские головы слишком крепки, чтобы так вот взять и сойти с ума. С ней нужно просто как следует поговорить. Почему бы вам не послать её ко мне? Я с ней поговорю.

— Боюсь, она будет всех раздражать своими жалобами.

— Это не страшно. У нас с ней будет задушевный разговор. Поди-ка, позови её, Петрович.

Дмитрий Петрович пошёл в задние комнаты, чтобы привести няню. Генерал тряхнул головой и глубоко вздохнул.

Я спросила генерала, в чём проблема с этой няней. Он опять тряхнул головой и сказал: «Выживают только сильные», — а потом рассказал историю княгини Т., её троих детей и их няни.

— Молодой князь, сын княгини, ушёл на фронт добровольцем, когда ему было семнадцать лет. Когда случилась революция, все они были у себя дома, в Севастополе[346], и князь Станислав тоже проводил там отпуск с семьёй. Старый князь Т. поспешил с фронта домой к семье; солдаты узнали о его приезде и подняли бунт. Они хотели его повесить, поскольку все знали, что он сторонник жёсткой дисциплины. В Крыму в то время было много старших офицеров и дворян. Один купец предложил вывезти их на своём корабле в Константинополь[347]. К нему погрузилось множество людей, но крестьяне и солдаты захватили корабль и выбросили всех пассажиров за борт. Потом они отправились разыскивать их родственников и тоже побросали в море всех, кого нашли. Вскоре пришла Белая армия, но для большинства жертв было уже немного поздновато. Княгиня Т. и её дети спаслись, спрятавшись в подвале церкви, где их и нашёл её кузен, князь Н., который со своим отрядом пробился к ним на выручку. Князь Н. велел водолазам спуститься в море и найти тела утонувших. Сын княгини,

[346] Севастополь — город в Крыму, основанный в 1783 году на месте древнего Херсонеса (существовал с V века до н. э. до 1399 года). В 1783–1784 и в 1797–1826 годах носил название Ахтиар. В настоящее время — город федерального подчинения в составе Российской Федерации.

[347] Константинополь — историческое название современного Стамбула, крупнейшего города Турции. Основан в VII веке до н. э. как греческая колония Византий. Переименован в Константинополь в IV веке н. э. С 1930 года — Стамбул.

князь Станислав, спустился вместе с ними, чтобы отыскать тело своего отца, но с тех пор помутился рассудком. Почти каждую ночь во сне он снова оказывается под водой, где видит множество людей, застывших в предсмертных муках, протягивающих руки, открывающих рты, как будто в мольбе, с беспомощно болтающимися головами; дам, чьи волосы плывут вокруг их лиц. Утреннее море было светлым и прозрачным, они все были, как живые, и словно молили князя спасти их[348].

Я спросила его про няню, которая тоже стала терять рассудок, но в этот момент дверь открылась, и Дмитрий помог войти ещё не старой, типичной русской няне. На ней был широкий белый фартук и белый платок на голове. Она вошла, крестясь и твердя молитвы, и сказала:

— Благослови вас Господь, дети божьи! Да пребудет мир в ваших сердцах! Благослови вас Господь!

— Вечер добрый, нянюшка! — сердечно приветствовал её Иван Иванович.

---

[348] Во время красного террора в Севастополе и других портовых городах было утоплено множество офицеров, священнослужителей и «буржуев». В воспоминаниях князя Н. Д. Жевахова читаем: «В Севастополе несчастных связывали группами, наносили им ударами сабель и револьверами тяжкие раны и полуживыми бросали в море. В Севастопольском порту есть места, куда водолазы отказываются опускаться: двое из них, после того как побывали на дне моря, сошли с ума. Когда третий решился нырнуть в воду, то выйдя, заявил, что видел целую толпу утопленников, привязанных ногами к большим камням. Течением воды их руки приводились в движение, волосы были растрёпаны. Среди этих трупов священник в рясе с широкими рукавами, подымая руки, как будто произносил ужасную речь…» (Воспоминания Товарища Обер-Прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. — Том II (март 1917 — январь 1920). — Новый Сад, 1928.)

Косвенное подтверждение этим свидетельствам можно найти и в советской литературе. Так, у известного в своё время писателя А. Г. Малышкина в повести «Севастополь» (1926) описывается жизнь города после массовых казней: «Про адмирала Кетрица ходила легенда, будто бы жена его пожелала во что бы то ни стало вернуть себе перстень, даренный ею и оставшийся у него на пальце. И будто бы адмиральша наняла за большие деньги двоих матросов-водолазов, которые согласились слазить за перстнем в море. Однако, не пробыв под водой и двух минут, матросы дали тревожный сигнал к подъёму. «Больше не полезем туда ни за какие деньги». — «Почему?» — «Они все стоят там… митингуют, грозятся…» Водолазы после исчезли из Севастополя.

<…> Иван Иваныч, бывший в курсе всех новостей, так объяснял, почему внезапно испугались водолазы: потому что офицеры с привязанными к ногам балластинами стояли там стоймя и от подонной зыби пошевеливали руками и ногами; матросам же, и без того истерзанным совестью, показалось…»

— Ах, барин! Да помянет вас Господь за ваши добрые слова!

— Входи. Сядь, няня, и расскажи мне, как поживаешь?

— Ах, барин, барин. Всё в руце божьей. Мы, дети его, видно, сильно согрешили, раз гнев его обрушился на нас и на детей наших.

— О чём ты, няня, на что жалуешься, какой гнев? Ты живёшь в безопасности, и у тебя есть, чем питаться. Что ещё нужно в эти дни? — спросил Иван Иванович. От его добрых слов на глазах у няни появились слёзы, и она ответила:

— Я не о себе говорю, но гляньте на мою хозяйку и на её беззащитных малых детей! Из прекрасных белокаменных дворцов да в эту трущобу! Ох, Господь, милосердный Господь, сжалься над невинными!

Няня села на скамью и заплакала, как ребёнок. Иван Иванович поскрёб свою голову, посмотрел на генерала и беспомощно махнул рукой в сторону няни. Подошла княгиня и с большим сочувствием погладила её по спине. Няня несколько раз поцеловала ей руку и высморкалась в свой фартук. Иван Иванович налил всем в чашки водки, потянулся за большим куском колбасы, покачал головой и сказал:

— Знаете, ваше сиятельство, как я уже говорил, помогать обездоленным — значит делать их ещё более обездоленными. Возьмите кнут и выбейте всю дурь у неё из головы. Так от неё будет больше пользы. Она забудет про гнев господний, а будет бояться прогневить вас. Я уже говорил, что аристократы были слишком добры к чёрной кости, а те набросились на них, как львы. Если дрессировщик выпустит хлыст, то лев его съест. Вот, няня, выпей водки и не говори мне, что никогда ничего не крала из того прекрасного белокаменного дворца!

— Нет, барин, только один раз, давно, когда у меня болел живот или что-то ещё, — воскликнула няня и опять высморкалась в фартук.

— Да знаю я, сам из крестьян, так что не говори мне, что живот у тебя не болел каждый день.

— Нет, барин, только на Рождество, Пасху и на Новый год, когда мы слишком много ели.

— То есть когда вы крали слишком много свинины, ветчины и индейки. Знаю я вас! Я, бывало, заходил на людскую половину у себя дома в Москве и всегда видел у них пару кусков ветчины под матрасом. А колбаса, да они просто спали на колбасе!

— Нет, барин, у княгини был очень строгий управляющий, никому не удавалось унести ветчину. Колбасу, да, уносили; денщик, бывало, проделает дырку в кармане, колбаса и провалится ему в штанину. Так, бывало, и утащат немножко колбасы из дворца.

Няня с удовольствием рассказывала; она явно рада была поговорить о старых временах. Иван Иванович искусно поддерживал нить беседы:

— Да знаю я вас. Ты, небось, потому и плачешь, что колбасы больше не украсть?

Няня вдруг вспомнила про свои горести и снова стала причитать.

— Ах, барин, барин. Не шутите со старой женщиной. Я плачу и молю бога избавить нас от этих адовых мук.

— Каких адовых мук, дура старая?! Хочешь назад в Россию, где твою княгиню и её детей на куски разорвут? — заорал Иван Иванович.

— Никогда не поплыву обратно, даже если мне этот белокаменный дворец подарят. Всё, что люди делают сегодня, кажется, делается вопреки воле божьей. В море должны рыбы плавать, а не люди шастать. Не случайно ужасные боли и хвори на нас нападают.

— Так что ж тебе здесь-то не нравится, няня?

— Отец наш небесный! А вы видели жёлтых демонов, которые бегают здесь по улицам, как хотят? Скажи им, что стыда у них нет, они уставятся на тебя и дальше бегут на своих высоких деревянных копытах[349].

— Они на тебя пялятся, как ты пялилась бы на них в Севастополе, если бы увидела там японца или китайца.

— Нет, барин, я никогда ни на кого не пялилась, хотя видела много татар, турок и евреев. Они все умели по-русски говорить, а здесь ни одна душа по-русски не понимает.

— Это Япония, няня, и здесь все говорят по-японски.

— Мне, барин, всё равно, как они тут говорят, но они должны говорить по-русски, чтобы мы их понимали. Должно быть, это нам кара господня, господь перемешал языки, как в Вавилоне. А как они одеваются, барин… стыда у них нет, всего рубаха да шляпа, а сами без штанов.

Теперь няня вполне пришла в себя и могла объяснить, что её не устраивает в Японии. Купец, хорошо знавший простого человека, без труда вправил ей мозги. Он налил ей ещё водки и сказал:

— Старая ты дура, няня. Ты что, не знаешь, что люди говорят на разных языках: по-немецки, по-французски, по-турецки, по-польски. Ну а здесь люди говорят по-японски.

---

[349] В Японии распространены деревянные туфли «гэта» на высокой деревянной подошве.

— Да уж это-то я, барин, знаю, хоть я и старая дура. Князь Станислав и княжна Ольга тоже взялись языки ломать и даже учителей для этого наняли. Но это просто так, чтоб время занять, а потом всяк может свой язык на место становить и говорить по-божески, если к ним обратиться.

— Вот тебе, няня, ещё водки. Княгиня, ваше сиятельство, не возитесь вы больше с этой старой дурой. Её бы выпороть хорошенько, чтобы дурь из головы выбить. Если я ещё услышу, что ты жалуешься, плачешь или беспокоишь свою княгиню — обещаю, я сам тебя выпорю вот этим ремнём. Сотню ударов обещаю. Ты должна здесь всю работу делать и следить, чтобы её сиятельство и рук своих белых не запачкала.

Иван Иванович прикрикнул напоследок на старую няню, которая совсем не испугалась, а напротив, пришла в себя и послушно ответила:

— Да, барин, но вам бы не гневить Господа и не говорить так сердито.

— Это ты гневишь Господа своими глупыми речами, потому японцы и не говорят по-русски и в одних рубахах ходят. Ваша сиятельство, буду вам очень признателен, если вы зададите ей работу, — сказал Иван Иванович и в шутку добавил, сердито обращаясь к няне:

– Смотри у меня, если тебе шкура дорога.

Няня поняла, что он не шутит, вытерла лицо, встала и пошла убирать со стола, собирать пакеты и очистки от фруктов, сыров и колбас. Кажется, теория Ивана Ивановича сработала: с няней достаточно было хорошенько разок поговорить на понятном ей языке. От доброты княгини она стала больной и нервной. Я рано ушла в тот день, потому что разговоры, в которых тон задавал Иван Иванович, были всё о том же, а мне это уже надоело.

Дул тёплый весенний ветер. Казалось, дожди, которые шли всю зиму, начисто отмыли небо. Теперь оно было тёмно-синим и усыпанным мириадами звёзд. Я слушала разговор двух японцев, шедших впереди меня, и речь их ласкала мне ухо.

Я всё ещё не могла забыть тот разговор в начале вечера о белых женщинах, вышедших замуж за восточных мужчин и отвергнутых обществом. Я впервые задумалась о том, куда меня может завести увлечение японскими танцами, и решила бросить занятия. Я никогда не забуду танцы. Если американку подвергли остракизму за то, что она вышла замуж за японца, то что ждёт меня за то, что я танцую их танцы? Я подумала, что никто никогда не захочет увидеть, как я танцую. Я подумала о Сузуки-сан, который мне очень нравился,

вспомнила новые танцы из пьесы о самураях, которые он показывал мне. Сузуки-сан мной очень гордился, последнее время он очень редко говорил мне «дамэ, дамэ». Иногда он даже советовался со мной. Иван Иванович прав — как жаль, что цивилизованные люди мыслят так узко и устанавливают для себя столько запретов! Я никогда не забуду Сузуки-сан и танцы, которым он меня научил: танец цветущей вишни, танец моря и поющих волн; танец великого самурайского воина, победившего злокозненного дракона и отрубившего ему голову. И я никогда не забуду танцовщиц-гейш[350], учившихся развлекать гостей: они изучали, как подавать чай, как создавать красивые букеты и многому другому. Я тоже взяла несколько уроков аранжировки цветов, но вскоре бросила это занятие, потому что мне не хватало терпения на то, чтобы бережно сгибать ветки, пока они не примут нужную форму. Да, от всего этого нужно отказаться. Никто из белых людей этому не учится, кроме меня; значит, наверно, это неправильно. Я никогда больше не пойду в ту школу, но я всегда, всегда буду помнить Сузуки-сан, его мудрость, то, как он учил нас понимать смыслы, передаваемые при помощи танца, и наделял нас способностью раскрывать эти смыслы при помощи телодвижений.

Я исполнила своё решение, но мне было очень грустно и одиноко без этих танцев. Я просто томилась от такого количества свободного времени и даже обрадовалась случайной встрече с Дмитрием однажды во время чаепития в «Гранд-Отеле». Он был с ещё двумя мужчинами и прекрасно одетой русской дамой. Он был рад меня видеть и пригласил поужинать с ними в гостинице «Ориентал»[351] тем же вечером.

Когда позже мы встретились, то Дмитрий был в прекрасном настроении. У него явно было всё в порядке с изобретательностью. К этому времени он научился немного говорить по-английски и теперь объяснял американцу, что не так давно, когда он с группой русских переходил границу, на них напали банды красных и китайцев. У него украли одежду, золото и драгоценности, а также все драгоценности графини (он указал на свою даму). Потеряв все деньги и всю одежду, он чувствовал себя совершено беспомощным и всё время печально

---

[350] Гейша — женщина, профессионально развлекающая своих клиентов (гостей) танцами, пением, беседой и т. д. Не путать с проститутками: гейши не имели права заниматься проституцией.

[351] Гостиница «Ориентал» («Oriental Hotel») была открыта в Йокогаме в 1872 году. Разрушена во время великого землетрясения 1 сентября 1923 года.

вздыхал. Американец, бывший с ним примерно одного роста, положил ему руку на плечо и сказал, что у него много лишней одежды, и он готов поделиться. Он пригласил Дмитрия подняться к нему в номер и переодеться в один из его костюмов.

Я спросила русскую даму, что всё это значит, и она ответила довольным голосом:

— Это новое изобретение Дмитрия. Всем иностранцам, с которыми мы знакомимся, он рассказывает печальные истории. Они всегда очень добры к нему, дают одежду, а иногда и деньги, и мы последнее время неплохо живём.

Меня всё это возмутило, но дама назвала меня дурой и сказала, что благодаря этому Дмитрий всю зиму помогал многим русским семьям.

Вернулись Дмитрий и мистер Смит; хорошая одежда явно подняла Дмитрию настроение. Он опять выглядел как «ваше высокоблагородие» и более уверенно говорил на своём ломаном английском, называл свою даму графиней, а меня — княжной. Я спросила, почему он ведёт себя так по-уродски, но он не дал мне договорить и потребовал, чтобы я не мешала ему зарабатывать на жизнь.

После обеда мы пошли пить кофе с ликёром. Вскоре «графиня» и мистер Смит поднялись в его номер, чтобы «попробовать американские напитки», а второй американец спросил, не хочу ли я посмотреть фотографии Нью-Йорка у него в номере. Я поблагодарила, сказала: «Как-нибудь в другой раз», — и попросила Дмитрия отвезти меня домой. Когда мы вышли, я ещё раз спросила, зачем он это делает. Он задал ответный вопрос: «А что ещё остаётся?» — и велел мне не быть дурой. Он сказал, что две дамы, которых он до этого знакомил со своими американскими друзьями, уже уехали в Америку, «потому что американцы очень любят княжон, графинь и баронесс, оказавшихся в затруднительном положении». Он добавил, что эти два американца очень богаты, и что я могла бы уехать в Америку, если бы не вела себя, как невинная дурочка. Я спросила, что он сам с этого имеет. Дмитрий беззаботно присвистнул и ответил: «Хорошую еду, хорошую жизнь, сегодня новый костюм, а иногда и денег занять удаётся».

Я ушла и по дороге думала, действительно ли ему не осталось ничего другого. Ему и многим другим русским, оказавшимся в затруднительном положении — людям, которые когда-то принадлежали к гордому и независимому племени.

Спустя несколько дней я опять пошла навестить княгиню Т. Старая няня явно ожила и сидела за столом. Княгиня и ещё несколько дам

окружили Дмитрия и над чем-то весело смеялись. Я присоединилась к ним. Дмитрий стоял в центре компании, он жестикулировал и возбуждённо говорил:

— Это отличная возможность, мы можем заработать кучу денег. В шоу-бизнесе деньги есть всегда.

Я не удержалась и спросила, в чём суть его нового «изобретения». Дмитрий важно ответил:

— Это, дорогая моя, не «изобретение». Я шёл по китайскому кварталу и вдруг с удивлением понял, что из граммофона до меня доносятся звуки оперы «Кармен»[352] на японском языке. «Кармен», понимаете? Я зашёл в магазин, и спросил продавца, есть ли у него и другие пластинки с музыкой из «Кармен», например, ария тореадора и хор. Мне пришла в голову замечательная идея — поставить оперу «Кармен» и отправиться с ней в турне от одного селения к другому. Во-первых, этим можно заняться просто для разнообразия, которое всем нам необходимо. А во-вторых, я уверен, мы на этом заработаем кучу денег.

— Но где вы возьмёте оперных певцов, Дмитрий? — хором спросили его несколько дам. В ответ он замахал руками и сказал:

— Это не обязательно, княгиня. Подойдёт любой, кто может попасть в тон. Мы же поедем по селениям!

— Но что, если в селении у кого-то уже есть пластинка с записью «Кармен»?

— Это, наверно, будет интеллигентный человек, Мария Петровна. Такой предпочтёт приобщиться к искусству, а не жаловаться.

— Но, Дмитрий, вам придётся устроить для них какое-то представление. Просто за пару песен денег не получишь.

— Вы правы, ваше сиятельство, мы должны устроить какое-то представление. Знаю! Здесь неподалёку живёт семейство борцов, муж с женой и её брат с двумя детьми. Они приехали в Японию, чтобы получить работу в цирке, но у японцев нет цирка, и они находятся в стеснённых обстоятельствах. Несчастные глупцы питаются одной рыбой, которую ловят в заливе. Они нам сгодятся; кстати говоря, японцы любят борьбу. У меня есть гитара, которую мне оставила баронесса, уезжая в Америку. Мария Петровна, вы прекрасно поёте «Очи чёрные»[353], не так ли?

---

[352] «Кармен» — опера французского композитора Жоржа Бизе, премьера которой состоялась в 1875 году.

[353] «Очи чёрные» — русский романс на слова Е. П. Гребёнки (стихотворение опубликовано в 1843 году), музыка Ф. Германа в обработке С. Герделя (1884).

— А ещё, Дмитрий, я могу спеть «Белой акации гроздья душистые»[354].

— Отлично! Я вижу, у нас складывается труппа. Тут живёт Нина, бывшая балерина, она к нам присоединится. Вы, казачка, слишком здесь обуржуазились. У вас есть работа, вам платят, но вы вполне могли бы спеть «Чёрных гусар». Я уверен, японцам это понравится. Итак: борьба, пение, танцы и гитара — у нас уже отличный набор!

— А в доме, где я живу, Дмитрий, есть отличный бас. Он каждый день варит рис и поёт гадкие песни.

— Примем и его. Вы с ним знакомы, Варвара Степановна? Вы можете его спросить? В любом случае, приводите его завтра сюда. Нам нужно взять пару простыней и попросить князя нарисовать декорации. Он неплохо рисует. Хуже всего, что у нас нет денег на краски и на проезд по селениям.

Дмитрий задумчиво почесал в затылке и посмотрел на меня.

— Двадцати йен на расходы хватит, Дмитрий? — спросила я.

— Какая удача! Вы молодец, и к тому же щедрая!

Я пообещала дать им две простыни и двадцать йен и ушла.

На следующий день Дмитрий пришёл к нам и был просто очарователен. Он очень понравился мисс Эльзе, и она пригласила его заходить ещё. Но я была рада, что он со своей оперной труппой скоро уедет.

Чуть позже я пошла посмотреть, как у них идут дела. Над декорациями я смеялась до слёз. На одной простыне были изображены тореадоры, вышагивающие в красных рубахах и зелёных штанах, с ярко-жёлтыми лицами и чёрными волосами. На другой простыни в одном углу был бык, а в другом тореадор, снимающий перед быком шляпу. На месте лиц были проделаны отверстия, и Дмитрий, вставив голову в отверстие с изображением тореадора, что-то пел быку, а обладатель баса из отверстия в изображении быка отвечал ему двусмысленной солдатской песенкой о том, как денщик и горничная приглашали друг друга на прогулку. Мария Петровна в красном платье встала перед ними и спела «Белой акации гроздья душистые». Потом явился Дмитрий, и они дуэтом спели быку «Очи чёрные». Затем вышел один из борцов и станцевал казачий танец вприсядку; обладатель баса аккомпанировал ему, насвистывая солдатский мотивчик про месяц в небе высоко над Волгой. Через несколько дней «Опера Кармен» отправилась в своё первое турне.

---

[354] «Белой акации гроздья душистые» — старинный русский романс, автор которого неизвестен. Впервые издан в 1902 году.

Глава 21

Мои английские друзья пригласили приехать к ним погостить. У них в это время остановились родственники, приехавшие из Индии, капитан Уитворт и его жена. Сейчас капитан уже полковник, он командир Второго полка бенгальских улан[355]. Мне очень нравились эти люди, и я была рада возможности побыть с ними. Их дом был совсем не таким, как у мисс Эльзы; там было много слуг, и я наслаждалась горячим чаем с горячими булочками, который мне подавали в постель каждое утро.

Япония готовилась к визиту члена королевской семьи, его королевского высочества Эдуарда, принца Уэльского (сейчас он король Эдуард VIII[356]). Дороги были вычищены, улицы украшены, в отелях собралось множество постояльцев со всех концов страны, кругом царило оживление. Моряков и офицеров ожидали большие празднества и развлечения, которые готовили специальные комитеты.

Капитан Уитворт поехал в Токио для участия в работе комитета, отвечавшего за приём принца, когда тот прибудет. Вернувшись, он рассказал, что на следующий день запланирована церемония открытия мемориала героям войны, отправившимся на фронт из Японии[357],

---

[355] 2-й полк бенгальских улан (2nd Bengal Lancers) — одна из старейших воинских частей британской армии, созданная в Индии в 1809 году.

Капитан Дайзэт Эдвард Уитворт (Dysart Edward Whitworth, 1890–1974) — участник Первой мировой войны (в рядах 2-го полка бенгальских улан), кавалер ордена Военного креста Британской империи. Автор книги по истории полка: A History of the 2nd Lancers (Gardner's Horse): from 1809 to 1922. — London, 1924.

[356] Эдуард VIII (1894–1972) правил Британской империей с 20 января по 11 декабря 1936 года и отрёкся от престола ради возможности вступить в брак с разведённой Уоллис Симпсон (1896–1986). После отречения получил титул герцога Виндзорского.

Принц Уэльский — традиционный титул наследника британского престола. В 1922 году Эдуард совершил поездку по британским владениям в Азии и посетил Японию (с 12 апреля по 9 мая 1922 года).

[357] Принц Уэльский открыл военный мемориал союзным армиям («Allied Forces War Memorial») на Главном иностранном кладбище в Йокогаме («Yokohama Foreign General Cemetery»). (См.: The Prince of Wales' Eastern Book. A Pictorial Record of the Voyages of the H. M. S. "Renown" 1921–1922. — London — New York — Toronto, 1922.) Кладбище и мемориал сохранились до настоящего времени.

и что затем принц примет участников войны из британской, американской и других союзных армий. Капитан сообщил, что он рассказал принцу обо мне, и что мне тоже предстоит честь быть представленной его королевскому высочеству.

Мисс Эльза была очень рада таким новостям и сказала, что мне необходим костюм, сшитый на заказ, но у меня такого не было. Я быстро побежала к портному-китайцу и объяснила, для какого важного события мне нужен костюм. Я умоляла его сшить мне костюм к утру. У портного на стене висел портрет принца, вырезанный из газеты. Посмотрев какое-то время на портрет, он сказал «могу сделать» — то есть что он просидит всю ночь и сошьёт мне костюм.

Потом я побежала к японцу-сапожнику и попросила его сделать мне пару лакированных туфель. И он тоже согласился сделать их для меня в срок.

Недалеко от «Гранд-Отеля» находилось ателье французской модистки, чьи шляпки всегда приводили меня в восхищение. Я решила, что теперь настало время позволить себе такую роскошь и приобрести себе самую модную шляпку. Я выбрала себе подходящую модель, а она запросила за неё сто йен! Это было больше, чем я зарабатывала за месяц, но я решила, что шляпку нужно купить.

На следующий день весь дом был занят подготовкой, словно мы все ехали на встречу с принцем.

Церемония открытия должна была состояться в полдень, и у меня ещё было достаточно времени, чтобы сбегать от портного-китайца к сапожнику-японцу и поторопить их быстрее закончить работу. И у меня оставались считанные минуты на то, чтобы завершить свой туалет у модистки.

Вокруг не было ни одного свободного рикши, потому что движение транспорта было остановлено, и люди должны были передвигаться по улицам пешком. Я спешила, как только могла в своих новых тесных туфлях. Потом я увидела дремавшего рикшу, спавшего у ворот; я разбудила его и попросила отвезти меня к церкви в Блаффе[358].

---

[358] Блафф (Bluff) — исторический район Йокогамы, где в конце XIX — начале XX века селились многие выходцы из Европы и Америки.

Речь идёт о здании англиканской Церкви Христа (Christ Church), существовавшей в Йокогаме с 1859 года. Кирпичное здание было построено взамен деревянного в 1901 году и разрушилось во время великого землетрясения 1 сентября 1923 года. Принц Уэльский посетил церковь 23 апреля 1922 года в связи с открытием военного мемориала (см. историю церкви на её официальном сайте: https://www.yokohamachristchurch.org/archive_material.html).

Он решительно отказался куда-то ехать, но я настаивала; я сказала, что у меня назначена встреча с *«инги-микадо»*[359]. Он глянул так, как будто признал меня, вытащил свою повозку и отвёз меня к подножью горы, где на него набросились полдюжины полицейских, готовых его растерзать. Я выглянула из повозки и объяснила по-японски, что мне нужно подняться на гору для встречи с *«микадо»*. Они, видимо, были обо всём осведомлены и вшестером помогли затащить мою повозку в гору. На дороге были толпы народу, но полицейские всех растолкали и доставили меня туда, куда нужно было попасть.

Принц Уэльский уже был на трибуне и выслушивал приветствия. Отслужили короткую панихиду по павшим героям, а потом его королевское высочество снял покрывавшую мемориал завесу.

Затем принцу представили участников войны, и он каждому говорил несколько слов. Настала моя очередь. Английский офицер объяснил принцу, кто я такая. Принц протянул мне руку и спросил у офицера: «Она говорит по-английски?» Я сделала неуклюжий реверанс и торопливо ответила: «Да, немного говорю, ваше королевское высочество». — «О, так вы говорите по-английски, не так ли?» — спросил принц, еле сдерживая улыбку. Он задал несколько вопросов о моей службе и, ещё раз пожав мне руку, сказал, что рад был познакомиться. Когда я шла обратно, меня со всех сторон снимали репортёры. Было зачитано ещё одно приветствие, и мы пошли в церковь на короткую службу.

После этого случая я стала очень популярной личностью, и когда в Японию прибыл генерал Жоффр[360], то я получила пригласительный билет на бал, где моё имя было набрано золотыми буквами. На этот раз у меня было достаточно времени, чтобы заказать себе красивое платье из тафты в цветочек в старом французском стиле. Мне пришлось отдать французской модистке всё, что я смогла скопить за год, но это было необыкновенное платье в стиле мадам Помпадур[361]. На балу все говорили, какая я красивая, и я этому верила!

---

[359] «Инги-микадо» — «английский император» (ломаный яп.).

[360] Жоффр Жозеф (1852–1931) — французский военный деятель, один из высших военачальников в период Первой мировой войны. Бригадный генерал с 1902 года. На момент его визита в Японию (с 20 января по 19 февраля 1922 года) имел воинское звание маршала Франции (с 1916 года).

Автор что-то путает: Жоффр посетил Японию до приезда туда принца Уэльского.

[361] Маркиза де Помпадур (1721–1764) — фаворитка французского короля Людовика XV, законодательница мод, известная своей страстью к роскоши. Предпочитала стиль рококо.

Неделя, которую в Японии провёл принц Уэльский, была исключительно хлопотной для всех дам. Нам приходилось заботиться о британских моряках, и времени на себя почти не оставалось. Каждый день планировались новые увеселения, и пятичасовые чаепития[362] в Йокогама-клубе[363] проходили очень увлекательно. В это время мы все там собирались, чтобы обсудить планы на следующий день. Играл оркестр, и каждый вечер были танцы.

Однажды для нас было организовано посещение британского военного корабля «Ринаун»[364]. Наше восхищение было безгранично. Лично я одновременно испытывала и страх, смешанный с благоговением, потому что впервые в жизни получила возможность посетить военный корабль, тем более из состава королевского флота. Вся большая компания разместилась в моторных лодках и направилась на «Ринаун». На борту ждали офицеры, со многими из которых мы уже были знакомы. Когда я оказалась рядом с огромными пушками, мне показалось, что весёлый смех и оживлённые разговоры остались где-то далеко. Казалось, я встретилась со старыми знакомыми. Многочисленные тёмно-серые корабли стояли в заливе, подобные чёрным божествам на фоне полуденного нежно-розового неба. Они напомнили мне о том, что я так хорошо знала: о мощи человека, об уничтожении людей; о целях цивилизации. Элегантные моряки и весёлые смеющиеся дамы едва ли могли это скрыть. Здесь одна держава демонстрировала другой свою мощь. Что будет с вами, маленькие господа и дамы, когда рёв этих чёрных богов зазвучит из многочисленных пушек, зорко смотрящих во все стороны? Я уже не чувствовала себя весёлой и беззаботной. В душе снова возник вопрос, который, казалось, долгое время оставался незаданным внутри меня. Все эти люди, которые сегодня друзья, а завтра враги — они добры и милосердны или суровы и жестоки? Кто, что, как заставляет нас полностью меняться по внезапной прихоти?

Я медленно брела сквозь весёлую толпу, когда дама из нашей группы пригласила пойти вместе с ними посмотреть каюту принца Уэльского. Я очень удивилась тому, что посетителей пускают в королев-

---

[362] В Великобритании с 1840-х годов существует традиция пить чай в пять часов пополудни.

[363] Вероятно, речь идёт о Клубе моряков Организации молодых христиан («YMCA Seaman's Club») в Йокогаме.

[364] «Renown» — линейный крейсер, на борту которого путешествовал принц Уэльский. Спущен на воду в 1916 году.

ское жилище. К моему великому изумлению, это была самая обычная каюта. Она была настолько маленькой, что я даже засомневалась: то ли помещение нам показывают? Сопровождающий офицер объяснил, что принцу предоставлена каюта в соответствии с его званием в военно-морском флоте. Почему-то мне это было очень приятно; принц Уэльский теперь соответствовал в моём представлении нашему гордому образу хорошего солдата.

На небольшой тумбе лежала большая книга почётных гостей. Офицер открыл её и показал нам подписи многих знаменитых людей. Все столпились у книги, а мне ужасно захотелось сесть на гимнастического коня, предназначенного для физических упражнений, который стоял в углу. Но тут одна из дам позвала меня посмотреть подпись нашего царя, Николая Второго[365]. И вновь меня охватило странное чувство. Зачем я пришла сюда? Зачем мне все эти мелкие события, которые заставляют так болеть сердце, едва начавшее успокаиваться? Я увидела подпись: «Николай», написанную чёрными чернилами. Николай Второй! Тот, чей трагический конец повлиял не только на Россию, но и на большую часть мира. Я опустила руку на открытые страницы, поверх которых, видимо, лежала когда-то рука нашего самодержца, и, закрыв глаза, прошептала: «Если существует Бог, и если ты сейчас где-то рядом с Ним, как и должно быть со всеми мучениками, моли Его послать мир Своим детям». Вот так в Японском море, на борту британского военного корабля я столь необычным образом смогла в последний раз попрощаться с Россией.

Опять собралась весёлая компания, и меня позвали смотреть машинное отделение, где множество людей в сопровождении офицеров восхищались устройством огромного корабля. После долгого блуждания по нижней палубе мы наконец опять вышли на верхнюю. Уже вечерело; время посещения, видимо, заканчивалось, потому что у трапа собиралась толпа людей в ожидании отъезда. Я невольно отметила, что люди вели себя очень спокойно, почти как на фронте перед

---

[365] Николай II (1868–1918) — император Российской империи с 1894 по 1917 год. Отречение Николая II от престола привело к успеху Февральского и затем Октябрьского переворотов 1917 года.

Расстрелян коммунистами в Екатеринбурге вместе с женой и пятью детьми. В связи с мученической смертью Николай II и его семья были в 1981-м году причислены к числу священномучеников Русской православной церковью за рубежом. В 2000-м году прославлены в лике святых Русской православной церковью Московского патриархата как страстотерпцы.

боем. Это пушки так всех завораживают, или просто погода меняется? Был тихий вечер; вечерние облака словно забыли о том, что им нужно бежать за горизонт; в толпе все говорили шёпотом и на цыпочках шли в сторону трапа. Я мысленно от души рассмеялась. Как легко люди позволяют издеваться над собой. Опасаться нечего. Мы все здесь друзья. Войны нет. Это была просто экскурсия.

«Миссис Томпсон», — громко обратилась я к своей знакомой, которая в это время шёпотом разговаривала с офицером. Она знаком показала мне, что нужно молчать, и продолжила разговаривать со своим собеседником. Однако стоявший рядом с ней маленький мальчик после моей громкой реплики расхрабрился и позвал свою мать: «Мама, можно, я потрогаю эту пушку, она такая большая, не то что моя!» Пока смущённая мать пыталась увести ребёнка за руку, к ним подошёл любезный офицер и поднял малыша повыше, чтобы тот смог потрогать пушку. Японская мать поблизости тоже старалась оттащить ребёнка от пушки, повторяя «абунай» — что означает «опасно». Но мальчик тянул руки, стараясь дотянуться до пушки своими маленькими пальчиками. Я подошла и подняла его на руки. Обычно японские дети очень застенчивы, но ребёнок дотронулся до пушки и сказал: «Очень большая, правда?» — «Да, большая», — ответила я и прислушалась к разговору мальчика с офицером. К величайшему удивлению последнего, мальчик спрашивал, как они перевозят пушки в поле: дулом вперёд, в сторону лошади, или дулом назад, так, что оно направлено на людей?

— Я очень боюсь, что она взорвётся и убьёт моих лошадок или моих солдат.

Офицер рассмеялся и сказал, что пушка не может взорваться, если она не заряжена и в ней нет снарядов. На что мальчик спросил:

— А у вас есть снаряды?

— Да, — ответил офицер.

— А можете и мне дать немножко? — со всей серьёзностью попросил мальчик. И я подумала, что, возможно, мы держим на руках будущих богов войны!

Я опустила вниз моего маленького японца, и он вежливо поклонился, как это принято в Японии. Мать поспешно увела его прочь, бесконечно мне кланяясь. Подошла миссис Томпсон с несколькими офицерами; они распрощались до завтра, когда все мы должны были встретиться в клубе. Толпа заполнила моторную лодку; мы двинулись к берегу, маша на прощанье руками и что-то крича. Позади, на фоне красного от заката неба, силуэты кораблей смотрелись очень торжественно.

На берегу длинной вереницей выстроились рикши. Они маленькими группками сидели на корточках и болтали между собой в ожидании людей с корабля. Наконец всех рикш разобрали. Впрягшись в повозки с мягкими резиновыми колёсами, они лёгкой рысью повезли нас в извилистые улочки мирного города, оставив позади гигантских железных монстров, которые сидели в воде, придавленные собственной мощью. Рикша миссис Томпсон поравнялся с моим, и она пригласила остановиться у её дома, чтобы зайти выпить рюмку шерри. Ей нужно было кое-что со мной обсудить. Я кивнула головой в знак согласия, а наши два рикши позвали себе помощников, чтобы поднять нас вверх в Блафф, где жила миссис Томпсон. Обычно я любила сама подниматься на крутой холм, но здесь считалось шиком брать двух рикш, чтобы подталкивать тележку наверх, да и самим рикшам больше нравилось получать дополнительную плату, поднявшись на вершину, а не высаживать седока внизу за полцены. Так что мне пришлось сидеть в очень неудобной позе, согнувшись вперёд и слушая, как тяжело дышат наши рикши, пока они не подъехали наконец к коттеджу миссис Томпсон.

Миссис Томпсон была моей новой подругой. Мы познакомились в клубе, когда готовили развлекательную программу для британских моряков. Она недавно поселилась в Йокогаме; её муж работал управляющим в каком-то концерне, занимавшимся экспортной торговлей. Они появились в Йокогаме совсем недавно, но миссис Томпсон быстро познакомилась со многими старожилами и явно рассчитывала видеть Йокогаму у своих ног. Её муж, очень красивый англичанин, только что вернулся с работы, и мы возбуждённо рассказали ему обо всём, что произошло в этот день. А потом миссис Томпсон подняла палец и положила мне руку на плечо со словами:

— Дорогая, знаете ли вы русскую кондитерскую в Мотомачи[366]?

Мне про такую не было ничего известно, и я ей так и сказала. Миссис Томпсон продолжила с ещё большим энтузиазмом:

— Как странно! Я здесь всего несколько недель и уже знаю все необычные места.

— А что там необычного? — спросил её муж примирительным тоном.

— О, я ничего такого не имела в виду, дорогой. Однако это действительно необычное место. У них лучшие сладости в Йокогаме, но люди там очень странные, особенно девушки. Они ни с кем не разго-

[366] Мотомачи — район в Йокогаме.

варивают, а у одной из них на щеке и на шее виден отвратительный свежий шрам.

Я была уверена, что дама слегка преувеличивает и сказала, что в Мотомачи нет русской кондитерской. Но миссис Томпсон только махнула рукой и продолжала:

— Если выйти из «Гранд-Отеля», свернуть за угол на набережную и идти в сторону Мотомачи — помните там четвёртый от угла дом в европейском стиле, с зелёными ставнями и дверями? На двери написано «Кафе»; ну вот, это там.

Мне пришлось признать, что я не знала, что кафе держали русские.

— А маленький магазинчик через две двери дальше от них — это немецкий колбасный магазин. У них отличная чайная колбаса, даже лучше, чем в Гамбурге...

— Да, так что там насчёт русского кафе, дорогая? — перебил её мистер Томпсон.

— Ах, да, я хожу туда за конфетами для клуба, и заказала на завтра ещё два фунта.

— Но что насчёт девушки со свежим шрамом, милая? Нам очень интересно, — снова попросил мистер Томпсон.

— Ничего особенного, дорогой. Это всё, что я знаю: у девушки свежий шрам на щеке и на шее. Я попыталась спросить, откуда он, но она быстро ушла. Это ведь странно, не правда ли? Если вам интересно, пойдёмте со мной завтра; посмотрим, удастся ли вам что-то выяснить. Я именно это и хотела вам сказать. Невозможно передать, как жалко они выглядят. Я уверена, что кто-то должен поговорить с ними на их языке. Пойдёте со мной завтра?

Я с готовностью согласилась, потому что вся эта история показалась мне очень странной, и я хотела сама во всём убедиться. Я распрощалась с дружелюбным семейством Томпсонов и поспешила домой, где мисс Эльза и Ама-сан ждали меня к ужину. Я спросила у мисс Эльзы, знает ли она здесь русское кафе, и она сказала, что часто ходит туда, потому что у них готовят лучший кофе по-венски. Я спросила об официантках, которые там работали, но она ничего не помнила, и я пошла спать, размышляя об этих двух странных девушках, у одной из которых на щеке и на шее был свежий шрам.

На следующий день мы с миссис Томпсон пошли обедать в русское кафе в Мотомачи. Заведение было совершенно обычным, но на витрине лежало множество конфет и пирожных, выглядевших невероятно вкусно. В зале было пять или шесть столиков, на стенах

висело несколько дешёвых картин. Общий вид дополняло объявление «Сдаются комнаты», написанное кривыми буквами.

Из-за занавески вышла очень симпатичная девушка. Когда она подошла к нам ближе, я была просто поражена её красотой. На девушке было потрёпанное коричневое платьице; неухоженные волосы и печальное выражение лица придавали ей убогий вид, но, без сомнения, она была благородного происхождения. Когда она подошла к нам, я не удержалась и спросила по-русски: «Вы здесь работаете?» Она нервно посмотрела на меня, шёпотом сказала по-французски: «Останьтесь», — и положила на стол бумажное меню. Миссис Томпсон немедленно оживилась и, крепко сжав мою руку, с огромным удовлетворением сказала: «Ну, я же говорила вам, что это странноватое местечко?» Прежде чем я успела ответить, из-за той же занавески в самом конце помещения вышел мужчина. Это был очень толстый блондин средних лет, по виду латыш или эстонец. Он внимательно нас оглядел и вполголоса спросил по-русски у девушки:

— Что им надо?

— Пообедать, я думаю, — ответила девушка и скрылась за занавеской. Мужчина подтянул пиджак на свой огромный живот, поправил галстук и вышел из-за стойки. При ходьбе носки его лакированных ботинок смотрели в разные стороны; одной рукой он упирался в своё округлое бедро, а другой играл с цепочкой, свисавшей на широкую грудь. Он наклонился над нашим столом и, улыбаясь одними зубами, как будто собака, оскалившаяся над костью, спросил на ломаном английском:

— Что угодно дамам?

— Можно ли нам пообедать? — проговорила миссис Томпсон извиняющимся тоном.

Мужчина выпрямился, огляделся вокруг и обведя зал рукой для наглядности, сказал:

— Это всего лишь кафе, а не ресторан, дамы. Там на двери написано, дамы: «кафе, шоколад, кофе, чай».

Мужчина пустился в подробное объяснение разницы между кафе и рестораном. Он говорил очень сухим голосом, и это так задело миссис Томпсон, что она собрала все свои пакеты и вышла из-за стола, извинившись за ошибку. Мне стало любопытно, и я решила сама во всём разобраться. Мне не понравился этот звероподобный тип, но хотелось поговорить с девушкой. Указав нам носками ботинок на дверь, мужчина наконец ушёл. Миссис Томпсон хотела как можно скорее

покинуть это место, однако я вспомнила, что она заказала там конфеты для нашего клуба.

— Не кажется ли вам, что лучше забрать ваш заказ сейчас, пока мы здесь? — спросила я её.

Мой вопрос вернул миссис Томпсон утраченное самообладание, и она подозвала этого человека к себе с видом дамы, отдающей приказ бакалейщику:

— Послушайте, милейший, заверните нам два фунта конфет, которые я вчера заказывала, чтобы мне не пришлось сюда возвращаться!

Поняв, что перед ним выгодный клиент, мужчина сразу же изменил своё отношение. Часто кланяясь, он заулыбался во весь рот и, кивая изо всех сил, поспешил обратно за стойку, бормоча под нос:

— О, мадам, конфеты; конечно же, всё готово. Их только что доставили с кухни. Вам очень понравится. Я положил туда побольше рома и сливок специально для вас, мадам. Вкуснейшие получились конфеты.

Я огляделась, ища повод заговорить о девушках, но повода не находилось. Тогда, глядя на вывеску «Сдаётся комната», я спросила:

— А комната приличная?

— Здесь всё наивысшего качества, миледи, — торжественно объявил он и швырнул кусок шоколада в ящик с таким видом, как будто хотел кинуть его мне в лицо. Я подмигнула миссис Томпсон и сказала:

— Вы не будете возражать, если мы посмотрим комнату, пока мы здесь? Это совсем рядом с моим офисом, а я давно хочу переехать.

Миссис Томпсон сразу поняла в чём дело, и, по-прежнему стараясь как следует поквитаться с хозяином за пережитое унижение, сказала:

— Вы думаете, вам может здесь понравиться?

— Это лучший район Йокогамы, мадам. Прямо за углом находится «Гранд-Отель»; из окна виден морской порт и прибывающие корабли. На завтрак мы подаём чай или кофе прямо в номер, а бельё меняем каждую неделю, — настойчиво убеждал хозяин заведения. Едва сдерживаясь от смеха, мы попросили показать комнату. Он очень вежливо пригласил пройти к главному входу в заведение, и, приложив ладонь к уголку рта, крикнул по-русски в сторону занавески:

— Вытрите там пыль, пока я здесь их отвлекаю.

Миссис Томпсон больше не могла сдерживаться, она громко засмеялась и спросила меня:

— Мы что, действительно собираемся снять здесь комнату?

К этому времени моё любопытство усилилось, и я решила всё выяснить про этого мужчину и девушек. Поэтому я ответила:

— Я сниму здесь комнату.

На второй этаж вела лестница с улицы. Толстяк так задыхался, что еле мог говорить. Он постучал в дверь, и девушка открыла.

— Вот видите, — воскликнула миссис Томпсон, глядя на девушку, чьё лицо прорезал отвратительный длинный шрам, залитый йодом.

— Да, очень славная комната. Сколько вы за неё хотите? — спросила я мужчину, который с подозрением посмотрел на меня и сделал знак девушке уйти.

— Десять йен в неделю за комнату или двенадцать с половиной за комнату с завтраком, — ответил он, ловя ртом воздух между словами. Я немного поторговалась, чтобы развеять его подозрения, и в конце концов согласилась снять комнату. Я попросила подготовить её к вечеру. Когда мы наконец вышли на улицу, миссис Томпсон засыпала меня вопросами; ей хотелось знать, что я задумала. Я и сама пока не очень понимала, что собираюсь делать, но мне казалось, что таким образом будет легче всего установить контакт с девушками. Теперь предстояло решить, что я беру с собой в новое жилище. Я не хотела посвящать мисс Эльзу в это дело, так как знала, что она будет очень волноваться и может нарушить все мои планы. Поэтому миссис Томпсон предложила мне взять у неё чемодан, и я приготовила всё для того, чтобы заехать в новую квартиру по дороге в клуб, где мы должны были развлекать моряков из команды «Ринауна». Происходящее начинало напоминать приключение; я уже представляла себе, как спасаю девушек из когтей злодея. Миссис Томпсон тоже думала, что нам нужно вместе пообедать у неё дома и всё обсудить. Она предложила мне взять небольшой чемоданчик, в котором у неё лежали книги, одну из её ночных рубашек и тапочки мистера Томпсона. Мы никак не могли придумать, как спасать девушек, но мне предстояло как минимум всё о них узнать, и мы пытались понять, безопасно ли оставаться там на ночь. Когда мистер Томпсон пришёл домой на обед, нам пришлось всё повторить ему ещё раз. Он считал, что с моей стороны глупо ввязываться в то, что могло очень плохо кончиться, но, конечно же, от этого я только твёрже решила не отступать.

По дороге в клуб я зашла в свою новую комнату и оставила там вещи. Наверх для меня их занёс рикша. Одна из девушек открыла дверь. Я была готова к любому развитию событий; глядя девушке в глаза, я приказала рикше отнести мои вещи наверх. Она взглядом показала, что за дверью кто-то есть, и это было очень кстати, пото-

му что я уже собралась было заговорить с ней по-русски. Теперь же я по-английски попросила дать мне ключ, потому что намеревалась вернуться поздно. Судя по всему, девушка не говорила по-английски, и в комнату немедленно вошёл мужчина с ключом. Язвительно улыбаясь, он сказал, что мне, наверно, понадобится ключ. Я поблагодарила его и вслед за рикшей вышла из комнаты, испытывая явное облегчение.

Ожидая в клубе матросов и офицеров с «Ринауна», мы подробно обсудили с другими дамами мою затею, и вскоре все сошлись на том, что это очень опасно. Все начали давать мне всевозможные советы. Я понимала, что мужчина мне совсем не нравится, но мне казалось, что девушки попали в очень неприятную ситуацию, и мой долг — во всём разобраться. Вскоре пришли музыканты из оркестра и несколько офицеров британского военно-морского флота, и всё пошло веселее. Мы долго танцевали — моряки всегда хорошо танцуют — и нам всем показалось, что вечер закончился слишком быстро. Желающие поужинать небольшими группами расходились по разным местам. Я и ещё две дамы присоединились к группе офицеров, которым хотелось поехать в Ёсивару[367] в заведение к гейшам. Собралась компания из примерно двенадцати человек; мы взяли рикш и длинной вереницей двинулись в путь. Жизнь в Ёсиваре начинается довольно поздно, и у нас была куча времени на то, чтобы зайти во всевозможные магазинчики и накупить там кучу бесполезных вещей. Потом мы поехали в кино, зашли в несколько обычных чайных домов, а затем купили билеты в японский театр, где спектакли идут по шесть-восемь часов. Когда мы вошли, какой-то человек на сцене отчаянно что-то выкрикивал другому, сидевшему без движения. Тогда первый в отчаянии протянул к нему руки и крикнул: «Умоляю!» — после чего вышел служитель и вынес ему кинжал. Актёр как будто вонзил кинжал себе в живот и, вернув нож принёсшему его человеку, упал замертво, а служитель просто ушёл со сцены.

Зал был в восторге, но нам это показалось очень смешным, и тишину зала прервал наш громкий смех. На нас тут же зашикало множество голосов, и нас попросили удалиться.

Все заметно проголодались, и мы пошли искать заведение с гейшами, где можно было бы поужинать. Сделать выбор оказалось со-

[367] Ёсивара (Yoshiwara) — исторический центр ночной жизни в Токио, где находились ночные клубы, салоны с гейшами, бордели и прочие увеселительные заведения.

всем непросто. В каждом доме, к которому мы подходили, гейши были одна краше другой. Их богато расшитые роскошные кимоно с каждым разом выглядели всё великолепней, а причёски всё сложнее. Моряки были просто зачарованы. Мы ходили от витрины к витрине, за которыми сидели по четыре-пять девушек и смотрели на улицу[368], а проходившие по улице любопытные прохожие отпускали замечания в их адрес. В одной из витрин я не могла оторвать глаз от необычайно красивой старинной резной ширмы, украшенной драгоценным фарфором и перламутром и расшитой настоящей золотой нитью по всем четырём углам. Девушки в витрине были очень молоды и привлекательны, как могут быть только молодые японки. Мы спросили, будут ли они нам петь и танцевать, если мы придём к ним в заведение ужинать, и они с радостью согласились. Девушки захлопали в ладоши, призывая привратника открыть нам двери. Наконец мы уселись на пол в ожидании японского ужина. Появились многочисленные кушанья, чай и сакэ[369]. Когда мы утолили первый голод, то, к нашей радости, появились пятеро гейш. Офицеры предложили им сакэ, но они отказались; впрочем, в конце концов им всё же пришлось немного выпить, так как гости настаивали. Пение и танцы становились всё более оживлёнными, но время пролетело слишком быстро, и некоторым офицерам нужно было возвращаться на корабль. Мы с сожалением пожелали гейшам доброй ночи и отправились на рикшах в обратный путь.

Один из офицеров предложил проводить меня домой, и я дала ему адрес своего нового жилища. Когда мы приехали, он отпустил рикшу, и мы стояли на улице и говорили об Англии, России, Японии и других странах. Потом он спросил, не приглашу ли я его подняться ко мне, потому что ему было ещё рано возвращаться на свой корабль. Я извинилась и объяснила, что живу не одна, а две другие девушки, возможно, уже спят. Но офицер не сдавался и требовал, чтобы я разбудила своих подруг, и мы пошли бы в какое-нибудь славное местечко, где можно поесть и повеселиться. Я подумала, что мой друг уже выпил достаточно сакэ, и посоветовала ему ехать к себе, потому что мне завтра тоже предстояло рано вставать и идти на работу.

---

[368] Гейши — как и проститутки — рассаживались внутри своих заведений за большими стеклянными витринами, чтобы проходящим по улице клиентам легче было их рассмотреть и сделать выбор.

[369] Сакэ — традиционный японский алкогольный напиток крепостью около 15 градусов.

Он с большой неохотой пожелал мне спокойной ночи, а затем подождал, пока я поднялась по лестнице и открыла дверь своей комнаты. Я включила свет и задумалась, оставаться ли мне здесь на ночь или вернуться домой, где мисс Эльза, возможно, не спит и ждёт меня. Я подошла к окну, распахнула его и с наслаждением увидела перед собой Йокогамский залив во всём его сумрачном великолепии. На многочисленных иностранных судах сонно мерцали мачтовые огни, в таинственной темноте залива растянулся британский флот. Сотни суетливых сампанов метались туда-сюда между кораблями и берегом, их бумажные фонарики качались под ночным ветерком.

— Мадмуазель, — услышала я шёпот сзади. Я повернулась на каблуках и увидела у двери одну из девушек. На ней был большой кухонный фартук; от девушки шёл сильный запах приготовляемого шоколада.

— Мадмуазель, моя сестра и я… нам показалось, что Господь привёл вас сюда нам на помощь! — её голос дрожал от волнения. Я немного заволновалась. Я понимала, что меня привело сюда любопытство, но я не ждала ничего серьёзного, а когда девушка прямо сказала, что им нужна помощь, то мне стало не по себе. Я испытывала к ней большую симпатию и спросила как можно спокойней:

— Тот человек вышел?

— Нет, он спит, но он такой хитрый. Он и во сне может заподозрить, что я пошла сюда. Он может войти в любую минуту.

— Быстро расскажите, что вы здесь делаете, и как я могу вам помочь, — настойчиво сказала я девушке.

— Мы хотим уйти отсюда, но Кунсен не разрешает нам даже из дома выходить. Он заставляет нас работать день и ночь. Все двери заперты, и все ключи у него. Мы попробовали убежать, но он поймал нас и страшно избил. Он пытался перерезать моей сестре горло кухонным ножом.

Бедняжка не могла больше говорить и, всхлипывая, села на стул. Я шагнула к ней, чтобы успокоить, но в этот момент дверь открылась и на пороге появился мужчина, успевший второпях надеть только рубашку и штаны. Его редкие волосы были в беспорядке, а маленькие глазки заплыли от сна.

— Ты что здесь делаешь? — зарычал он на плачущую девушку.

— Я позвала её. Я хотела выпить чаю, но она не понимает меня и плачет. Скажите, почему она плачет? — попыталась я обхитрить эту недоверчивую скотину. Мужчина смотрел на меня с подозрением. Он стащил девушку со стула и по-русски грубо велел ей убираться вон.

Я растерялась, но решила ещё немного подождать и посмотреть, что он будет делать.

— Объясните ей, что я хочу чашку чая, или шоколада, или чего угодно. Почему она плачет? Она больна? — спросила я снова.

— Подождите, я принесу вам шоколад, — ответил мужчина. Он толкнул девушку вниз и захлопнул дверь у меня перед носом. Я не знала, что делать, и ходила по комнате взад-вперёд. Казалось, что прошло уже очень много времени; я решила спуститься вниз и посмотреть, что происходит. Я подошла к двери, но оказалось, что она заперта снаружи. Тогда я поняла, что этот человек что-то заподозрил и сейчас, возможно, издевается над девушками. Я стала изо всех сил колотить в дверь и звать девушек. Сначала мне долго никто не отвечал, и я уже начала думать, не зайти ли мне туда с улицы. Но помещение было очень длинным, они могли меня не услышать, а этот человек мог вообще запереть дверь передо мной. Я взяла стул и собиралась уже выломать дверь, когда она сама отворилась. На пороге, задыхаясь стояла другая девушка. Она умоляла меня спуститься вниз на кухню, потому что там Кунсен избивал её сестру смертным боем. Я не знала, где здесь кухня, и попросила девушку пойти со мной, но она беспомощно сидела и лишь билась в истерике.

— Ну ты же не хочешь, чтобы Кунсен убил твою сестру? Пойдём! — закричала я на неё и потянула за руку. Девушка вскочила на ноги, и мы по темной лестнице рванулись в подвал, где располагалась большая кухня. С улицы в подвал было не попасть, поэтому там не были слышны визг несчастной девушки и крики разъярённого скота. Он изо всех сил лупил несчастную девушку большой бутылкой из-под молока, а она извивалась на полу в тёмном углу кухни.

— Стойте! — закричала я, но этот мерзавец был так возбуждён, что даже не услышал меня. Он продолжал наносить ей удары, крича при этом: «Сука! Сука!» Девушка за моей спиной завизжала, а я стала оглядываться по сторонам, пытаясь понять, как его остановить. На большой кухонной печи стояло с полдюжины маленьких горшочков, в которых варилась начинка для шоколадных конфет. Я схватила тряпку, чтобы не обжечься, и стала один за другим швырять в него эти горшки. Как минимум один из них попал в цель, и по руке у мужчины потёк обжигающий сироп. Это заставило его отвернуться от распростёртой на полу девушки; он удивлённо поднял свою бутылку и спросил, что мне тут надо. Я по-русски велела девушкам бежать наверх в мою комнату, а сама встала у плиты, готовая и дальше швырять в него другие горшки с сиропом.

— Ещё одна русская сука! — заорал он и двинулся ко мне с большой бутылкой в руках. У плиты стоял большой кувшин с шоколадным сиропом. Я опрокинула его на пол, схватила с плиты ещё два горячих горшка, швырнула их в него и поспешила вслед за девушками, которые уже поднимались бегом по лестнице. Но на одном из лестничных пролётов стояла жена этого человека в ночной рубашке. Она попыталась столкнуть девушек вниз, однако они справились с ней и смогли юркнуть в мою комнату, пока та изрыгала им вслед проклятья на русском языке. Я пыталась представить себе, что же будет дальше. Долго ждать не пришлось, вскоре появился и её муж. Он переоделся и был теперь в голубой рубашке. Лицо его выглядело краснее моркови, а в поднятой руке блестел очень большой кухонный нож с чёрной ручкой.

— Уходи, а я сейчас разделаюсь с этими собаками, — приказал он жене и двинулся прямо на меня. Жена ушла, хлопнув дверью, а я забежала за кровать и подтолкнула её к круглому столу, стоявшему в центре комнаты. Кажется, этот человек не шутил с ножом. С криком: «Обманщица, лгунья», — он побежал за мной вокруг стола. Я была рада, что он не бросился на девушек, которые сидели и беспомощно плакали в углу. Ему ничего не стоило бы ударить их ножом, если бы он захотел, но вместо этого он бегал за мной, а я надеялась лишь на то, что скоро он устанет бегать вокруг стола и кровати и при этом ещё что-то быстро говорить. Стука во входную дверь не услышал никто, кроме меня, потому что я всё время думала о том, как увести отсюда девушек.

— Войдите, — крикнула я, и в дверь вошли три британских офицера, пребывающих в отличном настроении после нашего обильного ужина с сакэ.

— Добрый вечер! Мы увидели свет в окнах и решили проверить, не спите ли вы, — сказал один из них, тот самый, который проводил меня сюда. Двое его товарищей оглядывались вокруг в изумлении. Наш враг спрятал нож за спину; он был так изумлён и выглядел настолько нелепо, что все три офицера рассмеялись. Я велела девушкам снять фартуки и идти со мной, а одного из офицеров попросила взять мой чемодан. Мужчина всё ещё стоял, держа нож за спиной. Когда мы все вышли из комнаты, он, видимо, пришёл в себя, и неожиданно закричал нам вслед по-русски: «Проститутки, с моряками пошли, проститутки». Офицеры, должно быть, поняли некоторые слова и спросили, что говорит этот человек, но я умоляла их скорее уходить и не останавливаться. Мы свернули за угол и пошли

к «Гранд-Отелю», где стояли рикши. Наши спасители снова попросили меня объяснить, что же произошло, а я всё ещё старалась успокоить девушек. Я увидела, что на тротуаре стоят несколько человек, говоривших по-русски.

— Вон идут офицеры флота, не уходите пока, мы отлично повеселимся, — услышала я и узнала в говорящем Дмитрия, который разговаривал с каким-то молодым человеком. Когда мы приблизились, он тоже узнал меня и подошёл.

— Добрый вечер, уж не в Британию ли вы собрались? — поприветствовал он, глядя на мой чемодан.

— Пока нет, но мне нужны три рикши, мы едем домой.

— Не уезжайте, — взмолился Дмитрий, — вон там в отдельном зале сейчас большой праздник в самом разгаре. Там сейчас Мария Петровна, жена богатого купца из Шанхая[370].

— Но мы все устали и хотим домой, — прервала я его. Один из сопровождавших нас офицеров подошёл к Дмитрию и уже приготовился ударить его, но я подняла руку и сказала, что это наш друг. Офицер сделал шаг назад и терпеливо вслушивался в наш долгий разговор.

— Устали! Как это глупо! Пойдёмте, там у них ящики шампанского и десятки британских офицеров. Мы хотим их развлечь, — настаивал Дмитрий.

— А вы-то с чего взялись развлекать британских офицеров? — спросила я из любопытства.

— Я только сегодня услышал об этой богачке, Марии Петровне[371], и заехал к ней познакомиться как соотечественник. Она была очень рада, потому что приехала сюда ненадолго, и ей очень одиноко. Она пригласила меня на обед, а когда потом мы сидели и обсуждали положение русских здесь и в других странах, пришли британские офицеры. Я объяснил Марии Петровне, что в Японии сейчас находится наследник британского престола, и эти офицеры прибыли вместе с ним. Мария Петровна убеждённая монархистка; она просто умоляла меня

---

[370] Шанхай — один из крупнейших городов Китая, где после Гражданской войны осело большое количество русских эмигрантов.

[371] Так в тексте. Выше (глава 20) уже упоминается некая Мария Петровна, которая поёт «Очи чёрные» и в этом качестве отправляется вместе с Дмитрием и его «оперной труппой» гастролировать по селениям. То есть никак не может считаться богатой женщиной. Остаётся только предположить, что в настоящей главе появляется другая женщина, которую тоже зовут Мария Петровна, и которая, как мы узнаем ниже, тоже поёт «Очи чёрные».

пригласить их выпить по бокалу шампанского за здоровье британского короля и наследника престола. И вот так с тех пор мы всё пьём и пьём за это! Потом пришли ещё и другие флотские офицеры, и нам пришлось занять банкетный зал. Пойдёмте же, там сейчас весело, как бывало в добрые старые дни в Петербурге. Вы непременно должны туда пойти. И мне нужно пригласить туда морских офицеров, Мария Петровна поручила мне приглашать их всех выпить за здоровье их короля.

Спутник Дмитрия, пошатываясь, шагнул к девушкам, а три офицера терпеливо наблюдали за происходящим. Я объяснила им, что богатая русская дама приглашает всех выпить за здоровье их короля. Офицеры в один голос сказали: «Это дело!» — и стали просить меня пойти туда с ними. Я спросила девушек, чего они хотели бы. Кажется, они уже ничего не боялись и с благодарностью сказали, что поступят так, как я скажу, и что их смущают только их испачканные платья. Я отметила, что они счастливы и смотрят на всё с любопытством, и сказала Дмитрию, что мы идём.

Когда мы вошли в холл «Гранд-отеля», несколько японских ночных портье бросились навстречу, приветливо улыбаясь и низко кланяясь. Они указывали на ведущую в зал дверь, из-за которой доносился шум, и повторяли:

— Позалуста, сюда, позалуста, сюда, здоровье короля.

Дверь открылась, и нас окутало облако табачного дыма, смешанного с запахом шампанского из только что открытых бутылок. Вскоре мы уже слились с толпой, но перед тем нас увидела Мария Петровна. Она сидела за столом в окружении десятка морских офицеров и репетировала с ними романс «Очи чёрные» на русском языке. Мария Петровна резко оборвала пение и дала нам знак подойти. После чего воскликнула тонким фальцетом: «Сюда, друзья мои! Сюда, друзья! Наполните ваши бокалы, и выпьем за здоровье короля!» — и запела британский гимн. Окружавшие её офицеры последовали её примеру. Нашим спутникам явно очень понравился такой гостеприимный приём, а сёстры переглядывались, словно спрашивая себя, не снится ли им всё это. Потом они повернулись ко мне и спросили, кто эта дама. Я ответила, что сама не знаю, и мы вместе улыбнулись, радуясь тому, что тяжёлый день завершается так радостно. Вскоре мы опять услышали голос Марии Петровны:

— Барышни, барышни, пожалуйста, подойдите сюда и выпейте с нами. Вы, должно быть, русские; вы так застенчивы. Не стесняйтесь, подойдите.

Когда мы подошли, Мария Петровна увидела, как бедно одеты девушки. Сначала она была шокирована, но потом добродушно рассмеялась на весь зал.

— Мы только что выпутались из очень неприятной истории, — попыталась я объяснить, но Мария Петровна громко сморкалась, а по её пухлым напудренным щекам бежали от смеха крупные слёзы. Она причитала: «Это революция, это революция, я уверена», — и снова громко сморкалась. Я стояла к ней ближе всех, поэтому представилась сама и представила ей двух сестёр, и вскоре Мария Петровна уже опять улыбалась, хлопала девушек по плечам и повторяла:

— Не грустите, дорогие мои, пусть только настанет утро. Мы с вами пойдём в лучшие магазины, и я вас как следует приодену. Да-да, обязательно. А сейчас — пейте все! Пейте! Нет, подождите! Дмитрий, пойдите сюда. Вы ведь знаете иностранные языки, так попросите наших дорогих гостей встать смирно и почтить память нашего батюшки царя. Тихо!» — и Мария Петровна низко склонила голову. Помощь Дмитрия не потребовалась. Все поняли, о чём их просят, и через мгновение в зале была мёртвая тишина.

— Да здравствует король Англии! — прервал благоговейную тишину пронзительный возглас, и возбуждённая хозяйка снова умоляла всех пить за здоровье короля. Сёстры растерянно смотрели на происходящее, пока Мария Петровна с присущей ей добротой не поняла, что происходит. Она обняла сестёр и сказала:

— Непохоже, чтобы вы любили вино! Думаю, вы уже давно ничего приличного не ели; мне кажется, вы голодали.

С этими словами она вопросительно посмотрела на всех нас. Воспользовавшись случаем, я рассказала, как нам удалось бежать, и что девушки нуждаются в защите. Кажется, эта история растрогала Марию Петровну до глубины души. Она подняла руки и радостно воскликнула:

— Я защищу их! Оставьте их со мной, я возьму их в Шанхай. Но вам нужно поесть, нам всем нужно поесть. Дмитрий Петрович, где вы, нам срочно нужна ваша помощь.

Каким бы пьяным ни казался Дмитрий, он по-прежнему оставался подлинным джентльменом. Он немедленно откликнулся на призыв хозяйки и, как настоящий рыцарь, поклонился ей, прижав руку к груди.

— К вашим услугам, Мария Петровна.

— Дмитрий Петрович, друг мой, это как-то не по-русски — предложить гостям вино без еды. Им наутро будет плохо. К тому же нам нужно накормить двух этих цыпочек, они пережили такой ужас.

— К вашим услугам, Мария Петровна, — вежливо ответил Дмитрий, и Мария Петровна дала ему соответствующие указания.

— Пойдите и распорядитесь, пусть немедленно подают всё, что у них тут есть. Мы голодны. И быстрее, быстрее!

— Сию минуту, дорогая Мария Петровна, — ответил Дмитрий, щёлкнув каблуками, и исчез. Взволнованная хозяйка обернулась к гостям и громко закричала: «Еда! Еда! *Manger! Manger!*[372]» — показывая руками, как все сейчас будут есть. Кажется, это было очень своевременное решение. Разговоры оживились, лица повеселели.

Вскоре вернулся погрустневший Дмитрий. Увы, это была не Россия, где в любое время дня и ночи можно было заказать еды на сто персон. Подходя к Марии Петровне, он беспомощно опустил руки и печально объявил: «Кухня уже закрылась!»

Но как ни печально выглядел Дмитрий, ему не удалось поколебать решимость хозяйки. Она схватила его и меня за руки и знаком показала всем присутствующим: «*Allons! Allons!*»[373]

В холле отеля в растерянности собрался весь ночной персонал отеля. Было ясно, что в Японии никто до сих пор не слышал о таких женщинах, как Мария Петровна. Призвав на помощь Дмитрия, она пыталась объяснить, что ей нужно обналичить чек на тысячу йен. Даже Дмитрий остолбенел. Ведь он-то знал, сколько долгих формальностей нужно выполнить и скольких официальных лиц привлечь, чтобы выполнить эту операцию даже в дневное время. А сейчас было уже далеко за полночь. Дмитрий покорно подошёл к клерку и объяснил ему, что нам нужно поужинать. Почесав себя за ушами с обеих сторон, клерк объяснил, что в Йокогаме на набережной уже всё закрыто, но можно поехать в старый город. Тут ему в голову пришла отличная идея, и он предложил нам ехать в Ёсивару. Ёсивара! Дмитрий знал, что все будут рады поехать в заведение к гейшам, где можно поесть. Но где взять деньги! Тут на помощь Дмитрию опять пришёл клерк. Он сказал, что отправит с нами представителя отеля, и все счета будут переданы в отель.

В самом лучшем настроении мы заняли все рикши, стоявшие на набережной. Кажется, Мария Петровна радовалась больше всех. Судя по всему, революция не коснулась её кошелька, и она по-прежнему могла вести себя так же привольно, как это делали раньше богатые русские купцы. Наименее образованные из них имели привычку, раз-

---

[372] Manger — есть (фр.).

[373] Allons — пойдёмте (фр.).

влекая гостей в ресторанах, под конец разбивать в зале все зеркала и ломать всю мебель, чтобы выставленный счёт был достаточно велик, и потом было бы чем хвастаться!

Ёсивара привела в восторг не только Марию Петровну, но и всю нашу компанию. Сверкали огни, толпились нарядно одетые радостные люди, по мостовой стучали деревянные сандалии, звучал весёлый смех. Ясно было, что японцы чувствуют здесь себя, как дома, и не обращают внимания на редких иностранцев. В этом месте, против обыкновения, именно иностранцы чувствовали себя немного неловко.

Дмитрий знал все входы и выходы в лучшие заведения с гейшами. Он повёл всю компанию в очень большой дом с роскошными витринами, за которыми сидели очень красивые девушки. Мария Петровна непрерывно что-то восклицала и рассказывала, обращаясь даже к гейшам; говорила она, по-волжски окая. Наконец, когда все прошли внутрь и расселись на полу, я от души поблагодарила её и ушла, предварительно убедившись, что она позаботится о сёстрах. Я поехала домой к мисс Эльзе, потому что рано утром нужно было ехать на работу в офис.

Стараясь подняться наверх как можно тише, насколько это позволяла деревянная лестница, я прошла к себе в спальню. Правда, меня выдал Пьеро, который заскулил и забил хвостом по полу, но мисс Эльза лишь глубоко вздохнула и повернулась на другой бок.

Всю ночь мне снились морские офицеры и Мария Петровна. Наутро, когда я проснулась и с удивлением не обнаружила их рядом, я увидела перед собой мисс Эльзу с японской газетой в руках. Рядом стояли Ама-сан с завтраком на подносе и Пьеро, который смотрел на всех своими чёрными блестящими глазками, словно упрашивая нас не ссориться. Мисс Эльза выглядела настолько забавно с японской газетой в руках, что я захихикала. Однако она нахмурилась и шикнула на меня:

— Как не стыдно, шататься всю ночь по Ёсиваре с моряками!

Я поняла, насколько всё серьёзно, и попыталась сказать, что вчера был особый случай. Но затем вспомнила, сколько раз мне уже приходилось раньше объясняться с ней в необычных ситуациях, и побоялась, что на этот раз она может не поверить. Поэтому я не стала оправдываться, а вместо того быстро оделась под длинные монотонные нравоучения о том, как должна вести себя леди, и быстро ушла, чтобы погрузиться в обычную жизнь конторской работницы.

Глава 22

Труппа «Опера Кармен» вернулась из своего турне. Я поспешила к княгине Т. и нашла там всех её членов, которые выглядели здоровыми и довольными. В кругу друзей рассказам не было конца. Они считали, что турне прошло очень успешно, хотя на севере было очень холодно. К счастью, послушать их оперу пришли англичане, жившие на Хоккайдо[374], и на следующий день они прислали артистам старую одежду, бельё и свитера.

Мария Петровна[375] рассказала, как ей было холодно во время представлений. Всем членам труппы приходилось стоять вокруг неё, чтобы она совсем не замёрзла, когда пела романс «Белой акации гроздья душистые». А Нине, чтобы станцевать мазурку, приходилось натягивать красный свитер и зелёные панталоны, взятые у тореадора.

Дмитрий сказал, что на самом деле было не так уж и холодно. Просто японцы приходили в зал со своими «хибачи», глиняными печками с горящими углями внутри, и грели над ними руки. Артисты со сцены видели раскалённые докрасна угли и ощущали запах дыма, и от этого им становилось особенно холодно.

В каких-то селениях изобретательный Дмитрий сумел настроить несколько пианино и получил по десять йен за каждое. Благодаря этому вся труппа смогла ночевать в отапливаемых гостиницах. Теперь они планировали как можно скорее отправиться в следующее турне с новой, более обширной и более интересной программой, и посетить крупные города.

Старая нянька оживилась. Я спросила, как ей теперь Япония. Она улыбнулась и сказала, что вполне уживается с жёлтыми дьяволами. Она даже выучила слово «икура» (сколько стоит?) и может теперь ходить за покупками для княгини.

— С этими дьяволами, которые машут своими крыльями, одна проблема: они не дают брать рыбу в руки. А мне нужно её понюхать, чтобы убедиться, что рыба свежая.

Под «крыльями» няня имела в виду развевающиеся рукава кимоно. Я сказала, что тут, в Японии, кругом вода, и рыба всегда свежая. Однако она продолжала настаивать:

---

[374] Хоккайдо — самый северный из японских островов.

[375] Как уже было отмечено выше, здесь фигурирует другая Мария Петровна, не богатая купчиха, а русская эмигрантка в стеснённых обстоятельствах.

— В Севастополе тоже кругом вода, но там, если рыбу не понюхать, то татары вам всегда подсунут пару несвежих рыбёшек.

Я спросила, как здоровье князя Станислава.

— Ох, я молю святых угодников, чтобы они упросили всемилостивого Господа освободить его, чтобы его головушка забыла про все эти страдания. Но душой он всё ещё там, под водой, с утопленниками, взывающими о помощи. Он говорит, что они все зелёные и бледные, и с мольбой тянут к нему руки… — и няня опять пустилась плакать и сморкаться в свой фартук.

У меня от этого заболело сердце. Ни для неё, ни для несчастного князя Станислава жизнь больше не будет иметь ценности.

Вскоре наступил праздник цветущей вишни. Открылись все курорты, и в Страну восходящего солнца[376] потянулись туристы.

Кто-то предложил мне устроить прямо в отеле благотворительное представление с танцами в пользу нуждающихся русских. Идея мне понравилась; мы обратились к руководству одного из отелей и спросили, готовы ли они будут устроить такой вечер. Те согласились и даже предложили построить для этого сцену, и я с радостью поделилась этой новостью с пожилой балериной, которая учила меня танцам. Моя преподавательница сказала, что я ещё не готова к сольному вечеру, и что у меня только одна пара балетных туфель, да и те совсем старые. Но я умоляла позволить мне станцевать и уверяла, что туфли вполне ещё хороши. Я готова была исполнить три вальса на музыку Шопена, Листа и Шумана[377] и решила, что всё же буду выступать, хотя у меня была только одна балетная пачка из хлопчатобумажной ткани. Я была согласна со своей преподавательницей, что три вальса — это мало для полноценного представления, и что одной пачки и пары туфель действительно недостаточно. Она умоляла меня не выступать. Я пообещала подумать, но, выйдя от неё, я уже знала, что буду танцевать.

Я пошла к пианисту, который дважды играл для меня по просьбе моей преподавательницы, и сказала, что хочу танцевать в пользу нуждающихся русских. Ему понравилась идея, и он пообещал, что будет мне аккомпанировать. Я спросила, может ли он исполнить ещё какие-нибудь три вальса помимо тех, которые я знала, и сможет ли

---

[376] Страна восходящего солнца — поэтическое наименование Японии.

[377] Шопен Фредерик (1810–1849) — французский композитор польского происхождения.

Лист Ференц (1811–1886) — немецкий композитор.

Шуман Роберт (1810–1856) — немецкий композитор.

он аранжировать их так, чтобы по продолжительности они были примерно такими же, как мои.

Убедившись, что он готов мне помочь, я отправилась за покупками для своих костюмов. В одной витрине я увидела множество разных искусственных цветов и купила огромные букеты красных роз, гроздья винограда и ещё много мелких полевых цветов. У торговца шёлком я нашла прозрачный шифон красивых оттенков и сразу придумала, как его использовать. Я читала захватывающие рассказы о том, как Айседора Дункан[378] покорила весь мир, танцуя босиком в развевающейся одежде из шифона. Я купила три отреза: голубой, бледно-зелёный и ярко-красный.

Когда я, пришла домой, увешанная покупками и полная планов, мисс Эльза пила чай с какой-то дамой. Та была очень рада, что застала меня, и сказала, что зашла узнать названия танцев, которые я буду исполнять, чтобы отдать напечатать программки. Ещё она спросила, не хочу ли я, чтобы в перерыве между моими танцами пел один молодой француз, а я могла бы в это время отдохнуть. Я побоялась, что она может подумать, будто вся эта затея мне не по силам, и смело отказалась от любой помощи. Я сказала, что хотела бы, чтобы концерт был по-настоящему сольным.

Она ничего такого не заподозрила, достала бумагу и карандаш и приготовилась записывать названия танцев. Мне пришлось быстро придумать с ходу эти названия, и я с важным видом объявила:

— Первым танцем на пуантах будет «Танец вина». Второй, который исполняется босиком и в голубом шифоне, называется «Воспоминание». Третий танец, на пуантах — «Танец роз». Четвёртый, в зелёном шифоне и босиком — «Одиночество». Пятый, на пуантах и с множеством весенних цветов — «Весенний вальс». Шестой, последний танец, я исполню в красном шифоне, и называться он будет «Страсть».

Дама была в восторге и сказала, что программа просто замечательная. Когда она ушла, я упросила мисс Эльзу и Аму-сан помочь мне собрать в гирлянды виноград, розы и полевые цветы. Сама же я взяла куски шифона и, не зная, что с ним делать, просто проделала в одном из отрезов отверстие для головы. Ко второму я пришила ленты так, чтобы они свисали у меня за спиной. В третьем я прорезала отверстия для рук.

---

[378] Дункан Айседора (1878–1927) — американская танцовщица. В 1921–1924 годах работала преподавательницей танцев в Советской России, была замужем за поэтом Сергеем Есениным.

Вечером я пошла к своей преподавательнице танцев и пригласила её на мой сольный концерт в Камакуре. Она очень вежливо отказалась и настойчиво советовала мне передумать. Она сказала, что ей даже подумать об этом страшно. Она сказала, что я учусь балету всего два года и просто не смогу выступать одна целый вечер.

После этого разговора мне стало немного страшно. Но, засыпая, в тот вечер я видела себя порхающей по сцене в грациозно спадающих складках шифона. Мне виделись мои пируэты в «Танце вина» в платье, украшенном гроздьями винограда; потом я внезапно замирала и опускалась на пол, словно была пьяна, но уже вскоре опять вставала и отбивала *pas-de-bourrées*[379]. Это был пугающий сон!

Когда я проснулась и выпуталась из-под одеяла, то сразу же оделась и побежала к пианисту, чтобы быть уверенной, что он не забыл, что сегодня играет на моём сольном вечере. Он был рад меня видеть и сыграл три вальса, а я с радостью убедилась, как легко будет станцевать босиком те три вальса, которые я прежде училась танцевать на пуантах. Мы немного порепетировали, и я ушла, совершенно успокоившись.

Мы вместе шли домой и по дороге много говорили об Айседоре Дункан, которая совершила настоящую революцию в мире танца, и о том, какая она великая женщина. Пианист много слышал о её танцах от своего друга, который аккомпанировал ей в Париже, и с восторгом рассказывал о ней. Мои страхи улеглись, и я попросила его рассказать мне о ней ещё. К тому времени, как мы приехали в Камакуру, я уже почти придумала, как буду выступать.

Все с волнением ждали меня и говорили со мной с огромным уважением и восхищением. Пришла Ама-сан и сказала, что она отгладила «все мои костюмы».

Когда позвали ужинать, я была очень голодна и взяла себе щедрую порцию. Я никогда раньше не танцевала на публике и не знала, что есть перед выступлением нельзя. К счастью, не успев съесть и половины, я начала сильно нервничать, извинилась и побежала готовиться.

По дороге я встретила ту самую знакомую французскую модистку. Она предложила мне свою помощь, и это было очень кстати, потому что я не подумала о губной помаде и пудре! Она накрасила мне глаза, которые теперь выглядели чёрными и очень большими; рот стал

[379] Pas-de-bourrées (па-де-бурэ) — элемент бального танца, представляющий собой перекрёстное переступание с ноги на ногу, с продвижением в сторону.

алым, а щёки розовыми. Она пробежала пальцами по моим волосам и распушила их, приколола гроздья винограда к моей единственной балетной пачке и вытолкнула меня на сцену.

Пианист сидел за пианино в обеденном зале. Модистка сделала ему знак начинать, но я забыла свой танец! Зрители восторженно захлопали; от этого я пришла в себя и вихрем закружилась в «Танце вина». Я вспомнила свой сон и опустилась на пол, несколько раз взмахнула руками, пока не перестали дрожать ноги, а потом поднялась и, исполняя *pas-de-bourrées*, покинула сцену.

Мне горячо аплодировали, и я подумала про себя: «Ну что ж… казак нигде не пропадёт». Обретя ещё большую уверенность, я переоделась для следующего выступления.

Следующий номер назывался «Воспоминание». Модистка стёрла с моих щёк румяна, оторвала кусок шифона и тщательно замотала им мою голову, так, чтобы волос совсем не было видно, сняла с себя нательный крест и повесила его мне на шею. Крест заставил меня загрустить. Заиграла музыка. Она была быстрой и весёлой, под такую музыку было совершенно невозможно танцевать грустный танец, и тогда я решила сделать его не грустным, а трагическим! Мелодия звучала всё бравурней, я склонилась вниз и вытянула вперёд руки, извиваясь и словно о чём-то моля. Когда темп слишком ускорился, я просто стояла в позе из «Танца воина», которому научил меня Сузуки-сан; в этом танце я размахивала мечом и всем телом отталкивала силы зла, закрывающие солнце. Потом я от них убегала, а на последних аккордах падала и била кулаками в пол.

Все остальные танцы были такими же необычными. Я включила в них элементы русских, японских, турецких, персидских и других танцев, которые мне доводилось видеть.

В конце все подошли меня поздравить. Мужчины целовали мне руки, и все говорили, как прекрасно они провели время, и какая у меня прекрасная фигура. Однако никто ничего не сказал о моих танцах.

Мистер Барретт тоже был там. Он сидел за столом с большой компанией и пригласил меня выпить с ними бокал шампанского. Все его гости тоже поздравляли меня. Кто-то спросил, почему я не еду танцевать в Англию, ведь я была представлена принцу Уэльскому, и с моей-то биографией я могла бы иметь там большой успех. Я поблагодарила за совет и сказала, что это хорошая идея, и что я непременно обдумаю такую возможность. Потом кто-то другой предположил, что я могла бы поехать в Америку и заработать там кучу денег, но мистер Барретт перебил говорившего и сказал, что для меня намного лучше было бы

поехать в Англию. Я подумала, что мне представляется хорошая возможность поквитаться с ним, и сказала, что решила ехать в Америку!

— Большевиков не пускают в Америку, — сказал он саркастически. Но я уверяла всех, что меня пустят, а он поспорил со мной на тысячу йен, что мне не разрешат въехать в страну. Нам «разбили» руки, и я ушла.

Хорошенько выспавшись, я пошла навестить своего доброго друга, американского вице-консула. Он сказал, что я как артистка могу получить визу, дающую право находиться в стране до одного года, и пообещал помочь с паспортом. Я побежала бронировать билеты и покупать чемоданы, а потом весь день бегала и прощалась со всеми друзьями. Кто-то поверил в мой отъезд, а кто-то принял это за шутку!

Мне удалось взять билеты на пароход, отплывавший, кажется, на следующий день или около того. Я наняла по такому случаю лимузин и приехала в порт в сопровождении мисс Эльзы и Ама-сан, которые плакали у меня на плечах. С корабля я отправила записку мистеру Барретту; я писала, что уже на борту и отплываю в Америку. Вскоре ко мне пришёл от него посыльный. Он принёс конверт с банкнотой в тысячу йен, книгу Элинор Глин «Карьера Кэтрин Буш»[380], коробку шоколадных конфет и большой букет цветов.

Убрали трап. Буксиры уже выводили мой корабль из залива, и тут я увидела, что к причалу несутся несколько такси и рикш с теми «Фомами неверующими», кто не думал, что я действительно уеду. Они хотели попрощаться, но им оставалось только стоять всем вместе на набережной и махать платочками. Я стояла у поручней, махала в ответ и посылала воздушные поцелуи, пока могла ещё различать их силуэты на фоне зданий.

Я пошла в каюту и распаковала свои вещи, которых теперь было немало, и приготовилась к долгому путешествию. Потом набросила пальто и вышла в последний раз попрощаться с Японией, страной, которая дружески меня приняла и дала мне шанс.

Японские острова вдали становились всё меньше и меньше. Пароход уходил всё дальше и дальше, поскрипывая и потрескивая на ходу. Вот он уже вышел в Тихий океан и понёс меня в новое неизвестное будущее…

---

[380] «Карьера Кэтрин Буш» — женский роман из великосветской жизни, написанный британской писательницей Элинор Глин (1916).

Марк Керр

ЕДИНСТВЕННАЯ ЖЕНЩИНА

Предисловие

Книга Марины Юрловой «Россия, прощай» («Russia, Farewell»), впервые вышедшая в Великобритании в 1936 году, была переиздана в 1937 году в США под названием «Единственная женщина» («The Only Woman»). Тексты обеих книг полностью совпадают. Можно предположить, что причиной смены заглавия для американского издания были какие-то проблемы, связанные с авторскими правами.

Американское издание снабжено публикуемым предисловием, написанным британским адмиралом.

Адмирал Марк Керр[381], кавалер ордена Бани[382], член Королевского Викторианского ордена[383]

Эта книга, продолжение «Казачки», изданной в 1934 году на разных языках и имевшей огромную популярность у читателей, безусловно, очарует всех, кто её прочитает. Это невероятные приключения казачки Марины Юрловой, которая была дважды ранена, схвачена большевиками и смогла бежать благодаря помощи чехословаков. Целый год, в основном ночами[384], она пробиралась через Сибирь во Владивосток, последний оплот Белой армии. Оказавшись там, она снова попала в госпиталь, где её поместили в офицерскую палату.

---

[381] Керр Марк Эдвард Фредерик (1864–1944) — британский военачальник, участник Первой мировой войны. С 1918 года в отставке.

[382] Орден Бани (The Most Honourable Order of the Bath) — британский рыцарский орден, основанный в 1725 году. Название восходит к старинному британскому обычаю, когда кандидат на посвящение в рыцари предварительно должен был не только очиститься постом и молитвой, но также и помыться ради такого случая. Кавалер — низшая степень ордена.

[383] Королевский Викторианский орден (Royal Victorian Order) — британский рыцарский орден, основанный королевой Викторией в 1896 году. Членства в ордене удостаивались лица, оказавшие личные услуги британскому монарху.

[384] «В основном ночами» — неточность у автора предисловия. Как видно из соответствующих глав книги «Казачка», такого не было. Впрочем, он мог услышать эту деталь непосредственно от Юрловой.

Вскоре после того американский Красный Крест, опасаясь взятия Владивостока большевиками, вывозил пациентов госпиталя в Японию. Выяснилось, что одинокая девушка не может въехать в Японию, если ей ещё не исполнилось 19 лет. Из воинских документов Марины следовало, что ей до этого возраста не хватало четыре с половиной года, так как она попала в разведывательный отряд казачьего полка, когда ей было девять с половиной лет[385]. Тогда одному из соседей по палате, русскому полковнику, пришла в голову отличная идея — опрокинуть на её бумаги пузырёк чернил. В результате ей потребовалось выписать новые документы, и в них она была уже на пять лет старше.

Далее в книге описана её борьба за выживание, в которой ей очень помогли добрые люди. Среди них были и офицеры армии США, один из которых взял её на работу машинисткой[386], когда за очень короткое время она научилась и говорить по-английски, и печатать на машинке. Ей также помог английский священник, преподобный мистер Стронг[387], и гостивший у него с женой племянник, капитан Уитворт (сейчас уже полковник) из полка Королевских бенгальских улан[388]. Именно благодаря этим добрым людям она была представлена Его королевскому высочеству принцу Уэльскому (ныне герцогу Виндзорскому), когда он прибыл с визитом в Японию в 1923 году[389] и возложил венок к монументу героям, павшим в Великой войне.

Все перечисленные выше имена указаны в книге правильно, однако имена других персонажей изменены. Их личности не раскрыва-

---

[385] В 1-й главе книги «Казачка» автор описывает события, происходившие летом 1915 года, и сообщает, что ей в этот момент было 15 лет.

Отправке героини из России в Японию посвящена 14-я глава книги «Россия, прощай» («Единственная женщина»). Судя по хронологии событий, описанных в двух книгах, отъезд состоялся весной 1919 года. В тексте книги указывается, что героине на тот момент ещё не исполнилось 19 лет, однако не говорится, сколько лет ей было на самом деле.

[386] В 17-й главе книги «Россия, прощай» («Единственная женщина») говорится, что героиня устроилась на работу в «представительство нового американского концерна по экспорту шёлка».

[387] Преподобный Юстас Мордонт Стронг (Eustace Mordaunt Strong) являлся настоятелем англиканской Церкви Христа (Christ Church) в Йокогаме с 1917-го по 1925-й годы.

[388] В 21-й главе книги «Россия, прощай» («Единственная женщина») говорится, что капитан Уитворт служил во Втором полку бенгальских улан (2nd Bengal Lancers).

[389] Принц Уэльский, будущий британский король Эдуард VIII (после отречения — герцог Виндзорский), совершил поездку в Японию в 1922 году.

ются в силу очевидных причин, то есть чтобы их не могли выследить агенты спецслужб.

Когда «Казачка» была опубликована, то многие из числа людей, ничего не знавших о тех событиях, заявили, что всё это выдумки. Я уверен, что они так же отнесутся и к этой книге. Этот тип людей хорошо известен во всём мире; они никогда не берут на себя труд выяснения истины. Мне доводилось сталкиваться с такими болтунами. А кроме того, последние сорок пять лет я поддерживаю тесные связи с людьми из России. Поэтому я взял на себя труд проверить, насколько правдиво изложены события в данной книге. Я убедился, что там всё совершенно точно, за исключением одной детали, которая привела бы этих болтунов в изумление. Это возраст самой казачки (о чём уже было сказано выше). Её возраст, указанный в книге, соответствует тому, что указано в её официальных документах из России. Копии этих бумаг опубликованы в книге[390]; из них следует, что она родилась на пять лет раньше, чем это было на самом деле.

Я очень рад, что издатели попросили меня написать предисловие к книге «Единственная женщина», поскольку я и моя семья хорошо знаем Марину Юрлову. Мы видим в ней много достойного восхищения и гордимся тем, что нас можно назвать её друзьями. В годы войны она проявила удивительное мужество, трижды отмеченное награждением её Георгиевским крестом за храбрость. Хотя она дважды была серьёзно ранена, и последствия этих ранений ощущаются до сих пор, она с ещё более удивительным мужеством в одиночку продолжает свою борьбу на протяжении многих лет после войны.

Я и все, кто её знает, желаем ей всего самого лучшего, как она того и заслуживает, сейчас и в будущем. Мы надеемся и верим, что продажи «Единственной женщины» могут быть даже более успешны, чем её первой книги, «Казачки». Это в самом деле невероятно увлекательная книга, написанная в неповторимом стиле Марины Юрловой — скромно, но живо и ярко.

---

[390] В книге «Казачка» опубликовано «Свидетельство о болезни», выписанное на имя «добровольца-шоффёра Команды особого назначения генерала Каппеля Марины Максимилиановны Юрловой». Указывается, что Марина Юрлова, 19 лет от роду, состоит на службе с 1914 года, находится на излечении в госпитале с 5 апреля 1919 года. Свидетельство выписано в Первом Владивостокском крепостном временном госпитале. См. стр. 11 настоящего издания.

Вместе с тем выявлена «Карточка учёта больных и раненых», оформленная на Марину Максимовну Юрлову 3 октября 1917 года, где указывается, что на тот момент Юрловой было 18 лет. См. стр. 14 настоящего издания.

В. В. Аристархов

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ

Книги Марины Юрловой, изданные в США и Великобритании на английском языке, предназначались прежде всего для иностранного читателя. Это создало определённые трудности при переводе их на русский язык. Так, например, иногда автор использовала термины и выражения, понятные для англичан, однако абсолютно неупотребительные в российской действительности. Попытки передать казачьи песни по-английски также привели к весьма причудливым результатам, и теперь достаточно трудно определить, какие вообще песни имелись в виду.

В такого рода ситуациях проблема перевода зачастую превращается в проблему межкультурного диалога.

Так или иначе, во всех сложных случаях окончательная редакция перевода принималась, исходя из стремления максимально близко передать атмосферу эпохи и современный ей русский язык. Комментарии к отдельным специфическим местам текста представлены ниже.

«КАЗАЧКА» («COSSACK GIRL»)

Глава 1

Стр. 26: «Вот уже год я была добровольцем в казачьем войске. Я была девушкой, и мне было всего пятнадцать лет».

В английском издании: «For almost a year I had been a volunteer in the Cossack Army. I was a girl, just fifteen years old».

Слово «volunteer» может быть переведено двояко: как «доброволец» и как «вольноопределяющийся».

Вольноопределяющиеся в Русской императорской армии — это лица, добровольно поступившие на военную службу нижними чинами после получения среднего или высшего образования. Вольноопределяющиеся имели определённые льготы при прохождении службы.

Для поступления на военную службу в качестве вольноопределяющихся был установлен минимальный возраст — 17 лет. Будучи пятнадцатилетней, героиня книги никак не могла получить статус

вольноопределяющегося. Следует полагать, что в данном случае имелось в виду слово «доброволец».

Для обозначения женщин-добровольцев использовалось слово «доброволица»[391], ныне вышедшее из употребления. В русском переводе здесь и далее используются слова «доброволец» и «доброволица» в зависимости от контекста и от описываемой ситуации.

В одном случае для перевода было использовано слово «охотник», часто употреблявшееся до 1917 года в качестве синонима слова «доброволец», особенно в низших слоях общества. (В главе 8-й: «Нужны охотники для опасной вылазки».)

Глава 2

Стр. 30: «Кто-то просил Ганну спеть «Йихав козак на войноньку»».

В английском издании название песни — «My Cossack Sweetheart Went To The War». Песня «Йихав козак на войноньку» (по-русски «Ехал казак на войну») включена в сборник В. Г. Захарченко «Народные песни Кубани» (Краснодар, 1987).

Стр. 30: «Однако Ганна не поддавалась на уговоры. Она сказала, что петь военные песни до восхода — плохая примета, и что лучше она споёт «Выйды, Грыцю, на й улыцю»».

В английском издании: «But she wouldn't be persuaded; she said it was bad luck to sing such war songs before sunrise, and that she would rather sing —

"George is coming to me
Box of sweatmeats bringing me —"».

Здесь, во-первых, явная опечатка в слове «sweatmeats» — должно быть «sweetmeats», сладости (англ. «sweat» — пот; «sweet» — сладкий).

Буквальный перевод английского текста: «Гриша приходит ко мне, приносит мне коробку сладостей». Выявить песню с такими словами не удалось. Поэтому для русского перевода использована песня «Выйды, Грыцю, на й улыцю» (по-русски «Выйди, Гриша, на улицу»), включённая в сборник В. Г. Захарченко «Народные песни Кубани» (Краснодар, 1987).

---

[391] См., например: *Туркул А. В.* «Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918–20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. — Мюнхен, 1948. Также см.: *Бочарникова М.* В женском батальоне смерти (1917–1918) // Доброволицы. — М., 2001. — Вып. 8. (Серия «Всероссийская мемуарная библиотека»).

Стр. 30: «Но в конце концов её уговорили, и она запела:

— В кинци гребли шумлять вербы,
Шо я насадыла...
Нэма ж мого козаченька,
Шо я полюбыла…»

(По-русски:

«— В конце насыпи шумят вербы,
Которые я посадила…
Нет моего казачка,
Которого я полюбила…»)

В английском издании: «But at last they persuaded her…

"Cry the willows I planted by the brook,
Cries my heart, for my sweetheart has gone to the war…"»

Буквальный перевод с английского языка:

«Плачьте, вербы у плетня, которые я посадила,
Плачь моё сердце, милый ушёл на войну…»

«В кинци гребли шумлять вербы» — это наиболее близкая по смыслу песня кубанских казаков (включена в сборник Ф. И. Елисеева «Песни Кубанских Казаков», брошюра № 2, Нью-Йорк, 1960 год).

Стр. 33: «Веками мой народ был известен как народ воинов. Он представлял собой военное сословие в составе великой Российской империи: покорители Сибири, защитники дальних рубежей, свободный народ в эпоху крепостничества».

В английском издании: «For centuries my people have been noted fighters; a military nation within the great Russian empire; the conquerors of Siberia; guardians of far-flung frontiers; a free people in the land of serfdom».

Относительно выражения «a military nation»: по смыслу имеется в виду «nation» не как отдельная национальность, но как социальная общность, сословие.

Относительно выражения «in the land of serfdom»: текст явно был адаптирован для американского читателя, которому понятно было слово «рабство» («serfdom»), существовавшее в США, — однако вряд ли было известно понятие «крепостное право». Которое к тому же было отменено в 1861 году, более чем за шестьдесят лет до описываемых событий. (И несколькими годами ранее, чем отмена рабства в США в 1865 году.)

Стр. 34: «Но казаки грубо отталкивали их и затянули свою военную песню:

— Ура! Ура! Ура!
Ура, пойдём мы на границу
Бить Отечества врагов,
За Царя и за Царицу
И за родину отцов.
Все дружнее собирайтесь,
Попроворней снаряжайтесь!
Живо седлай коней
И собирайся скорей!
Всадники-други, в поход собирайтесь —
Радостный клич вас ко славе зовёт;
С бодрым духом бодро сражайтесь:
За Царя и за Русь сладко и смерть принять.
Всех побьём, в плен возьмём
И с победой в дом войдём».

В английском издании: «But the Cossacks pushed them roughly away and struck up their war song:

"Hey, woman!
Your husband is a Cossack,
And die he surely must.
For country, for religion, for our father Tsar.
The time has come,
The time has come.
Die we must,
Die we must.
Hey! Cossacks, away! Away!"»

Буквальный перевод с английского языка:

«Эй, женщина!
Твой муж казак,
И он, конечно, обязан умереть
За страну, за веру, за нашего отца-царя.
Время пришло,
Время пришло,
Время пришло,
Мы должны умереть,
Мы должны умереть.
Гей! Казаки, вперёд! Вперёд!»

Песню с такими словами выявить не удалось. По смыслу к данным обстоятельствам больше всего подходит цитируемая в настоящем издании старинная кавалерийская песня «Сигнальный марш». (Текст приводится по изданию: Песенник Российского Воина. 1683–1983. Сборник военных, солдатских, казачьих, военно-морских, юнкерских и кадетских песен, составленный В. Н. Мантулиным. — Часть II. — Нью-Йорк, 1985.)

Стр. 36: «Вокруг меня все пели и смеялись; кто-то затянул: «Так за Царя, за Родину, за Веру…»

В английском издании: «All around me were singing and laughing, and someone struck up the men's song: "To die for our religion, our country, and our Tsar"…»

Учитывая некоторое разночтение со словами предыдущей песни, можно предположить, что запели «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина (1822), к которым неизвестный автор добавил припев:

«Так громче, музыка, играй победу!
Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит!
Так за Царя, за Родину, за Веру
Мы грянем громкое ура, ура, ура!»

Глава 3

Стр. 40: «По вагону прошёл урядник, велевший нам всем выходить…»

В английском издании: «A corporal came through the car, telling us to get off…» Чин капрала существовал в России с 1647 по 1798 год, после чего он был заменён на унтер-офицера. Очевидно, что при подготовке издания на английском языке названия русских чинов были изменены на привычные для американского читателя. В американской армии звание «капрал» занимает промежуточное положение между рядовыми и сержантами.

В Русской императорской армии унтер-офицерским чинам соответствовали чины старшего и младшего урядников в казачьих войсках.

Стр. 45: «Никогда с тех пор я не встречала человека, который чувствовал бы всё так же тонко, как этот практически неграмотный казак, урядник в нашей армии на Кавказе».

В английском издании: «I have never met a man since who was more sensitive than this practically uneducated Cossack, this sergeant in the army of the Caucasus». В Русской императорской армии в годы Первой мировой войны не существовало сержантских званий. Им соответствовали унтер-офицерские чины в армейских частях и чины урядников в казачьих войсках.

Здесь по тексту слово «sergeant» везде переводится как «урядник», если это относится к казачьим войскам, либо как «унтер-офицер» в остальных случаях.

Стр. 46: «Вахмистр-интендант усмехнулся».

В английском издании: «The supply *feldfebel*, or sergeant, grinned». В Русской императорской армии армейскому званию «фельдфебель» в казачьих частях соответствовал чин вахмистра.

Здесь по тексту слова «feldfebel» (или «sergeant», когда речь идёт именно о «фельдфебеле») везде переводятся как «вахмистр», если это относится к казачьим войскам.

Стр. 46: «Ворча себе под нос, что нигде нет покоя от этих баб, даже на войне от них никуда не денешься, вахмистр неуклюже потащился в соседнюю комнату и вернулся с парой штанов, рубашкой защитного цвета, парой нижнего белья, парой башмаков и армейской шапкой (в данном случае сшитой из каракуля)».

В английском издании: «Growling that these *babbis* couldn't leave a man alone, not even in war time, the sergeant lumbered off into an adjoining room, and came back with a pair of pants, a khaki shirt, a suit of underclothes, a pair of boots, and an army *shapka* (in this case a cap of karakul or astrakhan)». На Западе каракуль (кожа с мехом, снятая с ягнят определённой породы) также называется иногда «astrakhan» (так как исторически много торговых сделок с каракулем заключались в Астрахани). Речь идёт о зимней шапке-«кубанке».

Глава 6

Стр. 59: «Проехав примерно двести метров, мы остановились, и Козёл со своими тремя спутниками опять исчез».

В английском издании — «after two hundred yards» («двести ярдов»). Здесь и далее по тексту везде «yard» (ярд, мера длины, привычная для англоязычного читателя) переводится как «метр». Один ярд равен 0,9144 метра.

Глава 7

Стр. 68: «Но сарай был добротный и полный сена, и поскольку рядом не было других строений, как не было их, кажется, на много вёрст вокруг, то нам пришлось ждать рассвета в этом сарае».

В английском издании — «for miles around» («на мили вокруг»). Здесь и далее по тексту везде «mile» (миля, мера длины, привычная для англоязычного читателя) переводится как «верста» (мера длины, традиционно используемая в Российской империи). Одна американская или британская миля равняется 1609,344 км. Одна верста равнялась 1066,8 км.

Глава 10

Стр. 88: «С увольнительной из госпиталя я поехала к военному коменданту, который пообещал выписать мне билет в день отбытия моего поезда на фронт…»

В английском издании: «Off I went with my hospital discharge papers to the Commander's military attaché, who told me he would give me a ticket the day my train left for the front…» — буквально «к военному атташе командующего» или «к помощнику командующего по военным делам». Непонятно, какой именно «командующий» имелся в виду, и почему при «командующем» есть «помощник по военным делам». Судя по контексту, речь шла о военном коменданте, то есть о должностном лице в сфере военных сообщений, отвечавшем за обеспечение военнослужащих билетами на проезд по железной дороге.

Стр. 92: «Он твой, — продолжал он, — и мне поручено передать, что ты можешь пришить себе на погоны лычку приказного».

В английском издании: «"It's yours," he went on, "and I am to tell you that you may sew a *ratnik's* stripe on your shoulder straps"». В буквальном переводе «пришить себе на погоны лычку ратника» — что не имеет смысла, так как воинского звания «ратник» в Русской императорской армии не существовало. Ратниками называли рядовых государственного ополчения, однако это не имеет отношения к казачьим частям, где служила героиня. Лычка на погоне означала чин ефрейтора, которому соответствовал приказный у казаков.

Само повышение героини в звании обусловлено награждением её Георгиевским крестом. Из Статута Ордена Святого Георгия, утверждённого Императором Николаем Вторым 10 августа 1913 года (часть II, п. 96): «Нижние чины, не имеющие ефрейторского или унтер-офицер-

ского звания, при пожаловании Георгиевским крестом 4-й степени производятся в ефрейторы, а при пожаловании того креста 3-й степени — в унтер-офицеры или соответствующие звания».

Глава 12

Стр. 100: «Рядом со мной казак напевал себе под нос: «Бейте, режьте, не жалея…» — орудуя шашкой направо и налево».

В английском издании: «A man beside me grunted the Cossack "Heads we will cut off" as he slashed right and left of him». Буквальный перевод: «Будем головы рубить».

Песню с такими словами выявить не удалось. По смыслу ближе всего цитируемая в настоящем издании строка из песни «С Богом, Кубанцы, не робея…», включённой в сборник Ф. И. Елисеева «Песни Кубанских Казаков» (брошюра № 1, Нью-Йорк, 1960 год):

«С Богом, Кубанцы, не робея.
Смело в бой пойдём, друзья!
Бейте, режьте, не жалея —
Басурманина-врага».

Стр. 102: «Так накажу, что вся сотня надолго запомнит».

В английском издании: «I am going such an example of you as the whole company won't forget in a hurry». «Company» в данном случае переводится на русский язык как «рота», то есть воинское подразделение в составе батальона или полка. Однако в казачьих частях ротам соответствовали сотни. Очевидно, что при переводе русского текста на английский язык переводчик использовал привычное для англоязычного читателя слово «company» (рота) вместо непонятного «сотня».

Здесь и далее по тексту слово «company» везде переводится как «сотня» в тех случаях, где речь идёт о казаках.

Глава 13

Стр. 105: «В походе мужчины пели свои бравые военные песни о том, как они будут рубить врагам головы и пересчитывать эти кровавые трофеи после боя, а тела оставят на съедение диким зверям».

В английском издании приводятся слова песни: «Heads we will cut off and keep to count, but bodies we will leave for the wild beasts». (Буквально: «Будем головы рубить и возьмём с собой, чтобы пересчитать потом, а тела бросим диким зверям».)

Песню с такими словами выявить не удалось. Более того, по мнению специалистов, такого рода кровожадные обороты абсолютно нетипичны для казачьих и вообще для русских песен.

Стр. 107: «Из-за перевала доносился далёкий голос; в морозном воздухе звучало «Бейте, режьте, не жалея…»

В английском издании: «Far over the pass, there came a distant voice, singing through the bitter air: "Heads we will cut off and keep to count —"». Буквальный перевод слов песни: «Будем головы рубить и возьмём с собой, чтобы пересчитать потом…» Как уже было сказано, по мнению специалистов, такого рода кровожадные обороты абсолютно нетипичны для казачьих и вообще для русских песен. Поэтому, поскольку песню с такими словами выявить не удалось, то в тексте русского издания приведены близкие по смыслу слова из песни «С Богом, Кубанцы, не робея…», включённой в сборник Ф. И. Елисеева «Песни Кубанских Казаков» (брошюра № 1, Нью-Йорк, 1960 года). Ранее те же слова приводятся в главе 12-й настоящего издания.

Глава 15

Стр. 134: «…и каждый из них напоминал мне поручика Пирогова».

В английском издании: «…Lieutenant Pirogovs every one…» В Русской императорской армии воинского звания «лейтенант» не существовало. Ему примерно соответствовал чин поручика (в казачьих войсках — сотника).

Стр. 135: «Мне трудно оторваться от воспоминаний о Тифлисе, которые стали чем-то вроде оазиса в моей армейской жизни, о реке Куре…»

В английском издании: «of the river Kars». Через город Тбилиси протекает Кура; река Карс упомянута ошибочно.

Стр. 137: «Чтобы не задерживаться в старом городе, объезжая лошадей и мулов или какого-нибудь ленивого верблюда, разлёгшегося посреди дороги, я поехала через грузинский квартал, двигаясь вверх по узким ухабистым улицам».

В английском издании: «So, not to be delayed by the horse and mule traffic in the native quarters, or by some lazy camel flopping in the middle of the streets, I took them up through Grusinski, climbing over narrow

hilly roads». Вероятно, имеется в виду так называемый грузинский квартал. В дореволюционном Тифлисе так называлась юго-восточная часть города.

Глава 22

Стр. 184: «Мы остановились на городской площади. Там некий подполковник Каппель...»

В английском издании: «We halted in the town square, where a certain Captain Kappel…» Владимир Оскарович Каппель был произведён из капитанов в подполковники с 15 июля 1916 года; звание полковника было ему присвоено Комитетом членов Учредительного собрания 24 августа 1918 года. Поскольку в американской армии нет звания, аналогичного подполковнику, вероятно, при переводе воспоминаний на английский язык слово «полковник» было заменено на наиболее близкий по рангу чин, понятный американскому читателю.

Глава 23

Стр. 198: «— Радуйся, Лилия райская. Радуйся, Дево всепетая…»

В английском издании: «Oh Maid, Lily of Heaven…» Приведённый русский текст принадлежит известному на Руси гимну в честь Богородицы — акафисту Пресвятой Богородице пред иконой «Неувядаемый цвет».

«РОССИЯ, ПРОЩАЙ» («RUSSIA, FAREWELL»)

Глава 1

Стр. 246: «Конторы известных до войны крупных компаний, сибирских копей и больших торговых домов, сейчас пустовали». В английском издании: «There were the now vacant offices of great pre-war companies — the Siberian Mines and the big houses of Oriental Export».

Не вполне понятно, что именно автор имела в виду под «Сибирскими шахтами» и «Восточным экспортом». Во всяком случае, в «Торгово-промышленном справочнике городе Владивостока и его окрестностей», изданном во Владивостоке в 1912 году, предприятия с подобными названиями отсутствуют.

Стр. 255: «— Это вёрст шесть отсюда будет, — сказал он с сомнением в голосе…» В английском издании — «four miles» (четыре мили).

Здесь и далее по тексту везде «mile» (миля, мера длины, привычная для англоязычного читателя) переводится как «верста» (мера длины, традиционно используемая в Российской империи). Одна американская или британская миля равняется 1609,344 км. Одна верста равнялась 1066,8 км.

Глава 2

Стр. 258: «Но вскоре я поняла, что это невозможно: всё время приходилось перепрыгивать через полуметровые кучи грязи…» В английском издании: «Soon I found it impossible as often I had to jump over bulges of mud two feet high…»

Здесь и далее везде футы (англо-американская мера длины) переводятся как метры (мера длины, более распространённая в континентальной Европе и в России). Один фут равняется 30,48 сантиметрам.

Стр. 262: «Если ты сейчас проводишь меня через Гнилой угол до госпиталя, я поставлю тебе бутылку водки, когда увижусь с моим другом». В английском издании: «If you will take me across Rotten Corner now I will give you a quart of vodka after I have seen my friend».

«Quart» (кварта) — это английская мера для жидкостей или сыпучих тел, равная одной четверти галлона или приблизительно 0,95 литра. В российских реалиях, конечно же, использовались не английские, а русские выражения — и в данном контексте слова «бутылка водки» представляются наиболее подходящими.

Заметим, что в России до революции слово «бутылка» использовалось не только в нарицательном значении, но и как официальная мера жидкостей: согласно «Положению о мерах и весах» 1899 года, винная бутылка равнялась 0,768 литра, а водочная бутылка — 0,61 литра.

Глава 3

Стр. 271: «Доброе утро, поручик, вы, кажется, так и не сомкнули глаз, не правда ли?» В английском издании: «Good morning, Lieutenant, you probably did not lay your head down, did you?»

По состоянию на 1917 год в Российской империи чин «лейтенант» существовал только на флоте — что соответствовало чину штабс-капитана в армии. Однако доля морских офицеров в общем числе участников Белого движения на Дальнем Востоке была незначительна.

Надо полагать, автор книги использовала знакомое англоязычному читателю слово «лейтенант» для обозначения аналогичного чина в Российской императорской армии. Вероятнее всего, это был поручик.

Глава 5

Стр. 295:

«Любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить!
За царя, за веру буйну голову сложить!»

В английском издании: «We want to die, as it is the only reward for the brave!» В буквальном переводе: «Мы хотим умереть, так как это единственная награда для храбрых!»

Можно предположить, что пели старинную казачью песню «Любо, братцы, любо!» (См.: Шамбаров В. Е. Песни Первой мировой и Гражданской войны. — М., 2019.)

Глава 6

Стр. 300: «Любому ребёнку мужского пола, рождённому в этих местах, выделялось несколько десятин земли». В английском издании: «…every male child born was allotted several acres of land».

Акр (acre) — мера площади, используемая в Великобритании и США. Один акр равен примерно 4047 квадратным метрам. В то же время в дореволюционной России использовалась такая мера площади, как десятина, равная примерно 1,09 гектара (то есть 10 900 квадратных метров).

Глава 10

Стр. 344: «Братко вытянулся передо мной так, что стал на несколько вершков выше…» В английском издании — «stretching himself up another half of a foot».

Фут — английская мера длины, равная 30,48 см.

Вершок — старая русская мера длины, равная 4,445 см.

Глава 11

Стр. 351: «Скажи, ты любишь оперетту? Та, на которую мы с тобой сегодня пойдём, ужасно смешная. Особенно тот человек, которому должны отрубить голову. Он встаёт на колени, чтобы помолиться, а потом самым драматическим голосом с трагическим выражением лица мощно так повторяет: «Заря, судьба, судьба, заря!» — и дальше: «Господь, в нужде моей ты не оставь меня!» Я смотрел это раз пять и каждый раз смеялся до колик».

В английском издании: «Tell me, do you like operetta? This one we are going to see is awfully funny. Especially the man who is to be beheaded; with a most dramatic voice and a tragic face he goes on his knees to pray, and sturdily repeats: 'Pongee, mosquitoes, pongee, mosquitoes, and the good Lord Mayor don't forsake me!' I saw it at least five times, and every time I laughed till my sides ached».

Эта фраза содержит столько путаницы, что напрашивается единственное предположение: автор сознательно подчёркивает невежество чехословацкого капитана в театральном искусстве. Во-первых, в опереттe «Гейша» никому не отрубают голову и даже не собираются это делать. Во-вторых, существует другая оперетта «из японской жизни», в которой главного героя приговаривают к смертной казни — это «Микадо, или город Титипу» (композитор Артур Салливан, либреттист Уильям Гилберт; премьера состоялась в Лондоне в 1885 году; первая постановка в России — в 1887 году). Можно было бы предположить, что капитан А. перепутал две постановки с «японским» сюжетом, но и в «Микадо» никто не молится, стоя на коленях.

Наконец, вся сцена молитвы, которую с таким восторгом описывает капитан, явно напоминает арию Ивана Сусанина из знаменитой оперы «Жизнь за Царя» (музыка М. И. Глинки, либретто Е. Ф. Розена; премьера состоялась в Санкт-Петербурге в 1836 году).

Буквальный перевод слов «pongee» и «mosquitoes» из английского текста — это «эпонж» (сорт ткани) и «комары», что не имеет никакого смысла. Здесь чехословацкий капитан пытается воспроизвести звучание слов, которые он не понял. Соответственно, для русского перевода были взяты слова, несколько раз повторяющиеся в разных местах арии Ивана Сусанина:

«Чуют правду! <...>
Ты, заря, скорее заблести, скорее возвести,
спасенья час возвести! <...>
Ты взойдёшь, моя заря! <...>
Взгляну в лицо твоё, последняя заря. Настало время моё!
Господь, в нужде моей ты не оставь меня! <...>
Горька моя судьба!» — и т. д.

Глава 19

Стр. 424: «Князь Даниил напевал себе под нос «Эй, ухнем!»…» В английском издании: «Prince Danaila was humming "The Volga Boatmen"…»

Под «Danaila», очевидно, имеется в виду Даниил.

«The Volga Boatmen» — традиционный перевод на английский язык русской народной песни «Эй, ухнем!», впервые записанной и опубликованной композитором М. А. Балакиревым в 1866 году.

Стр. 424: «Сначала я отказалась, но она настойчиво просила спеть «Чёрных гусар».» В английском издании: «I refused, but she insisted that I should sing “The Black Hussars”».

Существуют две песни, известные под названием «Чёрные гусары». Первая — это официальный полковой марш 5-го Гусарского Александрийского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка:

«Кто не знал, не видал
Подвигов заветных,
Кто не знал, не слыхал
Про гусар бессмертных!» — и т. д.

Припев:
«Марш вперёд!
Труба зовёт,
Чёрные гусары,
Марш вперёд!
Смерть нас ждёт,
Наливайте чары!»

Текст приводится по изданию: Песенник Российского Воина. 1683–1983. Сборник военных, солдатских, казачьих, военно-морских, юнкерских и кадетских песен, а также церковных песнопений и гимнов, наиболее употребительных в Российских Императорских Армии и Флоте с английскими переводами для четырёхголосого мужского хора «а капелла», составил и аранжировал Валентин Н. Мантулин. — Том II. — Нью-Йорк, 1985.

Вторая, известная также как «Военная песенка» или «Гусары-усачи», написана в 1915 году поэтом и композитором Владимиром Александровичем Сабининым (1885–1930, настоящая фамилия Собакин):

«Оружьем на солнце сверкая,
Под звуки лихих трубачей,
По улице пыль поднимая,
Проходил полк гусар усачей…»

Эта песня пелась с припевом несколько иного содержания:

«Марш вперёд, труба зовёт,
Чёрные гусары!
Звук лихой зовёт нас в бой,
Наливайте чары!»

Далее в тексте приводятся слова припева, которые распевает героиня:

March ahead,
The bulges blow,
Black Hussars,
The bugles call you,
The call is thrilling
And we are ready,
Fill the cups anew.

Слова «the call is thrilling» более-менее соответствуют строке «звук лихой зовёт нас в бой». Таким образом, можно заключить, что героиня исполняет именно песню «Гусары-усачи», а не марш 5-го Гусарского Александрийского полка.

Глава 20

Стр. 439: «— А ещё, Дмитрий, я могу спеть «Белой акации гроздья душистые»». В английском издании: «“And I also can sing The Branches of Lilac in Bloom, Dimitri”». В буквальном переводе: «А ещё, Дмитрий, я могу спеть «Ветви сирени в цвету»».

Вероятнее всего, имеется в виду «Белой акации гроздья душистые» — старинный русский романс, автор которого неизвестен. Впервые издан в 1902 году.

В. В. Аристархов

И ЖИЛИ ОНИ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО?..

Послесловие

Что ждало автора в Америке, куда она отплыла из Японии весной 1922 года? Сбылись ли её мечты?

История жизни Юрловой в США прослеживается по документам и газетным публикациям, доступным из оцифрованных архивов.

Наша героиня наконец вышла замуж! Вот свидетельство о браке, заключённом 25 декабря 1925 года в Голливуде, округ Лос-Анджелес, штат Калифорния. Муж: Уильям Кэйди Хайер (William Cady Hyer), 30 лет, белый, проживает в городе Лос-Анджелесе, работает в сфере кинематографии. Жена: Марина Юрлова, 24 лет[392], белая, родившаяся в России, проживающая в городе Лос-Анджелес (6092½ Selma Av.), профессия: артист. Родители: Максимилиан Юрлов и Полина Волкова.

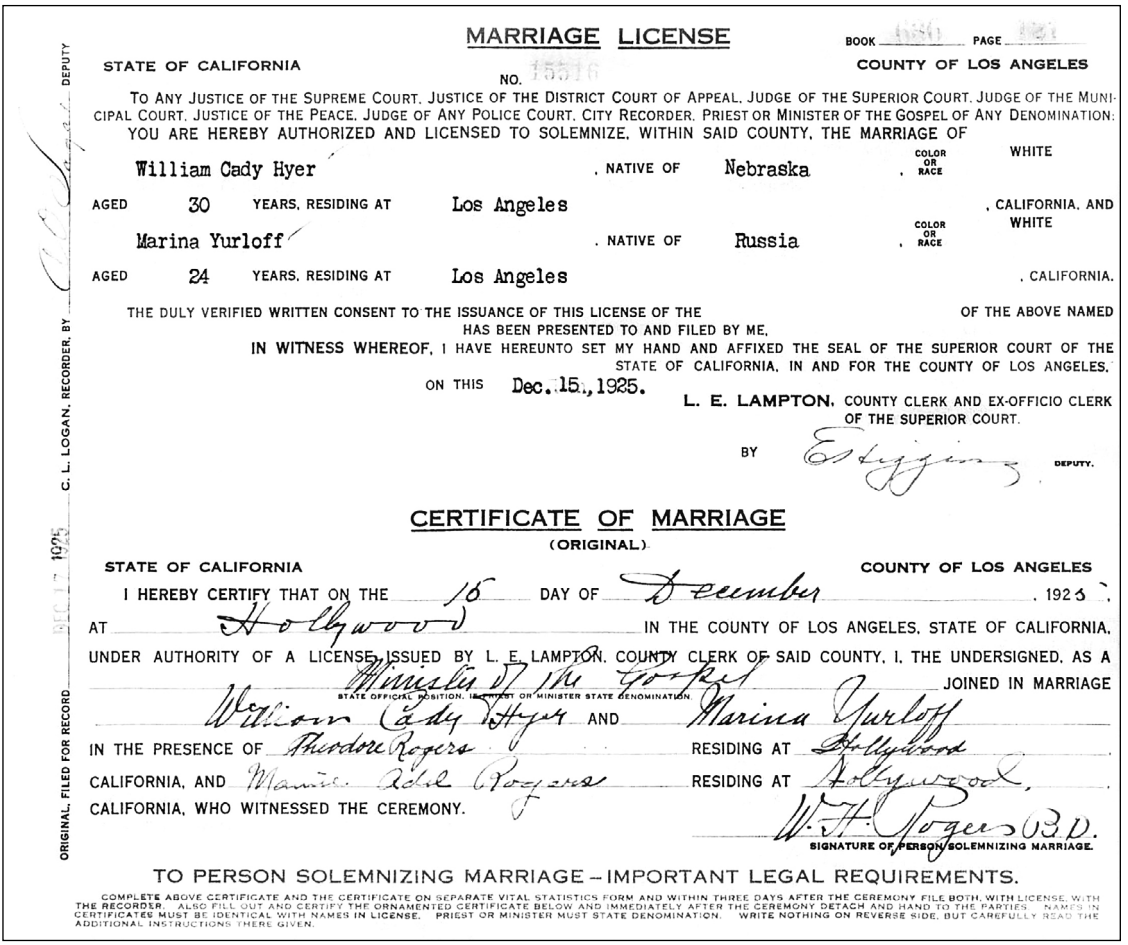
Регистрационная карточка («Registration Card»), заполненная 5 июня 1917 года, описывает нам внешность Уильяма Хайера: высокий, худощавый (slender), глаза серые, шатен. Родился в штате Небраска 20 декабря 1894 года. Работник кинематографии (буквально — cinematographer, «киношник»).

Для Уильяма Хайера брак с Мариной Юрловой был вторым по счёту. Согласно документам, 10 марта 1917 года он женился на некой Эми Луизе Ле Сюэр (Amie Louisa Le Sueur), проживавшей в Лос-Анджелесе. На тот момент Уильяму было 22 года, невесте 25 лет.

Из картотеки Департамента по делам ветеранов США известно, что Уильям Хайер служил в армии с 19 июня по 16 декабря 1918 года. Воинское звание — рядовой, специальность — аэрофотосъёмка (aerial photography). Короткий срок службы объясняется просто: в ноябре 1918 года закончилась Первая мировая война, и все страны, в ней участвовавшие, приступили к массовой демобилизации военнослужащих. Вряд ли молодой солдат успел принять участие в боевых действиях.

---

[392] Если Юрлова, как мы предполагаем, родилась в 1900 году, то в 1925 году ей должно было быть 25 лет, а не 24.

MARRIAGE LICENSE

BOOK 680 PAGE 182

STATE OF CALIFORNIA — COUNTY OF LOS ANGELES

NO. 15576

TO ANY JUSTICE OF THE SUPREME COURT, JUSTICE OF THE DISTRICT COURT OF APPEAL, JUDGE OF THE SUPERIOR COURT, JUDGE OF THE MUNICIPAL COURT, JUSTICE OF THE PEACE, JUDGE OF ANY POLICE COURT, CITY RECORDER, PRIEST OR MINISTER OF THE GOSPEL OF ANY DENOMINATION:
YOU ARE HEREBY AUTHORIZED AND LICENSED TO SOLEMNIZE, WITHIN SAID COUNTY, THE MARRIAGE OF

William Cady Hyer, NATIVE OF Nebraska, COLOR OR RACE WHITE
AGED 30 YEARS, RESIDING AT Los Angeles, CALIFORNIA, AND
Marina Yurloff, NATIVE OF Russia, COLOR OR RACE WHITE
AGED 24 YEARS, RESIDING AT Los Angeles, CALIFORNIA.

THE DULY VERIFIED WRITTEN CONSENT TO THE ISSUANCE OF THIS LICENSE OF THE OF THE ABOVE NAMED HAS BEEN PRESENTED TO AND FILED BY ME,
IN WITNESS WHEREOF, I HAVE HEREUNTO SET MY HAND AND AFFIXED THE SEAL OF THE SUPERIOR COURT OF THE STATE OF CALIFORNIA, IN AND FOR THE COUNTY OF LOS ANGELES,
ON THIS Dec. 15, 1925.

L. E. LAMPTON, COUNTY CLERK AND EX-OFFICIO CLERK OF THE SUPERIOR COURT.
BY E. Higgins DEPUTY.

C. L. LOGAN, RECORDER, BY ... DEPUTY
DEC 17 1925
ORIGINAL, FILED FOR RECORD

CERTIFICATE OF MARRIAGE
(ORIGINAL)

STATE OF CALIFORNIA — COUNTY OF LOS ANGELES

I HEREBY CERTIFY THAT ON THE 15 DAY OF December, 1925,
AT Hollywood IN THE COUNTY OF LOS ANGELES, STATE OF CALIFORNIA,
UNDER AUTHORITY OF A LICENSE ISSUED BY L. E. LAMPTON, COUNTY CLERK OF SAID COUNTY, I, THE UNDERSIGNED, AS A
Minister of the Gospel
STATE OFFICIAL POSITION, IF PRIEST OR MINISTER STATE DENOMINATION
JOINED IN MARRIAGE
William Cady Hyer AND Marina Yurloff
IN THE PRESENCE OF Theodore Rogers RESIDING AT Hollywood,
CALIFORNIA, AND Marie Adele Rogers RESIDING AT Hollywood,
CALIFORNIA, WHO WITNESSED THE CEREMONY.

W. H. Rogers D.D.
SIGNATURE OF PERSON SOLEMNIZING MARRIAGE.

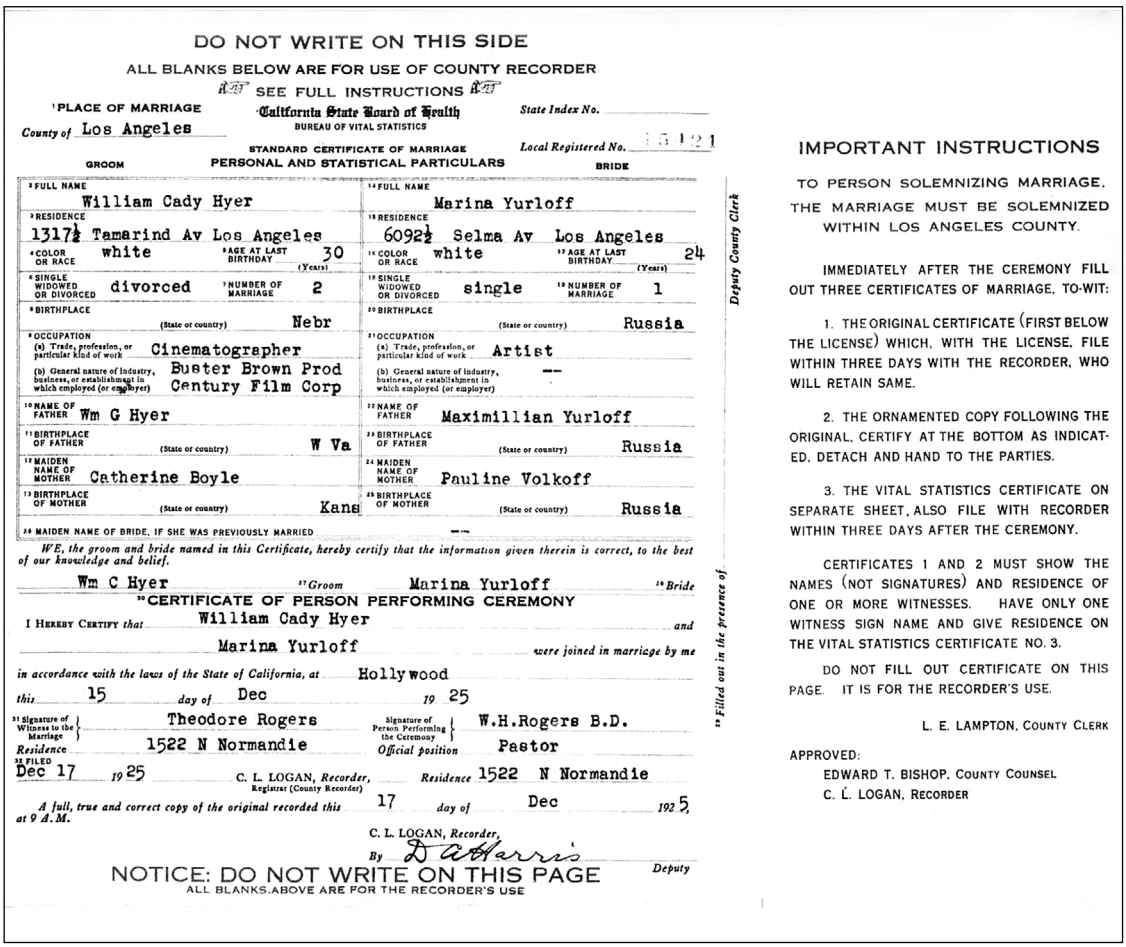
TO PERSON SOLEMNIZING MARRIAGE – IMPORTANT LEGAL REQUIREMENTS.

COMPLETE ABOVE CERTIFICATE AND THE CERTIFICATE ON SEPARATE VITAL STATISTICS FORM AND WITHIN THREE DAYS AFTER THE CEREMONY FILE BOTH, WITH LICENSE, WITH THE RECORDER. ALSO FILL OUT AND CERTIFY THE ORNAMENTED CERTIFICATE BELOW AND IMMEDIATELY AFTER THE CEREMONY DETACH AND HAND TO THE PARTIES. NAMES IN CERTIFICATES MUST BE IDENTICAL WITH NAMES IN LICENSE. PRIEST OR MINISTER MUST STATE DENOMINATION. WRITE NOTHING ON REVERSE SIDE, BUT CAREFULLY READ THE ADDITIONAL INSTRUCTIONS THERE GIVEN.

Свидетельство о браке Уильяма Кэйди Хайера и Марины Юрловой,
15 декабря 1925 года

Итак, 1920-е годы, Голливуд, бурно развивающийся центр кинематографии с массой возможностей для молодой танцовщицы и её мужа. Материалы переписи населения США, проходившей в 1930 году, вызывают в воображении картину счастливой супружеской жизни. Согласно переписному листу от 7 апреля 1930 года, семья арендует дом в городе Лос-Анджелесе по адресу: 8150 Kirkwood Drive. Стоимость аренды — 40 долларов в месяц. Муж — Уильям К. Хайер, 34 года, кинооператор (cameraman). Жена — Марина Хайер, 29 лет, прибыла в США в 1922 году, танцовщица (dancer)[393].

[393] Очередной пример неточности в официальных документах. Уильям Хайер родился в декабре 1894 года, то есть на момент переписи ему 35 лет — но в переписном листе указано 34.

DO NOT WRITE ON THIS SIDE

ALL BLANKS BELOW ARE FOR USE OF COUNTY RECORDER

SEE FULL INSTRUCTIONS

California State Board of Health
BUREAU OF VITAL STATISTICS

STANDARD CERTIFICATE OF MARRIAGE
PERSONAL AND STATISTICAL PARTICULARS

State Index No. _____

Local Registered No. 15121

County of Los Angeles

GROOM	BRIDE
1 FULL NAME: William Cady Hyer	14 FULL NAME: Marina Yurloff
3 RESIDENCE: 1317½ Tamarind Av Los Angeles	15 RESIDENCE: 6092½ Selma Av Los Angeles
4 COLOR OR RACE: white	16 COLOR OR RACE: white
5 AGE AT LAST BIRTHDAY (Years): 30	17 AGE AT LAST BIRTHDAY (Years): 24
6 SINGLE WIDOWED OR DIVORCED: divorced	18 SINGLE WIDOWED OR DIVORCED: single
7 NUMBER OF MARRIAGE: 2	19 NUMBER OF MARRIAGE: 1
8 BIRTHPLACE (State or country): Nebr	20 BIRTHPLACE (State or country): Russia
9 OCCUPATION (a) Trade, profession, or particular kind of work: Cinematographer	21 OCCUPATION (a) Trade, profession, or particular kind of work: Artist
(b) General nature of industry, business, or establishment in which employed (or employer): Buster Brown Prod Century Film Corp	(b) General nature of industry, business, or establishment in which employed (or employer): —
10 NAME OF FATHER: Wm G Hyer	22 NAME OF FATHER: Maximillian Yurloff
11 BIRTHPLACE OF FATHER (State or country): W Va	23 BIRTHPLACE OF FATHER (State or country): Russia
12 MAIDEN NAME OF MOTHER: Catherine Boyle	24 MAIDEN NAME OF MOTHER: Pauline Volkoff
13 BIRTHPLACE OF MOTHER (State or country): Kans	25 BIRTHPLACE OF MOTHER (State or country): Russia
26 MAIDEN NAME OF BRIDE, IF SHE WAS PREVIOUSLY MARRIED: —	

WE, the groom and bride named in this Certificate, hereby certify that the information given therein is correct, to the best of our knowledge and belief.

Wm C Hyer *27 Groom* Marina Yurloff *28 Bride*

CERTIFICATE OF PERSON PERFORMING CEREMONY

I HEREBY CERTIFY *that* William Cady Hyer *and* Marina Yurloff *were joined in marriage by me in accordance with the laws of the State of California, at* Hollywood *this* 15 *day of* Dec *19* 25

31 Signature of Witness to the Marriage: Theodore Rogers
Residence: 1522 N Normandie

Signature of Person Performing the Ceremony: W.H.Rogers B.D.
Official position: Pastor

32 FILED Dec 17 19 25 C. L. LOGAN, *Recorder*, Registrar (County Recorder) *Residence* 1522 N Normandie

A full, true and correct copy of the original recorded this 17 *day of* Dec 192 5 *at 9 A.M.*

C. L. LOGAN, *Recorder*,
By D. A. Harris *Deputy*

NOTICE: DO NOT WRITE ON THIS PAGE
ALL BLANKS ABOVE ARE FOR THE RECORDER'S USE

Deputy County Clerk

33 Filled out in the presence of

IMPORTANT INSTRUCTIONS

TO PERSON SOLEMNIZING MARRIAGE. THE MARRIAGE MUST BE SOLEMNIZED WITHIN LOS ANGELES COUNTY.

IMMEDIATELY AFTER THE CEREMONY FILL OUT THREE CERTIFICATES OF MARRIAGE, TO-WIT:

1. THE ORIGINAL CERTIFICATE (FIRST BELOW THE LICENSE) WHICH, WITH THE LICENSE, FILE WITHIN THREE DAYS WITH THE RECORDER, WHO WILL RETAIN SAME.

2. THE ORNAMENTED COPY FOLLOWING THE ORIGINAL, CERTIFY AT THE BOTTOM AS INDICATED, DETACH AND HAND TO THE PARTIES.

3. THE VITAL STATISTICS CERTIFICATE ON SEPARATE SHEET, ALSO FILE WITH RECORDER WITHIN THREE DAYS AFTER THE CEREMONY.

CERTIFICATES 1 AND 2 MUST SHOW THE NAMES (NOT SIGNATURES) AND RESIDENCE OF ONE OR MORE WITNESSES. HAVE ONLY ONE WITNESS SIGN NAME AND GIVE RESIDENCE ON THE VITAL STATISTICS CERTIFICATE NO. 3.

DO NOT FILL OUT CERTIFICATE ON THIS PAGE. IT IS FOR THE RECORDER'S USE.

L. E. LAMPTON, COUNTY CLERK

APPROVED:
EDWARD T. BISHOP, COUNTY COUNSEL
C. L. LOGAN, RECORDER

Свидетельство о браке Уильяма Кэйди Хайера и Марины Юрловой,
15 декабря 1925 года (оборот)

В 1929 году в США начался крупнейший экономический кризис, затронувший в том числе и Голливуд. Мы не знаем, что стало причиной развода — может быть, денежные затруднения, а может быть, отсутствие детей… Как бы то ни было, в какой-то момент брак распался.

Уильям Хайер умер 7 февраля 1947 года. В свидетельстве о смерти указано: семейное положение — разведён; профессия — фотограф; причина смерти — артериально-склеротическая болезнь сердца.

Следующая группа материалов, относящихся к Марине Юрловой, датируется 1934–1938 годами. Это статьи в газете «The New York Times» и других изданиях, свидетельствующие, что в начале 1930-х годов наша героиня переехала из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк.

Из заметки в газете «Ludington Daily News» мы узнаём, что первоначально она зарабатывала на жизнь на новом месте, будучи машинисткой[394]. А затем заявила о себе в новом качестве — как писательница. Первая книга Марины Юрловой, «Казачка» («Cossack Girl»), вышла в 1934 году[395].

Мечту о танцах на какое-то время пришлось отложить. Продолжить танцевальную карьеру удалось в 1935 году. Читаем анонсы в «The New York Times»[396]: нью-йоркский дебют Марины Юрловой (творческая программа испанских танцев) состоится 28 апреля в концертном зале «Таун Холл». Музыкальное сопровождение — пианист Джеймс Квиллиан (James Quillian).

Из новостей культурной жизни, вышедших в газетах на следующий день, мы узнаём, что Марина Юрлова представила творческую программу испанских танцев в нью-йоркском концертном зале «Таун Холл» в пользу «Ассоциации благотворительной помощи детям русских беженцев»[397]. Журналист пишет: «Программу спонсировал целый ряд благотворителей, многие из которых были знатными представителями старого режима в России»[398].

---

[394] «Ludington Daily News», 3 апреля 1934 года: «Марина Юрлова, танцовщица и писательница, живёт сейчас в Нью-Йорке. Книга «Казачка» написана, когда она только переехала в Нью-Йорк и работала машинисткой».

[395] «The New York Times» от 21 января 1934 года, заметка «Книги и авторы» («Books and Authors»): сообщается, что 25 января выйдет книга «Cossack Girl» Марины Юрловой, балетной танцовщицы (concert dancer).

Также в «The New York Times» 4 марта 1934 года опубликована рецензия на «Cossack Girl» (заметка «Кратко о книгах» — «Books in Brief Review»).

[396] «The New York Times» от 14 апреля 1935 года, заметка «Танцы: о помощи» («The Dance: on Relief»).

«The New York Times» от 28 апреля 1935 года, заметка «Танцы: налоговая угроза» («The Dance: a Tax Threat»).

[397] «Russian Refugees Children's Welfare Association, Inc». Вероятно, речь идёт о «Russian Children's Welfare Society» («Общество помощи русским детям»), которое было основано в Нью-Йорке в 1926 году. Продолжает деятельность в настоящее время.

[398] «The New York Times» от 29 апреля 1935 года, заметка «Юрлова дебютирует» («Yurlova Makes Debut»).

Также новость в газете «The Brooklyn Daily Eagle» от 29 апреля 1935 года.

Концерт Марины Юрловой упоминается в числе прочих 339 концертов, перечисленных в заметке «Танцы: конец сезона» («The Dance: Season's End») в газете «The New York Times» от 26 мая 1935 года.

12 X THE NEW YORK TIMES, SUNDAY, DEC

THE DANCE: LITTLEFIELD BALLET

By JOHN MARTIN.

WITH no fanfare whatever, but considerable promise of success, a new ballet organization has slipped into the American field with Philadelphia as its centre and Catherine Littlefield as its director. Though it came into official existence no longer ago than Oct. 25 with a modest suburban performance, it is already worthy of attention for several reasons. In the first place, it is a healthy step in the direction of breaking down the centralization of all dance activity in New York, and of patterning the excellent continental plan of having a ballet or two in every city. In the second place, Miss Littlefield's procedure is eminently practical, devoid of all pretentiousness and Barnumism, and based on the good old-fashioned principle of making haste slowly.

The company consists of sixteen dancers and a large apprentice group from which it is possible to bring the number up to forty when necessary. The major rôles are in

Marina Yurlova, Dancing at Town Hall Thursday.

Фото «Марина Юрлова, которая будет танцевать в «Таун Холле» в четверг».
Газета «The New York Time» от 1 декабря 1935 года,
заметка «Танцы: балет Литтлфилд» («The Dance: Littlefield Ballet»)

Судя по всему, в этот период Юрлова продолжает работать над следующей книгой. Известно её лондонское издание; возможно, с этим связана поездка в Европу — Марина Юрлова упоминается в списке пассажиров, прибывших в Нью-Йорк на корабле «Вашингтон» 17 октября 1935 года[399]. Тот факт, что она могла себе позволить такое путешествие, указывает на достаточно высокий уровень её благосостояния на тот момент.

Следующая концертная программа состоялась 5 декабря в том же концертном зале «Таун Холл»[400]. Если предыдущее выступление было

[399] «The New York Times» от 17 октября 1935 года, заметка «Океанские путешественники» («Ocean Travelers»).

[400] См. анонсы в «The New York Times» от 6 октября 1935 года, заметка «Танцы: возвращение изгнанника» («The Dance: an Exile Returns»), и в «The New York Times» от 1 декабря 1935 года, заметка «Танцы: балет Литтлфилд» («The Dance: Littlefield Ballet»).

отмечено лишь упоминаниями в новостях, то в этот раз «The New York Times» публикует небольшую заметку, посвящённую персонально Юрловой[401]. Критик пишет в снисходительном тоне:

«Танец мадам Юрловой соответствует классическим канонам испанского танца, однако их стиль и темперамент в целом ей совершенно чужды — как это всегда бывает, когда иностранец осмеливается вторгнуться в святая святых испанского искусства. Впрочем, она продемонстрировала несколько симпатичных нарядов и получила сердечный приём от большой аудитории».

В 1936 году в Лондоне выходит вторая книга Марины Юрловой, «Россия, прощай» («Russia, Farewell»).

Вероятно, писательская стезя привела Юрлову к каким-то конфликтам с издателями. 30 марта 1937 года газета «The New York Times» публикует судебное решение, согласно которому Марина Юрлова должна выплатить $145,25 в пользу «Liberty Publishing Corp»[402]. Аналогичная публикация будет в 1938 году: с Юрловой в пользу той же фирмы взыщут ещё $148,10[403].

Тем не менее в 1937 году выходит третья книга Юрловой — «Единственная женщина» («The Only Woman»)[404]. Как уже говорилось, за исключением заголовка и предисловия — её содержание идентично книге «Россия, прощай».

Публикации о новых выступлениях Марины Юрловой обнаруживаются в 1938 году. Её концерты состоялись весной и осенью того года; как минимум часть из них носила благотворительный характер[405].

---

[401] «The New York Times» от 6 декабря 1935 года, заметка «Юрлова как исполнительница испанских танцев» («Yurlova Is Seen in Spanish Dances»).

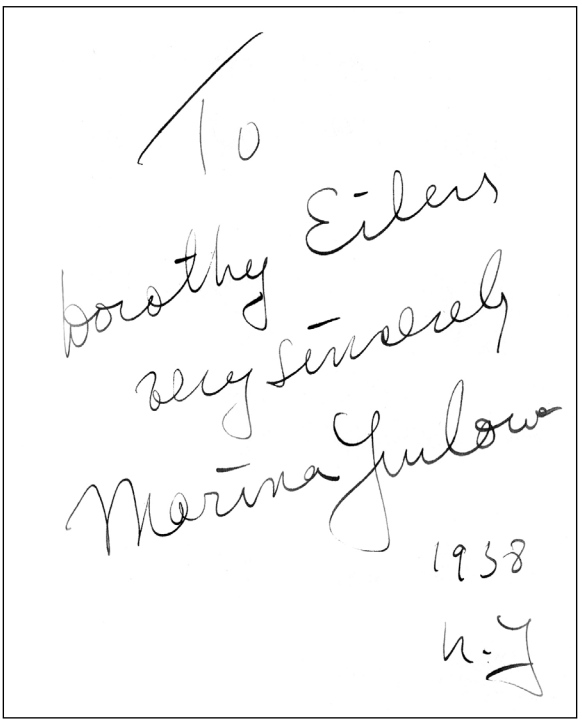
[402] «The New York Times» от 30 марта 1937 года, рубрика «Business Records», раздел «Судебные решения» («Judgements»).

[403] «The New York Times» от 18 октября 1938 года, рубрика «Business Records», раздел «Судебные решения» («Judgements»).

[404] «The New York Times» от 19 сентября 1937 года, статья «Книги, которые выйдут в осенние месяцы» («Books to Be Published During the Autumn Months»): в разделе «Биографии» упоминается книга Марины Юрловой «The Only Woman».

«The New York Times» от 22 октября 1937 года, заметка «Книги, вышедшие сегодня» («Books Published Today»): «The Only Woman», автор Марина Юрлова, цена $2.

[405] «The New York Times» от 6 марта 1938 года, статья «Танцы: разное» («The Dance: Miscellany»): «Марина Юрлова, которая должна представить программу испанских танцев в концертном зале «Таун Холл» в апреле, выступит в программе, подготовленной на средства «Клуба Верди», в гостинице «Plaza» вечером в четверг».

Автограф Марины Юрловой на первом издании книги «The Only Woman» (Нью-Йорк, 1937): «Дороти Эйлерс — очень искренне. Марина Юрлова. 1938. Нью-Йорк». *Доротея Салли Эйлерс (Dorothea Sally Eilers) — американская киноактриса, 1908–1978*

Создаётся впечатление, что в этот период танцы точно не были для Юрловой способом заработать на пропитание. Другие подробности её жизни нам неизвестны.

Равно как и неизвестны детали её последующей её биографии. Удалось выявить всего три источника, относящихся к периоду после 1938 года.

«The New York Times» от 27 марта 1938 года, заметка «Календарь танцев» («Dance Calendar»). Анонс: 25 апреля — Марина Юрлова, концертный зал «Таун Холл».

«The New York Times» от 10 апреля 1938 года, заметка «Танцы: артисты Шона» («The Dance: Shawn's Men»). Анонс: 25 апреля — Марина Юрлова, исполнительница испанских танцев, концертный зал «Таун Холл».

«The New York Times», 3 сентября 1938 года, статья «Музыкальные заметки» («Music Notes»): сегодня в гостинице «Totem Lodge» (район Averill Park, штат Нью-Йорк) состоятся концерт и благотворительная ярмарка в пользу беженцев из Германии и Австрии. Среди артистов — Марина Юрлова.

11 июня 1962 года Марина Хайер, проживающая в Нью-Йорке по адресу 509 E., 73rd St., подаёт заявку для получения патента на медицинское устройство для прогрева шеи и лица («Neck and face dry heat applicator») — нечто вроде специального капюшона, надеваемого на голову. Соответствующий патент был ей выдан 26 мая 1964 года. Как описано в тексте патента, такой прогрев усиливает циркуляцию крови, что в свою очередь, помогает снять воспаление, которое бывает при хронических мускульных спазмах. Повышение притока кислорода оказывает благотворное действие на ткани, способствует выводу токсинов и шлаков из организма, снимает болевые ощущения и так далее…

Можно только гадать, какое отношение наша героиня имела на тот момент к медицинской физиотерапии. Ясно только то, что в свои шестьдесят или около того лет она продолжает трудиться.

Ещё одно упоминание Марины Юрловой в прессе обнаруживается в газете «The New York Times» от 24 февраля 1976 года[406]. Депутат местной ассамблеи Эндрю Дж. Стейн (Andrew J. Stein) инспектирует дом престарелых «Riverview Willard». В числе прочих обитателей на вопрос о качестве жизни в этом заведении ответила Марина Юрлова, 78 лет, представившаяся как бывшая балерина: «Всё отлично на 100 процентов».

И последнее. Информация из базы данных о захоронениях «Find a Grave» (www.findagrave.com): Марина Максимилиановна Юрлова

Запись о смерти Марины Юрловой в базе данных «Find a Grave» (www.findagrave.com)

[406] «The New York Times» от 24 февраля 1976 года, заметка «Стейн заявляет о «сверхприбылях» домов престарелых» («Stein Lays “Windfalls” to Adult Homes»).

умерла 1 апреля 1984 года в возрасте 84 лет в Нью-Йорке, район Бронкс. Тело кремировано. Место захоронения праха неизвестно.

Смерть позволяет дать итоговую оценку жизни человека — тому, что он совершил или не совершил. Ценность жизни, прожитой только для себя, с точки зрения потомков равняется нулю. Имеет значение лишь то, что было сделано для людей; то, что осталось людям. И сами потомки, конечно.

Что осталось после Юрловой? Две книги, которые она написала — как умела. Повод для того, чтобы вспомнить о героических и трагических страницах нашей истории. Образ чистой и наивной девочки-подростка, пережившей невероятные приключения и не терявшей надежды даже в самых неожиданных обстоятельствах. Настоящее издание — дань её памяти.

Выбрав свой путь, Марина Юрлова заплатила за него высокую цену. Разлука с семьёй и потеря Родины. Неудавшаяся личная жизнь и одинокая старость. И нерождённые дети.

Может быть, всё-таки зря она убежала тогда из дома?..

Юрлова Марина Максимилиановна

КАЗАЧКА

РОССИЯ, ПРОЩАЙ

Редактор
Владимир Владимирович Аристархов

Перевод с английского языка
Ольга Юрьевна Фадина

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*
Корректура: *И. А. Птицын*
Компьютерная вёрстка: *О. В. Клюшенкова*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru

Подписано в печать 24.11.2023.
Тираж 150 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Галлея-Принт».